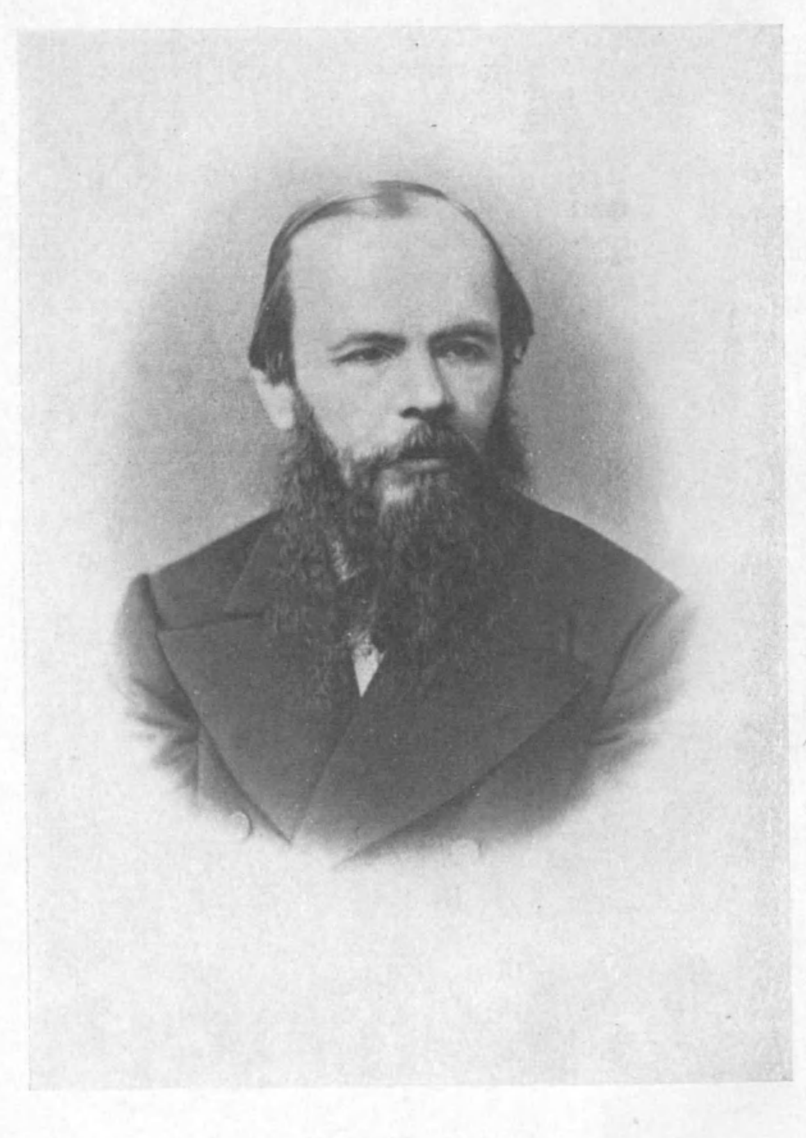
Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

21

Ф. М. Достоевский.
Фотография Н. Досса. 1876 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

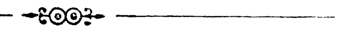
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА, ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1980

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
1873

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ
1873—1878

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1980

Д $\frac{70301-584}{042(02)-80}$ Подписное. 4702010100.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
1873

I

ВСТУПЛЕНИЕ

Двадцатого декабря я узнал, что уже всё решено и что я редактор «Гражданина». Это чрезвычайное событие, то есть чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), произошло, однако, довольно просто. Двадцатого декабря я как раз читал статью «Московских ведомостей» о бракосочетании китайского императора; она оставила во мне сильное впечатление. Это великолепное и, по-видимому, весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: всё оно было предусмотрено и определено еще за тысячу лет, до последней подробности, почти в двухстах томах церемоний. Сравнив громадность китайского события с моим назначением в редакторы, я вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, то есть мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать «Гражданина». Там всё так ясно... Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные персты перед собою, почтительно склонив головы. Главноуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление. Оно было бы так ясно и так понятно, что обоим нам было бы неимоверно приятно слушать. На случай, если б я в Китае был так глуп и чист сердцем, что, приступая к редакторству и сознавая слабость моих способностей, ощутил бы в себе страх и

угрызение совести, — мне бы тотчас же было доказано, что я вдвое глуп, питая такие чувства. Что именно с этого момента мне вовсе не надо ума, если б даже и был; напротив того, несравненно благонадежнее, если его нет вовсе. И уж, без сомнения, это было бы весьма приятно выслушать. Заключив прекрасными словами: «Иди, редактор, отныне ты можешь есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести», третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мещерский дал бы полновесную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № «Гражданина», такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично.

Подозреваю, однако, что в Китае князь Мещерский непременно бы со мною схитрил, пригласив меня в редакторы наиболее с тою целью, чтоб я заменял его лицо в главном управлении по делам печати каждый раз, когда бы его приглашали туда получать удары по пятам бамбуковыми дощечками. Но я перехитрил бы его: я бы тотчас перестал печатать «Бисмарка», сам же, напротив, стал отлично писать статьи, — так что к бамбуку призывали бы меня всего лишь через номер. Зато я бы выучился писать.

В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там всё предусмотрено и всё рассчитано на тысячу лет; здесь же всё вверх дном на тысячу лет. Там я даже поневоле писал бы понятно; так что не знаю, кто бы меня стал и читать. Здесь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднее писать непонятно. Только в «Московских ведомостях» передовые статьи пишутся в полтора столбца и — к удивлению — понятно; да и то если принадлежат известному перу. В «Голосе» они пишутся в восемь, в десять, в двенадцать и даже тринадцать столбцов. Итак, вот сколько надо здесь истратить столбцов, чтобы заставить уважать себя.

У нас говорить с другими — наука, то есть с первого взгляда, пожалуй, так же, как и в Китае; как и там, есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: «Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве» — и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете.

Но этот упрощенный прием ничего не доказывает. В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «Да уж не я ли это глуп в самом деле?» Положение вседовольное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда,

покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. В результате никакой выгоды и по-прежнему беспорядок.

Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придем к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, — нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же — никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться.

Правда и то: если никто не хочет задумываться, то, казалось бы, тем легче русскому литератору. Да, легче действительно; и горе тому литератору и издателю, который в наше время задумывается. Еще горше тому, кто сам захотел бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявит об этом искренно; а если заявит, что уже капельку понял и желает высказать свою мысль, то немедленно всеми оставляется. Ему остается лишь подыскать какого-нибудь одного подходящего человечка, или даже нанять его, и только с ним одним и разговаривать; может быть, для него одного и журнал издавать. Положение омерзительное, ибо это всё равно, что говорить самому с собой и издавать журнал для собственного удовольствия. Я сильно подозреваю, что «Гражданину» еще долго придется говорить самому с собой для собственного удовольствия. Взять уж то, что по медицине разговор с собой обозначает предрасположение к помешательству. «Гражданин» должен непременно говорить с гражданами, и вот в том вся беда его!

Итак, вот к какому изданию я приобщил себя. Положение мое в высшей степени неопределенное. Но буду и я говорить сам с собой и для собственного удовольствия, в форме этого дневника, а там что бы ни вышло. Об чем говорить? Обо всем, что поразит меня или заставит задуматься. Если же я найду читателя и, боже сохрани, оппонента, то понимаю, что надо уметь разговаривать и знать с кем и как говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у нас это всего труднее, то есть в литературе. К тому же и оппоненты бывают различные: не со всяким можно начать разговор. Расскажу одну басню, которую слышал на днях. Говорят, что басня древняя, чуть не индийского происхождения, что весьма утешительно.

Однажды свинья поспорила со львом и вызвала его на дуэль. Воротясь домой, одумалась и струсила. Собралось всё стадо, подумали и решили так:

— Видишь, свинья, тут у нас поблизости есть одна яма; поди вываляйся в ней хорошенько и явись так на место. Увидишь.

Свинья так и сделала. Лев пришел, понюхал, поморщился и пошел прочь. Долго еще потом свинья хвалилась, что лев струсил и убежал с поля битвы.

Вот басня. Конечно, львов у нас нет, — не по климату, да и слишком величественно. Но поставьте вместо льва порядочного человека, каким каждый обязан быть, и нравоучение выйдет то же самое.

Кстати, расскажу еще присказку.

Однажды, разговаривая с покойным Герценом, я очень хвалил ему одно его сочинение — «С того берега». Об этой книге, к величайшему моему удовольствию, с похвалой отнесся и Михаил Петрович Погодин в своей превосходной и любопытнейшей статье о свидании его за границей с Герценом. Эта книга написана в форме разговора двух лиц, Герцена и его оппонента.

— И мне особенно нравится, — заметил я между прочим, — что ваш оппонент тоже очень умен. Согласитесь, что он вас во многих случаях ставит к стене.

— Да ведь в том-то и вся штука, — засмеялся Герцен. — Я вам расскажу анекдот. Раз, когда я был в Петербурге, затащил меня к себе Белинский и усадил слушать свою статью, которую горячо писал: «Разговор между господином А. и господином Б.». (Вошла в собрание его сочинений.) В этой статье господин А., то есть, разумеется, сам Белинский, выставлен очень умным, а господин Б., его оппонент, поплоше. Когда он кончил, то с лихорадочным ожиданием спросил меня:

— Ну что, как ты думаешь?

— Да хорошо-то, хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе была с таким дураком свое время терять.

Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи:

— Зарезал! Зарезал!

II

СТАРЫЕ ЛЮДИ

Этот анекдот о Белинском напомнил мне теперь мое первое вступление на литературное поприще, бог знает сколько лет тому назад; грустное, роковое для меня время. Мне именно припомнился сам Белинский, каким я его тогда встретил и как он меня тогда встретил. Мне часто припоминаются теперь старые люди, конечно потому, что встречаюсь с новыми. Это была самая восторженная личность из всех мне встречавшихся в жизни. Герцен был совсем другое: то был продукт нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde [1] прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он

---

[1] русский дворянин и гражданин мира (*франц.*).

так уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России. В полтораста лет предыдущей жизни русского барства за весьма малыми исключениями истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой. Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделясь от народа, они естественно потеряли и бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года. Тогда это был самый пленительный идеал народа. Разумеется, Герцен должен был стать социалистом, и именно как русский барич, то есть безо всякой нужды и цели, а из одного только «логического течения идей» и от сердечной пустоты на родине. Он отрекся от основ прежнего общества, отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции и подстрекал к ним других и в то же время любил комфорт и семейный покой. Это был художник, мыслитель, блестящий писатель, чрезвычайно начитанный человек, остроумец, удивительный собеседник (говорил он даже лучше, чем писал) и великолепный рефлектёр. Рефлексия, способность сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним, была в нем развита в высшей степени. Без сомнения, это был человек необыкновенный; но чем бы он ни был — писал ли свои записки, издавал ли журнал с Прудоном, выходил ли в Париже на баррикады (что так комически описал в своих записках); страдал ли, радовался ли, сомневался ли; посылал ли в Россию в шестьдесят третьем году, в угоду полякам, свое воззвание к русским революционерам, в то же время не веря полякам и зная, что они его обманули, зная, что своим воззванием он губит сотни этих несчастных молодых людей; с наивностью ли неслыханною признавался в этом сам в одной из позднейших статей своих, даже и не подозревая, в каком свете сам себя выставляет таким признанием, — всегда, везде и во всю свою жизнь он прежде всего был gentilhomme russe et citoyen du monde, попросту продукт прежнего крепостничества, которое он ненавидел и из которого произошел, не по отцу только, а именно чрез разрыв с родной землей и с ее идеалами. Белинский, напротив, — Белин-

ский был вовсе не gentilhomme, — о нет. (Он бог знает от кого происходил. Отец его был, кажется, военным лекарем.)

Белинский был по преимуществу не рефлективная личность, а именно беззаветно восторженная, всегда, во всю его жизнь. Первая повесть моя «Бедные люди» восхитила его (потом, почти год спустя, мы разошлись — от разнообразных причин, весьма, впрочем, неважных во всех отношениях); но тогда, в первые дни знакомства, привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился с самою простодушною торопливостью обращать меня в свою веру. Я нисколько не преувеличиваю его горячего влечения ко мне, по крайней мере в первые месяцы знакомства. Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. В этом много для меня знаменательного, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшим образом проникаться идеей. Интернационалка в одном из своих воззваний, года два тому назад, начала прямо с знаменательного заявления: «Мы прежде всего общество атеистическое», то есть начала с самой сути дела; тем же начал и Белинский. Выше всего ценя разум, науку и реализм, он в то же время понимал глубже всех, что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную «гармонию», в которой бы можно было ужиться человеку. Он знал, что основа всему — начала нравственные. В новые нравственные основы социализма (который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла) он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально. (Замечу, что он был тоже хорошим мужем и отцом, как и Герцен.) Без сомнения, он понимал, что, отрицая нравственную ответственность личности, он тем самым отрицает и свободу ее; но он верил всем существом своим (гораздо слепее Герцена, который, кажется, под конец усумнился), что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстановляет ее в неслыханном величии, но на новых и уже адамантовых основаниях.

Тут оставалась, однако, сияющая личность самого Христа, с которою всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но в беспрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием, как остановился Ренан, провоз-

гласивший в своей полной безверия книге «Vie de Jésus»,[1] что Христос все-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем.

— Да знаете ли вы, — взвизгивал он раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, — знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел...

В этот вечер мы были не одни, присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе.

— Мне даже умилительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него всё лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества.

— Ну не-е-т! — подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он расхаживал взад и вперед по комнате.) — Ну нет; если бы теперь появился Христос, он бы примкнул к движению и стал во главе его...

— Ну да, ну да, — вдруг и с удивительною поспешностью согласился Белинский. — Он бы именно примкнул к социалистам и пошел за ними.

Эти двигатели человечества, к которым предназначалось примкнуть Христу, были тогда всё французы: прежде всех Жорж Занд, теперь совершенно забытый Кабет, Пьер Леру и Прудон, тогда еще только начинавший свою деятельность. Этих четырех, сколько припомню, всего более уважал тогда Белинский. Фурье уже далеко не так уважался. Об них толковалось у него по целым вечерам. Был тоже один немец, перед которым тогда он очень склонялся, — Фейербах. (Белинский, не могший всю жизнь научиться ни одному иностранному языку, произносил: Фиербах.) О Штраусе говорилось с благоговением.

При такой теплой вере в свою идею это был, разумеется, самый счастливейший из людей. О, напрасно писали потом, что Белинский, если бы прожил дольше, примкнул бы к славянофильству. Никогда бы не кончил он славянофильством. Белинский, может быть, кончил бы эмиграцией, если бы прожил

[1] «Жизнь Иисуса» (*франц.*).

дольше и если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком с прежнею теплою верой, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии или примкнул бы адъютантом к какой-нибудь немецкой m-me Гёгг, на побегушках по какому-нибудь женскому вопросу.

Этот всеблаженный человек, обладавший таким удивительным спокойствием совести, иногда, впрочем, очень грустил; но грусть эта была особого рода, — не от сомнений, не от разочарований, о нет, — а вот почему не сегодня, почему не завтра? Это был самый торопившийся человек в целой России. Раз я встретил его часа в три пополудни у Знаменской церкви. Он сказал мне, что выходил гулять и идет домой.

— Я сюда часто захожу взглянуть, как идет постройка (вокзала Николаевской железной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тем сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце.

Это было горячо и хорошо сказано; Белинский никогда не рисовался. Мы пошли вместе. Он, помню, сказал мне дорогою:

— А вот как зароют в могилу (он знал, что у него чахотка), тогда только спохватятся и узнают, кого потеряли.

В последний год его жизни я уже не ходил к нему. Он меня невзлюбил; но я страстно принял всё учение его. Еще год спустя, в Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим. По ней выучил читать одного каторжного. Кругом меня были именно те люди, которые, по вере Белинского, *не могли* не сделать своих преступлений, а стало быть, были правы и только несчастнее, чем другие. Я знал, что весь русский народ называет нас тоже «несчастными» и слышал это название множество раз и из множества уст. Но тут было что-то другое, совсем не то, о чем говорил Белинский, и что слышится, например, теперь в иных приговорах наших присяжных. В этом слове «несчастные», в этом приговоре народа звучала другая мысль. Четыре года каторги была длинная школа; я имел время убедиться... Теперь именно об этом хотелось бы поговорить.

III

СРЕДА

Кажется, одно общее ощущение всех присяжных заседателей в целом мире, а наших в особенности (кроме прочих, разумеется, ощущений), должно быть ощущение власти, или, лучше сказать, самовластия. Ощущение иногда пакостное, то есть в случае, если преобладает над прочими. Но хоть и в незаметном виде, хоть и подавленное целою массою иных благороднейших ощущений, — все-таки оно должно крепиться в каждой заседательской душе, даже при самом высоком сознании своего гражданского долга. Мне думается, что это как-нибудь выходит из самых законов природы, и потому, я помню, ужасно мне было любопытно в одном смысле, когда только что установился у нас новый (правый) суд. Мне в мечтаниях мерещились заседания, где почти сплошь будут заседать, например, крестьяне, вчерашние крепостные. Прокурор, адвокаты будут к ним обращаться, заискивая и заглядывая, а наши мужички будут сидеть и про себя помалчивать: «Вон оно как теперь, захочу, значит, оправдаю, не захочу — в самое Сибирь».

И вот, однако же, замечательно теперь, что они не карают, а сплошь оправдывают. Конечно, это тоже пользование властью, даже почти через край, но в какую-то одну сторону, сантиментальную, что ли, не разберешь, — но общую, чуть не предвзятую у нас повсеместно, точно все сговорились. Общность «направления» не подвержена сомнению. В том и задача, что мания оправдания во что бы ни стало не у одних только крестьян, вчерашних униженных и оскорбленных, а захватила сплошь всех русских присяжных, даже самого высокого подбора, нобльменов и профессоров университета. Уже одна эта общность представляет прелюбопытную тему для размышлений и наводит на многообразные и, пожалуй, странные иногда догадки.

Недавно в одной из наших влиятельнейших газет, в очень скромной и очень благонамеренной статейке, была мельком проведена догадка: уж не наклонны ли наши присяжные, как люди, вдруг и ни с того ни с сего ощутившие в себе столько могущества (точно с неба упало), да еще после такой вековой приниженности и забитости, — не наклонны ли они подсолить вообще «властям», при всяком удобном случае, так, для игривости или, так сказать, для контраста с прошедшим, прокурору хоть например? Догадка недурная и тоже не лишенная некоторой игривости, но, разумеется, ею нельзя всего объяснить.

«Просто жаль губить чужую судьбу; человеки тоже. Русский народ жалостлив», — разрешают иные, как случалось иногда слышать.

Я, однако же, всегда думал, что в Англии, например, народ тоже жалостлив; и если и нет в нем, так сказать, слабосердости, как в нашем русском народе, то по крайней мере гуман-

ность есть; есть сознание и живо чувство христианского долга к ближнему, и, может быть, доведенные до высокой степени, до твердого и самостоятельного убеждения; даже, может быть, более твердого, чем у нас, взяв во внимание тамошнюю образованность и вековую самостоятельность. Там ведь не «вдруг с неба» им столько власти свалилось. Да и самый суд-то присяжных они сами себе выдумали, ни у кого не занимали, веками утвердили, из жизни вынесли, не в виде дара получили.

А между тем там присяжный заседатель понимает, чуть только займет свое место в зале суда, что он не только чувствительный человек с нежным сердцем, но прежде всего гражданин. Он думает даже (верно ли, нет ли), что исполнение долга гражданского даже, пожалуй, и выше частного сердечного подвига. Еще недавно общий гул пошел у них по всему королевству, когда присяжные оправдали одного явного вора. Общее движение страны доказало, что если и там возможны такие же приговоры, как и у нас, то появляются редко, как случаи исключительные и немедленно возмущающие общее мнение. Там присяжный понимает прежде всего, что в руках его знамя всей Англии, что он уже перестает быть частным лицом, а обязан изображать собою мнение страны. Способность быть гражданином — это и есть способность возносить себя до целого мнения страны. О, и там есть «жалостливость» приговора, и там принимается во внимание «заедающая среда» (кажется, любимое теперь учение наше) — но до известного предела, насколько допускает здоровое мнение страны и степень просвещения ее христианскою нравственностию (а степень-то, кажется, довольно высокая). Но зато, и весьма часто, тамошний присяжный, скрепя свое сердце, произносит приговор обвинительный, понимая прежде всего, что обязанность его состоит в том преимущественно, чтобы засвидетельствовать своим приговором перед всеми согражданами, что в старой Англии, за которую всякий из них отдаст свою кровь, порок по-прежнему называется пороком и злодейство — злодейством и что нравственные основы страны всё те же, крепки, не изменились, стоят, как и прежде стояли.

— Даже хоть и предположить, — слышится мне голос, — что крепкие-то ваши основы (то есть христианские) всё те же и что вправду надо быть прежде всего гражданином, ну и там держать знамя и проч., как вы наговорили, — хоть и предположить пока без спору, подумайте, откуда у нас взяться гражданам-то? Ведь сообразить только, что было вчера! Ведь гражданские-то права (да еще какие!) на него вдруг как с горы скатились. Ведь они придавили его, ведь они пока для него только бремя, бремя!

— Конечно, есть правда в вашем замечании, — отвечаю я голосу, несколько повеся нос, — но ведь опять-таки русский народ...

— Русский народ? Позвольте, — слышится мне другой голос, — вот, говорят, что дары-то с горы скатились и его придавили. Но

ведь он не только, может быть, ощущает, что столько власти он получил как дар, но и чувствует, сверх того, что и получил-то их даром, то есть что не стоит он этих даров пока. Заметьте, это вовсе не значит, что и в самом деле он не стоит этих даров и что *не надо* или *рано* было одарять его; совсем даже напротив: это сам народ в своей смиренной совести сознает, что он недостоин даров таких, — и это смиренное, но высокое сознание народное о своей недостойности есть именно залог того, что он-то их и достоин. А покамест, в смирении своем, народ смущен. Кто заглядывал в сокровенные тайники его сердца? Может ли у нас хоть кто-нибудь сказать, что вполне знаком с русским народом? Нет, тут не одна только жалостливость и слабосердость, как изволите вы насмехаться. Тут сама эта власть страшна! Испугала нас эта страшная власть над судьбой человеческою, над судьбой родных братьев, и, пока дорастем до вашего гражданства, мы милуем. Из страха милуем. Мы сидим присяжными и, может быть, думаем: «Сами-то мы лучше ли подсудимого? Мы вот богаты, обеспечены, а случись нам быть в таком же положении, как он, так, может, сделаем еще хуже, чем он, — мы и милуем». Так ведь это еще, может быть, хорошо-с, умиление-то это сердечное. Это, может быть, залог к чему-нибудь такому высшему христианскому в будущем, чего еще и не знает мир до сих пор!

«Это отчасти славянофильский голос», — рассуждаю я про себя. Мысль действительно утешительная, а догадка о смирении народном пред властью, полученною даром и дарованною пока «недостойному», уж конечно почище догадки о желании «поддразнить прокурора», хотя все-таки и эта догадка продолжает мне нравиться своим реализмом (конечно, принимая ее более в виде частного случая, как выставлял, впрочем, и сам автор ее), но... но вот что наиболее смущает меня, однако: что это наш народ вдруг стал бояться так своей жалости? «Больно, дескать, очень приговорить человека». Ну и что ж, и уйдите с болью. Правда выше вашей боли.

В самом деле, ведь если уж мы считаем, что сами иной раз еще хуже преступника, то тем самым признаемся и в том, что наполовину и виноваты в его преступлении. Если он преступил закон, который земля ему написала, то сами мы виноваты в том, что он стоит теперь перед нами. Ведь если бы мы все были лучше, то и он бы был лучше и не стоял бы теперь перед нами...

— Так вот тут-то и оправдать?

Нет, напротив: именно тут-то и надо сказать правду и зло назвать злом; но зато половину тяготы приговора взять на себя. Войдем в залу суда с мыслью, что и мы виноваты. Эта боль сердечная, которой все теперь так боятся и с которою мы выйдем из залы суда, и будет для нас наказанием. Если истинна и сильна эта боль, то она нас очистит и сделает лучшими. Ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять. А так-то бежать

от собственной жалости и, чтобы не страдать самому, сплошь оправдывать — ведь это легко. Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем «среда виновата». Дойдем до того, по клубку, что преступление сочтем даже долгом, благородным протестом против «среды». «Так как общество гадко устроено, то в таком обществе нельзя ужиться без протеста и без преступлений». «Так как общество гадко устроено, то нельзя из него выбиться без ножа в руках». Ведь вот что говорит учение о среде в противоположность христианству, которое, вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается.

Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить. Ведь этак табаку человеку захочется, а денег нет — так убить другого, чтобы достать табаку. Помилуйте: развитому человеку, ощущающему сильнее неразвитого страдания от неудовлетворения своих потребностей, надо денег для удовлетворения их — так почему ему не убить неразвитого, если нельзя иначе денег достать? Да неужели вы не прислушивались к голосам адвокатов: «Конечно, дескать, нарушен закон, конечно, это преступление, что он убил неразвитого, но, господа присяжные, возьмите во внимание и то...» и т. д. Ведь уже почти раздавались подобные голоса, да и не почти...

— Ну, вы, однако же, — слышится мне чей-то язвительный голос, — вы, кажется, народу новейшую философию среды навязываете, это как же она к нему залетела? Ведь эти двенадцать присяжных иной раз сплошь из мужиков сидят и каждый из них за смертный грех почитает в пост оскоромиться. Вы бы уже прямо обвиняли их в социальных тенденциях.

«Конечно, конечно, где же им до „среды", то есть сплошь-то всем, — задумываюсь я, — но ведь идеи, однако же, носятся в воздухе, в идее есть нечто проницающее...»

— Вот на! — хохочет язвительный голос.

— А что, если наш народ особенно наклонен к учению о среде, даже по существу своему, по своим, положим, хоть славянским наклонностям? Что, если именно он-то и есть наилучший материал в Европе для иных пропагаторов?

Язвительный голос хохочет еще громче, но как-то выделанно.

Нет, тут с народом пока еще только фортель, а не «философия среды». Тут есть одна ошибка, один обман, и в этом обмане много соблазна.

Обман этот можно разъяснить в таком виде, примером по крайней мере.

Положим, народ называет осужденных «несчастными», подает им гроши и калачи. Что же хочет он этим сказать, вот уже, может быть, в продолжение веков? Христианскую ли правду или правду «среды»? Именно тут-то и камень преткновения, именно тут-то и скрывается тот рычаг, за который с успехом мог бы ухватиться пропагатор «среды».

Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, — до тех пор только и может жить сильнейшею живою жизнью народ. В стремлениях к выяснению себе этих сокрытых идей и состоит вся энергия его жизни. Чем непоколебимее народ содержит их, чем менее способен изменить первоначальному чувству, чем менее склонен подчиняться различным и ложным толкованиям этих идей, тем он могучее, крепче, счастливее. К числу таких сокрытых в русском народе идей — идей русского народа — и принадлежит название преступления несчастием, преступников — несчастными.

Идея эта чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось. На Западе провозглашают ее теперь лишь философы и толковники. Народ же наш провозгласил ее еще задолго до своих философов и толковников. Но из этого не следует, чтобы он не мог быть сбит с толку ложным развитием этой идеи толковником, временно, по крайней мере с краю. Окончательный смысл и последнее слово останутся, без сомнения, всегда за ним, но *временно* — может быть иначе.

Короче, этим словом «несчастные» народ как бы говорит «несчастным»: «Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте — может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас молимся. А пока берите, „несчастные“, гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей».

Согласитесь, что ничего нет легче, как применить к такому взгляду учение о «среде»: «Общество скверно, потому и мы скверны; но мы богаты, мы обеспечены, нас миновало только случайно то, с чем вы столкнулись. Столкнись мы — сделали бы то же самое, что и вы. Кто виноват? Среда виновата. Итак, есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе».

Вот в этом-то софистическом выводе и состоит тот фортель, о котором я говорил.

Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником. Но, обвиняя себя, он тем-то и доказывает, что не верит в «среду»; верит, напротив, что среда зависит вполне от него, от его беспрерывного покаяния и самосовершенствования. Энергия, труд и борьба — вот чем перерабатывается среда. Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства. «Достигнем того, будем лучше, и среда будет лучше». Вот что невысказанно ощущает сильным чувством в своей сокрытой идее о несчастии преступника русский народ.

Представьте же теперь, что если сам преступник, слыша от народа, что он «несчастный», сочтет себя только несчастным, а не преступником. Вот тогда-то и отшатнется от такого лжетолкования народ и назовет его изменою народной правде и вере.

Я бы мог представить и примеры тому, но отложим их пока и скажем так.

Преступник и намеревающийся совершить преступление — это два разные лица, но одной категории. Что же, если приготовляясь к преступлению сознательно, преступник скажет себе: «Нет преступления!» Что, назовет его народ «несчастным»?

Может, и назовет; без сомнения, назовет; народ жалостлив; да и ничего нет несчастнее такого преступника, который даже перестал себя считать за преступника: это животное, это зверь. Что ж в том, что он не понимает, что он животное и заморил в себе совесть? Он только вдвое несчастнее. Вдвое несчастнее, но и вдвое преступнее. Народ пожалеет и его, но не откажется от правды своей. Никогда народ, называя преступника «несчастным», не переставал его считать за преступника! И не было бы у нас сильнее беды, как если бы сам народ согласился с преступником и ответил ему: «Нет, не виновен, ибо нет „преступления“!»

Вот наша вера, наша общая вера, хотелось бы мне сказать; вера всех уповающих и ожидающих. Прибавлю еще два слова.

Я был в каторге и видал преступников, «решеных» преступников. Повторяю, это была долгая школа. Ни один из них не переставал себя считать преступником. С виду это был страшный и жестокий народ. «Куражились», впрочем, только из глупеньких, новенькие, и над ними смеялись. Большею частью народ был мрачный, задумчивый. Про преступления свои никто не говорил. Никогда не слыхал я никакого ропота. О преступлениях своих даже и нельзя было вслух говорить. Случалось, что раздавалось чье-нибудь слово с вызовом и вывертом, и — «вся каторга», как один человек, осаживала выскочку. Про *это* не принято было говорить. Но, верно говорю, может, ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего. Я видал их одиноко задумчивых, я видал их

в церкви молящихся перед исповедью; прислушивался к отдельным внезапным словам их, к их восклицаниям; помню их лица, — о, поверьте, никто из них не считал себя правым в душе своей!

Не хотел бы я, чтобы слова мои были приняты за жестокость. Но все-таки я осмелюсь высказать. Прямо скажу: строгим наказанием, острогом и каторгой вы, может быть, половину спасли бы из них. Облегчили бы их, а не отяготили. Самоочищение страданием легче, — легче, говорю вам, чем та участь, которую вы делаете многим из них сплошным оправданием их на суде. Вы только вселяете в его душу цинизм, оставляете в нем соблазнительный вопрос и насмешку над вами же. Вы не верите? Над вами же, над судом вашим, над судом всей страны! Вы вливаете в их душу безверие в правду народную, в правду божию; оставляете его смущенного... Он уходит и думает: «Э, да вот как теперь, нету строгости. Поумнели, знать. Боятся, может. Значит, оно можно и в другой раз так же. Понятно, коли я был в такой нужде — как же было не своровать».

И неужто вы думаете, что, отпуская всех сплошь невиновными или «достойными всякого снисхождения», вы тем даете им шанс исправиться? Станет он вам исправляться! Какая ему беда? «Значит, пожалуй, я и не виновен был вовсе» — вот что он скажет *в конце концов*. Сами же вы натолкнете его на такой вывод. Главное то, что вера в закон и в народную правду расшатывается.

Еще недавно я жил несколько лет сряду за границей. Когда я выехал из России, новый суд только что у нас начинался. С какой жадностью я читал там всё, что касалось русских судов, в наших газетах. За границей я тоже с горечью смотрел на наших абсентеистов; на детей их, не знающих родного языка или забывающих его. Мне ясно было, что половина их самою силою вещей обратится под конец в эмигрантов. Об этом мне всегда было больно думать: столько сил, столько, может быть, лучших людей, а у нас так нуждаются в людях! Но иногда, выходя из читальной залы, ей-богу, господа, я невольно мирился с абсентеизмом и абсентеистами. Сердце поднималось до боли. Читаешь — там оправдали жену, убившую мужа. Преступление явное, доказанное; она сознается сама: «Нет, не виновна». Там молодой человек разламывает кассу и крадет деньги. «Влюблен, дескать, очень был, надо было денег добыть, любовнице угодить». — «Нет, не виновен». И хоть бы все эти случаи оправдывались состраданием, жалостью: то-то и есть, что не понимал я причин оправдания, путался. Впечатление выносилось смутное и — почти оскорбительное. В эти злые минуты мне представлялась иногда Россия какой-то трясиной, болотом, на котором кто-то затеял построить дворец. Снаружи почва как бы и твердая, гладкая, а между тем это нечто вроде поверхности какого-нибудь горохового киселя, ступите — и так и скользнете вниз, в самую бездну. Я очень упрекал себя за мое малодушие; меня ободряло,

что все-таки я издали могу ошибаться, что все-таки я покамест тот же абсентеист, не вижу близко, не слышу ясно...

И вот я давно уже снова на родине.

«Да полно, жалко ли им в самом деле» — ведь вот вопрос! Не смейтесь, что я придаю такую важность ему. «Жалость» по крайней мере хоть что-нибудь и как-нибудь объясняет, хоть из потемок выводит, а без этого последнего объяснения — одно недоумение, точно мрак, в котором живет какой-то сумасшедший.

Мужик забивает жену, увечит ее долгие годы, ругается над нею хуже, чем над собакой. В отчаянии решившись на самоубийство, идет она почти обезумевшая в свой деревенский суд. Там отпускают ее, промямлив ей равнодушно: «Живите согласнее». Да разве это жалость? Это какие-то тупые слова проснувшегося от запоя пьяницы, который едва различает, что вы стоите пред ним, глупо и беспредметно машет на вас рукой, чтобы вы не мешали, у которого еще не ворочается язык, чад и безумие в голове.

История этой женщины, впрочем, известна, слишком недавняя. Ее читали во всех газетах и, может быть, еще помнят. Просто-запросто жена от побоев мужа повесилась; мужа судили и нашли достойным снисхождения. Но мне долго еще мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь.

Я всё воображал себе его фигуру: сказано, что он высокого роста, очень плотного сложения, силен, белокур. Я прибавил бы еще — с жидкими волосами. Тело белое, пухлое, движения медленные, важные, взгляд сосредоточенный; говорит мало и редко, слова роняет как многоценный бисер и сам ценит их прежде всех. Свидетели показали, что характера был жестокого: поймает курицу и повесит ее за ноги, вниз головой, так, для удовольствия: это его развлекало: превосходная характернейшая черта! Он бил жену чем попало несколько лет сряду — веревками, палками. Вынет половицу, просунет в отверстие ее ноги, а половицу притиснет и бьет, и бьет. Я думаю, он и сам не знал, за что ее бьет, так, по тем же, вероятно, мотивам, по которым и курицу вешал. Морил тоже голодом, по три дня не давал ей хлеба. Положит на полку хлеб, ее подзовет и скажет: «Не смей трогать хлеба, это *мой* хлеб», — чрезвычайно характерная тоже черта! Она побиралась с десятилетним ребенком у соседей: дадут хлебца — поедят, не дадут — сидят голодом. Работу с нее спрашивал; всё она исполняла неуклонно, бессловесно, запуганно и стала наконец как помешанная. Я воображаю и ее наружность: должно быть, очень маленькая, исхудавшая, как щепка, женщина. Иногда это бывает, что очень большие и плотные мужчины, с белым, пухлым телом, женятся на очень маленьких, худеньких женщинах (даже наклонны к таким выборам, я заметил), и так странно смотреть на них, когда они стоят или идут вместе. Мне кажется, что если бы она забеременела от него в самое последнее время, то это была бы еще характернейшая и необходимейшая черта,

чтобы восполнить обстановку; а то чего-то как будто недостает. Видали ли вы, как мужик сечет жену? Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужицкая жизнь лишена эстетических наслаждений — музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее. Связав жену или забив ее ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое было бы удовольствие ему бить? Знаете, господа, люди родятся в разной обстановке: неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста? Я ведь не говорю, что была, — и было бы это очень смешно утверждать, — но ведь могло быть в зародыше и у ней нечто очень благородное в душе, пожалуй, не хуже, чем и в благородном сословии: любящее, даже возвышенное сердце, характер, исполненный оригинальнейшей красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показывает ее в таком тихом, кротком, терпеливом, любящем свете. И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут как кошку! Удары сыплются всё чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входить во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдалицы хмелят его как вино: «Ноги твои буду мыть, воду эту пить», — кричит Беатриче нечеловеческим голосом, наконец затихает, перестает кричать и только дико как-то кряхтит, дыхание поминутно обрывается, а удары тут-то и чаще, тут-то и садче... Он вдруг бросает ремень, как ошалелый схватывает палку, сучок, что попало, ломает их с трех последних ужасных ударов на ее спине, — баста! Отходит, садится за стол, воздыхает и принимается за квас. Маленькая девочка, дочь их (была же и у них дочь!), на печке в углу дрожит, прячется: она слышала, как кричала мать. Он уходит. К рассвету мать очнется, встанет, охая и вскрикивая при каждом движении, идет доить корову, тащится за водой, на работу.

А он ей уходя своим методическим, медленным и важным голосом: «Не смей есть этот хлеб, это *мой* хлеб».

Под конец ему нравилось тоже вешать ее за ноги, как вешал курицу. Повесит, должно быть, а сам отойдет, сядет, примется за кашу, поест, потом вдруг опять возьмет ремень и начнет, и начнет висячую... А девочка всё дрожит, скорчившись на печи, дико заглянет украдкой на повешенную за ноги мать и опять спрячется.

Она удавилась в мае поутру, должно быть, в ясный весенний день. Ее видели накануне избитую, совсем обезумевшую. Ходила она тоже перед смертью в волостной суд, и вот там-то и промямлили ей: «Живите согласнее».

Когда она повесилась и захрипела, девочка закричала ей из угла: «Мама, на что ты давишься?» Потом робко подошла, ок-

ликнула висевшую, дико осмотрела ее и несколько раз в утро подходила из угла на нее смотреть, до самых тех пор, пока воротился отец.

И вот он перед судом — важный, пухлый, сосредоточенный; запирается во всем: «Душа в душу жили», — роняет он ценным бисером редкие слова. Присяжные выходят и по «кратком совещании» выносят приговор: «Виновен, но *достоин снисхождения*».

Заметьте, что девочка свидетельствовала против отца. Она рассказала всё и исторгла, говорят, слезы присутствующих. Если бы не «снисхождение» присяжных, то его сослали бы на поселение в Сибирь. Но с «снисхождением» ему только восемь месяцев пробыть в остроге, а там воротится домой и потребует к себе свидетельствовавшую против него за мать девочку. Будет кого опять за ноги вешать.

«Достоин снисхождения!» И ведь этот приговор дан зазнамо. Знали ведь, что ожидает ребенка. К кому, к чему снисхождение? Чувствуешь себя как в каком-то вихре; захватило вас и вертит, и вертит.

Постойте, расскажу еще анекдот.

Когда-то, еще до новых судов (впрочем, незадолго до них), прочитал я в наших газетах вот какой один фактик: мать таскала на руках ребенка годового или четырнадцати месяцев. В этот возраст идут зубки; дети нездоровы, плачут и очень мучаются. Надоел ребенок матери, может, и дела у ней было много, а тут таскай его на руках и слушай его раздирающий плач. Озлилась она. А впрочем, неужто бить за это такого маленького ребеночка? Ведь так жалко прибить его, и что он смыслит? Ведь он так беспомощен, зависит от последней пылинки... Ведь и не уймешь, коли прибьешь: он зальется своими слезками и вас же обхватит ручками, а то вас же начнет целовать, и плачет, и плачет. Но она не прибила его, а там в комнате кипел самовар. Она поднесла ручку ребенка под самый кран и отвернула кран. Она выдержала ручку под кипятком секунд десять.

Это факт, я читал. Но вот представьте, что это случилось теперь и эту женщину вызвали в суд. Присяжные удаляются и «по кратком совещании» выносят приговор: «Достойна всякого снисхождения».

Ну, представьте это себе; я по крайней мере матерей приглашаю представить. То-то, должно быть, вертелся бы тут адвокат:

— Господа присяжные, конечно, случай этот нельзя назвать вполне гуманным, но возьмите дело в его целости, представьте среду, обстановку. Эта женщина бедна, одна в доме работница, терпит неприятности. Ей не на что было даже няньку нанять. Естественно, что под такую минуту, когда злоба от заевшей среды входит, так сказать, внутрь, господа, естественно, что она и поднесла ручку под кран самовара... ну и... и...

О, конечно, я понимаю всю полезность и всю высоту адвокатского звания, всеми уважаемого. Но нельзя же не взглянуть иногда с одной точки, — согласен, легкомысленной, но и невольной: ведь какова же иногда их должность каторжная, подумаешь про себя, вертится, изворачивается как уж, лжет против своей совести, против собственного убеждения, против всякой нравственности, против всего человеческого! Нет, подлинно недаром деньги берут.

— Да подите! — восклицает вдруг давешний язвительный голос. — Ведь всё это вздор и одна только ваша фантазия. Никогда не выносили такого приговора присяжные. Никогда не вертелся адвокат. Всё напредставили.

А жена, привешенная вверх ногами как курица, а «это *мой* хлеб, не смей есть его», а девочка, дрожащая на печи, полчаса слушающая крики матери, а «мама, на что ты давишься?» — это разве не то же самое, что и ручка под кипятком? Ведь *почти* то же самое!

«Неразвитость, тупость, пожалейте, среда», — настаивал адвокат мужика. Да ведь их миллионы живут и не все же вешают жен своих за ноги! Ведь все-таки тут должна быть черта... С другой стороны, вот и образованный человек, да сейчас повесит. Полноте вертеться, господа адвокаты, с вашей «средой».

IV

НЕЧТО ЛИЧНОЕ

Меня несколько раз вызывали написать мои литературные воспоминания. Не знаю, напишу ли, да и память слаба. Да и грустно вспоминать; я вообще не люблю вспоминать. Но некоторые эпизоды моего литературного поприща мне поневоле представляются с чрезвычайною отчетливостью, несмотря на слабую память. Вот, например, один анекдот.

Раз весной поутру я зашел к покойному Егору Петровичу Ковалевскому. Ему очень нравился мой роман «Преступление и наказание», появившийся тогда в «Русском вестнике». Он с жаром хвалил его и передал мне один драгоценный для меня отзыв одного лица, имени которого не могу выставить. Тем временем в комнату вошли один за другим два издателя двух журналов. Один из этих журналов приобрел впоследствии небывалое доселе ни у одного из наших ежемесячных изданий число подписчиков, но тогда только лишь начинался. Другой, напротив, уже оканчивал замечательное и влиятельное на литературу и публику существование свое; но тогда, в то утро, его издатель еще не знал, что издание его уже так близко к своему берегу. Вот с этим-то издателем мы вышли в другую комнату и остались наедине.

Не называя его имени, скажу лишь, что первая встреча моя с ним в жизни была чрезвычайно горячая, из необыкновенных, для меня вечно памятная. Может, помнит и он. Тогда еще он не был издателем. Потом произошли многие недоразумения. По возвращении моем из Сибири мы очень редко встречались, но раз мельком он сказал мне чрезвычайно теплое слово и по одному поводу указал на одни стихи — лучшие, что он написал когда-либо. Прибавлю, что видом и обычаем никто менее его не походил на поэта, да еще из «страдающих». А между тем он один из самых страстных, мрачных и «страдающих» наших поэтов.

— Ну, вот мы вас обругали, — сказал он мне (то есть в его журнале за «Преступление и наказание»).

— Знаю, — сказал я.

— А знаете почему?

— По принципу, должно быть.

— За Чернышевского.

Я остолбенел от удивления:

— NN, который написал критическую статью, — продолжал издатель, — сказал мне так: «Роман его хорош, но так как он в своей повести, два года назад, не постыдился надругаться над несчастным ссыльным и окарикатурить его, то я его роман обругаю».

— Так это всё та же глупая сплетня о «Крокодиле»? — вскричал я, сообразив. — Да неужто и вы верите? Читали вы эту мою повесть сами, «Крокодила»?

— Нет, не читал.

— Да ведь всё это сплетня, самая пошлейшая сплетня, какая только может случиться. Ведь нужно иметь ум и поэтическое чутье Булгарина, чтобы в этой безделке, повести для смеху, прочитать между строк такую «гражданскую» аллегорию, да еще на Чернышевского! Если б вы знали, как глупа такая натяжка! Никогда, впрочем, не прощу себе, что два года назад не протестовал против этой подлой клеветы, когда только что ее выпустили!

Этот разговор мой с издателем уже давно угаснувшего теперь журнала происходил лет семь тому назад, и вот я до сих пор еще не протестовал против «клеветы» — то пренебрегал, то «не было времени». Между тем эта низость, мне приписываемая, так и осталась в воспоминаниях иных особ несомненным фактом, имела ход в литературных кружках, проникла и в публику и уже не раз приносила мне неприятности. Пора сказать обо всем этом хоть одно слово, тем более что оно теперь кстати, и хотя голословно, но опровергнуть клевету, впрочем тоже в высшей степени голословную. Долгим молчанием моим и небрежностью я до сих пор как бы подтверждал ее.

С Николаем Гавриловичем Чернышевским я встретился в первый раз в пятьдесят девятом году, в первый же год по возвращении моем из Сибири, не помню где и как. Потом иногда встре-

чались, но очень нечасто, разговаривали, но очень мало. Всегда, впрочем, подавали друг другу руку. Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерою. Мне наружность и манера Чернышевского нравились.

Однажды утром я нашел у дверей моей квартиры, на ручке замка, одну из самых замечательных прокламаций изо всех, которые тогда появлялись; а появлялось их тогда довольно. Она называлась «К молодому поколению». Ничего нельзя было представить нелепее и глупее. Содержания возмутительного, в самой смешной форме, какую только их злодей мог бы им выдумать, чтобы их же зарезать. Мне ужасно стало досадно и было грустно весь день. Всё это было тогда еще внове и до того вблизи, что даже и в этих людей вполне всмотреться было тогда еще трудно. Трудно именно потому, что как-то не верилось, чтобы под всей этой сумятицей скрывался такой пустяк. Я не про движение тогдашнее говорю, в его целом, а говорю только про людей. Что до движения, то это было тяжелое, болезненное, но роковое своею историческою последовательностию явление, которое будет иметь свою серьезную страницу в петербургском периоде нашей истории. Да и страница эта, кажется, еще далеко недописана.

И вот мне, давно уже душой и сердцем не согласному ни с этими людьми, ни со смыслом их движения, — мне вдруг тогда стало досадно и почти как бы стыдно за их неумелость: «Зачем у них это так глупо и неумело выходит?» И какое мне было до этого дело? Но я жалел не о неудаче их. Собственно разбрасывателей прокламаций я не знал ни единого, не знаю и до сих пор; но тем-то и грустно было, что явление это представлялось мне не единичным, не глупенькою проделкой таких-то вот именно лиц, до которых нет дела. Тут подавлял один факт: уровень образования, развития и хоть какого-нибудь понимания действительности, подавлял ужасно. Несмотря на то что я уже три года жил в Петербурге и присматривался к иным явлениям, — эта прокламация в то утро как бы ошеломила меня, явилась для меня совсем как бы новым неожиданным откровением: никогда до этого дня не предполагал я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества. Пред вечером мне вдруг вздумалось отправиться к Чернышевскому. Никогда до тех пор ни разу я не бывал у него и не думал бывать, равно как и он у меня.

Я вспоминаю, что это было часов в пять пополудни. Я застал Николая Гавриловича совсем одного, даже из прислуги никого дома не было, и он отворил мне сам. Он встретил меня чрезвычайно радушно и привел к себе в кабинет.

— Николай Гаврилович, что это такое? — вынул я прокламацию.

Он взял ее как совсем незнакомую ему вещь и прочел. Было всего строк десять.

— Ну, что же? — спросил он с легкой улыбкой.

— Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя остановить их и прекратить эту мерзость?

Он чрезвычайно веско и внушительно отвечал:

— Неужели вы предполагаете, что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?

— Именно не предполагал, — отвечал я, — и даже считаю ненужным вас в том уверять. Но во всяком случае их надо остановить во что бы ни стало. Ваше слово для них веско, и, уж конечно, они боятся вашего мнения.

— Я никого из них не знаю.

— Уверен и в этом. Но вовсе и не нужно их знать и говорить с ними лично. Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдет до них.

— Может, и не произведет действия. Да и явления эти, как сторонние факты, неизбежны.

— И однако, всем и всему вредят.

Тут позвонил другой гость, не помню кто. Я уехал. Долгом считаю заметить, что с Чернышевским я говорил искренно и вполне верил, как верю и теперь, что он не был «солидарен» с этими разбрасывателями. Мне показалось, что Николаю Гавриловичу не неприятно было мое посещение; через несколько дней он подтвердил это, заехав ко мне сам. Он просидел у меня с час, и, признаюсь, я редко встречал более мягкого и радушного человека, так что тогда же подивился некоторым отзывам о его характере, будто бы жестком и необщительном. Мне стало ясно, что он хочет со мною познакомиться, и, помню, мне было это приятно. Потом я был у него еще раз, и он у меня тоже. Вскоре по некоторым моим обстоятельствам я переселился в Москву и прожил в ней месяцев девять. Начавшееся знакомство, таким образом, прекратилось. Засим произошел арест Чернышевского и его ссылка. Никогда ничего не мог я узнать о его деле; не знаю и до сих пор.

Года полтора спустя мне вздумалось написать одну фантастическую сказку, вроде подражания повести Гоголя «Нос». Никогда еще не пробовал я писать в фантастическом роде. Это была чисто литературная шалость, единственно для смеху. Представилось, действительно, несколько комических положений, которые мне захотелось развить. Хоть и не стоит того, но расскажу сюжет, чтобы понятно было, что потом из него вывели. Тогда в Петербурге в Пассаже какой-то немец показывал за деньги крокодила. Один петербургский чиновник, пред поездкой за границу, отправляется с своей молодой женой и с неотлучным другом своим в Пассаж, и между прочим все заходят посмотреть крокодила. Чиновник этот — среднего круга, но из тех, которые имеют некоторое независимое состояние, еще молодой, но заеденный самолюбием; прежде всего дурак, как и незабвенный майор Ковалев, потерявший свой нос. Он комически уверен в своих великих достоинствах; полуобразован, но считает себя чуть не за гения,

почитается в своем департаменте за человека пустейшего и постоянно обижен всеобщим к нему невниманием. Как бы в отместку за это муштрует и тиранизирует своего бесхарактерного друга, величаясь над ним своим умом. Друг ненавидит его, но переносит всё потому, что втайне ему нравится его жена. В Пассаже, пока эта дамочка, молоденькая и хорошенькая, чисто петербургского типа, глупенькая кокетка среднего круга, засмотрелась на показывавшихся вместе с крокодилом обезьян, гениальный супруг ее как-то раздразнил доселе сонного и лежавшего как колода крокодила: тот вдруг разевает пасть и проглатывает его всего целиком, без остатку. Вскоре оказывается, что великий человек не потерпел от того ни малейшего повреждения; напротив, по свойственному ему упрямству объявил из крокодила, что ему очень хорошо в нем сидеть. Друг и жена удаляются хлопотать по начальству о его освобождении. Для этого представлялось совершенно необходимым убить крокодила, взрезать его и освободить великого человека; но притом, конечно, следовало вознаградить за крокодила немца-хозяина и его неразлучную муттер. Немец сначала в негодовании и отчаянии из боязни, что его крокодил, проглотивший «ганц чиновник», может умереть; но скоро догадывается, что проглоченный член петербургской администрации и оставшийся притом в живых может доставить ему впредь чрезвычайный сбор во всей Европе. Он требует за крокодила огромную сумму и, сверх того, чин русского полковника. С другой стороны, начальство приходит в немалое затруднение, что слишком уж новый по министерству случай и что подобных примеров до сих пор не бывало. «Если бы нам хоть какой-нибудь подобный примерчик прежде, то можно бы действовать, а то затруднительно». Подозревает тоже, что чиновник залез в крокодила вследствие каких-нибудь запрещенных, либеральных тенденций. Супруга между тем стала находить, что положение ее «вроде как бы вдовы» не лишено интереса. Проглоченный супруг ее между тем объявляет своему другу окончательно, что ему несравненно лучше оставаться в крокодиле, чем на службе, ибо теперь он уже поневоле обратит на себя внимание, чего никогда прежде не мог добиться. Он настаивает, чтобы жена его завела вечера и чтобы на эти вечера его приносили вместе с крокодилом в ящике. Он уверен, что на вечера эти бросится весь Петербург и все государственные сановники — смотреть новый феномен. Тут-то он и намерен выиграть: «Буду изрекать правду и учить; государственному мужу подам совет, пред министром выкажу способности», — говорит он, считая себя как бы уже не от мира сего и уже вправе давать советы и изрекать приговоры. На осторожный, но ядовитый вопрос друга: «А ну как если он неожиданным каким-нибудь процессом, которого, впрочем, следует ожидать, переварится во что-нибудь такое, чего не ожидает», — великий человек отвечает, что уже думал об этом; но с негодованием будет сопротивляться этому весьма воз-

можному по законам природы явлению. Супруга, однако же, не соглашается давать вечера с такою целью, хотя ей и нравится мысль о них: «Как же это моего мужа будут приносить ко мне в ящике?» — говорит она. К тому же и положение как бы вдовы ей всё более и более нравится. Она входит во вкус; в ней берут участие. К ней ездит начальник ее мужа и играет с ней в свои козыри... Вот первая часть этого шутовского рассказа — он недокончен. Когда-нибудь непременно докончу, хоть я уже и забыл о нем и теперь должен был перечитать, чтобы припомнить.

Вот что, однако же, сделали из этой маленькой вещицы. Едва только рассказ появился в журнале «Эпоха» (в 1865 г.), как вдруг «Голос» в фельетоне сделал странную заметку. Не помню буквально, да и слишком далеко справляться, но смысл был вроде того: «Напрасно, дескать, автор „Крокодила“ вступает на такой путь; это не принесет ему ни чести, ни ожидаемой выгоды» и проч. и проч. Затем несколько самых туманных и неприязненных колкостей. Я прочел мельком, ничего не понял, видел только, что много яду, но не знал за что. Этот туманный фельетонный отзыв сам по себе, разумеется, не мог повредить мне; из читателей всё равно никто бы его не понял, так же как и я; но вдруг неделю спустя Н. Н. С<трахов> сказал мне: «Знаете, что там думают? Там уверены, что ваш „Крокодил“ — аллегория, история ссылки Чернышевского, и что вы хотели выставить и осмеять Чернышевского». Я хоть и удивился, но не очень обеспокоился; мало ли каких не бывает догадок? Мнение это показалось мне слишком единичным и натянутым, чтоб оно возымело ход, и я почел совершенно ненужным протестовать. Никогда не прощу себе этого, ибо мнение укрепилось и возымело ход. Calomniez, il en restera toujours quelque chose.[1]

Я, впрочем, убежден и теперь, что тут вовсе и не было клеветы, — да и за что, для чего? Я почти ни с кем в литературе не поссорился, по крайней мере очень не ссорился. Теперь, в эту минуту, я всего во второй раз, в двадцать семь лет моей литературной деятельности, говорю о себе лично. Просто тут была тупость, угрюмая, мнительная тупость, засевшая в какую-нибудь голову «с направлением». Я убежден, что эта многодумная голова совершенно уверена до сих пор, что не ошиблась и что я непременно глумился над несчастным Чернышевским. Убежден даже, что никакими объяснениями и извинениями не изменю взгляда ее в свою пользу даже и теперь. Но ведь зато она и многодумная голова. (Я, разумеется, не об Андрее Александровиче говорю; в качестве редактора и издателя своей газеты, он тут, как и всегда, в стороне.)

В чем же аллегория? Ну конечно — крокодил изображает собою Сибирь; самонадеянный и легкомысленный чиновник — Чернышевского. Он попал в крокодила и всё еще питает надежду

[1] Клевещите, всегда что-нибудь да останется (*франц.*).

поучать весь мир. Бесхарактерный друг его, которого он деспотирует, это всё здешние друзья Чернышевского. Хорошенькая, но глупенькая жена чиновника, радующаяся своему положению «как бы вдовы», это... Но тут уже так грязно, что я не хочу мараться и продолжать разъяснение аллегории. (А между тем ведь она укрепилась, и именно, может быть, последний-то намек и укрепился; я имею несомненные доказательства.)

Значит, предположили, что я, сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого «несчастного»; мало того — написал на этот случай радостный пашквиль. Но где же тому доказательства; в аллегории? Но принесите мне что хотите... «Записки сумасшедшего», оду «Бог», «Юрия Милославского», стихи Фета — что хотите — и я берусь вам вывести тотчас же из первых десяти строк, вами указанных, что тут именно аллегория о франко-прусской войне или пашквиль на актера Горбунова, одним словом, на кого угодно, на кого прикажете. Вспомните, как в старину, в самом конце сороковых годов, например, цензора рассматривали рукописи и транспаранты: не было строчки, не было точки, в которых бы не подозревалось чего-нибудь, какой-нибудь аллегории. Пусть лучше представят хоть что-нибудь из всей моей жизни для доказательства, что я похож на злого, бессердечного пашквилянта и что от меня можно ожидать таких аллегорий.

Именно поспешность и торопливость подобных бездоказательных выводов и свидетельствует, напротив, о некоторой низменности духа самих обвинителей, о грубости и негуманности взгляда их. Тут даже самое простодушие догадки не извинительно; что ж? Можно быть и простодушно низменным, и только.

Может быть, я ненавидел Чернышевского лично? Чтобы предупредить это обвинение, я нарочно рассказал выше о нашем кратком и радушном знакомстве. Скажут — этого мало и что я питал затаенную ненависть. Но пусть же выставят и предлоги к этой ненависти, если имеют что выставить. Их не было. С другой стороны, я убежден, что сам Чернышевский подтвердит точность моего рассказа о нашей встрече, если когда-нибудь прочтет его. И дай бог, чтобы он получил возможность это сделать. Я так же тепло и горячо желаю того, как искренно сожалел и сожалею о его несчастии.

Но ненависть из-за убеждений, быть может?

Почему же? Чернышевский никогда не обижал меня своими убеждениями. Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально. Тут, впрочем, я могу говорить не совсем голословно и имею даже маленькое доказательство. В одном из самых последних №№ прекратившегося в то время журнала «Эпоха» (чуть ли не в самом последнем) была помещена большая критическая статья о «знаменитом» романе Чернышевского «Что делать?» Эта статья замечательная и принадлежит известному перу. И что же? В ней именно отдается всё должное уму

и таланту Чернышевского. Собственно об романе его было даже очень горячо сказано. В замечательном же уме его никто и никогда не сомневался. Сказано было только в статье нашей об особенностях и уклонениях этого ума, но уже самая серьезность статьи свидетельствовала и о надлежащем уважении нашего критика к достоинствам разбираемого им автора. Теперь согласитесь: если бы была во мне ненависть из-за убеждений, я бы, конечно, не допустил в журнале статьи, в которой говорилось о Чернышевском с надлежащим уважением; на самом деле ведь я был редактором «Эпохи», а не кто другой.

Может быть, я, печатая ядовитую аллегорию, надеялся выиграть где-нибудь en haut lieu?[1] Но когда и кто может сказать про меня, что я заигрывал или выигрывал в этом смысле в каком-нибудь lieu, то есть продавал свое перо. Я думаю даже, что сам автор догадки не имел такой мысли, несмотря на всё свое простодушие. Да и не укрепилась бы она ни за что в литературном мире, если бы только в этом состояло обвинение.

Что же касается до возможности обвинения в пашквильной аллегории насчет иных каких-нибудь домашних обстоятельств Николая Гавриловича, то опять-таки повторю, что не хочу даже и прикасаться с этой точки к моему «оправданию», чтобы не вымараться. . .

Мне очень досадно, что на этот раз я заговорил о себе. Вот что значит писать литературные воспоминания; никогда не напишу их. Весьма сожалею, что несомненно надоел читателю; но я пишу дневник, дневник отчасти личных моих впечатлений, а как раз недавно я вынес одно «литературное» впечатление, косвенно вдруг напомнившее мне и этот забытый анекдот о забытом моем «Крокодиле».

На днях один из самых уважаемых мною людей, мнением которого я высоко дорожу, сказал мне:

— Я только что прочел статью вашу о «Среде» и о приговорах наших присяжных («Гражданин», № 2). Я с вами совершенно согласен, но статья ваша может произвести неприятное недоумение. Подумают, что вы за отмену суда присяжных и за новое вмешательство административной опеки. . .

Я был горестно изумлен. Это был голос человека в высшей степени беспристрастного и стоящего вне всяких литературных партий и «аллегорий».

— Неужели так можно истолковать мою статью! После этого ни об чем нельзя говорить. Экономическое и нравственное состояние народа по освобождении от крепостного ига — ужасно. Несомненные и в высшей степени тревожные факты о том свидетельствуют поминутно. Падение нравственности, дешевка, жиды-кабатчики, воровство и дневной разбой — всё это несомненные факты, и всё растет, растет. Ну что ж? Если кто-нибудь,

[1] в высших сферах (*франц.*).

тревожась духом и сердцем, возьмет перо и напишет, — что же, неужели закричат, что он крепостник и стоит за обратное закрепощение крестьян?

— Во всяком случае надо желать, чтобы народ имел полную свободу сам выйти из грустного своего положения, безо всякой опеки и поворотов назад.

— Да непременно же так, и это именно моя мысль! И если бы даже от упадка народного (сами же они, оглядываясь иногда на себя, говорят теперь по местам: «Ослабели, ослабели!»), — если бы даже, говорю я, произошло какое-нибудь уже настоящее, несомненное несчастие народное, какое-нибудь огромное падение, большая беда — то и тут народ спасет себя сам, себя и нас, как уже неоднократно бывало с ним, о чем свидетельствует вся его история. Вот моя мысль. Именно — довольно вмешательств!.. Но как, однако же, могут быть поняты и перетолкованы слова. Пожалуй, и еще натолкнешься на аллегорию!

V

ВЛАС

Помните ли Вы Власа? Он что-то мне вспоминается.

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на божий храм. . .

У этого Власа, как известно, прежде «бога не было»;

. . .побоями
В гроб жену свою вогнал,
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал.

Даже и конокрадов, — пугает нас поэт, впадая в тон набожной старушки. Ух ведь какие грехи! Ну и грянул же гром. Заболел Влас и видел видение, после которого поклялся пойти по миру и собирать на храм. Видел он ад-с, ни мало ни меньше:

Видел света преставление,
Видел грешников в аду:

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза.
. . . .
Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол. . .

Одним словом, невообразимые ужасы, так даже, что страшно читать. «Но всего не описать», — продолжает поэт,

Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать.

О поэт! (к несчастию, истинный поэт наш) если бы вы не подходили к народу с вашими восторгами, про которые

Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать, —

то не оскорбили бы и нас выводом, что вот из-за таких-то в конце концов бабьих пустяков

Вырастают храмы божии
По лицу земли родной.

Но хоть и по «глупости» своей ходит с котомкою Влас, но серьезность его страдания вы все-таки поняли; всё же вас поразила величавая фигура его. (Да ведь и поэт же вы; не могло быть иначе.)

Сила вся души великая
В дело божие ушла, —

великолепно говорите вы. Хочу, впрочем, верить, что вы вставили вашу насмешку невольно, страха ради либерального, ибо эта страшная, пугающая даже, сила смирения Власова, эта потребность самоспасения, эта страстная жажда страдания поразила и вас, общечеловека и русского gentilhomme'а, и величавый образ народный вырвал восторг и уважение и из вашей высоколиберальной души!

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И сбирать на построение
Храма божьего пошел.
С той поры мужик скитается
Вот уж скоро *тридцать* лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.
. . . .
Полон скорбью неутешною
Смуглолиц, высок и прям,

(Чудо как хорошо!)

Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.
. . . .
Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой все говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Чудо, чудо как хорошо! Даже так хорошо, что точно и не вы писали; точно это не вы, а другой кто заместо вас кривлялся потом «на Волге», в великолепных тоже стихах, про бурлацкие песни. А впрочем — не кривлялись вы и «на Волге», разве только немножко: вы и на Волге любили общечеловека в бурлаке и действительно страдали по нем, то есть не по бурлаке собственно, а, так сказать, по общебурлаке. Видите ли-с, любить общечеловека — значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека. Я нарочно подчеркнул неизмеримо прекрасные стихи в этом шутовском (в его целом, уж извините меня) стихотворении вашем.

Я потому припомнил этого стихотворного Власа, что слышал на днях один удивительно фантастический рассказ про другого Власа, даже про двух, но уже совершенно особенных, даже неслыханных доселе Власов. Происшествие это истинное и уже по одной своей необыкновенности замечательное.

На Руси, по монастырям, есть, говорят, и теперь иные схимники, монахи — исповедники и советодатели. Хорошо или дурно это, нужно ли монахов или не нужно их — про это в данную минуту не хочу рассуждать и не для того взял перо. Но так как мы живем в данной действительности, то ведь нельзя же выпихнуть из рассказа хотя бы даже и монаха, если на нем зиждется рассказ. Эти монахи-советодатели бывают иногда будто бы великого образования и ума. Так, по крайней мере, повествуют о них; я ничего не знаю. Говорят, что встречаются некоторые с удивительным будто бы даром проникновения в душу человеческую и умения совладать с нею. Несколько таких лиц известны, говорят, всей России, то есть, в сущности, тем, кому надо. Живет этот старец, положим, в Херсонской губернии, а к нему едут или даже идут пешком из Петербурга, из Архангельска, с Кавказа и из Сибири. Идут, разумеется, с раздавленною отчаянием душою, которая уже и не ждет себе исцеления, или с таким страшным бременем на сердце, что грешник уже и не говорит о нем своему священнику-духовнику, — не от страха или недоверия, а просто в совершенном отчаянии за спасение свое. А прослышит вдруг про какого-нибудь такого монаха-советодателя и пойдет к нему.

«И вот, — говорил один из таких старцев однажды в дружеской беседе наедине с одним слушателем, — выслушиваю я людей двадцать лет, и верите ли, уж сколько, казалось бы, в двадцать лет знакомства моего с самыми потаенными и сложными болезнями души человеческой; но и через двадцать лет приходишь иногда в содрогание и в негодование, слушая иные тайны. Теряешь необходимое спокойствие духа для подания утешения и сам вынужден себя же укреплять в смирении и безмятежности. . .»

И тут-то он и рассказал ту удивительную повесть из народного быта, о которой я выше упомянул.

«Вижу, вползает ко мне раз мужик на коленях. Я еще из окна видел, как он полз по земле. Первым словом ко мне:

— Нет мне спасения; проклят! И что бы ты ни сказал — всё одно проклят!

Я его кое-как успокоил; вижу, за страданием приполз человек; издалека.

— Собрались мы в деревне несколько парней, — начал он говорить, — и стали промежду себя спорить: „Кто кого дерзостнее сделает?“ Я по гордости вызвался перед всеми. Другой парень отвел меня и говорит мне с глазу на глаз:

— Это никак невозможно тебе, чтобы ты сделал, как говоришь. Хвастаешь.

Я ему стал клятву давать.

— Нет, стой, поклянись, говорит, своим спасением на том свете, что всё сделаешь, как я тебе укажу.

Поклялся.

— Теперь скоро пост, говорит, стань говеть. Когда пойдешь к причастью — причастье прими, но не проглоти. Отойдешь — вынь рукой и сохрани. А там я тебе укажу.

Так я и сделал. Прямо из церкви повел меня в огород. Взял жердь, воткнул в землю и говорит: положи! Я положил на жердь.

— Теперь, говорит, принеси ружье.

Я принес.

— Заряди.

Зарядил.

— Подыми и выстрели.

Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии».

Происходило это еще за несколько лет до прихода к старцу. Кто был этот Влас, откуда и как его имя — старец, разумеется, не открыл, равно как и покаяние, которое наложил на него. Должно быть, обременил душу страшным трудом, даже не по силам человеческим, рассуждая, что чем больше, тем тут и лучше: «Сам за страданием приполз». Не правда ли, что происшествие даже весьма характерное с одной стороны, на многое намекающее, так что, пожалуй, и стоит двух-трех минут особенного разбора. Я всё того мнения, что ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные «Власы», кающиеся и некающиеся; они скажут и укажут нам новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших. Не Петербург же разрешит окончательную судьбу русскую. А потому всякая, даже малейшая, *новая* черта об этих теперь уже «новых людях» может быть достойна внимания нашего.

Во-первых, мне именно удивительно — удивительно всего более — самое начало дела, то есть возможность такого спора и

состязания в русской деревне: «Кто кого дерзостнее сделает?» Ужасно на многое намекающий факт, а для меня почти совсем даже и неожиданный: а я видывал-таки довольно народу, да еще самого характерного. Замечу тоже, что кажущаяся исключительность факта тем самым, однако, и свидетельствует о его достоверности: когда лгут, то изобретают что-нибудь гораздо более обыкновенное и к обыденному подходящее, чтобы все поверили.

Затем замечательна собственно медицинская часть факта. Галлюсинация есть преимущественно явление болезненное, и болезнь эта весьма редкая. Возможность внезапной галлюсинации, хотя и у крайне возбужденного, но всё же совершенно здорового человека, — может быть, случай еще неслыханный. Но это дело медицинское, а я в нем мало знаю.

Другое дело психологическая часть факта. Тут являются перед нами два народные типа, в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом. Это прежде всего забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и проходящее, являющееся как бы каким-то наваждением). Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее как ошалелому вниз головой. Это потребность отрицания в человеке, иногда самом неотрицающем и благоговеющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте, перед которой сейчас лишь благоговел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем. Особенно поражает та торопливость, стремительность, с которою русский человек спешит иногда заявить себя, в иные характерные минуты своей или народной жизни, заявить себя в хорошем или в поганом. Иногда тут просто нет удержу. Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать всё, отречься от всего, от семьи, обычая, бога. Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения. То есть то бывает всегда на счету как бы мелкого малодушия; тогда как в восстановление свое русский чело-

век уходит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе.

Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он воздыхает и относит славу свою к милости господа. Страданием своим русский народ как бы наслаждается. Что в целом народе, то и в отдельных типах, говоря, впрочем, лишь вообще. Вглядитесь, например, в многочисленные типы русского безобразника. Тут не один лишь разгул через край, иногда удивляющий дерзостью своих пределов и мерзостью падения души человеческой. Безобразник этот прежде всего сам страдалец. Наивно-торжественного довольства собою в русском человеке совсем даже нет, даже в глупом. Возьмите русского пьяницу и, например, хоть немецкого пьяницу: русский пакостнее немецкого, но пьяный немец несомненно глупее и смешнее русского. Немцы — народ по преимуществу самодовольный и гордый собою. В пьяном же немце эти основные черты народные вырастают в размерах выпитого пива. Пьяный немец несомненно счастливый человек и никогда не плачет; он поет самохвальные песни и гордится собою. Приходит домой пьяный как стелька, но гордый собою. Русский пьяница любит пить с горя и плакать. Если же куражится, то не торжествует, а лишь буянит. Всегда вспомнит какую-нибудь обиду и упрекает обидчика, тут ли он, нет ли. Он дерзостно, пожалуй, доказывает, что он чуть ли не генерал, горько ругается, если ему не верят, и, чтобы уверить, в конце концов всегда зовет «караул». Но ведь потому он так и безобразен, потому и зовет «караул», что в тайниках пьяной души своей наверно сам убежден, что он вовсе не «генерал», а только гадкий пьяница и опакостился ниже всякой скотины. Что в микроскопическом примере, то и в крупном. Самый крупный безобразник, самый даже красивый своею дерзостью и изящными пороками, так что ему даже подражают глупцы, все-таки слышит каким-то чутьем, в тайниках безобразной души своей, что в конце концов он лишь негодяй и только. Он недоволен собою; в сердце его нарастает попрек, и он мстит за него окружающим; беснуется и мечется на всех, и тут-то вот и доходит до краю, борясь с накопляющимся ежеминутно в сердце страданием своим, а вместе с тем и как бы упиваясь им с наслаждением. Если он способен вос-

стать из своего унижения, то мстит себе за прошлое падение ужасно, даже больнее, чем вымещал на других в чаду безобразия свои тайные муки от собственного недовольства собою.

Кто натолкнул обоих парней на спор о том: «Кто сделает дерзостнее?» — и какими причинами сложилась возможность подобного состязания — осталось неизвестным, но несомненно, что оба страдали — один принимая вызов, другой предлагая его. Конечно, тут было что-нибудь предварительно: или затаенная ненависть между ними, или ненависть с детства, и даже неизвестная им самим и вдруг проявившаяся в минуту спора и вызова. Последнее вероятнее; и вероятно, они были друзьями до сей минуты и жили в согласии, которое становилось, чем далее, тем невыносимее; но в момент вызова напряжение взаимной ненависти и зависти жертвы к своему Мефистофелю уже было необыкновенное.

— Не побоюсь ничего, сделаю всё, что укажешь; погибай душа, а осрамлю тебя!

— Хвастаешь, убежишь, как мышь в подполье, насмеюсь над тобой, погибай душа!

Можно было выбрать для состязания что-нибудь очень дерзкое и другого рода — разбой, убийство, открытое буйство против могущественного человека. Ведь поклялся же парень, что на всё пойдет, и искуситель его знал, что на этот раз серьезно говорено, впрямь пойдет.

Нет. Самые страшные «дерзости» кажутся искусителю слишком обыкновенными. Он придумывает неслыханную дерзость, небывалую и немыслимую, и в ее выборе выразилось целое мировоззрение народное.

Немыслимую? А между тем одно уже то, что он именно остановился на ней, показывает, что он уже, может быть, и мыслил о ней. Может быть, давно уже, с детства, эта мечта заползала в душу его, потрясала ее ужасом, а вместе с тем и мучительным наслаждением. Что придумал он всё давно уже, и ружье и огород, и держал только в страшной тайне — в этом почти нет сомнения. Придумал, разумеется, не для того, чтобы исполнить, да и не посмел бы, может быть, один никогда. Просто нравилось ему это видение, проницало его душу изредка, манило его, а он робко подавался и отступал, холодея от ужаса. Один момент такой неслыханной дерзости, а там хоть всё пропадай! И, уж конечно, он веровал, что за это ему вечная гибель; но — «был же и я на таком верху! ..»

Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать бессознательно. Но, не правда ли, любопытная душа, и, главное, из этого быта. В этом всё ведь и дело. Хорошо бы тоже узнать, как он считал себя: виновнее или нет своей жертвы? Судя по кажущемуся его развитию, надо полагать, что считал виновнее или по крайней мере равным по вине; так что, вызывая жертву на «дерзость», вызывал и себя.

Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего. Повторю: можно очень много знать бессознательно.

И вот надругаться над такой святыней народною, разорвать тем со всею землей, разрушить себя самого во веки веков для одной лишь минуты торжества отрицаньем и гордостью — ничего не мог выдумать русский Мефистофель дерзостнее! Возможность такого напряжения страсти, возможность таких мрачных и сложных ощущений в душе простолюдина поражает! И заметьте, всё это возросло почти до сознательной идеи.

Жертва, однако же, не сдается, не смиряется, не пугается. По крайней мере, делает вид, что не пугается. Парень принимает вызов. Проходят дни, и он стоит на своем. Наступает уже не мечта, а самое дело: он ходит в церковь, слышит ежедневно слова Христовы и не отступает. Бывают страшные убийцы, не смущающиеся даже при виде убитой ими жертвы. Один из таких убийц, явный и уличенный на месте, не сознавался до конца и продолжал лгать перед следователем. Когда же тот встал и велел его отвести в острог, то он с умиленным видом попросил как милости проститься с лежавшею тут же убитою (его бывшею любовницею, которую он убил из ревности). Он нагнулся, поцеловал ее с умилением, заплакал и, не вставая с колен, еще раз повторил над нею, простирая руку, что он не виновен. Я только хочу заметить, до какой зверской степени может доходить в человеке бесчувственность.

Но здесь была совсем не бесчувственность. Сверх того, было еще нечто совсем особенное — мистический ужас, самая огромная сила над душой человеческой. Он несомненно был, судя по крайней мере по развязке дела. Но сильная душа парня с этим ужасом еще могла вступить в борьбу; он доказал это. Сила ли это, впрочем, или в последней степени малодушие? Вероятно, и то и другое вместе, в соприкосновении противуположностей. Тем не менее этот мистический ужас не только не порвал, но еще продлил борьбу, и, наверно, он-то и способствовал привести ее к окончанию именно тем, что удалял от сердца грешника всякое чувство умиления, и чем сильнее подавлял его, тем невозможнее оно становилось. Ощущение ужаса есть чувство жесткое, сушит и каменит сердце для всякого умиления и высокого чувства. Вот почему преступник выдержал и момент перед чашей, хотя, может

быть, и цепенея от страху до изнеможения. Я думаю тоже, что взаимная ненависть между жертвой и ее мучителем упала в эти дни совершенно. Порывами искушаемый мог с болезненною злостью ненавидеть себя, окружающих, молящихся в церкви, но всего менее своего Мефистофеля. Оба они чувствовали, что взаимно друг в друге нуждаются, чтобы сообща кончить дело. Каждый, наверно, считал себя бессильным его кончить один. Для чего же они продолжали его, для чего же приняли столько муки? Они и не могли, впрочем, разорвать союз. Если бы их контракт был нарушен, то тотчас же возгорелась бы взаимная ненависть в десять раз сильнее прежнего и, наверно, произошло бы убийство: мученик убил бы своего мучителя.

Пусть и это. Даже и это бы ничего перед вынесенным жертвою ужасом. То-то и есть, что тут должно было быть непременно на дне души и у того и у другого некоторое адское наслаждение собственной гибелью, захватывающая дыхание потребность нагнуться над пропастью и заглянуть в нее, потрясающее восхищение перед собственной дерзостью. Почти невозможно, чтобы дело было доведено до конца без этих возбуждающих и страстных ощущений. Не простые же были это баловники, мальчишки тупые и глупые, — начиная с состязания о «дерзости» и кончая отчаянием перед старцем.

Заметьте еще, что искуситель не открыл своей жертве всей тайны: она еще не знала, выходя из церкви, что должна будет сделать с святыней, до самого того момента, как он велел принести ружье. Столько дней такой мистической неизвестности опять свидетельствуют об ужасном упорстве грешника. С другой стороны, и деревенский Мефистофель выказывает себя большим психологом.

Но, может быть, придя в огород, оба они уже не помнили себя? Парень помнил, однако, как заряжал ружье и наводил. Может быть, действовал лишь машинально, хотя и в полной памяти, как действительно бывает иногда в состоянии ужаса? Не думаю: если бы он обратился в одну лишь машину, продолжающую действовать по одной лишь инерции, то, наверно, не имел бы потом видения; просто упал бы без чувств, когда бы истощил весь запас инерции, — и не *до*, а уж после выстрела. Нет, вероятнее всего, что сознание сохранялось всё время в чрезвычайной ясности, несмотря на смертельный ужас, всё нараставший с каждым мгновением прогрессивно. И уже потому, что жертва выдержала такое давление ужаса, нараставшего прогрессивно, повторю опять, она была несомненно одарена огромною душевною силой.

Обратим внимание на то, что заряжание ружья есть операция, во всяком случае требующая некоторого внимания. Самое труднейшее и невыносимое дело в подобную минуту, по-моему, есть способность оторваться от своего ужаса, от подавляющей собою идеи. Обыкновенно до последней степени пораженные ужасом уже не могут оторваться от его созерцания, от предмета или

идеи, их поразивших: они стоят перед ними как вкопанные и своему ужасу смотрят прямо в глаза как очарованные. Но парень зарядил ружье внимательно, он это помнил; он помнил, как потом стал наводить, помнил всё до последнего момента. Могло быть и то, что процесс заряжания ружья был ему облегчением, исходом страждущей души его, и он рад был сосредоточить себя хотя бы одно только мгновение на каком-нибудь исходном внешнем предмете. Так бывает на гильотине с теми, которым рубят голову. Дюбарри кричала палачу: «Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!»[1] В двадцать раз она бы выстрадала больше в эту даровую минуту, если б ей ее подарили, а все-таки кричала и молила о ней. Но если предположить, что заряжание ружья было для нашего грешника вроде как у Дюбарри «encore un moment», то, уж конечно, он бы не мог после такого момента опять обратиться к своему ужасу, от которого раз оторвался, и продолжать дело, наводить и стрелять. Тут просто бы онемели руки и перестали бы слушаться, ружье бы вывалилось из них само собою, несмотря даже на сохранившиеся сознание и волю.

И вот в самый последний момент — вся ложь, вся низость поступка, всё малодушие, принимаемое за силу, весь срам падения — всё это вырвалось вдруг в одно мгновение из его сердца и стало перед ним в грозном обличении. Неимоверное видение предстало ему... всё кончилось.

Суд прогремел из его сердца конечно. Почему прогремел не сознательно, не внезапным прояснением ума и совести, почему проявился в образе, как бы совершенно внешним, независимым от его духа фактом? В этом огромная психологическая задача и дело господа. Для него, для преступника, без сомнения было делом господним. Влас пошел по миру и потребовал страдания.

Ну а другой-то Влас, оставшийся, искуситель? Легенда не говорит, что он пополз за покаянием, не упоминает о нем ничего. Может, пополз и он, а может, и остался в деревне и живет себе до сих пор, опять пьет и зубоскалит по праздникам: ведь не он же видел видение. Так ли, впрочем? Очень бы желательно узнать и его историю, для сведения, для этюда.

Вот почему еще желательно бы: что, если это и впрямь настоящий нигилист деревенский, доморощенный отрицатель и мыслитель, не верующий, с высокомерною насмешкой выбравший предмет состязания, не страдавший, не трепетавший вместе с своею жертвою, как предположили мы в нашем этюде, а с холодным любопытством следивший за ее трепетаниями и корчами, из одной лишь потребности чужого страдания, человеческого унижения, — черт знает, может быть, из ученого наблюдения?

Если уж есть и такие черты даже и в народном характере (а в настоящее время всё возможно предположить), да еще

---

[1] «Еще минуточку, господин палач, еще минуточку!» (*франц.*).

в нашей деревне, то это уже новое откровение, несколько даже и неожиданное. Что-то не слыхано было прежде о подобных чертах. Искуситель у г-на Островского в прекрасной комедии «Не так живи как хочется» вышел даже очень плоховат. Жаль, что тут нельзя узнать ничего достоверного.

Конечно, интерес рассказанной истории, — если только в ней есть интерес, — лишь в том, что она истинная. Но заглядывать в душу современного Власа иногда дело не лишнее. Современный Влас быстро изменяется. Там внизу у него такое же кипение, как и сверху у нас, начиная с 19 февраля. Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил. Рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие. Соображают иные, серьезные, но несколько торопливые люди, и соображают по фактам, что если продолжится такой «кутеж» еще хоть только на десять лет, то и представить нельзя последствий, хотя бы только с экономической точки зрения. Но вспомним «Власа» и успокоимся: в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело божие. Во всяком случае спасет себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасет, ибо опять-таки — свет и спасение воссияют снизу (в совершенно, может быть, неожиданном виде для наших либералов, и в этом будет много комического). Есть даже намеки на эту неожиданность, наклевываются и теперь даже факты... Впрочем, об этом можно и после поговорить. Во всяком случае наша несостоятельность как «птенцов гнезда Петрова» в настоящий момент несомненна. Да ведь девятнадцатым февралем и закончился по-настоящему петровский период русской истории, так что мы давно уже вступили в полнейшую неизвестность.

VI

БОБОК

На этот раз помещаю «Записки одного лица». Это не я; это совсем другое лицо. Я думаю, более не надо никакого предисловия.

ЗАПИСКИ ОДНОГО ЛИЦА

Семен Ардальонович третьего дня мне как раз:

— Да будешь ли ты, Иван Иваныч, когда-нибудь трезв, скажи на милость?

Странное требование. Я не обижаюсь, я человек робкий; но, однако же, вот меня и сумасшедшим сделали. Списал с меня живописец портрет из случайности: «Все-таки ты, говорит, литера-

тор». Я дался, он и выставил. Читаю: «Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо».

Оно пусть, но ведь как же, однако, так прямо в печати? В печати надо всё благородное; идеалов надо, а тут...

Скажи по крайней мере косвенно, на то тебе слог. Нет, он косвенно уже не хочет. Ныне юмор и хороший слог исчезают и ругательства заместо остроты принимаются. Я не обижаюсь: не бог знает какой литератор, чтобы с ума сойти. Написал повесть — не напечатали. Написал фельетон — отказали. Этих фельетонов я много по разным редакциям носил, везде отказывали: «Соли, говорят, у вас нет».

— Какой же тебе соли, — спрашиваю с насмешкою. — аттической?

Даже и не понимает. Перевожу больше книгопродавцам с французского. Пишу и объявления купцам: «Редкость! Красненький, дескать, чай, с собственных плантаций...» За панегирик его превосходительству покойному Петру Матвеевичу большой куш хватил. «Искусство нравиться дамам» по заказу книгопродавца составил. Вот этаких книжек я штук шесть в моей жизни пустил. Вольтеровы бонмо хочу собрать, да боюсь, не пресно ли нашим покажется. Какой теперь Вольтер; нынче дубина, а не Вольтер! Последние зубы друг другу повыбили! Ну вот и вся моя литературная деятельность. Разве что безмездно письма по редакциям рассылаю, за моею полною подписью. Всё увещания и советы даю, критикую и путь указую. В одну редакцию на прошлой неделе сороковое письмо за два года послал; четыре рубля на одни почтовые марки истратил. Характер у меня скверен, вот что.

Думаю, что живописец списал меня не литературы ради, а ради двух моих симметрических бородавок на лбу: феномен, дескать. Идеи-то нет, так они теперь на феноменах выезжают. Ну и как же у него на портрете удались мои бородавки, — живые! Это они реализмом зовут.

А насчет помешательства, так у нас прошлого года многих в сумасшедшие записали. И каким слогом: «При таком, дескать, самобытном таланте... и вот что под самый конец оказалось... впрочем, давно уже надо было предвидеть...» Это еще довольно хитро; так что с точки чистого искусства даже и похвалить можно. Ну а те вдруг еще умней воротились. То-то, свести-то с ума у нас сведут, а умней-то еще никого не сделали.

Всех умней, по-моему, тот, кто хоть раз в месяц самого себя дураком назовет, — способность ныне неслыханная! Прежде, по крайности, дурак хоть раз в год знал про себя, что он дурак, ну а теперь ни-ни. И до того замешали дела, что дурака от умного не отличишь. Это они нарочно сделали.

Припоминается мне испанская острота, когда французы, два с половиною века назад, выстроили у себя первый сумасшедший дом: «Они заперли всех своих дураков в особенный дом,

чтобы уверить, что сами они люди умные». Оно и впрямь: тем, что другого запрешь в сумасшедший, своего ума не докажешь. «К. с ума сошел, значит, теперь мы умные». Нет, еще не значит.

Впрочем, черт... и что я с своим умом развозился: брюзжу, брюзжу. Даже служанке надоел. Вчера заходил приятель: «У тебя, говорит, слог меняется, рубленый. Рубишь, рубишь — и вводное предложение, потом к вводному еще вводное, потом в скобках еще что-нибудь вставишь, а потом опять зарубишь, зарубишь...»

Приятель прав. Со мной что-то странное происходит. И характер меняется, и голова болит. Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: «Бобок, бобок, бобок!»

Какой такой бобок? Надо развлечься.

Ходил развлекаться, попал на похороны. Дальний родственник. Коллежский, однако, советник. Вдова, пять дочерей, все девицы. Ведь это только по башмакам, так во что обойдется! Покойник добывал, ну а теперь — пенсионишка. Подожмут хвосты. Меня принимали всегда нерадушно. Да и не пошел бы я и теперь, если бы не экстренный такой случай. Провожал до кладбища в числе других; сторонятся от меня и гордятся. Вицмундир мой действительно плоховат. Лет двадцать пять, я думаю, не бывал на кладбище; вот еще местечко!

Во-первых, дух. Мертвецов пятнадцать наехало. Покровы разных цен; даже было два катафалка: одному генералу и одной какой-то барыне. Много скорбных лиц, много и притворной скорби, а много и откровенной веселости. Причту нельзя пожаловаться: доходы. Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом.

В лица мертвецов заглядывал с осторожностью, не надеясь на мою впечатлительность. Есть выражения мягкие, есть и неприятные. Вообще улыбки не хороши, а у иных даже очень. Не люблю; снятся.

За обедней вышел из церкви на воздух; день был сероват, но сух. Тоже и холодно; ну да ведь и октябрь же. Походил по могилкам. Разные разряды. Третий разряд в тридцать рублей: и прилично и не так дорого. Первые два в церкви и под папертью; ну, это кусается. В третьем разряде за этот раз хоронили человек шесть, в том числе генерала и барыню.

Заглянул в могилки — ужасно: вода, и какая вода! Совершенно зеленая и... ну да уж что! Поминутно могильщик выкачивал черпаком. Вышел, пока служба, побродить за врата. Тут сейчас богадельня, а немного подальше и ресторан. И так себе, недурной ресторанчик: и закусить и всё. Набилось много и из провожатых. Много заметил веселости и одушевления искреннего. Закусил и выпил.

Затем участвовал собственноручно в отнесении гроба из церкви к могиле. Отчего это мертвецы в гробу делаются так тяжелы? Говорят, по какой-то инерции, что тело будто бы как-то уже не управляется самим... или какой-то вздор в этом роде; противоречит механике и здравому смыслу. Не люблю, когда при одном лишь общем образовании суются у нас разрешать специальности; а у нас это сплошь. Штатские лица любят судить о предметах военных и даже фельдмаршальских, а люди с инженерным образованием судят больше о философии и политической экономии.

На литию не поехал. Я горд, и если меня принимают только по экстренной необходимости, то чего же таскаться по их обедам, хотя бы и похоронным? Не понимаю только, зачем остался на кладбище; сел на памятник и соответственно задумался.

Начал с московской выставки, а кончил об удивлении, говоря вообще как о теме. Об «удивлении» я вот что вывел:

«Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признано за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать».

— Да я прежде всего желаю уважать. Я *жажду* уважать,— сказал мне как-то раз на днях один мой знакомый.

Жаждет он уважать! И боже, подумал я, что бы с тобой было, если б ты это дерзнул теперь напечатать!

Тут-то я и забылся. Не люблю читать надгробных надписей; вечно то же. На плите подле меня лежал недоеденный бутерброд: глупо и не к месту. Скинул его на землю, так как это не хлеб, а лишь бутерброд. Впрочем, на землю хлеб крошить, кажется, не грешно; это на пол грешно. Справиться в календаре Суворина.

Надо полагать, что я долго сидел, даже слишком; то есть даже прилег на длинном камне в виде мраморного гроба. И как это так случилось, что вдруг начал слышать разные вещи? Не обратил сначала внимания и отнесся с презрением. Но, однако, разговор продолжался. Слышу — звуки глухие, как будто рты закрыты подушками; и при всем том внятные и очень близкие. Очнулся, присел и стал внимательно вслушиваться.

— Ваше превосходительство, это просто никак невозможно-с. Вы объявили в червях, я вистую, и вдруг у вас семь в бубнах. Надо было условиться заранее насчет бубен-с.

— Что же, значит, играть наизусть? Где же привлекательность?

— Нельзя, ваше превосходительство, без гарантии никак нельзя. Надо непременно с болваном, и чтоб была одна темная сдача.

— Ну, болвана здесь не достанешь.

Какие заносчивые, однако, слова! И странно и неожиданно. Один такой веский и солидный голос, другой как бы мягко услащенный; не поверил бы, если б не слышал сам. На литии я, кажется, не был. И, однако, как же это здесь в преферанс, и какой такой генерал? Что раздавалось из-под могил, в том не было и сомнения. Я нагнулся и прочел надпись на памятнике:

«Здесь покоится тело генерал-майора Первоедова... таких-то и таких орденов кавалера». Гм. «Скончался в августе сего года... пятидесяти семи... Покойся, милый прах, до радостного утра!»

Гм, черт, в самом деле генерал! На другой могилке, откуда шел льстивый голос, еще не было памятника; была только плитка; должно быть, из новичков. По голосу надворный советник.

— Ох-хо-хо-хо! — послышался совсем уже новый голос, саженях в пяти от генеральского места и уже совсем из-под свежей могилки, — голос мужской и простонародный, но расслабленный на благоговейно-умиленный манер.

— Ох-хо-хо-хо!

— Ах, опять он икает! — раздался вдруг брезгливый и высокомерный голос раздраженной дамы, как бы высшего света. — Наказание мне подле этого лавочника!

— Ничего я не икал, да и пищи не принимал, а одно лишь это мое естество. И всё-то вы, барыня, от ваших здешних капризов никак не можете успокоиться.

— Так зачем вы сюда легли?

— Положили меня, положили супруга и малые детки, а не сам я возлег. Смерти таинство! И не лег бы я подле вас ни за что, ни за какое злато; а лежу по собственному капиталу, судя по цене-с. Ибо это мы всегда можем, чтобы за могилку нашу по третьему разряду внести.

— Накопил; людей обсчитывал?

— Чем вас обсчитаешь-то, коли с января почитай никакой вашей уплаты к нам не было. Счетец на вас в лавке имеется.

— Ну уж это глупо; здесь, по-моему, долги разыскивать очень глупо! Ступайте наверх. Спрашивайте у племянницы; она наследница.

— Да уж где теперь спрашивать и куда пойдешь. Оба достигли предела и пред судом божиим во гресех равны.

— Во гресех! — презрительно передразнила покойница. — И не смейте совсем со мной говорить!

— Ох-хо-хо-хо!

— Однако лавочник-то барыни слушается, ваше превосходительство.

— Почему же бы ему не слушаться?

— Ну да известно, ваше превосходительство, так как здесь новый порядок.

— Какой же это новый порядок?

— Да ведь мы, так сказать, умерли, ваше превосходительство.

— Ах, да! Ну всё же порядок...

Ну, одолжили; нечего сказать, утешили! Если уж здесь до того дошло, то чего же спрашивать в верхнем-то этаже? Какие, однако же, штуки! Продолжал, однако, выслушивать, хотя и с чрезмерным негодованием.

— Нет, я бы пожил! Нет... я, знаете... я бы пожил! — раздался вдруг чей-то новый голос, где-то в промежутке между генералом и раздражительной барыней.

— Слышите, ваше превосходительство, наш опять за то же. По три дня молчит-молчит, и вдруг: «Я бы пожил, нет, я бы пожил!» И с таким, знаете, аппетитом, хи-хи!

— И с легкомыслием.

— Пронимает его, ваше превосходительство, и, знаете, засыпает, совсем уже засыпает, с апреля ведь здесь, и вдруг: «Я бы пожил!»

— Скучновато, однако, — заметил его превосходительство.

— Скучновато, ваше превосходительство, разве Авдотью Игнатьевну опять пораздразнить, хи-хи?

— Нет уж, прошу уволить. Терпеть не могу этой задорной криксы.

— А я, напротив, вас обоих терпеть не могу, — брезгливо откликнулась крикса. — Оба вы самые прескучные и ничего не умеете рассказать идеального. Я про вас, ваше превосходительство, — не чваньтесь, пожалуйста, — одну историйку знаю, как вас из-под одной супружеской кровати поутру лакей щеткой вымел.

— Скверная женщина! — сквозь зубы проворчал генерал.

— Матушка, Авдотья Игнатьевна, — возопил вдруг опять лавочник, — барынька ты моя, скажи ты мне, зла не помня, что ж я по мытарствам это хожу, али что иное деется?..

— Ах, он опять за то же, так я и предчувствовала, потому слышу дух от него, дух, а это он ворочается!

— Не ворочаюсь я, матушка, и нет от меня никакого такого особого духу, потому еще в полном нашем теле как есть сохранил себя, а вот вы, барынька, так уж тронулись, — потому дух действительно нестерпимый, даже и по здешнему месту. Из вежливости только молчу.

— Ах, скверный обидчик! От самого так и разит, а он на меня.

— Ох-хо-хо-хо! Хоша бы сороковинки наши скорее пристигли: слезные гласы их над собою услышу, супруги вопль и детей тихий плач!..

— Ну, вот об чем плачет: нажрутся кутьи и уедут. Ах, хоть бы кто проснулся!

— Авдотья Игнатьевна, — заговорил льстивый чиновник, — Подождите капельку, новенькие заговорят.

— А молодые люди есть между ними?

— И молодые есть, Авдотья Игнатьевна. Юноши даже есть.

— Ах, как бы кстати!

— А что, не начинали еще? — осведомился его превосходительство.

— Даже и третьёводнишние еще не очнулись, ваше превосходительство, сами изволите знать, иной раз по неделе молчат. Хорошо, что их вчера, третьего дня и сегодня как-то разом вдруг навезли. А то ведь кругом сажен на десять почти все у нас прошлогодние.

— Да, интересно.

— Вот, ваше превосходительство, сегодня действительного тайного советника Тарасевича схоронили. Я по голосам узнал. Племянник его мне знаком, давеча гроб опускал.

— Гм, где же он тут?

— Да шагах в пяти от вас, ваше превосходительство, влево. Почти в самых ваших ногах-с... Вот бы вам, ваше превосходительство, познакомиться.

— Гм, нет уж... мне что же первому.

— Да он сам начнет, ваше превосходительство. Он будет даже польщен, поручите мне, ваше превосходительство, и я...

— Ах, ах... ах, что же это со мной? — закряхтел вдруг чей-то испуганный новенький голосок.

— Новенький, ваше превосходительство, новенький, слава богу, и как ведь скоро! Другой раз по неделе молчат.

— Ах, кажется, молодой человек! — взвизгнула Авдотья Игнатьевна.

— Я... я... я от осложнения, и так внезапно! — залепетал опять юноша. — Мне Шульц еще накануне: у вас, говорит, осложнение, а я вдруг к утру и помер. Ах! Ах!

— Ну, нечего делать, молодой человек, — милостиво и очевидно радуясь новичку заметил генерал, — надо утешиться! Милости просим в нашу, так сказать, долину Иосафатову. Люди мы добрые, узнаете и оцените. Генерал-майор Василий Васильев Первоедов, к вашим услугам.

— Ах, нет! нет, нет, это я никак! Я у Шульца; у меня, знаете, осложнение вышло, сначала грудь захватило и кашель, а потом простудился: грудь и грипп... и вот вдруг совсем неожиданно... главное, совсем неожиданно.

— Вы говорите, сначала грудь, — мягко ввязался чиновник, как бы желая ободрить новичка.

— Да, грудь и мокрота, а потом вдруг нет мокроты и грудь, и дышать не могу... и знаете...

— Знаю, знаю. Но если грудь, вам бы скорее к Эку, а не к Шульцу.

— А я, знаете, всё собирался к Боткину... и вдруг...

— Ну, Боткин кусается, — заметил генерал.

— Ах, нет, он совсем не кусается; я слышал, он такой внимательный и всё предскажет вперед.

— Его превосходительство заметил насчет цены, — поправил чиновник.

— Ах, что вы, всего три целковых, и он так осматривает, и рецепт... и я непременно хотел, потому что мне говорили... Что же, господа, как же мне, к Эку или к Боткину?

— Что? Куда? — приятно хохоча, заколыхался труп генерала. Чиновник вторил ему фистулой.

— Милый мальчик, милый, радостный мальчик, как я тебя люблю! — восторженно взвизгнула Авдотья Игнатьевна. — Вот если б этакого подле положили!

Нет, этого уж я не могу допустить! и это современный мертвец! Однако послушать еще и не спешить заключениями. Этот сопляк новичок — я его давеча в гробу помню — выражение перепуганного цыпленка, наипротивнейшее в мире! Однако что далее.

Но далее началась такая катавасия, что я всего и не удержал в памяти, ибо очень многие разом проснулись: проснулся чиновник, из статских советников, и начал с генералом тотчас же и немедленно о проекте новой подкомиссии в министерстве — дел и о вероятном, сопряженном с подкомиссией, перемещении должностных лиц, чем весьма и весьма развлек генерала. Признаюсь, я и сам узнал много нового, так что подивился путям, которыми можно иногда узнавать в сей столице административные новости. Затем полупроснулся один инженер, но долго еще бормотал совершенный вздор, так что наши и не приставали к нему, а оставили до времени вылежаться. Наконец, обнаружила признаки могильного воодушевления схороненная поутру под катафалком знатная барыня. Лебезятников (ибо льстивый и ненавидимый мною надворный советник, помещавшийся подле генерала Первоедова, по имени оказался Лебезятниковым) очень суетился и удивлялся, что так скоро на этот раз все просыпаются. Признаюсь, удивился и я; впрочем, некоторые из проснувшихся были схоронены еще третьего дня, как, например, одна молоденькая очень девица, лет шестнадцати, но всё хихикавшая... мерзко и плотоядно хихикавшая.

— Ваше превосходительство, тайный советник Тарасевич просыпаются! — возвестил вдруг Лебезятников с чрезвычайною торопливостью.

— А? что? — брезгливо и сюсюкающим голосом прошамкал вдруг очнувшийся тайный советник. В звуках голоса было нечто капризно-повелительное. Я с любопытством прислушался, ибо в последние дни нечто слышал о сем Тарасевиче — соблазнительное и тревожное в высшей степени.

— Это я-с, ваше превосходительство, покамест всего только я-с.

— Чего просите и что вам угодно?

— Единственно осведомиться о здоровье вашего превосходительства; с непривычки здесь каждый с первого разу чувствует себя как бы в тесноте-с... Генерал Первоедов желал бы иметь честь знакомства с вашим превосходительством и надеются...

— Не слыхал.

— Помилуйте, ваше превосходительство, генерал Первоедов, Василий Васильевич...

— Вы генерал Первоедов?

— Нет-с, ваше превосходительство, я всего только надворный советник Лебезятников-с к вашим услугам, а генерал Первоедов...

— Вздор! И прошу вас оставить меня в покое.

— Оставьте, — с достоинством остановил наконец сам генерал Первоедов гнусную торопливость могильного своего клиента.

— Не проснулись еще, ваше превосходительство, надо иметь в виду-с; это они с непривычки-с: проснутся и тогда примут иначе-с...

— Оставьте, — повторил генерал.

— Василий Васильевич! Эй вы, ваше превосходительство! — вдруг громко и азартно прокричал подле самой Авдотьи Игнатьевны один совсем новый голос — голос барский и дерзкий, с утомленным по моде выговором и с нахальною его скандировкою, — я вас всех уже два часа наблюдаю; я ведь три дня лежу; вы помните меня, Василий Васильевич? Клиневич, у Волоконских встречались, куда вас, не знаю почему, тоже пускали.

— Как, граф Петр Петрович... да неужели же вы... и в таких молодых годах... Как сожалею!

— Да я и сам сожалею, но только мне всё равно, и я хочу отвсюду извлечь всё возможное. И не граф, а барон, всего только барон. Мы какие-то шелудивые баронишки, из лакеев, да и не знаю почему, наплевать. Я только негодяй псевдовысшего света и считаюсь «милым полисоном». Отец мой какой-то генералишка, а мать была когда-то принята en haut lieu.[1] Я с Зифелем-жидом на пятьдесят тысяч прошлого года фальшивых бумажек провел, да на него и донес, а деньги все с собой Юлька Charpentier de Lusignan увезла в Бордо. И, представьте, я уже совсем был помолвлен — Щевалевская, трех месяцев до шестнадцати недоставало, еще в институте, за ней тысяч девяносто дают. Авдотья Игнатьевна, помните, как вы меня, лет пятнадцать назад, когда я еще был четырнадцатилетним пажом, развратили?..

— Ах, это ты, негодяй, ну хоть тебя бог послал, а то здесь...

— Вы напрасно вашего соседа негоцианта заподозрили в дур-

---

[1] в высших сферах (*франц.*).

ном запахе... Я только молчал да смеялся. Ведь это от меня; меня так в заколоченном гробе и хоронили.

— Ах, какой мерзкий! Только я все-таки рада; вы не поверите, Клиневич, не поверите, какое здесь отсутствие жизни и остроумия.

— Ну да, ну да, и я намерен завести здесь нечто оригинальное. Ваше превосходительство, — я не вас, Первоедов, — ваше превосходительство, другой, господин Тарасевич, тайный советник! Откликнитесь! Клиневич, который вас к m-lle Фюри постом возил, слышите?

— Я вас слышу, Клиневич, и очень рад, и поверь-те...

— Ни на грош не верю, и наплевать. Я вас, милый старец, просто расцеловать хочу, да, слава богу, не могу. Знаете вы, господа, что этот grand-père [1] сочинил? Он третьего дня аль четвертого помер и, можете себе представить, целых четыреста тысяч казенного недочету оставил? Сумма на вдов и сирот, и он один почему-то хозяйничал, так что его под конец лет восемь не ревизовали. Воображаю, какие там у всех теперь длинные лица и чем они его поминают? Не правда ли, сладострастная мысль! Я весь последний год удивлялся, как у такого семидесятилетнего старикашки, подагрика и хирагрика, уцелело еще столько сил на разврат, и — и вот теперь и разгадка! Эти вдовы и сироты — да одна уже мысль о них должна была раскалять его!.. Я про это давно уже знал, один только я и знал, мне Charpentier передала, и как я узнал, тут-то я на него, на святой, и налег по-приятельски: «Подавай двадцать пять тысяч, не то завтра обревизуют»; так, представьте, у него только тринадцать тысяч тогда нашлось, так что он, кажется, теперь очень кстати помер. Grand-père, grand-père, слышите?

— Chèr Клиневич, я совершенно с вами согласен, и напрасно вы... пускались в такие подробности. В жизни столько страданий, истязаний и так мало возмездия... я пожелал наконец успокоиться и, сколько вижу, надеюсь извлечь и отсюда всё...

— Бьюсь об заклад, что он уже пронюхал Катишь Берестову!

— Какую?.. Какую Катишь? — плотоядно задрожал голос старца.

— А-а, какую Катишь? А вот здесь, налево, в пяти шагах от меня, от вас в десяти. Она уж здесь пятый день, и если б вы знали, grand-père, что это за мерзавочка... хорошего дома, воспитанна и — монстр, монстр до последней степени! Я там ее никому не показывал, один я и знал... Катишь, откликнись!

— Хи-хи-хи! — откликнулся надтреснутый звук девичьего голоска, но в нем послышалось нечто вроде укола иголки. — Хи-хи-хи!

— И блон-ди-ночка? — обрывисто в три звука пролепетал grand-père.

[1] дедушка (*франц.*).

— Хи-хи-хи!

— Мне. . . мне давно уже, — залепетал, задыхаясь, старец, — нравилась мечта о блондиночке. . . лет пятнадцати. . . и именно при такой обстановке. . .

— Ах, чудовище! — воскликнула Авдотья Игнатьевна.

— Довольно! — порешил Клиневич, — я вижу, что материал превосходный. Мы здесь немедленно устроимся к лучшему. Главное, чтобы весело провести остальное время; но какое время? Эй, вы, чиновник какой-то, Лебезятников, что ли, я слышал, что вас так звали!

— Лебезятников, надворный советник, Семен Евсеич, к вашим услугам и очень-очень-очень рад.

— Наплевать, что вы рады, а только вы, кажется, здесь всё знаете. Скажите, во-первых (я еще со вчерашнего дня удивляюсь), каким это образом мы здесь говорим? Ведь мы умерли, а между тем говорим; как будто и движемся, а между тем и не говорим и не движемся? Что за фокусы?

— Это, если б вы пожелали, барон, мог бы вам лучше меня Платон Николаевич объяснить.

— Какой такой Платон Николаевич? Не мямлите, к делу.

— Платон Николаевич, наш доморощенный здешний философ, естественник и магистр. Он несколько философских книжек пустил, но вот три месяца и совсем засыпает, так что уже здесь его невозможно теперь раскачать. Раз в неделю бормочет по нескольку слов, не идущих к делу.

— К делу, к делу! . .

— Он объясняет всё это самым простым фактом, именно тем, что наверху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь еще раз как будто оживает, остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании. Это — не умею вам выразить — продолжается жизнь как бы по инерции. Всё сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три. . . иногда даже полгода. . . Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он всё еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок: «Бобок, бобок», — но и в нем, значит, жизнь всё еще теплится незаметною искрой. . .

— Довольно глупо. Ну а как же вот я не имею обоняния, а слышу вонь?

— Это. . . хе-хе. . . Ну уж тут наш философ пустился в туман. Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная — хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться. . . и что это, так сказать, последнее милосердие. . . Только мне кажется, барон, всё это уже мистический бред, весьма извинительный в его положении. . .

— Довольно, и далее, я уверен, всё вздор. Главное, два или три месяца жизни и в конце концов — бобок. Я предлагаю всем

провести эти два месяца как можно приятнее и для того всем устроиться на иных основаниях. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!

— Ах, давайте, давайте ничего не стыдиться! — послышались многие голоса, и, странно, послышались даже совсем новые голоса, значит, тем временем вновь проснувшихся. С особенною готовностью прогремел басом свое согласие совсем уже очнувшийся инженер. Девочка Катишь радостно захихикала.

— Ах, как я хочу ничего не стыдиться! — с восторгом воскликнула Авдотья Игнатьевна.

— Слышите, уж коли Авдотья Игнатьевна хочет ничего не стыдиться. . .

— Нет-нет-нет, Клиневич, я стыдилась, я все-таки там стыдилась, а здесь я ужасно, ужасно хочу ничего не стыдиться!

— Я понимаю, Клиневич, — пробасил инженер, — что вы предлагаете устроить здешнюю, так сказать, жизнь на новых и уже разумных началах.

— Ну, это мне наплевать! На этот счет подождем Кудеярова, вчера принесли. Проснется и вам всё объяснит. Это такое лицо, такое великанское лицо! Завтра, кажется, притащат еще одного естественника, одного офицера наверно и, если не ошибаюсь, дня через три-четыре одного фельетониста, и, кажется, вместе с редактором. Впрочем, черт с ними, но только нас соберется своя кучка и у нас всё само собою устроится. Но пока я хочу, чтоб не лгать. Я только этого и хочу, потому что это главное. На земле жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь синонимы; ну а здесь мы для смеху будем не лгать. Черт возьми, ведь значит же что-нибудь могила! Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться. Я прежде всех про себя расскажу. Я, знаете, из плотоядных. Всё это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!

— Обнажимся, обнажимся! — закричали во все голоса.

— Я ужасно, ужасно хочу обнажиться! — взвизгивала Авдотья Игнатьевна.

— Ах. . . ах. . . Ах, я вижу, что здесь будет весело; я не хочу к Эку!

— Нет, я бы пожил, нет, знаете, я бы пожил!

— Хи-хи-хи! — хихикала Катишь.

— Главное, что никто не может нам запретить, и хоть Первоедов, я вижу, и сердится, а рукой он меня все-таки не достанет. Grand-père, вы согласны?

— Я совершенно, совершенно согласен и с величайшим моим удовольствием, но с тем, что Катишь начнет первая свою биографию.

— Протестую! протестую изо всех сил, — с твердостию произнес генерал Первоедов.

— Ваше превосходительство! — в торопливом волнении и понизив голос лепетал и убеждал негодяй Лебезятников, — ваше превосходительство, ведь это нам даже выгоднее, если мы согласимся. Тут, знаете, эта девочка... и, наконец, все эти разные штучки...

— Положим, девочка, но...

— Выгоднее, ваше превосходительство, ей-богу бы выгоднее! Ну хоть для примерчика, ну хоть попробуем...

— Даже и в могиле не дадут успокоиться!

— Во-первых, генерал, вы в могиле в преферанс играете, а во-вторых, нам на вас на-пле-вать, — проскандировал Клиневич.

— Милостивый государь, прошу, однако, не забываться.

— Что? Да ведь вы меня не достанете, а я вас могу отсюда дразнить, как Юлькину болонку. И, во-первых, господа, какой он здесь генерал? Это там он был генерал, а здесь пшик!

— Нет, не пшик... я и здесь...

— Здесь вы сгниете в гробу, и от вас останется шесть медных пуговиц.

— Браво, Клиневич, ха-ха-ха! — заревели голоса.

— Я служил государю моему... я имею шпагу...

— Шпагой вашей мышей колоть, и к тому же вы ее никогда не вынимали.

— Всё равно-с; я составлял часть целого.

— Мало ли какие есть части целого.

— Браво, Клиневич, браво, ха-ха-ха!

— Я не понимаю, что такое шпага, — провозгласил инженер.

— Мы от пруссаков убежим, как мыши, растреплют в пух! — прокричал отдаленный и неизвестный мне голос, но буквально захлебывавшийся от восторга.

— Шпага, сударь, есть честь! — крикнул было генерал, но только я его и слышал. Поднялся долгий и неистовый рев, бунт и гам, и лишь слышались нетерпеливые до истерики взвизги Авдотьи Игнатьевны.

— Да поскорей же, поскорей! Ах, когда же мы начнем ничего не стыдиться!

— Ох-хо-хо! воистину душа по мытарствам ходит! — раздался было голос простолюдина, и...

И тут я вдруг чихнул. Произошло внезапно и ненамеренно, но эффект вышел поразительный: всё смолкло, точно на кладбище, исчезло, как сон. Настала истинно могильная тишина. Не думаю, чтобы они меня устыдились: решились же ничего не стыдиться! Я прождал минут с пять и — ни слова, ни звука. Нельзя тоже предположить, чтобы испугались доноса в полицию; ибо что может тут сделать полиция? Заключаю невольно, что все-таки у них должна быть какая-то тайна, неизвестная смертному и которую они тщательно скрывают от всякого смертного.

«Ну, подумал, миленькие, я еще вас навещу» — и с сим словом оставил кладбище.

Нет, этого я не могу допустить; нет, воистину нет! Бобок меня не смущает (вот он, бобок-то, и оказался!).

Разврат в таком месте, разврат последних упований, разврат дряблых и гниющих трупов и — даже не щадя последних мгновений сознания! Им даны, подарены эти мгновения и... А главное, главное, в таком месте! Нет, этого я не могу допустить...

Побываю в других разрядах, послушаю везде. То-то и есть что надо послушать везде, а не с одного лишь краю, чтобы составить понятие. Авось наткнусь и на утешительное.

А к тем непременно вернусь. Обещали свои биографии и разные анекдотцы. Тьфу! Но пойду, непременно пойду; дело совести!

Снесу в «Гражданин»; там одного редактора портрет тоже выставили. Авось напечатает.

VII

«СМЯТЕННЫЙ ВИД»

Я кое-что прочел из текущей литературы и чувствую, что «Гражданин» обязан упомянуть о ней на своих страницах. Но — какой я критик? Я действительно хотел было писать критическую статью, но, кажется, я могу сказать кое-что лишь «по поводу». Всего я прочел: «Запечатленного ангела» г-на Лескова, поэму Некрасова и статью г-на Щедрина. Прочел я тоже статьи г-д Скабичевского и Н. М. в «Отечественных записках». Обе эти статьи в некотором смысле были для меня как бы новым откровением; когда-нибудь непременно надо поговорить о них. А теперь начну с начала, то есть в том порядке, как читал, именно с «Запечатленного ангела».

Это рассказ г-на Лескова в «Русском вестнике». Известно, что сочинение это многим понравилось здесь в Петербурге и что очень многие его прочли. Действительно, оно того стоит: и характерно и занимательно. Это повесть, рассказанная одним бывшим раскольником на станции в рождественскую ночь, о том, как все они, раскольники, человек сто пятьдесят, целою артелью перешли в православие вследствие чуда. Эта артель работников строила мост в одном большом русском городе и года три жила в отдельных бараках на берегу реки. Была у них своя часовня, а в ней множество древних образов, освященных еще до времен патриарха Никона. Очень занимательно рассказано, как одному господину, не совершенно маловажному чиновнику, захотелось сорвать с артели взятку, тысяч в пятнадцать. Наехав вдруг в часовню со властью, он потребовал по ста рублей с иконы выкупа. Дать не могли. Тогда он арестовал образа. В них просверлили дырья, нанизали их на железные спицы, как бублики, и унесли куда-то в подвал. Но тут была икона ангела, древняя и особо уважаемая, считаемая артелью за чудотворную. Чтобы поразить, отмстить и оскорбить,

чиновник, раздраженный упорством неплатящих раскольников, взял сургуч и в виду всего собрания накапал его на лик образа и приложил казенную печать. Местный архиерей, увидав запечатленный лик святыни, изрек: «Смятенный вид» — и распорядился поставить поруганную икону в соборе на окно. Г-н Лесков уверяет, что слова архиерея и распоряжение отнести поруганную икону в собор, а не в подвал, будто бы очень понравились раскольникам.

Затем началась запутанная и занимательная история о том, как был выкраден этот «Ангел» из собора. С раскольниками связался англичанин, барин и, кажется, подрядчик по строящемуся мосту, полюбил их и, так как с ним они были откровенны, то взялся им помогать. Особенно выдаются в рассказе беседы раскольников с англичанином об иконной живописи. Это место серьезно хорошо, лучшее во всем рассказе. Всё кончается тем, что за всенощной икону наконец выкрали из собора, ангела распечатлели, подменили иконою новою, еще не освященною, которую взялась «запечатлеть». наподобие первой, жена англичанина. И вот в критическую минуту случилось чудо: от новой запечатленной иконы видели свет (правда, видел один только человек), а икона, когда ее принесли, оказалась незапечатленною, то есть без сургуча на лике. Это так поразило принесшего ее раскольника, что он тут же отправился в собор к архиерею и во всем ему покаялся, причем владыко простил и изрек: «Это тебе должно быть внушительно теперь, где вера действеннее: вы, говорит, плутовством с своего ангела печать свели, а наш сам с себя ее снял и тебя сюда привел».

Чудо так поразило раскольников, что они всею артелью, сто пятьдесят или около человек, перешли в православие.

Но тут автор не удержался и кончил повесть довольно неловко. (К этим неловкостям г-н Лесков способен; вспомним только конец диакона Ахиллы в его «Соборянах».) Он, кажется, испугался, что его обвинят в наклонности к предрассудкам, и поспешил разъяснить чудо. Сам же рассказчик, то есть мужичок, бывший раскольник, «весело» у него сознается, что на другой день после их обращения в православие доискались, почему распечатлелся ангел. Англичанка не осмелилась закапать лик хотя и не освященной иконы, а сделала печать на бумажке и подвела ее под края оклада. В дороге бумажка, конечно, соскользнула, и ангел распечатлелся. Таким образом, отчасти и непонятно, почему раскольники остались в православии, несмотря на разъяснение чуда? Конечно, от умиления и от ласки простившего их архиерея? Но взяв в соображение твердость и чистоту их прежних верований, взяв в соображение посрамление их святыни и надругание над святынею их собственных чувств, взяв в соображение, наконец, вообще характер нашего раскола, вряд ли можно объяснить обращение раскольников одним умилением, — да и к чему, к кому? В благодарность за одно только *прощение* архиерея? Ведь понимали же они — даже лучше других, — что́ именно на

самом деле должна бы означать власть архиерея в церкви, а потому и не могли бы умилиться чувством к той церкви, где архиерей после такого неслыханного, всенародно-бесстыдного и самоуправного святотатства, которое позволил себе взяточник-чиновник, касающегося как раскольников, так равно и *всех православных*, ограничивается лишь тем, что говорит с воздыханием: «Смятенный вид!» — и не в силах остановить даже второстепенного чиновника от таких зверских и ругательных для религии действий.

И вообще в этом смысле повесть г-на Лескова оставила во мне впечатление болезненное и некоторое недоверие к правде описанного. Она, конечно, отлично рассказана и заслуживает многих похвал, но вопрос: неужели это всё правда? Неужели это всё у нас могло произойти? То-то и есть, что рассказ, говорят, основан на действительном факте. Вообразим только такой случай: положим, где-нибудь теперь, в какой-нибудь православной церкви, находится древняя чудотворная икона, повсеместно чтимая всем православием. Представим, что какая-нибудь артель раскольников, целым скопом, выкрадывает эту икону из собора, собственно чтобы иметь эту древнюю святыню у себя, в своей моленной. Всё это, конечно, могло бы случиться. Представим, что лет через десять какой-нибудь чиновник находит эту икону, торгуется с раскольниками, чтобы добыть знатную взятку; они такой суммы дать не в силах, и вот он берет сургуч и капает его на лик святыни с приложением казенной печати. Неужели оттого только, что икона побыла некоторое время в руках раскольников, она потеряла свою святыню? Ведь и икона «Ангела», о которой рассказывает г-н Лесков, была древле освященною православною иконою, чтимою до раскола всем православием? И неужели при сем местный архиерей не мог и не имел бы права поднять хоть палец в защиту святыни, а лишь с воздыханием проговорил: «Смятенный вид». Мои *тревожные* вопросы могут показаться нашим образованным людям мелкими и предрассудочными; но я того убеждения, что оскорбление народного чувства во всем, что для него есть святого, есть страшное насилие и чрезвычайная бесчеловечность. Неужели раскольникам не пришла в голову мысль: «Что же, как бы сей православный владыко защитил церковь, если бы обидчиком было еще более важное лицо?» Могли ли они с почтением отнестись к той церкви, в которой высшая духовная власть, как описано в повести, так мало имеет власти? Ибо чем же объяснить поступок архиерея, как не малою властью его? Неужели равнодушием и леностью и неслыханным предположением, что он, забыв обязанность своего сана, обратился в чиновника от правительства? Ведь если уж такая нелепость зайдет в головы духовных чад его, то уж это всего хуже: православные дети его постепенно потеряют всякую энергию в деле веры, умиление и преданность к церкви, а раскол будет смотреть на православную церковь с презрением. Ведь

значит же что-нибудь пастырь? Ведь понимают же это раскольники?

Итак, вот какие мысли приходят в голову после чтения прекрасного рассказа г-на Лескова; так что мы, повторяем, наклонны считать этот рассказ, в некоторых подробностях, почти неправдоподобным. Между тем в одном из недавних №№ «Голоса» прочел я следующее известие:

«Один из деревенских священников Орловской губернии пишет в газету „Современность“: „Занимаясь обучением детей своих прихожан грамоте почти с самого уничтожения крепостного права, я оставил эту обязанность только тогда, когда наше д-ское земство приняло на себя вознаграждение и пожелало иметь свободных от других занятий наставников. Но в начале нынешнего 1872—73 учебного года оказался недостаток народных учителей в нашем уезде. Я, не желая закрытия училища в своем селе, решился изъявить свое желание занять должность наставника и обратился в училищный совет с прошением об утверждении меня в этой должности. Совет ответил мне, что «я тогда буду утвержден в должности наставника, когда на то изъявит свое согласие общество». Общество пожелало и составило о том приговор. Обращаюсь в волостное правление для засвидетельствования приговора, как требовал того училищный совет. Волостное правление, имея во главе невежественного писаря М. С. и во всем послушного ему старшину, не восхотело засвидетельствовать приговора, ссылаясь на то, что мне учить некогда, но в душе руководясь другими побуждениями. Я обращаюсь к мировому посреднику. Посредник П. высказал мне в глаза следующие достопримечательные слова: «*Правительство вообще не расположено к тому, чтобы народное образование было в руках духовенства*». «Почему бы так?» — спрашиваю я. «Потому, — отвечает посредник, — что *духовенство проводит суеверие*»“».

Как вам нравится, господа, это сообщение? Ведь оно, конечно в косвенном смысле, почти восстановляет правдоподобность рассказа г-на Лескова, в которой мы так усумнились и упорно продолжаем сомневаться. Тут важно не то, что случился такой посредник: что за нужда, что какой-нибудь глупец скажет с ветру глупое слово? И какое нам дело до его убеждений? Тут важно то, что это так откровенно и со властью высказано; с такою сознательною властью, с такою небеспокоющеюся бесцеремонностью. Он высказывает свое премудрое убеждение уже прямо и не обинуясь, *в глаза* и, кроме того, имеет дерзость навязывать такие убеждения правительству и говорить *от лица* правительства.

Ну, осмелился бы это сказать не то что какой-то посредник, а в десять раз высшее его по власти лицо какому-нибудь хоть, например, остзейскому пастору? Господи, какой бы этот пастор затеял крик и какой бы в самом деле поднялся крик! У нас священник смиренно обличает дерзкого путем гласности. Но приходит мысль: если бы это лицо было повыше посредника (что ведь очень может быть, потому что у нас всё может случиться), то ведь, может быть, пастырь добрый и не стал бы совсем обличать его, зная, что из этого выйдет один лишь «смятенный вид» и ничего более. Да и нельзя же требовать от него энергии первых веков христианства, хотя бы и желалось того. Мы во-

обще наклонны обвинять наше духовенство в равнодушии к святому делу; но как же и быть ему при иных обстоятельствах? А между тем помощь духовенства народу никогда еще не была так настоятельно необходима. Мы переживаем самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа.

Очень странное явление случилось недавно в одном углу России — немецкое протестантство в среде православия, новая секта штундистов. «Гражданин» о ней сообщал своевременно. Явление почти уродливое, но в нем как бы слышится нечто пророческое.

В Херсонской губернии какой-то пастор Бонекетберг пожалел от доброго сердца тамошний русский народ, видя его непросвещенным и духовно оставленным, и стал проповедовать ему христианскую веру, но держась православия и сам уговаривая его от православия не отступать. Но случилось иначе: проповедь имела полный успех, но новые христиане тотчас же начали тем, что отстали от православия, поставили себе это первым и непременным условием, отвернулись от обрядов, икон, стали собираться по-лютерански и петь псалмы по книжке; иные выучились даже немецкому языку. Секта распространяется с фанатическою быстротой, переходит в другие уезды и губернии. Сектанты изменили образ жизни, не пьянствуют. Они так, например, рассуждают:

— У них (то есть у немецких, лютеранских штундистов), — у них потому хорошо и потому они так честно и благообразно живут, что нет постов. . .

Логика мизерная, но какой-то есть смысл, как хотите, особенно если смотреть на пост как на один лишь обряд. А откудова бедный человек мог бы узнать спасительную, глубокую цель поста? Да он и всю свою прежнюю веру знал как один лишь обряд.

Значит, против обряда и протестовал.

Это, положим, понятно. Но почему он так вдруг схватился протестовать? Где причина, его подвигнувшая?

Причина, может быть, очень общая — та, что воссиял ему свет новой жизни с 19 февраля. Он мог споткнуться и упасть с первых шагов на новом пути; но очнуться надо было непременно, а очнувшись, он вдруг увидал, как он «жалок и беден, и слеп, и нищ, и наг». Главное, правды захотелось, правды во что бы ни стало, даже жертвуя всем, что было до сих пор ему свято. Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замертвишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть; но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего.

Вот явление. Явление это, может быть, пока единичное, с краю, но вряд ли случайное. Оно может затихнуть и зачерстветь в самом начале и опять-таки преобразиться в какую-нибудь обрядность, подобно большинству русских сект, особенно если их не трогать. Но, как хотите, в явлении этом, повторяю, может все-таки заключаться как бы нечто пророческое. В настоящее время, когда всё будущное так загадочно, позволительно иногда даже верить в пророчества.

Ну что, если нечто подобное развернется уже по всей Руси? Не это самое, не штундисты (тем более что, говорят, уже приняты надлежащие меры), а только нечто подобное? Что, если весь народ вдруг скажет себе, дойдя до краев своего безобразия и разглядев свою нищету: «Не хочу безобразия, не хочу пить вина, а хочу правды и страха божьего, а главное правды, правды прежде всего».

Что возжаждет он правды — в том, конечно, явление отрадное. А между тем вместо правды может выйти чрезвычайная ложь, как и у штундистов.

Ну какой в самом деле наш народ протестант и какой он немец? И к чему ему учиться по-немецки, чтобы петь псалмы? И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, в православии? Не в нем ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? Не в православии ли одном сохранился божественный лик Христа во всей чистоте? И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!

Да, но покамест это всё сбудется, пастор-то вот встал пораньше, с первыми птицами, да и пришел к народу, чтобы сказать ему правду — православную правду, он был очень совестлив. Но народ пошел за ним, а не за православием, — не из благодарности только, а за то, что от него первую правду увидел. Ну и вышло, что «у него потому хорошо, что постов нет». Заключение очень понятное, коли замешалась личность.

Ну а кстати: что же наши священники? Что об них-то слышно?

А наши священники тоже, говорят, просыпаются. Духовное наше сословие, говорят, давно уже начало обнаруживать признаки жизни. С умилением читаем мы назидания владык по церквам своим о проповедничестве и благообразном житии. Наши пастыри, по всем известиям, решительно принимаются за сочинение проповедей и готовятся произнести их.

Поспеют ли только вовремя? Поспеют ли проснуться с первыми птицами? Пастор все-таки птица иная, залетная, да и гарантирован иначе. Ну да и служба совсем другая, начальство и проч. Так-то так, да ведь не чиновник же в самом деле и наш

священник! И не проповедник ли он единой великой Истины, имеющей обновить весь мир?

Пастор поспел раньше него, это всё правда; но что же и делать, однако, было священнику в случае, например, хоть штундистов? Мы вот всё наклонны обвинять наших священников, а вникнем, однако: неужели ограничиться лишь доносом начальству? О, конечно, нет, добрых пастырей у нас много, — может быть, более даже чем мы можем надеяться или сами того заслуживаем. Но все-таки, что же он стал бы тут проповедовать? — (приходит мне иногда в голову как светскому человеку, с делом незнакомому). О преимуществе православия перед лютеранством? Но ведь мужики люди темные: ничего не поймут и, пожалуй, не убедятся. Доброе поведение и добрые нравы, говоря вообще и не слишком пускаясь в подробности? Но какие же тут «добрые нравы», когда народ пьян с утра до вечера. Воздержание от вина в таком случае, чтобы истребить зло в самом корне? Без сомнения так, хотя тоже не слишком пускаясь в подробности, ибо... ибо все-таки надо иметь в соображении величие России как великой державы, которое так дорого стоит... Ну а ведь уж это в некотором роде почти то же, что и «смятенный вид-с». Остается, стало быть, проповедовать, чтобы народ пил *немножко только поменьше...*

Ну а пастору какое дело до величия России как великой европейской державы? И не боится он никакого «смятенного вида», и служба у него совсем другая. А потому дело и осталось за ним.

VIII

ПОЛПИСЬМА «ОДНОГО ЛИЦА»

Ниже я помещаю письмо, или, лучше сказать, полписьма «одного лица», в редакцию «Гражданина»; всё письмо напечатать было никак невозможно. Это всё то же «лицо», вот тот самый, который уже отличился раз в «Гражданине» насчет «могилок». Признаюсь, печатаю, единственно чтобы от него отвязаться. Редакция буквально задавлена его статьями. Во-первых, это «лицо» решительно выступает моим защитником против литературных «врагов» моих. Он написал уже за меня и в пользу мою три «антикритики», две «заметки», три «случайные заметки», одно «по поводу» и, наконец, «наставление как вести себя». В этом последнем полемическом сочинении своем он под видом наставления «врагам» моим нападает уже на меня самого и нападает в таком даже тоне, что я ничего подобного по энергии и ярости не встречал даже и у «врагов» моих. Он хочет, чтобы я это всё напечатал! Я решительно заявил ему, что, во-первых, «врагов моих» никаких не имею и что всё это только так и призраки; во-вторых, что и время уже прошло, ибо весь этот гам журнали-

стов, раздавшийся с появления первого № «Гражданина» сего 1873 года с такою неслыханною литературною яростью, беспардонностью и простодушием приемов атаки, теперь, недели две, даже три тому назад, вдруг и неизвестно почему прекратился, точно так же как неизвестно почему и начался. Наконец, что если бы я и вздумал кому отвечать, то сумел бы это сделать сам, без его помощи.

Он рассердился и, поссорясь со мною, вышел. Я даже был рад тому. Это человек болезненный... Он в напечатанной у нас еще прежде статье уже сообщил отчасти некоторые черты из своей биографии: человек огорченный и ежедневно себя «огорчающий». Но, главное, меня пугает эта непомерная сила «гражданской энергии» сего сотрудника. Представьте, он с первых слов заявил мне, что не требует ни малейшего гонорария, а пишет единственно из «гражданского долга». Даже признался мне с гордою, но вредящею себе откровенностью, что писал вовсе не для того, чтобы защищать меня, а единственно чтобы провести при сем случае свои мысли, так как их ни в одной редакции не принимают. Он просто-запросто питал сладкую надежду отмежевать себе, хоть задаром, постоянный уголок в нашем журнале, чтобы иметь возможность постоянно излагать свои мысли. Какие же это мысли? Пишет он обо всем, отзывается на всё с горечью, с яростью, с ядом и со «слезой умиления». «Девяносто процентов на яд и один процент на слезу умиления!» — объявляет он сам в одной своей рукописи. Начнется новый журнал или новая газета, и он уже немедленно тут: поучает и дает наставления. Это совершенная правда, что в одну газету он отослал до сорока писем с наставлениями, то есть как издавать, как вести себя, об чем писать и на что обращать внимание. В нашей редакции накопилось его писем, в два с половиною месяца, до двадцати осьми штук. Пишет он всегда за своею полною подписью, так что его везде уже знают, и мало того, что тратит последние копейки на франкировку, но еще в письма же вкладывает свежие марки, предполагая, что добьется-таки своего и затеет гражданскую переписку с редакциями. Всего более удивляет меня, что я никак не мог, даже из двадцати восьми его писем, открыть, какого он направления и чего, собственно, так добивается? Это какой-то сумбур... Рядом с грубостью приемов, с цинизмом красного носа и «огорченного запаха» исступленного слога и разорванных сапогов мелькает какая-то скрытая жажда нежности, чего-то идеального, вера в красоту, Sehnsucht[1] по чему-то утраченному, и всё это выходит как-то до крайности в нем отвратительно. И вообще он мне надоел. Правда, он грубит открыто и денег за это не требует, стало быть, отчасти лицо благородное; но бог с ним и с его благородством! Не далее как три дня после нашей ссоры он явился опять, с «последнею уже попыткой», и

[1] томление, тоска (*нем.*).

принес вот это «Письмо „одного лица"». Нечего делать, я взял и должен теперь напечатать.

Первую половину письма решительно нельзя напечатать. Это одни только личности и ругательства чуть не всем петербургским и московским изданиям, выходящие изо всякой мерки. Ни одно из упрекаемых им изданий не возвышалось до такого цинизма в ругательствах. И главное, сам-то он их ругает единственно за цинизм и за дурной тон их полемики. Я просто отрезал ножницами всю первую часть письма и возвратил ему. Заключительную же часть печатаю лишь потому, что тут, так сказать, тема общая: это некое увещание какому-то воображаемому фельетонисту, — увещание даже пригодное для фельетонистов всех веков и народов, до того оно общее. Слог возвышенный, причем сила слога равняется лишь наивности изложенных мыслей. Обращаясь с увещанием к фельетонисту, он говорит ему *ты*, как в одах старого времени. Он ни за что не хотел, чтобы я начал с точки, и настоял на том, чтобы печатание полуписьма его началось с полуфразы, именно так, как отрезалось ножницами: пусть, дескать, увидят, как меня исказили! Он же отстоял и заглавие: я хотел все-таки написать «Письмо „одного лица"»; он непременно потребовал, чтобы озаглавлено было «Полписьма „одного лица"».

Итак, вот эти полписьма:

ПОЛПИСЬМА «ОДНОГО ЛИЦА»

...и неужели в слове «свинья» заключается столь магический и заманчивый смысл, что ты тотчас же и несомненно принимаешь его на свой счет? Я давно уже стал замечать, что в русской литературе это словцо постоянно имеет некоторый особенный и даже как бы мистический смысл. Даже дедушка Крылов, понимая это, употреблял с особою любовью «свинью» в своих апологах. Читающий литератор, даже в уединении и про себя, встретившись с словом сим, немедленно вздрагивает и тотчас же начинает задумываться: «Не я ли это? Не про меня ли написано?» Согласен, что словцо энергическое, но зачем же подразумевать непременно себя и даже себя одного? Есть и другие кроме тебя. Уж не имеешь ли тайных причин к сему? Ибо чем иначе могу объяснить твою мнительность? *

* Это несомненно преувеличено, но отчасти и верно. Тут намек собственно на то, что в первом № «Гражданина» я имел несчастие привести одну древнейшую индийскую басню о дуэли льва и свиньи, причем ловко отклонил даже самую возможность предположения, что слово «лев» нескромно отношу на свой счет. И что же? Действительно многие выказали чрезвычайную и поспешную мнительность. Даже было нечто вроде феномена: в редакцию пришло письмо одного подписчика из одной далекой окраины России; подписчик дерзко и азартно укоряет редакцию за то, что под словом «свинья» она будто бы несомненно подразумевает своих подписчиков — предположение до того нелепое, что даже иные и петербургские фельетонисты не решились им воспользоваться в своих обвинениях. . . а это уже мера всему. *Ред.*

Второе, что замечу тебе, о друг мой фельетонист, это то, что ты невоздержан в планировке своих фельетонов. Ты напихиваешь в столбцы свои столько генералов, акционеров, князей, в тебе и в острых словах твоих имеющих нужду, что поневоле заключаю, читая, что за обилием многих не имеешь ни одного. Здесь ты присутствуешь на значительном заседании совета и изрекаешь бонмо, свысока и небрежно, но тем бросаешь луч света, и совет немедленно и торопливо переменяется к лучшему. Там в глаза осмеял одного богатого князя, за что он немедленно зовет тебя на обед, но ты проходишь мимо и гордо, но либерально от обеда отказываешься. Там заезжему милорду, в интимном разговоре в салоне, в шутку открываешь всю тайную подкладку России: он в страхе и в восхищении тут же телеграфирует в Лондон и на другой же день министерство Виктории падает. Там, на Невском, на прогулке от двух до четырех ты разрешаешь государственную задачу трем отставным, но бегущим за тобою министрам; встречаешь проигравшегося гвардейского ротмистра и бросаешь ему двести рублей взаймы; с ним едешь к Фифине для благородного (будто бы?) негодования... Одним словом, ты тут, ты там, ты везде; ты рассыпан в обществе, тебя рвут нарасхват; глотаешь трюфели, ешь конфекты, разъезжаешь на извозчиках, в дружбе с половыми у Палкина — словом, без тебя ничего. Столь высокая обстановка твоя является, наконец, подозрительною. Тихий читатель провинции сочтет тебя, может быть, и вправду за обойденного наградой или по крайней мере за отставного министра, желающего вновь путем свободной, но оппозиционной печати возвратить свою должность. Но опытный житель обеих столиц знает иное: ибо знает он, что ты не более как нанятой борзописец у антрепренера-издателя; ты нанят и обязан его защищать. Он же (но никто другой) натравливает тебя на кого ему вздумается.

Итак, весь этот гнев и азарт в тебе, весь этот лай твой — всё это лишь наемное и натравленное чужою рукой. И добро бы ты сам за себя стоял! Напротив, чему всего более удивляюсь в тебе — это тому, что ты, наконец, горячишься действительно, принимаешь к сердцу как будто в самом деле свое, ругаешься с фельетонистом-соперником как бы из-за какой-то любимой идеи, из-за дорогого тебе убеждения. Между тем знаешь сам, что своих идей не имеешь, а убеждений и подавно. Или, может быть, вследствие многолетней горячки и упоения смрадным успехом своим ты возмечтал наконец, что у тебя есть идея, что и ты способен иметь убеждение? Если так, то как же рассчитываешь после сего на мое уважение?

Некогда ты был честным и благообразным юношей... О, вспомни у Пушкина, если не ошибаюсь, с персидского: почтенный старец говорит рвущемуся сразиться юноше:

Я боюсь, среди сражений
Ты утратишь навсегда

Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда.

Увы, ты всё это и давно уже навсегда утратил! Смотри сам, как ты споришь с фельетонным врагом твоим, и пойми, до чего вы наконец доругались! Ибо вовсе вы уже не так подлы, как друг друга рисуете. Вспомни, что в детском возрасте дети дерутся наиболее потому, что не научились еще разумно излагать свои мысли. Ты же, седое дитя, за неимением мыслей бранишься всеми словами разом, — худой прием! Именно за неимением убеждений и настоящей учености ты стараешься более вникнуть в частную жизнь своего соперника; с жадностью узнаешь проступки его, искажаешь их и предаешь их благодетельной гласности. Не жалеешь жены и детей его. Предполагая друг друга умершими, пишете каждый и обоюдно один другому, в виде пашквиля, по надгробному слову. Скажи же, кто поверит тебе, наконец? Читая фельетон твой, обрызганный слюной и чернилами, я невольно наклонен подумать, что ты не прав, что в фельетоне твоем особый и секретный смысл, что вы, верно, где-нибудь подрались на даче и не можете позабыть сего. Невольно заключаю в пользу твоего соперника, и эффект твой манкирован. А к тому ли стремился ты?

И какая детская неумелость в тебе? Обругав соперника, ты заключаешь свой фельетон словами: «Вижу вас, господин NN, как вы, прочитав эти строки, бегаете вне себя по комнате, рвете ваши волосы, кричите на вбежавшую в испуге жену свою, гоните прочь детей и, скрежеща зубами, колотите в стену кулаком от бессильного бешенства...»

Друг мой, простодушный, но исступленный страдалец своего фиктивного, напускного в пользу антрепренера бешенства, о друг мой, фельетонист! Скажи: прочитав в твоем фельетоне подобные строки будто бы о твоем сопернике, неужели я не догадаюсь, что это ты, ты сам, а не соперник твой, бегаешь по своей комнате, рвешь свои волосы, бьешь вбежавшего в испуге лакея, если он есть у тебя и с 19 февраля еще не утратил первобытной невинности; с визгом и скрежетом кидаешься ты на стену и отбиваешь в кровь кулаки свои! Ибо кто поверит, что можно послать такие строки сопернику, не отбив в кровь своих собственных кулаков предварительно? Таким образом, сам выдаешь себя.

Очнись же и приобрети стыд. Приобретя стыд, приобретешь и уменье писать фельетоны — вот выгода.

Представлю тебе аллегорию. Ты вдруг публикуешь в афишке, что на будущей неделе в четверг или в пятницу (словом, представь себе день, в который пишешь свои фельетоны) в театре Берга или в особо устроенном для того помещении будешь показывать себя нагишом и даже в совершенной подробности. Верю, что найдутся любители; такие зрелища особенно привлекают современное общество. Верю, что съедутся и даже во мно-

жестве, но для того ли, чтобы уважать тебя? А если так, то в чем же твое торжество?

Теперь рассуди, если можешь: не то ли самое изображают твои фельетоны? Не выходишь ли каждую неделю, в такой-то именно день, нагишом и со всеми подробностями перед публику? И для чего, для кого ты стараешься?

Тут смешнее всего, что вся публика знает весь секрет войны вашей, знает и знать не хочет, проходит мимо вас равнодушно; вы же рветесь из себя и думаете, что все берут в вас участие. Человек простодушный! Публике слишком известно, что антрепренер столичной газеты, когда по примеру его основалась другая газета, в испуге сказал себе, схватясь за карман: «Эта новоосованная негодница может лишить меня двух или двух с половиною тысяч подписчиков. Найму же кудлашку и натравлю на соперницу». Кудлашка — ведь это ты!

Антрепренер тобою доволен; он гладит свои бакенбарды и после завтрака с улыбкою думает: «Как я, однако же, натравил его!»

Помнишь ли ты Антропку в Тургеневе? Сия вещь любимого писателя публики поистине гениальная. Антропка есть провинциальный мальчишка, или, вернее, брат другого провинциального мальчишки, и уже Антропки (а первый, положим, Нефед), скрывшегося из избы в темную летнюю ночь по поводу сделанной шалости. Строгий отец послал старшего мальчика привести нашалившего братишку домой. И вот над обрывом оврага раздаются раздирательные вопли:

— Антропка! Антропка!

Долго не откликается виноватый шалун, но наконец «как бы с того света» раздается дрожащий и робкий голосенок его с другой стороны оврага:

— Чиво-о?

— А тебя тятенька выси-ичь хочи-ит! — с злобною и торопливою радостью подхватывает старший братишка.

Голос «с того света», разумеется, затихает. Но вот с надрывом и с бессильным, самоскребущим озлоблением всё еще слышатся в темную ночь бесконечные, но бессильные вопли:

— Антропка-а! Антропка-а-а!

Сей гениальный возглас к Антропке и — что главное — бессильный, но злобный надрыв его может повториться не только среди провинциальных мальчишек, но и между взрослыми, дошедшими до почтенных седин, членами современного, но взволнованного реформами общества. И не напоминает ли тебе хотя бы что-либо сих Антропок в столице? Ибо между сими двумя антрепренерами столичных изданий не замечаешь ли нечто антропочное? Ты и соперник твой — не высланы ли вы оба своими хозяевами для отыскания Антропок? Антропки — не те ли это из предполагаемых вами новых подписчиков, которые могли бы поверить вашей невинности? Вы знаете оба, что вся ваша ярость,

весь надрыв и старания ваши останутся втуне, что не отзовется Антропка, что не отобьете вы друг у друга ни одного подписчика, что у каждого будет довольно и без того; но вы уже так въелись в игру сию и так нравится вам этот скребущий сердца ваши до крови фельетонный бессильный надрыв, что вы уже не можете удержаться! И вот еженедельно и в известные дни среди темной ночи, объявшей нашу литературу, с надрывом и с яростью раздается: «Антропка-а! Антропка-а!» И мы это слушаем.

Позволю себе и еще аллегорию.

Представь, что тебя пригласили в порядочное общество; ибо предполагаю, что ездишь и ты в порядочные круги общества. Ты прибыл на званую вечеринку к статскому даже советнику в день его именин. Гости уже заранее предуведомлены хозяином о твоем остроумии. Ты входишь с приличием, одет хорошо, расшаркиваешься с хозяйкою и говоришь ей любезности. С удовольствием ощущаешь, что на тебя смотрят, и готовишься отличиться. И вдруг, о ужас! замечаешь в углу залы литературного твоего соперника, прибывшего раньше тебя и которого даже и знакомым в сем месте не предполагал до последней минуты. Ты изменился в лице; но хозяин, относя сие к минутному твоему нездоровью, спешит, по наивности, познакомить тебя с литературным врагом твоим. Вы мычите и тотчас же повертываетесь друг к другу спинами. Хозяин в смущении, но ободряется, полагая, что это лишь новый литературный прием, неизвестный ему за делами службы. Между тем спешат картами, и хозяйка приглашает тебя в ералаш с свойственною ей любезностию. Чтоб избавиться от соперника, ты берешь карту с радостию; новый ужас: оказывается, что вы за одним столом. Отказаться уже нельзя, ибо причиною тому обе развязные и любезные светские дамы, ваши партнерки. Обе садятся спеша, а кругом них несколько родственниц и знакомых, и все жаждут слушать двух литераторов, все смотрят на ваши рты, все ловят ваше первое слово, не спуская с вас глаз своих. Соперник твой обращается к даме с спокойствием и говорит ей: «Кажется, сдача за вами, сударыня». Все улыбаются, все переглядываются, остроумное слово получает успех, и сердце твое сжимается завистью. Но следует сдача. Открываешь свои карты: тройки, двойки, шестерки и самая старшая — валет. Ты скрежещешь зубами, а соперник твой улыбается. К нему пришли карты, и он с гордостью объявляет коронку. Взор твой тускнеет. Схватываешь бронзовый веский фамильный подсвечник, которым гордится хозяин, хранящийся весь год у хозяйки в шкафу и выставляемый на вид лишь единственно во дни ангелов, — схватываешь и стремительно пускаешь его в лоб своему сопернику. Крик и недоумение! Все вскакивают, но вы уже бросились и с пеной ярости вцепились друг другу в волосы.* Ибо, судя по твоему нетерпению в литературе и неумению сдержать себя, имею право

* Редакция находит эту картину немного преувеличенною.

заключить и о нетерпении твоем в частных обществах. Партнерка твоя, молодая дама, ожидавшая от тебя столько остроумия, с криком спасается под крыло своего супруга, значительного инженер-подполковника. Тот, указывая на вас обоих, крутящихся за волосы, говорит ей: «Я предварял тебя, миленькая, чего можно ожидать от современной беллетристики!» Но вас уже стащили вон с лестницы и выпихнули на улицу. Именинник хозяин, чувствуя вину свою перед созванным обществом, просит у всех извинения, рекомендуя забыть о русской литературе и продолжать ералаш. Ты же лишил себя светского вечера, приятных, хотя и невинных минут с петербургскою дамой и ужина. Но вам обоим не до того: вы схватываете по легковому извозчику и несетесь по зловонным петербургским улицам каждый в квартиру свою, чтобы тотчас же сесть за фельетон. Ты погоняешь извозчика, мимоходом завидуя его невинности, но уже обдумываешь статью свою. Ты прилетел, схватываешь перо свое и рассказываешь точь-в-точь и в малейшей подробности всё, что случилось с тобой у советника!

Ты обличаешь именинника, ты обличаешь жену его, угощение их, восстаешь против обычая именин, против инженер-подполковника, против дамы, своей партнерки, и наконец-то добираешься до соперника. О, тут уже всё до последней подробности, по известной нынешней общей манере вашей выставлять подноготную. Ты рассказываешь, как он бил тебя и как ты его бил, обещаешь, что будешь бить, и как он обещался бить. Ты хочешь приложить к статье своей пачку вырванных у него волос. Но вот уже утро... Ты бегаешь по комнате и ждешь редакционного часа. Являешься к редактору, и вдруг тот с спокойным видом объявляет тебе, что он еще накануне примирился с антрепренером-соперником, прекратившим издание и сдавшим ему подписчиков, сам же запил с ним мир у Дюссота бутылкой шампанского. Затем благодарит тебя за услуги и объявляет, что ты ему больше не нужен. Скажи, каково положение твое!

Всего более не люблю я последних дней масленицы, когда черный народ допивается до последней степени своего безобразия. Отупелые рожи пьяниц, в рваных халатах и сюртучишках, толпятся у кабаков. Вот двое остановились на улице: один уверяет, что он генерал, а другой ему: «Врешь!» Тот бесится и ругается, а этот: «Вр-решь!» Тот еще пуще, а этот всё то же: «Вр-решь!» — и так далее до двухсот даже раз! Оба именно находят красоту в бессильном и в бесконечном повторении одного и того же слова, так сказать погрязая в услаждении бессилием своего унижения.

Читая фельетоны твои, невольно воображаю себе слишком уже долго продолжающуюся в литературе нашей какую-то бесконечную, пьяную, бестолковую масленицу. Ибо не то же ли и у вас, как и у этих двух остановившихся у перекрестка бестолковых пьяных халатников? Не уверяет ли твой соперник в каждом

фельетоне своем, что он генерал; и не отвечаешь ли ты ему, как халатник на перекрестке: «Вр-решь!» И всё это такое бесконечное число раз, без малейшего даже предчувствия, как всё это, наконец, надоело. Воображаю вас именно как на масленице, обезумевших и упившихся, в последний (прощеный!) день; воображаю, как вы валяетесь каждый перед окнами своей редакции и, копошась в грязном столичном буром снегу, кричите изо всей мочи друг на друга сиплыми голосами:

— Караул! кар-раул! кар-раул!

Но молчу и поспешаю мимо...

Молчаливый наблюдатель.

NB. «Молчаливый наблюдатель» — это псевдоним «одного лица»; я забыл о том предуведомить.

IX

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ

Я заходил на выставку. На венскую всемирную выставку отправляется довольно много картин наших русских художников. Это уже не в первый раз, и русских современных художников начинают знать в Европе. Но все-таки приходит на мысль: возможно ли там понять наших художников и с какой точки зрения их там будут ценить? По-моему, переведите комедию г-на Островского — ну, «Свои люди сочтемся», или даже любую, — и переведите по возможности лучше, на немецкий или французский язык, и поставьте где-нибудь на европейской сцене, — и я, право, не знаю, что выйдет. Что-нибудь, конечно, поймут и, кто знает, может быть, даже найдут некоторое удовольствие, но по крайней мере три четверти комедии останутся совершенно недоступны европейскому пониманию. Я помню, в моей молодости, как ужасно заинтересовало меня известие, что г-н Виардо (муж знаменитой певицы, певшей у нас тогда в итальянской опере), француз, не знающий ничего по-русски, переводит нашего Гоголя под руководством г-на Тургенева. У Виардо, конечно, была художественно-критическая способность и, сверх того, чуткость в понимании поэзии чужих национальностей, что он и доказал превосходным своим переводом «Дон-Кихота» на французский язык. Господин же Тургенев понимал Гоголя, конечно, до тонкости; как все тогда, полагаю, любил его до восторга и, сверх того, сам был поэт, хотя тогда почти не начинал еще своего поэтического поприща. (NB. Он написал только несколько стихов, забыл каких, и, сверх того, повесть «Три портрета» — произведение уже значительное.) Таким образом, могло бы что-нибудь и выйти. Замечу, что г-н Тургенев, должно быть, превосходно знает французский язык. И что же? Вышла из этого перевода такая странность, что я, хоть и предчувствовал заранее, что Гоголя нельзя передать по-французски, все-таки никак не ожидал такого исхода. Этот перевод

можно достать и теперь — посмотрите, что это такое. Гоголь исчез буквально. Весь юмор, всё комическое, все отдельные детали и главные моменты развязок, от которых и теперь, вспоминая их иногда нечаянно, наедине (и часто в самые нелитературные моменты жизни), зальешься вдруг самым неудержимым смехом про себя, — всё это пропало, как не бывало вовсе. Я не понимаю, что могли заключать тогда французы о Гоголе, судя по этому переводу; впрочем, кажется, ничего не заключили. «Пиковая дама», «Капитанская дочка», которые тоже были переведены тогда по-французски, без сомнения тоже исчезли наполовину, хотя в них гораздо более можно было понять, чем в Гоголе. Словом, всё характерное, всё наше национальное по преимуществу (а стало быть, всё истинно художественное), по моему мнению, для Европы неузнаваемо. Переведите повесть «Рудин» Тургенева (я потому говорю о г-не Тургеневе, что он наиболее переведен из русских писателей, а о повести «Рудин» потому, что она наиболее из всех произведений г-на Тургенева подходит к чему-то немецкому) на какой хотите европейский язык — и даже ее не поймут. Главная суть дела останется совсем даже неподозреваемою. «Записки же охотника» точно так же не поймут, как и Пушкина, как и Гоголя. Так что всем нашим крупным талантам, мне кажется, суждено надолго, может быть, остаться для Европы совсем неизвестными; и даже так, что чем крупнее и своеобразнее талант, тем он будет и неузнаваемее. Между тем мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же, как и англичане, даже, может быть, со всеми оттенками; даже, может быть, любим его не меньше его соотечественников. А, однако, как типичен, своеобразен и национален Диккенс! Что же из этого заключить? Есть ли такое понимание чужих национальностей особый дар русских пред европейцами? Дар особенный, может быть, и есть, и если есть этот дар (равно как и дар говорить на чужих языках, действительно сильнейший, чем у всех европейцев), то дар этот чрезвычайно значителен и сулит много в будущем, на многое русских предназначает, хотя и не знаю: вполне ли это хороший дар, или есть тут что-нибудь и дурное... Вернее же (скажут многие), что европейцы мало знают Россию и русскую жизнь, потому что не имели до сих пор еще и нужды ее узнавать в слишком большой подробности. Правда, действительно в Европе до сих пор не было никакой особенной надобности слишком подробно нас узнавать. Но все-таки кажется несомненным, что европейцу, какой бы он ни был национальности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть в душу всякой другой европейской национальности, чем научиться русскому языку и понять нашу русскую суть. Даже нарочно изучавшие нас европейцы, для каких-нибудь целей (а таковые были), и положившие на это большой труд, несомненно уезжали от нас, хотя и много изучив, но все-таки до конца не понимая иных фактов и даже, можно сказать, долго еще не будут понимать, в совре-

менных и ближайших поколениях по крайней мере. Всё это намекает на долгую еще, может быть, и печальную нашу уединенность в европейской семье народов; на долгие еще в будущем ошибки европейцев в суждениях о России; на их видимую наклонность судить нас всегда к худшему и, может быть, объясняет и ту постоянную, всеобщую, основанную на каком-то сильнейшем непосредственном и гадливом ощущении враждебность к нам Европы; отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суеверный страх ее перед нами и — вечный, известный, давнишний приговор ее о нас: что мы вовсе не европейцы... Мы, разумеется, обижаемся и изо всех сил таращимся доказать, что мы европейцы...

Я, конечно, не говорю, что в Европе не поймут наших, например, пейзажистов: виды Крыма, Кавказа, даже наших степей будут, конечно, и там любопытны. Но зато наш русский, по преимуществу национальный, пейзаж, то есть северной и средней полосы нашей Европейской России, я думаю, тоже не произведет в Вене большого эффекта. «Эта скудная природа», вся характерность которой состоит, так сказать, в ее бесхарактерности, нам мила, однако, и дорога. Ну а немцам что до чувств наших? Вот, например, эти две березки в пейзаже г-на Куинджи («Вид на Валааме»): на первом плане болото и болотная поросль, на заднем — лес; оттуда — туча не туча, но мгла, сырость; сыростью вас как будто проницает всего, вы почти ее чувствуете, и на средине, между лесом и вами, две белые березки, яркие, твердые, — самая сильная точка в картине. Ну что тут особенного? Что тут характерного, а между тем как это хорошо!.. Может быть, я ошибаюсь, но немцу это не может так понравиться.

Про исторический род и говорить нечего; в чисто историческом роде мы давно уже не блистаем, а стало быть, Европу и не удивим; даже батальным родом не очень удивим; даже переселение черкесов (огромная пестрая картина, может быть с большими достоинствами, — не могу судить) не произведет, по-моему, за границею слишком сильного впечатления. Но жанр, наш жанр — в нем-то что поймут? А ведь у нас он вот уже столько лет почти исключительно царствует; и если есть нам чем-нибудь погордиться и что-нибудь показать, то, уж конечно, из нашего жанра. Вот, например, небольшая картинка (Маковского) «Любители соловьиного пения», кажется; не знаю, как она названа. Посмотрите: комнатка у мещанина аль у какого-то отставного солдата, торговца певчими птицами и, должно быть, тоже и птицелова. Видно несколько птичьих клеток; скамейки, стол, на столе самовар, а за самоваром сидят гости, два купца или лавочника, любители соловьиного пения. Соловей висит у окна в клетке и, должно быть, свистит, заливается, щелкает, а гости слушают. Оба они, видимо, люди серьезные, тугие лавочники и барышники, уже в летах, может быть, и безобразники в домашнем быту (как-то уже это принято, что всё это «темное царство» не-

пременно составлено из безобразников и должно безобразничать в домашнем быту), а между тем оба они видимо уже раскисли от наслаждения — самого невинного, почти трогательного. Тут происходит что-то трогательное до глупости. Сидящий у окна немного потупил голову, одну руку приподнял и держит на весу, вслушивается, тает, в лице блаженная улыбка; он дослушивает трель... Он хочет что-то ухватить, боится что-то потерять. Другой сидит за столом, за чаем, к нам почти спиной, но вы знаете, что он «страдает» не менее своего товарища. Перед ними хозяин, зазвавший их слушать и, конечно, им же продать соловья. Это довольно сухощавый и высокий парень лет сорока с лишком, в домашнем, довольно бесцеремонном костюме (да и что тут теперь церемониться); он что-то говорит купцам, и вы чувствуете, что он со властью говорит. Перед этими лавочниками он по социальному положению своему, то есть по карману, конечно личность ничтожная; но теперь у него соловей, и хороший соловей, а потому он смотрит гордо (как будто он это сам поет), обращается к купцам даже с каким-то нахальством, с строгостию (нельзя же-с)... Любопытно, что лавочники непременно сидят и думают, что это так и должно быть, чтобы он их тут немножко подраспек, потому что «уж оченно хорош у него соловей!» Чай кончится, и начнется торг... Ну что, спрашивается, поймет в этой картине немец или венский жид (Вена, как и Одесса, говорят, вся в жидах)? Может, кто и растолкует в чем дело, и они узнают, что у русского купца средней руки две страсти — рысак и соловей, и что потому это ужасно смешно; но что же из этого выйдет? Это знание какое-то отвлеченное, и немцу очень трудно будет представить, почему это так смешно. Мы же смотрим на картинку и улыбаемся; вспоминаем про нее потом, и нам опять почему-то смешно и приятно. Право, и пусть смеются надо мной, но вот в этих маленьких картинках, по-моему, есть даже любовь к человечеству, не только к русскому в особенности, но даже и вообще. Я ведь эту картинку только для одного примера поставил. Но ведь что всего досаднее — это то, что мы-то подобную картинку у немцев, из их немецкого быта, поймем точно так же, как и они сами, и даже восхищаться будем, как они сами, почти их же, немецкими, чувствами, а они вот у нас совсем ничего не поймут. Впрочем, может быть, для нас это в некотором смысле и выгоднее.

Ну вот в эстонской или лифляндской каюте игра в карты — это, конечно, понятно, особенно фигура мальчика, участвующего в игре; в карты все играют и гадают, так что и «Десятка пик» (так названа одна картина) будет совершенно понятна; но не думаю, чтобы поняли, например, Перова «Охотников». Я нарочно назначаю одну из понятнейших картин нашего национального жанра. Картина давно уже всем известна: «Охотники на привале»; один горячо и зазнамо врет, другой слушает и из всех сил верит, а третий ничему не верит, прилег тут же и смеется... Что

за прелесть! Конечно, растолковать — так поймут и немцы, но ведь не поймут они, как мы, что это русский враль и что врет он по-русски. Мы ведь почти слышим и знаем, об чем он говорит, знаем весь оборот его вранья, его слог, его чувства. Я уверен, что если бы г-н Перов (и он наверно бы смог это сделать) изобразил французских или немецких охотников (конечно, по-другому и в других лицах), то мы, русские, поняли бы и немецкое и французское вранье, со всеми тонкостями, со всеми национальными отличиями, и слог и тему вранья, угадали бы всё только смотря на картину. Ну а немец, как ни напрягайся, а нашего русского вранья не поймет. Конечно, небольшой ему в том убыток, да и нам опять-таки, может быть, это и выгоднее; но зато и картину не вполне поймет, а стало быть, и не оценит как следует; ну а уж это жаль, потому что мы едем, чтоб нас похвалили.

Не знаю, как отнесутся в Вене к «Псаломщикам» Маковского. По-моему, это уже не жанр, а картина историческая. Я пошутил, конечно, но присмотритесь, однако: больше ничего как певчие, в некотором роде официальный хор, исполняющий за обедней концерт. Всё это господа в официальных костюмах, с гладко-гладко выбритыми подбородками. Вглядитесь, например, в этого господина с бакенбардами; ясно, что он, так сказать, переряжен в этот совершенно не гармонирующий с ним костюм и носит его лишь по службе. Правда, и все певчие надевают такие костюмы лишь по службе, и искони так велось, с патриархальных времен, но тут эта переряженность как-то особенно в глаза бросается. Вы такого благообразного чиновника привыкли видеть лишь в вицмундире и в департаменте; это скромный и солидный, прилично обстриженный человечек среднего круга. Он тянет что-то вроде известного «уязвлен!», но и «уязвлен» обращается, глядя на него, во что-то официальное. Ничего даже нет смешнее, как предположить, чтоб этот вполне благонамеренный и успокоенный службою человек мог быть «уязвлен»! Не смотреть на них, отвернуться и только слушать, и выйдет что-нибудь прелестное; ну а посмотреть на эти фигуры, и вам кажется, что псалом поется только так... что тут что-то вовсе другое...

Я ужасно боюсь «направления», если оно овладевает молодым художником, особенно при начале его поприща; и как вы думаете, чего именно тут боюсь: а вот именно того, что цель-то направления не достигнется. Поверит ли один милый критик, которого я недавно читал, но которого называть теперь не хочу, — поверит ли он, что всякое художественное произведение без предвзятого направления, исполненное единственно из художнической потребности, и даже на сюжет совсем посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь «направительное», — поверит ли этот критик, что такое произведение окажется гораздо полезнее для *его же целей*, чем, например, все песни о рубашке (не Гуда, а наших писателей), хотя бы с виду и походило на то, что называют «удовлетворением праздного любопытства»? Если даже люди

ученые, по-видимому, еще не догадались об этом, то что же может происходить иногда в сердцах и в умах наших молодых писателей и художников? какая бурда понятий и предвзятых ощущений? В угоду общественному давлению молодой поэт давит в себе натуральную потребность излиться в собственных образах, боится, что осудят «за праздное любопытство», давит, стирает образы, которые сами просятся из души его, оставляет их без развития и внимания и вытягивает из себя с болезненными судорогами тему, удовлетворяющую общему, мундирному, либеральному и социальному мнению. Какая, однако, ужасно простая и наивная ошибка, какая грубая ошибка! Одна из самых грубейших ошибок состоит в том, что обличение порока (или то, что либерализмом принято считать за порок) и возбуждение к ненависти и мести считается за единственный и возможный путь к достижению цели! Впрочем, даже и на этом узком пути можно было бы вывернуться сильному дарованию и не заглохнуть в начале поприща; стоило бы вспоминать лишь почаще о золотом правиле, что высказанное слово серебряное, а невысказанное — золотое. Есть очень и очень значительные таланты, которые так много обещали, но которых до того заело направление, что решительно одело их в какой-то мундир. Я читал две последние поэмы Некрасова — решительно этот почтенный поэт наш ходит теперь в мундире. А ведь даже и в этих поэмах есть несколько хорошего и намекает на прежний талант г-на Некрасова. Но что делать: мундирный сюжет, мундирность приема, мундирность мысли, слога, натуральности... да, мундирность даже самой натуральности. Знает ли, например, маститый поэт наш, что никакая женщина, даже преисполненная первейшими гражданскими чувствами, приявшая, чтобы свидеться с несчастным мужем, столько трудов, проехавшая шесть тысяч верст в телеге и «узнавшая прелесть телеги», слетевшая, как вы сами уверяете, «с высокой вершины Алтая» (что, впрочем, совсем уже невозможно), — знаете ли вы, поэт, что эта женщина ни за что не поцелует сначала цепей любимого человека, а поцелует непременно сначала его самого, а потом уже его цепи, если уж так сильно и внезапно пробудится в ней великодушный порыв гражданского чувства, и так сделает всякая женщина решительно. Конечно, замечание мое пустяшное, да и не стоило бы приводить, потому что и поэма-то так только написана, ну, например, чтобы к первому января отвязаться... Впрочем, г-н Некрасов все-таки уже громкое литературное имя, почти законченное, и имеет за собою много прекрасных стихов. Это поэт страдания и почти заслужил это имя. Ну а новеньких все-таки жаль: не у всякого такой сильный талант, чтобы не подчиниться мундирной мысли в начале поприща, а стало быть, и уберечь себя от литературной чахотки и смерти. Что делать: мундир-то ведь так красив, с таким шитьем, блестит... Да и как выгоден! то есть теперь особенно выгоден.

Чуть только я прочел в газетах о бурлаках г-на Репина, то тотчас же испугался. Даже самый сюжет ужасен: у нас как-то принято, что бурлаки всего более способны изображать известную социальную мысль о неоплатном долге высших классов народу. Я так и приготовился их всех встретить в мундирах, с известными ярлыками на лбу. И что же? К радости моей, весь страх мой оказался напрасным: бурлаки, настоящие бурлаки и более ничего. Ни один из них не кричит с картины зрителю: «Посмотри, как я несчастен и до какой степени ты задолжал народу!» И уж это одно можно поставить в величайшую заслугу художнику. Славные, знакомые фигуры: два передовые бурлака почти смеются, по крайней мере, вовсе не плачут и уж отнюдь не думают о социальном своем положении. Солдатик хитрит и фальшивит, хочет набить трубочку. Мальчишка серьезничает, кричит, даже ссорится — удивительная фигура, почти лучшая в картине и равна по замыслу с самым задним бурлаком, понуренным мужичонкой, плетущимся особо, которого даже и лица не видно. Невозможно и представить себе, чтобы мысль о политико-экономических и социальных долгах высших классов народу могла хоть когда-нибудь проникнуть в эту бедную, понуренную голову этого забитого вековечным горем мужичонка... и — и знаете ли вы, милый критик, что вот эта-то смиренная невинность мысли этого мужичонки и достигает цели несравненно более, чем вы думаете, — именно вашей направительной, либеральной цели! Ведь иной зритель уйдет с нарывом в сердце и любовью (с какою любовью!) к этому мужичонке, или к этому мальчишке, или к этому плуту-подлецу солдатику! Ведь нельзя не полюбить их, этих беззащитных, нельзя уйти, их не полюбя. Нельзя не подумать, что должен, действительно должен народу... Ведь эта бурлацкая «партия» будет сниться потом во сне, через пятнадцать лет вспомнится! А не были бы они так натуральны, невинны и просты — не производили бы такого впечатления и не составили бы такой картины. Теперь ведь это почти картина! Да и отвратительны все мундирные воротники, как ни расшивай их золотом! Впрочем, что тут разглагольствовать; да и картину рассказывать нечего; картины слишком трудно передавать словами. Просто скажу: фигуры гоголевские. Слово это большое, но я и не говорю, что г-н Репин есть Гоголь в своем роде искусства. Наш жанр еще до Гоголя и до Диккенса не дорос.

Некоторую утрировку можно заметить, впрочем, и у г-на Репина: это именно в костюмах, и то только в двух фигурах. Такие лохмотья даже и быть не могут. Эта рубашка, например, нечаянно попала в корыто, в котором рубили сечкой котлеты. Без сомнения, бурлаки костюмами не блистают. Всем известно, откуда этот народ: дома в конце зимы, как не раз извещали по крайней мере, корой питаются и идут по весне к хозяину тянуть барку, по крайней мере иные, из-за одной только каши, почти без всякого уговора. Примеры бывали, что с первых дней так и

умрет у каши бурлак, навалившись на нее с голодухи, задушится, «лопнет». Лекаря взрезывали, говорят, этих людей и находили одну только кашу до самого горла. Вот это какие иногда субъекты. Но всё же невысказанное слово золотое, тем более что такую рубашку и надеть нельзя, если раз только снять: не влезет. Впрочем, в сравнении с достоинством и независимостью замысла картины эта крошечная утрировка костюмов ничтожна.

Жаль, что я ничего не знаю о г-не Репине. Любопытно узнать, молодой это человек или нет? Как бы я желал, чтоб это был очень еще молодой и только что еще начинающий художник. Несколько строк выше я поспешил оговориться, что все-таки это не Гоголь. Да, г-н Репин, до Гоголя еще ужасно как высоко; не возгордитесь заслуженным успехом. Наш жанр на хорошей дороге, и таланты есть, но чего-то недостает ему, чтобы раздвинуться или расшириться. Ведь и Диккенс — жанр, не более; но Диккенс создал «Пиквика», «Оливера Твиста» и «Дедушку и внучку» в романе «Лавка древностей»; нет, нашему жанру до этого далеко; он еще стоит на «Охотниках» и «Соловьях». «Соловьев» и «Охотников» у Диккенса множество на второстепенных местах. Я даже думаю, что нашему жанру в настоящую минуту нашего искусства, сколько могу судить по некоторым признакам, «Пиквик» и «Внучка» покажутся даже чем-то идеальным, а сколько я заметил по разговорам с иными из наших крупнейших художников — идеального они боятся вроде нечистой силы. Боязнь благородная, без сомнения, но предрассудочная и несправедливая. Надо побольше смелости нашим художникам, побольше самостоятельности мысли и, может быть, побольше образования. Вот почему, я думаю, страдает и наш исторический род, который как-то затих. По-видимому, современные наши художники даже боятся исторического рода живописи и ударились в жанр, как в единый истинный и законный исход всякого дарования. Мне кажется, что художник как будто предчувствует, что (по понятиям его) придется ему непременно «идеальничать» в историческом роде, а стало быть, лгать. «Надо изображать действительность как она есть», — говорят они, тогда как такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не бывало, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства; стало быть, надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального. Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, приготовляется, вглядывается. Почему он это делает? А потому что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает «главную идею его физиономии», тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста. А стало быть, что же делает тут художник, как не доверяется скорее своей идее (идеалу), чем предстоящей действительности? Идеал ведь тоже действительность, такая же закон-

ная, как и текущая действительность. У нас как будто многие не знают того. Вот, например, «Гимн пифагорейцев» Бронникова: иной художник-жанрист (и даже из самых талантливых) удивится даже, как возможно современному художнику хвататься за такие темы. А между тем такие темы (почти фантастические) так же действительны и так же необходимы искусству и человеку, как и текущая действительность.

Что такое в сущности жанр? Жанр есть искусство изображения современной, текущей действительности, которую перечувствовал художник сам лично и видел собственными глазами, в противоположность исторической, например, действительности, которую нельзя видеть собственными глазами и которая изображается не в текущем, а уже в законченном виде. (Сделаю nota bene: мы говорим: «видел собственными глазами». Ведь Диккенс никогда не видел Пиквика собственными глазами, а заметил его только в многоразличии наблюдаемой им действительности, создал лицо и представил его как результат своих наблюдений. Таким образом, это лицо так же точно реально, как и действительно существующее, хотя Диккенс и взял только идеал действительности.) Между тем у нас именно происходит смешение понятий о действительности. Историческая действительность, например в искусстве, конечно не та, что текущая (жанр), — именно тем, что она законченная, а не текущая. Спросите какого угодно психолога, и он объяснит вам, что если воображать прошедшее событие и особливо давно прошедшее, завершенное, историческое (а жить и не воображать о прошлом нельзя), то событие *непременно* представится в законченном его виде, то есть с прибавкою всего последующего его развития, еще и не происходившего в тот именно исторический момент, в котором художник старается вообразить лицо или событие. А потому сущность исторического события и не может быть представлена у художника точь-в-точь так, как оно, может быть, совершалось в действительности. Таким образом, художника объемлет как бы суеверный страх того, что ему, может быть, поневоле придется «идеальничать», что, по его понятиям, значит лгать. Чтоб избегнуть мнимой ошибки, он придумывает (случаи бывали) смешать обе действительности — историческую и текущую; от этой неестественной смеси происходит ложь пуще всякой. По моему взгляду, эта пагубная ошибка замечается в некоторых картинах г-на Ге. Из своей «Тайной вечери», например, наделавшей когда-то столько шуму, он сделал совершенный жанр. Всмотритесь внимательнее: это обыкновенная ссора весьма обыкновенных людей. Вот сидит Христос, — но разве это Христос? Это, может быть, и очень добрый молодой человек, очень огорченный ссорой с Иудой, который тут же стоит и одевается, чтобы идти доносить, но не тот Христос, которого мы знаем. К Учителю бросились его друзья утешать его; но спрашивается: где же и причем тут последовавшие восемнадцать веков христианства? Как можно, чтоб из этой

обыкновенной ссоры таких обыкновенных людей, как у г-на Ге, собравшихся поужинать, произошло нечто столь колоссальное?

Тут совсем ничего не объяснено, тут нет исторической правды; тут даже и правды жанра нет, тут всё фальшивое.

С какой бы вы ни захотели судить точки зрения, событие это не могло так произойти: тут же всё происходит совсем несоразмерно и непропорционально будущему. Тициан, по крайней мере, придал бы этому Учителю хоть то лицо, с которым изобразил его в известной картине своей «Кесарево кесареви»; тогда многое бы стало тотчас понятно. В картине же г-на Ге просто перессорились какие-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже вовсе не реализм. Г-н Ге гнался за реализмом.

Однако я и забыл о выставке. Впрочем... Какой же я репортер; я хотел лишь сделать несколько отметок «по поводу». Тем не менее редакция обещает поместить подробный отчет о картинах наших художников, отправляющихся на венскую выставку; или, может быть, еще лучше, постарается упомянуть о них уже с выставки, уже с отчетом о впечатлении, которое они произведут в свою очередь на собравшихся иностранцев.

X

РЯЖЕНЫЙ

Кто тебя!

В «Русском мире» (№ 103) появилась на меня ругательная заметка. Ни на одну ругательную статью я не отвечаю; на эту отвечу — по некоторым соображениям, а по каким — выяснится в продолжение ответа.

И во-первых, дело в том, что ругатель мой духовное лицо, — с этой стороны менее всего ждал нападения. «Заметка» подписана «Свящ. П. Касторский». Что такое: «Свящ.»? Священник? Что может означать это сокращение, кроме «священник»? Тем более что и речь о церковном предмете. В 15—16 № «Гражданина» напечатана была повесть г-на Недолина «Дьячок». Ну вот об ней-то и дело.

Вот эта «заметка».

«ХОЛОСТЫЕ ПОНЯТИЯ О ЖЕНАТОМ МОНАХЕ

Священнослужители и церковники весьма нередко в наше время бывают избираемы нашими повествователями и романистами в герои своих повествований; еще чаще они появляются там в качестве вводных, так сказать, аксессуарных лиц. Это и прекрасно, что их описывают: в духовном быту очень много типических лиц, и почему их не изображать с их добрыми и худыми

сторонами? Недавний успех „Записок причетника" в „Отечественных записках" и потом еще больший успех „Соборян" в „Русском вестнике" показывают, как много интереса могут возбуждать в обществе художественные изображения бытовой среды нашего клира. Оба названные произведения представляли наших клировых людей с разных точек зрения, и оба они прочитаны со вниманием и с удовольствием. А почему? — потому что они написаны хорошо, художественно и с знанием дела. Но совсем не то выходит, когда по подражательности или по чему-нибудь другому, — например по самонадеянности или по легкомыслию, — за это дело берутся люди, которые не имеют о нем никакого понятия. Они только конфузят себя и вредят делу, устанавливая на него ложные взгляды, а потому проходить такие вредные покушения — карикатурить быт нашего духовенства — невозможно, и я вслед за *псаломщиком*, недавно заметившим в „Русском мире" невежество писателя Достоевского насчет певчих, не могу промолчать о еще более грубом, смешном и непростительном невежестве, обличенном опять в том же журнале „Гражданин", под которым подписывается редактором тот же г-н Достоевский».

Остановимся пока тут. Что значит «вслед за *псаломщиком*, обличившим в „Русском мире" невежество писателя Достоевского»? Не читал. (И опять «Русский мир»!) Отыскиваю (№ 87), действительно есть обличение, подписано «Псаломщик». Посмотрим, что такое:

«*О певческой ливрее*

(Письмо в редакцию)

В № 13 журнала „Гражданин" (26 марта) мне случилось прочесть статью г-на Ф. Достоевского по поводу академической художественной выставки. Г-н Достоевский, трактуя в этой статье о псаломщиках, изображенных художником Маковским, написал такие строки: „Всё это господа в *официальных костюмах* с гладко-гладко выбритыми подбородками. Правда, и *все певчие надевают такие костюмы* лишь по службе и *искони надевают такие костюмы и искони так велось с патриархальных времен. . .*"»

Прервем на минуту: во-первых, такой глупой фразы у меня совсем нет. У меня написано: «Правда, и все певчие надевают такие костюмы лишь по службе и искони так велось, с патриархальных времен. . .» — а это совсем другое.

Продолжаем выписку:

«Это неосновательно: ни *искони*, ни с *патриархальных* времен клировые певцы в русской церкви никогда не надевали на себя таких костюмов, в каких мы видим их ныне и в каких псаломщики изображены в картине г-на Маковского. Эта ливрея есть позднейшее позаимствование, взятое с Запада, или, точнее сказать, из Польши, и в числе достопочтенных иерархов нашей церкви было и есть немало таких, которые находят этот ливрейный маскарад неуместным, и певцы состоящих при них хоров поют в обыкновенных черных сюртуках, что, конечно, гораздо скромнее и пристойнее польского контуша. „Искони" же, во времена „*патриархальные*", певцы пели стоя в длинных черных азямах и непременно с лестовками в руке; так же точно стоят певцы и ныне в церквах единоверцев и в моленных раскольников».

NB. Выходит, пожалуй, что у нас, в теперешних православных храмах, певчие поют сидя. Сведущего человека всегда полезно выслушать.

Дневникъ писателя. (1)

Свящ. Касторскій

Кто тебя ?!

Въ "Русскомъ Мірѣ" (№ 103) появилась на меня ругательная ~~статья~~ замѣтка. Ни на одну ругательную статью я не отвѣчаю, на эту отвѣчу — по нѣкоторымъ особымъ соображеніямъ ~~обстоятельствамъ~~; а по какимъ — выяснится впродолженіе отвѣта.

~~Дѣло въ томъ что~~

И во первыхъ дѣло въ томъ что ругаетъ мой духовное лицо, — съ этой стороны менѣе всего ждалъ нападенія. ~~И вотъ какое нападеніе. Ругаетъ въ полномъ смыслѣ слова~~. "Замѣтка" подписана: "Свящ. К. Касторскій". Что такое: "Свящ."? ~~Кто таковъ~~? Священникъ? ~~Подписана~~ ~~Свящ.~~ Что можетъ означать это сокращеніе кромѣ "священника", тѣмъ болѣе что и рѣчь о церковномъ предметѣ. Въ 15-16 № Гражданина ~~Въ~~ напечатана была повѣсть г-на Недолина: "Дьячекъ". Ну вотъ объ ней-то и дѣло.

«Дневник писателя» за 1873 г. Страница наборной рукописи статьи «Ряженый». Автограф Ф. М. Достоевского.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

«Опасаясь (есть чего!), дабы через неведующее слово г-на Достоевского не укреплялось неосновательное мнение насчет этих ливрей (землетрясение будет от этого, что ли?), которые давно бы пора перекроить на русский лад, я имею честь просить редакцию „Русского мира“ дать место этим кратким строкам моим.

Псаломщик».

Вот эта заметка Псаломщика, на которую ссылается Свящ. Касторский. Прежде чем будем продолжать Касторского, кончим с Псаломщиком.

Чего вы рассердились, г-н Псаломщик? Вы указываете ошибку и учите, а между тем ошибаетесь сами. Вы говорите: «Это неосновательно: ни *искони*, ни с *патриархальных* времен клировые певцы в русской церкви никогда не надевали на себя таких костюмов...» Как так? Почему «это неосновательно»? Почему нельзя сказать: *искони* и с *патриархальных* времен? Что же, они вчера, что ли, так оделись? Ведь по крайней мере при пра-прапрадедах? С насупившимся видом глубокого историка вы являетесь нас поправлять, а между тем сами ничего не говорите точного? Ждешь, что глубокий историк с точностию определит время, год, а пожалуй, и день, когда клир в первый раз оделся в эти костюмы, а вы после всего, что натрубили, довольствуетесь вялой догадкой: «Это-де у нас с польского» — и только! А звону-то, звону-то!

Вы только ответьте, г-н Псаломщик, как по-вашему: польское влияние, отразившееся одновременно у нас на очень многом и даже вот на клире, — давно оно было, по-вашему, или всего только третьего дня? Так почему же, ради всего сколько-нибудь толкового, нельзя выразиться, что *искони* так велось, с *патриархальных* времен? Не только с патриархальных, но почти с *патриаршими* временами это соприкасается.

Эти костюмы (или подобные им) появились с Петра Великого, стало быть, почти соприкасались со временами патриаршими, немногого недостало. Разве это недавно? Нельзя, что ли, сказать *искони*? или с «патриархальных времен»? Если же я в статье моей и сам не определил с историческою точностию, с какого именно времени наши певчие в эти костюмы одеваются, то потому что и намерения сего не питал, и цели такой не имел, а единственно хотел выразить, что заведено это очень давно, — так давно, что всегда можно выразиться «*искони*», и это всякий поймет, кто прочтет статью мою. Не про Димитрия Донского время я говорил и не про Ярославово. Я хотел сказать, что «очень давно», и ничего больше.

Но довольно с ученым Псаломщиком. Выскочил, намахал руками, и — ничего не вышло. По крайней мере, этот выразился вежливо: «Опасаясь, дескать, дабы через *неведующее* слово г-на Достоевского» и т. д. Но Свящ. Касторский разом перескакивает пределы, поставленные Псаломщиком. Резвый человек!.. «Невежество писателя Достоевского насчет певчих»... «Не могу

промолчать о еще более грубом, смешном и непростительном невежестве, обличенном опять в том же журнале „Гражданин“, под которым подписывается редактором тот же г-н Достоевский».

Подумаешь, что за страшные преступления натворил этот Достоевский: *простить* даже невозможно! Духовное лицо, которое, казалось, должно бы быть сама любовь, и то простить не в состоянии! .. Но, однако, какое же это «невежество»? В чем дело? Нечего делать, выпишем всего Касторского, угостим читателей. Зачем «хорошего понемножку»? Чем больше его, тем лучше, — вот моя мысль.

«В 15—16 № журнала „Гражданин“, вышедшем 16 сего апреля, напечатан „Дьячок. Рассказ в приятельском кругу г-на Недолина“. Рассказ этот имеет самое ложное и невозможное основание: в нем представлен голосистый дьячок, которого *бьет* его жена, и *бьет* его так усердно и жестоко, что он от ее побоев сбегает в монастырь, где и „обрек себя господу и не должен больше ни о чем земном думать“. Он остается в монастырской ограде, а долго бившая его жена его дьячиха стоит за оградою; он там звонко распевает переложение псалма:

И свят, о боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит,
Велений господа посланник,
Он исполина сокрушит.

А покинутая жена опять „стоит у монастырской ограды и, приложив свою пылавшую голову к монастырской стене, плачет“ и просит выманить к ней определившегося в монастырь мужа, с тем что она „будет ему рабой и собакой“. Но муж не вышел и так и умер в монастыре.

Какая жалкая, невозможная и смешная небылица! Кто этот г-н Недолин, мы не знаем; но всеконечно это человек совсем не знающий ни русского законодательства, ни русской жизни, — не знающий их до того, что он полагает, будто в России можно женатому человеку определиться в монастырь и будто его там станут держать; но как же не знать этого редактору г-ну Достоевскому, который недавно так пространно заявлял, что он большой христианин и притом православный и православно верующий в самые мудреные чудеса? Разве, может быть, он и это принятие в монастырь женатого человека причисляет к чудесам, — тогда это другое дело; но всякий мало-мальски знающий законы и уставы своей церкви может легко убедить г-на Достоевского, что даже такое чудо у нас невозможно, потому что оно строго запрещено и преследуется нашими положительными законами, которых никакое монастырское начальство преступить не может и человека, имеющего живую жену, в монастырь не примет.

Крайне бедная и неискусно скомпонованная фабула рассказа „Дьячок“, конечно, все-таки могла бы кое-что выиграть, если бы ей была дана вероподобная развязка, а таковая вполне возможна была для писателя или для редактора, хотя немножечко знакомого с бытом изображаемой среды. Рассказ, например, мог быть доведен до того весьма знакомого драматического положения, что дьячок, чтобы скрыться от сварливой жены, бежит в монастыри, но из одних его выгоняет начальство, потому что он женат, а из других сама жена его вытребовывает и, пожалуй, опять его бьет. . . Тогда, не видя нигде в отечестве спасения от жены и в то же время стремясь к монастырской жизни, злополучный дьячок мог бы, например, бежать на Афон, где под мусульманским управлением турецкого султана православная церковь действует во многом самостоятельнее, чем в России. Там, как известно, в монастырях иногда не боятся принимать и женатых людей, ищущих иночества, и там-то немилосердно побиваемый женою русский дьячок мог бы

приютиться и молиться и петь, но во всяком случае только петь отнюдь не то стихотворное переложение, которое поет дьячок „Гражданина“, потому что, *во-первых*, как основательно известно, это переложение у лиц духовного звания вниманием не пользуется; *во-вторых*, оно на голос не положено и не поется, а *в-третьих*, никаких светских стихотворных переложений в стенах православных монастырей распевать не дозволяется, и запрещением этим никто, живущий в монастыре, манкировать не смеет, дабы не нарушать тишины, подобающей месту.

Свящ. П. Касторский».

Теперь ответим по пунктам и, во-первых, успокоим взволнованного священника Касторского в самом главном пункте, объяснив ему, что повесть «Дьячок» вовсе не бытовая. Почтенному автору ее г-ну Недолину (не псевдоним), часть своей жизни проведшему на самой деятельной государственной службе, никакого дела не было в настоящем случае до церковного быта. Его герой «*дьячок*» мог безо всякой потери для себя и для рассказа быть каким-нибудь, например, почтамтским чиновником, и если остался в рассказе дьячком, то единственно потому, что происшествие это истинное. Поэма эта исключительная, почти фантастическая. Знаете ли вы, священник Касторский, что истинные происшествия, описанные со всею исключительностию их случайности, почти всегда носят на себе характер фантастический, почти невероятный? Задача искусства — не случайности быта, а общая их идея, зорко угаданная и верно снятая со всего многоразличия однородных жизненных явлений. В рассказе г-на Недолина обобщено совсем другое явление человеческого духа. Если бы, напротив, он имел претензию на бытовое изображение, то, с этой точки зрения и с одним своим анекдотом, непременно бы попал в исключительность. Недавно, то есть несколько месяцев тому назад, в одном из наших знатнейших монастырей случилось, говорят, что один глупый и злой монах убил в школе десятилетнего мальчика жестокими побоями, да еще при свидетелях. Ну не фантастическое ли это приключение на первый взгляд? А между тем оно, кажется, вполне истинное. Ну опиши его кто-нибудь — мигом закричат, что это невероятно, исключительно, изображено с намерением предумышленным, — и будут правы, если судить с точки зрения одной бытовой верности изображения наших монастырей. Верности не было бы и с одним таким анекдотом; и поныне найдется в монастырях наших ангельское житие, во славу божию и церкви, и приключение с злым монахом останется навсегда исключительным. Но для повествователя, для поэта могут быть и другие задачи, кроме бытовой стороны; есть общие, вечные и, кажется, вовеки неисследимые глубины духа и характера человеческого. А уж вам так и кажется, что уж если написано «дьячок», так уж непременно специальное описание быта; а уж коли описание быта, так уж непременно отмежеванные и патентованные писатели для изображения его, и не смей, дескать, соваться на нашу ниву; это наш угол, наша эксплуатация, наша доходная статья. Не правда ли, ведь это вас

взволновало, священник Касторский? Помилуйте, можно написать пером слово «дьячок» совсем без намерения отбивать что-нибудь у г-на Лескова. И потому успокойтесь.

Успокоив вас, попрошу вас обратить внимание на заглавие вашей полемической статьи: «Холостые понятия о женатом монахе».

И мимоходом спрошу: к чему тут «холостые»? Насколько изменятся понятия, если они будут женатые? И разве есть холостые понятия и женатые понятия? Ну да вы не литератор, и всё это вздор; вы — взволнованный священник Касторский, и с вас слогу нечего спрашивать, особенно в таком состоянии. Главное дело вот в чем: кто вам сказал, что наш дьячок поступил в монахи? Где, во всей повести г-на Недолина, нашли вы, что он постригся? Между тем это очень важно; озаглавив таким образом, вы читателя, незнакомого с повестью г-на Недолина, прямо вводите в недоумение: «Да, действительно, — подумает он, — женатый дьячок не мог поступить в монахи! Как же этого не знает „Гражданин“»? Таким образом, отведя словом «монах» глаза читателю, вы уже победоносно восклицаете в средине вашей статьи:

«Какая жалкая, невозможная и смешная небылица!. . Как же не знать того редактору г-ну Достоевскому, который» и т. д. . . .

А между тем вы просто-запросто подтасовали дело, и я преспокойно ловлю вас на плутне. Но вы немножко ошиблись, батюшка, и рассчитали без хозяина. Женатого в монахи *не постригут*, это так; но почему «никакое монастырское начальство имеющего живую жену в монастырь не примет», как утверждаете вы с азартом? Это откудова почерпнули вы такое известие? Кто-нибудь, например, имел бы намерение поселиться в монастыре (где есть, например, удобное помещение), но он женат, жена его где-нибудь в столице или за границей, и вот, потому только, что он женат, его гонят вон из монастыря? Так ли это? Не знаете дела, батюшка, а еще духовное лицо. Я вам даже смог бы указать на некоторые известные всему петербургскому обществу лица, памятные в обществе до сих пор и которые кончили тем, что поселились жить под конец жизни в монастырях и вот уже живут там очень долго, а между тем женаты и жены их живы до сих пор. Всё произошло с обоюдного согласия. Так точно *поселился жить* в монастыре и дьячок г-на Недолина. Уничтожьте только подтасовку пострижения в монахи, с умыслом вами придуманную и чего совсем нет во всей повести г-на Недолина, и вам тотчас же всё объяснится. Тут даже лучше, чем с «обоюдного согласия», произошло; тут прямо произошло с соизволения начальства. Я вас, батюшка, имею средства на этот счет в высшей степени успокоить. Предположите, что я навел справки и вот какие получил сведения:

Во-первых, артист-дьячок еще за полгода до *поступления*

в монастырь, когда при прощании с помещиком открылся ему в первый раз, что намерен уйти *жить* в монастырь, уже и тогда знал, что говорил. Именно потому, что уже сообщил о намерении своем отцу Иоанну, игумену монастыря, который его очень любил, то есть более любил его пение, потому что был чрезвычайный любитель музыки и Софрону изо всех сил покровительствовал; даже сам, кажется, и переманивал его *жить* в монастыре. Дьячок поколебался на предложение помещика ехать за границу и вот почему прождал еще с полгода; но когда кончилось его терпение, ушел в монастырь. Устроить же это было очень легко: отец Иоанн состоял в теснейшей дружбе с епархиальным начальником, а когда два такие лица согласились, то и предлогов не надо. Но наверно был отыскан и предлог, по которому дьячок был, так сказать, «откомандирован» в монастырь. Обет же, данный дьячком, «посвятить себя господу» (на что вы так особенно сердитесь) был совершенно свободный, внутренний, неофициальный, дело его совести, дан самому себе. Мало того, в рассказе г-на Недолина есть совершенно ясное указание на то, что дьячок только *проживал* в монастыре, а отнюдь не был пострижен в монахи, как вы с такою бесцеремонностию присочинили, батюшка. Именно: воротившийся помещик всё еще уговаривает Софрона выйти из монастыря и отправиться за границу, и дьячок в первый день переговоров даже колеблется. Ну могло ли бы это быть, если б Софрон был уже пострижен? Не маскируйте, наконец, и того, что ведь это был артист неслыха́нный, по крайней мере одаренный неслыханно, и таким он заявляется в повести с самого начала. А если так, то понятно и такое пристрастие к нему отца Иоанна, страстного любителя музыки. . .

«Но ведь это не объяснено в повести!» — воскликнете вы в чрезвычайном гневе. Нет, отчасти объяснено; очень о многом можно догадаться из рассказа, хотя он быстр и краток. Но, положим, и не всё объяснено, — зачем объяснять? Было бы только вероятно; а уничтожьте подтасовку пострижения в монахи, и всё станет вероятно. Да, рассказ г-на Недолина несколько сжат, но знаете, батюшка, вы вот человек не литературный, что и доказали, а между тем я вам прямо скажу, что ужасно много современных повестей и романов выиграли бы, если б их сократить. Ну что толку, что автор тянет вас в продолжение тридцати листов и вдруг на тридцатом листе ни с того ни с сего бросает свой рассказ в Петербурге или в Москве, а сам тащит вас куда-нибудь в Молдо-Валахию, единственно с тою целью, чтоб рассказать вам о том, как стая ворон и сов слетела с какой-то молдо-валахской крыши, и, рассказав, вдруг опять бросает и ворон и Молдо-Валахию, как будто их не бывало вовсе, и уже ни разу более не возвращается к ним в остальном рассказе; так что читатель остается, наконец, в совершенном недоумении. Из-за денег пишут, чтобы только больше страниц написать! Г-н Недолин написал иначе и хорошо, может быть, сделал.

«Но жена, жена! — восклицаете вы, вращая глазами. — Как же жена позволила и не жаловалась, как „не вытребовала“ она его законом, силой!» А вот тут-то вы, и именно на женском-то этом пункте, всего больше и спасовали, батюшка. Вы ведь до того разыгрались в вашей статье, что даже сами принялись сочинять роман, а именно как жена своего дьячка наконец воротила и опять начала колотить, как он «сбежал» в другой монастырь, как из другого воротила, как он сбежал наконец на Афон и там уже успокоился под «*мусульманским*» управлением султана (представьте, а ведь я до сих пор думал, что султан христианин!).

Шутки в сторону; знайте, батюшка, что хоть вам бы и следовало, уже по одному сану вашему, немножко знать сердце человеческое, но вы его вовсе не знаете. Вы хоть и плохой сочинитель, но, может быть, если бы взялись за перо, действительно описали бы бытовую сторону духовенства вернее г-на Недолина; но в сердце человеческом г-н Недолин знает более вашего. Женщина, которая целые дни выстаивает у монастырской стены и плачет, не пойдет подавать просьбы и не станет уже действовать силой. Довольно силы! У вас вот всё битье да битье; в порыве авторского увлечения вы продолжаете роман, и опять у вас битье. Нет, уж довольно битья! Вспомните, батюшка, у Гоголя в «Женитьбе», в последней сцене, после того как Подколесин выпрыгнул в окошко, Кочкарев кричит: «Воротить его, воротить!», воображая, что выпрыгнувший в окошко жених всё еще пригоден для свадьбы. Ну вот точно так же рассуждаете и вы. Кочкарева останавливает сваха словами: «Эх, дела ты свадебного не знаешь; добро бы в дверь вышел; а уж коли в окно махнул, так уж тут мое почтение». Облагородьте случай с Подколесиным, и он как раз придется к положению бедной, оставленной мужем дьячихи. Нет, батюшка, битье кончилось! Эта женщина, — этот исключительный характер, страстное и сильное существо, гораздо высшее, между прочим, по душевным силам, чем артист, ее муж, — эта женщина под влиянием среды, привычек, необразованности могла действительно начать битьем. Толковому, понимающему человеку тут именно реализм события понравится, и г-н Недолин мастерски поступил, что не смягчил действительности. Слишком сильные духом и характером женщины, особенно если страстны, иначе и не могут любить, как деспотически, и имеют даже особенную наклонность к таким слабым, ребяческим характерам, как у артиста-дьячка. И за что она так полюбила его? разве она знает это! Он плачет, она не может не презирать его слез, но плотоядно, сама мучаясь, наслаждается его слезами. Она ревнива: «Не смей петь при господах!» Она бы, кажется, проглотила его живьем из любви. Но вот он бежал от нее, и — никогда бы она тому не поверила! Она горда и самонадеянна, она знает, что красавица, и — странная психологическая задача, — поверите ли, ведь она всё время была убеждена, что он

точно так же ее без памяти любит, как и она его, без нее жить не может, несмотря на битье! Ведь в этом состояла вся ее вера; мало того, тут и сомнений для нее не существовало, и вдруг ей всё открывается: этот ребенок, артист ее нисколько не любит, давно уже перестал любить, может быть, никогда не любил и прежде! Она вдруг смирилась, поникла, раздавлена, а отказаться от него все-таки не в силах, безумно любит, еще безумнее, чем прежде. Но так как характер сильный, благородный и необыкновенный, то и вырастает вдруг неизмеримо и над прежним бытом, и над прежней средой своей. Нет, уж теперь она его не потребует силой. Силой ей его теперь и даром не надо; она всё еще неизмеримо горда, но гордость эта уже другого рода, уже облагородилась: она скорее умрет с горя тут же, в траве у ограды, а не захочет употребить насилие, писать просьбы, доказывать права свои. Ах, батюшка, да ведь в этом и вся повесть, а вовсе не в бытовой стороне церковников! Нет, батюшка, этот крошечный рассказик гораздо значительнее, чем вам кажется, и поглубже. Повторяю, вы так не напишете, даже не поймете в чем дело. У вас отчасти душа кочкаревская (в литературном отношении, разумеется, — далее я не иду), как и имел я вам честь заметить...

Что же касается до сочинительства вашего и до понимания художественного, то к вам в этом отношении вполне, я думаю, можно приложить известную эпиграмму Пушкина:

Картину раз высматривал сапожник,
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
«Вот», подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»
Но Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»
. . . .

Вы, батюшка, точь-в-точь как этот сапожник, с тою только разницею, что даже и в обуви не сумели указать г-ну Недолину, что, надеюсь, я вам и доказал основательно. А подтасовкой ничего не возьмете. Тут, видите ли, чтобы понимать что-нибудь в душе человеческой и «судить повыше сапога», надо бы побольше развития в другую сторону, поменьше этого цинизма, этого «духовного» материализма; поменьше этого презрения к людям, поменьше этого неуважения к ним, этого равнодушия. Поменьше этой плотоядной стяжательности, побольше веры, надежды, любви! Посмотрите, например, с каким грубым цинизмом обращаетесь вы со мной лично, с каким совсем несвойственным вашему сану неприличием говорите о чудесах. Верить не хотел, когда прочел у вас следующее про себя:

!!«... но как же не знать этого редактору г-ну Достоевскому, который недавно так пространно заявлял, что он большой христианин и притом право-

славный и православно верующий в самые мудреные чудеса? Разве, может быть, он и это принятие в монастырь женатого человека причисляет к чудесам, — тогда это другое дело. . .»

Во-первых, батюшка, вы и тут сочинили (экая ведь страсть у вас к сочинительству!). Никогда и нигде не объявлял я о себе *лично* ничего о вере моей в чудеса. Всё это вы выдумали, и я вас вызываю указать: где вы это нашли? Позвольте еще: если б я, Ф. Достоевский, где-нибудь и объявил это о себе (чего не было), то уж, поверьте, не отказался бы от слов моих ни из-за какого либерального страху или страху ради касторского. Просто-запросто ничего подобного не было, и я только констатирую факт. Но если бы и было — что вам-то до веры моей в чудеса? Чем они подходят к делу? И что такое мудреные чудеса и немудреные? Как уживаетесь вы с подобными разделениями сами? Вообще же желаю, чтобы в этом отношении вы оставили меня в покое — уже хоть по тому одному, что приставать ко мне с этим вовсе к вам не идет, несмотря на всё современное просвещение ваше. Духовное лицо, а так раздражительны! Стыдно, г-н Касторский.

А знаете, ведь вы вовсе не г-н Касторский, а уж тем более не священник Касторский, и всё это подделка и вздор. Вы *ряженый*, вот точь-в-точь такой, как на святках. И, знаете, что еще? Ни единой-то самой маленькой минутки я не пробыл в обмане; тотчас же узнал ряженого и вменяю себе это в удовольствие, ибо вижу отсюда ваш длинный нос: вы вполне были уверены, что я шутовскую маску, вывесочной работы, приму за лицо настоящее. Знайте тоже, что я и отвечал вам немного уже слишком развязно единственно потому, что сейчас же узнал переряженного. Если бы вы были в самом деле священником, я, несмотря на все ваши грубости, которые в конце вашей статьи доходят до какого-то победоносно-семинарского ржанья, все-таки ответил бы вам «с соблюдением», — не из личного к вам уважения, а из уважения к вашему высокому сану, к высокой идее, которая в нем заключается. Но так как вы всего только ряженый, то и должны понести наказание. Наказание начну с того, что объясню вам подробно, почему вас узнал (между нами, я даже предугадал, кто именно под маской скрывается; но имя вслух не объявлю, а оставлю при себе до времени), и это вам, естественно, будет очень досадно. . .

— А если предугадали, то почему же отвечали как священнику, — спросите вы, — к чему написали предварительно столько лишнего?

— А по платью встречают, — отвечаю я вам, — и если написал что-нибудь неприятное г-ну «священнику», то уж пусть возьмет это на свою совесть тот господин, который выдумал и употребил недостойный прием перерядиться в священника. Да,

недостойный прием, и он сам это чувствовал. Мало того, он, сколько мог, оберег себя. Он не подписался «Священник П. Касторский», а подписался сокращенно: «Свящ. П. Касторский». *Свящ.* все-таки не священник, если уж крепко обличат. Всегда можно сказать, что подразумевался «*священнолюбец*» или что-нибудь в таком роде.

Я узнал вас, г-н ряженый, по слогу. Видите ли, в чем тут главная штука: в том, что современные критики и хвалят, пожалуй, иногда современных писателей-художников, и даже публика довольна (потому что, что же ей, наконец, читать?). Но и критика понизилась уже очень давно, да и художники наши, большею частию, смахивают на вывескных маляров, а не на живописцев. Не все, конечно. Есть некоторые и с талантом, но бóльшая часть самозванцы. Во-первых, г-н ряженый, у вас пересолено. Знаете ли вы, что значит говорить эссенциями? Нет? Я вам сейчас объясню. Современный «писатель-художник», дающий типы и отмежевывающий себе какую-нибудь в литературе специальность (ну, выставлять купцов, мужиков и проч.), обыкновенно ходит всю жизнь с карандашом и с тетрадкой, подслушивает и записывает характерные словечки; кончает тем, что наберет несколько сот нумеров характерных словечек. Начинает потом роман, и чуть заговорит у него купец или духовное лицо, он и начинает подбирать ему речь из тетрадки по записанному. Читатели хохочут и хвалят, и, уж кажется бы, верно: дословно с натуры записано, но оказывается, что хуже лжи, именно потому, что купец али солдат в романе говорят *эссенциями*, то есть как никогда ни один купец и ни один солдат не говорит в натуре. Он, например, в натуре скажет такую-то, записанную вами от него же фразу, из десяти фраз в одиннадцатую. Одиннадцатое словечко характерно и безобразно, а десять словечек перед тем ничего, как и у всех людей. А у типиста-художника он говорит характерностями сплошь, по записанному, — и выходит неправда. Выведенный тип говорит *как по книге*. Публика хвалит, ну а опытного старого литератора не надуете.

И большею частию работа вывескная, малярная. Между тем «художник» считает себя под конец за Рафаэля; и не разуверишь его! Записывать словечки хорошо и полезно и без этого нельзя обойтись; но нельзя же и употреблять их совсем механически. Правда, есть оттенки и между «художниками-записывателями»; один все-таки другого талантливее, а потому употребляет словечки с оглядкой, сообразно с эпохой, с местом, с развитием лица и соблюдая пропорцию. Но эссенциозности все-таки избежать не может. Драгоценное правило, что высказанное слово серебряное, а невысказанное — золотое, давным-давно уже не в привычках наших художников. Мало веры. Чувство меры уже совсем исчезает. Взять и то, наконец, что наши художники (как и всякая ординарность) начинают отчетливо замечать явления действительности, обращать внимание на их характерность и

обрабатывать данный тип в искусстве уже тогда, когда большею частию он проходит и исчезает, вырождается в другой, сообразно с ходом эпохи и ее развития, так что всегда почти старое подают нам на стол за новое. И сами верят тому, что это новое, а не преходящее. Впрочем, подобное замечание для нашего писателя-художника несколько тонко; пожалуй, и не поймет. Но я все-таки выскажу, что только гениальный писатель или уж очень сильный талант угадывает тип *современно* и подает его *своевременно*; а ординарность только следует по его пятам, более или менее рабски и работая по заготовленным уже шаблонам.

Я, например, не встречал еще ни одного священника во всю мою жизнь, даже самого высокообразованного, совершенно без всяких характерных особенностей разговора, относящихся до его сословной среды. Всегда хоть капельку, да есть что-нибудь. Между тем если б дословно стенографировать его разговор и потом напечатать, то, пожалуй, у иного высокообразованного и долго бывшего в обществе священника и не заметите никакой особенной характерности. Нашему «художнику» этого, естественно, мало, да и публика к другому приучена. Простонародье, например, в повестях Пушкина, по мнению большинства читателей, наверно говорит хуже, чем у писателя Григоровича, всю жизнь описывавшего мужиков. Я думаю, и по мнению многих художников тоже. Не вытерпит он, что священник, например, говорит почти безо всякой характерности, зависящей от сословия, от среды его, а потому и не поместит его в свою повесть, а поместит характернейшего. Таким образом, современного священника, при известных обстоятельствах и в известной среде, заставит говорить иногда как священника начала столетия и тоже при известных обстоятельствах и известной среде.

Священник Касторский начинает, как и все, некоторое время почти совсем не напоминая собою известной среды.

Пока он хвалит художественность писателя Лескова, он говорит, *как и все*, безо всякой характерности словечек и мыслей, обличающих сословие. Но так было надо автору: надо было его оставить в покое, чтобы литературная похвала вышла серьезнее, а порицание г-ну Недолину строже, ибо смешная и характерная фраза нарушила бы строгость. Но вдруг автор, сообразив, что ведь, пожалуй, читатель и не поверит, что священник писал, пугается и разом бросается в типичности, и уже тут их целый воз. Что ни слово, то типичность! Из такой суматохи, естественно, выходит типичность фальшивая и непропорциональная.

Главный признак человека необразованного, но почему-нибудь принужденного заговорить языком и понятиями не своей среды, — это некоторая неточность в употреблении слов, которых он значение, положим, и знает, но не знает всех оттенков его употребления в сфере понятий другого сословия. «...А потому *проходить* такие *вредные* покушения...», «...невежестве, *обличенном* опять в том же журнале...», «...в нем представлен *го-*

лосистый дьячок...» и т. д. Последнее словцо *голосистый* уже слишком грубо, и именно тем, что Свящ. Касторский, желая выразить понятие о лице, одаренном прекрасным голосом певца, думает, что выражает это понятие словом «голосистый». Автор-специалист забыл, что хотя в священнической среде и теперь, конечно, встречаются малообразованные люди, но чрезвычайно мало до такой уж степени не понимающих значения слов. Это годится для романа, г-н ряженый, а действительности не выдерживает. Такое ошибочное выражение прилично было бы разве пономарю, а всё же не священнику. Не слежу за всеми выражениями далее; повторяю, их там целый воз, чрезвычайно грубо натасканный из тетрадки. Но хуже всего то, что типичник-автор (если говорят о художнике-авторе, то возможно понятие и о *ремесленнике*-авторе, а слово *типичник* определяет ремесло или мастерство), что типичник-автор выставил свой тип в таком непривлекательном нравственном виде. Надо бы выставить все-таки в Свящ. Касторском — человека с достоинством, добродетельного, и типичность ничему бы тут не помешала. Но типичник был сам поставлен в затруднительное положение, из которого и не сумел вывернуться: ему непременно надо было обругать своего собрата-автора, наглумиться над ним, и вот свои прекрасные побуждения он, переряженный, поневоле должен был навязать своему священнику. А уж насчет чудес — типичник совсем не сдержал себя. Вышла ужасная глупость: духовное лицо — да еще глумится над чудесами и делит их на мудреные и немудреные! Плохо, г-н типичник.

Я даже думаю, что и «Псаломщик» — произведение того же пера: очень уж перенаивничал неумелый мастеровой в окончании, именно в «опасениях» Псаломщика, которые слишком уж не блистают умом. Одним словом, господа, вся эта вывесочная работа, положим, еще и сойдет в повестях, но, повторяю вам, не выдержит столкновения с действительностию и тотчас же обличит себя. Не вам, господа-художники, надуть старого литератора.

Что же это, шутки, что ли, с их стороны? И, нет — нет, вовсе не шутки. Это — это, так сказать, дарвинизм, борьба за существование. Не смей, дескать, заходить на нашу ниву. И чем мог вам повредить, господа, г-н Недолин? Уверяю же вас, что он вовсе не имеет намерения описывать бытовую сторону духовенства, можете вполне успокоиться. Правда, смутило меня на одно мгновение одно странное обстоятельство: ведь если ряженый типичник напал на г-на Недолина, то, ругая его, в противуположность ему должен бы был хвалить самого себя. (На этот счет у этих людей нет ни малейшего самолюбия: с полнейшим бесстыдством готовы они писать и печатать похвалы себе сами и собственноручно.) А между тем, к величайшему моему удивлению, типичник выставляет и хвалит талантливого г-на Лескова, а не себя. Тут что-нибудь другое, и, наверное, выяснится. Но *ряженый* не подвержен ни малейшему сомнению.

А причем же тут сам «Русский мир»? Решительно не знаю. Ничего и никогда не имел с «Русским миром» и не предполагал иметь. Бог знает с чего вскочут люди.

XI

МЕЧТЫ И ГРЕЗЫ

1

Мы в прошлом № «Гражданина» опять заговорили о пьянстве, или, скорее, о возможности исцеления от язвы всенародного пьянства, о наших надеждах, о нашей вере в ближайшее лучшее будущее. Но уже давно и невольно грусть и сомнения приходят на сердце. Конечно, за текущими важными делами (а у нас все смотрят такими важными деловыми людьми) некогда и глупо думать о том, что будет через десять лет или к концу столетия, то есть когда нас не будет. Девиз настоящего делового человека нашего времени — après moi le déluge.[1] Но людям праздным, непрактическим и не имеющим дел, право, простительно помечтать иногда о дальнейшем, если только мечтается. Мечтал же Поприщин («Записки сумасшедшего» Гоголя) об испанских делах: «...все эти события меня так убили и потрясли, что я...» и т. д., писал он сорок лет назад. Я признаюсь, что и меня иногда многое потрясает, и, право, я даже в унынии от моих мечтаний. Я на днях мечтал, например, о положении России как великой европейской державы, и уж чего-чего не пришло мне в голову на эту грустную тему!

Взять уже то, что нам во что бы ни стало и как можно скорее надо стать великой европейской державой. Положим, мы и есть великая держава; но я только хочу сказать, что это нам слишком дорого стоит — гораздо дороже, чем другим великим державам, а это предурной признак. Так что даже оно как бы и не натурально выходит. Спешу, однако, оговориться: я единственно только с западнической точки зрения сужу, и вот с этой точки оно действительно так у меня выходит. Другое дело точка национальная и, так сказать, немножко славянофильская; тут, известно, есть вера в какие-то внутренние самобытные силы народа, в какие-то начала народные, совершенно личные и оригинальные, нашему народу присущие, его спасающие и поддерживающие. Но с чтением статей г-на Пыпина я отрезвился. Разумеется, я желаю и по-прежнему продолжаю желать изо всех моих сил, чтобы драгоценные, твердые и самостоятельные начала, присущие народу русскому, существовали действительно; но согласитесь тоже — что же это за такие начала, которых даже сам г-н Пыпин не видит, не слышит и не примечает, которые спря-

[1] после меня хоть потоп (*франц.*).

таны, спрятались и никак не хотят отыскаться? А потому невольно остается и мне обойтись без этих утешающих душу начал. Таким образом, и выходит у меня, что мы покамест всего только лепимся на нашей высоте великой державы, стараясь изо всех сил, чтобы не так скоро заметили это соседи. В этом нам чрезвычайно может помочь всеобщее европейское невежество во всем, что касается России. По крайней мере, до сих пор это невежество не подвержено было сомнению — обстоятельство, о котором нам вовсе нечего горевать; напротив, нам очень будет даже невыгодно, если соседи наши нас рассмотрят поближе и покороче. То, что они ничего не понимали в нас до сих пор, — в этом была наша великая сила. Но в том-то и дело, что теперь, увы, кажется, и они начинают нас понимать лучше прежнего; а это очень опасно.

Огромный сосед изучает нас неусыпно и, кажется, уже многое видит насквозь. Не вдаваясь в тонкости, возьмите хоть самые наглядные, в глаза бросающиеся у нас вещи. Возьмите наше пространство и наши границы (заселенные инородцами и чужеземцами, из года в год всё более и более крепчающими в индивидуальности своих собственных инородческих, а отчасти и иноземных соседских элементов), возьмите и сообразите: во скольких точках мы стратегически уязвимы? Да нам войска, чтобы всё это защитить (по моему, штатскому впрочем, мнению), надо гораздо больше иметь, чем у наших соседей. Возьмите опять и то, что ныне воюют не столько оружием, сколько умом, и согласитесь, что это последнее обстоятельство даже особенно для нас невыгодно.

Теперь почти в каждые десять лет изменяется оружие, даже чаще. Лет через пятнадцать, может, будут стрелять уже не ружьями, а какой-нибудь молнией, какою-нибудь всесожигающею электрическою струею из машины. Скажите, что можем мы изобрести в этом роде, с тем чтобы приберечь в виде сюрприза для наших соседей? Что, если лет через пятнадцать у каждой великой державы будет заведено, потаенно и про запас, по одному такому сюрпризу на всякий случай? Увы, мы можем только перенимать и покупать оружие у других, и много-много что сумеем починить его сами. Чтобы изобретать такие машины, нужна наука самостоятельная, а не покупная; своя, а не выписная; укоренившаяся и свободная. У нас такой науки еще не имеется; да и покупной даже нет. Возьмите опять наши железные дороги, сообразите наши пространства и нашу бедность; сравните наши капиталы с капиталами других великих держав и смекните: во что нам наша дорожная сеть, необходимая нам как великой державе, обойдется? И заметьте: там у них эти сети устроились давно и устраивались постепенно, а нам приходится догонять и спешить; там концы маленькие, а у нас сплошь вроде тихоокеанских. Мы уже и теперь больно чувствуем, во что нам обошлось лишь начало нашей сети; каким тяжелым отвлече-

нием капиталов в одну сторону ознаменовалось оно, в ущерб хотя бы бедному нашему земледелию и всякой другой промышленности. Тут дело не столько в денежной сумме, сколько в степени усилия нации. Впрочем, конца не будет, если по пунктам высчитывать наши нужды и наше убожество. Возьмите, наконец, просвещение, то есть науку, и посмотрите, насколько нам нужно догнать в этом смысле других. По моему бедному суждению, на просвещение мы должны ежегодно затрачивать по крайней мере столько же, как и на войско, если хотим догнать хоть какую-нибудь из великих держав, — взяв и то, что время уже слишком упущено, что и денег таких у нас не имеется и что, в конце концов, всё это будет только толчок, а не нормальное дело; так сказать, потрясение, а не просвещение.

Всё это мои мечты, разумеется; но... повторяю, невольно мечтается иногда в этом смысле, а потому и продолжаю мечту. Заметьте, что я ценю всё на деньги; но разве это верный расчет? Деньгами ни за что не купишь всего; так может только какой-нибудь необразованный купец рассуждать в комедии г-на Островского. Деньгами вы, например, настроите школ, но учителей сейчас не наделаете. Учитель — это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Но, положим, наделаете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и ученых; и что же? — все-таки людей не наделаете. Что в том, что он ученый, коли дела не смыслит? Педагогии он, например, выучится и будет с кафедры отлично преподавать педагогию, а сам все-таки педагогом не сделается. Люди, люди — это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделываются; ну а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно уже ничего не стоят. Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельною жизнию нации, вековым многострадальным трудом ее — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны. Ну а историческая жизнь наша в последние два столетия была не совсем-таки самостоятельною. Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно. Мы видели пример на себе, и он до сих пор продолжается: еще два века тому назад хотели поспешить и всё подогнать, а вместо того и застряли; ибо, несмотря на все торжественные возгласы наших западников, мы несомненно застряли. Наши западники — это такой народ, что сегодня трубят во все трубы с чрезвычайным злорадством и торжеством о том, что у нас нет ни науки, ни здравого смысла, ни терпения, ни уменья; что нам дано только ползти за Европой, ей подражать во всем рабски и, в видах европейской опеки, преступно даже и думать о собственной нашей

самостоятельности; а завтра, заикнитесь лишь только о вашем сомнении в безусловно целительной силе бывшего у нас два века назад переворота, — и тотчас же закричат они дружным хором, что все ваши мечты о народной самостоятельности — один только квас, квас и квас и что мы два века назад из толпы варваров стали европейцами, просвещеннейшими и счастливейшими, и по гроб нашей жизни должны вспоминать о сем с благодарностию.

Но оставим западников и положим, что деньгами всё можно сделать, даже время купить, даже самобытность жизни воспроизвести как-нибудь на парах; спрашивается: откуда такие деньги достать? Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, то есть по-теперешнему народное пьянство и народный разврат, — стало быть, вся народная будущность. Мы, так сказать, будущностью нашею платим за наш величавый бюджет великой европейской державы. Мы подсекаем дерево в самом корне, чтобы достать поскорее плод. И кто же хотел этого? это случилось невольно, само собой, строгим историческим ходом событий. Освобожденный великим монаршим словом народ наш, неопытный в новой жизни и самобытно еще не живший, начинает первые шаги свои на новом пути: перелом огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный в истории по своей цельности и по своему характеру. Эти первые и уже собственные шаги освобожденного богатыря на новом пути требовали большой опасности, чрезвычайной осторожности; а между тем что встретил наш народ при этих первых шагах? Шаткость высших слоев общества, веками укоренившуюся отчужденность от него нашей интеллигенции (вот это-то самое главное) и в довершение — дешевку и жида. Народ закутил и запил — сначала с радости, а потом по привычке. Показали ль ему хоть что-нибудь лучше дешевки? Развлекли ли, научили ль чему-нибудь? Теперь в иных местностях, во многих даже местностях, кабаки стоят уже не для сотен жителей, а всего для десятков; мало того — для малых десятков. Есть местности, где на полсотни жителей и кабак, менее даже чем на полсотни. «Гражданин» уже сообщал раз, в особой статье, подробный бюджет теперешнего нашего кабака: возможности нет предположить, чтобы кабаки могли существовать лишь одним вином. Чем же, стало быть, они окупаются? Народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства и стыдом народным — вот чем они окупаются!

Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц? Но пусть, пусть (и дай боже!), пусть это лишь одна мечта пессимиста, в десять раз преувеличившая беду! Верим и хотим веровать, но... если в текущие десять, пятнадцать лет наклонность народа к пьянству (которая все-таки несомненна) не уменьшится, удержится,

а стало быть, еще более разовьется, то — не оправдается ли и вся мечта? Вот нам необходим бюджет великой державы, а потому очень, очень нужны деньги; спрашивается: кто же их будет выплачивать через эти пятнадцать лет, если настоящий порядок продолжится? Труд, промышленность? ибо правильный бюджет окупается лишь трудом и промышленностью. Но какой же образуется труд при таких кабаках? Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии ее, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет, если дело продолжится, если сам народ не опомнится; а интеллигенция не поможет ему. Если не опомнится, то весь, целиком, в самое малое время очутится в руках у всевозможных жидов, и уж тут никакая община его не спасет: будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся всею общиной, а жиды и кулаки будут выплачивать за них бюджет. Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабаленных им нищих рабов — вот картина! Жидки будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным, но так как они будут платить бюджет, то, стало быть, их же надо будет поддерживать. Мечта скверная, мечта ужасная, и — слава богу, что это только лишь сон! Сон титулярного советника Поприщина, я с этим согласен. Но не сбыться ему! Не раз уже приходилось народу выручать себя! Он найдет в себе охранительную силу, которую всегда находил; найдет в себе начала, охраняющие и спасающие, — вот те самые, которых ни за что не находит в нем наша интеллигенция. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!..

И, слава богу, всё это, кажется, подтверждается; по крайней мере, есть признаки; мы уже упоминали об обществах трезвости. Правда, они едва начинаются; попытки слабые, едва заметные, но — но только бы не помешали им развернуться вследствие каких-нибудь особенных поводов! Напротив — о, если бы их поддержать! Что, если б, с своей стороны, поддержали их и все наши передовые умы, наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство и все, все изнемогающие ежемесячно и печатно под тяжестию своего долга народу. Что, если бы поддержал их и нарождающийся наш школьный учитель! Я знаю, что я человек непрактический (теперь, после известной недавней речи г-на Спасовича, в этом даже лестно признаться), но мне — представьте себе — мне воображается, что даже самый беднейший какой-нибудь школьный учитель и тот бы ужасно много мог сделать и единственно одной лишь своей инициативой, захоти только сделать! В том-то и дело, что тут важна личность, характер, важен деловой человек и такой, который действительно способен хотеть. На учительское место у нас большею частию приезжает теперь молодой человек, хотя бы даже и желающий сделать добро, но не знающий народа, мнительный и недоверчивый;

после первых, иногда самых горячих и благородных, усилий быстро утомляется, смотрит угрюмо, начинает считать свое место за нечто переходное к лучшему, а потом — или спивается окончательно, или за лишние десять рублей бросает всё и бежит куда угодно, даже даром бежит, даже в Америку, «чтоб испытать свободный труд в свободном государстве». Это случалось и, говорят, случается и теперь. Там, в Америке, какой-нибудь гнуснейший антрепренер морит его на грубой ручной работе, обсчитывает и даже тузит его кулаками, а он за каждым тузом восклицает про себя в умилении: «Боже, как эти же самые тузы на моей родине ретроградны и неблагородны и как, напротив, они здесь благородны, вкусны и либеральны!» И долго еще так ему будет казаться; не изменять же из-за таких пустяков своим убеждениям! Но оставим его в Америке; я буду продолжать мою мысль. Моя мысль — напомню ее — в том, что даже самый мелкий сельский школьный учитель мог бы взять на себя весь почин, всю инициативу освобождения народа от варварской страсти к пьянству, если б только того захотел. На этот счет у меня есть даже сюжет одной повести, и, может быть, я рискну сообщить его читателю раньше повести...

XII

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ДРАМЫ

Эта новая драма — драма г-на Кишенского «Пить до дна — не видать добра», которой три последние акта мы решились поместить в этом 25-м номере «Гражданина» разом, несмотря на то что она заняла у нас чуть не половину места. Но нам хотелось не дробить впечатления, и, может быть, читатели согласятся, что драма стоит даже особого их внимания. Она написана для народного театра и написана с знанием дела, с отчетливостию и с несомненным талантом — а это главное, особенно теперь, когда почти не является новых талантов.

Это всё типы фабричного быта, «фабричного села» — чрезвычайно разнообразные и твердо очерченные. Сюжет налицо, и мы его подробно излагать не будем. Мысль серьезная и глубокая. Это вполне трагедия, и fatum ее — водка; водка всё связала, заполонила, направила и погубила. Правда, автор, как истинный художник, не мог не взглянуть еще шире на мир, им рисуемый, хотя и провозгласил в названии своей драмы, что тема его — «пить до дна — не видать добра». Тут, кроме того, отзывается и всё чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение после огромной реформы нынешнего царствования. Прежний мир, прежний порядок — очень худой, но всё же порядок — отошел безвозвратно. И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество — не только не отошли с уничтожением крепост-

ного быта, но как бы усилились, развились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прежнего быта, которые всё же были, почти ничего не осталось. Всё это отозвалось и в картине г-на Кишенского, по крайней мере как мы ее понимаем. Тут всё переходное, всё шатающееся и — увы — даже и не намекающее на лучшее будущее.

Автор с энергией указывает на образование как на спасение, как на единственный выход; а покамест — всё захватила водка, всё отравила и направила к худшему, заполонила и поработила народ. Мрачную, ужасную картину этого нового рабства, в которое вдруг впал русский крестьянин, выйдя из прежнего рабства, и рисует г-н Кишенский.

Тут два сорта типов — людей отживающих и новых, молодого поколения.

Молодое поколение знакомо автору. Типы, излюбленные им, указываемые им как на надежду будущего, составляющие сияние мрачной картины, вышли довольно удачны (что очень странно, ибо «положительные» типы почти совсем не удаются нашим поэтам). По крайней мере, Марья вышла безукоризненна. Иван, жених ее, удался несколько менее, несмотря на всю верность его изображения. Это парень молодой, красивый, смелый, грамотный, довольно видевший и узнавший нового, добрый и честный. Весь недостаток его в том, что автор немного слишком полюбил его, слишком положительно его выставил. Отнесись он к нему поотрицательнее — и впечатление читателя вышло бы более в пользу излюбленного им героя. Правда, как тонкий художник, автор не миновал и самых невыгодных черт характера своего Ивана. Иван с сильной энергией и с сильными умственными способностями, но молод и заносчив. Он великодушно верует в правду и в правый путь, но правду смешивает с людьми и несправедливо требует от них невозможного. Он, например, знает иные законы, так что писарь «Леванид Игнатьич» побаивается прямо нападать на него, но слишком простодушно верует в свое знание, а потому не вооружен перед злом и не только не понимает опасности, но и не предполагает ее. Всё это так натурально и вышло бы прекрасно, потому что так и должно ему быть. Мало того, автор не упустил множества самых симпатических подробностей: Ваня, понимая всю мерзость негодяев (вдобавок еще враждебных ему), как молодой человек, свежий, сильный и которому всё так еще любо на свете, недостаточно гнушается ими, с ними водится, с ними *песни поет*. Эта молодая черта привлекает к нему читателя чрезвычайно. Но, повторяем, автор слишком его полюбил и не решается ни разу посмотреть на него свысока. Нам кажется, что мало еще выставить верно все данные свойства лица; надо решительно осветить его собственным художническим взглядом. Настоящему художнику ни за что нельзя оставаться наравне с изображаемым им лицом, довольствуясь одною его реальною правдой: правды в впечатлении не выйдет. Немного бы, капельку

лишь иронии автора над самоуверенностию и молодою заносчивостью героя — и читателю он стал бы милее. А то думаешь, что автор так и желал изобразить его совершенно правым во всем обрушившемся на него несчастии.

Другие лица молодого поколения — лица, погибшие чуть не с детства, «поколение пожертвованное», — вышли еще вернее «положительных» типов. Их два сорта: невиноватые и виновные. Тут, например, есть одна девочка (Матреша) — создание пожертвованное и несчастное, и, что ужаснее всего, вы чувствуете, что она не одна такая, что таких «несчастных» на Руси у нас сколько хотите, все деревни полны, бездна. Верность этого изображения заставит человека с сердцем и смотрящего в наше будущее сознательно — ужаснуться. Это поколение, поднявшееся уже после реформы. В первом детстве оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство, а затем попало прямо на фабрику. Бедная девочка! она развратничает, может быть, уже с двенадцатилетнего возраста и — почти не знает сама, что развратна. На рождество она с фабрики приехала на побывку в село и искренно удивляется, как может прежняя товарка ее, деревенская девушка Маша, предпочитать честь нарядам: «Во, Степан Захарыч, и видна необразованность! — говорит она. — Велика беда, што купец аль господин с девкой поиграет». Это говорит она с совершенным убеждением в истине и правоте своей, мало того: жалея Машу и деревенских; когда Маша отталкивает подлеца купчишку, она говорит прямо: «Охота тебе с эвтим народом толковать! сипы! На ее таперича месте другая порадовалась бы! так бы их облистила, приняла б, и себе-то припент принесла и брату угодила!» И наконец, когда эта несчастная подсыпает сонного зелья Маше, сговорясь с купчишкой, чтоб в бесчувствии изнасиловать бедную честную Машу, и потом, когда лезет на печь смотреть, заснула ли жертва, она делает всё это злодейство не только без сознания зла, но вполне убежденная, что делает этой Маше, прежней подруге своей, добро, благодеяние, за которое та, спустя, благодарить будет. В пятом акте, в последней ужасной катастрофе — ни отчаяние Маши, отца ее, жениха, ни убийство, готовое совершиться, — ничто не смущает ее; да и сердца совсем у ней нет, — где же было развиться ему? Она пожимает плечами и говорит свое любимое слово: «необразованность!» Автор не забыл этого восклицания, доканчивая последнюю художественную черту этого типа. Трагическая судьба! человеческое существо обращено в какого-то гнилого червячка и совершенно довольно собой и жалким своим кругозором.

Тут среда, тут fatum, эта несчастная не виновата, и вы понимаете это, но вот другой тип — самый полный в драме — тип развратного, испитого, плюгавого фабричного парня, брата Маши, продающего потом сестру купчишке за триста рублей и за бархатную поддевку, — это, о, это уже тип из виновных «пожертвованного» поколения. Тут уже не одна среда. Правда, обстановка

та же и та же среда: пьянство, разлагающаяся семья и фабрика. Но этот не простодушно, как Матреша, уверовал в разврат. Он не простодушно подл, как она, а с любовью, он в подлость привнес своего. Он понимает, что разврат есть разврат, и знает, что такое неразврат; но разврат он полюбил сознательно, а честь презирает. Он уже сознательно отрицает старый порядок семьи и обычая; он глуп и туп, это правда, но в нем какой-то энтузиазм плотоугодия и самого подлого, самого цинического материализма. Это уже не просто червячок, как Матреша, в которой всё такое маленькое и иссохшее. Он стоит на деревенской мирской сходке, и вы чувствуете, что он ничего уже в ней не понимает, и не может понимать, что он уже не от «мира сего» и с ним разорвал окончательно. Он продает сестру безо всякого угрызения совести и наутро является в отцовскую избу, на сцену отчаяния, в бархатной поддевке и с новой гармонией в руках. Есть пункт, в который он верит как в всемогущество; это — водка. С самой тупой, но верной ухваткой он перед всяким начинанием выставляет водку — горькую мужикам и сладкую бабам, уверенный, что всё по его сделается и что водка всё может. В нем, к полноте иронии, в изображении его, рядом с полным цинизмом уживается потребность прежних вежливых манер, исконной деревенской «учливости». Прибыв в село и еще не повидавшись с матерью, а засев в кабаке, он вежливо посылает ей из кабака сладкой водки. Когда он и Матреша привлекают мать в кабак, чтоб на свободе выманить ее позволение продать родную дочь купцу на изнасильничание, он вежливо выставляет прежде всего сладкой водки и, указывая на место, говорит: «Пыжалте, мамынька-с», и та очень довольна «учливостью». Нашего автора упрекали иные, читавшие первый акт, за слишком уж *натуральный* мужицкий язык, утверждая, что он мог бы быть более литературным. Этой *натуральностию* языка и мы недовольны; всё должно быть художественно. Но, прочтя внимательно, прочтя другой раз драму, вы невольно согласитесь, что невозможно было изменить язык, в иных ее местах по крайней мере, не ослабив ее характерности. Это «пыжалте, мамынька-с» не могло быть изменено: вышло бы не так подло. И заметьте, что эту гадкую, глупую пьющую старуху, свою «мамыньку» сынок уважает столько же, сколько свою подошву.

Вот трагические слова отца этой семьи, пьющего старика, про это «пожертвованное поколение»:

«З а х а р (*выпивает стакан водки*). Пьяницы! Вы таперь подумайте, други: сидит этта фабришный целую неделю за станом, ноги-то, руки-то занемеют, в голове словно туману напущено! словно шальные все! и виду-то челычьего-то нет! В хоромине-то духота, стены голые — не глядел бы! солнышко в ино место не заглянет! только и видишь его што по праздникам! Ну, други, придет этта праздник: ты, дед, писание станешь читать, другой в поле хлеб поглядеть пойдет, аль в лес, аль к пчелам, аль с суседями толковать — земство, значит, аль сходка, аль о ценах хлебных — скажи, куда фабришному-то идтить? о чем ему говорить-то? у него все отмеряно, да взве-

шено! Разве о том, что штрафы пишет незнамо за што, да провизию отпускает гнилую, да за рублевый чай берет два с полтиной, за ворота не пущает, штоб провизию у него брали да штоб разврату боле было! об эвтом разве! ну, значит, одна и дорога в кабак! один разговор-от о водке да распутстве.

Василий. Это точно!

Захар. Вы подумайте други, ведь тоже отдохнуть хоцца! тоже молодость! соберется хоровод, песни, смех — хожалый разгонит! ну все гурьбой и в кабак да трахтир! И пойдут толки о девках да кто кого перепьет! И глянь-ка, што творится на фабриках-то! девчонки 12-ти лет полюбовников ищут! шпульники водку хлыщут что воду! на фабрике-то матершинничество, ахальничество — стон стоит, ад кромешный! дети от больших займаются! На пагубу ребят своих мы туда отдаем! Есть ли хоша одна девка без распутства, один парень не пьяница — на фабриках-то?»

Но самая характерная из всех сцен этой народной драмы — это третий акт, мирская сходка. Сильная мысль положена в этот эпизод поэмы. Эта сходка — это *всё,* что осталось твердого и краеугольного в народном русском строе, главная исконная связь его и главная будущая надежда его, — и вот и эта сходка уже носит в себе начало своего разложения, уже больна в своем внутреннем содержании! Вы видите, что уже во многом это лишь одна форма, но что внутренний дух ее, внутренняя вековая правда ее пошатнулись — пошатнулись вместе с зашатавшимися людьми.

На этой сходке происходит возмутительная неправда: вопреки обычаю и закону единственного сына вдовы (Ивана, героя драмы) отдают в солдаты вместо одного из богатой семьи тройников, и, что хуже всего, это делается сознательно, с сознательным неуважением к правде и обычаю, делается за вино, за деньги. Тут даже и не подкуп; подкуп бы еще ничего; подкуп может быть преступлением единичным и исправимым. Нет, тут всё почти выходит именно из сознательного неуважения к себе, к своему же суду, стало быть, и к собственному бытовому строю своему. Цинизм уже в том проявляется, что против обычая и древнего правила в начале сходки мир допускает попойку: «С угарцем-то будет лучше судить», — зубоскаля говорят предводители сходки. Половина этих собравшихся граждан давно уже не верит в силу мирского решения, а стало быть, и в необходимость его; почти считает за ненужную форму, которую всегда можно обойти. Можно и должно вопреки правде и ради первой текущей выгоды. Еще немного пройдет, и вы чувствуете, что умники поновее сочтут всю эту церемонию за одну лишь глупость, за одно лишь ненужное бремя, потому что мирской приговор, что бы там ни было, всегда состоится такой, какого захочет богатый и сильный мироед, заправляющий сходкой. Так уж лучше вместо пустой формалистики прямо и перейти под власть этого мироеда. А он еще вдобавок и водкой будет поить. Вы видите, что у большинства этих самоуправляющихся членов даже и предположение утратилось, что решение их могло бы быть произнесено вопреки воле сильного человека; все «ослабели»; ожирели сердца; всем хочется

сладенького, материальной выгоды. Все рабы уже по существу своему и даже представить не могут себе, как это можно решить для правды, а не для собственной выгоды. Молодое поколение тут присутствует и смотрит на дело отцов не только без уважения, не только с насмешкою, но как на устарелую дичь, именно как на глупую, ненужную форму, которая и держится-то всего лишь упрямством двух-трех глупых стариков, которых вдобавок всегда купить можно. Так стоит и так ведет себя на сходке Степан, тот испитой, плюгавый, пропившийся паренек, который потом продает сестру свою. Все эти эпизоды этой мирской сходки удались автору. И главное, Степан почти прав в том, что не только не понимает ничего в мирской сходке, но что и нужным не считает ее понимать. Не мог же он не видеть, что на сходку уже допущено постороннее влияние купчишки, который положил себе погубить Ваньку и отбить у него девку-невесту. Мир выпил его вино и допустил купчишкина приказчика сказать себе вслух, что без него, без купца-фабриканта, который фабричной работой им хлеб дает, «вся бы волость ваша по папертям церковным нищенствовала, а что если приговорят по его, то за это его степенство, купец, много штрафов народу простит». Дело, разумеется, разрешается в пользу купца, и Ваньку отдают в солдаты.

Тут на сходке (весьма разнообразной лицами и характерами) являются два почти трагические лица; один — Наум Егоров, старик, уже двадцать лет сидящий на первом месте на сходке и заправляющий ею, и Степанида, мать Ивана. Наум Егорыч — старик разумный, твердый, честный, с высокой душой. На мирской приговор он смотрит с высшей точки. Для него это не просто сходка домохозяев в таком-то селе; нет, чувством он возвысился до понятия самого широкого: приговор хотя бы только сходки села его для него как бы часть приговора всей крестьянской России, которая лишь миром и его приговором вся держится и стоит. Но, увы, он слишком разумен и не может не видеть наступившего мирского шатания и куда с некоторого времени мир потянул. Неправда, злодейства, конечно, бывали и на прежних сходках, двадцать лет назад; но неуважения к сходке самих членов ее, неуважения к собственному делу не было, по крайней мере, не возводимо было в принцип. Делали подлое, но знали, что делают подлое, а что есть хорошее; теперь же не веруют в хорошее и даже в необходимость его. Но все-таки Наум, этот своего рода последний могикан, продолжает верить в правду мирскую во что бы ни стало, чуть не *насильно*, — и в этом трагизм его. Он формалист; чувствуя, что содержание ускользает, он стоит тем крепче за форму. Видя, что мир пьян, он попросил было отложить сходку, но когда закричали, что с «угарцем лучше судить», он покоряется: «Мир решил, против мира нельзя идти». Он слишком хорошо и с страданием понимает про себя, что в сущности наемный их писаришка Леванид Игнатьич значит всё и что купцов приказчик как прикажет сходке решить, так она и

решит. Но старик всё еще, пока время, хоть насильно да обманывает себя; он прогоняет Леванида с первого места и, как председатель сходки, читает приказчику наставление за невежливые слова его против мира.

За Ваньку подымается несколько правдивых голосов, хвалят его, говорят, что парень хороший, толковый, миру нужный, что такого бы приберечь, и вот вдруг между другими раздается голос одной старой, хмельной головы: «Ну, он лучше всех — во его и в рекруты!» Это уже насмешка над правдой сознательная, щегольство неправдой, игра... Сам над собою шутит судья, да еще в таком деле, как судьба человеческая! Наум слышит и, конечно, понимает, что кончается его «мир». Тут стоит мать Ивана. Это баба еще не старая, сильная, гордая. Давно уже осталась она молодой вдовой. Как вдову, ее притесняли, ее мир обижал. Но она выдержала всё, поправила домишко, подняла своего единственного ненаглядного Ваню на радость, на утеху себе и вот — слушает теперь, как мир отнимает у нее последнюю надежду, последнюю радость ее, сына. Наум Егорыч, предчувствуя хмельное, буявое решение мира, говорит поскорей Степаниде: «Эхма, а делать неча! мир сила! Проси, Степанида, проси мир-от!» Но та не хочет просить. Та строптиво укоряет мир в неправде, в подкупе, в пьяном решении, в зависти к ее Ване. «Ты, Степанида, хуже мир-от злобишь!» — тревожно восклицает Наум. «Аль ты думаешь, Наум Егорыч, — отвечает ему Степанида, — кали б я видела, што тут закон да совесть, — тут водка! Кали б я знала, што тут умолить можно, да я колени свои стерла бы о сырую землю, пол-от вымыла б в избе слезьми своими, голову б расшибла б, миру кланяючись! Да тут не упросишь, не умолишь! Разе ты не видишь — тут всё подстроено да подлажено! сгубят они, вороны, ясного сокола, заклюют! За водку продаете вы души-то свои — во кому вы молитесь — водке! Кто больше поднес — тот вас и купил. Обидел вишь ты, Ваня, купчину, а иль вы не знаете, што купчина-то пьяный лез порочить невесту Ванюхину! Да вы эвто знаете! Водка-то купчины хороша! срамники вы, кровопивцы, и то в вину поставили, что сироту бесприютного во двор взяла! Да не быть по-вашему! не быть! посредственник Ванюшу знает — в обиду не даст! (*быстро уходит*)».

Эта гордая женщина — одно из очень удавшихся нашему поэту лицо. Как хотите, господа, а это сильное место. Это, конечно, русская деревня, а лицо — простая баба, которая грамотно и говорить не умеет, но, ей-богу, этот монолог о стертых коленках, «если б тут умолить было можно», стоит многих высоких мест в иных трагедиях в этом роде. Тут нет классических фраз, красивого языка, белого покрывала, черных горящих глаз Рашели, но, уверяю вас, если б у нас была наша Рашель, вы содрогнулись бы в театре от этой сцены материнского проклятия мирскому суду, от всей этой неприкрашенной правды ее. Сцена кончается многозначительным движением — бегством за правдой к «посредствен-

нику», с жалобой ему на мирской приговор, а это тяжелое пророчество.

Указывать далее на все лучшие сцены этого произведения почти излишне. Но не могу не поделиться впечатлением и прямо скажу: редко что читал я сильнее и трагичнее финала четвертого акта.

Жертва, запроданная матерью и братом купцу, уже опоена зельем и заснула в бесчувствии на печи. Матреша, эта невинная преступница, лезет на печь поглядеть и почти с радостию, почти убежденная, что теперь осчастливила Машу, возвещает купчишке: «Готова! не пошевельнется, хоть на куски изрежь!» Писаришка Леванид, товарищ купчишки, встает и уходит: «Жизнь вам, купцам-то!» — говорит он завистливо. И вот купчишка, перед тем как лезть к своей жертве, приходит в какой-то поэтический пафос: «Потому мы теперь сила! — восклицает он плотоядно-пророчески. — Што хотим, то и могим сделать! Если теперь купец чево вздумал — то и сделал — потому сила!» «Сила — чаго и толковать!» — поддакивает брат жертвы. Затем лишние выходят из избы, негодяй лезет к Маше, а пьяная мать, продавшая свою невинную дочь, невесту несчастного Вани, в пьяном бесчувствии тут же валится на пол и засыпает в ногах пьяного без просыпу отца этого счастливого семейства... «Пить до дна — не видать добра!»

Не указываю на все эти поражающие своею дальнейшей правдой черты ужасной картины, — на этих преступников, почти не понимающих своего преступления; на понимающих, но уже не имеющих права проклясть его, как пьяный отец семьи, например, которому дочь трагически бросает в глаза обвинение и дочернее свое проклятие... Есть черты, чрезвычайно тонко замеченные: эта очнувшаяся Маша, в первые минуты хотевшая убить себя, надевает, однако, оставленный ей у матери купчишкой шелковый сарафан, но надевает из злорадства, *для мучения*, для того чтоб истерзать себя еще больше: вот, дескать, сама теперь потаскухой стала! Вот разговор «невинной» матери и «невинной» Матреши на другой день после беды:

«Матрешка (*входит*). Здорово, тетка Арина! Што у вас тут деется? Вчера-то я, признаться, и побоялась прийти-то к вам!

Арина. И-п-и, девынька, што страхов-от натерпелись! страсти! Как поутру-то узнала девка, схватила нож да нас-то маненько не перерезала, а потом себя! Уж насилу, насилу мы с ней сладили! Степку теперь на глаза не пущает!

Матрешка. Сказывал он мне!

Арина. Ну, к вечеру-то, знашь, отпустило ее, — стала она теперь словно камень! Бог, говорит, меня, говорит, наказал за Матрешку, таперь — говорит — сама така ж! Ноне, девынька, дала я ей сарахван-от, што Силантий Савельич у тебя ей-то купил, она надела, — Матрешкой, говорит, стала, ее и сарафан надыть! во што!

Матрешка. Где ж она теперь?

Арина. И-и-и, девынька, уйдет в сарай, *зароется в солому да ничком и лежит!*

Матрешка. Как бы рук на себя не наложила сгоряча-то!»

Но жертва не наложила на себя рук: «страшно стало» потом-то, говорит она сама. Наш поэт богат психологическим знанием народа. Вот и Ваня, являющийся внезапно от посредника, к которому на сутки отлучился. Поэт не пощадил своего героя для реальной правды: Иван в первое мгновение, в бестиальной ярости, обвиняет одну Машу, он несправедлив и отвратителен, но, поняв наконец, как было дело, он как бы невольно предложил было Маше идти за него и *так*. Но автору слишком хорошо известно, что в нашем народном быту это почти немыслимо, если только дело носит честный характер. Обесчещенная девушка, хоть и обманом, хоть и без вины, считается все-таки уже нечистою, если не совсем бесчестною. Да и сама Маша горда: «Не марайся об меня, Ваня! — кричит она. — Уйди!» «Прощай, Ваня!» — и затем, в последнем монологе, быстро подходит к столу, наливает стакан водки, обводит всех горячим взглядом и с отчаянным, злорадостным вывертом кричит: «Ну, што же приуныли? Радуйтесь, ваше дело! Матушка! батюшка! пить давайте, гулять! Не один ты, батюшка, будешь по кабакам-то шляться! с дочкой! Скучно, матушка, пить одной-то было, вдоем теперь, с дочкой! Заливай вино! потопи ты мое горе, мою совесть!»

И подносит стакан к губам. Тем кончается драма.

Не говорю, что тут совсем нет ошибок; но в этом произведении так много истинных достоинств, что ошибки эти почти ничтожны. Например, тон Маши в монологе четвертого акта, который заканчивает она прелестным, высоким душевным движением: «Теперь легко таково стало!» — этот тон немного уж слишком певуч. Правда, это почти не монолог, а дума, чувство, — те самые думы и чувства, под влиянием которых у русских людей с сердцем и поэзией сложились и все песни русского народа. Поэтому и дума Маши, по существу в высшей степени верная и натуральная, могла выйти по форме своей несколько как бы лиричною. Но у искусства есть пределы и правила, и монолог мог бы быть покороче. Может быть, не совсем верен и тон Маши в конце драмы, уже после катастрофы: лучше было бы, если б она говорила капельку менее. Ужасные слова ее отцу гораздо бы сильнее выдались, если б тоже были покороче и не так певучи. Но всё это поправимо, автор очень может исправить это во втором издании, и, повторяем, сравнительно с бесспорными достоинствами его произведения всё это почти мелочи. Хорошо еще, если б автор выбросил из своей драмы совсем появление в конце ее (и вовсе ненужное) добродетельного старика фабриканта, толкующего чуть ли не о наших «долгах народу». Появление его тем более нелепо, что это тот самый фабрикант, который закабалил весь окрестный люд, замучил произвольными штрафами и кормит работников гнилою пищею. Наконец, сам хозяин дома, Захар, вышел несколько неясен. В собственном объяснении его,

отчего он запил, есть как бы какая-то фальшь, что-то необъясненное и натянутое; меж тем дело могло быть выставлено гораздо проще и натуральнее.

Впрочем, это только мое мнение, и я могу ошибиться, но уверен, что не ошибаюсь в твердых достоинствах этого серьезного произведения. Мне слишком приятно было поделиться моим впечатлением с читателями. Серьезнее ничего, по крайней мере, не появилось в нашей литературе за последнее и, может быть, довольно длинное время...

XIII

МАЛЕНЬКИЕ КАРТИНКИ

1

Лето, каникулы; пыль и жар, жар и пыль. Тяжело оставаться в городе. Все разъехались. На днях принялся было за перечитывание накопившихся в редакции рукописей... Но о рукописях после, хотя о них есть что сказать. Хочется воздуха, воли, свободы; но вместо воздуха и свободы бродишь один без цели по засыпанным песком и известкой улицам и чувствуешь себя как бы кем-то обиженным — право, ощущение как будто похожее. Известно, что половина горя долой, лишь бы подыскать кого-нибудь виноватого в нем перед вами, и тем досаднее, если подыскать решительно некого...

На днях переходил Невский проспект с солнечной стороны на теневую. Известно, что Невский проспект переходишь всегда с осторожностью, не то мигом раздавят, — лавируешь, присматриваешься, улучаешь минуту, прежде чем пуститься в опасный путь, и ждешь, чтобы хоть капельку расчистилось от несущихся один за другим, в два или три ряда, экипажей. Зимой, за два, за три дня перед рождеством например, переходить особенно интересно: сильно рискуете, особенно если белый морозный туман с рассвета опустится на город, так что в трех шагах едва различаешь прохожего. Вот проскользнул кое-как мимо первых рядов карет и извозчиков, несущихся в сторону Полицейского моста, и радуешься, что уже не боишься их; топот и грохот и сиплые окрики кучеров остались за вами, но, однако, и некогда радоваться: вы только достигли середины опасного перехода, а дальше — риск и полная неизвестность. Вы быстро и тревожно осматриваетесь и наскоро придумываете, как бы проскользнуть и мимо второго ряда экипажей, несущихся уже в сторону Аничкова моста. Но чувствуете, что и думать уж некогда, и к тому же этот адский туман: слышны лишь топот и крики, а видно кругом лишь на сажень. И вот вдруг внезапно раздаются из тумана быстрые, частые, сильно приближающиеся твердые звуки, страшные и зловещие в эту минуту, очень похожие на то, как

если бы шесть или семь человек сечками рубили в чане капусту. «Куда деваться? Вперед или назад? Успею или нет?» И — благо вам, что остались: из тумана на расстоянии лишь одного шагу от вас вдруг вырезывается серая морда жарко дышащего рысака, бешено несущегося со скоростию железнодорожного курьерского поезда — пена на удилах, дуга на отлете, вожжи натянуты, а красивые сильные ноги с каждым взмахом быстро, ровно и твердо отмеривают по сажени. Один миг, отчаянный окрик кучера, и — всё мелькнуло и пролетело из тумана в туман, и топот, и рубка, и крики — всё исчезло опять, как видение. Подлинно петербургское видение! Вы креститесь и, уже почти презирая второй ряд экипажей, так пугавший вас за минуту, быстро достигаете желанного тротуара, еще весь дрожа от перенесенного впечатления и — странно — ощущая в то же время неизвестно почему и какое-то от него удовольствие, и вовсе не потому, что избегли опасности, а именно потому, что ей подвергались. Удовольствие ретроградное, я не спорю, и к тому же в наш век бесполезное, тем более что надо бы было, напротив, протестовать, а не ощущать удовольствие, ибо рысак в высшей степени не либерален, напоминает гусара или кутящего купчика, а стало быть, неравенство, нахальство, la tyrannie[1] и т. д. Знаю и не спорю, но теперь я хочу лишь докончить. Итак, на днях с привычною зимнею осторожностию стал было я переходить через Невский проспект и вдруг, очнувшись от задумчивости, в удивлении остановился на самой середине перехода: никого-то нет, ни одного экипажа, хоть бы какие-нибудь дребезжащие извозчичьи дрожки! Место пусто сажен на пятьдесят в обе стороны, хоть остановитесь рассуждать с приятелем о русской литературе — до того безопасно! Даже обидно. Когда это бывало?

Пыль и жар, удивительные запахи, взрытая мостовая и перестраивающиеся дома. Всё больше отделывают фасады со старого на новое, для шику, для характеристики. Удивительна мне эта архитектура нашего времени. Да и вообще архитектура всего Петербурга чрезвычайно характеристична и оригинальна и всегда поражала меня, — именно тем, что выражает всю его бесхарактерность и безличность за всё время существования. Характерного в положительном смысле, своего собственного, в нем разве только вот эти деревянные, гнилые домишки, еще уцелевшие даже на самых блестящих улицах рядом с громаднейшими домами и вдруг поражающие ваш взгляд словно куча дров возле мраморного палаццо. Что же касается до палаццов, то в них-то именно и отражается вся бесхарактерность идеи, вся отрицательность сущности петербургского периода, с самого начала его до конца. В этом смысле нет такого города, как он; в архитектурном смысле он отражение всех архитектур в мире, всех периодов и мод; всё постепенно заимствовано и всё по-своему перековеркано.

[1] деспотизм (*франц.*).

В этих зданиях, как по книге, прочтете все наплывы всех идей и идеек, правильно или внезапно залетавших к нам из Европы и постепенно нас одолевавших и полонивших. Вот бесхарактерная архитектура церквей прошлого столетия, вот жалкая копия в римском стиле начала нашего столетия, а вот и эпоха Возрождения и отысканный будто бы архитектором Тоном в прошлое царствование тип древнего византийского стиля. Вот затем несколько зданий — больниц, институтов и даже дворцов первых и десятых годов нашего столетия, — это стиль времени Наполеона Первого — огромно, псевдовеличественно и скучно до невероятности, что-то натянутое и придуманное тогда нарочно, вместе с пчелами на наполеоновской порфире, для выражения величия вновь наступившей тогда эпохи и неслыханной династии, претендовавшей на бесконечность. Вот потом дома, или почти дворцы, иных наших дворянских фамилий, но гораздо позднейшего времени. Это уж на манер иных итальянских палаццо или не совсем чистый французский стиль дореволюционной эпохи. Но там, в венецианских или римских палаццо, отжили или еще отживают жизнь свою целые поколения древних фамилий, одно за другим, в течение столетий. У нас же поставили наши палаццы всего только в прошлое царствование, но тоже, кажется, с претензией на столетия: слишком уж крепким и ободрительным казался установившийся тогдашний порядок вещей, и в появлении этих палаццо как бы выразилась вся вера в него: тоже века собирались прожить. Пришлось, однако же, всё это почти накануне Крымской войны, а потом и освобождения крестьян... Мне очень грустно будет, если когда-нибудь на этих палаццах прочту вывеску трактира с увеселительным садом или французского отеля для приезжающих. И, наконец, вот архитектура современной, огромной гостиницы — это уже деловитость, американизм, сотни нумеров, огромное промышленное предприятие: тотчас же видно, что и у нас явились железные дороги и мы вдруг очутились деловыми людьми. А теперь, теперь... право, не знаешь, как и определить теперешнюю нашу архитектуру. Тут какая-то безалаберщина, совершенно, впрочем, соответствующая безалаберности настоящей минуты. Это множество чрезвычайно высоких (первое дело высоких) домов под жильцов, чрезвычайно, говорят, тонкостенных и скупо выстроенных, с изумительною архитектурою фасадов: тут и Растрелли, тут и позднейшее рококо, дожевские балконы и окна, непременно оль-де-бёфы и непременно пять этажей, и всё это в одном и том же фасаде. «Дожевское-то окно ты мне, братец, поставь неотменно, потому чем я хуже какого-нибудь ихнего голоштанного дожа; ну а пять-то этажей ты мне все-таки выведи жильцов пускать; окно окном, а этажи чтобы этажами; не могу же я из-за игрушек всего нашего капиталу решиться». Впрочем, я не петербургский фельетонист и не об том совсем заговорил. Начал об редакционных рукописях, а свел на чужое дело.

2

Пыль и жар. Говорят, для оставшихся в Петербурге открыто несколько садов и увеселительных заведений, где можно «подышать» свежим воздухом. Не знаю, есть ли там чем подышать, но я нигде еще не был. В Петербурге лучше, душнее, грустнее. Ходишь, созерцаешь, один-одинешенек — это лучше, чем свежий воздух увеселительных петербургских садов. К тому же и в городе открылось вдруг множество садов, там, где их вовсе не подозревали. Почти на каждой улице встретите теперь, при входе в какие-нибудь ворота, иногда заваленные известкой и кирпичом, надпись «Вход в сад трактира». Там, на дворе, где-нибудь перед старым флигельком был лет сорок назад отгорожен какой-нибудь палисадник, шагов десяти длиною и пяти шириною; ну вот это-то и есть теперь «сад трактира». Скажите, отчего в Петербурге гораздо грустнее по воскресениям, чем в будни? От водки? От пьянства? Оттого что пьяные мужики валяются и спят на Невском проспекте среди белого... вечера, как я сам это видел? Не думаю. Гуляки из рабочего люда мне не мешают, и я к ним, оставшись теперь в Петербурге, совсем привык, хотя прежде терпеть не мог, даже до ненависти. Они ходят по праздникам пьяные, иногда толпами, давят и натыкаются на людей — не от буянства, а так, потому что пьяному нельзя не натыкаться и не давить; сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят, — не от нахальства, а так, потому что пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного. Именно это язык, целый язык, я в этом убедился недавно, язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию, так что он совершенно не мог не явиться, и если б его совсем не было — il faudrait l'inventer.[1] Я вовсе не шутя говорю. Рассудите. Известно, что в хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного, или у всякого не как стелька пьяного человека, почти удесятеряется. А потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворять этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси. Это просто-запросто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого. Однажды в воскресение, уже к ночи, мне пришлось пройти шагов с пятнадцать рядом с толпой шестерых пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием этого существительного, до крайности к тому же немногосложного. Вот один парень резко и энергически произносит это существительное, чтобы выразить об чем-то,

---

[1] его следовало бы выдумать (*франц.*).

об чем раньше у них общая речь зашла, свое самое презрительное отрицание. Другой в ответ ему повторяет это же самое существительное, но совсем уже в другом тоне и смысле — именно в смысле полного сомнения в правдивости отрицания первого парня. Третий вдруг приходит в негодование против первого парня, резко и азартно ввязывается в разговор и кричит ему то же самое существительное, но в смысле уже брани и ругательства. Тут ввязывается опять второй парень в негодовании на третьего, на обидчика, и останавливает его в таком смысле, что, дескать, что ж ты так, парень, влетел? мы рассуждали спокойно, а ты откуда взялся — лезешь Фильку ругать! И вот всю эту мысль он проговорил тем же самым одним заповедным словом, тем же крайне односложным названием одного предмета, разве только что поднял руку и взял третьего парня за плечо. Но вот вдруг четвертый паренек, самый молодой из всей партии, доселе молчавший, должно быть вдруг отыскав разрешение первоначального затруднения, из-за которого вышел спор, в восторге приподымая руку, кричит... Эврика, вы думаете? Нашел, нашел? Нет, совсем не эврика и не нашел; он повторяет лишь то же самое нелексиконное существительное, одно только слово, всего одно слово, но только с восторгом, с визгом упоения, и, кажется, слишком уж сильным, потому что шестому, угрюмому и самому старшему парню, это не «показалось», и он мигом осаживает молокососный восторг паренька, обращаясь к нему и повторяя угрюмым и назидательным басом... да всё то же самое запрещенное при дамах существительное, что, впрочем, ясно и точно обозначало: «Чего орешь, глотку дерешь!» Итак, не проговоря ни единого другого слова, они повторили это одно только излюбленное ими словечко шесть раз кряду, один за другим, и поняли друг друга вполне. Это факт, которому я был свидетелем. «Помилуйте! — закричал я им вдруг, ни с того ни с сего (я был в самой середине толпы). — Всего только десять шагов прошли, а шесть раз (имя рек) повторили! Ведь это срамеж! Ну, не стыдно ли вам?»

Все вдруг на меня уставились, как смотрят на нечто совсем неожиданное, и на миг замолчали; я думал, выругают, но не выругали, а только молоденький паренек, пройдя уже шагов десять, вдруг повернулся ко мне и на ходу закричал:

— А ты что же сам-то семой раз *его* поминаешь, коли на нас шесть разов насчитал?

Раздался взрыв хохота, и партия прошла, уже не беспокоясь более обо мне.

3

Нет, я не про этих гуляк говорю, и не от них мне так особенно грустно по воскресениям. Я недавно с большим удивлением открыл, что есть в Петербурге мужики, мещане и мастеровые совершенно трезвые, совсем ничего не «употребляющие» даже и по воскресениям; и не это собственно меня удивило, а то, что

их несравненно, кажется, больше, чем я предполагал до сих пор. Ну вот на этих-то мне смотреть еще грустнее, чем на пьяных гуляк, и не то чтоб от сострадания к ним; вовсе нет и причины им сострадать; а так приходит в голову всё какая-то странная мысль... По воскресениям к вечеру (по будням их совсем не видать) очень много этого всю неделю занятого работою, но совершенно трезвого люда выходит на улицы. Выходит именно погулять. Я заметил, что на Невский они никогда не заходят, а так всё больше прохаживаются около своих же домов или идут «прохладно», возвращаясь с семействами откудова-нибудь из гостей. (Семейных мастеровых тоже, кажется, очень в Петербурге много.) Идут они степенно и с ужасно серьезными лицами, точно и не на прогулке, очень мало разговаривая друг с другом, особенно мужья с женами, почти совсем молча, но всегда разодетые по-праздничному. Наряды плохи и стары, на женщинах пестры, но всё вычищено и вымыто к празднику, нарочно, может быть, к этому часу. Есть которые и в русских платьях, но много и в немецких и бреющих бороду. Досаднее всего, что они, кажется, действительно и серьезно воображают, что, этак прохаживаясь, доставляют себе несомненное воскресное удовольствие. Ну какое бы, кажется, удовольствие на этой широкой, оголенной, пыльной улице, пыльной еще после заката солнца? То-то и есть, что им и это кажется раем; всякому, значит, свое.

Очень часто они с детьми; детей тоже очень много в Петербурге, а еще говорят, что они в нем ужасно как мрут. Все эти дети, как я заметил, большею частью всегда почти маленькие, первого возраста, едва ходят или совсем еще не умеют ходить; не потому ли и так мало детей постарше, что не доживают и умирают? Вот замечаю в толпе одинокого мастерового, но с ребенком, с мальчиком, — одинокие оба, и вид у них у обоих такой одинокий. Мастеровому лет тридцать, испитое и нездоровое лицо. Он нарядился по-праздничному: немецкий сюртук, истертый по швам, потертые пуговицы и сильно засалившийся воротник сюртука; панталоны «случайные», из третьих рук с толкучего рынка, но всё вычищено по возможности. Коленкоровая манишка и галстух, шляпа цилиндр, очень смятая, бороду бреет. Должно быть, где-нибудь в слесарной или чем-нибудь в типографии. Выражение лица мрачно-угрюмое, задумчивое, жесткое, почти злое. Ребенка он держит за руку, и тот колыхается за ним, кое-как перекачиваясь. Это мальчик лет двух с небольшим, очень слабенький, очень бледненький, но одет в кафтанчик, в сапожках с красной оторочкой и с павлиньим перышком на шляпе. Он устал; отец ему что-то сказал, может быть, просто сказал, а вышло, что как будто прикрикнул. Мальчик притих. Но прошли еще шагов пять, и отец нагнулся, бережно поднял ребенка, взял на руки и понес. Тот привычно и доверчиво прильнул к нему, обхватил его шею правой ручкой и с детским удивлением стал пристально смотреть на меня: чего, дескать, я иду за ними и так смотрю? Я кивнул

было ему головой и улыбнулся, но он нахмурил бровки и еще крепче ухватился за отцовскую шею. Друзья, должно быть, оба большие.

Я люблю, бродя по улицам, присматриваться к иным совсем незнакомым прохожим, изучать их лица и угадывать: кто они, как живут, чем занимаются и что особенно их в эту минуту интересует. Про мастерового с мальчиком мне пришло тогда в голову, что у него, всего только с месяц тому, умерла жена и почему-то непременно от чахотки. За сироткой-мальчиком (отец всю неделю работает в мастерской) пока присматривает какая-нибудь старушонка в подвальном этаже, где они нанимают каморку, а может быть, всего только угол. Теперь же, в воскресение, вдовец с сыном ходили куда-нибудь далеко на Выборгскую, к какой-нибудь единственной оставшейся родственнице, всего вернее к сестре покойницы, к которой не очень-то часто ходили прежде и которая замужем за каким-нибудь унтер-офицером с нашивкой и живет непременно в каком-нибудь огромнейшем казенном доме, и тоже в подвальном этаже, но особнячком. Та, может быть, повздыхала о покойнице, но не очень; вдовец, наверно, тоже не очень вздыхал во время визита, но всё время был угрюм, говорил редко и мало, непременно свернул на какой-нибудь деловой специальный пункт, но и о нем скоро перестал говорить. Должно быть, поставили самовар, выпили вприкуску чайку. Мальчик всё время сидел на лавке в углу, хмурился и дичился, а под конец задремал. И тетка и муж ее мало обращали на него внимания, но молочка с хлебцем наконец-таки дали, причем хозяин унтер-офицер, до сих пор не обращавший на него никакого внимания, что-нибудь сострил про ребенка в виде ласки, но что-нибудь очень соленое и неудобное, и сам (один, впрочем) тому рассмеялся, а вдовец, напротив, именно в эту минуту строго и неизвестно за что прикрикнул на мальчика, вследствие чего тому немедленно захотелось аа, и тут отец уже без крику и с серьезным видом вынес его на минутку из комнаты... Простились так же угрюмо и чинно, как и разговор вели, с соблюдением всех вежливостей и приличий. Отец сгреб на руки мальчика и понес домой, с Выборгской на Литейную. Завтра опять в мастерскую, а мальчик к старушонке. И вот ходишь-ходишь и всё этакие пустые картинки и придумываешь для своего развлечения. Никакого в этом нет толку, и «ничего поучительного нельзя извлечь». Оттого и берет хандра по воскресениям, в каникулы, на пыльных и угрюмых петербургских улицах. Что, не приходило вам в голову, что в Петербурге угрюмые улицы? Мне кажется, это самый угрюмый город, какой только может быть на свете!

Правда, и в будни выносят детей во множестве, но по воскресениям к вечеру их является на улицах чуть не вдесятеро более. Какие всё испитые, какие бледные, худосочные, малокровные и какие у них угрюмые личики, особенно у тех, которые еще на

руках; а те, которые уже ходят, — все с кривыми ножками и все на ходу сильно колыхаются из стороны в сторону. Почти все, впрочем, тщательно приодеты. Но, боже мой, ребенок что цветок, что листок, завязавшийся весною на дереве: ему надо свету, воздуху, воли, свежей пищи, и вот вместо всего этого душный подвал с каким-нибудь квасным или капустным запахом, страшное зловоние по ночам, нездоровая пища, тараканы и блохи, сырость, влага, текущая со стен, а на дворе — пыль, кирпич и известка.

Но они любят своих бледных и худосочных детей. Вот маленькая трехлетняя девочка, хорошенькая и в свежем платьице, спешит к матери, которая сидит у ворот в большом обществе, сошедшемся со всего дома часок-другой поболтать. Мать болтает, но глазом наблюдает ребенка, играющего от нее в десяти шагах. Девочка нагнулась что-то поднять, какой-то камушек, и неосторожно наступила на свой подол ножками и вот никак распрямиться не может, раза два попробовала, упала и заплакала. Мать приподнялась было к ней на помощь, но я поднял девочку раньше. Она выпрямилась, быстро и любопытно на меня посмотрела, еще со слезинками на глазах, и вдруг бросилась, немного в испуге и в детском смущении, к матери. Я подошел и учтиво осведомился, сколько девочке лет; мать приветливо, но очень сдержанно мне ответила. Я сказал, что и у меня такая же девочка; на это уже не последовало ответа: «Может, ты и хороший человек, — молча глядела на меня мать, — да только что ж тебе тут стоять, проходил бы мимо». Вся разговорившаяся публика тоже затихла и тоже как будто это же самое думала. Я притронулся к шляпе и прошел мимо.

Вот другая девочка на бойком перекрестке отстала от матери, которая до сих пор ее вела за руку. Правда, бабенка вдруг увидела шагах в пятнадцати от себя товарку, пришедшую ее навестить, и, надеясь, что ребенок знает дорогу, бросила его ручку и пустилась бегом встречать гостью, но ребенок, оставшийся вдруг один, испугался и закричал, в слезах догоняя мать.

Седой и совсем незнакомый прохожий мещанин с бородой вдруг останавливает на дороге незнакомую ему бегущую женщину и схватывает ее за руку:

— Чего разбежалась! Вишь, ребенок сзади кричит; так нельзя; испужаться может.

Бабенка хотела что-то бойко ему возразить, но не возразила, одумалась; безо всякой досады и нетерпения взяла на руки добежавшую к ней девочку и уже чинно пошла к своей гостье. Мещанин строго выждал до конца и направился своей дорогою.

Пустые, самые пустые картинки, которые даже совестно вносить в дневник. Впредь постараюсь быть гораздо серьезнее.

XIV

УЧИТЕЛЮ

За прошлые мои три маленькие картинки («Гражданин», № 29) московский фельетонист обругал меня в нашем петербургском «Голосе» (№ 210), кажется из целомудрия, за то, что я в картинке № 2, заговорив о сквернословном языке нашего хмельного народа, упомянул, уж конечно не называя прямо, об одном неприличном предмете... «Мне и в голову не могло прийти, до чего может дописаться фельетонист, когда у него нет под рукой подходящего матерьяла», — говорит обо мне московский мой обличитель. Итак, выходит, что я прибегнул к неприличному предмету единственно для оживления моего фельетона, для сока, для кайенского перцу...

Вот это мне грустно; а я-то даже думал, что заключат из моего фельетона именно противуположное, то есть что из огромного материала я вывел мало. Я думал, что название спасет меня: маленькие картинки, а не большие, с маленьких не так спросят. Я и набросал лишь несколько грустных мыслей о праздничном времяпрепровождении чернорабочего петербургского люда. Скудость их радостей, забав, скудость их духовной жизни, подвалы, где возрастают их бледные, золотушные дети, скучная, вытянутая в струнку широкая петербургская улица как место их прогулки, этот молодой мастеровой-вдовец с ребенком на руках (картинка истинная) — всё это мне показалось матерьялом для фельетона достаточным, так что, повторяю, можно было бы упрекнуть меня совершенно в обратном смысле, то есть что я мало из такого богатого матерьяла сделал. Меня утешало, что я хоть намекнул на мой главный вывод, то есть что в огромном большинстве народа нашего, даже и в петербургских подвалах, даже и при самой скудной духовной обстановке, есть все-таки стремление к достоинству, к некоторой порядочности, к истинному самоуважению; сохраняется любовь к семье, к детям. Меня особенно поразило, что они так действительно и даже с нежностию любят своих болезненных детей; я именно обрадовался мысли, что беспорядки и бесчинства в семейном быту народа, даже среди такой обстановки, как в Петербурге, всё же пока исключения, хотя, быть может, и многочисленные, и думал поделиться этим свежим впечатлением с читателями. Я как раз прочел перед тем в одном фельетоне преоткровенное признание одного, уж конечно, умного человека по поводу вышедшей одной официального характера книги — именно что заниматься вопросом о том: полезна или не полезна была народу реформа? — есть в сущности вопрос праздный; что если б даже и не полезна она оказалась народу, то всё равно, проваливайся всё, а реформа должна была совершиться (и в этом, пожалуй, много правды, на основании pereat mundus,[1]

---

[1] во что бы то ни стало (буквально: да погибнет мир) (*лат.*).

несмотря на постановку вопроса). И наконец, что касается собственно до народа, до мужиков, то — признался фельетонист весьма явственно — «это ведь и правда, что собственно народ наш не стоил реформы» «и что если мы до реформы в литературе и публицистике венчали лаврами и розами с г-дами Марко Вовчком и Григоровичем мужиков, то ведь мы очень хорошо знаем, что венчали только вшивые головы... Но нужно было это тогда для подживления дела» и т. д. и т. д. Вот сущность мысли (изложение мое не буквальное), выраженной в фельетоне с такою откровенностию и уже без малейшей прежней церемонии. Признаюсь, эта слишком уже откровенная мысль, эта обнаженность ее, почти впервые обнаружившаяся с таким удовольствием, привела меня тогда в прелюбопытное настроение духа, и помню, я тогда заключил, что мы, ну например в «Гражданине», хоть и разделяем первую часть этой мысли, то есть реформа, даже несмотря ни на какие последствия, но всё же не разделим ни за что второй части этой роковой мысли и твердо уверены, что вшивые головы все-таки были достойны реформы и даже совсем не ниже ее. Я думаю, подобное убеждение может составлять именно одну из характерных сторон собственно нашего направления; вот почему я об этом теперь и упоминаю.

Что же касается до моего фельетона... А кстати, московский фельетонист, мой собрат по перу, неизвестно почему, думает, что я стыжусь названия фельетониста, и уверяет на французском языке, что я «plus feuilletoniste que Jules Janin, plus catholique que le pape».[1] Этот французский язык из Москвы, конечно, тут для того, чтоб подумали, что автор хорошего тона, но все-таки не понимаю, к чему тут приписываемое мне исповедание католической религии и к чему понадобился тут бедный папа? А что до меня, то я лишь выразился, что я не «петербургский» фельетонист, и хотел лишь этим сказать на всякий случай для будущего, что в моем «Дневнике» не об одной собственно петербургской жизни пишу и намерен писать, а стало быть, и спрашивать с меня слишком подробных отчетов о петербургской жизни, когда я заговорю о ней по необходимости, нечего. Если же московскому моему учителю непременно хочется назвать мой «Дневник» фельетоном, то пусть; я этим очень доволен.

Московский учитель мой уверяет, что фельетон мой произвел фурор в Москве — «в рядах и в Зарядье», и называет его гостинодворским фельетоном. Очень рад, что доставил такое удовольствие читателям из этих мест нашей древней столицы. Но яд в том, что будто я нарочно и бил на эффект; за неимением читателей высших искал читателей в Зарядье и с этою целью и заговорил «*о нем*», а стало быть, я — «самый находчивый из всех фельетонистов»...

---

[1] «в большей мере фельетонист, чем Жюль Жанен, в большей мере католик, чем папа» (*франц.*).

«„То-ись ума не приберу (пишет учитель, рассказывая об эффекте моего фельетона в Москве), — ума не приберу, что это за диковинка такая, какой спрос на этого «Гражданина» вышел“, — удивлялся один из газетных разносчиков на мой вопрос о спросе на „Гражданин“. Когда я объяснил ему в чем дело, разносчик побежал к Мекленбургу и Живареву — нашим оптовым торговцам газетами, чтобы взять оставшиеся нумера; но их и там расхватали: „Всё-то из рядов да из Зарядья спрашивают. . .“ Дело в том, что до Гостиного двора дошло сведение, что в „Гражданине“ написана целая статья *об нем*, и вот гостинодворцы, вместо того чтоб покупать „Развлечение“, кинулись на „Гражданина“».

Да ведь это вовсе недурно, послушайте, это известие, и напрасно вы стыдите меня гостинодворскими читателями. Напротив, очень бы желал приобрести их расположение, ибо вовсе не так худо о них думаю, как вы о них думаете. Видите ли, покупали они, конечно, для смеху и из того, что скандал вышел. На скандал всякий человек набрасывается, это уже свойство всякого человека, преимущественно в России (вы, например, вот набросились же); так что гостинодворцев за это, я думаю, нельзя презирать слишком-то специально. Что же до забавы, до смеху — то есть разные забавы и разный смех, даже в самых соблазнительных случаях. Учитель мой, впрочем, оговаривается; он прибавляет: «Я уверен, что пером автора „картинки *об нем*“ руководили самые добрые намерения, когда он писал этот гостинодворский фельетон», то есть учитель делает мне честь, допуская, что я не имел непосредственною и главною целью, упоминая *о нем*, развратить народ. Благодарим хоть за это; так как автор пишет в «Голосе», то великодушная оговорка эта, пожалуй, и не лишняя, ибо знаю по опыту, что Андрею Александровичу ничего не стоит обвинить меня в чем угодно, даже в развратительных целях против народа и общества русского. (Обвинял же меня в крепостничестве.) Андрей Александрович сказался тоже под вашим пером и в удивительной обратной догадке: «. . .и если подобные „картинки“ ваши ничего не сделают для исправления гуляк из рабочего люда. . .» — говорите вы. Такая догадка как раз из головы Андрея Александровича! Ведь придет же в голову, что я писал, имея непосредственною и ближайшею целью исправить (от сквернословия) наш ругающийся рабочий народ! Да ведь они не только про нас с вами, но даже и про Андрея-то Александровича никогда не слыхивали — эти из рабочего-то люда, которых я описывал в моем фельетоне!

Нет, я писал с другим направлением — о сем «существительном», «при дамах к произнесению неудобном», «а между пьяными наиболее употребительном», — и настаиваю, что имел довольно серьезную и извинительную цель, и это вам докажу. Мысль моя была доказать целомудренность народа русского, указать, что народ наш в пьяном виде (ибо в трезвом сквернословят несравненно реже) если и сквернословит, то делает это не из любви к скверному слову, не из удовольствия сквернословить, а просто по гадкой привычке, перешедшей чуть не в необходи-

мость, так что даже самые далекие от сквернословия мысли и ощущения выражает в сквернословных же словах. Я указывал дальше, что главную причину этой сквернословной привычки искать надо в пьянстве. Про догадку мою о потребности в пьяном виде, когда туго ворочается язык и между тем сильное желание говорить, прибегать к словам кратким, условным и выразительным, — про эту догадку мою можете думать что угодно; но что народ наш целомудрен, даже и сквернословя, — на это стоило указать. Я даже имею дерзость утверждать, что эстетически и умственно развитые слои нашего общества несравненно развратнее в этом смысле нашего грубого и столь неразвитого простого народа. В мужских обществах, даже самого высшего круга, случается иногда после ужина, иной раз даже между седыми и звездоносными старичками, когда уже переговорят о всех важных и даже иногда государственных материях, — перейти мало-помалу на эстетически-каскадные темы. Эти каскадные темы быстро в свою очередь переходят в такой разврат, в такое сквернословие, в такое скверномыслие, что никогда воображению народному даже и не представить себе ничего подобного. Это случается ужасно часто между всеми оттенками этого столь возвышенного над народом круга людей. Мужи, известные самыми идеальными добродетелями, даже богомольцы, даже самые романтические поэты с жадностью участвуют в сих разговорах. Тут всего важнее именно то, что иные из сих мужей почтенны бесспорно и делают много и хороших поступков. Нравится им именно пакость и утонченность пакости, не столько скверное слово, сколько идея, в нем заключающаяся; нравится низость падения, нравится именно вонь, словно лимбургский сыр (неизвестный народу) утонченному гастроному; тут именно потребность размазать и понюхать и упиться запахом. Они смеются, они об этой пакости, конечно, говорят свысока, но видно, что она им нравится и что без нее они уже обойтись не могут, хоть на словах. Совсем иной смех у народа, хотя бы даже и на эти темы. Я уверен, что у вас в Зарядье смеялись не для пакости, не из любви *к нему и к искусству*, а смехом в высшей степени простодушным, не развратным, здоровым, хотя и грубоватым, — совсем не таким, каким смеются иные размазыватели в нашем обществе или в нашей литературе. Народ сквернословит зря, и часто не об том совсем говоря. Народ наш не развратен, а *очень даже целомудрен*, несмотря на то что это бесспорно самый сквернословный народ в целом мире, — и об этой противоположности, право, стоит хоть немножко подумать.

Московский учитель мой оканчивает обо мне в своем фельетоне с чрезмерною, почти сатанинскою гордостью.

«Я воспользуюсь примером почтенного коллеги (то есть моим), — говорит он, — когда мне случится писать фельетон, а матерьяла никакого не будет, и постараюсь тогда заняться тоже „картинками“ (какое презренье!), — но в данный момент мне нет надобности пользоваться преподанным мне

примером (то есть у умного человека и без *«него»* всегда много мыслей), потому что хоть у нас в Москве тоже „жар и пыль“, „пыль и жар“ (начальные слова моего фельетона — для того чтоб еще раз устыдить меня) — но из этой пыли (а-а! вот тут-то теперь и пойдет, вот он покажет нам сейчас, что может умная московская фельетонная голова вывести даже из «этой пыли» — сравнительно с петербургскими), но из этой пыли и из-под этого жара (это что же такое «из-под жара»?) можно при известной внимательности усмотреть (слушайте! слушайте!), что жизненный пульс нашей белокаменной, значительно слабеющий летом, начинает, так сказать, оживляться, с тем чтобы, оживляясь все более и более, достигнуть в зимние месяцы той интенсивности, дальше которой уже не может идти пульс московской жизни».

Вот так мысль! Вон оно как у нас в Москве-то! А мне-то, мне-то какой урок! А знаете что, учитель? Мне-то вот и кажется, что вы нарочно подхватили у меня *о нем*, именно чтоб сделать и ваш фельетон занимательнее (а то что интенсивность-то!), может быть, даже позавидовали моему успеху в Зарядье? Это очень и очень может быть. Не стали бы вы так копаться и размазывать и столько раз поминать об этом; мало того что поминали и размазывали, даже нюхали...

«. . . всё же мы доросли до того по крайней мере, чтоб разнюхать, когда нам подносят что-нибудь уже очень бьющее в нос, и умеем ценить это помимо намерений автора. . .»

Ну так чем же пахнет?

XV

НЕЧТО О ВРАНЬЕ

Отчего у нас все лгут, все до единого? Я убежден, что тотчас же остановят меня и закричат: «Э, вздор, совсем не все! У вас темы нет, вот вы и выдумываете, чтоб начать поэффектнее». Бестемностью меня уже попрекали; но в том и дело, что я действительно в этой поголовности нашего лганья теперь убежден. Пятьдесят лет живешь с идеею, видишь и осязаешь ее, и вдруг она предстанет в таком виде, что как будто совсем и не знал ее до сих пор. С недавнего времени меня вдруг осенила мысль, что у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем и не может быть нелгущего человека. Это именно потому, что у нас могут лгать даже совершенно честные люди. Я убежден, что в других нациях, в огромном большинстве, лгут только одни негодяи; лгут из практической выгоды, то есть прямо с преступными целями. Ну а у нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями. У нас, в огромном большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвесть эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнит кто угодно — не случалось ли ему раз двадцать при-

бавить, например, число верст, которое проскакали в час времени везшие его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиления радостного впечатления в слушателе. И не обрадовался ли действительно слушатель до того, что тотчас же стал уверять вас об одной знакомой ему тройке, которая на пари обогнала железную дорогу, и т. д. и т. д. Ну а охотничьи собаки, или о том, как вам в Париже вставляли зубы, или о том, как вас вылечил здесь Боткин? Не рассказывали ли вы о своей болезни таких чудес, что хотя, конечно, и поверили сами себе с половины рассказа (ибо с половины рассказа всегда сам себе начинаешь верить), но, однако, ложась на ночь спать и с удовольствием вспоминая, как приятно поражен был ваш слушатель, вы вдруг остановились и невольно проговорили: «Э, как я врал!» Впрочем, пример этот слаб, ибо нет приятнее как говорить о своей болезни, если только найдется слушатель; а заговорить, так уж невозможно не лгать; это даже лечит больного. Но, возвратясь из-за границы, не рассказывали ли вы о тысяче вещей, которые видели «своими глазами»... впрочем, и этот пример я беру назад: не прибавлять об «загранице» возвратившемуся оттуда русскому человеку нельзя; иначе незачем было бы туда ездить. Но, например, естественные науки! Не толковали ли вы о естественных науках или о банкротствах и бегствах разных петербургских и других жидов за границу, ровно ничего не смысля в этих жидах и не зная в зуб толкнуть о естественных науках? Позвольте, не передавали ли вы анекдота, будто бы с вами случившегося, тому же самому лицу, которое вам же его про себя и рассказывало? Неужели вы позабыли, как с половины рассказа вдруг припомнили и об этом догадались, что ясно подтвердилось и в страдающем взгляде вашего слушателя, упорно на вас устремленном (ибо в таких случаях почему-то с удесятеренным упорством смотрят друг другу в глаза); помните, как, несмотря ни на что и уже лишившись всего вашего юмора, вы все-таки с мужеством, достойным великой цели, продолжали лепетать вашу повесть и, кончив поскорее с нервно-уторопленными учтивостями, пожатием рук и улыбками, разбежались в разные стороны, так что когда вас вдруг дернуло ни с того ни с сего в порыве последней конвульсии крикнуть уже на лестницу сбегавшему по ней вашему слушателю вопрос о здоровье его тетушки, то он не обернулся и не ответил тогда о тетушке, что и осталось в воспоминаниях ваших мучительнее всего из всего этого с вами случившегося анекдота. Одним словом, если кто на всё это мне ответит: *нет*, то есть что он не передавал анекдотов, не трогал Боткина, не лгал об жидах, не кричал с лестницы о здоровье тетушки и что ничего подобного с ним никогда не случалось, то я просто этому не поверю. Я знаю, что русский лгун сплошь да рядом лжет совсем для себя неприметно, так что просто можно было совсем не приметить. Ведь что случается: чуть только солжет человек, и удачно, то так слюбится, что и включает анекдот в число несомненных фактов своей соб-

ственной жизни; и действует совершенно совестливо, потому что сам вполне тому верит; да и неестественно было бы иногда не поверить.

«Э, вздор! — скажут мне опять. — Лганье невинное, пустяки, ничего мирового». Пусть. Я сам соглашаюсь, что всё очень невинно и намекает лишь на благородные свойства характера, на чувство благодарности например. Потому что если вас слушали, когда вы лгали, то нельзя же не дать поврать и слушателю, хотя бы из одной благодарности.

Деликатная взаимность вранья есть почти первое условие русского общества — всех русских собраний, вечеров, клубов, ученых обществ и проч. В самом деле, только правдивая тупица какая-нибудь вступается в таких случаях за правду и начинает вдруг сомневаться в числе проскаканных вами верст или в чудесах, сделанных с вами Боткиным. Но это лишь бессердечные и геморроидальные люди, которые сами же и немедленно несут за то наказанье, удивляясь потом, отчего оно их постигло? Люди бездарные. Тем не менее все это лганье, несмотря на всю невинность свою, намекает на чрезвычайно важные основные наши черты, до того, что уж тут почти начинает выступать мировое. Например, 1) на то, что мы, русские, прежде всего боимся истины, то есть и не боимся, если хотите, а постоянно считаем истину чем-то слишком уж для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным и тем самым, избегая ее постоянно, сделали ее наконец одною из самых необыкновенных и редких вещей в нашем русском мире (я не про газету говорю). Таким образом у нас совершенно утратилась аксиома, что истина поэтичнее всего, что есть в свете, особенно в самом чистом своем состоянии; мало того, даже фантастичнее всего, что мог бы налгать и напредставить себе повадливый ум человеческий. В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический. В самом деле, люди сделали наконец то, что всё, что налжет и перелжет себе ум человеческий, им уже гораздо понятнее истины, и это сплошь на свете. Истина лежит перед людьми по сту лет на столе, и ее они не берут, а гоняются за придуманным, именно потому, что ее-то и считают фантастичным и утопическим.

Второе, на что наше всеобщее русское лганье намекает, это то, что мы все стыдимся самих себя. Действительно, всякий из нас носит в себе чуть ли не прирожденный стыд за себя и за свое собственное лицо, и, чуть в обществе, все русские люди тотчас же стараются поскорее и во что бы ни стало каждый показаться непременно чем-то другим, но только не тем, чем он есть в самом деле, каждый спешит принять совсем другое лицо.

Еще Герцен сказал про русских за границей, что они никак не умеют держать себя в публике: говорят громко, когда все молчат, и не умеют слова сказать прилично и натурально, когда надобно говорить. И это истина: сейчас же выверт, ложь, мучительная конвульсия; сейчас же потребность устыдиться всего, что

есть в самом деле, спрятать и прибрать свое, данное богом русскому человеку лицо и явиться другим, как можно более чужим и нерусским лицом. Всё это из самого полного внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет французское лицо, английское, одним словом, не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее, и что под этим видом его никак не узнают. Отмечу при этом нечто весьма характерное: весь этот дрянной стыдишка за себя и всё это подлое самоотрицание себя в большинстве случаев бессознательны; это нечто конвульсивное и непреоборимое; но, в сознании, русские — хотя бы и самые полные самоотрица́тели из них — все-таки с ничтожностию своею не так скоро соглашаются в таком случае и непременно требуют уважения: «Я ведь совсем как англичанин, — рассуждает русский, — стало быть, надо уважать и меня, потому что всех англичан уважают». Двести лет вырабатывался этот главный тип нашего общества под непременным, еще двести лет тому указанным принципом: ни за что и никогда не быть самим собою, взять другое лицо, а свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя — и результаты вышли самые полные. Нет ни немца, ни француза, нет в целом мире такого англичанина, который, сойдясь с другими, стыдился бы своего лица, если по совести уверен, что ничего не сделал дурного. Русский очень хорошо знает, что нет такого англичанина; а воспитанный русский знает и то, что не стыдиться своего лица, даже где бы то ни было, есть именно самый главный и существенный пункт собственного достоинства. Вот почему он и хочет казаться поскорей французом иль англичанином, именно затем, чтоб и его приняли поскорей за такого же, который нигде и никогда не стыдится своего лица.

«Невинности, старина, говорено уже тысячу раз», — скажут опять. Пусть, но вот уже нечто похарактернее. Есть пункт, в котором всякий русский человек разряда интеллигентного, являясь в общество или в публику, ужасно требователен и ни за что уступить не может. (Другое дело у себя дома и сам про себя.) Пункт этот — ум, желанье показаться умнее, чем есть, и — замечательно это — отнюдь не желание показаться умнее всех или даже кого бы то ни было, а только лишь *не глупее никого*. «Признай, дескать, меня, что я не глупее никого, и я тебя признаю, что и ты не глупей никого». Опять-таки тут нечто вроде взаимной благодарности. Перед авторитетом европейским, например, русский человек, как известно, со счастьем и поспешностью преклоняется, даже не позволяя себе анализа; даже особенно не любит анализа в таких случаях. О, другое дело, если гениальное лицо сойдет с пьедестала или даже просто выйдет из моды: тогда нет строже русской интеллигенции к такому лицу, нет предела ее

высокомерию, презрению, насмешке. Мы пренаивно удивляемся потом, если вдруг как-нибудь узнаем, что в Европе всё еще продолжают смотреть на сошедшее у нас с пьедестала лицо с уважением и ценить его по достоинству. Но зато тот же самый русский человек, хотя бы и преклонился пред гением в моде даже и без анализа, все-таки ни за что и никогда не признает себя глупее этого гения, пред которым сам сейчас преклонился, будь он разъевропейский. «Ну Гёте, ну Либих, ну Бисмарк, ну положим... а все-таки и я тоже», — представляется каждому русскому непременно, даже из самых плюгавеньких, если только дойдет до того. И не то что представляется, ибо сознания тут почти никакого, а только как-то его всего дергает в этом смысле. Это какое-то беспрерывное ощущение праздного и шатающегося по свету самолюбия, ничем не оправданного. Одним словом, до такого, может быть, самого высшего проявления человеческого достоинства — то есть признать себя глупее другого, когда другой действительно умнее его, — русский человек высших классов никогда и ни в каком случае не может дойти, и даже я не знаю, могут ли быть исключения. Пусть не очень-то смеются над моим «парадоксом». Соперник Либиха, может быть, и в гимназии не окончил курса и, уж конечно, с Либихом не свяжется спорить о первенстве, когда ему скажут и укажут, что это вот Либих. Он промолчит — но все-таки его будет дергать, даже при Либихе... Другое дело если б, например, он встретился с Либихом, не зная, что это вот Либих, хоть в вагоне железной дороги. И если б только завязался разговор о химии и нашему господину удалось бы к разговору примазаться, то, сомнения нет, он мог бы выдержать самый полный ученый спор, зная из химии всего только одно слово «химия». Он удивил бы, конечно, Либиха, но — кто знает — в глазах слушателей остался бы, может быть, победителем. Ибо в русском человеке дерзости его ученого языка — почти нет пределов. Тут именно происходит феномен, существующий только в русской интеллигентных классов душе: не только нет в душе этой, *лишь только она почувствует себя в публике,* сомнения в уме своем, но даже в самой полной учености, если только дело дойдет до учености. Про ум еще можно понять; но про ученость свою, казалось бы, каждый должен иметь самые точные сведения...

Конечно, всё это только в публике, когда кругом чужие. Дома же про себя... Ну, дома про себя ни один русский человек об образовании и учености своей не заботится, даже и вопроса о том никогда не ставит... Если же поставит, то вернее всего, что и дома решит его в свою пользу, хотя бы и имел самые полные сведения о своей учености.

Мне самому случилось выслушать недавно, сидя в вагоне, целый трактат о классических языках в продолжение двух часов дороги. Говорил один, а все слушали. Это был никому из пасса-

жиров не знакомый господин, осанистый, зрелых лет, сдержанного и барского вида, веско и неторопливо выпускавший слова. Он всех заинтересовал. Очевидно было с самых первых слов его, что он не только в первый раз говорил, но даже, может быть, в первый раз и думал об этой теме, так что это была лишь блестящая импровизация. Он вполне отрицал классическое образование и введение его у нас называл «историческим и роковым дурачеством» — впрочем, это было единственное резкое слово, которое он себе позволил; тон его взят был слишком высоко и не позволял ему горячиться, из одного уж презрения к факту. Основания, на которых стоял он, были самые первоначальные, приличные разве лишь тринадцатилетнему школьнику, почти те же самые, на которых еще до сих пор стоят иные из наших газет, воюющие с классическими языками, например, «так как все латинские сочинения переведены, то и не надо латинского языка», и проч. и проч. — в этом роде. В нашем вагоне он произвел чрезвычайный эффект; многие, расставаясь с ним, благодарили его за доставленное удовольствие, особенно дамы. Я убежден, что он ушел, чрезвычайно уважая себя.

Теперь у нас в публике (в вагонах ли, в другом ли месте) разговоры сильно изменились против прежних, старых лет; теперь жаждут слушать, жаждут учителей — на все общественные и социальные темы. Правда, разговоры в публике у нас ужасно туго завязываются; всех сначала долго коробит, пока решатся заговорить, ну а заговорят — в такой пафос иной раз войдут, что почти надо за руки держать. Разговоры же более сдержанные и солидные и, так сказать, более высшие и уединенные вертятся преимущественно на темах биржевых или правительственных, но с секретной, изнаночной точки зрения, с познанием высших тайн и причин, обыкновенной публике неизвестных. Обыкновенная публика слушает смирно и почтительно, а говоруны выигрывают в своей осанке. Разумеется, из них мало кто верит один другому, но расстаются они почти всегда один другим совершенно довольные и друг другу даже несколько благодарные. Задача проехать приятно и весело по железной нашей дороге заключается в умении давать врать другим и как можно более верить; тогда и вам дадут тоже с эффектом прилгнуть, если и сами вы соблазнитесь; стало быть, взаимная выгода. Но, как я сказал уже, есть и общие, животрепещущие, насущные темы разговоров, в которые ввязывается уже вся публика, и это не затем одним, чтоб приятно время провесть: повторяю, жаждут научиться, разъяснить себе современные затруднения, ищут, жаждут учителей, и особенно женщины, особенно матери семейств. Замечательно то, что, при всей этой чрезвычайно любопытной и далеко намекающей жажде общественных советников и руководителей, при всем этом благородном стремлении, удовлетворяются слишком легко, самым иногда неожиданным образом, верят всему, подготовлены и вооружены весьма слабо, — гораздо слабее, чем

могла бы представить вам самая яркая ваша фантазия несколько лет тому назад, когда о нашем русском обществе труднее было сделать точное заключение сравнительно с теперешним временем, когда уже имеется более фактов и сведений. Положительно можно сказать, что всякий говорун с несколько порядочными манерами (к порядочным манерам наша публика, увы, до сих пор еще чувствует предрассудочную слабость, несмотря на всё более и более разливающееся из фельетонов образование) может одержать верх и уверить слушателей своих в чем угодно, получить благодарность и уйти, глубоко уважая себя. Разумеется, при несомненном условии быть либеральным, — об этом уже нечего и упоминать. В другой раз мне, тоже в вагоне и тоже недавно, случилось выслушать целый трактат об атеизме. Оратор, светского и инженерного вида господин, вида, впрочем, угрюмого, но с болезненной жаждою слушателя, начал с монастырей. В монастырском вопросе он не знал самого первого слова: он принимал существование монастырей за нечто неотъемлемое от догматов веры, воображал, что монастыри содержатся от государства и дорого стоят казне, и, забывая, что монахи совершенно свободная ассоциация лиц, как и всякая другая, требовал во имя либерализма их уничтожения, как какую-то тиранию. Он кончил совершенным и безбрежным атеизмом на основании естественных наук и математики. Он ужасно часто повторял о естественных науках и математике, не приведя, впрочем, ни одного факта из этих наук в продолжение всей своей диссертации. Говорил опять-таки он один, а прочие только слушали: «Я научу сына моего быть честным человеком, и вот и всё», — порешил он в заключение в полной и очевидной уверенности, что добрые дела, нравственность и честность есть нечто данное и абсолютное, ни от чего не зависящее и которое можно всегда найти в своем кармане, когда понадобится, без трудов, сомнений и недоумений. Этот господин имел тоже необыкновенный успех. Тут были офицеры, старцы, дамы и взрослые дети. Его горячо благодарили, расставаясь, за доставленное удовольствие, причем одна дама, мать семейства, щеголевато одетая и очень недурная собою, громко и с милым хихиканием объявила, что она теперь совершенно убеждена, что в душе ее «один только пар». Этот господин тоже, должно быть, ушел с необыкновенным чувством уважения к себе.

Вот это-то уважение к себе и сбивает меня с толку. Что есть дураки и болтуны, — конечно, тому нечего удивляться; но господин этот, очевидно, был не дурак. Наверно тоже не негодяй, не мошенник; даже очень может быть, что честный человек и хороший отец. Он только ровно ниего не понимал в тех вопросах, которые взялся разрешить. Неужто ему не придет в голову через час, через день, через месяц: «Друг мой, Иван Васильевич (или там кто бы ни было), вот ты спорил, а ведь ты ровно ничего не понимаешь в том, об чем трактовал. Ведь ты это лучше всех знаешь. Ты вот ссылался на естественные науки и математику —

а ведь тебе лучше всех известно, что ты свою скудную математику, из твоей специальной школы, давно забыл, да и там-то нетвердо знал, а в естественных науках никогда не имел никакого понятия. Как же ты говорил? Как же ты учил? Ведь ты же понимаешь, что только врал, а между тем до сих пор гордишься собою; и не стыдно это тебе?»

Я убежден, что он мог задать себе все эти вопросы, несмотря на то что, может быть, занят «делом» и нет у него времени на праздные вопросы. Я даже несомненно убежден, что они, хоть вскользь, а побывали в его голове. Но *ему не было стыдно, ему не было совестно*! Вот эта-то известного рода бессовестность русского интеллигентного человека — решительный для меня феномен. Что в том, что она у нас так сплошь да рядом обыкновенна и все к ней привыкли и пригляделись; она все-таки остается фактом удивительным и чудесным. Она свидетельствует о таком равнодушии к суду над собой своей собственной совести, или, что то же самое, о таком необыкновенном собственном неуважении к себе, что придешь в отчаяние и потеряешь всякую надежду на что-нибудь самостоятельное и спасительное для нации, даже в будущем, от таких людей и такого общества. Публика, то есть внешность, европейский облик, раз навсегда данный из Европы закон, — эта публика производит на всякого русского человека действие подавляющее: в публике он европеец, гражданин, рыцарь, республиканец, с совестью и с своим собственным твердо установленным мнением. Дома, про себя, — «Э, черт ли в мнениях, да хошь бы высекли!» Поручик Пирогов, сорок лет тому назад высеченный в Большой Мещанской слесарем Шиллером, был страшным пророчеством, пророчеством гения, так ужасно угадавшего будущее, ибо Пироговых оказалось безмерно много, так много, что и не пересечь. Вспомните, что поручик сейчас же после приключения съел слоеный пирожок и отличился в тот же вечер в мазурке на именинах у одного видного чиновника. Как вы думаете: когда он откалывал мазурку и вывертывал, делая па, свои столь недавно оскорбленные члены, думал ли он, что его всего только часа два как высекли? Без сомнения думал. А было ли ему стыдно? Без сомнения нет! Проснувшись на другой день поутру, он наверно сказал себе: «Э, черт, стоит ли начинать, коли никто не узнает! . .» Это «стоит ли начинать», конечно, с одной стороны, намекает на такую способность уживчивости со всем чем угодно, а вместе с тем и на такую широту нашей русской природы, что пред этими качествами бледнеет и гаснет даже всё безграничное. Двухсотлетняя отвычка от малейшей самостоятельности характера и двухсотлетние плевки на свое русское лицо раздвинули русскую совесть до такой роковой безбрежности, от которой... ну чего можно ожидать, как вы думаете?

Я убежден, что поручик в состоянии был дойти до таких столпов или до такой безбрежности, что, может быть, в тот же вечер

своей даме в мазурке, старшей дочери хозяина, объяснился в любви и сделал формальное предложение. Бесконечно *трагичен* образ этой барышни, порхающей с этим молодцом в очаровательном танце и не знающей, что ее кавалера всего только час как высекли и что это ему совсем ничего. Ну а как вы думаете, если б она узнала, а предложение все-таки было бы сделано — вышла бы она за него (разумеется, под условием, что более уж никто не узнает)? Увы, непременно бы вышла!

А все-таки из числа Пироговых и вообще всех «безбрежных», кажется, можно исключить огромное большинство наших женщин. В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине всё это было выше, чем у мужчин. Это несомненно, несмотря на все даже теперешние уклонения. Женщина меньше лжет, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти нет нелгущих, — я говорю про теперешний момент нашего общества. Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она *серьезнее,* чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб *казаться.* Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?

XVI

ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФАЛЬШЕЙ

Некоторые из наших критиков заметили, что я в моем последнем романе «Бесы» воспользовался фабулой известного нечаевского дела; но тут же заявили, что собственно портретов или буквального воспроизведения нечаевской истории у меня нет; что взято явление и что я попытался лишь объяснить возможность его в нашем обществе, и уже в смысле общественного явления, а не в виде анекдотическом, не в виде лишь описания московского частного случая. Всё это, скажу от себя, совершенно справедливо. До известного Нечаева и жертвы его, Иванова, в романе моем лично я не касаюсь. Лицо *моего* Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева. Я хотел поставить вопрос и, сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны — не Нечаев, а *Нечаевы,* и каким образом может случиться, что эти *Нечаевы* набирают себе под конец нечаевцев?

И вот недавно — впрочем, уже с месяц назад — прочел я в «Русском мире» следующие любопытные строки:

«. . .нам кажется, что нечаевское дело могло убедить, что *учащаяся* молодежь в подобных безумствах не бывает у нас замешана. Идиотический фанатик, вроде Нечаева, мог найти себе прозелитов только среди праздной, недоразвитой и вовсе не учащейся молодежи».

И далее:

«. . . тем более что еще на днях министр народного просвещения (в Киеве) заявил, что после осмотра учебных заведений в 7 округах он может сказать, что „*в последние годы молодежь несравненно серьезнее относится к делу науки, несравненно более и основательнее работает*“».

Сами по себе, то есть судя безотносительно, строки эти довольно ничтожны (автор, надеюсь, извинит меня). Но в них есть выверт и старая приевшаяся ложь. Полная и основная идея в том, что Нечаевы если и являются у нас иногда, то непременно все они идиоты и фанатики, а если им и удастся найти себе прозелитов, то непременно «*только* среди праздной, недоразвитой и *вовсе* не учащейся молодежи». Не знаю, что именно хотел доказать этим вывертом собственно автор статейки «Русского мира»: хотел ли он польстить учащейся молодежи? Или, напротив, хитрым маневром и, так сказать, в виде ласкательства думал ее же поднадуть немного, но только с самыми почтенными целями, — то есть для ее же пользы, — и для достижения цели употребил столь известный прием гувернанток и нянюшек с маленькими ребятками: вот, дескать, милые дети, видите, какие *те* нехорошие буяны, кричат и дерутся, и их непременно высекут за то, что они такие «недоразвитки»; вы же вот такие милые хваленые паиньки, за столом сидите прямо, ножками под столом не болтаете, и вам за это непременно гостинцу дадут. Или, наконец, просто-запросто автору захотелось «защитить» нашу учащуюся молодежь перед правительством и употребить для сего прием, который сам он, может быть, считает необыкновенно хитрым и тонким?

Прямо скажу: хотя я поставил все эти вопросы, но личные цели автора статейки «Русского мира» не возбуждают во мне ни малейшего любопытства. И даже, чтоб оговориться окончательно, прибавлю, что ложь и старый приевшийся выверт выраженной «Русским миром» мысли я наклонен считать в настоящем случае чем-то неумышленным и нечаянным, то есть что сам автор статейки совершенно поверил словам своим и принял их за правду с тем высшим простодушием, которое так похвально и даже трогательно по своей беззащитности во всяком другом случае. Но кроме того, что ложь, принятая за правду, имеет всегда самый опасный вид (несмотря даже на то, что является в «Русском мире»), — кроме того, бросается в глаза и то, что никогда еще не являлась она в столь обнаженном, точном и безыскусственном виде, как в этой статейке. Подлинно, заставь иного человека молиться богу, и он лоб расшибет. Вот в этом-то виде и любопытно проследить эту ложь и вывести ее на свет по возможности, ибо когда-то еще дождешься в другой раз такой безыскусственной откровенности!

Вот уже с незапамятных псевдолиберальных наших времен в нашей газетной прессе принято за правило «защищать моло-

дежь», — против кого? против чего? — это иногда остается во мраке неизвестности и таким образом часто принимает пребестолковый и даже прекомический вид, особенно при нападениях на другие органы печати в том смысле, что «вот, дескать, мы либеральнее, а вы-то нападаете на молодежь, стало быть, вы ретрограднее. Замечу в скобках, что в той же статейке «Русского мира» есть обвинение, прямо направленное на «Гражданин», в том, что в нем будто бы сплошь обвиняют нашу учащуюся молодежь в Петербурге, Москве и в Харькове. Не говоря уже о том, что автор статейки сам *отлично хорошо знает,* что ничего подобного этому поголовному и сплошному обвинению у нас нет и не было, я просто попрошу нашего обвинителя объяснить: что значит обвинять молодежь поголовно? Я совершенно не понимаю этого! Это, конечно, значит сплошь почему-то не любить всю молодежь, — и не столько даже молодежь, сколько известный возраст наших молодых людей! Что за сумбур? Кто может поверить такому обвинению? Ясно, что и обвинение и защита сделаны сплеча, даже не думавши много. Стоит, дескать, об этом задумываться: показал, что сам либерален, что хвалю молодежь, что ругаю тех, которые ее не хвалят, ну и довольно для подписки, и с плеч долой! Именно с плеч долой — ибо только самый злейший враг нашей молодежи мог бы решиться защищать ее *таким образом* и наткнуться на такой удивительный выверт, на какой наткнулся (нечаянно — я убежден в этом теперь более, чем когда-нибудь) простодушный автор статейки «Русского мира».

В том-то и вся важность, что прием этот не выдумка одного только «Русского мира», а прием, общий многим органам нашей псевдолиберальной прессы, и там, может быть, он делается уже не столь простодушно. Сущность его, *во-первых*, в сплошной похвале молодежи, во всем и во всяком случае, и в грубых нападках на всех тех, которые при случае позволят себе отнестись даже и к молодежи критически. Прием этот основан на смешном предположении, что молодежь настолько еще не доросла и так любит лесть, что не разберет и примет всё за чистую монету. И вправду, достигли того, что уже очень многие из молодежи (мы твердо верим, что далеко не все) действительно полюбили грубую похвалу, требуют себе лести и без разбора готовы обвинить всех тех, кто не потакает им сплошь и на всяком шагу, особенно в иных случаях. Впрочем, тут пока еще вред всего только временный; с опытом и с возрастом и взгляды молодежи изменятся. Но есть и другая сторона лжи, которая влечет уже непосредственный и вещественный вред.

Эта другая сторона приема «защиты нашей молодежи пред обществом и перед правительством» состоит в простом *отрицании факта*, иногда самом грубом и нахальном; нет, дескать, факта, не было его и быть не могло; кто говорит, что он был, значит, клевещет на молодежь, значит, враг нашей молодежи!

Вот прием. Повторяю, самый злейший враг нашей молодежи не выдумал бы ничего вреднее для прямых ее интересов. Мне непременно хочется доказать это.

Отрицанием факта во что бы ни стало можно достигнуть удивительных результатов.

Ну что вы тем докажете, господа, и чем облегчите дело, если начнете удостоверять (и, главное, бог знает для чего), что «увлекающаяся» молодежь, то есть те, которые могут «увлечься» (пусть даже и Нечаевым), непременно должны состоять из одних только «праздных недоразвитков», из тех, которые *вовсе* не учатся, — одним словом, из шалопаев с самыми дурными наклонностями? Таким образом, уединяя дело, выводя его из сферы учащихся и сводя непременно лишь на «праздных недоразвитков», вы тем самым уже заранее обвиняете этих несчастных и отказываетесь от них окончательно: «Сами виноваты, буяны и ленивцы, и смирно за столом не умели сидеть». Уединяя случай и лишая его права быть рассмотренным в связи с общим целым (а в этом-то и состоит единственная возможная защита несчастных «заблудшихся»!), вы тем самым не только как бы подписываете им окончательный приговор, но даже удаляете от них самое милосердие, ибо прямо удостоверяете, что сами заблуждения их произошли единственно от отвратительных качеств их и что эти юноши, даже и без всякого преступления, должны возбуждать к себе презрение и отвращение.

С другой стороны, вдруг случится, что в каком-нибудь *деле* оказались бы замешанными вовсе не недоразвитки, вовсе не буяны, болтающие ногами под столом, вовсе не одни ленивцы, а, напротив, молодежь прилежная, горячая, именно учащаяся и даже с хорошим сердцем, а только лишь дурно направленная? (поймите это слово: *направленная*. Где, в какой Европе найдете вы теперь более шатости во всевозможных направлениях, как у нас в наше время!) И вот, по вашей теории «лентяев и недоразвитков», эти новые «несчастные» окажутся уже втрое виновнее: «Им были средства даны, они прошли курс наук, они основательно работали, — нет у них оправданий! Они втрое менее, чем праздные недоразвитки, могут заслуживать милосердия!» Вот результат, прямо выходящий из вашей теории.

Позвольте, господа (я говорю вообще, а не одному только сотруднику «Русского мира»), вы, на основании «отрицания факта», утверждаете, что Нечаевы непременно должны быть идиотами, «идиотическими фанатиками». Так ли это опять? Справедливо ли? Устраняю в настоящем случае Нечаева, а говорю «Нечаевы», во множественном числе. Да, из Нечаевых могут быть существа весьма мрачные, весьма безотрадные и исковерканные, с многосложнейшей по происхождению жаждой интриги, власти, с страстной и болезненно-ранней потребностью выказать лич-

ность, но — почему же они «идиоты»? Напротив, даже настоящие монстры из них могут быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми. Или вы думаете, что знания, «научки», школьные сведеньица (хотя бы университетские) так уже окончательно формируют душу юноши, что с получением диплома он тотчас же приобретает незыблемый талисман раз навсегда узнавать истину и избегать искушений, страстей и пороков. Таким образом, все эти кончившие курс наук юноши станут тотчас же, по-вашему, чем-то вроде множества маленьких пап, не подлежащих прегрешению.

И почему вы полагаете, что Нечаевы непременно должны быть фанатиками? Весьма часто это просто мошенники. «Я мошенник, а не социалист», — говорит один Нечаев, положим, у меня в моем романе «Бесы», но уверяю вас, что он мог бы сказать это и наяву. Это мошенники очень хитрые и изучившие именно великодушную сторону души человеческой, всего чаще юной души, чтоб уметь играть на ней как на музыкальном инструменте. Да неужели же вы вправду думаете, что прозелиты, которых мог бы набрать у нас какой-нибудь Нечаев, должны быть непременно лишь одни шалопаи? Не верю, не все; я сам старый «нечаевец», я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных. Почти вся эта компания кончила курс в самых высших учебных заведениях. Некоторые впоследствии, *когда уже всё прошло,* заявили себя замечательными специальными знаниями, сочинениями. Нет-с, нечаевцы не всегда бывают из одних только лентяев, совсем ничему не учившихся.

Знаю, вы, без сомнения, возразите мне, что я вовсе не из нечаевцев, а всего только из петрашевцев. Пусть из петрашевцев (хотя, по-моему, название это неправильное; ибо чрезмерно большее число, в сравнении с стоявшими на эшафоте, но совершенно таких же, как мы, петрашевцев, осталось совершенно нетронутым и необеспокоенным. Правда, они никогда и не знали Петрашевского, но совсем не в Петрашевском было и дело во всей этой давнопрошедшей истории, вот что я хотел лишь заметить).

Но пусть из петрашевцев. Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую же дорогу, *в случае если б так обернулось дело*? Конечно, тогда и представить нельзя было: как бы это могло *так обернуться дело*? Не те совсем были времена. Но позвольте мне про себя одного сказать: *Нечаевым,* вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем,* не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности.

Я заговорил теперь про себя, чтоб иметь право говорить о других. Тем не менее буду продолжать только об одном себе, о других же если и упомяну, то вообще, безлично и в смысле совершенно отвлеченном. *Дело* же петрашевцев — это такое давнопро-

шедшее дело, принадлежит к такой древнейшей истории, что, вероятно, не будет никакого вреда из того, что я о нем припоминаю, тем более в таком скользком и отвлеченном смысле.

«Монстров» и «мошенников» между нами, петрашевцами, не было ни одного (из стоявших ли на эшафоте, или из тех, которые остались нетронутыми, — это всё равно). Не думаю, чтобы кто-нибудь стал опровергать это заявление мое. Что были из нас люди образованные — против этого, как я уже заметил, тоже, вероятно, не будут спорить. Но бороться с известным циклом идей и понятий, тогда сильно укоренившихся в юном обществе, из нас, без сомнения, еще мало кто мог. Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе, и европейские коноводы социалистов даже отвергали его.

Луи Блана напрасно били по щекам и таскали за волосы (как нарочно, густейшие длинные и черные волосы) члены-товарищи его Национального собрания, депутаты правой стороны, из рук которых вырвал его тогда Араго (астроном, член правительства, теперь уже умерший), в то несчастное утро в мае месяце 48 года, когда в палату ворвалась толпа нетерпеливых и голодных работников. Бедный Луи Блан, некоторое время член временного правительства, вовсе не возмущал их: он только лишь читал в Люксембургском дворце этим жалким и голодным людям, вследствие революции и республики разом потерявшим работу, об их «праве на работу». Правда, так как он все-таки был членом правительства, то лекции его в этом смысле были ужасно неполитичны и, конечно, смешны. Журнал же Консидерана, равно как статьи и брошюры Прудона, стремились распространить между этими же голодными и ничего за душой не имевшими работниками, между прочим, и глубокое омерзение к праву наследственной собственности. Без сомнения, из всего этого (то есть из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства) произошел впоследствии социализм политический, сущность которого, несмотря на все возвещаемые цели, покамест состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем «будь что будет». (Ибо по-настоящему ничего еще не решено, чем будущее общество заменится, а решено лишь только, чтоб настоящее провалилось, — и вот пока вся формула политического социализма.) Но тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете. Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным

влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю *правду* этого грядущего «обновленного мира» и во всю *святость* будущего коммунистического общества еще Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло. Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда *зараженных,* но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, — те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться. Итак, почему же вы думаете, что даже убийство à la Нечаев остановило бы если не всех, конечно, то по крайней мере некоторых из нас в то горячее время, среди захватывающих душу учений и потрясающих тогдашних европейских событий, за которыми мы, совершенно забыв отечество, следили с лихорадочным напряжением?

Чудовищное и отвратительное московское убийство Иванова, безо всякого сомнения, представлено было убийцей Нечаевым своим жертвам «нечаевцам» как дело политическое и полезное для будущего «общего и *великого* дела». Иначе понять нельзя, как несколько юношей (кто бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступление. Опять-таки в моем романе «Бесы» я попытался изобразить те многоразличные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же чудовищного злодейства. Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всем свете так, всегда и с начала веков, во времена переходные, во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шатости в основных общественных убеждениях. Но у нас это более чем где-нибудь возможно, и именно в наше время, и эта черта есть самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени. В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, — вот в чем наша современная беда!

Чем же так особенно защищена молодежь в сравнении с другими возрастами, что вы, господа защитники ее, чуть лишь только она занималась и училась прилежно, немедленно требуете от нее такой стойкости и такой зрелости убеждений, какой не было

даже у их отцов, а теперь менее чем когда-нибудь есть. Наши юные люди наших интеллигентных сословий, развитые в семействах своих, в которых всего чаще встречаете теперь недовольство, нетерпение, грубость невежества (несмотря на интеллигентность классов) и где почти повсеместно настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса; где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время, — тут ли, из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни? Вот где начало зла: в предании, в преемстве идей, в вековом национальном подавлении в себе всякой независимости мысли, в понятии о сане европейца под непременным условием неуважения к самому себе как к русскому человеку!

Но вы этим слишком общим указаниям, кажется, не поверите. «Образование, — твердите вы, — прилежание»; «праздные недоразвитки», — повторяете вы. Заметьте, господа, что все эти европейские высшие учители наши, свет и надежда наша, все эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрят иногда на нравственные обязанности современного человека. А между тем это уже не лентяи, ничему не учившиеся, и не буяны, болтающие ногами под столом. Вы засмеетесь и спросите: к чему вздумалось мне заговорить непременно об этих именах? А потому, что трудно и представить себе, говоря о нашей молодежи, интеллигентной, горячей и учащейся, чтоб эти имена, например, миновали ее при первых шагах ее в жизни. Разве может русский юноша остаться индифферентным к влиянию этих предводителей европейской прогрессивной мысли и других им подобных, и особенно к русской стороне их учений? Это смешное слово о «русской стороне их учений» пусть мне простят, единственно потому что эта русская сторона этих учений существует действительно. Состоит она в тех выводах из учений этих в виде несокрушимейших аксиом, которые делаются только в России; в Европе же возможность выводов этих, говорят, даже и не подозреваема. Мне скажут, пожалуй, что эти господа вовсе не учат злодейству; что если, например, хоть бы Штраус и ненавидит Христа и поставил осмеяние и оплевание христианства целью всей своей жизни, то всё-таки он обожает человечество в его целом и учение его возвышенно и благородно как нельзя более. Очень может быть, что это всё так и есть и что цели всех современных предводителей европейской прогрессивной мысли человеколюбивы и величественны. Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность

разрушить старое общество и построить заново — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что всё здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома. Европа, по крайней мере в высших представителях своей мысли, отвергает Христа, мы же, как известно, обязаны подражать Европе.

Есть исторические моменты в жизни людей, в которые явное, нахальное, грубейшее злодейство может считаться лишь величием души, лишь благородным мужеством человечества, вырывающегося из оков. Неужели нужны примеры, неужели их не тысячи, не десятки, не сотни тысяч?.. Тема эта, конечно, мудреная и необъятная, и на нее очень трудно вступать в фельетонной статье, но все-таки в результате, я думаю, можно допустить и мое предположение: что даже и честный и простодушный мальчик, даже и хорошо учившийся, может подчас обернуться нечаевцем... разумеется опять-таки если попадет на Нечаева; это уже sine qua non ...[1]

Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех; но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений. Это дело давнопрошедшее, а потому, может быть, и возможен будет вопрос: неужели это упорство и нераскаяние было только делом дурной натуры, делом недоразвитков и буянов? Нет, мы не были буянами, даже, может быть, не были дурными молодыми людьми. Приговор смертной казни расстрелянием, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь в себя и проверяя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь, может быть, и раскаивались в иных тяжелых делах своих (из тех, которые у каждого человека всю жизнь лежат в тайне на совести); но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится! И так продолжалось долго. Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга. Нет, нечто другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца

---

[1] непременное условие (буквально: без чего нет) (*лат.*).

наши (я, разумеется, позволяю себе говорить лишь о тех из нас, об изменении убеждений которых уже стало известно и тем или другим образом засвидетельствовано ими самими). Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастии, понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его.

Повторяю, это не так скоро произошло, а постепенно и после очень-очень долгого времени. Не гордость, не самолюбие мешали сознаться. А между тем я был, может быть, одним из тех (я опять про себя одного говорю), которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня. Я очень часто задумываюсь и спрашиваю себя теперь: какие впечатления, большею частию, выносит из своего детства уже теперешняя современная нам молодежь? И вот если даже и мне, который уже естественно не мог высокомерно пропустить мимо себя той новой роковой среды, в которую ввергло нас несчастие, не мог отнестись к явлению перед собой духа народного вскользь и свысока, — если и мне, говорю я, было так трудно убедиться наконец во лжи и неправде почти всего того, что считали мы у себя дома светом и истиной, то каково же другим, еще глубже разорвавшим с народом, где разрыв преемствен и наследствен еще с отцов и дедов? . .

Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения моих убеждений, тем более что это, может быть, и не так любопытно; да и не идет как-то к фельетонной статье . . .
. . . .
. . . .

Господа защитники молодежи нашей, возьмите, наконец, ту среду, то общество, в котором она возрастает, и спросите себя: может ли быть в наше время что-нибудь менее защищено от *известных влияний*?

Прежде всего поставьте вопрос: если сами отцы этих юношей не лучше, не крепче и не здоровее их убеждениями; если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах

своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное (большею частию) отрицание; если слово «отечество» произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой, если к делу России все воспитывавшие их относились с презрением или равнодушием; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях «общечеловеческих»; если еще в детстве их прогоняли их нянек за то, что те над колыбельками их читали «Богородицу», — то скажите: что можно требовать от этих детей и — гуманно ли при защите их, если таковая потребуется, отделываться одним лишь отрицанием факта?

Недавно я наткнулся в газетах на следующее entrefilet:[1]

«„Камско-Волжская газета" сообщает, что на днях три *гимназиста* 2-ой казанской гимназии, 3-го класса, *привлечены к ответственности* по обвинению в каком-то преступлении, имеющем связь с *их предполагавшимся бегством в Америку*» («С.-Пет⟨ербургские⟩ вед⟨омости⟩», 13 ноября).

Двадцать лет назад известие о каких-то бегущих в Америку гимназистах из 3-го класса гимназии показалось бы мне сумбуром. Но уж в одном том обстоятельстве, что *теперь* это не кажется мне сумбуром, а вещью, которую, напротив, я *понимаю*, уже в одном этом я вижу в ней и ее оправдание!

Оправдание! Боже мой, возможно ли так сказать!

Я знаю, что это не первые гимназисты, что уже бежали раньше их и другие, а те потому, что бежали старшие братья и отцы их. Помните вы рассказ у Кельсиева о бедном офицерике, бежавшем *пешком*, через Торнео и Стокгольм, к Герцену в Лондон, где тот определил его в свою типографию наборщиком? Помните рассказ самого Герцена о том *кадете*, который отправился, кажется, на Филиппинские острова заводить коммуну и оставил ему 20 000 франков на будущих эмигрантов? А между тем всё это уже древняя история! С тех пор бежали в Америку изведать «свободный труд в свободном государстве» старики, отцы, братья, девы, гвардейские офицеры... разве только что не было одних семинаристов. Винить ли таких маленьких детей, этих трех гимназистов, если и их слабыми головенками одолели *великие идеи* о «свободном труде в свободном государстве» и о коммуне и об общеевропейском человеке; винить ли за то, что вся эта дребедень кажется им религией, а абсентизм и измена отечеству — добродетелью? А если винить, то в какой же степени — вот вопрос.

Автор статейки «Русского мира» в подкрепление своей идеи, что в «подобных безумствах» замешаны у нас лишь *одни* лентяи и праздношатающиеся недоразвитки, приводит столь известные и отрадные слова министра народного просвещения, недавно

[1] заметка (*франц.*).

высказанные им в Киеве, о том, что он имел случай убедиться после осмотра учебных заведений в 7 учебных округах, что «*последние годы молодежь несравненно серьезнее относится к делу науки, несравненно более и основательно работает*».

Да, это, конечно, слова отрадные, слова, в которых, может быть, *единственная* надежда наша. В учебной реформе нынешнего царствования — чуть не *вся* наша будущность, и мы знаем это. Но сам же министр просвещения, помнится, заявил в той же речи своей, что еще долго ждать окончательных результатов реформы. Мы всегда веровали, что наша молодежь слишком способна отнестись к делу науки серьезнее. Но пока еще кругом нас такой туман фальшивых идей, столько миражей и предрассудков окружает еще и нас и молодежь нашу, а вся общественная жизнь наша, жизнь отцов и матерей этой молодежи, принимает всё более и более такой странный вид, что поневоле приискиваешь иногда всевозможные средства, чтобы выйти из недоумения. Одно из таких средств — самим быть поменее бессердечными, не стыдиться хоть иногда, что вас кто-нибудь назовет гражданином, и... хоть иногда сказать правду, если б даже она была и недостаточно, по-вашему, либеральна.

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН»

1873—1878

НАШИ МОНАСТЫРИ (ЖУРНАЛ «БЕСЕДА» 1872 г.)

Это ряд статей в журнале «Беседа» о богатствах наших монастырей. Автор руководствовался и точными данными, и собственными соображениями при определении разных весьма любопытных арифметических выводов, которыми изобилует его статья. В конце концов выведено, что каждый монах «обходится государству» в 1155 рублей средним числом. Видно, что автор обладает подходящими сведениями и чрезвычайно много употребил рвения и труда на свою работу. Верна ли цифра, во что «обходится государству» монах, и насколько она подходит к истине — мы разбирать не станем. Статья уже вызвала кое-какие ответы «обиженных». Мы не обиженные и хотим заметить другое.

Мы сами питаем омерзение к монаху-плотоугоднику, напивающемуся и наедающемуся, жадному, торгующему святыней, копящему деньги, зашивающему их в клобук, жестокосердому и, если верно одно недавнее известие, убивающему жестокими побоями десятилетнего мальчика за шалость в школе. Цифра 1155 р. для содержания монаха по-нашему неприлично и возмутительно велика. (Заметим еще раз, что она средняя и что, конечно, есть в России весьма бедные монахи, и даже, может быть, большинство.) И при всем том мы никогда не согласимся с выражением автора, что содержание монаха «обходится государству» в такую-то сумму. Монах «обходится» не государству в такую-то сумму, а народу, и народ жертвует эту огромную сумму (почти 8 милл. по расчету автора) на монастыри сам, добровольно, и никогда даяние его не бывало более добровольным. Сказав это, представим еще другое соображение: ведь эти богатства, раз приобретенные, становятся собственностию приобревших, и какое бы нам было дело до того, как тратится эта собственность, по

скольку именно приходится на каждого собственника, по скольку на сбережения, на откладываемые и накопляемые впредь капиталы? Ведь это собственность частных лиц; не считаем же мы, как такой-то и такой-то барин, купец, крестьянин употребляют свое имущество, не заглядываем к ним на кухню, не считаем куски, не тревожимся о том, что именно они в рот несут...

Вот то-то и есть, что тут поневоле приходит другая мысль:

«Священное сословие должно и держать себя в святости, не плотоугодничать, не копить, подавать пример воздержания, нищеты даже, и что если всё происходит обратно, то теряется цель, польза и сердце возмущается при виде столь жирно награждаемой праздности, невоздержности и проч. и проч.». Статья именно наводит на такую мысль, и, без сомнения, в том ее главная цель.

И прекрасно бы. Ведь уж как бы желательно, чтобы святые отцы, вместо того чтобы копить и так малодушно заботиться о своей обеспеченности, продолжали бы, и получая богатства, жить в прежней нищете и воздержности, приличной монаху, подавать собою святой пример беспрерывно, гореть сердцами ко господу, а на огромные получаемые суммы приносить пользу ближнему, благодетельствовать всему округу, в котором расположен монастырь; питать голодных в голодные годы, учить детей, делиться с неимущими священниками, — быть, одним словом, премудрыми и чистыми сердцем, посредниками между подающими лепты от горячего сердца своего и нуждающимися, обремененными. Какой был бы, кажется, подвиг, как бы это было светло, прекрасно, премудро!

Произносить подобные пожелания — умилительно; да и нельзя избежать их; беда в том, что можно иногда впасть в чрезвычайную ложь. Во-первых, народ, подающий свои деньги монахам, наверно дает им не для того, чтобы они упивались и объедались, да и не им собственно, а господу. (Мы исключаем в этом случае иных барынь-богомолок; мы про народ говорим.) Юстиция, народное образование (о которых автор сетует, что они обходятся государству в такую же сумму, как и монахи), конечно, важные вещи; но и умиление сердечное, религиозное чувство тоже очень важны, если еще сохраняются в обществе, и наверно стоят и юстиции и народного образования. Горе обществу, не имеющему религиозного умиления. Нашим рационалистам, разумеется, жаль, что это умиление тратится, по-видимому, так нерационально. Лучше бы народ прямо давал на школы и на богадельни, без посредников, не так ли? Лучше бы продать это благовонное миро и раздать бедным, не так ли? — вспомните эту евангелическую историю.

Существуют искони некоторые приемы обличения, крайне парадоксальные, но чрезвычайно метко достигающие цели. Например: «это люди святые, стало быть, и должны жить свято, но так как мы видим обратное, то»... вывод ясен. И это чрезвычайно действует. В подтверждение выставляется целый ряд неот-

разимых фактов, которые всем были известны, но не производили известного действия, пока их не сгруппировали в целую систему с известною целью. Отсюда выходят иногда преудивительные выводы.

В сущности, в этой группировке фактов всегда заключается только половина правды, а лишь половина всей правды, по-нашему, хуже лжи. Прямую ложь еще можно опровергнуть, но как опровергнуть целую систему фактов, если они справедливы? Мы знаем, что еще при святом Феодосии, при самом основании Киево-Печерской лавры, уже находились некоторые точно такие же плотоугодники и малодушные в числе собравшейся братьи. Мы знаем, что грех, эгоизм и даже злодеяние являлись тотчас же даже в самых первых христианских обществах, еще при самом основании христианства. Указывая на это, мы вовсе не предлагаем склониться перед историческим фактом или, вернее, законом и успокоиться; это было бы омерзительно. Но если грех и мерзость были еще и при святом Феодосии и в первые времена христианства, то были зато и сам св. Феодосий, и мученики за Христа, и основатели христианства, и основатели всего современного христианского общества. А ведь в этом и всё. Кто знает, может, и в современных русских монастырях есть много чистых сердец людей, жаждущих умиления духовного, страждущих сердцем, для которых, несмотря на всю либеральность нашего века, монастырь есть исход, неутолимая духовная потребность... Мы не хотим насилия и к обновлению общества приступать деспотически.

Но тут, без сомнения, вступится автор и заявит, что он вовсе не о том говорил, что это уже совсем другой предмет и другая материя, а что говорил только об одних лишь богатствах и доходах наших монастырей.

Что же? автор будет, пожалуй, и прав; а мы все-таки повторим ему, что половина правды не только есть ложь, но даже и хуже лжи. Благодарим за доставленные материалы, но не за систему их группировки.

ЗАСЕДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 28 МАРТА

Мы сообщали в свое время своим читателям о двух заседаниях общества любителей духовного просвещения, из которых в одном г-н Филиппов читал свое рассуждение «о нуждах единоверия», а в другом профессор Петербургской духовной академии г-н Нильский предложил свои возражения против означенного рассуждения. Так как в этом последнем заседании для обратных возражений со стороны г-на Филиппова не осталось времени (г-н Нильский кончил свою речь в половине двенадцатого), то решено было для окончательных объяснений между учеными соперниками назначить следующее заседание. Понятно, с каким лю-

бопытством ожидалась эта решительная встреча между доводами той и другой стороны и сколько занимательности по этому случаю обещало новое заседание Общества, которое и было наконец назначено на 28-е марта. Но каково же было общее разочарование, когда, по прибытии в заседание, члены Общества узнали, что г-н Нильский, условившийся, как нам известно, предварительно с г-ном Филипповым о порядке предстоявшего им состязания, в заседание Общества не явился по причине, как мы слышали, внезапной болезни.

Откладывать долее объяснения с г-ном Нильским для г-на Филиппова не представлялось никакой возможности, так как и без того дело это затянулось и рассуждения по возбужденному им вопросу отодвинули на дальний план все другие дела Общества, и потому г-ном председателем было предложено г-ну Филиппову сообщить приготовленные им опровержения доводов г-на Нильского, несмотря на отсутствие противника.

Между тем из заявления г-на Филиппова, сделанного в начале его речи, мы узнали, что он особенно дорожил изустными, перед членами Общества, объяснениями с г-ном Нильским как с лучшим знатоком дела в Петербурге; что с этою целию он перед своим чтением обращался к совету Общества с просьбою пригласить г-на Нильского, в ту пору не бывшего еще членом Общества, хотя гостем и что, следовательно, самое появление возражений, предложенных г-ном Нильским в предшествовавшем собрании, было вызвано искренним желанием г-на Филиппова сколь возможно ближе уяснить как себе, так и Обществу существенные черты возбужденного им весьма важного для церкви и народа вопроса.

Конечно, и печатные объяснения, которые должны еще последовать между г-дами Филипповым и Нильским по этому делу, будут иметь свое значение и цену; но в печати гораздо легче уклониться от стеснительного возражения противника и вывернуться из такого состояния, при котором в случае изустного состязания пришлось бы поневоле положить оружие. Как долго можно вести заочную полемику против очевиднейших истин, тому примеров так много на каждом шагу, что мы считаем излишним на этом долее останавливаться. Можно, правда, и при устной беседе позволить себе то и другое; но это гораздо уже труднее, особенно при свидетелях.

За неимением достаточного времени объяснения г-на Филиппова только слегка коснулись первой части его рассуждения, в которой, как наши читатели припомнят, он доказывает, что некоторые из правил единоверия находятся в противоречии с постоянным воззрением церкви на свободу обряда, и вовсе не тронули вопроса о необходимости соборного пересмотра постановления 13 мая 1667 года, развитого в третьей части рассуждения. Речь его сосредоточена была преимущественно, почти исключительно, на вопросе о значении клятв, наложенных московским

собором 1667 года, по которому между ним и г-ном Нильским возникло существенное разногласие и в котором заключается, по выражению г-на Филиппова, главный узел всего возбужденного им вопроса.

Г-н Филиппов полагает, как читателям «Гражданина» уже известно, что соборным определением 13 мая 1667 г. употребление двоеперстия и некоторых других особенностей дониконовского обряда было воспрещено на будущее время безусловно, что тот, кто после этого определения решился бы удерживать эти особенности, явился бы, в силу одного этого, противником собора и что такое воспрещение дониконовского обряда продолжалось до 1763 г., то есть до царствования Екатерины II, при которой круто изменился взгляд правительства на старообрядцев. Г-н Нильский же думает, что клятвенное запрещение собора 1667 г. относится не к употреблению дониконовского обряда, а только к таким лицам, которые из-за этого обряда оставляли сами церковь, хулили ее тайны и их совершителей, — и что если бы человек от церкви не удалялся и просил бы только о том, чтобы ему дозволено было содержать дониконовский обряд, то церковная власть против этого собственно вооружаться не стала бы и к исполнению такого желания не встретила бы с своей стороны препятствий.

Так как принятый г-ном Филипповым способ объяснения с г-ном Нильским, состоявший в том, что он приводил подлинные слова тех документов, на которые ссылался как г-н Нильский, так и он сам, — так как, говорим, подобный способ изложения предмета доставлял присутствовавшим возможность активного участия в прениях, то мы, по ближайшим ознакомлениям с источниками, не колеблясь скажем, что в этом собственно вопросе г-ну Нильскому устоять против доводов его противника нет, по нашему убеждению, ни малейшей возможности. Не говоря уже про многочисленные свидетельства исторических документов, с совершенною ясностию подтверждающих взгляд г-на Филиппова на эту сторону дела, мы не можем пройти молчанием того, что в собственных статьях г-на Нильского, напечатанных в «Христианском чтении» за 1870 г., г-ном Филипповым отысканы и сообщены слушателям такие мнения, которые, если бы только скрыть имя автора, были бы непременно приписаны г-ну Филиппову или же его безусловному единомышленнику, но уж никак не г-ну Нильскому.

Дело это выяснилось до такой степени, что даже г-н Чельцов, возражавший г-ну Филиппову после его объяснений и все доступные ему средства употреблявший для защиты положений г-на Нильского, в этом собственно пункте согласился с г-ном Филипповым и нашел, что эту слишком очевидную истину доказывать с такими усилиями было, по его мнению, как бы излишне. Г-н Чельцов упустил при этом из виду одно маленькое обстоятельство: что против этой-то очевидности в прошлом заседании

Общества г-н Нильский именно и возражал в продолжение двух часов и что главная цель заседания 28 марта в том именно и состояла, чтобы разрешить разногласие, возникшее по этому собственно предмету. Впрочем, г-н Чельцов вообще в этом вопросе человек чужой и возражения его имели вид каких-то подневольных, «как будто тяжкий совершал он долг». Не всегда верный логике, но не лишенный дара свободного изустного изложения, он на этот раз, вопреки обыкновению, как-то мялся и путался и, вероятно, вследствие смущения, весьма понятного в человеке, мало с предметом знакомом, допустил в своей речи несколько весьма важных ошибок, которых в обычном и спокойном состоянии он, вероятно бы, не сделал. За всем тем самое свойство этих ошибок, которое изобличает странную неточность, сбивчивость общих богословских понятий, подействовало на нас болезненно, как признак весьма неудовлетворительного состояния науки даже в высших духовных заведениях.

ПОЖАР В СЕЛЕ ИЗМАЙЛОВЕ

Пожарный сезон! Разумеется, он наступил; не миновать же ему этот год. Между другими известиями, сообщаемыми в наши газеты, особенно характерно выдается известие в № 134 «Московских ведомостей» о пожаре в селе Измайлове, и не о пожаре собственно (пожар как пожар, везде бывают такие и много еще будет таких, по всей вероятности), но об особых обстоятельствах при этом пожаре. Вот что говорит корреспондент в заключение своего известия:

> «Вообще этот пожар замечателен во многих отношениях: недостаток в воде ощущался громадный; пруд от села отстоит далеко; у крестьян, по их нерадению и беспечности и, главное, пьянству, нет не только пожарной трубы, багра, но самого необходимого в их домашнем быту — лома, топора и ведра, так что женщины заливали огонь подойниками. Все это пропито и заложено в трактирах и кабаках».

Итак, «по нерадению, беспечности и пьянству» нет не только пожарного инструмента, трубы, багра, но даже лома нет, *топора* и *ведра,* так что женщины *заливают огонь подойниками. Всё пропито и заложено в трактирах и кабаках*! ..

И это в подмосковном известном селе! Мы как-то недавно рисовали фантастическую картину возможного и близкого будущего, когда всё будет пропито и заложено, все инструменты, — не только пожарные, но топоры, сохи, бороны. Нарубить дровец — надо будет идти к закладчику выкупать или вымаливать *на раз* топор; попахаться — тоже надо будет выкупать соху, борону. Да чего борону? Где тогда будут лошади-то? А где дом, семья, самостоятельность, порядок хоть какой-нибудь? Всё исчезало в нашем фантастическом сне: оставались лишь кулаки и жиды да всем миром закабалившиеся им общесолидарные нищие. Жиды и

кулаки, положим, будут платить за них повинности, но уж и стребуют же с них в размере тысячи на сто уплаченное! Мы старались отчураться от нашей фантазии, называли ее «скверным сном», «сном титулярного советника Поприщина», и вот уголок поприщинского сна вдруг и выглянул наружу, если верить корреспонденции «Московских ведомостей». (А почему ей не верить? Всё так художественно вероятно.) Впрочем, если заложены топоры и ведра, то всё же остались подойники, остались и вот пригодились. Не всё, стало быть, еще потеряно! Любопытно только, как остались они: при коровах или без коров? И почему, наконец, остались? Неужели подойник ничего не стоит, так что его и пропить нельзя? Отчего же он не пропит? Мы смело ставим такой вопрос, ибо, по положению дела, гораздо естественнее теперь задать вопрос: почему не пропит подойник? чем: почему он пропит?

Пусть еще погуляет народ. А там... ну а там очнется.

Кстати: кто теперь застраивает крестьянам на Руси погоревшее место? Прежде, и весьма часто, погоревшие деревни обстраивались помещиками. Этот древний, патриархальный способ (хотя и приносивший пользу) следовало бы теперь заменить способом несколько более подходящим к современному положению вещей, а именно развитием народных кредитных учреждений. Правда, в данную минуту много еще денег, если б только получились они через это «развитие», ушло бы туда же, куда и топоры с ведрами; но ведь не вечно же это так будет продолжаться. Недавно мы читали о самоубийстве одного мужичка. Он забрался зимой у подрядчика ввиду летнего заработка, чтоб прокормить семью, и вот к весне, когда надо было отправляться на работу уже даром, даже и на харчи не имея, — повесился. Любопытно при этом, как велика была забранная сумма и сколько наживают подрядчики, кабаля таким образом народ с прошлой осени на будущее лето? Но еще любопытнее то, что, какова бы ни была эта сумма, она все-таки в сущности благодеяние по теперешнему положению вещей за неимением другого кредита.

Нам случилось тоже недавно прочесть одно известие (впрочем, перепечатанное во всех газетах) из Щигровского уезда о том, что многие из зажиточных тамошних крестьян пустились вдруг продавать окрестным помещикам скопленное в течение зимы удобрение, скот, движимость, приготовляясь отправиться в Оренбургский край на переселение. Взманил весь уезд, как рассказывают, один из помещиков Фатежского уезда, купивший обширные земли в Оренбургской губернии и предложивший их переселяющимся. На призыв откликнулось до 10 000 душ (любопытно лишь, на каких условиях помещик предлагает землю?). Тотчас же началась энергическая распродажа имущества. Между тем будет ли разрешено это переселение — неизвестно, так что крестьяне могут засесть на прежнем месте еще в горшей доле, чем прежде, уже без скота и без движимости. Зная наши обычаи,

мы даже уверены, что нечто подобное выйдет в самом деле, то есть, с одной стороны, выйдет задержка (может, и необходимая), а с другой — слепая вера без всякого расчета, порыв, как обыкновенно во всех сердечных порывах нашего народа. А что тут непременно сердечный порыв и энтузиазм, в этом нет сомнения. Признаемся, мы бы очень желали, чтоб мужичкам удалось и чтобы их не задержали. Омерзело, значит, прежнее житье с прежними кабаками. Хотя корреспонденты ни слова не говорят о кабаках, но мы почему-то убеждены, что мужички, возненавидевшие старое место, бегут в обетованный край отчасти и от кабаков. Мы убеждены, что, придя на новое место, они тотчас же миром дадут зарок: не пить вина. Неужто такое серьезное дело предприняли бы с тем, чтоб на новом месте тотчас опять пропиться? Подобные переселения — спасительнейшее и любезнейшее дело, вот что. Это обновление, новая жизнь, на иных нравственных основаниях. Всё это поднятое дело останется потом в легендах семейных, а добрые воспоминания крепят семью. Даже житье на старом месте очистится в воспоминаниях и многое из старого запомнится хорошо. А оставьте-ка их теперь на месте, хотя только на будущую зиму, ну через канцелярскую задержку какую-нибудь, запретите-ка им переселиться, и к зиме это будут сплошь воры и пьяницы, озлобленные разбойники...

Между тем из Пензенской губернии всё пишут, что там число мирских приговоров о прекращении пьянства всё более и более увеличивается. Что за благодатная губерния! А главное, в пожарный сезон. Любопытно бы, если б возможно было, вывести цифру: насколько пьянство способствует усилению пожаров? Что оно способствует — это несомненно. Какой осторожности ждать от пьяного человека? А у нас ведь загорелось у одного, так сгорело и у всех. Ну а если сплошь пьяны, как, например, в большой табельный или приходский праздник? Разумеется, тут «нельзя не сгореть», и если не горят, то разве в виде какого-нибудь исключения. Так по крайней мере должно выходить по теории. В практике оно выходит несколько иначе, то есть гораздо менее выгорают, чем бы следовало по предположению. Но, боже мой, что же и делать мирским людям в праздник, если не пить? Чем заняться? Подумал ли кто-нибудь хоть раз до сих пор: чем бы это занять в праздник миллионов шестьдесят русского населения? Единственная попытка (увенчавшаяся успехом), как мы уже и объявляли раз прежде, осталась за одним колонистом-пастором, основавшим «штундистов». Там же, где нет пасторов, происходят «стенки». В «Русский мир» сообщали на днях из-под Москвы, что близ деревни Свистухи в Духов день была стенка, или кулачный бой, причем убит один боец.

Оно, положим, развлечение еще времен гомеровских, и не то чтобы уж очень постыдное для развлекающихся, но довольно нелестное для развлекающих. Право, пора чем-нибудь иным начать развлекать народ!

СТЕНА НА СТЕНУ

Впрочем, ходят стена на стену и не в одних подмосковных селах в табельные дни. Ходят и в будни председатели, так-таки с места своих занятий. Недавно произошел в Екатеринославле, по известиям «Биржев‹ых› ведомостей», следующий турнир (к сожалению, за неимением перед глазами «Биржевых ведомостей» выписываем из «Русского мира»):

«За стеной мирового съезда, бок о бок, помещается рекрутское присутствие. В том и другом происходили одновременно заседания. В рекрутском присутствии, понятно, в заседании *не могло не быть шума*; самый процесс принятия рекрут всегда сопровождается возгласами „годен! принят!“, за которыми вечно следуют разные причитания родных и знакомых принятого. „Шум“ в рекрутском присутствии вызвал появление судебного пристава мирового съезда. Пристав потребовал тишины. Председатель присутствия явился в мировой съезд, и здесь произошло объяснение с председателем съезда, последовал акт и затем. . . *предание председателя присутствия* (он же и предводитель дворянства) *суду местного окружного суда*. Дело было назначено к слушанию на 5 мая, но „обвиняемый“ возбудил вопрос о подсудности, и разбор дела приостановлен. . . Чем кончится это пререкание — неизвестно».

Нам всего более нравится, что всё это названо только «пререканием» — «Биржевыми» или «Русским миром», не знаем, но прекрасно названо, говорим без фальши: к чему в самом деле отягчать или, так сказать, извлекать на свет наши язвы? Впрочем, мы сами, может быть, ошибаемся, не зная юридического языка. Что значит: «произошло объяснение и последовал акт»? Это насчет чего же? И какой такой акт? Нам почему-то кажется, что насчет *того самого*. Мы далеки от осуждений и полагаем, что всё произошло от нервозности лиц, склонной девятнадцатому столетию, говоря вообще; даже, может быть, и из благороднейшего источника произошло, так сказать из соревнования о властях. Но, вообще говоря, рыцарские обычаи уничтожаются повсеместно и мы демократизируемся нестерпимо. Там древнейший русский князь обвиняется в покраже у какого-то немца портмоне; тут лицо, забывающее свой сан и свою шпагу, действует пятерней. Кстати, насчет шпаги есть одно историческое свидетельство. Эта европейская шпага была привешена к русопетскому бедру нашему, как известно, Петром Великим. У нас и до Петра Великого была, как всем известно, своя честь, за которую люди московские отдавали зачастую свою шкуру и головы, но символ ее был другой, а не шпага. Однажды великий преобразователь, привив к нам шпагу, застает Данилу Меньшикова на дружеской пирушке, во всей форме и при шпаге, танцующим трепака. И вот тотчас же, чтоб растолковать новоиспеченному рыцарю, как он осрамил свою шпагу и не умеет носить ее, преобразователь оттаскал собственноручно преступника за волосы, больно и нещадно, чтобы помнил, чтобы и прочим к примеру было. В прошлом году мы отпраздновали двухсотлетие преобразователя, и вот в ны-

нешнем — корреспонденция «Биржевых ведомостей» уведомляет насчет последовавшего в Екатеринославле акта. Одним словом, два столетия пролетели как сон. Тот же корреспондент особенно рекомендует в этом же смысле Верхнеднепровский уезд. Вот, по его словам, перечень за последние три года некоторых событий, совершившихся в сем уезде:

«Дворянин Следнев обвинен в братоубийстве; дворяне А. и Н. Н. обвиняются в насилии над братом, в лишении своей сестры свободы, в подлоге и (А. Н.) в изнасиловании; дворянин Романовский обвинен в оскорблении товарища прокурора; тот же Романовский и дворянин А. Н. Поль (бывший председатель мирового съезда) обвинялись во взаимных оскорблениях друг друга действием в публичном собрании; тот же г-н Поль обвинялся в оскорблении на письме мирового судьи; дворянин К. обвинялся в истязании своего сына. Наконец, в последнее время в Верхнеднепровском уезде открыта шайка конокрадов. Следствие о ней близится к концу. Говорят, производство состоит из 40 томов и под стражею по этому делу содержится более 20 человек. . .».

Всё это, положим, хорошо, то есть в сущности нельзя сквернее, особенно что касается братьев, сестер, изнасилований и проч. «Ослабели!» — как говорил на днях с елейным видом уже седой мужичок, выходя из кабака и опираясь о стенку. Но что касается «оскорбления товарища прокурора» и потом «взаимных оскорблений действием в публичном собрании» (дворянин А. Н. Поль и бывший председатель мирового съезда), то тут наверно что-нибудь из пререкания насчет власти, то есть в сущности всё из того же благороднейшего источника соревнования властей, а потому мы и относимся к таким фактам с чрезвычайною мягкостию. Мы — русские, а потому знаем и должны знать, что такое значит в быту нашем это соревнование властей, и есть ли хоть один из нас, который бы не перенес чего-нибудь в этом роде даже сам на себе, в своей жизни, а не то чтобы был только свидетелем. Даже смотришь, а и сами мы, чуть не каждый из нас, хоть раз в жизни, а заявили-таки свою власть над другими в этом же самом смысле. Положим, это делается всегда, так сказать, с некоторым преступным превышением власти. Ну да ведь нельзя же и иначе — тут превышение вроде как бы щегольства и делается всего чаще из любви к искусству, а не то чтобы с злым намерением. Взгляните на петербургского франта: он не просто заявляет себя, а с вывертом: я, дескать, франт. Взгляните на манежную лошадь: она не просто ступает ногами, а с вывертом: не кляча же я в самом деле извозчичья. Тут щегольство-с. Этот выверт похвален в должностном лице: значит, он гордится ему данною властию, сияет и сияние кладет и на место, им занимаемое; от этого выигрывает идея. Если б этот ничтожный кассиренок на железной дороге или у приема каких-нибудь писем не гордился своею властию, не сиял, а выдал бы вам билет без обиды, без некоторой естественно сопряженной с выдачей грубости, то вы бы первый перестали уважать его, — не так ли я говорю?

И к тому же тут мнительность. Вся Россия заражена в из-

вестном смысле страшною мнительностью, во всех сословиях и во всех занятиях и именно насчет власти. Каждый думает про себя: «А ну как подумают про меня, что у меня не так много власти?» Засим следует страх, а засим и превышение власти, и единственно чтоб доказать свою власть. Вот, например, маленькая корреспонденция газеты «Современность». Положим, это случай маленький, ничтожненький, но все-таки типичный и «как солнце в малой капле вод» отражает весь наш обычай.

«*Из войска донского донецкого округа*: *о самоуправстве одного из заседателей*. (Корреспонденция «Современности»). Проезжая из Н. Черкасска, я остановился у знакомого мне священника слободы П. . . ой о. В. З., который рассказал мне о следующем случае самоуправства. „На прошлой неделе, — говорит о. В., — к нам приехал заседатель здешнего участка В. Д. Д. и сделал распоряжение, чтобы ночью караульные ходили по слободе и кричали: «Слушай!». Воля начальника была исполнена, — все было хорошо; но вот в одну ночь начальник слышит, что около его квартиры кричат: «Слушай!». «Позвать крикуна!», — говорит заседатель начальническим тоном своему вестовому, — тот позвал. «Ты как смел, с—н сын, кричать около квартиры своего начальника!? Ты, мужик, знаешь, что меня испугал», — и при этом, *схвативши его за волоса*, *начал таскать* туда и сюда по комнате; наконец утомившись, он со словами «возьми ты» передал несчастного своему казаку затем, чтобы и тот продолжал ту же операцию. Не знаю, долго ли это продолжалось, но знаю только, что подчиненный вышел от своего начальника весь в крови и почти без волос. О жалобе мужик, конечно, не посмеет и думать“.

И. Синельников».

Превышения власти тут в настоящем смысле слова и не было, по крайней мере очень большого, так что всё это, если хотите, произошло в порядке вещей. Но было соревнование власти и вот в этом-то и вся штука. Соревнование заседателя с простым сторожем — это правда, но это-то и еще благороднее, вот эта-то именно чуткость, эта-то утонченность ощутительности, этот микрометризм термометра власти. Тут наизусть видна вся психология дела. Приехал заседатель, надобно, чтоб все знали о приезде и, главное, уважали приезд; чем этого достигнуть? Естественно велеть кричать по ночам на всю слободу: «Слушай!» Жаль только что он не воспользовался солдатским или арестантским театром; там, в «Волжских разбойниках», атаман кричит:

— Ессау-у-ул!

А тот ему с того света:

— Чево изволите, суда-а-арь!

Это было бы даже эффектнее. Вот они и кричат; заседателю приятно, и всё хорошо, но вот один горлан (и наверно чтоб заявить свою ревность но службе) рявкнул под самым его окном. Вмиг тревожная идея загорается в уме начальства: «А ну как он подозревает, что у меня не так много власти, и заорал, чтоб это мне доказать?» С такою мучительною мыслию естественно нельзя оставаться: надо ввести дурака в границы. Ну и ввели. Конечно, каждый волос гражданина должен бы быть драгоценен начальству; но если только откинуть волосы (что, впрочем, само

собою произошло), то всё обошлось как следует, тем более что должен же человек хоть чем-нибудь наконец пожертвовать на общую пользу. Жертвовали и почище его.

ИСТОРИЯ о. НИЛА

Нам искренно жаль отца Нила. Вот эта история — печальная история, хотя, впрочем, и довольно веселенькая.

Дело в высшей степени житейское, — это его характер, хотя и происшедшее в монастырской келье. Оно было передано первоначально в «Русских ведомостях», но мы выписываем его уже по сокращенному изложению «Русского мира», в котором опущены предварительные похождения героини рассказа, девицы дворянки Огурцовой, некоторое время путешествовавшей под именем полковницы Чертковой.

«21 августа 1872 г., как передают обстоятельства этого дела в „Русских ведомостях“, к мировому судье в Сергиевском посаде явилась крестьянская девица Прасковья Лекарева и заявила жалобу о похищении у нее девицею из дворян Огурцовой из запертой кельи монаха Троицко-Сергиевской лавры о. Нила, посредством подобранного ключа, двух билетов банкового пятипроцентного и 1-го внутреннего займа. В жалобе мировому судье и затем при следствии Лекарева объяснила, что билеты эти куплены ею в Москве и отданы были ею на сохранение монаху означенной лавры, о. Нилу. Собираясь 21-го августа ехать к себе в деревню Валдайского уезда, она в тот же день утром, в 4 часа 15 минут, пришла в келью монаха Нила за своими билетами; но так как о. Нил торопился к утрени, то и оставил ее в келье до своего прихода, причем по просьбе ее запер ее на замок, так как ей хотелось уснуть. Вдруг дверь кельи отперлась, и в комнату вошла проживающая в посаде подполковница Анна Васильева, которая, подойдя к шкафу, взяла оттуда билеты, деньги и часы с цепочкою и скрылась; увидев это, она, Лекарева, бросилась к Огурцовой, но та, оттолкнув ее, заперла дверь на замок. По возвращении из церкви монаха Нила Лекарева сообщила ему о случившемся, и он, разыскав Анну Васильеву в церкви, отобрал у нее похищенные билеты, денег же 11 р., взятых ею вместе с билетами, при ней не оказалось.

Спрошенная на следствии, проживавшая в Сергиевском посаде под именем жены подполковника Анны Васильевой Чертковой девица из дворян Огурцова в краже из кельи монаха Нила виновною себя не признала, объяснив при этом следующее: уехав из г. Ярославля на страстной неделе 1872 г., она, Огурцова, побывала в разных местах на богомолье и наконец приехала и в Сергиевский посад. Проживая в посаде, она часто виделась с монахом лавры Нилом, с которым давно была знакома и находилась в весьма хороших отношениях, так что давала ему денег и дарила разные вещи. У Нила хранилось ее имущество, как-то: сундук и разные мелкие вещи; из бывших у нее денег 2000 руб. сер. Огурцова решилась отдать Нилу 1000 руб. сер. без всякой, впрочем, расписки, так как таковых монахи выдавать не могут. В последнее время она, Огурцова, стала замечать, что благочестивый о. Нил начал от нее удаляться, и это, как она думает, по той причине, что он познакомился с крестьянскою девицею Лекаревой. Вследствие этого охлаждения Огурцова стала требовать от о. Нила свои 1000 р., но тот от возвращения их уклонялся. 21 августа, находясь у заутрени в церкви и увидев там о. Нила, обвиняемая решилась пройти в его келью, с целью посмотреть, нет ли там кого-нибудь, и в келье увидела, что ключ торчит в замке наружной двери кельи. Войдя в келью, она, Огурцова, увидела, что на постели о. Нила лежала в рубашке и разутая Прасковья Лекарева. Подойдя к шкафу о. Нила, Огурцова взяла лежавшие на шкафу часы, не с целью совершить кражу,

а с тем чтобы показать о. Нилу, что она была в его келье и видела там женщину, — и затем вышла из кельи, заперев ее на замок и оставив ключ в замке. Ни денег, ни билетов не брала. Из кельи Нила она возвратилась в церковь, куда через несколько времени явились о. Нил и Прасковья Лекарева. Тут она, Огурцова, возвратила о. Нилу часы, говоря ему, что неужели он мог заподозрить ее в желании украсть их?

Монах Сергиевской лавры о. Нил, показав на следствии совершенно сходно с Лекаревой, удостоверил, что, уходя 21 августа утром к заутрени, он запер свою келью, где оставалась Лекарева, на замок и ключ взял с собою; с Огурцовой он был знаком; она, впрочем, лишь бывала у него несколько раз в келье, и то ненадолго; он и принял от нее на сохранение сундук ее, но никогда 1000 руб. не брал. Ключ, коим Огурцова отперла его келью, был принесен ею с собою и находился у нее, вероятно, потому, что в занимаемой им келье прежде проживал иеромонах Ипполит, с коим Огурцова близко была знакома.

В подтверждение принадлежности ей двух билетов — одного внутреннего 1-го займа, другого банкового 5 проц. в 100 р. — Лекарева представила к следствию две квитанции на продажу ей этих билетов, выданные из конторы Юнкера.

На вопрос председателя о виновности обвиняемая виновною себя не признала.

Из показания свидетеля о. Нила обнаружилось, что он состоял в любовной связи с Огурцовой и Лекаревой и получал от них разные вещи на сохранение.

На вопросы защитника, давно ли о. Нил знает Огурцову, он отвечал, что знает ее три года; писал ли он ей письма, — сказал, что писал, но не очень часто; известно ли ему было, что Огурцова жила в Сергиевском посаде под именем Чертковой, — объяснил, что известно; говорила ли она, для чего переменяет фамилию, — ответил, что говорила и объяснила это желанием скрыть от брата; на дополнительный вопрос защитника, что именно она хотела скрыть от брата, — не то ли, что она была знакома с свидетелем, — последний ничего не отвечал.

На вопросы обвиняемой о том, не жила ли она у него в келье по целым месяцам, не дарила ли ему часы, подрясники и деньги, — о. Нил отвечал, что всё это ложь и выдумки.

Товарищ прокурора по окончании допроса о. Нила сделал заявление суду, что свидетель как предварительным, так и судебным следствиями изобличается в том, что состоял в любовной связи с двумя женщинами, а потому и просил занести это обстоятельство в протокол.

Обвиняемая Огурцова на суде подтвердила показание, данное ею на предварительном следствии, добавив, что ключ от кельи дан был ей самим о. Нилом и что она более 500 раз отпирала им его келью.

Г-н товарищ прокурора отказался от обвинения Огурцовой в краже из кельи. Защитник, выводя из обстоятельств дела существование интимных отношений, в которых состоял о. Нил и к Лекаревой, и к подсудимой, находил возможным предположить, что Огурцова взяла из кельи часы не с целью похищения, а для того чтобы показать их о. Нилу, доказать этим, что она была в келье, и возвратить их. Вероятность этого предположения становится тем более возможна, что Огурцова, взяв часы, затем не скрылась, а отправилась в церковь и заказала молебен.

Для того чтоб убедиться в правдивости показания Огурцовой относительно 1000 руб., по словам защитника, достаточно взглянуть на нее и на о. Нила. О. Нилу 26 лет, он силен и молод; Огурцовой 40 лет, и они были в очень близких отношениях; к тому же Огурцова обладает далеко не привлекательной наружностью, которая не могла вызвать искренних чувств у о. Нила; она почти вдвое старше его, и потому трудно допустить, чтобы любовь о. Нила была совершенно бескорыстна.

На основании всех этих соображений защитник просил оправдать подсудимую.

После непродолжительного совещания присяжные вынесли оправдательный приговор.

О. Нил, по словам „Русских ведомостей“, по выходе из здания суда был сопровождаем свистками и насмешками из публики, бывшей в зале заседания на этом процессе».

Мы ограничимся лишь некоторыми и притом отрывочными замечаниями с нашей стороны.

1) Желательно бы иметь фотографическую карточку о. Нила. Мы хотим только этим сказать, что фотографическая его карточка могла бы иметь теперь в продаже несомненный успех.

2) Хотя защитник г-жи Огурцовой и провозгласил о его летах (26 лет) и о его здоровье; но думаем, что две особы сразу даже и для о. Нила несколько уже лишнее.

3) Что подобный факт, если бы о. Нил был мирянином, мог бы даже доставить ему некоторого рода «соблазнительную честь»; ибо есть лица, полагающие в этом всё свое честолюбие, а другие — завидующие и подражающие им изо всех сил. Между тем из залы суда его проводили свистками.

4) Равно поразительны своею наивностию и возможностию некоторые удивительные факты, открывшиеся на суде: чернец идет к заутрене и запирает в своей келье разутую деву. Другая интересная особа, громогласно и обличительно, с оттенком почти торжества, заявляет, что она вверенным ей от о. Нила ключом более пятисот (!?) раз отпирала его келью. Мало того, с тем же обличением и торжеством, почти гордо, спрашивает вслух о. Нила: «Не жила ли она у него в келье по целым месяцам, не дарила ли ему часы, подрясники, деньги?» — и хотя о. Нил и отчурался от вопросов этих, как от дьявольского наваждения, но всё же эти вопросы были, а стало быть, кое-что означают.

5) Все подобные порядки в наших монастырях и возможность сих фактов решительно сбивают с толку бедного светского сочинителя, особенно когда мы знаем наверно, что многое множество русских монастырей пропитываются единственно собственным суровым трудом, да еще пропитывают окрестность; а в страдную пору так-таки и идут, всею братьей с игуменом во главе, жать, косить, пахать, сеять, точно мужики.

6) Решительно непонятна самая возможность возникновения подобного процесса в гласном суде, тогда как до такой степени у самих хвост запачкан. Мало того, и деньги, и часы — всё было возвращено тут же, у заутрени. Что же толку затевать гласное дело, когда несомненно должны обнаружиться на суде и дареные подрясники, и разутые девы, и ключи, пятьсот раз отпирающие? Мы только что прочли в газетах, как один доктор открыл нового рода «сутяжное помешательство»; но о. Нил здоров и, уже конечно, не помёшан.

7) До крайности загадочна и личность странствующей особы (девицы Огурцовой, полковницы Чертковой и проч. и проч). Мы в высшей степени уверены, по наблюдениям и изучениям всей

жизни, что существует такой особый тип таких барынь (барынь по преимуществу), в которых весьма сильная набожность способна уживаться с личною и весьма заинтересованною любовью к самим служителям церкви. То есть, вернее сказать, пламень набожности принимает в высшей степени неестественную потребность, так сказать, усластить, заласкать, залюбить, лично и даже по-земному, самого́ уважаемого и чтимого ими служителя божия. Мы заметили, что в католицизме эти случаи повторяются чаще, чем у нас, у нас же совсем даже редки. Говорим это с искренностию и вовсе без желания хвалиться. Вначале, например, из самой горячей набожности посылают служителям божиим конфеты, сласти, не рассуждая, что, как ни невинны эти посылки, всё же они дьявольский соблазн; и затем постепенно расширяют идею о конфетах до пределов совсем даже непозволительных. Всего любопытнее, повторяем это, что вся эта неестественность рождается почти из похвального чувства и до того обманывает природу, что в моменты сильнейшего грехопадения уживается с молитвами, молебнами, постами и проч. Прибавим, что народу такие утонченности совсем незнакомы; они только у барынь, да еще очень у редких. Если же и происходят у монастырских грехи с женщинами из народа, то уже совсем как грехи — вполне откровенно и безо всякого ложного оттенка святости. Тем не менее, хотя тип таких барынь для нас несомненен, мы не решаемся причислить к нему и славную путешественницу. Правда, есть известие о том, что она сейчас же после своего подвига, еще с часами и с билетами в руках, поспешила в храм и *заказала молебен*. Но все-таки это не то. Тут другое; тут является совершенно особый характер. Гордость же в вопросах и оттенок торжества на суде тоже несомненны, — сколько выходит, по крайней мере, из представленного отчета «Русских ведомостей».

8) В заключение об этой интересной особе прибавим, что, несмотря на несомненную юридическую правоту свою (в монастырском деле; ибо прежде было еще и другое дело), все-таки она, как выходит, весьма-таки нуждалась почему-то *во всех* средствах к своему оправданию и, кто знает, может быть, боялась за результат. Выводим из того, что не стал бы ее адвокат, упомянув о 26 годах, здоровье и, кажется, еще счастливой наружности о. Нила, в противоположность сему и в усиление контраста, упоминать о несчастной наружности и об истинных летах своей клиентки. Без особой опасности нельзя было употреблять такой неучтивый прием на суде.

9) И, наконец, для окончательного заключения заметим, что хотя о. Нила и провожали из залы суда свистки и насмешки, тем не менее мы не сочувствуем такому, так сказать, отпеванию человека и распоряжению душой его. О. Нил, если захочет сообразить и успокоиться, то увидит, что почти ничего не потерял; мало того, даже выиграл. Он разом вышел из весьма дурного положения, — сознательного самообмана, из всех этих запертых

келий, пропусков, passe-partout[1] и проч., ибо полагаем, что разразившаяся над ним катастрофа будет же иметь какое-нибудь влияние на его душу, столь молодую и неопытную и обремененную таким излишним здоровьем. Если же он будет сокрушаться о том, что повредил монастырю, то пусть утешится: монастырь не пострадает даже и через такой случай, и, наверно, еще осталось в нем несколько строгих, смиренных и богобоязненных старцев, — а это и всё. Для подобных старцев и стоят монастыри, для них-то и начались они. Притом всем известно, что даже в самые первые века христианства в установившихся тогда церквах и во многих религиозных обществах повторялись несомненно подобные же случаи и, в конце концов, не повредили решительно ничему.

В начале первой французской революции случилось, что в один прекрасный день архиепископ парижский, в облачении, с крестом в руке и в сопровождении многочисленного духовенства, вышел на площадь и во всеуслышание объявил народу, что до сих пор он и сопровождавшие его следовали пагубным предрассудкам; теперь же, когда наступил la Raison,[2] они почли долгом сложить с себя публично свою власть и все знаки ее. При этом действительно сложили ризы, кресты, чаши, Евангелия и проч. «Веришь ли ты в бога?» — закричал архиепископу один работник с обнаженною саблею в руке. «Très peu» (очень мало), — пробормотал архиепископ, надеясь подобным ответом смягчить толпу. «Значит, ты подлец и до сих пор нас обманывал!» — закричал работник и тут же рассек архиепископу голову саблей. Затем, как известно, напоили всенародно из чаши осла, церкви обратили в магазины, веру христианскую ликвидировали, в Учредительном собрании большинством четырех, кажется, голосов провозгласили богиню Разума, а христианские священники разбежались. Одни из них пустились открыто в гражданскую и даже в военную карьеру, в которой некоторые впоследствии и отличались; в истории осталось несколько крупных имен из этого сословия. Другие бросились в Бретань волновать крестьян и, как теперешний Санта-Круц в Испании, отличались неутолимою жестокостию в междоусобной войне, настаивали на расстреливании пленных, истязали, распинали республиканцев. Третьи рассыпались по всей Европе просить милостыню, обучать детей и интриговать, и, наконец, четвертые остались истинными священниками божиими и не покинули родины, несмотря на ликвидацию государственной веры. Они утешали и укрепляли несчастных, они томились в тюрьмах, они с радостию всходили на эшафоты, умирали мучениками за Христа и честною кровью своею смыли позор, в который легкомысленно упали вера и ее служители в глазах народа в предшествовавшие столетия. Итак, смело может видеть и сам о. Нил, и подобные ему, и судьи его, и освиставшие его,

[1] отмычек (*франц.*).
[2] Разум (*франц.*).

что в деле веры — буквально — чего хочешь, то и найдешь; но что всегда есть та несомненная живая и честная струя, которая в данное время омоет всякую скверну и возродит идею еще чище и выше, чем она была в какие-нибудь жалкие, хотя бы и долгие, времена предшествовавшего легкомыслия. Одним словом, «ликвидацию веры» далеко не так легко сделать в мире и в обществе, как, может быть, воображают некоторые, несмотря даже ни на какие скандалы и компрометирующие видимости. А о. Нил, по нашему мнению, просто слишком еще молод и легкомыслен. Итак, пусть, если хочет спастися на прежнем пути, не ропщет на происшедшее. Пусть знает он, что не все ему свищут; напротив, искренно желают ему успеха. Если же он не захочет прежнего пути, то пусть уже лучше поступит в гусары, прямо и откровенно; это будет честнее, — честно и искренно. И так как он еще очень молодой и неопытный человек, то дай ему бог поскорее научиться, что и в мире и в гусарах совсем не все «полагают *в этом* всё свое честолюбие, а другие и завидуют и подражают им изо всех сил», как мы упомянули выше про некоторых; напротив, пусть знает даже и он, что в мире и даже в гусарах весьма много и скромных, и честных, и целомудренных, и воздержных людей, даже в высшей степени.

ДВЕ ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

I

Мы с величайшим удовольствием помещаем в «Гражданине» это письмо слушательницы московских курсов. Не будем очень противоречить некоторым особым убеждениям автора, например о «здоровом воздухе» Москвы. Сам же автор свидетельствует, что в Москве нельзя без сплетней, — а уж это одно не совсем здоровая черта московского воздуха. Мы всегда готовы согласиться, что Москва лучше, чем Петербург, но что она хороша абсолютно — это уже совсем другой вопрос.

Во всяком случае благодарим прежде всего за некоторое сочувствие, выказанное многоуважаемой корреспонденткой нашему изданию. Несмотря, однако, на сочувствие, цель ее письма — опровергнуть на факте наше заявление в 22 № «Гражданина» о «*неудачных*» доселе опытах допущения у нас женщин к университетскому и медицинскому образованию in corpore.[1] Автор является теперь с частным случаем основания высших женских курсов в Москве и, выражая прекрасные и благородные чувства, радуется успешному началу дела. Мы, пожалуй, пойдем еще далее в вере: мы верим и убеждены заранее, что большинство московских слушательниц доведут свои занятия до конца с полным успехом. Свидетельствуем громко, что никто более нас не уверен в чистоте чувств и в искренности жажды образования на-

[1] всех без исключения (*лат.*).

ших стремящихся к образованию женщин. Мы только думаем, что эта искренность и чистота доброго намерения могут быть, и весьма часто, дурно направлены, подпасть влиянию иной предвзятой мысли, имеющей мало общего с настоящим просвещением. Если в Москве случилось не то, если от слушательниц до профессоров, — все служили единственно одним только целям просвещения, то мы первые этому радуемся и приветствуем прекрасное событие. Уверяем вас, г-н автор письма, что радуемся еще больше других, ибо случилось только то, чего мы сами желали, что призывали, о чем сами заявили.

Припомним же, чего мы пожелали и о чем заявили в 22 № «Гражданина».

«1) Строгая учебная дисциплина может быть введена и иметь целью требовать от женщин непременно учения, безо всяких послаблений в их пользу, и немедленно исключать тех из них, которые не учатся или учатся дурно.

2) Малейшее нарушение правил нравственности должно повлечь за собою немедленное исключение женщины из числа учащихся.

3) Ежегодные экзамены должны быть безусловно строги».

И вот за такие желания, или подобные им, нас обыкновенно объявляют в печати и обществе — ретроградами. По крайней мере теперь, после вашего заявления о московских курсах, мы уже не одни будем ретроградами, а, во-первых, вместе с профессорами московских женских курсов, исполнившими свое дело точь-в-точь, как мы того пожелали; во-вторых, вместе с слушательницами, приходившими единственно для своего образования и ни для чего более, и, наконец, с вами самими, радующейся в своем письме и на профессоров и на слушательниц.

Правда, мы еще написали в статье 22 № «Гражданина», что у нас «нравственная фальшь поражает всякого, кто имеет случай ближе присматриваться к миру женщин, выделяющихся из общей массы для получения высшего образования», и что «женщины эти получают какую-то уверенность в том, что, обучаясь высшему курсу наук или медицине, *они в то же время и по тому самому являются деятельницами в разрешении какого-то современного женского вопроса*».

Ну вот в том-то и вся *беда*, что мы это написали. К этому и придрались; да и как было не придраться: сущность дела пока еще такова, что ее можно понять как угодно, придраться к чему угодно и выставить в свете каком угодно. Произнесено самое неопределенное и спорное современное слово, «женский вопрос», и как же было не выйти путанице?

Об этой *беде* мы не будем теперь говорить; заявим лишь одно нашей корреспондентке: вы именно хотели доказать вашим письмом, что на московских женских курсах таких слушательниц не было, что ни одна из них не задавалась задачею «явиться деятельницею в разрешении какого-то современного женского

вопроса», а все *просто учились*; что, стало быть, могут быть слушательницы и без «фальши» и что, наконец, может быть, и очень большое число русских слушательниц окажутся «без фальши» и что мы, стало быть, преувеличили.

Если мы преувеличили — мы опять-таки первые тому обрадуемся. В том, что у нас явятся слушательницы безо всякой «фальши» в самом ближайшем будущем, мы и сами уверены; но что доселе было довольно фальши — можете ли вы отрицать? Если мы про это сказали открыто, не прикрашивая дела, то сказали именно потому, что от всей души желаем нашим женщинам настоящего, а не фальшивого образования. Что же касается до мечты «явиться деятельницею в разрешении какого-то женского вопроса», то мы на это заметим вот что: явиться слушательницею высших курсов с мыслию и надеждой образовать себя, приобресть тем высшие духовные силы, приобресть средства быть через образование более обеспеченною и вооруженною в несчастных случаях жизни; кроме того, вознестись до благородного понятия, что всеобщее образование женщины внесет новую, великую интеллигентную и нравственную силу в судьбы общества и человечества, — эта мысль, заявляем мы, эта надежда не только возвышенна, прекрасна и желательна в душе каждой слушательницы будущих высших курсов в России, но именно и есть начало единственного и настоящего разрешения «женского вопроса» и у нас, и в Европе, и везде, начало настоящей правильной постановки его! В этом смысле пусть всякая слушательница мечтает о будущей своей деятельности в разрешении женского вопроса, садясь на студентскую скамейку. Но уверены ли вы, спрашиваем опять, что все слушательницы женских курсов садятся теперь, хотя бы даже и у вас в Москве, на студентскую скамью с ясным сознанием того, чего хотят, и не путаются в пустопорожних теориях? И вот единственно потому мы и желали, в трех нами выписанных из нашей статьи пунктах, чтоб женщины являлись прежде всего учиться и чтобы требовать от них непременно учения, самым строжайшим образом. В этом случае мы много надеемся на науку. Настоящая, строгая наука изгонит всякую фальшь, всякую постороннюю и ложную идею, засевшую в иную еще не привыкшую к идеям женскую голову и навеянную каким-нибудь посторонним, обыкновенно мужским влиянием. Чего же мы хотим, стало быть, как не женской самостоятельности, самостоятельности ума и сердца женщины прежде всего? Противники мы женского образования, как нас окричали, да или нет?

Вы говорите в одном месте вашего письма, что мы решились высказать свою мысль, «не боясь потерять популярность». Увы, мы в высшей степени сознаем, что ее потеряли! Мы дорожим лишь тем, что пользуемся некоторой симпатией нескольких толковых людей, которые в наше время всеобщего лакейства мысли решились сметь

Свое суждение иметь.

А надежды наши лишь в том, что круг этих людей несомненно и заметно увеличивается. Еще раз вас благодарим за письмо и просим и на будущее время известий о судьбе московских высших женских курсов. Мы слишком неравнодушны к их успехам.

II

Кстати, теперь ровно полугодие нашему изданию за нынешний год. Можно бы, воспользовавшись случаем, кое-что сказать о нашей деятельности и о наших редакторских усилиях; помечтать и пооткровенничать, спросить вслух: что мы сделали и чего не сделали, что высказали и чего не могли высказать? и проч. и проч. — как всегда делают, когда пишут объявления об издании журнала на будущий год. Но мы всё это отложим и ответим только на несколько раз предлагавшийся нам со стороны вопрос: почему мы так мало или совсем даже не отвечаем на критики, нападения и ругательства, которые сыплются на нас беспрерывно; которые особенно сыпались в начале года и наверно будут сыпаться в конце его, перед началом подписки на будущий год? Теперь дошло до того, что мы стали выручкой для всех фельетонистов: не об чем писать — а, ну есть «Гражданин», обругать его; к тому же либеральная тема! — и ругают.

Почему же не отвечаем? Во-первых и главное: не отвечать же всякому шуту?

О, без сомнения, есть и не шуты; есть люди умные, а иногда и остроумные, есть и литературно образованные, что так редко теперь и что ценишь. Но иным из них совершенно нельзя отвечать, хотя бы иногда и хотелось, — нельзя, потому что в конце концов не знаешь, чего сами они хотят. Не понимаешь, из-за чего они так кривят душой, так сами себе противуречат, какая их цель, что они преследуют, где их предания, в чем их будущее? Пишут они весело, а иногда действительно дельно, и вот на той же странице он же сам вдруг и опровергает себя, и опровергает с знанием дела, зная, что сам противуречит себе. Для чего это? Какие тут цели? Неужели всё это из одного литературного искусства? В конце концов и не знаешь, на что отвечать и — зачем отвечать.

Такие есть; я собственно про летучую литературу нашу говорю. Но есть и не из летучих; есть, напротив, очень искренние. В этом случае я не мог забыть г-на Н. М. из «Отечественных записок» и о «долгах» моих ему. Я не имею чести знать его лично и ровно ничего не имел удовольствия слышать о нем как о частном человеке. Но я всею душою убежден, что это один из самых искренних публицистов, какие только могут быть в Петербурге. Не мое совсем дело, но я никак не понимаю вражды к нему почтенного г-на Z. из «С.-Петербургских ведомостей», столь упорной и безостановочной. Много раз и искренно сожалел

о сем обстоятельстве. Уверен, что оба эти деятеля могли бы совершенно сойтись, если бы не так враждовали друг с другом. Но не мое дело. Г-н Н. М. в первый раз поразил мое внимание своим отзывом о моих отзывах о Белинском, социализме и атеизме, а потом о моем романе «Бесы». Отвечать ему по поводу моего романа я немного упустил время, хотя и хотел было; но о социализме непременно отвечу. И вообще о социализме буду писать во второе полугодие моего редакторства. Главное, никак не могу понять, что хотел мне сказать г-н Н. М., уверяя меня, что социализм в России был бы непременно консервативен? Не думал ли он меня этим как-нибудь утешить, предположив, что я консерватор во что бы ни стало. Смею уверить г-на Н. М., что «лик мира сего» мне самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализм не атеистичен, что социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его, — это чрезвычайно поразило меня в писателе, который, по-видимому, так много занимается этими темами. Пишу теперь обо всем этом к слову, именно чтоб показать на примере, как трудно теперь у нас в литературе рассуждать или спорить с кем-нибудь и о чем-нибудь, даже с непритворяющимися и простодушнейшими людьми. (NB. Простодушие вовсе не исключает ни ума, ни таланта.) Об г-не же Н. М. я именно вспомнил потому, что всё хочу ему ответить, но никак не удается.

Но зато есть такие, которым отвечать уже никак невозможно. Я не за брань их сержусь — а уж как они ругались! Но иная брань приносит только честь и ничего дурного. Я сержусь... впрочем, нет, не сержусь: и сердиться на них нельзя. Это целая толпа пишущей братии, когда-то, от предков наследовавшая несколько либеральных мыслей, но в совершенной их наготе и наивности, безо всякого их развития и толку. Чтó у Белинского и Добролюбова предлагалось всё же с некоторою последовательностию, то утратило у них все концы и начала. Я уверен, что явись теперь опять Белинский и если им не скажут, указывая перстом, что вот это сам Белинский, то они тотчас же бросятся ругать его. Впрочем, если и укажут, то разве только подождут немного, а через месяц какой-нибудь все вдруг бросятся и начнут ругать. Толку никакого. Первая их забота, разумеется, чтоб было либерально. Но как написать либерально? — он уже и не знает, забыл; потому что никогда не имел ни одной своей мысли и совершенно не знает, что в сущности должно оказываться либеральным. Большая часть из них пишут наудачу, на всякий случай. Девочка воткнула булавку в голову другого ребенка, и вот они находят, что это хорошо, потому что либерально: она протестовала против деспотизма. С фактами участившихся самоубийств или ужасного теперешнего пьянства они решительно не знают, что делать. Написать о них с отвращением и ужасом он не смеет рискнуть: а ну как выйдет нелиберально, и вот он передает на всякий случай зубоскаля. Для этого выработался у них отвра-

тительнейший и глупейший тон. Взяли Хиву, и он тотчас же теряется: он не знает, либерально это или нет? Хвалить, — пожалуй, выйдет нелиберально. Восторгаться — непременно нелиберально! Хулить? Пожалуй, тоже нелиберально: Вамбери похвалил. И вот он мечется туда и сюда: «Я радуюсь... а впрочем, пожалуй, не радуюсь... впрочем, пожалуй, отчего же не радоваться, а впрочем, пожалуй, и нечему радоваться» и т. д. и т. д. — три столбца. Позубоскалить на всякий случай все-таки как будто либеральнее.

Всего забавнее, что у них в подобных затруднительных случаях проглядывает уловка показать, что он что-то знает: «Вот только бы дали нам написать, дали б высказать; эва, что бы мы тогда насказали! А теперь вот поневоле зубоскалим! Но зато сколько мы знаем! .. И-и-и, сказать нельзя, сколько знаем!»

Неужели же отвечать таким, пускаться с ними в полемику? Только развороти муравейник — беда! Впрочем, им, видимо, приятно бы было связаться, я замечал это по многим признакам. И уж как задирали! Они объявляли меня «сыскно-полицейским писателем», в другой раз объявили крепостником, вздыхающим по «крепостному состоянию». Ну что же я стал бы им отвечать?

Вот очень недавний анекдот, довольно характерно рисующий эту среду.

Недавно в нашей газете передавалась всем теперь известная история монаха отца Нила и упоминалось о некоторых секретных похождениях его.

При этом мы заявили, что у нас есть особенный тип таких барынь, которые хоть и очень богомольны, но вместе с тем и наклонны к некоторым уже непозволительным снисхождениям к служителям церкви. Приведем, впрочем, наши слова; тут дело именно в том, как он их понял: «...вернее сказать, пламень набожности принимает в высшей степени неестественную потребность, так сказать, усластить, заласкать, залюбить, лично и даже по-земному, самоѓо уважаемого и чтимого ими служителя божия. Мы заметили, что в католицизме эти случаи повторяются чаще, чем у нас, у нас же совсем даже редки... Вначале, например, из самой горячей набожности посылают служителям божиим конфеты, сласти, не рассуждая, что, как ни невинны эти посылки, всё же они дьявольский соблазн; и затем постепенно расширяют идею о конфетах до пределов совсем непозволительных. Всего любопытнее, повторяем это, что вся эта неестественность рождается почти из похвального чувства и до того обманывает природу, что в моменты сильнейшего грехопадения уживается с молитвами, молебнами, постами и проч. Прибавим, что народу такие утонченности совсем не знакомы; они только у барынь, да еще у редких. Если же и происходят у монастырских грехи с женщинами из народа, то уже совсем как грехи — вполне откровенно и безо всякого ложного оттенка святости».

Тип отвратительный, но весьма любопытный и стоящий внимания, как болезненный нарост нашей цивилизации. Верно обрисованный художником, например, в романе, он дал бы художнику славу. И что же? фельетонист не понял ни типа, ни иронии нашего изложения. Он вообразил, что мы *хвалим* этих барынь! Ну и тотчас же разругал: либеральная тема!

— Уверяю вас, — сказал мне один мой знакомый, которому я с удивлением сообщил листок, — уверяю вас, что он совершенно так понял, как написал, безо всякого коварства. Напротив, это естественное, так сказать, фельетонное отупение чувств, мыслей и всякого соображения — десятилетнее отупение от десятилетнего либерализма с чужого голоса и несвойственного его голове. Тут окончательная утрата понимания всего, что вне их приемов, привычек и ихнего казенного и вымученного фельетонного слога... утрата почти языка человеческого...

Верю. Так что даже простительно. Ну так как же этаким отвечать?

МАЛЕНЬКИЕ КАРТИНКИ

(В ДОРОГЕ)

Я разумею дорогу паровую, чугунку и пароходы. Про дороги прежние, про дороги «конем», как выразился недавно один мужичок, мы, жители столиц, стали совсем забывать. А, должно быть, и на них теперь можно встретить много нового против прежних порядков. Я, по крайней мере, слышал много любопытного от рассказчиков, и так как повсеместным будто бы разбойникам я все-таки не верю вполне, то и собираюсь чуть не каждое лето проехаться куда-нибудь поглубже, по прежним дорогам, для собственного назидания и поучения. А пока милости просим на чугунку.

Ну вот мы входим в вагон. Русские люди классов интеллигентных, являясь в публику и сбиваясь в массу, всегда становятся любопытны для поучающегося наблюдателя; но в дороге особенно. У нас в вагонах заговаривают друг с другом туго; особенно характерны в этом отношении самые первые мгновения пути. Все как бы настроены друг против друга, всем как-то не по себе; оглядываются с самым недоверчивым любопытством, смешанным непременно с враждебностью, стараясь в то же время сделать вид, что не только не замечают один другого, но и не хотят замечать.

В интеллигентных отделениях поезда первые мгновения размещений и дорожных ознакомлений для очень многих суть решительно мгновения страдания, невозможного нигде, например, за границей, именно потому, что там всякий знает и тотчас же везде сам находит свое место. У нас же без кондуктора и вообще без руководителя трудно обойтись и найти себе свое место сразу,

даже где бы то ни было, не только в вагонах, а даже и в вагонах с билетом в руках. Я не про одни споры из-за мест говорю. Случится спросить о чем-нибудь самом необходимом незнакомого соседа, около которого сели, — и вопрос задается в самом трусливо-услащенном тоне, точно вы рискнули на чрезвычайную опасность. Спрашиваемый, разумеется, тотчас же испугается и посмотрит с необыкновенной нервной тревогой; и хотя и ответит вдвое торопливее и услащеннее вопрошающего, тем не менее оба они, несмотря на взаимную услащенность, довольно долго еще продолжают чувствовать некоторое преоригинальное опасение: а не вышло бы как-нибудь драки! Предположение это хоть и не всегда сбывается, но в первое мгновение, когда где бы то ни было собираются в незнакомую толпу образованные русские люди, это предположение хоть на миг, хоть в виде бессознательного лишь ощущения, а, право, должно проноситься по всем этим собравшимся вместе образованным русским сердцам.

— И это вовсе не потому, — яростно заметил мне на это замечание один пессимист из «болеющих сердцем», — это вовсе не потому, что они взаимно не доверяют европеизму своего развития, непременно и потому еще, что у нас почти всякий согласен в глубинах европейской души своей, что его, пожалуй, и стоит побить... нет, о нет, бесконечно соврал! — с криком поправил себя тотчас же мой пессимист, — никогда наш европеец не сознается, что его стоит прибить! Нет, это слишком много чести ему приписать! Сознание, хотя бы лишь самое отдаленное, что тебя стоит высечь, есть уже начало добродетели, а где у нас добродетель? Лганье перед самим собой у нас еще глубже укоренено, чем перед другими. У нас всякий может почувствовать, что его стоит высечь, но никогда не сознается, даже и себе самому, что его и впрямь надо бы хорошенько вспороть.

Привожу это мнение пессимиста в виде оригинальности, отчасти лишь любопытной; сам же я не во всем с ним согласен и наклонен к мнению гораздо более примирительному.

Второй период собравшегося в дороге русского образованного общества, то есть период завязывающихся разговоров, наступает всегда почти очень скоро после первого, то есть периода трусливых высматриваний и подергиваний. Не умеют заговорить лишь вначале, а потом расходятся так, что иной раз и не удержишь. Что делать: крайности — наша черта. Виновата к тому же и наша бездарность; кто что ни говори, а у нас ужасно мало талантов в каком бы то ни было роде; напротив, ужасно много того, что называется «золотою срединою». Золотая средина — это нечто трусливое, безличное, а в то же время чванное и даже задорное. Боятся заговорить, чтобы как-нибудь себя не скомпрометировать, дичатся и совестятся: умные, потому что считают всякий самостоятельный шаг как бы ниже ума своего, а глупые

знается, что его стоитъ прибить! Нѣтъ, это слишкомъ много чести ему приписать! Сознаніе, хотя бы лишь самое отдаленное, что тебя стоитъ высѣчь,—есть уже начало добродѣтели, а гдѣ у насъ добродѣтель? Лганье передъ самимъ собой у насъ еще глубже укоренено чѣмъ передъ другими. ~~У насъ еще въ чревѣ матери, всякій чувствуетъ себя обиженнымъ за то, что ему мало воздаютъ чести.~~ Всякій ~~чувствуетъ~~, что его стоитъ высѣчь, но никогда не сознается, что его и впрямь надо бы ~~выпороть~~!

Привожу это мнѣніе пессимиста въ видѣ оригинальности, отчасти лишь любопытной; самъ же я не во всемъ съ нимъ согласенъ и наклоненъ къ мнѣнію гораздо болѣе примирительному.

———

Второй періодъ собравшагося въ дорогѣ русскаго образованнаго ~~общества, т. е. періодъ~~ завязывающихся разговоровъ, ~~наступаетъ~~ всегда почти очень скоро ~~послѣ перваго, т. е. періода трусливыхъ~~ высматриваній и подергиваній. Не умѣютъ заговорить лишь въ началѣ, а потомъ расходятся такъ, что иной разъ и не удержишь. Что дѣлать: крайности — наша черта. Виновата къ тому же и наша бездарность; кто что ни говори, а у насъ ужасно мало талантовъ, въ какомъ бы то ни было родѣ; напротивъ ужасно много того, что называется «золотою срединою». Золотая средина — это нѣчто трусливое, безличное, а въ тоже время чванное и даже задорное. Боятся заговорить, чтобы какъ нибудь себя не скомпрометировать, дичатся и совѣстятся: умные, потому что считаютъ всякій самостоятельный шагъ какъ бы ниже ума своего, а глупые изъ гордости. Но такъ какъ русскій человѣкъ, по природѣ своей, въ тоже время и самый общительный и стадный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, то и выходитъ, что въ эту первую четверть часа всѣ до того наконецъ настрадаются, что наконецъ сами себѣ станутъ въ ~~несносную~~ тягость и ~~съ благословеніемъ встрѣчаютъ жарту~~

«Маленькие картинки». Страница корректуры сборника «Складчина» с авторской правкой. 1874 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

из гордости. Но так как русский человек по природе своей в то же время и самый общительный и стадный человек на всем земном шаре, то и выходит, что в эту первую четверть часа все до того наконец исстрадаются, что наконец сами себе станут в тягость и примут с радостью, когда кто-нибудь первый решится разбить стекло и завязать хоть что-нибудь вроде общего разговора. На железных дорогах это разбитие стекла происходит иногда довольно забавным образом, но всегда почти несколько иначе, чем на пароходах (причину объясню ниже). Иногда над всеобщей «срединой» и бездарностью, вдруг и совсем неожиданно, возникает гениальный талант и увлекает примером своим сразу всех до единого. Вдруг объявляется такой господин, который среди всеобщего напряженного молчания и конвульсивных потуг громко и без всякого приглашения, без всякого даже повода, мало того — без малейшего даже присюсюкиванья, столь необходимого по нашим понятиям каждому джентльмену, когда он вдруг очутится среди незнакомого общества; без малейшей этой подленькой скандировки в выговоре самых обыкновенных слов, столь укоренившейся в некоторых наших джентльменах тотчас же после освобождения крестьян, в виде как бы обиды по этому поводу; напротив, с видом самого прежнего, старинного джентльмена начинает рассказывать всем вообще и никому в особенности не более не менее, как свою собственную автобиографию, разумеется к совершенному и недоверчивому изумлению слушателей. Все сначала даже теряются и вопросительно переглядываются друг с другом; ободряются лишь мыслию, что ведь во всяком случае это не они говорят, а он. Такой рассказ, с самыми интимными, а иногда даже и чудесными, подробностями, может продолжаться полчаса, час, сколько угодно.

Мало-помалу все начинают ощущать на себе магическое влияние таланта, — ощущают именно тем, что вовсе не находят себя обиженными, несмотря даже на всё желание того. Всех, главное, поражает то, что он никому не льстит, ни в чем ни у кого не заискивает, в слушателе решительно не нуждается, подобно тому, как нуждается в нем какой-нибудь обыкновенный, бездарный болтун; говорит же единственно потому, что не может таить в себе своего сокровища. «Хотите слушайте, хотите нет, мне ведь всё равно; я ведь только чтоб вас осчастливить» — вот что, кажется, мог бы он сказать; между тем и этого даже не говорит, потому что все чувствуют себя совершенно свободными, тогда как в самом начале (ну, нельзя же без этого), когда он только что начал так неожиданно говорить, разумеется, каждый почувствовал себя, в первые мгновения, как бы лично обиженным. Мало-помалу ободряются до того, что начинают его останавливать, расспрашивать, входить в подробности, ну, разумеется, со всеми возможными предосторожностями. Джентльмен с необычайным вниманием, хотя и безо всякой услащенности, тотчас же вас выслушивает и тотчас же вам отвечает — поправляет вас, если вы

ошибаетесь, и немедленно соглашается с вами, если вы хоть чуть-чуть выходите правы. Но поправляя ли, соглашаясь ли, он решительно доставляет вам несомненное удовольствие; вы это чувствуете всем существом вашим, каждую минуту, и решительно не понимаете, как это он умеет хорошо так делать. Вы, например, ему только что возразили; и хоть он, не далее как за минуту, говорил совершенно противоположное, но теперь выходит, что и он говорил именно то же самое, что вы только что изволили найти нужным ему заметить, и совершенно с вами согласен, так что и вы польщены, и он сохранил свою полную независимость. Польщены же вы бываете иногда до того после иного удачного вашего возражения, да еще при всех, что начинаете оглядываться на публику с видом настоящего именинника, несмотря даже на весь ваш ум, но таково уж обаяние таланта. О, он всё видел, всё знает, везде был, везде ходил, везде сидел и только что вчера все с ним простились. Он еще тридцать лет назад приходил к известному министру, в прошлое царствование, а потом к генерал-губернатору Б—ву, жаловаться на его родственника, вот что отличился недавно своими мемуарами, и Б—в тотчас же посадил его с собой курить сигары. Таких сигар он потом никогда не куривал. Конечно, ему лет пятьдесят на вид, так что он может помнить и Б—ва, но вчера еще он провожал известного жида Ф., только что бежавшего за границу, и тот в последнюю минуту разлуки открыл ему все свои последние тайны, так что только он один во всей России и знает теперь всю подноготную всей этой истории. Пока дело шло о Б—ве, все еще были спокойны, тем более что и рассказ-то вышел из-за сигар; но при имени Ф. самые даже солиднейшие из слушателей принимают особенно заинтересованный вид; даже наклоняются несколько к рассказчику и слушают с алчностию, и при этом без малейшей даже зависти в том, что рассказчик в дружбе с таким высшим жидом, а они нет. Шар «Жюль Фавр» — одно надуванье и непременно лопнет; в франко-прусскую войну летал совсем другой, а этот новый. Тут un mot de Jules Favre [1] о князе Бисмарке прошлого года ему на ухо и под секретом в Париже, — впрочем, хотите верьте, хотите нет; даже видно, что рассказчик особенно не настаивает, но про проект новых акцизных законов он знает всё, что третьего дня говорилось в государственном совете, даже лучше знает, чем знают в самом государственном совете. Остроумнейший анекдот, как сострил притом *** о кабатчиках. Все улыбаются и заинтересованы очень, потому что ужасно похоже на правду. Инженерный полковник сообщает соседу вполголоса, что он давеча почти то же самое слышал и что чуть ли это не правда; кредит рассказчика мгновенно вырастает. С Г—вым он ездил в вагонах тысячу раз, ты-ся-чу раз, и тут вовсе не то; тут анекдот, которого никто не знает и Незнакомцу

---

[1] словцо Жюля Фавра (*франц.*).

ровно ничего не будет, потому что замешано известное лицо и лицо хочет непременно всему положить предел. Лицо простило и сказало, что не будет вмешиваться, но лишь до известной черты, а так как оба перешли черту, то лицо, конечно, вмешается. Он сам тут был и всё это видел; сам в станционную книгу записывал в качестве свидетеля. Примирят, разумеется. Зато про охотничьих собак, и про известных собак, наш джентльмен говорит так, как будто в собаках-то и состояла главная задача всей его жизни. Разумеется, под конец ясно для всех, как дважды два, что он никогда не ездил с Г—вым, ровно ничего не записывал в книге, с Б—вым не курил, собак не имел, очень далек от государственного совета; тем не менее всякому, даже специалисту, понятно, что он всё это знает и даже довольно прилично знает, так что очень и очень можно, не компрометируя себя, слушать. Но не в известиях дело, а в удовольствии слушать их. Заметен, впрочем, и пробел у всезнайки: мало и даже почти совсем не говорит о школьном вопросе, об университетах, о классицизме и реализме, и даже об литературе, — точно эти темы совсем даже и не подозреваются им. Спрашиваешь себя, кто бы это мог быть, и решительно не находишь ответа. Знаешь только, что талант, но специальности его угадать не можешь. Предчувствуешь, однако, что это тип и, как и всякий резко очерченный тип, непременно имеет свою специальность, и если ее не угадываешь, то именно потому, что не знаешь типа и его до сих пор не встречал. Особенно сбивает с толку наружность: одет широко, и портной у него был, очевидно, хороший; если летом, то непременно по-летнему, в коломянке, в гетрах и в летней шляпе, но ... всё это на нем несколько как бы ветхо, так что если и был хороший портной, то только *был*, а теперь уже, может, и нет. Высок, худощав, очень даже, держит себя как-то не по летам прямо; смотрит прямо перед собой; вид смелый и с неотразимым достоинством; ни малейшего нахальства; напротив, благоволение во всем, но без сахару. Небольшая с проседью бородка клином, не то чтоб совсем наполеоновская, но зато самого дворянского обреза. Вообще манеры безукоризненны, а к манерам у нас очень падки. Очень мало курит, даже, может, и совсем нет. Поклажи никакой, — маленький тощий сачок, вроде ридикюльчика, несомненно заграничной когда-то выделки, теперь же непозволительно истершийся, вот и всё. Кончается тем, что такой джентльмен вдруг и совсем неожиданно исчезает, а даже непременно на какой-нибудь самой незначительной станции, на каком-нибудь самом неважном повороте куда-нибудь, куда никто и не ездит. По уходе его кто-нибудь из наиболее слушавших и поддакивавших вслух решает, что «всё врал». Разумеется, тут всегда окажутся двое таких, что всему поверили и заспорят; в противуположность им непременно окажутся двое таких, которые еще с самого начала были обижены и если молчали и не возражали «вралю», то единственно от негодования. Теперь они

с жаром протестуют. Публика смеется. Кто-нибудь, доселе очень скромно и солидно молчавший, с видимым знаньем дела заявляет предположение, что это особый стародворянский тип благородного приживальщика высшей руки, сам помещик, но только маленький, благородный лентяй с чрева матери, действительно с хорошими знакомствами и всю жизнь витающий около высших людей, — тип чрезвычайно полезный в общежитии, особенно в деревенской глуши, куда зачастую заглядывает и куда особенно любит ездить гостить. С неожиданным мнением все как-то вдруг соглашаются, споры прекращаются; но стекло разбито, и разговоры завязаны. Даже и без разговоров всякий чувствует себя как дома, и всем вдруг стало совершенно свободно. А между тем всё благодаря таланту.

Впрочем, если только не брать в расчет так называемых случайных скандалов и иных неминуемых неожиданностей, довольно иногда неприятных и, к несчастию, все-таки слишком частых, то по дорогам нашим, в результате, все-таки можно проехать. Разумеется, с предосторожностями.

Я уже написал однажды и напечатал, что задача проехать приятно и весело по железной нашей дороге заключается, главное, «в умении давать врать другим и как можно более этому вранью верить; тогда и вам дадут тоже с эффектом прилгнуть, если и сами вы соблазнитесь; стало быть, взаимная выгода». Здесь же подтверждаю, что и доселе придерживаюсь того же мнения и что высказано было оно мною нимало не в юмористическом, а, напротив, в самом положительном смысле. Что же собственно до вранья и особенно железнодорожного, то я уже заявил тогда же, что почти и не считаю его пороком, а, напротив, естественным отправлением нашего национального добродушия. Злых лгунов у нас почти нет, а, напротив, почти все русские лгуны — люди добрые. Не говорю, впрочем, что хорошие.

Тем не менее поражает иногда, даже и в дорогах, даже и в вагонах, некоторая вновe зародившаяся жажда разговоров серьезных, жажда учителей на всевозможные социальные и общественные темы. И являются учителя. Об них я тоже писал, но то особенно поражает, что из желающих учиться и научиться всего более женщин, девиц и дам, и совершенно не стриженых, смею вас в том уверить. Скажите, где встретите вы теперь девицу или даму без книжки, в дороге или даже на улице? Может быть, я преувеличил, но все-таки очень много пошли с книжками, и не то чтоб с романами, а всё с похвальными книжками, с педагогическими или с естественнонаучными; даже читают Тацита в переводе. Одним словом, жажды и ревности очень много, самой благородной и светлой, но . . . но всё это еще как-то нейдет. Ничего нет легче, как, например, уверить такую ученицу почти в чем вам угодно, особенно если кто складно умеет поговорить. Женщина глубоко религиозная вдруг, в ваших глазах, соглашается с выводами почти атеистическими и с рекомендуемым при-

менением их. А уж насчет педагогии, например, так чего-чего им не внушают и чему-чему они не способны уверовать! Содрогание пройдет иногда при мысли, что она, приехав домой, тотчас и начнет применять на детях и на супруге то, чему ее научили. Ободряешься лишь догадкой, что, может быть, она вовсе и не поняла учителя, или поняла совершенно противуположно, и что дома спасет ее инстинкт матери и супруги и здравый смысл, столь сильный в русской женщине, даже с изначала русских веков. Но смысл смыслом, а все-таки пожелать надо и научного образования, только твердого и настоящего, а не то что из всяких книжек да по вагонам. Тут самые похвальные шаги могут обратиться в плачевные.

Хорошо на наших дорогах и то, что, — опять-таки если не считать разных «случаев», — можно проехать почти что incognito всё время пути, молча и ни с кем даже не заговаривая, если уж очень говорить не желаешь. Теперь только разве одни священники прямо начинают с расспросов: кто вы, куда едете, по каким делам и чего ожидаете. Но, впрочем, и этот благодушный тип, кажется, переводится. Напротив, даже и в этом роде бывают, с недавнего времени, пренеожиданные встречи, так что глазам не веришь.

На пароходах, как я сказал уже, разговоры завязываются несколько иначе, чем в вагонах. Причины естественные, и во-первых, уже то, что публика *избраннее*. Я, конечно, говорю лишь про пароходную публику первого класса, про публику *на корме*. Про публику *носовую*, то есть второго разряда, и говорить не стоит; да и не публика она, а просто пассажиры. Там мелкотравчатые, там узлы с поклажей, давка и теснота, там вдовы и сироты, там матери кормят грудью детей, там общипанные старички, получающие пенсию, там переезжающие священники, целые артели рабочих, мужики с своими бабами и краюхами хлеба в мешках, пароходная прислуга, кухня. Кормовая публика, везде и всегда, совершенно игнорирует носовую и не имеет об ней никакого понятия. Может быть, покажется странным мнение, что пароходная «первоклассная» публика всегда *избраннее*, чем даже соответственного разряда в вагонах. В сущности, конечно, это неправда, да и вся эта публика, чуть лишь приедет домой и сойдет с парохода, немедленно в недрах семейств своих понижает свой тон даже до самого натурального; но покамест семейство это на пароходе, оно поневоле подымает свой тон до нестерпимо великосветского, единственно чтоб казаться не хуже других. Вся причина в том, что больше пространства где поместиться и больше досугу, чтоб поковеркаться, чем на железной дороге, то есть, как я сказал уже, причина естественная. Тут не так сбиты вместе, публика не рискует образовать из себя *кучу*, не так быстро летят, не так подчинены необходимости, закону, минуте, заснувшим или расплакавшимся детям; тут вы не при-

нуждены обнаруживать иные ваши инстинкты в таком натуральном и уторопленном виде; напротив, тут всё похоже на строгую гостиную; входя на палубу, вы как будто званый и входите в гости. Между тем вы все-таки связаны пятью-шестью часами совместного пути, пожалуй, целым днем пути, и непременно знаете, что надо доехать вместе и почти познакомиться. Дамы почти всегда лучше одеты, чем бывает это в вагонах, дети ваши в самых очаровательных летних костюмах, если только вы хоть сколько-нибудь себя уважаете. Разумеется, и тут иногда встречаются дамы с узлами и отцы семейств, совсем как настоящие отцы у себя дома, иные даже с детьми на руках и с надетыми орденами на всякий случай; но это лишь низкий тип «взаправду путешествующих», принимающих дело плебейски серьезно. В них нет высшей идеи, а одно только уторопленное чувство самосохранения. Настоящая публика немедленно игнорирует этих жалких людей, хотя бы они сидели подле, да и сами они тотчас же начинают понимать свое место и хоть крепко займут оплаченные свои места, но перед общим тоном совершенно и покорно стушевываются.

Одним словом, пространство и время изменяют условия радикально. Тут даже и самый «талант» не мог бы начать с своей автобиографии, а должен бы был поискать другого пути. Может, даже и совсем бы не имел успеха. Тут разговор почти не может завязаться из одной только дорожной необходимости. Главное, тон разговоров должен быть совершенно другой, «салонный», а в этом вся сущность. Само собою, если пассажиры незнакомы друг с другом предварительно, то стекло еще труднее разбивается, чем в вагоне. Общий разговор на пароходе чрезвычайная редкость. Собственные же страдания от собственного лганья и кривляний, особенно в первые мгновения пути, даже значительнее, чем в вагоне. Если вы хоть чуть-чуть внимательный наблюдатель, то наверно будете поражены, как можно столько налгать в какую-нибудь четверть часа, сколько налгут все эти пышные дамы и столь уважающие себя их супруги. Конечно, всё это встречается всего чаще, и в самом чистом виде, в поездках, так сказать, увеселительных, каникулярных, в поездках от двух до шести часов всего пути. Лгут же всем: манерами, красивыми позами; каждый как будто каждое мгновение заглядывает на себя в зеркало. Пискливой скандировки фраз, самой неестественной и противной, самого невозможного произношения слов, с каким никто бы не решился произносить их, если бы только чуть-чуть уважал себя, кажется, еще больше, чем бывает в вагонах. Отцы и матери семейств (то есть пока не завязалось еще никакого общего разговора на палубе) стараются говорить между собою неестественно громко, из всех сил желая показать, что совсем как у себя дома, но тотчас же и постыдно не выдерживают характера: заговаривают между собою о совершенных пустяках, ужасно не идущих к делу, к месту и к положению,

а иногда муж обращается к жене совершенно как незнакомый кавалер к незнакомой ему даме где-нибудь в гостях. Вдруг быстро и без причины обрывают уже завязанный разговор, да и вообще говорят более отрывками; нервно и беспокойно оглядываются на соседей, следят за взаимными ответами с недоверчивостью и даже с испугом, а иной раз даже и совсем краснеют один за другого. Если же случится им (то есть заставит необходимость) заговорить друг с другом о чем-нибудь прямо идущем к делу и к положению, и об чем всякому мужу с женой может случиться нужда переговорить в начале дороги, — об чем-нибудь хозяйственном, например, или семейном, о детях, о том, что у Мишеньки кашель, а здесь свежо, или у Сонички слишком подымаются юбочки, — то конфузятся и быстро начинают шептаться, чтоб по возможности никто их не расслышал, хотя в том, что они говорят, ровно ничего нет неприличного или предосудительного, а напротив — всё достойно самого полного уважения, тем более что все эти дети и хлопоты не у них одних, а точно так же есть и у всякого, даже на этом самом пароходе. Но именно эта-то самая простейшая идея ни за что и не приходит им в голову и даже иметь ее кажется им ниже их достоинства. Напротив, каждая семейная группа более наклонна, хотя и с завистью, принять чуть не всякую другую семейную группу на этой палубе за нечто, во-первых, хоть градусом высшее себя, во-вторых, за нечто из какого-то особого мира, вроде как из балета, но уж ни под каким видом за людей, тоже могущих иметь, подобно им, хозяйство, детей, нянек, пустой кошелек, долг в лавочке и проч. Такая мысль была бы даже слишком для них оскорбительною; безотрадною даже; разрушала бы, так сказать, идеалы.

На пароходах к числу первых начинающих вслух заговаривать можно причислить, почти прежде всех, гувернанток, — разумеется, разговоры с детьми и на французском языке. Гувернантки в обществе средней руки большею частию всегда одного пошиба, то есть все молоденькие, все недавно из учебного заведения, все не совсем хороши собою, но и никогда не бывают вполне дурны; все в темных платьицах, все с стянутыми тальями, все стараются выказать ножку, все с гордою скромностью, но и с самым непринужденным видом, свидетельствующим о высокой невинности, все до фанатизма преданы своим обязанностям, у каждой непременно с собою английская или французская книжка благовоспитанного содержания, чаще всего какое-нибудь путешествие. Вот она берет на руки двухлетнюю девочку, а сама, не спуская глаз, строго, но с любовью, зовет заигравшуюся шестилетнюю сестру ребенка (в соломенной шляпке с незабудками, в белом коротеньком с кружевцами платьице и в очаровательных детских ботиночках) своим гувернантски-французским языком: «Wera, venez-ici»,[1] — непременно классическое

[1] «Вера, идите сюда» (*франц.*).

«venez-ici», и непременно с сильнейшим ударением на соединительном звуке «zi». Мать семейства, полная и необычайно высшего общества женщина (муж ее тут же — европейского, хоть и помещичьего, вида господин, росту не малого, более плотен, чем худощав, с легкою проседью, с белокурою бородой, хоть и длинною, но несомненно парижской модели, в белой пуховой шляпе, одет по-летнему, чина сомнительного), — мать семейства немедленно замечает, что гувернантка, взяв на руки двухлетнюю Нину, берет на себя лишний труд, не выговоренный в условии, и чтоб напомнить той, что она вовсе не так-то это ценит, необычайно ласковым голосом, исключающим, однако, малейшую мечту в подчиненной девице о праве на дальнейшую фамильярность, замечает, что ей с Ниной должно быть «тя-же-ло» и что надо кликнуть няньку, причем беспокойно и повелительно осматривается вокруг, чтобы отыскать улизнувшую няньку. Европейский супруг ее делает даже недоконченное движение в том же смысле, будто желая бежать отыскивать няньку, но одумывается и остается, и видимо доволен, что все-таки одумался и не побежал за нянькой. Он, кажется, немножко на посылках у своей высшей дамы-супруги и в то же время принимает это к сердцу. Гувернантка спешит успокоить насчет себя высшую даму, уверяя вслух и нараспев, что она «так любит Нину» (страстный поцелуй Нине). Тут опять легкий окрик по-французски на Веру, с тем же «zici», но любовь так и сверкает из глаз этой преданной девицы даже и к виноватой Вере. Вера наконец подбегает подпрыгивая и фальшиво ластится (шести-семилетний ребенок, еще в чине ангела, и тот уже лжет и коверкается!). Мамзель немедленно начинает на ней оправлять, без всякой впрочем необходимости, колеретку; затем и звала ее...

Пароходу этому всего шесть часов пути, и поездка почти что увеселительная. Повторю опять: без сомнения, два-три дня пути, где-нибудь по Волге или из Кронштадта в Остенде, взяли бы свое: необходимость разогнала бы гостиную, балет полинял бы и растрепался, и стыдливо припрятанные инстинкты выскочили бы наружу в самом открытом виде, даже радуясь своему праву выскочить. Но три дня и шесть часов — разница, и на нашем пароходе всё осталось в самом «чистом виде» с начала и до конца. Вот мы понеслись, в прелестный июньский день, в десятом часу утра, по тихому и широкому озеру. Носовая часть парохода клонится от «пассажиров», но там это лишь всякая всячина, о которой мы ровно ничего знать не хотим; у нас же, как я сказал, свой салон. Есть, впрочем, и у нас из таких, что везде собой задают задачу, так что, по правде, и не знаешь, что с ними делать, например немец-доктор с семейством, состоящим из его муттер и из трех германо-косоротых девиц, на которых трудно, чтоб кто-нибудь из русских женихов мог польститься. Для всех

этих лиц наш закон не писан. Старик доктор совершенно в своей тарелке; он уже надел свою дорожную клеенчатую немецкую фуражку, весьма глупой формы, и сделал это нарочно для независимости, то есть, по крайней мере, это нам так кажется. Но взамен этого недоумения есть одна прехорошенькая дамочка и инженер-полковник, есть старушка мать с тремя несколько перезрелыми, но весьма шиковатыми дочками средне-высшего петербургского генеральского круга, девицами, должно быть, задорными и уже видавшими виды. Есть два хлыща, один художник, есть юнкер и есть кавалерийский офицер из одного известного гвардейского кавалерийского полка; но он держит себя в каком-то надменном уединении и молчит свысока, конечно считая себя не в своем обществе, и это всем у нас, очевидно, нравится. Но всех более обращает на себя внимания и занимает собою места очутившееся вместе с нами *начальство*. Это, впрочем, весьма добродушного вида превосходительство, в фуражке и в полуформе. Все сейчас же узнают, что это самый старший чиновник и, так сказать, «хозяин губернии»; утверждают даже, что он теперь едет что-то «обозревать». Вероятнее, что он просто провожает свою супругу и семейство недалеко, на летнюю их резиденцию. Супруга его замечательно красивая дама, лет тридцати шести или семи, из знатной фамилии С—х (о чем отменно хорошо знают на пароходе), едет со всеми четырьмя детьми (всё девочки, старшей лет десять), с гувернанткой-швейцаркой и, к негодованию некоторых наших дам, держит себя слишком помещански, хотя и нестерпимо «подымает нос». Одета по-будничному, «и это теперь у них в моде, у ма-те-рей се-мей-ств», — протянула вполголоса одна из генеральских дочек, с завистью осматривая изящный фасон слишком скромного платья супруги хозяина губернии. Обращает тоже отменное и даже несколько высшее на себя внимание один высокий, худощавый, с сильною проседью джентльмен, лет уже примерно пятидесяти шести или семи, и независимо усевшийся почти на самом проходе на пароходном складном стульчике, решительно спиною к публике, и через борт лениво и беспредметно смотрящий на воду. Всем известно, что это *такой-то,* камергер и щеголь в прошлое царствование, и хоть не бог знает какого значения теперь, но зато самого высшего круга барин, проживший много в своей жизни денег и что-то очень долго скитавшийся в последнее время за границей. Он одет даже несколько и небрежно и вида самого партикулярного, но осанка самого безукоризненного русского милорда и даже почти без примеси французского парикмахера, что уже одно составляет совершенную редкость в настоящем русском англичанине. У него на пароходе два лакея, а с ним собака сеттер удивительной красоты. Она ходит по нашей палубе и, желая познакомиться, тычет нос между коленками сидящей публики, видимо наблюдая очередь. И хоть это скучно, но никто этим не обижается, а некоторые из нас даже пробуют и погладить собаку,

но непременно с видом знатоков, совершенно умеющих оценить достоинство дорогого пса и у которых завтра же может быть у каждого точно такой же сеттер. Но сеттер ласки принимает равнодушно, как настоящий аристократ, и у колен остается неподолгу и хоть машет чуть-чуть хвостом, но лишь из светской вежливости, лениво и равнодушно. У милорда, очевидно, знакомых здесь нет, но по обрюзглому и разваренному виду его совершенно ясно, что ему никого и не надо, и не из принципа какого-нибудь, а просто потому, что не надо. К административному значению «хозяина области» он, на складном своем стульчике, в высшей степени равнодушен, и равнодушие это тоже в высшей степени беспринципное. Но уже видно, что разговор между ними несомненно готов завязаться. Администратор похаживает около складного стульчика и из всех сил желает заговорить. Он хоть и женат на урожденной С—й, но сам со свойственным ему прямодушием, кажется, признает себя на довольно крупную степень пониже милорда, — разумеется, безо всякой потери достоинства; вот эту-то последнюю задачу и предстоит теперь разрешить ему. Тут вертится один господин «со второй ступеньки», и, по его старанью, хозяин и милорд как-то успели уже случайно и без предварительного ознакомления переброситься двумя словами. Поводом послужило известие, сообщенное господином «со второй ступеньки», об одном соседнем губернаторе, тоже известном аристократе, и который за границей, спеша на воды к своему семейству, как-то вдруг сломал себе в вагоне ногу. Наш генерал поражен ужасно, и ему очень хотелось бы узнать подробности. Милорд знает подробности и довольно обязательно уже промямлил сквозь вставные свои зубы две-три пары слов, впрочем не глядя на генерала и даже неизвестно кому говоря, — ему или вестовщику «со второй ступеньки». Генерал с искренним нетерпением стоит над стулом, заложа за спину руки, и ждет. Но милорд решительно неблагонадежен и, пожалуй, вдруг замолчит и забудет, о чем говорил. По крайней мере, у него вид такой. Животрепещущий господин «со второй ступеньки» так и дрожит над ним, желая не дать ему замолчать. Он поставил себе священнейшим долгом свести обоих высших джентльменов и познакомить их между собою.

Замечательно, что таких господ «со второй ступеньки» всегда довольно в дороге, особенно около «старших» лиц, и уже по тому одному, что в дороге их некуда отогнать. Но их и не отгоняют, потому что они довольно полезны, разумеется если сами находятся в известных благоприятных и подходящих условиях. У нашего, например, даже орденок на шее, и сам он хоть и в гражданской, но в форменной какой-то одежде, и фуражка у него с каким-то форменным околышем, — стало быть, в некотором отношении приличен. Такой господин так и начинает с того перед

старшим лицом, что всем своим существом выражает собою, без слов, одной фигурой, в виде предупреждения: «Ведь я со второй ступеньки; на равную ногу не бью, ни за что, и на первую ступеньку к вам не покушусь. Обидеться на меня вы никак не можете, ваше превосходительство, а развлечь вас я могу даже со счастьем себе-с, так что вы всегда можете ответить мне сверху вниз на вторую ступеньку, а я свое место даже до гроба моего всегда знаю-с». Без сомнения, ясно, что эти господа бьются из выгоды, но «чистый тип» подобных господ действует даже и без расчета на выгоду, а из некоторого чиновничьего вдохновения; вот в таком-то случае он и полезен, тут-то он и искренно весел, тут-то он и простодушен до того, что в нем даже исчезает лакей; а выгода его все-таки приходит сама собою, как факт и необходимое следствие.

К начинающемуся разговору «двух высших лиц» все на палубе становятся вдруг чрезвычайно внимательны; не то чтоб они желали тоже примкнуть, это было бы даже слишком, а хоть поглядеть и послушать. Иные уже бродят около, но более всех страдает европейский муж «высшей дамы». Он чувствует, что мог бы не только подойти, но даже и в разговор ввязаться, и что даже имеет на то некоторое свое право: генералы генералами, а Европа Европой, как ведь там хотите. И совсем, совсем бы он не хуже других мог поговорить о губернаторе, сломавшем за границею ногу! Он даже думает с этою целью поласкать сеттера и с этого как-нибудь и начать, но гордо отдергивает уже протянувшуюся руку и даже вдруг ощущает непреодолимое побуждение задать сеттеру ногою пинка. Мало-помалу он принимает как бы уединенный и обиженный вид, на минутку отходит и начинает всматриваться в блестящую даль озера. Супруга его, он видит это, смотрит на него с самой ехидной иронией. Этого он не выдерживает и возвращается опять к «разговору», ходит и бродит около разговора, как душа в чистилище. И если безгрешная душа эта способна хоть что-нибудь ненавидеть, то ненавидит она в эту минуту господина со «второй ступеньки», ненавидит изо всех сил, и не будь только этого господина со второй ступеньки, ничего бы, может, и не было из того, что далее произошло!

— Те-ле-гра-фи-ровал сюда, — скандирует сухопарый милорд, следя за сеттером и едва отвечая генералу, — и я в первую минуту, во-об-ра-зите себе, по-те-ря-лся...

— Вероятно, вам родственник? — желал бы осведомиться генерал, но сдерживает себя и ждет.

— И представьте, семейство в Карлсбаде, а он те-ле-гра-фи-ро-вал, — опять бессвязно шамкает милорд, наладив одно: «телеграфировал».

Его превосходительство продолжает ждать, хотя в лице его изображается сильнейшее нетерпение. Но милорд вдруг умолкает совершенно и решительно забывает о разговоре.

— Ведь у него, кажется... главное его именье... в Тверской губернии? — решается наконец сам спросить генерал с некоторым стыдом неуверенности.

— Оба, оба су-хо-щавые, и Яков и А-ри-старх... Оба брата. Брат теперь в Бес-са-ра-бии. Яков ногу сломал, а Аристарх в Бес-са-ра-бии.

Генерал вздергивает голову и находится в чрезвычайном недоумении.

— Су-хо-ща-вые, а именье женино, от Га-ру-ни-ных. Она у-рож-денная Га-ру-ни-на.

— А! — радуется генерал. Он видимо доволен тем, что «она Гарунина». Он теперь понимает.

— Добрейший, кажется, человек, — с жаром восклицает он... — Я его знал... то есть я именно думал здесь познакомиться... благороднейший человек!

— Добрейший человек, ваше превосходительство, добрейший! и знаете, именно как вы изволили сейчас определить: «добрейший-с!» — горячо ввязывается развязный человечек со второй ступеньки, и неподдельный восторг сияет в глазах его. Он осанисто озирается на пассажиров и чувствует себя нравственно выше всех нас остальных на палубе.

Этого уже совершенно не выдерживает европейский господин, скитающийся «около разговора». Увы, тут даже целый фатум!

В том, главное, фатум, что супруга его, «высшая дама», когда-то еще в девицах была чуть не подругой супруги «хозяина губернии», урожденной С—й, и тогда еще тоже девицы. «Высшая дама» — тоже чья-то «урожденная» и тоже причисляет себя к существам несколько высшего типа, чем супруг ее. Вступая давеча на пароход, она отлично знала, что хозяйка губернии тоже поедет на пароходе, и рассчитывала с ней «встретиться». Но увы, они не «встретились», и даже с первого шагу, с первого взгляда обозначилось с необычайною ясностию, что и не могут встретиться! «И всё это из-за несносного этого человека!»

А «несносный этот человек», с своей стороны, слишком хорошо знает бессловные мысли своей супруги и слишком приучился их узнавать в семилетие своего супружества. А между тем и он «в Аркадии рожден». У него здесь, в этой же губернии, в старину было восемьсот даже душ! На выкупные они и проездили все эти семь лет за границей и даже на дубовую рощу (триста десятин-с!), проданную еще три года назад. И вот они теперь возвратились в отечество, даже четыре уже месяца как в отечестве, и едут теперь в развалины своего поместья, сами не

зная зачем. Главное, высшая дама, кажется, и знать не хочет, что уже нет более ни выкупных, ни дубовой рощи. Но всего более она раздражена тем, что вот уже они четыре месяца как воротились, а ей всё ни с кем не удается «встретиться». Случай с генеральшей не первый. «И всё из-за него, из-за этого ничтожного человечишка!»

— Что в том, что у него европейская борода, зато ни значения, ни чинишка, ни связей! Он ничего не сумел сам выдумать, даже жениться сам не сумел. И как могла я за него выйти. Я бородой прельстилась! Пусть он там говорит, что беседовал с Миллем и способствовал низвержению Тьера; ведь за это ему здесь ничего не дадут; да к тому же и врет: если б Тьера низвергал, я бы видела...

Счастливый муж великолепно, отлично знает, что таковы именно мысли о нем его «высшей дамы», и именно в эту минуту. Она не высказала ему желания «встретиться» с хозяйкой губернии, но он знает, что если не устроит ей этой встречи, то это причтется ему уже на всю жизнь. К тому же он сам непременно хочет, чтобы она первая созналась, что он не только с Миллем, но даже и с отечественными генералами может поговорить, что он тоже птица, и не простая какая-нибудь, а настоящая птица каган. Увы, вот это-то добровольное признание супругою его совершенств и составляло, в сущности, главнейшую задачу всей его столь манкированной жизни, и даже всю цель ее, с самых первых часов супружества! Как это так устроилось, слишком долго передавать, но это было так, и тут было всё и ничего более. И вот он вдруг нервно, потерянно, шагает вперед и становится прямо против милорда.

— Я... генерал... я тоже был в Карлсбаде, — лепечет он с дубу генералу, — и, представьте, генерал, там при мне тоже был случай с ногой... Это вы про Аристарха Яковлевича изволили говорить? — ужасно быстро повертывается он вдруг к милорду, не выдержав генерала.

Генерал вздергивает голову и с некоторым удивлением смотрит на подбежавшего господина, который говорит, а сам весь трясется. Но милорд не вскинул даже и головы, а между тем, о ужас, протягивает руку, и европейский господин ясно чувствует, что милорд, упираясь рукой с боку в его ноги, с силою отстраняет его с места. Он вздрагивает, смотрит вниз и вдруг замечает причину: забежав и легкомысленно поместившись между скамейкой и стульчиком милорда, он и не заметил, как задел лежавшую на скамейке трость его, которая уже скользит и готова упасть со скамейки. Он быстро отскакивает, трость падает, и милорд с ворчаньем нагибается поднять ее. В то же самое мгновение раздается ужасный визг: это сеттер, которому отскочивший на два шага господин отдавил лапу. Сеттер визжит нестерпимо, нелепо; милорд всем корпусом поворачивается на стульчике и яростно скандирует господину:

— Я вас по-кор-нейше прошу оставить в по-кое мою со-ба-ку...

— Это не я. Это она сама... — бормочет собеседник Милля, желая провалиться сквозь палубу.

— Вы не поверите, вы не поверите, сколько я должна была выстрадать из-за этого без-дар-ного человека! — слышится ему сзади яростный полушепот его супруги на ухо гувернантке, и даже не слышится, а только всем существом предчувствуется, а супруга, может быть, и не шептала ничего гувернантке...

Но ведь уж всё равно! Он не только решается провалиться сквозь палубу, но даже готов стушеваться куда-нибудь на нос, спрятаться у колеса. Так, кажется, и делает. По крайней мере, в остальную часть пути его что-то не видно у нас на палубе.

Всё кончается у нас тем, что администратор не выдерживает и, познакомив милорда с своей супругой, сам отправляется в каюту, где стараньями капитана уже изготовлен карточный стол. Все знают маленькую слабость администратора. Господин со второй ступеньки всё уже устроил и добыл позволительных по обстоятельствам партнеров: приглашены — один чиновник, состоящий при постройке ближайшей железной дороги, с каким-то неестественной величины жалованьем и уже несколько знакомый его превосходительству, и инженер-полковник, хотя и незнакомый, но согласившийся составить партию. Этот держит себя угрюмо и туповато (от наплыва собственного достоинства), но разыгрывает партию хорошо. Железнодорожный чиновник несколько тривиален, но умеет сдерживаться; господин же со второй ступеньки, севший за четвертого, ведет себя совершенно так, как ему надо вести себя. Генерал испытывает большое удовольствие.

А милорд между тем знакомится с генеральшей. О том, что она урожденная С—я, он совсем позабыл и не догадывался. Теперь он вдруг припомнил ее еще шестнадцатилетней девочкой. Генеральша обращается с ним несколько свысока и как будто небрежно, но это всё только вид. Она вяжет какое-то вязанье и едва глядит на него; но милорд становится чем дальше, тем милее; он одушевляется, правда, шамкает и брызгается, но так отлично рассказывает (разумеется, по-французски), припоминает такие прелестные анекдоты, такие действительно остроумные вещи... А сколько он знает сплетен! Генеральша улыбается всё чаще и чаще. Обаяние прелестной женщины действует на милорда до странности, он всё ближе и ближе подвигает к ней свой стульчик, он, наконец, совсем как-то раскисает и как-то странно хихикает... Этого уже окончательно не может вынести несчастная «высшая дама». С ней делается тик (tic douleureux [1]), она пере-

---

[1] нервическое подергивание (*франц.*).

ходит в дамскую каюту, в особое отделение, вместе с гувернанткой и с Ниной. Начинаются уксусные примочки, раздаются стоны. Гувернантка чувствует, что «утро потеряно», и решительно дуется. Она не хочет заговаривать, усадила Веру, а сама смотрит в книжку, которую, впрочем, не читает.

— Это с ней, однако же, в первый раз во все три месяца, — меряет ее глазами страдающая дама. — Она бы должна говорить, должна! Меня развлекать должна, меня сожалеть; она гувернантка, она должна юлить, распинаться, это всё, всё через этого человечишку! — и она с ненавистью продолжает коситься на девицу. Заговорить же с ней сама не хочет из гордости. Девица между тем мечтает про только что покинутый Петербург, про бакенбарды двоюродного братца, про офицера, его приятеля, про двух студентов. Мечтает об одной компании, где так много собирается студентов и студенток и куда ее уже приглашали.

«А черт бы драл! — решает она окончательно, — пробуду у этих езопов еще месяц, и если всё так же будет скучно, удеру в Петербург. А жрать будет нечего, пойду в акушерки. Наплевать!»

Пароход наконец подходит к пристани, и все бросаются к выходу, как из спертого темничного воздуха. Какой жаркий день, какое ясное, прекрасное небо! Но мы на небо не смотрим, некогда. Мы спешим, спешим; небо не уйдет.

Небо дело домашнее, небо дело не хитрое; а вот жизнь прожить — так не поле перейти.

ПОПРОШАЙКА

«Я знал одного любопытного попрошайку, — рассказывал один раз покойный Д. — Это покойный С. Его иные помнят. Человек был умный, скромный, знавший себе свою цену, имевший свой особый, довольно любопытный род собственного достоинства и постоянно умевший водить знакомство в кругах несколько высших его собственного общественного положения. Между прочим, я заметил, что он умел отлично выпрашивать. Чего другой ни за что бы, кажется, не добился, то для него делали. У меня был один родственник, один очень молодой человек, получивший место в Т. губернии при губернаторе. Про т. губернатора рассказывали, что человек он довольно крутой. Бедный юноша, отправляясь из Петербурга, несколько робел и чрезвычайно желал бы достать какое-нибудь частное рекомендательное письмо от влиятельного лица. Он знал, что генерал NN, один из отдаленных моих знакомых, весьма хорош с т. губернатором и что последний даже очень чем-то одолжен генералу. Но этот генерал был человек довольно чванный и неприступный, и особенно трудно было выпросить у него какое-нибудь рекомендательное письмо,

даже близким знакомым его, что было уже известно по одному примеру.

— Невозможно, — решил со вздохом молодой человек, — думать нечего.

В эту минуту вошел ко мне С., и у меня вдруг мелькнула идея.

— Послушайте, ведь вы знаете генерала N? — спросил я его.

— Да, знаю. То есть я у него никогда в доме не бывал и не приглашен, но я почти каждую неделю встречаюсь с ним у Щ—х и много раз садился вместе в ералаш. Он охотно со мной садится.

Я изложил ему дело молодого человека. Признаюсь, я не имел особенной надежды, но у меня всё мелькала какая-то мысль. Замечу, что по некоторым причинам я мог твердо рассчитывать, что С. с удовольствием исполнил бы какую-нибудь мою просьбу, разумеется если в его силах.

— Вот если б вы попросили генерала написать две-три строчки рекомендательных, — а? — спросил я его на счастье.

С. немного подумал.

— Это можно, — сказал он.

— Ах, вы очень бы одолжили нас. Только как же, вы вот говорите, что не бываете у него в доме?

— Ничего, можно, — подтвердил С.

— Вы знаете, что он ужасно туг на подобные просьбы. Он недавно своей сестре отказал...

— Знаю, знаю, но... попробовать можно; завтра же дам и ответ.

— Как, завтра же!

И вот так оно и случилось. Назавтра же было у нас в руках самое удовлетворительное рекомендательное письмо. Генерал писал губернатору:

«Любезный друг и старый товарищ Михаил Степанович, рекомендую тебе подателя сего, тебе подчиненного вновь чиновника и очень приятного молодого человека; я его не знаю и никогда не видывал, но мне так хорошо говорили о нем доверенные люди, что не усумнился написать тебе, и если обратишь на него свое *особливое* внимание, то тем самым весьма и весьма одолжишь тебя помнящего и прежнею душою преданного тебе твоего

Ивана NN».

Письмо принесено было нам нарочно незапечатанное, чтобы мы могли прочитать. Может быть, С. хотел передо мною похвастаться. Конверт же был надписан самим генералом, и, сверх того, в руках у С. была малая вензелевая печать генерала, которую тот ему доверил.

— Знаете что, ведь это почти чудо! — воскликнул я. — Как это вы устроили?

— С каждым свой прием, — засмеялся С.

— Объясните. Ужасно любопытно!

Мы сели. Молодой человек ушел, и мы остались вдвоем. С. поглядывал с самодовольствием. Во-первых, он очень был рад, что угодил мне, а во-вторых, видно было, что он сам чувствует особое удовлетворение. Это было удовольствие как бы мастера своего дела, только что победившего большую трудность.

— Я вам между нами всё это сообщу, — начал он рассказывать. — Повторю опять: со всяким свой прием. Но есть один из них очень пригодный в самых многоразличных случаях жизни. Его-то я и употребил. Вхожу я давеча к генералу в двенадцать часов; дома. Я вам уже доложил, что он очень любит со мною играть в карты; любит тоже слушать, как я иногда рассказываю. Я, вы знаете, на рассказы не напрашиваюсь, но их любят слушать и люди мною несколько дорожат. Генерал четыре уже года встречает меня. Он очень знает теперь, что я вовсе не то что какой-нибудь приживальщик, или там какой-нибудь pique-assiette,[1] как кажется полагал обо мне прежде, еще два года назад. Но все-таки я знаю наверно и то, что, может быть, разве лишь еще через два годика он решится позвать меня наконец к себе в дом... И вот я вдруг вхожу сам, совершенно неожиданно. Генерал принимает прекрасно, но в лице вопрос, и вопрос растет всё более и более с каждой секундой. Обыкновенно мы с ним, сходясь у Щ—х, сейчас смеемся и я тотчас же что-нибудь начинаю рассказывать. Сегодня же на его смех я не отвечаю и как бы немного смущен. Тяну, однако же, и не объясняюсь. Вопрос на генеральской физиономии становится настоятельным. Вдруг прямо объявляю, что пришел с *чрезвычайною* просьбой. Подчеркните словцо *чрезвычайною* три разика. Генерал отвечает: «Что прикажете-с?», нервно дергает кресло и становится ужасно серьезным. В бровях неприятная складка. Начинаю издалека, как бы самому через силу, путаюсь, делаю вид, что конфужусь ужасно, с каждой фразой, и очень страдаю. «Есть, дескать, такие случаи в жизни... Иногда решительно не к кому обратиться... Очень, очень чувствую, как мне самому тяжело беспокоить ваше п-во. Но такие обстоятельства... Есть, так сказать, долги каждого человека... Если б вы знали, генерал, чего мне стоила настоящая решимость!.. Встречаясь с вами у наших милых Щ—х, мне никогда даже и в мысль не могло прийти, что я буду доведен... чтоб, как теперь вот, беспокоить, лично... и, может быть, в такой неурочный час...»

Одним словом, решительно пришел просить денег! Можете представить, что генерал давно уже начал краснеть; взгляд влажный, страдающий, не может от меня оторваться... А я-то всё напираю больше и больше, на ту же тему. По некоторому обо-

---

[1] нахлебник (*франц.*).

роту фразы даю даже сообразить, что в случае, если я вправду пришел просить взаймы денег, то попрошу сумму немалую. Сообразите же теперь: я, во всяком случае, для генерала теперь уж не такой человек, которому можно резко отказать да и выпроводить. Мы на такой взаимной ноге... Мы еще долго будем вместе встречаться... Между тем мне слишком известно, что он никому и ни за что не даст денег... Кроме того, известно мне тоже, что ему очень приятно играть со мной в ералаш, — и расстаться с этой мыслью будет очень и очень трудновато. Он на прошлой неделе, когда мы с ним разыграли одну безнадежнейшую вздачу, сказал, что ни с кем как со мной с таким удовольствием не играет... А уж после такой просьбы какой же ералаш? Одним словом, я его измучил... Я дал ему выпить всю чашу; я истощил его, он похудел у меня в эти четверть часа! И вот — только бы начать о деньгах, «тысячки, дескать, две-три, генерал, на самое короткое время», — а я вдруг, и совсем другим голосом: «Вот, дескать, молодой человек едет в Т., нуждается в рекомендации, а я поставлен в такое положение, что никак не могу отказать ему. Всего две-три строчки от вас, и вы представить не можете, генерал, как бы вы меня осчастливили»...

Можете представить, как он был рад! Он вскочил точно даже в каком-то восторге; гора с плеч долой! да если б я у него 4 письма спросил в эту минуту, — он бы все четыре мне написал — из одной только благодарности! Сам же я ему и продиктовал. Вы только посмотрите на росчерк... По одному уже росчерку судить можете о блаженстве человека. Проводил он меня до дверей, наилюбезнейшим образом пенял, как мог я так затрудняться в таком пустом обстоятельстве! К себе, правда, всё еще не пригласил, но я слишком видел, что у него уже срывалось с губ словцо: «Да, что, дескать, Павел Михайлович, никогда не зайдете, так знаете, запросто»... Условились, однако, сойтись у Щ—х. Обещал ему прелюбопытную вещицу сообщить об Александре Михайловиче... Одним словом, я вам навеки рекомендую, — заключил С., — если вам надо у кого-нибудь что-нибудь выпросить и если это довольно трудно, то один из самых лучших приемов — это сделать вид, что пришли просить денег. Разумеется, судя по человеку: чем деликатнее были прежние отношения, тем лучше. Явитесь не в урочный час, удивите приходом, сочините себе такое лицо, заведите издалека, заставьте страдать, напугайте, истомите человека, — и вдруг совсем другим голосом, прямо изложите настоящее дело. Поверьте, до того будет вам *благодарен,* что ни за что не откажет. Всё, что хотите, получите. Это самый вернейший прием. Впрочем, я вам всё это сообщаю секретно...»

С. был очень доволен тем, что мне всё это сообщил, и я очень хорошо понял, почему ему так всё удавалось...

ИНОСТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

‹17 сентября 1873 г.›

В самое последнее время в Европе произошли три весьма крупные события: 1) Фроcдорфское свидание, 2) окончательное очищение французской территории от вражеского нашествия с выходом последних немецких войск и 3) чрезвычайное посещение Вены и Берлина королем итальянским. Эти три весьма важные события могут иметь чрезвычайные последствия для всей Европы и, что важнее всего, даже в самом ближайшем будущем.

Во Франции теперь почти у всех, конечно, один только вопрос: что именно сейчас же, теперь же может случиться? Тут уж не до отдаленного будущего, не до окончательного устройства; текущие события дошли до высшей точки своего напряжения.

4-го сентября, например, на парижской бирже распространился слух (потом оказавшийся ложным), что граф Шамборский решился отречься от своих притязаний в пользу графа Парижского. Слух этот тотчас же вызвал довольно значительное повышение курсов.

Итак, бедные французы в таком положении, что сами уже не сомневаются, что с ними решительно *всё* может теперь случиться. Они верят даже в возможность графа Шамборского, и малейшая поправка делу (?), то есть граф Парижский, принимается ими как за нечто радостное.

Но у них на днях произошел один факт, конечно предвиденный и знаемый всеми уже давным-давно, но непременно смутивший всех как нечто неожиданное. В официальном журнале от 4-го (16-го) сентября было напечатано:

> «Конфлан и Жарни, последние занятые местности, были очищены вчера в 7 часов вечера. В 9 часов немецкие войска перешли границу. Территория освобождена *окончательно*».

Для этого почти три года назад и собиралось теперешнее французское Национальное собрание; погибавшая нация поручала ему тогда — восстановить возможный порядок, уплатить миллиарды и очистить территорию. Правда, Национальное собрание всё время, а в последний год более чем когда-нибудь, всегда в большинстве своем отрицало ограничение своих полномочий. Очень много раз почти прямо высказывалось о необходимости устроить *окончательно* судьбы Франции, прежде чем разойтись. Но огромное меньшинство Собрания (почти вся левая сторона) принимало за пределы своих полномочий лишь освобождение территории. Огромная и наибольшая, может быть, часть *общественного мнения* Франции, конечно, в этом вопросе на стороне меньшинства палаты. Но пока еще немецкие солдаты оставались во Франции — вопрос оставался только спорным вопросом, а *дело*

делом. Согласны или не согласны, а разойтись все-таки нельзя, пока последний немецкий солдат не оставит территории. И вот теперь, 3-го сентября, *дело* оканчивается, и все вдруг разом чувствуют, что вопрос: «Что же *теперь* еще остается сделать?» — непременно и немедленно должен быть разрешен.

Разумеется, разрешение необходимо будет насильственное. Никакое соглашение невозможно, что уже доказало соглашение двадцать четвертого мая при низвержении Тьера. За насильственное разрешение принялись уже давно, но теперь, при новом и уже слишком настоятельном повторении вопроса: что делать? — деятельность всех партий, и, разумеется, всё враждебных одна другой, должна, конечно, в десять раз усилиться. До новых заседаний разошедшегося на отдых Собрания, судя по тревоге событий, слишком далеко. И если бы хоть одна из теперешних партий нашла хоть малейшую возможность произвесть переворот насильственно, то наверно бы это исполнила.

Насильственный переворот мог бы произвести один только маршал Мак-Магон, имея в своих руках войско... Но об этом после. Есть вероятность предполагать, что Национальное собрание будет созвано раньше срока.

Насилие в разрешении насущного вопроса: что *сейчас* делать? — первыми было произведено легитимистами. Тут произошло явление даже не политическое — произошло что-то горячее, нетерпеливое, нервное без меры, лихорадочное, что бывает иногда с людьми, радикально и уже целый век, например, не понимающими своего положения. (Похоже на то, как действуют у нас иногда поляки.) Теперь слишком очевидно, что союз 24 мая заключен был решительно для одного только низвержения Тьера. Почти наверно можно сказать, что они даже и не заикались о будущем и о том, как будут относиться друг к другу сейчас по низвержении Тьера. Они не давали друг другу никаких обещаний, кроме самых насущных, единственно только *завтрашних* и к настоящему *делу* не относящихся. Они слишком хорошо знали, что каждый будет действовать лишь для своей партии и, может быть, сейчас же, завтра же, если понадобится, вцепится друг другу в волосы. Самая горячая и многочисленная из этих партий тотчас же начала действовать с странною, ничем не оправданною верою в свои силы. Но легитимисты и особенно клерикалы всегда так действовали, во всю последнюю историю Франции. Началось тогда, как и всегда у легитимистов и клерикалов, с полного презрения к общественному мнению: притеснение печати, сборищ, преследования начались тотчас же. Во французском народе, сельском и частью городском (но не фабричном), действительно началось в последние годы довольно заметное религиозное движение. Духовенство тотчас же эксплуатировало факт — но без меры, без понимания общественного мнения, с наглостию, вредящею самой религии. Стали устраивать и искусственно вызывать по всей Франции церемонии богомолья, архи-

епископы рассылали возмутительные воззвания, требовали кредита для постройки новых соборов, хотели было ввести в закон начинать каждое заседание Национального собрания молитвою, что немыслимо и дико для французов. Они преглупо, и даже зная, что это глупо (то есть уже не щадя себя), запрещали все овации и благодарственные адресы Тьеру и преследовали за них. Они не позволяли нигде праздновать день освобождения территории, сами давая тем знать, что в освобождении этом не считают себя деятелями или участниками. Они отказались по поводу этого громадного и радостного для Франции события от самой малейшей амнистии, хотя бы только для виду, политическим преступникам — в чем не отказывает ни одно правительство в Европе своим подданным во дни великих национальных торжеств или радостей. Одним словом, действовали, презирая среду, с непостижимою уверенностию в своих силах. И вот вдруг теперь всё это уже совершенно открыто ринулось к графу Шамборскому. Произошло свидание представителей династий — Орлеанской и Бурбонской. Трудно представить себе даже до сих пор: что именно хотел этим сказать граф Парижский? Орлеанская династия, имеющая некоторое число приверженцев в Национальном собрании, почти менее всех партий, терзающих теперь Францию, имеет шансов к престолу. Эта династия, самая благодетельная для Франции в этом столетии, давшая ей 18 блаженных лет, тем не менее нестерпимо ей надоела, и Франция ни за что теперь на нее не согласится. К тому же она вполне отжила свой век и требования страны теперь совершенно иные. Орлеанская династия, с ее мягкостью в правлении и разумным либерализмом, не в мерку теперешним событиям. Тем не менее свидание произошло, и обе партии, слившись, надеются на большинство в Национальном собрании. Но что такое это Собрание, провозглашающее графа Шамборского Генрихом V, если б даже это и было возможно? Есть исторические факты, давно совершившиеся, которые нельзя игнорировать. Хороши ли, нет ли эти факты, живительны или несут с собой смерть — это всё равно в настоящем вопросе. Главное в том, что они есть и их нельзя перейти. Вследствие этих фактов графа Шамборского, с его авторитетом «божиею милостию» (и правом завоевания в V столетии, прибавим мы), не могут никак принять французы. О, они, может быть, и приняли бы! Ибо только $^{1}/_{8}$-я какая-нибудь доля нации верит в принципы 89 года и знает о них. Остальные лишь жаждут покоя и сильного правительства, и до такой степени, что согласились бы на какой угодно авторитет, — был бы только этот несомненный авторитет. Но в том-то и дело, что и в несомненность авторитета графа Шамборского никто, кроме легитимистов, не может серьезно верить. Конечно, теперь *всё*, решительно *всё* может случиться, и даже Шамбор может въехать в Париж на белом коне... но не более как на два дня, да единственно только в том случае, если маршал Мак-Магон положит

в избирательную урну свой маршальский жезл. Но — и это весьма важный факт, — кажется, Фроштдорф и всё это легитимистское движение происходит вне всякого участия маршала Мак-Магона. По крайней мере, нет ниоткуда об этом каких-нибудь точных сведений. Одним словом, агитаторы надеются решительно лишь на одни свои силы. Замечательно тоже, что из всех легитимистов самые нетерпеливые, нетерпимые, самые горячие и самонадеянные и самые оторванные от почвы — это клерикалы, духовенство.

С графом Шамборским ведутся представителями монархических партий самые деятельные переговоры, — точно всё дело только в нем и в его согласии. О мнении нации никто из них ничего не думает. Да так и должно быть: чистые легитимисты, по крайней мере, всегда отрицали Францию и доказали это вполне, исторически. «L'etat c'est moi, la nation c'est nous».[1] Чрезвычайно комично начинает выступать фигура и самого графа Шамборского! Кажется, он тоже вполне уверен, что всё дело в одном только его согласии идти царствовать и стоит лишь ему согласиться, как вся Франция тотчас же станет перед ним на колена. Уверяют, что он на днях, переговариваясь с депутатами правой стороны относительно приписываемого ему намерения начать войну с Италией, отвечал, что это было бы с его стороны безрассудством, потому что он знает, что Франция не может вести войны. «Необходимо, — заключил он, — чтобы Франция собралась с силами и устроилась», но что сверх того «надобно оставить князю Бисмарку полную свободу действий, так как он сам разрушит свое творение».

Если такие слова о Бисмарке действительно были сказаны графом Шамборским, то, конечно, это человек и глубокий, и умный. Об огромности ума его, однако, никто и никогда не имел известий, так что, может быть, слова о Бисмарке и не его (если были сказаны), и граф повторил лишь чужое слово, и, кто знает, может быть нарочно для него придуманное. Иногда королям, возвращающимся к своим народам, нарочно придумывают словечки для первой встречи. Если не изменяет нам память, кажется, Людовику XVIII-му при въезде его в Париж в 1814 году, после долгого отсутствия, придумано было князем Талейраном словцо: «Rien n'est changé, il n'y a qu'un français de plus» («Ничто не изменится. Стало только одним французом больше»). Так или этак, но граф Шамборский, хотя бы и был чрезвычайно умным человеком, все-таки может ничего не понимать в своей нации. Тут уж не ум, а обстоятельства. Нет ничего труднее, как *подобному* наследственному королю узнать свою нацию. Там, где приверженцы короля обращаются в партию, там такой король, с самого дня своего рождения до дня своей смерти, видит лишь людей своей партии, и хоть и слышит о людях иных партий,

---

[1] «Государство — это я, нация — это мы» *(франц.)*.

но наверно считает их только за поврежденных умом. Граф Шамборский обещает не объявлять войну Италии (то есть за папу). Но ведь он говорит только про настоящую минуту, про то, что Франция не готова теперь к бою. Такой оборот фразы именно должен означать, что когда Франция отдохнет и изготовится к бою, то... Да и может ли «законный», настоящий Бурбон, король французский, отказаться от векового своего титула «христианнейшего короля»? Старая Франция издавна, с глубины веков, *жила* католическою идеею и провозглашала ее, держала высоко ее знамя, стояла за Рим, в противоположность германской идее, ставшей наконец за Реформацию со всеми ее последствиями. Это до того неотъемлемо от истой французской идеи и от нации — главной представительницы германо-романского племени, что, несмотря на 89 год, Франция, во всё продолжение XIX-го столетия (Людовик-Филипп, Наполеон III, Тьер), постоянно продолжала стоять в своей политике за католичество, за Рим, за светское владычество папы. Теперь же, именно в эту минуту, можно *предчувствовать*, что первое столкновение с Германией Франции, во главе других католических держав (если только подобный союз католических держав состоится), произойдет именно из-за Рима, из-за воскресения римского католичества во всей его древней идее... Недаром же в Берлине предпринят крестовый поход «кровью и железом» для окончательного искоренения «римской идеи» в Германии, так что даже нарочно придумали вместо старого римского католичества новое (книжное) «старокатоличество», для отпору и противуположности. И не могли бы одни только германские римские католики, сами по себе, до такой степени взволновать и озлобить против себя графа Бисмарка. Тут другое; тут именно, может быть, тоже предчувствуется, что римская идея возродится опять и знамя ее подымет именно крайний запад Европы, — вот тот самый, откуда они вывели недавно последних своих солдат... Впрочем, идею нашу мы не станем теперь развивать и подробно доказывать. Пусть останется она лишь предположением...

Насчет знамени — трехцветного, французского, *республиканского* знамени, граф Шамборский еще ничего не решил. Кажется, впрочем, ему был голос от папы, что надо бы согласиться, не упрямиться, уступить. Он ничего не решил, но есть слухи, что вот как будет: нация (Национальное собрание) явится к нему вручать корону и об знамени не скажет ни слова, и вот тут-то он возьмет и *подарит* Франции *сам* столь дорогое ей трехцветное ее знамя, в виде милости на радостях. Об конституции он выразился, что если старую хартию (1814-го года), с которою уже раз приходили Бурбоны (то есть был уже прецедент), поизменить капельку сообразно теперешним обстоятельствам, то, кажется, этого будет довольно. Разумеется, в таком случае всеобщая подача голосов, столь дорогая французам (впрочем, неизвестно почему, ибо более нелепого изобретения, конечно, ни-

кто не может указать даже из всех нелепостей, бывших в нашем веке во Франции), устраняется. Но до Франции какое ему дело? Сомнения нет, что граф Шамборский возвращается во Францию с самою святою уверенностию осчастливить ее и верит, что осчастливит; но возвращение его чрезвычайно похоже, в мечтах его, как бы на возвращение благодетельного помещика в свою деревню.

О, он не допустит *их* стать на колени! То есть когда в замке Шамборе (слышно, что к *тому времени* он хочет переехать в Шамбор) Национальное собрание, с короной в руках, начнет умолять его «возвратить себя Франции», то уж, разумеется, он не даст им стать на колени. Он слишком, слишком понимает свой век! Но... если б все-таки они обнаружили вид, что хотят будто бы склонить колена, то это было бы вовсе недурно. А уж в благодарность он их тотчас же ни за что и не допустит, так что как будто бы они и не начинали становиться. Зато уж, наверно, в тиши Фросдорфа невинному воображению графа не раз мечталось в последнее время, что когда он въедет в Париж на белом коне, то парижанки будут бросать цветы, а народ бросится целовать копыта его лошади. Тут уж он даже и не остановит и всё допустит, ибо это лишь натурально и делает только честь обеим сторонам. Целуют же копыты коня другого Бурбона, его родственника, претендента испанского, Дон Карлоса. Там действительно это случалось уже несколько раз, в деревнях...

Кто же может, однако, прежде всех этому помешать, всем этим въездам и другим фантастическим картинам, ожидаемым в столь близком будущем? Разумеется, после такого вопроса на первом плане тотчас же является фигура старого маршала Мак-Магона, о котором мы уже и начали было говорить. Но прежде чем заговорим снова, упомянем об одном чрезвычайном политическом обстоятельстве, о котором доселе, кажется, никто еще не сказал ни слова в Европе, хотя оно продолжается уже три месяца с половиною, и на которое, таким образом, «Гражданин» укажет первый. Вот в чем оно состоит.

Маршал Мак-Магон, «старый маршал», «честный маршал», «храбрый маршал», «честный старый солдат» и т. д. и т. д., до самого 24 мая сего года был, конечно, всем известным в Европе лицом, но только с одной, весьма ограниченной стороны. Он служил, он дрался, он отличился, и когда надо было, об нем всегда объявляли в газетах, но ровно столько же, сколько и о других служивших и отличившихся маршалах. Даже и менее, чем о других: Базен, например, был всегда более его известным, а после франко-прусской войны, в которой он так отличился, имя его стало даже *чрезмерно* известным, — например, теперь, когда готовится его окончательный процесс в Трианоне, заранее волнующий Европу и Америку чуть не пуще венской всемирной выставки или путешествия шаха, о котором, к слову сказать, так вдруг все и забыли (да когда, в самом деле, было путешествие шаха — де-

сять лет назад, не правда ли?). И вот вдруг столь много и столь обыкновенно известный маршал Мак-Магон с 24-го мая, то есть с выбором его в президенты Французской республики на место Тьера, становится *необыкновенно* известным, громадно, колоссально известным. Известность эта продолжается уже почти четыре месяца. И вот во всё это время, с самого первого до самого последнего сегодняшнего дня, все газеты всего мира, а французские по преимуществу, взапуски принялись называть маршала всеми теми прозвищами, которые мы выписали несколько строк выше: «старый маршал», «честный маршал», «храбрый маршал», «честный старый солдат» и проч. Всего более упирали на два слова: «честный и храбрый», и всего чаще повторяли их. Ничего бы, кажется, не могло быть лестнее для старого, храброго солдата; а между тем в том-то и дело, что наверно вышло наоборот. Тут всегда являлось как бы какое-то коварство, — самое, впрочем, невольное, почти нечаянное и неизбежное, — а между тем точно все сговорились. Именно: все эти прекрасные эпитеты — «честный, храбрый» и т. д. — появлялись как бы для того только, чтоб избежать слова «умный». И всегда это как будто именно точь-в-точь так и было. Да, кажется, и действительно так было. Ни разу не было сказано «наш умный маршал, наш дальновидный маршал». И всегда это говорилось, как нарочно, с самою искреннею, то есть с самою обидною, наивностью, а стало быть, и — ясностию. Именно, когда хвалили других за политический ум, за дальновидность или разбирали путаницу предстоящих труднейших событий, всегда тут-то как раз: «честный маршал», «храбрый, честный солдат», «на него будет можно понадеяться». Работать-то, конечно, будет не он, а мы (да и не его ума это дело), но храбрый солдат нам не изменит, честный солдат нас сбережет, мы у него как у Христа за пазухой, ну а когда придет время, мы у него сбереженное-то и отберем, а ему откланяемся, и он будет этому очень рад, потому что это «храбрый маршал», «честный маршал», «честный, храбрый старый солдат!»

Одним словом, мы твердо уверены, что, как бы ни был маршал Мак-Магон храбр и честен, тем не менее ничего нет противнее для него в настоящее мгновение, как эти эпитеты «храбрый» да «честный». Тут немного надо знания психологии и вообще человека и особенно храброго и честного солдата, чтоб согласиться с этим.

Мы опять и откровенно повторяем, что считаем этот проявившийся с 24 мая факт чрезмерно важным, но не замеченным доселе политическим обстоятельством и что, уже конечно, он повлияет даже на важнейшие дела Европы, может быть, в самом ближайшем будущем. Ибо что, например, было бы теперь всего приятнее честному и храброму маршалу? Уж без сомнения, всего приятнее было бы вдруг и неожиданно доказать всей Европе и особенно Франции, что он не только старый и честный,

но вместе с тем и довольно-таки умный маршал. Это человек, кажется, прекрасный и безукоризненно благородный, но, кажется, тоже и молчаливый, то есть из умеющих молчать и таить про себя. Скажут, что это низко так обижаться, особенно на таком величавом месте. Но ведь это совершенно бессознательно делается; и к тому же — кто знает? — может быть, он даже и прав, то есть в том, что он и действительно довольно-таки умный маршал. Некоторые факты как бы уже намекают на то. Сначала, разумеется, то есть сейчас после 24 мая, он не мог очень высказаться, не доходило до слишком важного: он только представлял собою как бы узел, связавший несвязуемое, благодаря чему все могли жить и кое-как двигаться. Но вот все действительно стали жить и сильно двигаться. Партии обнажились и обнажаются чем дальше, тем больше. Явился Фросдорф, а затем явились уже совершенно обозленные и остервенившиеся бонапартисты. Республиканцы всех оттенков тоже ждут сделать свой главный удар и заявить себя; не умеют, по обыкновению, но сильно ждут. Ну что, если Национальное собрание действительно выберет Шамбора? Тогда честный солдат встанет, поклонится и отдаст избранному вожжи в руки? И вот нам всё более и более начинает казаться, что он сделает это только в том случае, если он действительно *всего только честный солдат*. Напротив, нам думается, что он непременно захочет показать свой ум, доказать всей Европе, что именно он-то и может выдумать что-нибудь гораздо поумнее избрания графа Шамборского. И, главное, имея в руках такую силу — войско! По-нашему, он даже именно поставлен в такое безвыходное положение, что непременно даже обязан выдумать сам, своим умом, что-нибудь очень остроумное и оригинальное и не может ни за что сделать иначе — под опасением остаться — и уже навеки — «нашим старым солдатом, нашим честным солдатом, нашим храбрым солдатом», но — и только...

Но об этом положении президента Франции, о причинах этого положения и обо всем, что касается почтенного маршала в его отношениях к современной минуте, мы поговорим особо в будущей статье; теперь же, кажется, и без того перешли указанные нам редакцией пределы нашей статьи. Зато в каждом № «Гражданина» неуклонно будем продолжать наше описание иностранных событий, так что надеемся, по возможности, не отстать от них... Но кончая хронику, забежим вперед и прочтем чрезвычайно важную недавнюю телеграмму из Берлина:

«*Берлин* (24 сентября). На вчерашнем парадном обеде в белой зале берлинского дворца император Вильгельм провозгласил тост: „За здоровье моего брата и друга — короля итальянского“, на что король Виктор-Эммануил ответил тостом: „За здоровье моего друга, давнего союзника, его величества императора германского!“

Князь Бисмарк прибудет в Берлин сегодня, в шесть часов вечера».

О короле итальянском и о путешествии его мы обещаем поговорить особенно обстоятельно, ибо событие это *одно из самых важнейших* за весь, может быть, нынешний год. Теперь же заметим только, опять-таки забегая вперед, что король Виктор-Эммануил весьма не любит путешествовать. Это король-джентльмен, простой, гордый и с чрезвычайным тактом. Он ни за что не бросил бы Италию, если б не самые важные соображения. Разумеется, всегда принято с поспешностью уверять в таких случаях, что ничего нет политического; французский посланник формально осведомлялся у итальянского правительства: что, дескать, это значит это путешествие? — и получил в ответ, что это означает горячие и дружеские чувства, которые издавна питают друг к другу оба монарха и проч. и проч. в этом роде. На дипломатическом языке это означает точь-в-точь: вы слишком любопытны-с. Да и действительно слишком уж невинное любопытство от дипломата!

Зато редко кому бывал такой восторженный прием в Берлине, как итальянскому королю. Приезд его в Берлин популярен и национален. В Вене принимали хорошо, но все-таки не так, как в Берлине, — и тому есть причины...

<24 сентября 1873 г.>

На этот раз мы уступаем наше место в «Гражданине» другим обозрениям. Сообщим лишь замечательнейшие из политических телеграмм за прошедшую неделю.

«*Версаль*, 13-го (25) сентября. Сегодня происходило заседание постоянной комиссии Национального собрания, в котором ничего замечательного не произошло.

Затем происходило собрание шестидесяти депутатов, принадлежащих к различным подразделениям консервативной партии. На этом собрании обсуждены были, одно за другим, все препятствия, которые еще представляются к возобновлению монархии. По всем вопросам состоялось полное согласие между присутствующими».

«*Париж*, 13-го (25) сентября. Официальная телеграмма, полученная из Испании, сообщает, что все шайки карлистов, осаждавшие Толозу, бежали, видя приближение правительственных войск под начальством Мориониеса. Морионес вступил в Толозу».

«*Берлин*, 14-го (26-го) сентября. Сегодня в 10 часов вечера король итальянский выезжает из Берлина в Италию.

Вчера князь Бисмарк посетил итальянских министров во дворце и имел с ними продолжительное совещание».

«*Париж*, 15-го (27-го) сентября. Бюро подотделений правой стороны будет иметь заседание 22-го сентября (4-го октября) для составления программы, которая будет представлена на одобрение съезда членов Национального собрания 27-го сентября (9-го октября). Если съезд одобрит эту программу, то от имени его будет отправлен графу Шамбору адрес до открытия заседаний Национального собрания. В этом адресе будут изложены окончательные и решительные условия приверженцев восстановления монархии во Франции.

Принц Наполеон присоединился к союзу республиканцев с бонапартистами, предложенному радикальной газетой „Avenir National".

Завтра в Перигё дается банкет в честь Гамбетты».

«*Берлин*, 14-го (26-го) сентября, ночью. Король итальянский выехал сегодня в десять часов вечера по герлицкой железной дороге. На станции этой дороги он простился самым сердечным образом с императором Вильгельмом. Оба государя поцеловались, обнялись. Прощание короля с наследным принцем и принцем Карлом было самое дружественное. Станция железной дороги была освещена бенгальскими огнями; несметная толпа народа провожала короля Виктора-Эммануила сочувственными возгласами».

«*Париж*, 16-го (28-го) сентября. Газета „République Française“ отвергает союз с бонапартистами, говоря, что республиканцы не желают иметь ничего общего ни со сторонниками Бурбонов, ни с приверженцами империи».

«*Мадрид*, 15-го (27-го) сентября. Инсургентские фрегаты „Нумансия“ и „Мендец-Нунец“ бомбардировали 14-го (26-го) сентября город Аликанте в продолжение семи часов. Город сильно пострадал от бомбардировки, но защищался мужественно и нанес такие повреждения судам инсургентов, что заставил их удалиться».

«*Париж*, 17-го (29-го) сентября, вечером. В речи, произнесенной вчера в Перигё на банкете, Гамбетта утверждал, что Франция, отвергая наследственную монархию, желает, чтоб была окончательно провозглашена республика вновь избранным Национальным собранием».

«*Париж*, 18-го (30-го) сентября. По позднейшим известиям оказывается, что слова, приписанные Гамбетте на обеде в Перигё, составляют только впечатление, вынесенное одним корреспондентом из разговоров, происходивших между ним и Гамбеттою».

«*Версаль*, 18-го (30-го) сентября. В „Официальном журнале“ напечатаны декреты о немедленном сформировании 18-ти армейских корпусов. Эти корпуса впоследствии будут расположены в 18-ти округах, на которые будет разделена Франция. С тем вместе, декретами назначены и командиры корпусов, в числе которых находятся генералы Кленшан, герцог Омальский, Дюкро, Бурбаки и Орель де Паладин. Обнародованы также декреты о формировании новых полков. Всего будет 144 полка пехоты, 70 полков кавалерии, 38 полков артиллерии. Распределение Франции на 18 округов еще не окончательно решено».

«*Париж*, 18-го (30-го) сентября. Письмо графа Шамбора к двум депутатам департамента Геро с негодованием отвергает исполненные клеветы обвинения радикалов и высказывает либеральные и примирительные намерения. Мак-Магон принимал графа Арнима и турецкого посла. Князь сербский уезжает сегодня вечером и на пути осмотрит лагерь в Бурже».

«*Париж*, 19-го сентября (1-го октября), вечером. В речи, произнесенной в Перигё, Гамбетта выразился, что республика вышла бы победительницей из борьбы с Германиею, если б монархисты не предпочли заключить мир. Местные власти запретили продажу на улицах газеты „Républicain de Dordogne“, в которой напечатана речь Гамбетты.

Тьер выехал из Лозанны и возвращается в Париж».

«*Париж*, 20-го сентября (2-го октября). Сегодня утром Тьер прибыл в Париж. „Женевский журнал“ утверждает, что отъезд Тьера из Швейцарии ускорился вследствие писем, полученных им из Парижа, в которых просили его поспешить возвращением».

В следующем нумере мы упомянем о значении всех этих главнейших телеграмм из Европы в подробности. Теперь же скажем лишь несколько слов. Всего более известий из Парижа, — точно самые малейшие факты из Франции имеют для Европы гораздо более значения, чем весьма крупные из других земель. Горячка торжествующей партии продолжается. Постоянная комиссия Национального собрания, заменяющая собою всё Национальное собрание в его отсутствие, собирается вяло, и, как гла-

сит телеграмма от 13 сентября, в последнее заседание ее ничего замечательного не произошло. Она как бы игнорирует теперешнее движение главной партии в пользу восстановления Бурбонов. Между тем она сама, в большинстве, состоит из тех же монархистов. Зато заседания отделений правой стороны всех оттенков полны огня и тревоги. Реставрация Шамбора решена, главные толки идут всё о знамени, трехцветном или белом, то есть о самом важном вопросе во всем этом деле. Трехцветное знамя есть признание так называемых принципов 89 года. Белое знамя — отказ от истории и возвращение к временам Людовика XIV. Впрочем, монархисты всё в той же полной надежде. Подтверждаются сведения, что в Риме непременно берутся уговорить графа Шамборского на трехцветное знамя. Как мы говорили в прошлый раз, полнейшее убеждение всей партии, что всё дело устроится одним лишь решением Национального собрания, продолжается. О народе и войске как бы никто и не думает. Подобная почти слепая уверенность партии могла бы намекать на таинственную поддержку со стороны маршала Мак-Магона.

Между тем во всех других французских партиях обнаруживается всё более и более разлад и как бы страх перед приготовлениями монархистов. Пишут о многих случаях измен и переходов. Ныне республиканцы перебегают к бонапартистам (как, например, газета «Avenir National») под предлогом союза бонапартистов с республиканцами. В сущности, вместо того чтоб соединиться, бонапартисты и республиканцы лишь упрекают и в чем-то стыдят друг друга. Республиканские вожди ведут себя загадочно — всего вероятнее, просто не знают, как приняться за дело.

Гамбетта, объезжая часть Франции, не знает, говорить ему или не говорить на банкетах. Тьер возвращается в Париж, чтоб «начать действовать», и может быть, и впрямь несколько поздно. Между тем газеты в Берлине, говоря о посещении Берлина королем итальянским, прямо подтверждают о союзе держав против «беспокойных движений иных наций», то есть, конечно, говорят о Франции и о возможности возрождения католической идеи, о чем мы говорили в прошлом № «Гражданина». Из телеграмм видно тоже, что и Франция сильно занимается вооружением и переформированием своих войск.

Правительство Кастеляра начало борьбу с врагами республики, по-видимому, довольно энергично, но покамест этим сведениям верить много нечего. Есть известия о сильных ударах, будто бы нанесенных Дон Карлосу; но известия эти пока лишь из Мадрида. Правда, собрание кортесов открыло новому правительству Кастеляра большие средства (денежные и право поднять значительную армию). Кроме того, восстановлен военный закон, то есть смертная казнь за преступления против дисциплины, но всё это, надо полагать, пребывает более, так сказать, на бумаге; да и не так скоро восстановляется совершенно упавшая дисциплина. Между тем сепаратисты на юге совершают

страшные злодейства. Эскадра города Картагены (осажденного правительством) бомбардировала город Аликанте из грабежа, чтоб вытребовать от Аликанте денег и провианту. Злодейство совершилось в виду эскадр прусской, французской и английской. Одна прусская хотела было помешать гнусным разбойникам; но удержалась ввиду бездействия французской и английской эскадр, решивших остаться нейтральными. Несчастные жители Аликанте телеграфировали, однако, лорду Гренвилю, умоляя о помощи; но согласия на помощь не последовало — трудно представить, по каким соображениям. Пусть это испанское правительство наказывало бы какой-нибудь из своих возмутившихся городов; но эти разбойники, конечно, для правительств Франции и Англии — лишь совсем неизвестные люди. И нравственный и всякий другой закон даже обязывают постороннего помешать явному и гнуснейшему злодейству, если оно происходит в его глазах и если он в силах оказать помощь.

Город Аликанте, оставленный собственным средствам, отвечал, однако, на бомбардировку из своих орудий чрезвычайно энергично, так что два разбойничьих корабля, «Мендец» и «Нумансия», сильно потерпели и должны были воротиться назад в Картагену ни с чем. По поводу этого злодейства испанское правительство снова пламенно и красноречиво выразилось, что оно вполне сознает необходимость подавить мятеж сепаратистов. Еще бы не сознавать такую необходимость!

На юге Испании разбойничают коммунисты, на севере — клерикалы. Некоторые экономисты убеждены, что такая разнохарактерность мятежа произошла оттого, что на севере земля раздроблена между огромным количеством мелких собственников (оттого консерватизм, Дон Карлос). Юг же страны состоит почти весь из крупной земельной собственности, а народ почти совсем лишен земельного надела — оттого пролетариат, коммунизм, желание захватить собственность силой и поделить ее меж собою. Что коммунизм играет огромную роль в теперешнем мятеже юга Испании — то несомненно.

‹1 октября 1873 г.›

Мы приглашаем наших читателей обратить внимание на напечатанную в нынешнем № «Гражданина» статью нашего сотрудника Z. Z. «О борьбе государства с церковью в Германии». Это продолжение напечатанного под тем же заглавием еще в 34 № «Гражданина», и сообщает последние известия об этой роковой борьбе. Хотя в настоящую минуту политический интерес, по-видимому, сосредоточен на другой краине Европы, но статья нашего сотрудника касается именно того главного, основного пункта, на котором в наше время как бы колеблется вся политическая будущность Европы. Тут не только борьба римского католичества и римской идеи всемирного владычества, которая умереть не хочет, не может и умрет разве с кончиною мира, — но,

в зародыше, и борьба веры с атеизмом, борьба христианского начала с новым грядущим началом нового грядущего общества, мечтающего поставить свой престол на месте престола божия. Князь Бисмарк, конечно не вполне про то ведая, как бы подает, своим презрительным и деспотическим отношением к церкви в новой колоссальной империи, основанию которой столь способствовал политикою «крови и железа», руку свою *новым людям*, атеистам и социалистам. Припомним опять изречение, приписываемое графу Шамборскому, о настойчивом князе: «Его надо оставить в покое, и он сам разрушит свое творение». Должно думать, что это *колоссальное* изречение сказано было графом Шамборским тоже несколько бессознательно, по крайней мере, в каком-нибудь более тесном политическом смысле. Всё не верится как-то, судя по фактам, что такие мысли тоже могут заходить в голову графа Шамборского.

Мы опять помещаем ниже массу политических телеграмм из Европы, за всю неделю, и опять-таки почти все они из Парижа. Неоспоримо то, что в Европе, вот уже скоро сто лет, всё *начинается с Франции* и, кажется, долго еще так будет продолжаться. Этому есть свои причины. Впрочем, несмотря на обилие телеграмм, нового и решительного еще немного. Мы остановились на путешествии короля итальянского в Вену и Берлин, вызвавшем такой восторг и в немцах, и в итальянцах. Король уже с неделю как возвратился в Италию, напутствуемый горячими изъявлениями дружбы императора германского и его фамилии и возложив в свою очередь орден Анунсиады (дающий титул *двоюродного брата короля*) на старшего сына германского наследного принца, на фельдмаршала Мольтке и на министра-президента Роона. Князь Бисмарк, уже имеющий этот орден, получил из рук короля его акварельный портрет. Телеграмма гласит, что в Риме 21 сентября, то есть в годовщину народного голосования, присоединившего Церковную область к королевству Итальянскому, устроена была восторженным народом иллюминация и горел транспарант, изображавший императоров австрийского и германского и короля итальянского, подающих друг другу руки. Таким образом, итальянцы вполне и с удовольствием сознают, что порвали надолго свои древние (католические) связи с крайним западом Европы и пристали к началу германскому (протестантскому). Во всяком случае политическое обеспечение юного итальянского королевства устроилось, на время, довольно крепко. Расставшись навеки с колоссальной римской идеей всемирного владычества папы, унаследованной прямо от идеи всемирного владычества древнего Рима, итальянцы смотрят теперь хотя и безмерно уменьшенным взглядом на судьбы свои, но зато позитивно и материально и, несмотря на прозаичность занятия, неуклонно хлопочут устроить свое будущее мещанское счастье под знаменем Италии, соединенной во единое конституционное королевство. Очень может быть, что они избрали благую часть. Тут

всё зависит от народного гения и во сколько он сам ценит и сознает себя. При этом как бы бросается в глаза хотя и несколько странная, но и не совсем отдаленная аналогия между современными итальянцами и новыми союзниками их, германцами. Эти честные граждане, восторженно смотревшие на вышеупомянутый транспарант, тоже как бы принесли в жертву часть своего религиозного чувства и верования, порешив с своим папой, в видах укрепления своего новенького итальянского королевства, — как и германцы, восторженно аплодирующие теперь — и в тех же видах укрепления своей новой колоссальной империи — новым церковным законам князя Бисмарка.

Рассматривая все парижские телеграммы, невольно приходишь к одному неизбежному выводу: именно, что республике во Франции, кажется, приходит последний конец. То есть не то что нынешней республике, но самому ее «принципу». И если в этот раз она не отстоит себя против Шамбора, то, может быть, никогда уже не возобновится во Франции. Впрочем, тут и не Шамбор; графу Шамборскому, — хоть и трудно это предположить, — может быть, и не удастся стать королем. Но республике все-таки нельзя существовать более, ибо от нее во Франции, кажется, все устали. Да и что такое, например, *Тьерова* республика, у которой наиболее приверженцев изо всей французской республиканской партии? Это нечто совершенно отрицательное. Сам Тьер формулировал неоднократно свою республику тем, что она «необходима, главное, потому, что ни одно из других правительств и ни одна из других партий во Франции теперь невозможны». Такое отрицательное достоинство вовсе не может успокоить усталую Францию, жаждущую порядка во что бы ни стало и силы, чтобы поддержать его. И тем более, что эта отрицательная и будто бы единственно возможная форма правительства в теперешней Франции вовсе не устраняет другие партии; напротив, дразнит и раздражает их именно своею отрицательностию; ибо каждая другая партия, напротив, уверена, что несет с собою нечто положительное и окончательное для Франции в сравнении с *отрицательной* республикой. Определять республику так, как определяет ее Тьер, значит самому не верить в нее. Вот почему всякий француз поневоле смотрит на республику как на нечто переходное, почти как на зло, более или менее неизбежное. Такое положение нестерпимо и должно пасть само собою. Оно еще могло существовать с Тьером во главе, ибо Тьер был сила; тем более что всё дело было в Тьере, а вовсе не в его республике. Но теперь и Тьер уже не сила. Сам он, конечно, еще не замечает того; ведь так еще недавно он стоял во главе Франции! Но пока он ждал и собирался — минута ушла навеки. Без сомнения, ему будет величайшим сюрпризом вдруг теперь узнать, что он всего только великое историческое лицо, окончательно отошедшее в область истории, а затем уже и ничего больше. Кажется, он об этом скоро узнает.

Всего вероятнее, что не поверит тому, но тем горше будет его разочарование. Нельзя же убедиться так вдруг в своей совершенной ненужности. Теперь он возвратился в Париж (из Женевы) и уже серьезно собирается действовать: слишком долго продолжалась его прогулка. Он становится во главе оппозиции большинству Национального собрания и собирается предводительствовать, ввиду близкой катастрофы провозглашения Франции королевством, во-первых, левым центром, любимым местом Тьера в палате, во-вторых, по возможности, левой стороной правого центра и, в-третьих, по возможности, всей левой стороной Собрания. Эта возможность подчинения Тьеру, на время, всей левой стороны Собрания, кажется, осуществима. Слышно, что крайняя левая уже прислала сказать ему, что спорить не будет и избирает его в предводители. Хоть и нигде о том не пишут, но нам кажется, что в этом решении крайней левой чувствуется ловкая рука умного Гамбетты. Но, наверно, все эти приготовления не увенчаются успехом: в роковой момент не только многие депутаты из центров, но даже и из левой стороны не *посмеют* не подать голоса за графа Шамборского, если дело начнется и кончится, как предполагают все до сих пор, одним решением Национального собрания. Вряд ли даже в таком случае и дойдет до дебатов в Собрании: легитимисты дерзки, решат нахально, насильно и даже, может быть, самому Тьеру не дадут говорить (а он, наверно, уже приготовляет удивительную речь). Легитимисты уже теперь гласно и открыто говорят и пишут, что Национальное собрание в тот роковой день должно быть окружено войском. Об маршале-президенте по-прежнему никто не думает, и легитимисты совершенно уверены в его послушании. Ну что, если в самом деле он всего *только честный солдат*? Тогда граф Шамборский, конечно, воцарится... на несколько дней. Приверженцы его и знать не хотят, что будет назавтра после воцаренья; им бы только теперь-то место занять. Характерно изречение самого графа Шамборского. Он писал одному депутату, что «не может представить себя королем какой-нибудь партии». Чем же он воображает себя после этого?

В Испании ничего лучшего, даже худшее. Из Мадрида хвалятся, что Дон Карлос чуть не совсем уничтожен; но, наверно, в этом нет ни малейшей правды. На юге Испании дела всё хуже и хуже, а под Картагеной правительственные войска перебегают к инсургентам. Вместо ста миллионов правительственный заем осуществил лишь всего десять миллионов реалов. Решили достать деньги во что бы то ни стало контрибуциями и налогами. В собрании кортесов разлад, и огромная часть их оставляет совсем правительство. Вероятно, провозгласится много новых pronunciamiento...[1]

---

[1] военных мятежей (*исп.*).

<8 октября 1873 г.>

Выписываем отзыв английской газеты «Daily News» о теперешних французских событиях:

«Есть признаки того, что во Франции замышляется новый государственный переворот, тем более незаконный, что он прикрывается парламентскими формами и парламентскими авторитетами. Между тем Версальское собрание никак не может считаться парламентом. Оно перестало быть им с той минуты, как, присвоив себе высшую правительственную ответственность, лишило избирателей и страну всякой ответственности. Теперь оно просто-напросто безответственная и независимая олигархия, удерживающая за собою власть посредством злоупотребления врученными ему полномочиями».

И далее о графе Шамборском:

«Претендент, по всем вероятностям, человек честный, хотя заблуждающийся. Если есть пункт, по которому он ни за что не должен бы уступить, то это вопрос о белом знамени. . . Говорят, впрочем, что сделана оговорка о присоединении к нему белой ленты или пучка из белых перьев. Но к чему символ, когда упраздняется выражаемое им дело! Сам граф Шамборский есть не более как символ. Вне традиционной монархии, эмблему которой он готов принести в жертву, он не имеет никакого значения. Принимая революционное знамя, он делается или монархом, созданным революцией, или соглашается на притворство. . . Принять конституцию не слишком трудно: для этого довольно минуты, почерка пера; но быть верным конституции всю жизнь, выполнять ее по букве и по духу при самых разнообразных обстоятельствах и условиях, выполнять в течение длинного ряда лет — вот задача, вот испытание, при котором граф Шамборский легко может сбиться с дороги, благодаря известным влияниям. Трудно переделать свою природу; воспитание, связи, привычки, вкоренившиеся убеждения должны осилить первоначальную решимость, несмотря на искренность намерения. . . Будет ли граф Шамборский, изменивший самому себе, верен Франции? Мы не считаем его способным к коварству; но он обнаружил слабость, которая является соблазном и государственною опасностью. . . Собрание может только сделать графа Шамборского королем Собрания, но оно не в силах укоренить его власть на французской почве. Герцог Брольи и его друзья воображают, будто то, что было возможно в 1789 году, возможно еще и в 1873 году. Они забывают целое столетие и общественный порядок, созданный этим столетием во Франции. . . Школа „исторических восстановителей“ (герцог Брольи — ее типический представитель) вся состоит из революционеров-педантов, планы которых — „устарелая новизна“. Это антикварии, а не консерваторы. . .»

Рядом со статьей «Daily News» выписываем, тоже в отрывках, несколько чрезвычайно характерных, а в настоящую минуту и особенно замечательных суждений Луи Вельо, в иезуитской газете «Univers», на ту же тему:

«Старые гугеноты, оставшиеся верными Генриху IV, говорили когда-то, чтоб извинить его отступничество от протестантства: „Париж стоит мессы (Paris vaut bien une messe)“. Около Генриха V толкутся теперь такие же политиканы и точно так же убеждают его, что „Париж стоит того, чтоб немножко съякшаться с революцией“. . . Что до них, то ничего им не кажется проще. Король, однако, другого мнения. То, что надо сделать, говорит он, не может быть сделано иначе, как по желанию всех и с помощью всех, под начальством всеми избранного предводителя. Я тот самый человек, который теперь всё соединяет и всех менее разъединяет. В ваших же руках я буду лишь похож на вас и тотчас же стану в разлад и с вами и с самим собою».

«Политиканы возражают ему, что не народ сделан для короля, а король для народа. Король отвечает, что и он так же думает и что потому-то и не отказывается от трудного королевского ремесла — родового ремесла своего; но что сами они вовсе не народ и вовсе не изображают собою короля и что если он отдастся в руки их партии, то не исполнит своей обязанности ни пред собою, ни пред народом. Они опять возражают; но король объявляет наконец, что разговор пора кончить и что он не торгаш».

«Вот в каком состоянии теперь дело; король молчит, и посетители отходят ни с чем. Теперь ясно, что Генрих V не изменил ни в чем своей первоначальной программе. Тут не великодушие, а убеждение. Анархию нельзя ничем вылечить, кроме как монархией — естественным жребием французов . . . Лишь одна монархия может навеки воскресить порядок во Франции, всякая другая система правления может годиться только на время, даже и в случае успеха. Лишь в монархию Франция чувствовала себя совершенно свободно — точь-в-точь как всякий здоровый человек, живущий по законам своего темперамента. Генрих V говорит: „Я много означаю и много могу, оставаясь верным принципу, которому служу представителем. Но вне этого принципа я ничто, я теряю всякую силу что-нибудь совершить и, уж конечно, не пойду вас тогда спасать. Верностию моему принципу я излечу отравленную атмосферу, в которой задыхается Франция; отказавшись от моего принципа — я тотчас же становлюсь одною из тех затычек, которыми вы вот уже сто лет затыкаете ваши прорехи, беспрерывно меняя и отменяя их. Останьтесь с г-ном Брольи, или восстановите г-на Тьера, или попробуйте, пожалуй, г-на Гамбетту, а меня оставьте в покое. Вы пугаетесь моего знамени; напрасно. Во всяком случае, я не уступлю его, и вы должны понять, что я в этом прав. . . Это не бравада, это не пустой каприз. Тут необходимость, даже с одной политической точки зрения. . . Это знамя есть символ моего принципа. Когда вы все его примете, я почувствую, что мы примирились и примирились искренно, что вы забыли ваши обиды и прощаете мне всё зло, которое мне сделали. Если бы я изменил моему знамени и взял бы ваше, вы не могли бы уважать меня. Вы бы всё смотрели на меня, как победители смотрят на побежденного. Вы бы поминутно вспоминали о крови предков моих, пролитой вами на эшафоте, а меня бы обвиняли поминутно, что это я о ней вспоминаю. Я требую лишь того, чего требует моя честь, а честь моя — ваша честь. Зачем хотите вы, чтоб, восходя на трон, я имел вид раскаявшегося грешника? Я ничего у вас не просил, я никакой милости не просил; я вступаю на трон по моему праву, но вступаю не насилием, не с мечом в руке. Но так как мое право и ваша воля совпали вместе, то и знамя, с которым я возвращаюсь и которое вы до сих пор так не любили, с этой минуты должно быть так же дорого и славно для вас, как и для меня. Иначе и не может быть. При таких примирениях собственное достоинство и правда — первое дело. Я вовсе не раскаивающийся грешник, но я и не похититель. Прилично ли мне похищать наполеоновское знамя и подвергать себя подобному обвинению? Я предоставляю дому Наполеонов его знамя, с Аркола и до Седана. Белому знамени довольно и собственной славы. Пусть же войдет оно во Францию без боя с французами, и это вшествие останется его лучшей славой“».

«Вот как может говорить Генрих V, — прибавляет Луи Вельо, — но он молчит, и это еще лучше. Зачем объяснять то, что Франция и без объяснений понимает. Его дело восторжествует безо всяких речей. . . Монархия или анархия, монарх или ничего! Эта корона, необходимая для нашего спасения, вовсе не так необходима его славе. Он может со славою возложить ее на себя; но еще более славы отказаться от нее, чтобы не нарушить чести. Никогда не было более счастливого положения в судьбах человеческих, более обещающего и более независимого. Этот победитель не нуждается ни в армии, ни в совете. Нет с ним солдат, нет сокровищ, нет заговорщиков. Он достигнет, несмотря на непреоборимые препятствия, и ни перед кем не останется за это в долгу, никто не будет иметь права обвинять его в неблагодарности. Он войдет без пролития крови, один, с тем самым знаменем, с которым был изгнан».

Оба эти отзыва о графе Шамборском двух совершенно удаленных одна от другой европейских газет весьма любопытны. В существе дела они отчасти согласны. «Daily News» негодует за то лишь, что граф Шамборский выказал слабость и сделал уступки. Луи Вельо прямо утверждает, что никаких уступок не было, что к графу, напротив, беспрерывно ездят из Парижа уполномоченные, чтоб вырвать у него хоть какую-нибудь уступку, но что «король продолжает хранить молчание». Сведения Луи Вельо, кажется, вернее других.

Весь союз всех партий правой стороны, испуганный внезапным движением всей республиканской партии Национального собрания, обнаружившей в последнее время чрезвычайную энергию в приготовлениях к отпору монархистам, назначил окончательную комиссию под председательством Шангарнье, чтоб условиться о последних предложениях графу Шамборскому, с тем чтобы получить на них уже ответ окончательный. Заседания всех комиссий, конечно, ведутся в глубокой тайне, но результаты все-таки известны. Известно, например, что согласие всей правой стороны и правого центра продолжается ненарушимо. Известно еще то, что последняя депутация к графу Шамборскому уже отправилась с окончательными предложениями. Эта депутация весьма скоро должна воротиться с окончательным результатом. Замечательно одно сведение, весьма, кажется, точное, сообщаемое последними газетами, что в случае решительного отказа графа Шамборского принять трехцветное знамя — союз всех партий правой стороны будет продолжаться ненарушимо даже и после падения всяких надежд провозгласить монархию. Ходил слух, довольно нелепый, что в таком случае все-таки провозгласят монархию, а королем — графа Парижского. Гораздо вернее, по нашему мнению, другое известие, по которому монархисты палаты, при неблагоприятном ответе от графа Шамборского, немедленно по сборе палаты (5 ноября) провозгласят необходимость продления полномочий маршала Мак-Магона, но уже, разумеется, без провозглашения республики. Таким образом, это будет продление настоящего нестерпимого порядка вещей на неопределенное время, то есть: для Франция никакого обеспечения; неопределенное положение вещей, охраняемое, пока можно, штыками, прежняя борьба обозлившихся окончательно партий; ни монархия, ни республика, — и всё это единственно для той только цели, чтобы Национальному собранию как можно долее не расходиться и как можно долее протянуть свои полномочия. *Всего вероятнее, что так и будет,* но как-то невероятно для нас и то, чтоб легитимисты могли отказаться хоть на время от графа Шамборского в случае отказа его от уступок. Они его примут и без уступок, примут даже и с белым знаменем, — ибо дело уже слишком далеко зашло, а монархическая партия раздражена и разгорячена до последней степени. Весьма может быть, что найдут какой-нибудь исход, чтоб не разрушить своего союза в Собрании даже и в случае белого знамени. Есть

тому некоторые признаки, например хотя бы эта самая статья Луи Вельо. Это мнение «Univers», самого монархического журнала во Франции; и, уже конечно, Луи Вельо самый покорный слуга Генриха V. Тон статьи его взят чрезвычайно высоко. Но если претендент, по мнению «Daily News», уже решился сделать уступки, то каково же должна услужить ему статья в «Univers»? Выходит, стало быть, что в легитимистском лагере уже убеждены в возможности воцарения графа Шамборского даже и безо всяких с его стороны уступок, или, лучше сказать, *во всяком случае*. Один только факт остается ясным: что об окончательном решении графа Шамборского еще нет никаких определенных сведений. Президент совета министров, герцог Брольи, на банкете в Невиль-Дюбоне, по случаю открытия одной новой железной дороги, произнес речь, в которой прямо заявил, что он монархист, что Национальное собрание имеет право провозгласить тот образ правления, который найдет подходящим для Франции (то есть монархию), вследствие предоставленной Национальному собранию учредительной власти, причем заверял, однако, что «формы гражданского устройства, для всех нас одинаково дорогие, останутся неприкосновенными», — другими словами, он обещал, что граф Шамборский примет трехцветное знамя и принципы 89-го года. Всем известно, что герцог Брольи один из первых агитаторов по восстановлению монархии и изо всех сил хлопочет только, чтоб в этом деле всех согласить и всем угодить, то есть чтоб граф Шамборский согласился на трехцветное знамя. Но характернее всего то, что член все-таки республиканского правительства, президент совета министров, позволил себе на публичном банкете такую откровенность и явно стал за монархию. Этот «легкомысленный поступок» герцога, как отозвались об нем некоторые газеты, опять-таки явно свидетельствует о самой полной, о самой слепой уверенности монархистов в победе. Иначе не позволило бы себе такое высокопоставленное правительственное лицо так проболтаться.

Одним словом, в самом близком будущем, через какие-нибудь три недели, может произойти чрезвычайно много нового и совсем даже неожиданного, ибо малейшая случайность в текущих делах может *на некоторое время* изменить весь ожидаемый ход событий. Вельо в своем образе Генриха V начертил нам чрезвычайно высокий тип. Может случиться, что граф Шамборский действительно откажется от трона, чтоб сохранить свои принципы. Может случиться и то, что, несмотря и на знамя, его все-таки подвергнут баллотировке в Собрании и он получит какое-нибудь большинство от одного до десяти голосов — и опять откажется вступить на престол ввиду такого постыдно малого большинства избравших его. Может случиться, что иезуиты тотчас же успокоят его в этом случае, и первый присоединится к ним сам Луи Вельо, причем уверят графа Шамборского, что такого шанса не надо терять, что народ отвык от королевской власти, груб и даже

некрещен и что, хотя бы он сопротивлялся и бунтовался, все-таки надо воспользоваться послушанием маршала Мак-Магона и решением Национального собрания и во что бы то ни стало вступить на престол, — хоть для того только, чтоб окрестить этот тупой и бессмысленный народ и сделать его, хоть и насильно, религиозным и счастливым, — что в этом призвание законной монархии, что это своего рода крестовый поход и т. д. и т. д. Нам приятнее было бы, если б граф Шамборский не изменил своим принципам и отказался бы от престола, — единственно потому, что в мире стало бы одним великодушным человеком больше, а миру в высшей степени необходимо иметь перед собою как можно более людей, которых можно уважать. Наконец, может случиться, что в решительную минуту одолеют республиканцы, и тогда разойдется Собрание, взамен которого соберется новое и провозгласит уже республику окончательно. Но мы оставим на время все эти частности, все эти pro и contra [1] в стороне и постараемся разрешить один любопытный и уже более общий вопрос, который нас особенно занимает в сию минуту.

Предположим прежде всего, что граф Шамборский уже вошел на престол, республиканцы рассеяны, Мак-Магон послушен, страна мало-помалу успокоивается, по крайней мере по-видимому, и всё идет, наконец, довольно гладким новым порядком. Таким образом, мы устраняем даже и «завтрашний день». Уверяют же теперь иные легитимисты, что, «по крайней мере, граф Шамборский даст французам лет 18 тишины и спокойствия». Мы соглашаемся если и не на 18, так на сколько-нибудь лет этого спокойствия. Вопрос: что же дальше? Чем разрешатся судьбы Франции, если б даже граф Шамборский и утвердился на троне, чем успокоены будут Европа и мир?

Вот вопрос. Veuillot уверяет, что главная сила претендента заключается в том, чтобы ни на атом не изменить своим принципам, и что в таком только случае при нем останется вся возможность спасти и успокоить Францию. Да, но что же именно сделает новый король, чтобы *спасти* Францию, и что именно значит в этом случае слово *возможность*?

Сущность принципов графа Шамборского состоит, во-первых и главное, в том, что власть его есть законная власть; далее же наступает такая путаница, что не понимаешь, как такие идеальные вещи могут являться в действительности. То есть, положим, слишком понятны и слишком не идеальны все те пружины, которые двигают теперь всю эту партию провозгласить монархию; но сам Генрих V и все те, которые думают так же, как он (потому что есть же и такие из его приверженцев), суть явления совершенно фантастические. Не в том дело, что сам король будет уверен в законности своей власти, а в том, чтобы все французы тому поверили. Случись последнее обстоятельство, и, конечно,

[1] за и против (*лат.*).

Франции не оставалось бы ничего более желать: она вновь сильна, в первый раз соединена в одно целое в продолжение всего столетия, она счастлива и свободна тогда в высшей степени. Император Наполеон III во всё время своего царствования принужден был направлять все свои усилия к упрочению и укоренению во Франции своей династии. Будь он избавлен от этой роковой и беспрерывной заботы, и наверно бы он устоял, и не было бы седанской катастрофы. Тогда как преследуя эту роковую цель, он принужден был начинать множество деяний, клонившихся не к счастью Франции, а единственно лишь к упрочению дома Наполеонов. Французы это ясно понимали, ибо почти все эти деяния предприняты были не только не к счастью Франции, но даже к неоспоримому несчастью ее. Таким образом, несмотря даже на ореол чрезвычайной силы и славы, французы все-таки с беспокойством продолжали ощущать себя, во всё время царствования Наполеона III, в положении неопределенном и неустойчивом; ибо, если сам глава правительства не верил в устойчивость своей власти, тем менее могли верить французы. Но случись такое чудо, что все наконец поверят в законность власти графа Шамборского и он, стало быть, будет окончательно избавлен от роковой заботы Наполеона III, — тогда, конечно, все цели достигнуты. Король, видя веру в него своих подданных, не может же не верить им сам. Тогда, не подозревая ни заговоров, ни ухищрений против себя, он дал бы все свободы своим подданным — свободу прессы, сходок, внутреннего управления, свободу жизни, свободу вводить хотя бы коммунизм, — только бы это не вредило целому, всем. Но ведь такое согласие — идеал совершенно невозможный. Мы не будем повторять мнений «Daily News», или «Times», или Тьера, или Токвиля в недавней речи его о том,что Франция есть страна по преимуществу демократическая и поэтому в ней легитимизм невозможен. Демократизм Франции был, в продолжение целого столетия, подвержен большому спору, и вопрос этот далеко еще не решенный. Мы просто укажем на вкоренившееся во Франции предубеждение против древней монархии, на столетнюю от нее отвычку, на столетние совсем новые привычки, на шесть или семь поколений французов, возросших после монархии, и, наконец, на народ, на *черный* народ, даже совсем и забывший про древнюю монархию, совсем ее не знающий, не имеющий об ней никакого точного понятия и наверно не понимающий теперь: из-за чего ему присягать Шамбору, усыпать его путь цветами и целовать копыта его белой лошади? Граф Шамборский провозгласил, что он не король партии, а стало быть, желает быть избран всеми. Но в том-то и вся фантастичность сна его, что он, кажется, совсем убежден в возможности такого избрания! «Без всеобщего согласия всех французов на законную власть короля французы не могут быть счастливы», — говорят легитимисты. Пусть, но как получить это *всеобщее* согласие, как перескочить через эти 100 лет? Всё это как сон. Повторяем: все эти рвущиеся провозгласить монар-

хию совершенно понятны; но граф Шамборский, серьезно верующий, что его могут *все* пожелать и что он не человек партии, невольно представляется как бы человеком помешанным.

Те из легитимистов, которые действуют не с плеча, чтоб только занять место, и не клерикалы, которые действуют, имея лишь в виду свои особые, специальные цели, свой status in statu,[1] — те из них имеют же какой-нибудь разумный план, не верят же они в самом деле в какое-то фантастическое всеобщее согласие, которое так вдруг, совсем готовое, слетит с неба. Если так, то какой же это план? Ведь еще мало войти во Францию, сесть на трон, окруженный послушными штыками Мак-Магона, и начать царствовать; надо и что-нибудь сделать. Надо принести с собою какую-нибудь новую мысль, сказать какое-нибудь такое новое слово, которое действительно имело бы силу вступить в бой с злым духом целого столетия несогласий, анархии и бесцельных французских революций. Заметьте, что ведь этот злой дух несет с собою страстную веру, а стало быть, действует не одним параличом отрицания, а соблазном самых положительных обещаний: он несет новую антихристианскую веру, стало быть, новые нравственные начала обществу; уверяет, что в силах выстроить весь мир заново, сделать всех равными и счастливыми и уже навеки докончить вековечную Вавилонскую башню, положить последний замковый камень ее. Между поклонниками этой веры есть люди самой высшей интеллигенции; веруют в нее тоже все «малые и сирые», трудящиеся и обремененные, уставшие ожидать царства Христова; все отверженные от благ земных, все неимущие, и во Франции они уже считаются миллионами, и всё это близко, «при дверях». Стало быть, непременно надо что-нибудь сказать и сделать графу Шамборскому, иначе зачем же ему приходить? И однако же, что будет на самом деле? Всего вероятнее, что вновь населится и обновится Сен-Жерменское предместие, разбогатеют попы, начнутся виконты и маркизы. Явится множество новых мод, множество новых бонмо, явится что-нибудь новое в придворном этикете, что тотчас же и с жаром переймут при всех европейских дворах, явится что-нибудь новое в балах и в балете, явятся новые конфеты, новые повара. В маленькой палате депутатов, которой уступят какую-нибудь крошечную власть, начнутся, с одной стороны, доктринеры, с другой — маленькие герои левой стороны, которая будет все-таки глупее правой в нелепом своем положении. Затем будет расти глухое и неопределенное недовольство в народе; злой дух, который еще очень молод, меж тем созреет и обозлится окончательно. Затем в одно прекрасное утро король подпишет какие-нибудь ордонансы ... Париж закипит, войско возьмет ружья прикладом вверх, и злой дух уже возмужалою рукой постучится в двери. . .

---

[1] государство в государстве (*лат.*).

Нет, наверное есть такие из легитимистов даже и теперь, а во главе их сам граф Шамборский (непременно), которые мечтают поступить совсем иначе, намерения их глубже и великодушнее. Они именно жаждут вступить в борьбу со злым духом и одолеть его. Вот их цель, для нее-то именно они и идут! Но желание и дело — две вещи разные. Вопрос: как вступить в бой с новым, разлагающим началом общества? клерикальным насилием и нахальством ведь уж ничего не возьмешь. Разумеется, ответ ясен: первый шаг к делу, первый начин — это восстановление светского владычества папы.

О, напрасно эти чистые легитимисты будут отмахиваться руками от этой идеи! Напрасно сам граф Шамборский станет уверять, как уверял до сих пор, что не начнет войны из-за папы, что не приведет с собой *правительство патеров,* как писал на днях к депутату Родесу-Бенавану. Им не миновать этой дороги! Их втащит на нее, их заставят по ней пойти. Некоторые наблюдатели и теперь уже угадывают, что и всё это движение легитимистское, так вдруг и с таким напряжением разрешившееся теперь во Франции, — может быть, не что иное, как клерикальная проделка, и что первоначальное слово его вышло из Рима и направлено в пользу восстановления папской власти. Клерикалы, конечно, не выдумали ни Шамбора, ни легитимистов, но зато овладели ими. Тому есть признаки. Римское движение пронеслось в последние полгода по всей Европе. Два претендента на краю Европы, граф Шамборский и Дон Карлос, римско-католическая агитация в Германии, овладевшая справедливым недовольством католиков империи против новых церковных законов, попытки сблизиться с народом во Франции, в Германии и Швейцарии новым изобретением — устройством в массах народных богомолий, некоторые неслыханные доселе демократические выходки католического высшего духовенства в Германии с обращением к народу — всё это приводит на мысль об огромной, разом и повсеместно возбужденной агитации клерикалов в пользу непогрешимого, но бездомного папы. Кстати, чрезвычайно любопытно в этом же отношении содержание двух писем, на днях обнародованных: папы к императору Вильгельму и ответа императора папе. Мы сообщим их в своем месте. Но всё это клерикальное движение тем важно, что оно есть, может быть, *последняя* попытка римского католичества обратиться еще раз, в *последний* раз, за помощью к королям и высшим мира сего и последняя надежда на них. Не удадутся эти последние надежды, и Рим, в первый раз в 1500 лет, поймет, что пора кончить с высшими мира сего и оставить надежду на королей! И поверьте — Рим сумеет обратиться к народу, к тому самому народу, который римская церковь всегда и высокомерно от себя отталкивала и от которого скрывала даже Евангелие Христово, запрещая переводить его. Папа сумеет выйти к народу, пеш и бос, нищ и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих. Устоят ли против

этого войска Карл Маркс и Бакунин? Вряд ли; католичество так ведь умеет, когда надо, сделать уступки, всё согласить. А что стоит уверить темный и нищий народ, что коммунизм есть то же самое христианство и что Христос только об этом и говорил. Ведь есть же и теперь даже умные и остроумные социалисты, которые уверены, что то и другое одно и то же и серьезно принимают за Христа антихриста...

Во-первых, Генриху V уже потому нельзя будет избежать войны за папу, что теперешнее время и ближайшие будущие годы суть единственный, может быть, момент, когда война за папу может быть во Франции популярна и принята с симпатией даже народом. Если б Генрих V в состоянии был отмстить Германии за миллиарды и недавние унижения и отнять у нее Эльзас и Лотарингию, то, без сомнения, он упрочил бы трон свой, по крайней мере на время своего царствования. Но объяви он прямо, став королем, войну Германии — и никто не пойдет за ним, да и объявить не дадут: страшно и риск большой. Но папа, гонимый Германией, немедленно возбудит симпатию во Франции. А кто теперь главный противник «непогрешимому» папе, как не Германия? На восстановление власти его она смотрит как на самый капитальный вопрос и изо всех сил станет за Италию. Мало-помалу, от переговоров к негодованию, от негодования к делу, — и папский вопрос, в случае воцарения графа Шамборского, непременно разрешится огромной и *невольной* войной между Францией и Германией. Прямо за Эльзас не пойдут французы, а исподволь, невольно — втянутся, заступившись за папу, и война может стать популярною. Не может упустить такого случая граф Шамборский.

И вот мы допустим даже, что он выйдет из войны победителем, что Франция покроет себя опять славою, отвоюет провинции и что даже сам папа въедет в Париж, чтобы присутствовать на закладке какого-нибудь нового собора (как и приглашали его недавно). Что же далее? Не то важно, что Генриху V дадут, может быть, после его подвига умереть спокойно на троне. Важно то: укоренится ли с графом Шамборским законная монархия во Франции, навеки и неоспоримо, и что принесет ей она собою? Какое счастье? успокоит ли ее, терзаемую и измученную, отгонит ли злого духа навеки, стоящего уже близко, «при дверях»?

Ну что в том, что папа въедет в Париж и римское католичество воцарится вновь с новым и неслыханным блеском! Папе ли, торжествующему и «непогрешимому», а не «пешему и босому», прогнать злого духа, иезуитам ли его, легкомысленным ли этим клерикалам, с ихним status in statu, натертым, бесстыдным пройдохам? Нет, злой дух сильнее и *чище* их! Не с этой армией графу Шамборскому можно сказать свое *новое слово*. А если не с этой, то с какой же? Ведь невольно верится теперь, что граф Шамборский есть действительно высокое существо, самое чистейшее сердцем существо. И уж наверно он понимает, в восторге души своей,

что всё его новое слово — это именно эта борьба за Христа с страшным, грядущим антихристом, что Францию надо спасти, обратив ее умников к богу, а в сердца миллионов «некрещеных» работников пролив благодать Христову и в первый раз познакомив их с святым его образом. Иначе чем же спасет свою Францию христианнейший король? Ведь говорит же он, что идет спасти ее, и верит сам, что спасет. Ведь он знает же, что на французской почве суждено совершиться первым битвам грядущего страшного нового общества против старого порядка вещей. Ведь он знает же, что ведь этого-то и трепещет всё французское общество, все сильные и одаренные дарами земными, что для того-то и жаждут и зовут они в отчаянии хоть какое-нибудь твердое правительство, ищут, где сила, и не находят ее; что единственно для отпора этому новому грядущему врагу и Наполеона III-го допустили они на трон и если согласятся теперь на графа Шамборского, то единственно в надежде: не принесет ли и он с собой какой-нибудь новой силы, чтоб их защитить. А если так, то где он возьмет людей для такой страшной борьбы? Развит ли он сам настолько, чтоб понимать ее? При всем своем добром сердце — наверно нет. Может ли он не смущаться от такой ужасной бедности средств, с которыми придется ему действовать? Если же он не смущается — то как же в таком случае не признать его или человеком ограниченным и невежественным, или, в противном случае, близким к помешательству? Где же теперь ответ на вопрос наш? Чем же, наконец, какими силами может легитимизм спасти и излечить Францию? Тут и пророка божия мало, не только графа Шамборского. И пророк избиен будет. Новый дух придет, новое общество *несомненно* восторжествует — как *единственное* несущее новую, положительную идею, как единственный предназначенный всей Европе исход. В этом не может быть никакого сомнения. Мир спасется уже после посещения его злым духом... А злой дух близко: наши дети, может быть, узрят его...

Задав себе вопрос и разобрав его по возможности, мы только лишь хотели оправдать две строки в одном из предыдущих наших отчетов об иностранных событиях, именно: что граф Шамборский, «если воцарится, то воцарится всего только на два дня...» Мы не хотели, чтоб нас обвинили в легкомыслии, и постарались лишь вывести, что легитимизм не только теперь невозможен, но даже и не нужен совсем для Франции; никогда не нужен — ни теперь, ни в будущем, ибо менее всех имеет средств *спасти* ее.

Но ведь во Франции — или монархия или республика, а другое правительство невозможно. А мы и об республике выразились, что от нее все «устали» и что и она теперь невозможна. Постараемся оправдать и эти наши слова, чтобы и их не приняли за каламбур или за какое-нибудь преднамеренное легкомыслие, что и сделаем в одном из следующих наших отчетов об «иностранных событиях».

<15 октября 1873 г.>

В последнем нашем отчете об иностранных политических событиях («Гражданин», № 41), мы, говоря о признаках римской политической агитации в пользу восстановления светского владычества папы, замечаемых во всей Европе, упомянули, между прочим, о двух любопытнейших письмах: папы к императору Вильгельму и от императора Вильгельма папе. Мы обещали сообщить эти письма читателям. Они относятся еще к августу нынешнего года, но обнародованы в Берлине в «Государственном указателе» лишь 14-го (2-го) октября. Вот письмо Пия IX:

«*Ватикан*, 7-го августа 1873 г. Ваше величество. Все меры, принимаемые с некоторого времени правительством вашего величества, клонятся всё более и более к стеснению католиков. Признаюсь, что, спрашивая себя о причинах, вызывающих эти крайне суровые меры, я не в состоянии понять, в чем эти причины заключаются. С другой стороны, меня извещают, что ваше величество не одобряете образа действий вашего правительства и суровости мер, принимаемых им против католической веры. Если действительно ваше величество не одобряете этого — а ваши прежние письма ко мне достаточно показывают, что вы не одобряете всего происходящего ныне, — если, говорю, ваше величество действительно не одобряете того, что ваше правительство продолжает принимать меры строгости против Христовой церкви и тем ослаблять последнюю, то не придете ли, ваше величество, к убеждению, что эти меры могут лишь колебать ваш престол? Говорю откровенно, потому что мой девиз — истина; я говорю так, потому что считаю своим долгом говорить истину всем, хотя бы и некатоликам; ибо всякий, приявший крещение, принадлежит более или менее — я не могу изъяснить здесь в подробности почему — принадлежит, говорю, более или менее папе. Питаю уверенность, что ваше величество встретите эти мои соображения с обычной вашей добротою и примете необходимые в данном случае меры. Выражая вашему величеству чувства моей преданности и почтения, прошу бога, чтоб он простер на вас и на меня покров своего милосердия».

Вот ответ германского императора:

«*Берлин*, 3-го сентября 1873 г. Радуюсь тому, что ваше святейшество, как в прежние времена, почтили меня письмом, тем более что это дает мне случай исправить неверности, которые, судя по письму вашего святейшества от 7-го августа, вкрались в представленные вашему святейшеству донесения о немецких делах. Если б эти донесения были согласны с истиною, то ваше святейшество никак не могли бы допустить предположения, что мое правительство следует не одобряемому мною пути. По конституции моего государства этого не может случиться, потому что в Пруссии законы и всякие правительственные меры требуют моего верховного утверждения. К моему величайшему прискорбию, часть моих католических подданных составили, вот уже два года, политическую партию, которая враждебными государству происками пытается смутить религиозный мир, искони господствующий в Пруссии. К несчастию, католические прелаты не только одобрили это движение, но еще, примкнув к нему, оказывают открытое сопротивление существующим законам. Не мое дело изыскивать причины, побудившие духовенство и верующих одного из христианских исповеданий помогать врагам всякого установленного политического порядка с целью ниспровергнуть такой порядок. Но я обязан охранять в государстве, порученном богом моему управлению, внутреннее спокойствие и поддержать уважение к законам. Я знаю, что должен дать отчет богу в выполнении этого моего долга, и буду, невзирая на всякие нападки, поддерживать порядок и законы в моем

государстве дотоле, пока господь позволит мне это. Я обязан сделать это, как христианский монарх, даже в тех случаях, когда, к моему прискорбию, мне приходится выполнять этот мой долг по отношению к служителям церкви, которая, как я знаю, наравне с евангелическою церковью признает заповедь покорности гражданским властям как завет божий, открытый людям. К сожалению, многие духовные лица в Пруссии, подчиненные вашему святейшеству, отрицают эту заповедь христианства и вынуждают мое правительство, находящее опору в огромном большинстве моих верноподданных католического и евангелического исповеданий, прибегать для соблюдения государственных законов к средствам светской власти. Я желал бы надеяться, что ваше святейшество, известившись об истинном положении дел, не преминете воспользоваться вашею властью для прекращения агитации, которая возбуждена прискорбными искажениями истины и злоупотреблением прав духовенства. Свидетельствую вашему святейшеству перед богом, что религия Иисуса Христа не имеет ничего общего с этими происками, точно так же как истина, под знамя которой вместе с вашим святейшеством я становлюсь безусловно. Есть еще выражение в письме вашего святейшества, которое я не могу оставить без протеста, хотя оно вытекает не из ложных донесений, но из религиозных воззрений вашего святейшества: это уверение, будто всякий, приявший крещение, принадлежит папе. Евангелическая вера, которую, как известно вашему святейшеству, я исповедую наравне с моими предками и большинством моих подданных, не позволяет нам признавать в наших отношениях к богу иного посредника, кроме господа нашего Иисуса Христа. Различие веры, однако, не мешает мне жить в мире с исповедующими иную религию и выразить вашему святейшеству чувства моей преданности и почтения».

Оба эти письма весьма замечательны. Без сомнения, папа, ввиду действительного преследования верных ему католиков в Германии (то есть исповедующих догмат непогрешимости), и которых в Германии, как и везде, безмерно более не исповедующих этот новый догмат, не мог не высказать своего пастырского слова. С другой стороны, и император Вильгельм не мог послать папе иного ответа, как тот, который мы сейчас читали, — так что письмо папы, конечно и зазнамо, написано было им безо всякой надежды на какой-либо прямой успех, а очевидно, предназначалось лишь послужить протестом властителя церкви против действий властителя пол-Европы. Но вся чрезвычайная и особенная характерность папского письма заключается в его окончании.

Во-первых, папа прямо высказывает мысль, что все эти «меры строгости против Христовой церкви» ослабляют последнюю и способны «поколебать» престол императора германского. Это слова строго высказанные и от лица как бы и не сомневающегося в праве своем так говорить; мало того — считающего себя прямо обязанным предупреждать государей, отстаивая «истину», несмотря ни на какое лицо и с авторитетом власть имеющего.

Затем в письме папы сейчас же следуют самые удивительные слова из всех, каких можно было ожидать от главы римского католичества: «Я говорю так, — пишет папа, — потому что считаю долгом говорить истину всем, хотя бы и некатоликам; ибо всякий, приявший крещение, принадлежит более или менее — я не могу изъяснять здесь в подробности почему — принадлежит, говорю, более или менее папе».

Вот слова, далеко намекающие! Давно уже римское католичество не заявляло подобных мыслей и такого учения! Итак, все эти еретики, все эти протестанты, бунтовщики и отщепенцы, в свое время восставшие на «наместника божия» с мечом в руке и с ругательным обличением, — все эти «грешники и погибшие», которые все до единого были прокляты в свое время на всех возможных соборах, — все они теперь опять уже дети папы и, будь лишь всего только крещены, уже снова имеют *право принадлежать ему* — а стало быть, право на его отеческое заступничество за них перед монархами и сильными мира сего! Действительно широкий взгляд, ибо давно ли еретик не только не мог считаться в глазах римской церкви христианином, но даже был хуже язычника? И такие мысли возвещает сам папа, непогрешимый посредник между богом и человечеством! Надо отдать справедливость — мысль величавая и — бесспорно *новая*. Она заявляет о каком-то неслыханном расширении взгляда римского католичества, намекает на новые горизонты, на новые пути действий, на какие-то новые намерения в будущем. Весьма важно и то, что мысль эта заявлена так резко и окончательно, и в таком важнейшем документе, могущественнейшему государю, представителю протестантства и по своей вере противнику католичества. Эта новая претензия владыки римской церкви, высказанная при таких обстоятельствах, становится любопытным историческим фактом, — особенно ввиду грядущего, ввиду будущего Европы, в наше время более чем когда-нибудь неизвестного и более чем когда-нибудь убегающего от человеческих соображений.

Протестант-император ответил резко и законченно и с чрезвычайным достоинством на новую претензию «владыки церкви». Он прямо напоминает ему, что «евангелическая вера, которую, как известно вашему святейшеству, я исповедую наравне с моими предками и большинством моих подданных, не позволяет нам признавать в наших отношениях к богу иного посредника, кроме господа нашего Иисуса Христа». Тем не менее папа, конечно, должен чувствовать себя на более твердой почве, чем на какой предполагает его император германский. Папа слишком знает (а Рим давно уже ожидает того), что очень, очень многие из этих гордых людей, отвергнувших когда-то «посредничество» папы, о котором говорит император Вильгельм, и признавшие руководством своим в деле веры лишь одну свою совесть, давно уже тяготятся этой свободой своей как бременем. Рим знает, что трех веков опыта достаточно было многим из этих «еретиков», чтоб одуматься; что иные робкие и (главное) чистые сердцем во всей протестантской Европе (в Англии, например) далеко не прочь воротиться к «посреднику», — особенно ввиду тех путей, которые указывают этому робкому стаду их сильные братья, гордые умы, представители силы и интеллигенции — люди науки, богословы-атеисты, христианские священники, гласно не признающие божественности Иисуса Христа и оправданные в этом правительством,

государственные люди, уединяющие и исключающие религию как зло, принимающие против нее меры и в наше время повсеместно и с какой-то тревогой обороняющие от нее свои государства, как от язвы или напасти. Рим предчувствует возможное постепенное возвращение отторгшихся и — изменяет программу, заявляет о новых путях, о новых взглядах своих, которые могут поразить умы.

Мы подумали, что имеем некоторое право вывести из этих новых фактов, что римская церковь и глава ее не только не считают себя сколько-нибудь обессиленными после потери Рима и светского владычества, но даже питают замыслы еще более самонадеянные, чем когда-нибудь, и готовятся жить самою обильною жизнию в будущем.

Немецкие газеты полны известиями о недавнем посещении императором германским (с членами своего семейства и князем Бисмарком) императора австрийского и венской выставки. Венские газеты отзываются об этом посещении восторженно, как о величайшем политическом событии. Не описываем подробностей приема в Вене августейших гостей, обедов, парадных представлений в театре, охоты в Лаинцском зверинце и проч. Но вот, однако же, весьма замечательные тосты, провозглашенные за обедом обоими императорами. Выписываем телеграмму:

«*Вена*, 9-го (21-го октября), ночью. На сегодняшнем парадном обеде во дворце император Франц-Иосиф провозгласил следующий тост: „Так как мое задушевное желание приветствовать в Вене императора Вильгельма во время всемирной выставки исполнилось, то я с радостью провозглашаю тост за его здоровье!“. Император Вильгельм в своем ответе благодарил как за сердечное приветствие, сказанное императором Францем-Иосифом, так и за радушный прием, оказанный его супруге и детям в Вене. При этом император Вильгельм выразил удовольствие, что свидание в Берлине в прошлом году между императорами русским и австрийским повторилось вновь в нынешнем году в Вене во время всемирной выставки. В заключение император Вильгельм сказал: „Мысли, которыми мы обменялись в то время между собою и с которыми в настоящее время вполне согласились, составляют ручательство за мир Европы и благосостояние наших народов. Пью за здравие императора австрийского и короля венгерского, моего высокого друга!“»

Телеграмма эта не нуждается в объяснениях; важное значение слов, сказанных императором германским, выступает само собою. Но вот, кстати, отзыв «Провинциальной корреспонденции», *официозной* берлинской газеты, о посещении Вены императором Вильгельмом:

«Император желает снова заявить этою поездкой, какую высокую цену он придает добрым отношениям с австрийским императорским домом и австро-венгерской монархией, как лично, так и в интересах общеевропейской политики. Начавшееся в прошлом году сближение между монархом российским и австрийским упрочено нынешним летом в Вене; заключенный между тремя императорами союз, имеющий целью охранение европейского мира, расширен вследствие недавнего посещения королем итальянским Вены

и Берлина. Свидание императоров германского и австрийского в Вене может быть признано крупным действием в заключении того обширного союза, который должен обеспечить Европе мир и предотвратить новые потрясения. . .»

11-го (23-го) октября император Вильгельм выехал из Вены.

Во Франции напряжение дел достигло, как кажется, последней степени. С тех пор как Тьер воротился в Париж и стал во главе оппозиции легитимистам, вся либеральная партия во всей Франции как бы воскресла и с чрезвычайной энергией стала готовиться к предстоящему бою. Многие из членов левого центра Собрания, никогда и не думавшие быть республиканцами, теперь единодушно примкнули к ним, чтобы не разделять своих сил. Недавние выборы на четыре вакантные места в Собрании огромным большинством разрешились в пользу республиканцев. Бесчисленные заявления, подписи, протесты, письма со всех сторон свидетельствуют о глубоком негодовании нации против заговора легитимистов, а вместе с тем и о повсеместном страхе. Все заявляют себя республиканцами. Это не значит, что французы так вдруг пожелали теперь республики, а значит лишь то, как испугались они восстановления «законной монархии». Теперь уже все понимают, что въезд графа Шамборского в Париж непременно поведет за собою революцию, страшную для всех честных и здравомыслящих французов; ибо если Тьер и все «умеренные» не осилят легитимистов и дадут им восторжествовать, то в следующую и ожидаемую засим революцию вряд ли уже будет возможно восстановление партии умеренных во главе правительства, как уже проигравших раз свое дело. И потому в обществе в настоящую минуту почти панический страх. Всего более возбуждает негодование возмутительный факт олигархии Национального собрания над всей страною. Все давно убедились (ибо факты слишком ясны), что Национальное собрание, выбранное около трех лет назад при совершенно особенных обстоятельствах, в самое тяжелое и эксцентрическое время, давно уже перестало выражать собою истинную волю страны, а стало быть, власть его в настоящее время — одно злоупотребление. Призывом графа Шамборского, благодаря упрямству нескольких крикунов и безумцев, клерикалов и «антиквариев», Собрание оскорбляет нацию и ввергает всех здравомыслящих людей в удивление, ввиду полной возможности такого глупого факта, что несколько своевольных людей, против воли всей Франции, могут, и даже имеют право, навязать ей ненавистный образ правления, а вслед за ним и столько неисчислимых бедствий совершенно безнаказанно. Предположение же о неизбежности революции вслед за провозглашением Генриха V, к несчастью, имеет полное основание. Не говоря уже о гневе страны, одно то, что легитимисты в случае торжества своего непременно начнут с белого террора, ускорит падение их, а вслед

за тем, конечно, неминуема и революция. Легитимисты даже Тьеру грозят заключением или ссылкою в Кайенну. Ничего не может быть возмутительнее их логики в настоящую минуту. Каждое заявление нации в пользу республики, и вообще против их намерений, не только не образумливает их, но приводит лишь в бешенство: «Давно бы надо провозгласить монархию, — говорят они, — еще немного и увидите, что вся Франция выскажется против нас, а потому надо спешить и провозгласить монархию!» Значит, мысль, что они идут против воли большинства нации, не только не смущает их, но, напротив, придает им еще более настойчивости в преследовании их незаконного предприятия. Какого же спокойствия может ожидать Франция от таких людей?

Депутация к графу Шамборскому, отправленная к нему в Зальцбург (теперешняя его резиденция) и о которой мы извещали наших читателей в 41 № «Гражданина», уже воротилась, — говорят, с полным успехом: он будто бы на всё согласился — на конституцию, на знамя, на «дорогие всем французам учреждения» и т. д. Вслед за тем колебавшиеся еще члены правого центра окончательно и восторженно примкнули к общему союзу легитимистов. Однако, вникнув несколько внимательнее в эти известия, никак нельзя заключить, что граф Шамборский даже и на этот (*последний*) раз высказался определенно и окончательно об «уступках»; напротив, вероятнее (по другим известиям), что окончательное слово об уступках он по-прежнему оставляет за собой в Париже, уже после провозглашения его королем. Тем не менее легитимисты торжествуют, и союз их действительно теснее, чем когда-нибудь. По последним телеграммам, ничего, однако же, не решено о созыве Национального собрания ранее срока, как уверяли еще так недавно. Впрочем, срок и без того близок. Вся судьба Франции висит на волоске. Через две недели мы можем услышать про удивительные вещи.

К довершению всего, говорят, «старый маршал» высказался: он будто бы объявил себя окончательно послушным и покорным слугою большинства Собрания. В случае провозглашения короля хочет будто бы тотчас же удалиться с своего места, посадив на него, в ожидании въезда Генриха V, генерала Ладмиро. Всё это, конечно, лишь слухи...

Известия из несчастной Испании получаются самые сбивчивые и неточные. Войска Дон Карлоса, по сведениям из Мадрида, столько раз разбитые и уничтоженные, держатся, по-видимому, крепче прежнего. По крайней мере, главнокомандующий правительства генерал Морионес (по одному известию) требует для успешного действия против карлистов десяти тысяч человек подкрепления! На юге мятежные эскадры разъезжают безнаказанно, выдерживают битвы с кораблями правительства и, по последней телеграмме, картагенские разбойничьи суда готовятся бомбардировать Валенсию, тоже из грабежа, как и Аликанте, и тоже под пассивным наблюдением эскадр французской и английской. Бло-

каду Картагены с сухого пути правительство всё еще не в состоянии усилить ни на одного солдата. Блокируют всё те же 4000 человек жалкого войска, беспрерывно перебегающего к бунтовщикам. Трудно представить, чем это может кончиться. Может быть, Дон Карлос тоже питает надежды на воцарение Генриха V.

‹22 октября 1873 г.›

С месяц тому назад во Франции, в Трианоне, начался процесс маршала Базена. Несмотря на «горячее» время и на близкую возможность огромных политических перемен и потрясений в судьбах всей Франции, процесс маршала Базена не теряет своего интереса во внимании французов и всей Европы; даже возбуждает всё более и более любопытства. На общественной сцене в ярких образах развертывается вновь картина столь недавнего рокового для французов прошлого — почти фантастическое начало страшной войны, быстрое, неслыханное падение династии, политически первенствовавшей в Европе; затем все эти неразъяснимые до сих пор загадки, колебания людей, разъединение, интриги — в ту минуту, когда Франция звала к себе всех на помощь. Если б французы были в состоянии теперь, в такое для них всех *горячее* время, воспользоваться великим историческим уроком, то, может быть, усмотрели бы его в этом «процессе Базена», столь ярко обнаружившем, даже и теперь, в самом начале своем, ту главную роковую язву, от которой изнемогает так давно уже Франция...

Маршал Базен предан суду за то, что, затворившись в первоклассной крепости Мец, с огромной армией, со всем надлежащим военным багажом и имея совершенно достаточный провиант еще на значительное время, сдал немцам всю свою армию, не только не выдержав приступа (немцы даже и не осаждали крепость, а только облегали ее), как предписано военными законами для всех армий в свете, но быв даже в слишком благоприятном положении для отвлечения и ослабления наступавших на Францию неприятельских сил. Он сдал армию с оружием, с багажом, с знаменами, которых нарочно не истребил, безо всякого сомнения, по требованию немцев и, очевидно, имев с ними тайные и особые переговоры, до военного дела не относящиеся. Вот сущность обвинения. На суде, конечно, многое разъяснится, но многое, без сомнения, так и останется тайною, пока не разъяснит история. Окончательно маршал обвиняется в измене — кому? Обратим внимание на этот вопрос. Он любопытен ввиду теперешнего состояния французов.

При Наполеоне III, в конце его царствования, маршал Базен считался одним из самых способнейших генералов императорской армии. Когда, года полтора назад, стали уж слишком настоятельно говорить и писать о предании его суду, один маршал из сотоварищей его (жаль, что мы забыли, который именно,

но чуть ли не сам «честный солдат») воскликнул: «Как жаль! Il était pourtant le moins incapable de nous tous!» — то есть «Ведь все-таки он оказался *наименее неспособным* из нас всех в эту войну!» И вот этот «наименее неспособный» маршал получает командование значительнейшими частями войск в эту столь быстро и столь фантастически открывшуюся войну с пруссаками. Главнокомандующего тогда не было; сам император, не быв военным человеком и отнюдь не называя себя главнокомандующим, распоряжался, однако же, многим и, разумеется, довольно мешал военным действиям, но не в этом была вся беда. Все эти старые генералы, Канробер, Ниель, Бурбаки, Фроссар, Ладмиро и проч., призванные теперь в суд свидетелями, отзываются о Базене с величайшим уважением. Их показания очень интересуют зрителей. Главное, свидетельствуют о необычайной храбрости Базена, например в сражении при Сен-Прива, когда он лично, несмотря на свое предводительство сражением, является в первых рядах между сражающимися, — «хотя он и не понял значения этого сражения», прибавляют иные из маршалов. Понял или не понял, но в этом сражении дошло до того, что за недостатком патронов солдаты принуждены были из своих скорострельных шаспо выпускать в две минуты по одной пуле и целые огромные части войск вступили в сражение уже сутки не евши. Но и не в этом даже заключалась беда, хотя, как известно, беспорядок в снабжении тогдашней французской армии провиантом и оружием удивил Европу. Мы помним одну телеграмму императора Наполеона императрице Евгении в Париж (еще задолго до Седана) с просьбою заказать сколь возможно скорее в Париже две тысячи чугунных котлов. По крайней мере в этой телеграмме еще то было утешительно, что хоть и не было в чем варить пищу, но по крайней мере было что варить, иначе незачем было бы заказывать по телеграфу котлы. Но вот, по показанию маршала Канробера, выходит, что солдаты дрались при Сен-Прива целые сутки не пивши, не евши, не ели и на другой день, а наконец, и на третий... Конечно, к тому времени, может быть, уже пришли котлы из Парижа, но ... опоздали, как опоздало у французов всё, сплошь, в этой необыкновенной войне. Опоздал вовремя отступить к Парижу со всеми оставшимися у него после тяжелых поражений войсками и император, что было бы для него если не спасением, то по крайней мере лучшим выходом из тогдашней беды. Но с ним именно случилось то, о чем мы уже упоминали недавно в одном из обозрений наших, говоря о характернейшей и роковой черте его царствования, то есть что, в видах укрепления и укоренения своей династии во Франции, он принужден был во всё время своего владычества предпринимать беспрерывно множество деяний, клонившихся не только не к счастью французов, но даже к явному их несчастью. Таким образом, этот могучий властитель в сущности был и продолжал быть, даже и на престоле, — не францу-

зом, а лишь человеком своей партии, лишь главным ее предводителем. Отступление к Парижу, хотя и с разбитою, но всё еще с армиею (а эта армия чрезвычайно помогла бы Франции в последовавшей борьбе), пугало его; он боялся недовольства страны, потери обаяния, восстания, революции, Парижа и предпочел лучше сдаться при Седане безо всяких условий, предав себя и династию свою великодушию неприятеля. Без сомнения, не всё еще теперь из того, что было высказано тогда при свидании его с королем прусским, известно истории. Все секреты объяснятся, может быть, еще долго спустя; но невозможно не прийти к заключению, что безусловной сдачей своей, *с армиею*, император Наполеон III рассчитывал вернее удержать за собою престол... А сдавая солдат своих, он, конечно, рассчитывал ослабить тем силы врагов своих, революционеров... О Франции *человек партии* и не подумал.

Не подумал о ней и маршал Базен. Затворившись потом в Меце с весьма значительною армиею, он почти игнорировал правительство Народной обороны, возникшее в Париже тотчас после плена императора. Он предпочел тоже сдаться и тем лишил Францию почти последней ее армии, которая, даже и заключенная в Меце, могла бы быть чрезвычайно полезна отечеству — хоть тем, что задерживала перед собой значительную часть сил нашествия. Невозможно представить себе, чтоб, сдаваясь так унизительно и так преждевременно, маршал Базен не заключил тоже каких-нибудь секретных условий с неприятелем, по крайней мере чтоб не взял каких-нибудь обещаний... которые, разумеется, не исполнились. Но если б даже и не было их вовсе, то все-таки ясно выходит, что и маршал, подобно императору своему, предпочел лучше отдать свою армию пруссакам, чем оставаться ее хранителем ... в пользу революции.

Маршал хоть и лжет теперь перед судом «отважно» и, видимо, намерен лгать еще больше, но отчасти и не скрывает тогдашних своих впечатлений и ощущений. Он прямо говорит, что законного правительства тогда не было и что он не мог считать бывший тогда хаос в Париже за серьезное правительство, — по крайней мере, несомненно таков смысл его слов перед судом. Но «если не существовало для вас правительство, то „la France existait" (Франция все-таки существовала еще!)», — воскликнул ему на это герцог Омальский, председатель суда.

И вот точка отправления суда. Эти слова герцога произвели в слушателях и во всей Франции чрезвычайное впечатление. Для виновного же маршала они высказаны, очевидно, чтобы дать ему ясно понять, что судит его, наконец, не партия, не революция, не незаконное какое-нибудь правительство, которое он может, если хочет, и теперь, пожалуй, не признавать, — а Франция, которую он продал за «законное правительство»; отечество, которому он изменил из-за интересов своей партии.

Нельзя никак оправдывать изменника своему отечеству, но — правы ли и те, которые судят этого изменника? — вот на что хотели бы мы указать. Не виноваты ли, напротив, и судьи в главной язве, истощающей организм великой нации, в беде, висящей над нею черною тучей? Понимают ли они эту беду теперь и способны ли ее понять? и не похож ли маршал на того древнего очистительного козла, на которого сваливались грехи всего народа?

В самом деле: что мог он видеть тогда из Меца? Пусть человек партии уступил бы в нем гражданину при виде бедствий отечества и он искренно пожелал бы служить ему: что мог разглядеть он в тогдашнем Париже? Правда, восторжествовавшая 4-го сентября революция назвалась даже и не республикою, а «правительством Народной обороны». Но ставшие во главе его все-таки не могли не вселять в Базена, боевого генерала и хоть и человека партии, но все-таки человека деятельного и энергического, естественного к ним отвращения. Этот бездарный маньяк, генерал Трошю, все эти Гарнье-Пажесы, Жюль-Фавры, хоть и достойные бесспорного уважения как честные люди, но дряхлые, бездарные мумии, оказенившиеся герои-фразеры каждого первого дня каждой парижской революции и — увы! — всё еще не надоедающие парижанам, — вот кто является тогда его соображающему и наблюдающему взгляду из Меца. Но — пусть они бездарны! Пусть всякое дело, к которому ни прикасались они, пока власть имели, и теперь, и в 48 году, сохло и пропадало, но все-таки они граждане, чистые сердцем люди, сыны отечества! Как бы не так. Это только республиканцы. «La république avant tout, la république avant la France» («Сначала республика, а потом уж отечество») — вот их всегдашний девиз! И потому маршал, если б даже и захотел стать гражданином и отрешиться от своей партии, хоть на время, для спасения отечества, все-таки должен бы был примкнуть — не к спасителям отечества, а тоже к людям партии... Но партию эту он ненавидел и, конечно, не мог решиться ей помогать! Спустя немного из этой комически-бездарной группы самозванных правителей отделился тогда один человек и на воздушном шаре перелетел на другой конец Франции. Он своевольно объявил себя военным министром, и вся нация, жаждавшая хоть какого-нибудь правительства, тотчас же объявила его своим диктатором. Он не сконфузился и не поцеремонился и действительно стал диктатором. Этот человек выказал много энергии, он управлял Франциею, создавал войска, экипировал их. Иные теперь обвиняют его, между прочим, за то, что он тратил деньги зря и мог бы за эти деньги в пять раз больше поставить и экипировать войска. Гамбетта может смело ответить своим обвинителям, что если б они были на его месте, то истратили бы, может быть, в пять раз больше его и все-таки не выставили бы ни одного солдата. И вот этот энергический и умный человек, действительно работавший для Франции, с которым не

стыдно было работать Базену, все-таки провозглашает: «La république avant la France!»[1] Теперь уже он не скажет того; он хитро и терпеливо ждет своей очереди и, когда надо, с жаром поддерживает сменившего его три года назад великого гражданина Тьера. Но про себя у него все-таки — «La république avant tout»,[2] и все-таки он человек партии прежде всего! (Кажется, этим-то последним качеством он наиболее и дорог республиканцам.)

Итак, всюду партии и люди партии. Правда, во время этого черного года французов, казалось бы, промелькнуло и несколько утешительных явлений. Бретонские шуаны, прирожденные легитимисты, с своими предводителями явились драться за родину и дрались храбро. С изображением богородицы на своем знамени они примкнули *на время* к правительству республиканцев и «атеистов». Орлеанские герцоги тоже дрались с неприятелем в рядах новоизбранного французского войска. Но за родину ли дрались они? Теперь несомненно оказалось, что нет. Видя теперешнюю роль их во Франции, заговор их против нее в пользу «законного короля», позволительно заключить, что и три года назад они встрепенулись, предчувствуя наконец добрый шанс и для своей партии, которая так долго дожидалась его. И действительно они не ошиблись в возможности шанса: они проскочили в огромном числе, при первых же выборах напуганной Франции, в Национальное собрание, а теперь составили в нем свое олигархическое большинство.

Всюду партии! Правда, если даже сложить все эти партии вместе, то общая цифра приверженцев их (кроме разве партии коммунистов) окажется в весьма малом числе сравнительно с числом всех французов. Остальные французы индифферентны. Они точно так же, как и перед появлением Гамбетты в тогдашний роковой год, жаждут диктатора, чтобы он захватил их в свою власть и обеспечил им жизнь и имущество. Для них девизом известная ихняя пословица: «Chacun pour soi et Dieu pour tous» («Всякий за себя, а бог за остальных»). Но, стало быть, и тут, по этому девизу, как бы всякий человек принадлежит к собственной своей партии и — что может значить для такого человека слово «отечество»?

Вот язва Франции: потеря общей идеи единения, полное ее отсутствие! Говорят про легитимистов, что они стремятся теперь воскресить и укоренить эту идею насильно! Но даже лучшие из них про это вовсе не думают, а думают лишь о торжестве своей партии. Самые же горячие из них думают даже и не о легитимизме. Воцарение графа Шамборского для них — лишь будущее торжество папы и католичества («Union», «Univers»). Это уже партия в партии.

---

[1] «Сначала республика, потом Франция!» (*франц.*).
[2] «Республика прежде всего» (*франц.*).

Итак, люди партии судят теперь маршала Базена за то, что он остался — приверженцем своей партии! И разве не похож он теперь на того древнеиудейского очистительного козла, с которым мы сравнили его?.. Дошло до того, что теперь несомненное преступление в измене отечеству нельзя судить во Франции добросовестно — за неимением судей; ибо все такие же люди партии... Осуждая Базена, поймут ли это французы?

Обозрение текущих событий Европы (весьма, впрочем, в последнюю неделю не обильных разнообразием) откладываем до следующего №. Упоминаем лишь о кончине саксонского короля Иоанна в Пильнице после продолжительной болезни (удушья) 17 (29) октября. (Родился в 1801 году, вступил на престол в 1854 году.) Как человек, он был глубоко уважаем своими подданными.

‹29 октября 1873 г.›

Монархический заговор большинства Национального собрания против Франции разрешился для нее самым худшим образом. Претендент в самую последнюю минуту окончательно отверг трехцветное знамя. Идея о провозглашении его королем пала сама собою, — разумеется, только на время. Но заговорщики Национального собрания тотчас же приступили к новому заговору — продлить свою власть во что бы ни стало и даже вопреки закону. Если им удастся, —а судя по телеграмме из Версаля от 24 октября (5-го ноября), удастся наверно, — то дело примет самый плачевный исход для страны.

В прошедшем отчете нашем («Гражданин», № 42) мы остановились на том, что комитет Шангарнье, то есть постоянный комитет всех фракций правой стороны, испуганный твердостию и стойкостью республиканцев и всей левой стороны Собрания, плотно сомкнувшейся около Тьера, а главное — повсеместными заявлениями из всей Франции о гневе и негодовании страны, возраставшими прогрессивно и дошедшими до некоторых весьма характерных и доселе еще неслыханных особенностей (о которых скажем ниже), решился отрядить в Зальцбург, к претенденту, *последнее* посольство, чтобы вырвать наконец у него согласие насчет известных уже нашим читателям «уступок». Это посольство доказывало, между прочим, несмотря на неоднократные заявления монархистов о том, что всё между ними и претендентом улажено окончательно, что, в сущности, ничего еще улажено не было и что эти легкомысленные и торопившиеся безумцы обманывали не только Францию, но даже один другого и даже, может быть, сами себя. В нашем прошлом отчете мы кончили известием, что посланные воротились и донесли комитету, что граф согласен на всё: и на «драгоценные всем французам принципы 89 года», и на конституцию, и даже на трехцветное знамя. Трудно представить, чтобы все эти бойкие господа

обманывали самих себя даже и в эту последнюю минуту, но нечто подобное должно было непременно случиться. Но вот вдруг быстро заговорили в Версале и в Париже, что отчет о договоре с претендентом был передан возвратившимся от него посланником неверно, что граф Шамборский ничего не обещал, ничего не уступил. Как только стали подыматься такие слухи — тотчас же встревоженный комитет Шангарнье отправил к графу в Зальцбург опять других доверенных лиц, с просьбою подтвердить всё то, что прежний посланник их Шенелон (вместе с тремя другими лицами) передал комитету о решении его, графа, насчет трехцветного знамени; но вместо ожидаемого подтверждения внезапно появилось в газете «Union» письмо самого претендента к Шенелону, в котором он уже окончательно отвергнул возможность какой бы то ни было из тех «уступок», из-за которых до сих пор хлопотал и мучил всю Францию заговор большинства, чтобы сделать хотя сколько-нибудь возможным провозглашение графа Шамборского королем. Комитет Шангарнье немедленно опубликовал в свою очередь отчет о своем заседании, при докладе Шенелона о его переговорах в Зальцбурге. Вот этот отчет, напечатанный в протоколе. Он очень в своем роде характерен.

Во-первых, выходит, что граф Шамборский во всё время переговоров, — и даже еще два года назад, когда к нему ездили (массами) члены Национального собрания еще только, так сказать, в гости, — держал себя перед ними нестерпимо свысока. Граф Парижский при зальцбургском свидании, говорят, не произнес (или не посмел произнести) ни слова о политике или о каких-нибудь условиях. Все же эти рассыльные, Шенелоны и К°, кажется, не смели и сесть перед ним. Понятно, что граф свысока молчал, если посланники не смели даже и заикнуться с ним об условиях. Не посмел заикнуться и Шенелон, даже и в этот последний раз, хотя был послан уже за самым последним словом и в самую горячую минуту, от которой зависела судьба монархии, самого графа, всей Франции и, главное, всего этого яростного и жадного «большинства», взывавшего к претенденту с последним вопросом: быть им или не быть? Прежде всего трепещущий и заискивающий Шенелон почтительнейше объявил графу, который «сделал ему честь удостоить его аудиенцией», что он явился от комитета вовсе не для того, чтобы «сметь предлагать графу какие-нибудь условия», но лишь для того, чтобы, так сказать, «почтительнейше разъяснить положение дел» (буквальные выражения отчета). Граф отвечал ему на это (конечно, самым мягким и приятным голосом), что он «никогда не имел и никогда не будет иметь мелкого честолюбия — искать власти ради власти; но я почту себя счастливым, — прибавил он, — если мне удастся посвятить Франции мои силы и жизнь... Я страдал вдали от нее; ей тоже *жилось нехорошо в разлуке со мною. Мы необходимы друг другу*». Затем Шенелон принялся, так сказать, скользить, излагая всё то, с чем его послали и в чем так настоя-

тельно надо было категорически согласиться. По вопросу о конституции он передал, что комитет желал бы основать свое предложение Собранию о восстановлении монархии на принципе признания королевской власти наследственной и на хартии, «не навязанной королю и не дарованной королем, но которая должна быть обсуждена совместно с королем и Собранием». (Всего удивительнее, что такие основные формулы и определения отлагались, как оказывается теперь, до такой последней минуты! Неужели в самом деле не смели заговорить об этом раньше?) Далее, проскользнув насчет таких, например, вещей, как сохранение гражданских и религиозных прав, равенства перед законом или что законодательная власть будет принадлежать совместно королю и Собранию, Шенелон тотчас же принялся извиняться. «Перечисление означенных прав, — заявил он, — обусловлено, конечно, не недоверием к нему, графу Шамборскому; а излагается единственно лишь для того, чтоб устранить недоумения, могущие ввести в заблуждение общественное мнение». По вопросу о знамени Шенелон пустился еще пуще извиняться и извинять комитет (Шангарнье) в том, что «обстоятельства принудили комитет решиться остановиться на следующей формуле: „Трехцветное знамя сохраняется и может быть изменено не иначе, как по взаимному соглашению между королем и собранием“». (Заметим эту формулу: это значит, что назавтра же после воцарения король с Собранием могут уничтожить трехцветное знамя, обеспечив лишь себе — а это так легко! — всего только какой-нибудь один голос большинства в Собрании. Про Францию и ее согласие при этом и поми́ну не было.) Граф «дозволил (это подлинные слова отчета) мне объясниться с почтительною свободой и удостоил выслушать с самым благосклонным вниманием». При этом не сказал ничего, но «обнаружил желание сохранить неприкосновенными в интересах страны две силы: ненарушимость своих принципов и независимость своего характера». Впрочем, чтоб смягчить, он «изволил похвалить трехцветное знамя». «Он прибавил, — доносит Шенелон, — что уважает привязанность армии к знамени, обагренному кровью солдат... у него никогда не было намерения унижать страну и знамя, под которым храбро сражались ее воины». (Еще бы намеренье унижать-то!) Затем граф, по уверению Шенелона, резюмировал свое решение в следующих двух пунктах: 1) граф Шамборский не требует никакой перемены в знамени *до тех пор, пока власть не перейдет в его руки*, и 2) он предложит Собранию сам решение, совместно с его честью, и которое удовлетворит и народ и Собрание.

С тем, в сущности, и уехал Шенелон. Это-то решение о знамени и находил комитет заговорщиков настолько удовлетворительным и могущим всех успокоить, что решился просить через особую депутацию графа поскорее подтвердить его. Но граф не подтвердил. Последовал с его стороны важнейший документ во

всем этом деле, собственноручное письмо, которым он всё и покончил. Всего письма не приводим, а приводим лишь телеграфическое о нем известие, вполне, впрочем, резюмирующее значение письма. Вот что пишет граф Шенелону: «Так как, несмотря на ваши усилия, недоразумения не прекращаются, то и объявляю, что не отпираюсь ни от чего, не уменьшаю нисколько моих предшествовавших заявлений. Притязания, предъявляемые накануне моего воцарения, дают мне меру позднейших требований. Я не могу согласиться начать восстановительное и могучее царствование делом слабости. Вошло в обычай сопоставлять твердость Генриха V с ловкостью Генриха IV, но я желал бы знать, кто осмелился бы посоветовать ему отказаться от знамени Арка и Иври...» «Ослабленный сегодня (пишет граф далее), я сделаюсь бессильным завтра. Дело идет о воссоздании, на его естественных началах, общества, глубоко потрясенного, об энергическом утверждении царства законов. Необходимо возродить благоденствие внутри страны, заключить прочные союзы, особенно не опасаться употреблять силу на службу порядка и справедливости». Далее замечает граф, что граф Парижский не поставлял ему никаких условий и что от маршала Мак-Магона (этого Баярда нашего времени, как замечает граф) тоже не требовали гарантий при избрании в президенты. Франция не может погибнуть (восклицает под конец граф), потому что Христос любит еще своих франков, и «когда господь бог решился спасти народ, он блюдет за тем, чтобы скипетр справедливости был дан в руки достаточно сильные, чтобы держать его!»

Мы по-прежнему готовы написать, что «одним великодушным человеком стало на свете больше», как и заявили в одном из предыдущих наших обозрений. Отказаться от престола, чтоб не изменить своим принципам, — бесспорно великодушное дело. Но теперь признаемся, — так как уже сам граф высказался, — мы немного другого мнения. Дело в том, что вряд ли претендент в самом деле отказывается царствовать. Это письмо, решившее на время его участь, намекает на иные расчеты. Нам кажется даже, что он никогда не был столь уверен, что взойдет на престол, как теперь. В своей «необходимости для Франции» он убежден более чем когда-нибудь и наверное заключает, что если и отдалится теперь на минутку его воцарение, то для него же будет выгоднее, потому что в конце концов без него не обойдутся и все-таки примут его, но уже не смея предлагать ему условия, со всеми «принципами». В силу партии своей в Национальном собрании он продолжает верить слепо. Он уверяет, что любит Францию, но, кажется, мало собственно о ней думает и, очевидно, смешивает ее с своей партией. Характерно письмо его и в том отношении, что он изъясняет в нем, наконец, и те средства, которыми, по воцарении своем, надеется спасти Францию, Эти средства — строгость, «не бояться употреблять для укоренения спокойствия силу». Признаемся, мы так и подозревали, что

средств больше у него нет никаких, когда в одном из обозрений наших задавали себе вопросы: «Чем может надеяться легитимизм спасти Францию и как именно располагает спасти ее?» Наконец, очень странным показался нам и самый тон письма. Пусть Луи Вельо в газете влагает фиктивно в его уста высокие речи. Но самому графу, уже от лица своего и в таких важных документах, неприлично бы, кажется, во всеуслышание говорить, что «я страдал вдали от нее (от Франции), ей тоже *жилось нехорошо в разлуке со мною*» или что «уважает привязанность армии к своему знамени, что у него никогда не было намерения *унижать* страну и знамя, под которым храбро сражались ее воины». Любопытно, как представляет он себе, из своего Зальцбурга, французов, привыкших к своему равенству и которые прочтут теперь и узнают, что сидит где-то человек и милостиво дозволяет им избрать себя во спасителя. Эту детскую уверенность в себе, эту, так сказать, «слепорожденность» в понимании вещей и явлений жалко даже и тревожить.

И всё это хочет и претендует спасать Францию!

Падение надежд «большинства» Собрания после этого письма чуть не произвело распадения партии. Почти все фракции правой стороны приняли известие с бешенством. Но оказалось, что согласие было быстро восстановлено — и не столько искусством вожаков, сколько силою вещей: изо всех сил сохранить свою олигархическую власть в Собрании «большинству» Собрания показалось выгоднее, чем поссориться. Пока республиканцы, и Тьер во главе их, торжествовали и предвкушали победу, комитет Шангарнье решил внести в Собрание проект закона о немедленном продлении власти Мак-Магона, с новыми в пользу его гарантиями, на 10 лет, а Национальному собранию не расходиться еще два с половиною года. При этом маршал Мак-Магон вполне оправдал доверие столь верившего в него «большинства». Еще две недели тому назад он заявил, что если падет большинство Собрания, то удалится с президентства и он. Таким образом, верность и приверженность его большинству доходит до апофеозы! Не большинству Собрания он служит, а только *теперешнему* большинству его. Другими словами, собственно Национальное собрание и волю его он ни во что не ставит, ибо если падет теперешнее большинство, то всё же воцарится другое большинство, заместо теперешнего, изображающее волю Собрания, — но тому большинству уже он служить не станет. И это в то время, когда страна (и он знает это) нуждается в нем, ибо он имеет такое влияние на войско! Такая рабская приверженность к своим благодетелям почти трогательна. И вот этот «честный и храбрый солдат», на которого надеялась Франция, оказался всего только человеком партии, и не столько человеком партии, сколько ее прихвостнем. А еще граф Шамборский погладил его по головке и назвал Баярдом! Конечно Баярд, но только с другой стороны.

Всё так и случилось, как рассчитал комитет Шангарнье. 5 ноября (н. ст.) открылись наконец, после длинных вакансий, заседания Национального собрания. Прочитано было послание президента республики. Между прочим, в послании сказано, что «нынешняя исполнительная власть не имеет достаточно живучести и силы. Правительство недостаточно вооружено, чтобы отнять у партий всякую надежду на успех». (А само правительство теперь не партия?) Заявляется также об увлечениях печати, которые развращают дух населения (это после-то бесчисленных и наглейших притеснений печати!), и доказывается необходимость муниципальной реформы.

Затем в Национальное собрание внесено было предложение генерала Шангарнье о продлении срока власти маршала Мак-Магона на десять лет. Со стороны правительства прочитан доклад в пользу безотлагательного обсуждения этого предложения. Дюфор, не восставая против безотлагательности, потребовал отсылки предложения на обсуждение в комиссию рассмотрения конституционных проектов. Правительство с своей стороны настаивало на отсылке предложения Шангарнье в специальную комиссию. Предложение Дюфора, гласит телеграмма, отвергнуто большинством 362 голосов против 348.

Таким образом, за монархическим «большинством» оказалась победа в 14 голосов. Результат в том, что Франция на 10 лет останется в своем неопределенном положении. Ни монархия, ни республика! При изменении муниципальных законов, при угнетении прессы, при неограниченном насилии олигархического большинства Собрания, имеющего в виду монархию, Франции обеспечен и впредь выбор в Национальное собрание таких же интриганов и олигархистов на 10 лет. Обеспечены тоже — постоянная война с республиканцами, происки партий и несомненная революция в будущем. Такой воцарившийся хаос бесспорно хуже воцарения графа Шамборского, ибо граф Шамборский непременно и быстро был бы изгнан и после него еще могла бы воцариться умеренная республика, тогда как теперь, при неизбежной революции в будущем, вряд ли уже будет возможно торжество умеренных.

Правда, французы сильно надеются на послушные штыки преданной Мак-Магону армии, стало быть, и на спокойствие, защиту от коммунистов и проч. В начале нашего отчета мы упомянули о «некоторых весьма характерных и доселе еще неслыханных особенностях» в проявлениях недовольства страны и обещали сказать о них ниже. Укажем лишь на одно из этих явлений. Недели две назад некто бригадный генерал Бельмар прислал из Перигё военному министру письмо следующего содержания:

«Г-н министр, я служу тридцать три года под трехцветным знаменем Франции и правительству республики после падения империи. Я не буду служить под белым знаменем и не отдам моей шпаги в распоряжение монархи-

ческого правительства, восстановленного помимо народной воли. Итак, если бы, вопреки ожиданию, нынешнее Национальное собрание восстановило монархию, я почтительнейше прошу вас, г-н министр, уволить меня после такого голосования от вверенной мне вами должности. Генерал Бельмар».

Генерал Бельмар был тотчас же после этого письма выключен из службы. Военный министр немедленно потребовал от начальников дивизий сведений о настроении войск ввиду нынешних обстоятельств, и в присланных к нему донесениях, как уверяют газеты, заявлено, что в армии господствует сильное нерасположение к реставрации (то есть, другими словами, к Национальному собранию).

Вот явление бесспорно новое. Никогда еще армия французская не «рассуждала», а только слушалась своего начальства, как и следует хорошей армии, и похвально делала. Для чего генералу Бельмару понадобилось вдруг заявить о том, что он не признает воли Национального собрания в случае воцарения графа Шамборского? Дождался бы факта и благородно бы вышел в отставку, не заявляя и не трубя заранее. Не значит ли это, что армия захотела «сметь свое суждение иметь»? Генерал Бельмар бесспорно хотел подать пример. Итак, пусть французы не очень-то надеются на штыки маршала Мак-Магона и на спокойствие. Если, с одной стороны, власть Мак-Магона, продленная на 10 лет, будет бесспорно началом — уже не цезаризма — а настоящего военного деспотизма (правительства, еще не испытанного Франциею в самом чистом его состоянии), то письмо Бельмара — не есть ли начало pronunciamiento. Этого недоставало еще несчастной Франции! Это, однако же, в порядке вещей: военный деспотизм непременно должен вести за собою начало pronunciamiento.

‹5 ноября 1873 г.›

В Германии почти вся печать, и даже официозные прусские газеты, с радостию приняли известие о падении надежд французских легитимистов на восстановление «законной монархии». Письмо графа Шамборского считается в Германии как окончательное и уже вековечное устранение всякой дальнейшей попытки легитимистов. Ближайшим образом эта радость немецкой прессы мотивируется тем, что, — как мы уже и развивали это раньше, — воцарение графа Шамборского непременно, рано или поздно, повлекло бы за собой и попытку на восстановление светского владычества папы. И так как не вступить на эту дорогу не могла бы Франция, вместе с восстановлением монархии, то в этом деле несомненно столкнулась бы с Германией, и, может быть, даже с некоторым удовольствием, несмотря на страх перед ужасным риском. Если тем объяснить теперешнее довольство немцев, то всего любопытнее, что в Германии серьезные органы могли серьезно верить не только в мимолетный успех воцарения претендента, но и в прочность этого успеха на дальнейшее время.

Немцы немного слишком верят в успех «крови и железа». Нам кажется, что в настоящий кризис брожения умов и желаний во Франции — иначе не умеем выразиться — насилие в этой стране почти невозможно, ибо некому произвести его. То есть и нашлись бы охотники, и, что всего любопытнее, может быть, нашлось бы там и чрезвычайное большинство, искренно желающее, чтоб над ним (и даже поскорее) произведено было, в видах окончательного утверждения порядка, насилие; но в этой стране, чтобы удалось насилию, мало одной силы и даже согласия самих насилуемых. Необходим авторитет насилию, авторитет хотя бы и ненавидимый, хоть и не настоящий, но несомненный, признание действительной силы за властью. Граф Шамборский такого авторитета не имел, и вряд ли верят в его силу даже многие из его последователей. А потому, — повторяем уже сказанное нами прежде, — он был бы несомненно и быстро изгнан, и такой оборот дела был бы, может быть, полезнее для Франции, чем теперешнее хаотическое ее состояние, — полезнее хоть тем одним, что одной партией стало бы меньше и возможно было бы вновь господство партии умеренных республиканцев.

Некоторые консервативные органы в Германии, наблюдая радость своих либеральных газет о неудаче претендента, как бы не верят в выставляемые либералами мотивы ее, то есть в боязнь вступления Франции на опасный путь ультрамонтанской политики. «Крестовая газета», например, возвестила прямо, что все либералы всего света между собою солидарны; что в радикализме национальности исчезают, а потому и немецкие радикалы радуются за французских, видя их удачу. Такое строгое и угрюмое обличение, может быть, не лишено справедливости. Замечание о всегдашней духовной солидарности радикалов всего мира и о повсеместной силе радикализма сглаживать национальности — довольно верно. Любопытно, что это замечание, как бы с укором и опасением, сделано в той стране, где именно в эту минуту национальные идеи имеют такой огромный успех, где после недавнего торжества над Франциею чувство национального собою довольства дошло чуть не до пошлости, где даже наука начала отзываться чуть не шовинизмом. Неужели правда, что и в Германии уже силен космополитический радикализм? что уже и к ней стучится в двери французское учение — коммунизм? Если Россию, чуть не с самого начала столетия, принято считать у европейских умников за грозный колосс на глиняных ногах (тогда как в сущности, если у нас что особенно здорово и цело, то это именно основание, то есть народ, на котором испокон веку утверждалась и будет утверждаться Россия) — то неужели и к новому германскому колоссу можно уже применить, хоть отчасти, такой же отзыв?

Кстати, в Пруссии окончились выборы в прусский сейм, засвидетельствовавшие о чрезвычайном возбуждении политических партий в Германии. Прусское правительство покровительствует те-

перь национально-либеральным партиям разных оттенков, оттолкнув от себя совершенно партии юнкерскую и католическую. Торжество либералов на выборах оказалось несомненным, и прусское правительство, конечно, может рассчитывать в сейме на большинство. Но любопытен факт, что так называемая клерикальная партия, или, вернее, все недовольные новыми церковными законами, составили довольно сильный союз (в который вошли, например, остатки уже совершенно разбитой старой юнкерской партии, которую еще так недавно, всего несколько лет тому, правительство так поддерживало). И если сосчитать подробно все силы союзников в новом выбранном ландтаге, то клерикальная партия может рассчитывать на весьма даже сильное меньшинство. Может образоваться, таким образом, сильная оппозиция. Ландтаг открыт уже с 1-го ноября. В феврале ожидают выборов в германский рейхстаг, и клерикалы надеются на еще больший успех. Правда, в Пруссии правительство не привыкло слишком смущаться оппозициями своих ландтагов и в прежнее время преспокойно распускало их в случае нужды, а само делало свое дело. После же последних великих результатов, которых оно достигло, неуклонно делая свое дело, обаяние его только увеличилось. Особенно теперь Пруссия любит видеть силу в своем правительстве. По крайней мере, большинство высшей интеллигенции несомненно и во всем на его стороне: так продолжительно обаяние победы!

В прошлом отчете нашем мы говорили, что после падения во Франции всех надежд монархической партии большинство всех фракций правой стороны, ошеломленное сначала известным письмом графа Шамборского, успело, однако же, вновь крепко соединиться и составить новый проект о продлении власти маршала Мак-Магона на 10 лет. Этот проект составлен был чрезвычайно заносчиво и носил на себе печать всей той легкомысленной и необузданной наглости, с которою действовала эта пресловутая «партия борьбы» с самой победы своей, 24 мая, до сих пор. Сначала, сейчас после письма графа Шамборского, на мгновение возникла было мысль провозгласить которого-нибудь из Орлеанских принцев «наместником короля» и передать ему исполнительную власть. Таким образом Франция все-таки, хотя и без короля, стала бы монархиею. Всего нелепее в этом характернейшем проекте выставляется взгляд этих потерявшихся, но по-прежнему наглых людей на Францию и французов; трудно даже и сообразить, как можно было, хоть что-нибудь понимая, надеяться водворить в стране подобным ничего не разрешающим проектом мир и спокойствие? Уже одна нелепость подобного предложения в другое, более здоровое время должна бы была, кажется, повести за собою полное распадение партии, отвратить от нее здравомыслящих членов Собрания, до сих пор за нею следовавших. Но распадения не произошло, хотя проект исчез сам собою, потому что принцы

Орлеанские, люди расчетливые, своего согласия на такую нелепость не дали. Тогда, бросаясь во все стороны, попробовали было пригласить в наместники королевства маршала Мак-Магона, но и маршал отклонил от себя эту честь, выставляя на вид, что нельзя ему быть наместником королевства, в котором нет короля. Таким образом и принуждены были остановиться на мысли о продлении власти маршала как главы правительства на 10 лет, а Собранию не расходиться по крайней мере еще года три. Тут честный маршал, которому, как кажется, с 24 мая власть уже успела понравиться, предложил условия, хотя и благоразумные, с одной стороны, но не отличающиеся особенною дальновидностью, с другой, так как в конце концов все-таки Францию продолжали принимать за tabula rasa.[1] Маршал потребовал, чтоб ему дали особые, определенные гарантии, на всякий случай, и если б, например, и разошлось когда-нибудь, в десять лет, настоящее Собрание и настало на его место другое, а в том обнаружилось бы радикальное большинство, то он, глава правительства, чтоб имел право тотчас же закрыть и распустить Собрание, а сам продолжать владычествовать уже без Собрания, хотя бы целых 10 лет, неограниченно президентствуя и неограниченно восстановляя порядок. (Слишком уж нужно быть военным человеком и надеяться на свои штыки, чтобы выдумать во Франции такой неслыханный еще кунштюк.) И, однако же, проект этой неслыханной еще во Франции военной диктатуры был принят тотчас же всей правой стороной и внесен президентом комитета всех фракций правой стороны, престарелым генералом Шангарнье, в Национальное собрание в первый день его открытия, 5 ноября (н. ст.).

По прочтении предложения потребовали безотлагательного его обсуждения. Дюфор, член левого центра, не восставая против безотлагательности, потребовал лишь передачи проекта в существующую комиссию рассмотрения конституционных проектов. Правая сторона настаивала, напротив, на отсылке в новую, специальную комиссию, которую с этою целью и предлагала избрать. Пошли на голоса, и за правой стороной, как уже известно, оказалось большинство в 14 голосов.

На этом известии мы и закончили в прошлый раз наше обозрение. Между тем случилась прехарактерная вещь, по которой, уже по одной, можно бы отчасти разгадать характер теперешнего положения дел в этом потеряевшем свою почву Собрании. Когда (7 ноября) Собрание разделилось на отделения, чтобы выбрать членов этой отвоеванной большинством специальной комиссии для рассмотрения ею проекта Шангарнье, — вдруг, в числе избранных 15 членов, оказалось большинство за левой стороной Собрания. Ремюза, член левого центра, недавно заявивший себя республиканцем, избран был президентом комиссии, в которую вошел как член и Леон Се, предводитель левого центра.

---

[1] пустое место (буквально: чистую доску) (*лат.*).

Таким образом, левая сторона, боявшаяся специальной комиссии и настаивавшая на отсылке предложения Шангарнье в общую комиссию рассмотрения конституционных проектов (в которой, впрочем, правая сторона всегда имела перевес), получила победу там, где не думала; а правая сторона, так настаивавшая на специальной комиссии, — уж конечно с целью наивернее обеспечить себе успех, — была именно на этом пути побита.

Все спрашивали и продолжают до сих пор спрашивать: что может означать этот факт? Более ничего, по нашему мнению, что Национальное собрание именно утратило под собой почву, потеряло всякую руководящую нить, и ни одна партия не верит уже в свою силу. С падением идеи непосредственного провозглашения законной монархии легитимисты, бывшие вожаки большинства, остались лишь при одних желаниях, но неприметно для себя тотчас же потеряли руководящую силу для рабски следовавшего до сих пор за ними большинства. Предложение Шангарнье хотя и соединило, по-видимому, вновь большинство, но зато и устранило окончательно прежнюю соединявшую всех идею. В новой же идее соединения тотчас же обнаружился разлад. Крайние, например, роялисты, поддерживая проект Шангарнье, объявили вслух, что хоть Мак-Магон и отказывается от роли королевского наместника, но тем не менее все-таки будет им, так что если б пришлось опять провозглашать короля, то президент Мак-Магон, несмотря на свое десятилетнее избрание, тотчас же обязан уступить ему место. Совсем уже в других мыслях поддерживал проект Шангарнье правый центр, столь согласный доселе с легитимистами; он, например, требует уже теперь, чтобы Мак-Магон провозглашен был не *главою государства* на 10 лет, как хотят легитимисты, но *президентом республики* на 10 лет, ввиду окончательного устранения неопределенного положения, и хотя бы с диктаторской властью, но все-таки благонадежно ограниченной в парламентарном смысле.

Таким же образом вслед за двумя крупнейшими фракциями правой стороны разделились и все остальные ее фракции; каждая согласна на продление власти маршала, но каждая в своем смысле и уже при своем собственном взгляде на дело. Фракции затем разбились на кружки, на оттенки, и в конце концов произошло то, что непременно должно было произойти: при наружном единении смысл его оказался утраченным, цели разными, и недавно столь крепкая и единодушная партия большинства, с утратою последней надежды на графа Шамборского, стала невольно расходиться в разные стороны. Естественно, можно ожидать и полнейшего распадения. Таким образом и оказалось, что при брожении и колебании умов многие принадлежавшие, например, к правому центру могли нарочно даже выбрать в специальную комиссию членов левого центра — для вернейшего торжества своих новых желаний и целей. Несомненно произошли и тайные отпадения, измены.

Итак, характерная черта Собрания в данную минуту — полное разъединение, ибо и левая сторона, не видя прежних противников, против которых соединилась, несмотря на разномыслие своих фракций, кажется, тоже начала немного расшатываться. По последним известиям, Ремюза и Леон Се, члены специальной комиссии, вступают в переговоры с Мак-Магоном. Без сомнения, комиссия кончит выбором маршала главою государства хоть не на 10, то на 5 лет, но уже с титулом «президента республики», с провозглашением республики и с условием немедленного рассмотрения конституционных законов, предложенных еще в правительство Тьера.

Образуется тоже в Национальном собрании сильная партия прямого воззвания к народу и всенародного голосования республики. Тьер, более чем когда-нибудь уверенный в победе, говорит всем окружающим его: «Требуйте распущения Собрания и воззвания к народу».

Эта идея о воззвании к народу привлекла, между прочим, на левую сторону и большинство бонапартистов, имеющих до 30 членов в Собрании. Они сначала решили было действовать так: если станут легитимисты провозглашать монархию, то вотировать против с республиканцами. Если же республиканцы станут провозглашать республику — то примкнуть опять к монархистам; в сущности, помешать и тем и другим. Но мысль о воззвании к народу, которой они первоначальные представители, увлекла их, и в большинстве своем, хотя и очень осторожно, они примыкают к республиканцам.

По последним телеграммам, Мак-Магон понукает специальную комиссию кончить дело о избрании его скорее. Он, кажется, готов сильно понизить первоначальный тон и сбавить требования. Всего бы лучше было, если б «честный человек» не выказал себя во всей этой жалкой комедии монархистов, не пощадив даже своего высокого сана, таким жалким приверженцем партии. Франция взирала бы на него теперь с большей надеждой и с большим уважением, а в Собрании, может быть, оказалось бы более единения вследствие веры в его честное желание быть полезным отечеству. Урок «честному человеку».

В результате — возрастающее разъединение партий и всё более и более нарастающее раздражение страны.

Несколько дней тому назад телеграфировалось из Байонны об окончательной победе Дон Карлоса над войсками мадридского правительства и о взятии в плен Морионеса, главнокомандующего правительства. На днях же из Мадрида телеграфировали, напротив, о большой победе Морионеса над карлистами. Ни то, ни другое известие пока еще не подтвердилось с надлежащею достоверностью.

Пишут тоже из Мадрида об ожидаемой с часу на час сдаче Картагены. Тогда правительство уничтожило бы главный пункт южного мятежа. Но и Картагена пока еще не сдалась. . .

‹12 ноября 1873 г.›

Открытие австрийского рейхсрата произвело чрезвычайно сильное возбуждение в империи — не в пользу правительства. Даже самая обширность программы будущих действий правительства подвергается нападениям: «Задать себе разом столько задач, — говорят противники правительства, — значит ни к одной из них не отнестись серьезно». На первом плане в тронной речи, разумеется, обещания стать энергически против обрушившегося в этом году на империю финансового кризиса. Возрождение вновь кредита, постановка торговли и народного хозяйства на более твердую и безопасную дорогу — вот один из первых пунктов, указанных императором рейхсрату. Затем следовали указания на преобразование всей системы налогов; на вопрос о возобновлении привилегии Национального банка; на акционерную и биржевую реформы; на новые железнодорожные и ремесленные уставы и проч. Затем провозглашалась необходимость реформ в уложении о наказаниях, в судопроизводстве, в пересмотре законов гражданских и, сверх всего, «установление новых отношений между государством и католическою церковью».

Венгерцы, спеша огородить свои интересы, требуют теперь *дуализма* и для устройства финансов своего королевства — распадения Национального банка на цислейтанский и венгерский и проч. Меры, внесенные министром финансов Депретисом, возбудили всеобщее волнение и уныние. Курсы на бирже понизились. Ожидают грозной оппозиции; со всех сторон в журналах предают правительство осуждению, впрочем в весьма разнообразном смысле. Немецкие газеты, отвечая венгерским, прямо заявляют, что для Австрии будет гораздо выгоднее скорее совершенное выделение из империи венгерского королевства и провозглашение полной его независимости, чем распространение политического дуализма и на финансовые дела Австро-Венгрии. С ожесточением нападают на тронную речь польские журналы, а в чешском «Pokrok» заявлено прямо, что тронная речь императора к цислейтанскому рейхсрату «до чешской нации не относится». Ультрамонтанские органы тоже заслышали грозу в словах императора об установлении «каких-то» новых отношений государства к церкви. Коммунизм несет с собою совершенное уничтожение религии, рассуждают австрийские ультрамонтаны, но это уничтожение лучше, потому что грубее, чем утонченный либерализм современных правительств, который хочет обратить епископов и священников в своих чиновников, а веру — в одно из средств управления.

Ультрамонтанская партия не дремлет тоже и во вновь открывшемся прусском ландтаге, как и упоминали уже мы в «Гражданине», в прошлом 45 №, в нашем перечне иностранных событий. Как уже замечали мы и прежде, политика ультрамонтанов всё более и более вступает на дорогу демократическую. Они уже успели, например, внести в палату два проекта новых законов: о введении впредь при выборе членов парламента всеобщей подачи голосов и об отмене штемпельной пошлины с газет. С другой стороны, в высшей степени характерна и замечательна депеша из Берлина от 13-го ноября, напечатанная в газете «Times»:

«Император, имея в виду, что *несколько сот* католических общин лишены в настоящее время духовных пастырей (NB — конечно вследствие строгих мер правительства, преследующего ультрамонтанские стремления немецкого католичества), изъявил после продолжительного колебания согласие на внесение проекта закона о введении обязательного гражданского брака и на ведение метрических книг гражданскими властями. Закон этот чрезвычайно важен, особенно в Германии, где образованные классы, одинаково независимые как от католической, так и от протестантской церкви, придерживались до сих пор религиозных обрядов при совершении браков, крестин и похорон главным образом потому, что это предписывалось законом. Как скоро брак сделается чисто гражданскою формальностью, явится необходимость и в учреждении кладбищ, открытых для всех без различия вероисповеданий, потому что священники откажутся хоронить лиц, живших в брачном союзе, не освященном церковью. Фактически кладбища уже и теперь утрачивают свой исключительный характер, так как, несмотря на протесты священников,* „старокатоликов“ ** хоронят, при содействии полиции, внутри кладбищенской ограды. Новый закон будет иметь значение еще в том отношении, что поощрит заключение браков между христианами и евреями, а известно, что последние составляют в Германии многочисленный и весьма влиятельный класс. . .»

Известие о подобном проекте закона, на который дал свое согласие благочестивый германский император, всего более замечательно тем, что рисует перед нами ту железную непреклонность, с которою настоящая прусская политика преследует ультрамонтанское движение в империи. Важность нового проекта закона заявляет и о важности тех опасений, с которыми правительство смотрит на своего врага, и о тех размерах, которые придает ему. Но, очищая ниву от плевел, не вырвать бы и пшеницы. Религиозный индифферентизм и без того не нуждается в наше время в поощрении. Замечательно и то, что религиозный либерализм, индифферентизм и, наконец, атеизм всегда и во все века и времена были болезнями сословий высших, аристократических. Ультрамонтаны же, сколько заметно по крайней мере по некоторым признакам, после векового высокомерного отчуждения своего от народа обращаются теперь, по крайней мере в Герма-

---

* Римско-католических.

** «Старокатолики» — новая государственно-религиозная секта в Германии, сильно протежируемая берлинским правительством и о которой мы уже не раз говорили с читателями.

нии, к демократической политике. Довольно странная перетасовка ролей, свидетельствующая о некоторой тонкости взгляда со стороны новейших римско-католиков. . .

Специальная комиссия из 15 членов, назначенная версальским Национальным собранием для рассмотрения проекта Шангарнье о продлении президентской власти маршала Мак-Магона и в которой, как мы уже говорили, столь неожиданно оказалось большинство за республиканцами, кончила свои занятия и внесла свой доклад в Собрание 4(16) ноября. Докладчиком был Лабуле. Трудно представить себе более умеренный, более примирительный и более основательный (имея в виду обстоятельства, в которых находилась комиссия) проект, которым либеральное большинство комиссии заменило проект Шангарнье.

«Продление на 10 лет полномочий главы исполнительной власти, — докладывал собранию Лабуле, — в стране, где общественные власти еще не организованы и пределы полномочий их не определены, представляется фактом беспримерным в истории законодательства. Факт этот вызывает многие сомнения, которые могут быть разрешены только путем гипотез, не имеющих под собой прочного основания. . . Меньшинство комиссии (NB: 7 человек монархистов), — продолжал Лабуле, — одушевляемое желанием безотлагательно установить власть, которая стояла бы выше всех партий, решило, что можно теперь же продлить полномочия главы государства, отложив определение пределов и организацию этих полномочий; большинство же, напротив того, не признало возможным безусловно продлить власть, размеры которой не определены, в той уверенности, что вне конституционных гарантий всякая власть, какова бы ни была умеренность того, кто облечен ею, представляется более или менее замаскированною диктатурой. Франция нуждается совсем не в таком правительстве. . .»

Вот вступительные слова доклада Лабуле; тем не менее комиссия принуждена была принять заключение именно в смысле того правительства, «в котором не нуждается Франция».

В самом деле, трудно представить более бессмысленное положение, как то, в котором находилась эта странная комиссия. Она должна была утвердить власть почти неограниченную в стране, которая хоть и называется республикой (на титул «президента республики» согласилась наконец и правая сторона, и меньшинство комиссии), но в то же время совершенно не имеет ни одного органического закона, который бы определял эту республику, давал ей хоть какую-нибудь форму и таким образом хоть сколько-нибудь определял бы тот смысл и то значение, тот размер и ту силу власти, которые могло бы иметь ее правительство. Подтверждается власть *президента* республики на 10 лет, тогда как нет еще органического закона даже о том, что в этой республике должен быть президент, мало того — что эта республика есть республика. Насчет же вопроса, возникшего в комиссии с первого же ее заседания: «Имеет ли полное право теперешнее Национальное собрание назначать президента далее срока своих полномочий?» — комиссия сочла даже излишним и озабочиваться. Не-

смотря на предыдущие примеры и постановления самого Собрания, разрешавшего этот вопрос отрицательно, комиссия нашла себя вынужденною разрешить вопрос на этот раз утвердительно.

«Назначение маршала Мак-Магона президентом законно организованной республики, — заключил Лабуле перед Собранием, — признано нами единственным средством обеспечить его власть; но возможно ли продлить полномочия президента, не зная, какой срок положат им органические законы? В этом кроется почти непреодолимое затруднение, и большинство комиссии глубоко сожалеет о том, что палата отвергла благоразумное предложение касательно одновременного обсуждения конституционных законов и вопроса о продлении полномочий. Если мы не остановились перед этим затруднением, так только потому, что мы поставлены в положение, из которого надо выйти во что бы ни стало. . .»

Вот в видах-то этих особых обстоятельств, из которых следовало выйти «во что бы ни стало», и представлен был большинством комиссии, в виде поправки проекта Шангарнье, следующий законопроект.

Статья 1. Полномочия маршала Мак-Магона, президента республики, вверяются ему на пятилетний срок, считая со дня созвания новой палаты.

Статья 2. Он будет пользоваться этой властью в ее настоящих условиях до утверждения конституционных законов.

Статья 3. Постановление, заключающееся в 1-й статье, будет внесено в органические законы и получит конституционный характер только после голосования этих законов.

Статья 4. Три дня спустя по обнародовании настоящего закона будет назначена, по выбору отделений палаты, комиссия из тридцати членов для рассмотрения конституционных законов, представленных Национальному собранию 19-го и 20-го мая 1873 г.

Здесь важнее всех статьи 3 и 4. Статьею 3 прямо отнимается от проекта-закона о полномочии власти его органический, конституционный характер *до времени голосования органических законов республики.*

В статье же 4 большинство комиссии определяет порядок выбора тех 30-ти членов, из которых долженствует состоять будущая комиссия, имеющая быть выбранною Собранием для рассмотрения пресловутых (тьеровских) конституционных законов, представленных еще 20 мая и которые до сих пор, с низвержением Тьера, лежали без рассмотрения. Комиссия 15-ти предлагает выбрать эту комиссию 30-ти «отделениями Собрания» (надеясь опять на либеральное большинство), тогда как противуположный проект (меньшинства комиссии) предлагает выборы общие, всем Собранием.

«Нельзя представить себе более умеренного по своему характеру предложения, чем то, каким комиссия пятнадцати заменила проект Шангарнье, — говорит газета «Times». — Достоинство и власть маршала тщательно ограждены. Самый знаменитый генерал, самый опытный государ-

ственный деятель, самый уважаемый патриот могли бы быть довольны предложениями либералов, и, по нашим конституционным понятиям, мы готовы утверждать, что они не могли бы и желать большего...»

И, однако, маршал Мак-Магон не только пожелал большего, но даже обиделся. Тотчас же после доклада Лабуле он адресовал Национальному собранию свое послание. «В ту минуту, когда начинаются прения о продлении моих полномочий, — писал маршал, — я считаю нужным высказаться о том, какого рода условия я считаю при этом желательными. Франция, требующая твердости и устойчивости государственной власти, не могла бы удовлетвориться правительством, существование которого в самом начале было бы обусловлено оговорками, ставящими в зависимость от принятия или непринятия конституционных законов. При этом пришлось бы через несколько дней переделать то, что было решено нынче... Я вполне понимаю благонамеренные стремления лиц (NB: то есть монархических членов комиссии), предложивших продление моей власти на 10 лет, для того чтоб дать более широкий простор развитию общественной деятельности. Но по зрелом размышлении я убедился, что семилетний срок более отвечал бы размеру сил, которые я мог бы посвятить служению моей родине. Власть, которая будет мне вверена, я посвящу охране консервативных начал, ибо я убежден, что большинство страны одобряет эти начала».

Комиссия пятнадцати взяла это послание на рассмотрение, но не отказалась от первоначального своего заключения и не изменила представленного ею законопроекта. Затем, в ночное заседание 8-го (20-го) ноября, всё произошло как по-писаному: проект большинства комиссии 15-ти был отвергнут Собранием, принят же на его место проект меньшинства комиссии, представленный Депером. Министр, герцог Брольи, произнес речь, в которой защищал образ действий правительства и не соглашался допустить 3-й параграф законопроекта большинства комиссии, так как им выражается недоверие к словам маршала Мак-Магона, заявившего, что он желает установления конституционных законов. Собрание большинством 378 голосов против 310 утвердило проект Депера с установлением власти маршала Мак-Магона на 7 лет и с выбором будущей комиссии тридцати не «отделениями» Собрания, а по спискам, в общем собрании палаты.

Таким образом, повторяя уже сказанное нами прежде, с Францией случилось самое худшее из того, чего могла бы она ожидать себе при теперешних обстоятельствах! Ни монархия, ни республика, и самое неопределенное положение власти! Виден на ярком примере весь политический смысл ее правителей: маршал отвергает именно то, что могло бы упрочить его власть, придав ей органический характер, и надеется на одно лишь диктаторство, то есть на *произвол своей личной власти*. Из-за того, что маршал может обидеться, герцог Брольи предпочитает ввергнуть

Францию правительству, не ограниченному ни одним основным государственным законом, а в сущности — беспредельной диктатуре. Что бы ни совершил теперь маршал преступного в своей политической деятельности, он на всё может ответить: «Где тот закон, который мог бы меня ограничить или что-нибудь мне указать?» Он называется президентом республики, а между тем он послушный слуга большинства, слишком не скрывающего своих ультрамонархических намерений. Он требует такой страшной диктатуры, чтоб «водворить порядок и смирить партии», а между тем кто более нарушал порядок и кто более походит на партию, как не то большинство, которому он служит? Могут ли, наконец, успокоиться французы теперь, когда никто не может решить даже такой вопрос: «Чья власть теперь выше — Собрания или президента?» В самом деле: в случае несогласий подобный вопрос мог бы разрешиться теперь лишь насилием. Во всем этом деле, наконец, во всей этой интриге, явилась какая-то жажда беззаконности; маршалу Мак-Магону именно скорее нравится его диктаторское самовластие, чем власть, строго определенная законами. Произойдет именно то, против чего намерен вооружиться маршал, то есть откроется поле для всевозможных интриг и положение Франции станет невыносимым. Во всяком случае наступило начало военного деспотизма... И трудно представить себе, что может еще ожидать Францию на этом новом для нее поприще!

‹17 декабря 1873 г.›

Наконец от 12(24) декабря получено из Берлина сколько-нибудь удовлетворительное известие об улучшении здоровья императора германского. Телеграмма сообщает:

«В „Имперском указателе“ извещают, что катар императора Вильгельма идет нормальным образом. Связанное с катаром расстройство организма заметно ослабевает. Сегодня император Вильгельм весь день провел не в постели».

Одна характерная телеграмма из Парижа от 11 (23) декабря, несмотря на то что заключает в себе всего только слово одного частного и довольно неизвестного лица, облетела, однако же, все газеты Европы и замечена всеми. Вот эта телеграмма:

«Вчера друзьями мира был дан банкет в честь сэра Генри Ричарда, который, объясняя свое предложение о международном посредничестве, сказал, между прочим, что „ни одна идея не осуществляется без покровительства Франции, влияние которой не имеет себе равного, язык и литература которой являются всемирными“. . .»

В этих словах всё дело в том, что Франция (несмотря на унижение свое) всё еще первенствующая нация, «влияние которой не имеет себе равного». Слова, жадно подхваченные и выставленные в Париже «униженными» французами, были тотчас же за-

мечены торжествующими соперниками в Германии, а затем и всею Европой, и, уж конечно, многими встречены с вопросительной складкой в лице и с «покиванием голов». По-нашему, в отзыве сэр Ричарда что ни слово, то правда. Мы совершенно разделяем мнение одного русского профессора (о котором, конечно, французы не знают), провозгласившего с университетской кафедры (NB: в царствование покойного государя), что французы суть нация гениальная по преимуществу, — одна из тех наций, которые, так сказать, царят над человечеством своим влиянием, и что Франция и ее влияние в Европе весьма можно сравнить с Афинами древнего мира и с их влиянием на древнюю цивилизацию. Это сравнение с Афинами, хотя, может быть, и не совсем твердое, очень, однако же, привлекательно и очень нравится. Так или этак, но дело в том, что теперь даже в самом Париже такие отзывы, как отзыв сэр Ричарда, считаются чрезвычайными и любопытными; а давно ли было время, когда подобные слова остались бы решительно незамеченными во Франции, почлись бы должною данью, необходимостью, чем-то вроде sine qua non, о котором и упоминать не стоит!

Гениальная нация, наследовавшая древний мир и 15 веков стоявшая во главе романских племен Европы, а в последние века имевшая неоспоримое первенствующее влияние и на все племена Европы, почти тому век назад утратила ту живую силу, которая двигала и питала ее столько столетий! Эта живая сила заключалась в преимущественном представительстве Франциею европейского католицизма почти с самых первых времен христианства на западе Европы. (Представительство это можно бы отчасти сравнить с тем представительством восточного католического (православного) христианства, к которому готовилась (а отчасти уж и была представительницею которого) Россия вплоть до пришествия императора Петра.) Но в конце XVIII столетия совершенно разорвав, и сознательно и *жизненно*, с износившеюся (не по вине Франции) католическою идеей, дававшей ей живую жизнь в продолжение стольких веков, Франция (передовая, по крайней мере, интеллигентная) в восторженном исступлении провозгласила себя на весь мир обновительницею человечества на новых началах, главною их носительницею и хранительницею. «Все, все придете ко мне!» — взывала она в пифическом упоении. Эти новые начала, новые и самостоятельные начала человеческих будущих обществ, сами из себя исходящие и сами в себе живую силу почерпающие, были уже известные европейскому человечеству начала выработанной им цивилизации — то есть наука, государство и мечта о справедливости, основанной единственно на законах разума. Франция лишь провозгласила самостоятельность этих начал революционерно, то есть полнейшую независимость их от религии, а вместе с ней и от всяких преданий. Это делалось еще в первый раз в жизни человечества, и в этом состояла сущность французской революции.

Мы не для того заговорили обо всей этой чрезвычайно важной материи, чтобы в настоящей весьма беглой журнальной статье, имеющей своим предметом передачу смысла текущей минуты современной политической жизни Европы, рассматривать революционные начала, сто лет уже провозглашенные Францией во главе Европы, и обсуждать их по существу. Мы хотели только заметить, что никогда еще Франция, взяв столько на плеча свои для себя и для человечества (хотя и не могла от того отказаться, если б и хотела), не была так придавлена своим бременем, как в это последнее, уже завершающееся столетие своей истории. Бремя это оказалось гениальному народу совершенно не по силам, и предводительница человечества принуждена была сознаться после последних несчастий своих устами лучших своих представителей, что начало живой жизни утрачено ею чуть не совсем, источник иссяк и иссох. В настоящую минуту гениальный народ представляет собою странное зрелище и сам понимает это. Характер его в том, что интеллигентная и владычествующая политически часть этой нации удалилась в самосохранение, сознательно и уныло отреклась чуть не от всех так восторженно провозглашенных идей и без веры, но со страхом за свое бытие, влекущим за собою деспотизм и насилие, следит, как полицейский, за остальною частью нации, богатой верою в обновление и воскресение свое на новых началах будущего общества и бедной, нищей благами жизни, долго терпевшей, а потому готовой, как голодный пес, броситься на счастливых братьев своих и растерзать их. Расстреляв Бабёфа, первого человека, сказавшего еще 80 лет назад пламенным первым революционерам, что вся их революция без сущности дела есть не обновление общества на новых началах, а лишь победа одного могучего класса общества над другим на основании: ôtes-toi de là que je m'y mette,[1] — расстреляв этого первого досадного грубияна, предводители республики и революции, стали видеть мало-помалу, чем далее, тем яснее, что вся жизнь Франции всё более и более обращается в какой-то ложный мираж, в какую-то фантастическую картину и утрачивает всякое значение чего-нибудь живого и необходимого. Все эти периоды — Первой империи, Реставрации, буржуазного царства при Орлеанах, Второй империи и т. д. — всё это было как бы скорее мираж, чем действительность; каждое из этих явлений совершенно как бы могло и не быть, и великая нация в высшей степени могла бы обойтись без его *необходимости.* Ничего существенного не дала и не влила вся эта проходящая фантасмагория в душу великой нации, постоянно жаждущей живой жизни. Наконец, последняя катастрофа страшной войны, тоже столь фантастической и *ненужной*, с исходом которой как бы рухнули во Франции все миражи и открылись все глаза, — эта катастрофа как бы сказала каждому французу:

---

[1] убирайся, а я займу твое место (*франц.*).

«Смотри, как ты был беден, и слеп, и нищ, и наг, и ничтожен в фантастичном и миражном существовании твоем, — и это вот уже столетие!»

Переживет ли гениальная нация под бременем, которое взяла на себя век назад и которое должна же она донести до конца, свой гений или сохранит его? — вот вопрос! Устоит ли ее гений в таких истязаниях? Не рухнет ли, напротив, всё, и уже какой-нибудь новой гениальной нации предназначено будет богом вести западное человечество? — всё это вопросы, разумеется, праздные с точки зрения благоразумных и деловых людей. Тем не менее много сердец и умов стояли и стоят над этими вопросами во всей Европе давно и непрерывно. В этом роковом вопросе о жизни и смерти Франции, о воскресении или угашении ее великого и симпатичного человечеству гения, может быть, заключается вопрос о жизни и смерти всего европейского человечества, что бы там ни сказали на это недавние победители Франции — немцы. Может ли быть Европа без Франции? — этот вопрос для многих даже и теперь немыслим, и вовсе не для одних только праздных умов, недостойных практического нашего века. И однако, поставив вопрос и, разумеется, оставляя его безо всякого разрешения, скажем мимоходом, в качестве репортера настоящей минуты, что есть некоторые признаки и явления, свидетельствующие о том, что гениальная нация хочет жить изо всех сил и что из этого может выйти, даже и не в весьма отдаленном будущем, очень много хлопот Европе...

Неделю назад случилось в этом смысле во Франции весьма эксцентрическое приключение, отчасти даже рассмешившее кое-кого из важных людей в Европе, потому что, действительно, приключение на капельку и комическое, но от которого наверно очень многие из самых солидных умов Германии нахмурили лбы. Теперь во Франции, в Национальном собрании, идет пересмотр и утверждение государственного бюджета на будущий год. Заметим в скобках, что, против обыкновения, во французском Национальном собрании на этот раз и правительство и правая сторона весьма сочувственно отнеслись к предложенной прибавке к бюджету министерства народного просвещения. Но, по обыкновению как Франции, так и всех парламентов Европы, бюджеты военного министерства всегда подвергаются наибольшим атакам оппозиций. Всегда являются в палатах представители прогресса, гуманности и либерализма, которые только и ждут появления военных министров с их требованиями (правда, всегда неумеренно огромными, в противуположность, например, бюджетам министерств просвещения всех стран Европы, всегда до отвращения крошечными), чтобы напасть на них почти лично. Начинаются жестокие упреки за огромность требований, за их непроизводительность, непрогрессивность, бесполезность для нации. Сами министры обвиняются чуть ли не в кровожадности, и так как все правительства Европы действительно обременяют ежегодно свои государства но-

выми займами по поводу военных бюджетов, то и переживают иногда во время прений о бюджете довольно неприятные и даже трудные минуты, и так почти во всеобщем обыкновении. И вдруг во Франции на этот раз, и в первый еще раз, произошло нечто совсем противуположное.

Едва только военный министр, генерал Дюбарайль, явился с своим бюджетом, как со всех концов палаты бросились на него с горькими и яростными нападениями за скудость и ничтожность его бюджета. Его упрекали за медленность преобразования армии, за неполноту кадров, за скудость перемен в материальной части, за то, что он так мало требует денег. Предложено было несколько неумеренных поправок бюджета; упрекали, бранили и стыдили правительство.

И наконец, только после долгого спору, сконфузившийся военный министр одержал верх. Смиренно сознаваясь в скудости настоящего бюджета, он, в утешение палаты, провозгласил, что зато будущий бюджет будет безмерно велик. Известие это произвело примиряющее и сладкое впечатление. Когда же герцог Одиффре-Пакье прибавил к тому, что для преобразования одной лишь материальной части армии потребуется, не далее как в будущем году, до тысячи трехсот восьмидесяти миллионов франков (1 380 000 000 фр.), то заявление это произвело, говорят, совершенно отрезвляющее действие и неумеренные поправки были взяты назад...

Поправки были взяты назад несомненно, но отрезвляющее действие навряд ли было так полно, как предполагают. И в публике, и в журналистике раздавались странные толки, а нападения на правительство и на военного министра не умолкают и теперь. Выставляют на вид все недостатки теперешней армии, разоблачают беспощадно. «Bien Public», орган Тьера (которому кое-что известно, уж конечно, не меньше других), объявил, что во многих отношениях теперешняя французская армия лишь одна фантазия, что кадры слабы и ничтожны, что в ротах по 30 и по 40 человек и проч. и проч.

Мы сказали, что гениальная нация хочет *жить* изо всех сил и во что бы то ни стало. Не будем рассматривать, те ли это самые новые шаги в жизни, которые приличны теперь гениальной нации? Хорошо ли это слово «возмездие», которое снова раздалось по всей Франции по поводу этой истории с бюджетом? И не миражна ли, не фантастична ли в высшей степени эта «жизнь возмездия», на которую так единодушно соглашается гениальная нация, заплатившая пять миллиардов штрафу и, несмотря на то, с таким единодушием готовая на новые миллиарды расходов, лишь бы отомстить нахальному врагу за свое нравственное и военное унижение? Не разрешая этих вопросов, не можем, однако же, не заметить, что, стало быть, в стране, разъединенной нравственно, столь давно уже унылой и скептической, где общее чувство есть лишь самое ограниченное чувство самосохранения

и где chacun pour soi есть первое правило, — что в стране этой нашлось же, однако, вдруг и неожиданно нечто такое, что могло соединить разом самые разнородные элементы ее, на что безмолвно согласны все ее партии, все умы, все развития, все направления и все ее сословия. Нет, не так скоро иссякает, знать, в народах родник *непосредственной* жизни.

Может быть, это же чувство «возмездия» и дает французам силы сносить без волнений и нестерпимое теперешнее свое правительство. Одним словом, может быть, правительству прощается многое, хоть за то только, что оно называется правительством. Еще полтора месяца назад это правительство имело хоть какую-нибудь цель: оно мечтало восстановить Шамбора. Теперь же оно обратилось в одно лишь правительство интриги и держится самым удивительным образом с своим загадочным президентом. Но об интригах и о всей злобе дня до другого разу.

Не можем, однако, пропустить одну из последних телеграмм из Испании, по чрезвычайной ее курьезности.

«*Сан-Себастьян*, 11-го (23) декабря. Сюда прибыли 10 пароходов, чтобы принять армию генерала Морионеса, которая окружена карлистами в числе 30 000 человек и не может двинуться далее, не потерпев огромных потерь».

Итак, вот до чего дошел главнокомандующий правительства и столь многократный (по телеграммам из Мадрида) победитель Дон Карлоса!

С другой стороны, Картагена, которая еще два месяца назад должна была, по телеграммам, *завтра* сдаться, держится до сих пор, и так же как два месяца назад, телеграммами из Мадрида обещаются *завтра же* выслать против картагенских инсургентов подкрепления.

Весьма может быть, что все эти чудеса в Испании и есть нормальное ее состояние. Неужели же через какое-нибудь столетие, или ближе, такая же судьба ожидает и Францию?

‹29 декабря 1873 г.›

На сей раз мы ограничимся лишь сообщением последних, весьма любопытных новостей из Испании. В 51-м нумере «Гражданина» мы закончили наше обозрение сообщением телеграмм из Испании о жалких успехах генерала Морионеса против армии Дон Карлоса и о ничтожных результатах, добытых мадридским правительством у Картагены, против южного восстания. Оба эти факта, без сомнения, могли свидетельствовать о непомерной слабости испанского правительства Кастеляра. Кастеляр, несмотря на постоянный восторженно-хвастливый тон всех его заявлений

и сообщений нации и Европе об успехах своих, почти во всё время своего управления постоянно выказывал, однако, и некоторое как бы уныние. Он постоянно заявлял о том, что надо принять меры энергичные, поднять дух армии, собрать денег, централизовать власть и даже на время сократить некоторые естественные вольности каждого испанца, так сказать, смирить бы и обуздать почти всеобщую анархию, хоть на время, для общего блага. Заявлялось об этом всегда робко и нерешительно, как бы конфузясь, и оканчивалось всегда почти лишь пожеланиями. Предпринять же действительно что-нибудь решительное, именно для усиления своей власти и обуздания анархии, правительство, кажется, ничего не смело, и не столько по действительной невозможности что-нибудь предпринять в этом смысле, сколько по собственным, интимным благородно-либеральным убеждениям. «Пусть лучше всё пропадает и проваливается, но как же хотя бы на миг посягнуть на естественные вольности каждого испанца». Вот мысль, по-видимому крепившаяся в сердце столь полного благих начинаний и столь мечтавшего быть энергическим правительства. Впрочем, в самое последнее время г-н Кастеляр как бы начал действовать энергичнее: стал говорить о продлении своей власти и об обеспечении ее, стал мечтать о новых полномочиях. В конце декабря он попробовал даже отменить прежние постановления насчет печати и решился прямо запрещать те издания и газеты в Испании, которые уж слишком явно будут возбуждать к грабежу и проч. Но вот наконец собрались созванные кортесы, и телеграммы сообщают следующие удивительные вещи. Кастеляр сильным большинством (120 голосов) был кортесами не одобрен, вследствие чего немедленно подал в отставку. Господа кортесы не нашли возможным поддержать требования и намерения Кастеляра и предпочли начать опять всё сначала — единственный и уже много раз повторявшийся оборот дел в этой несчастной стране, требующей, напротив того, по крайней мере во всей солидной и рассудительной части своего населения, постоянства, устойчивости и энергии от своего правительства, чтоб спасти страну от страданий и если не от гибели, то по крайней мере от варварства, всегда неминуемого после столь долголетних междоусобий.

Когда г-н Кастеляр подал в отставку, кортесы немедленно предположили приступить к избранию другого правительства, как вдруг генерал-капитан Мадрида — Павия письменно обратился к г-ну Сальмерону, президенту кортесов, и пригласил его *немедленно распустить собрание кортесов*. Сальмерон (конечно, с испугу) стал тотчас же просить Кастеляра остаться во главе правительства. Г-н Кастеляр (столь глубоко оскорбленный кортесами) отказался. Тогда, следуя странному рассказу телеграммы, генерал Павия нагрянул на избранников народа (по-военному) с войсками и пушками, осадил залу кортесов и разогнал их всех до единого: вот, дескать, во что мы стали ценить народное пред-

ставительство! Затем телеграмма от 23 декабря (4 января) гласит, что образовалось новое министерство, под председательством маршала Серрано, из г-д Сагасты, Фигуеролы, Цабалы, Эчегаре, Рюица и адмирала Тонете.

Что сделает это новое правительство, если устоит, какой характер примет оно, как «начнет всё сначала», то есть всё это бесконечно трудное дело умиротворения и соглашения страны, погибающей от претендентов, от разбойников, от коммунистов, от бестолковых партий, почти переставших понимать язык человеческий, от внутреннего слабосилия, безначалия и, по-видимому, уже нормально укоренившегося беззакония, — всё это вопрос тугой и на который решительно не представляется ни уму, ни даже воображению никакого разрешения. В этой стране беззаконие до того укоренилось, что уже, кажется, принимается за гражданскую свободу, а следовательно, за естественное право каждого испанца, — взгляд, может быть, отчасти разделяемый и бывшими правительствами Испании, по крайней мере судя по некоторым фактам последнего года. Никогда еще Испания не была доведена до такого безначального состояния. Семилетняя революция и междоусобие ее в тридцатых годах нынешнего столетия не могут идти в сравнение с настоящим порядком вещей, ибо тогда междоусобие было твердо ограничено лишь двумя только партиями — христиносов и карлистов, и обе партии имели одинаково в себя веру и не сомневались, что достижение ими своей цели умиротворит Испанию и осчастливит ее надолго. Нынче вряд ли хоть одна партия, даже самая партия Дон Карлоса (несмотря на всё политическое легкомыслие, столь свойственное вообще католическому духовенству, представители которого поддерживают и сопровождают претендента), — вряд ли хоть одна партия верит серьезно в умиротворение всей Испании даже и при достижении целей своих. Одна лишь партия коммунистов, хотя и весьма недавняя, но крепко и успешно принявшаяся в подготовленной почве, ни над чем, кажется, не задумывается и верит в возможность всеобщего грабежа богатых бедными если и не сейчас, то в весьма неотдаленном будущем. Правда, в кортесах есть партия чрезвычайно идеальных и утонченных республиканцев, *чистых,* без примеси коммунизма, серьезно верующих в республику и в то, что одним лишь провозглашением республики должны залечиться все раны Испании. К этой партии частию принадлежало во всё последнее время и правительство Испании, но вряд ли и эта партия так твердо в себя теперь верует. Где и в чем обретает несчастная нация вновь потерянное единство и гражданскую связь — вот вопрос, столь обыкновенный, впрочем, теперь, при взгляде на судьбу почти всей западной половины государств европейского материка.

P. S. Вот только что сообщенная телеграмма от 26-го декабря (7-го января) из Мадрида:

«Министр внутренних дел разослал к губернаторам провинций циркуляр, в котором хвалит энергию и бескорыстие мадридского генерал-капитана Павии. В циркуляре сказано, что кортесы, осудив рассудительный образ действий Кастеляра, вместе с тем сделали как бы постановление о раздроблении страны. Правительство, по словам циркуляра, не нарушило законов, сделавшись выражением народной воли, и что оно постарается восстановить порядок энергическими средствами».

Итак, новое правительство, по-видимому, укрепляется.

Оно хвалит образ действий генерал-капитана и, может быть, имеет в этом резон. По всем сведениям, Мадрид принял новый переворот спокойно, а из провинций новое правительство получило уже несколько поздравлений с успехом. Кажется, правительство желает принять характер временного, установившегося единственно лишь для освобождения территории от карлистов и от бунтовщиков. Потом же испанцам снова будут возвращены их права, и вопрос о форме правления решится всенародным голосованием.

Причиною низвержения кортесами Кастеляра было, как пишут, несогласие его с Сальмероном, президентом кортесов, требовавшим от Кастеляра некоторых уступок и удаления некоторых подозрительных лиц (в том числе и генерал-капитана Павию). Новое правительство и новое министерство всё принадлежит, говорят, к приверженцам претендента Дон Альфонса и склонно скорее к либеральному монархическому образу правления, чем к республиканскому.

‹7 января 1874 г.›

Истекший год мало что разъяснил и разрешил в политической жизни Европы; напротив, даже оставил по себе много чрезвычайно важных недоумений.

Мы говорим о Европе. Что до России — истекший год собственно внешнеполитической ее жизни ознаменовался для нее несколькими весьма приятными событиями. Покорение хивинского хана еще раз заставило русских гордиться своею армией, а в Европе, где на этот раз сумели оценить важность события, подвиг русских войск возбудил даже удивление. Факт, что Европа удивляется наконец русскому воину, и составляет по-настоящему истинную «военную важность» этого события; что же касается собственно до наших материальных выгод от занятия Хивы, то они давно уже разъяснены до очевидности и мы считаем лишним перечислять их. По крайней мере, русская среднеазиатская политика твердо может теперь надеяться достигнуть вполне своих целей.

В настоящую минуту многие убеждены, у нас и в Европе, что даже и Англия стала наконец смотреть на успехи наши в Азии с несколько большею к нам доверчивостью. Здесь опять-таки всё дело в будущем.

Хотя, безо всякого сомнения, наступающий брачный союз его высочества принца Альфреда с ее императорским высочеством великою княжною Мариею Александровною и не может быть рассматриваем единственно с точки зрения политической, тем не менее это прекрасное и благословляемое Русскою землею событие не может не повлиять и на укрепление тех взаимных симпатий двух великих наций, тех новых залогов дружелюбного взаимного расположения, из которых впоследствии могли бы произойти даже великие результаты.

Россия не боится, чтоб ее всё более и более узнавали в Европе; напротив, желает того. Правда, Европа до сих пор никогда не верила в этом отношении России. Вся политическая жизнь России, в продолжение всего, может быть, девятнадцатого столетия, в сущности была лишь жертвою ее Европе чуть не всеми своими интересами. И что же в результате? Поверила ли хоть раз Европа политическому бескорыстию России и не заподозревала ли ее почти всегда в самых коварных намерениях против европейской цивилизации? Правда и то, что Россия до того уже бывала иногда бескорыстною, что и равнодушный наблюдатель мог бы не поверить, наконец, такой феноменальной ее любви к Европе и поневоле мог заподозрить в ее политике хитрость, скрытность и ложь; тем более наблюдатель заинтересованный, у которого у самого постоянно бывало рыльце в пушку!

Некоторые обозреватели называют истекший год годом свиданий европейских государей. Действительно, свиданий было довольно, и весьма значительных. Важнейшими, разумеется, были свидания императора всероссийского и германского в С.-Петербурге. Затем императоров всероссийского и австрийского в Вене. Затем в Вене же императоров германского и австрийского. Наследный принц германский посетил королей датского и шведского, король Виктор-Эммануил был в Берлине и даже в Вене, у бывшего врага своего и соперника императора австрийского.

Эти свидания короля итальянского с двумя могущественнейшими из властителей Европы произвели в подданных его, в Риме и во всей Италии, восторг. Да и, без сомнения, все эти свидания государей европейских, полные дружества и высокого чистосердечия, должны были радовать Европу и ободрить пессимистов. Тем не менее истекший год все-таки оставляет по себе несколько важных загадок, склоняющих иные умы, ну хоть из тех, которым есть время задуматься, с недоверчивостью заглянуть в будущее, конечно в будущее Европы. Мы продолжаем говорить собственно о Европе.

Истекший год, год «свиданий европейских монархов», можно бы тоже назвать и годом укрепления религиозных смут в Европе. Без сомнения, странно было бы предсказывать в нашем XIX и столь просвещенном веке воскресение религиозных смут, а может быть и войн, приличных лишь варварству средних веков. Мы не предсказываем и даже весьма от того далеки; тем не ме-

нее наклонны считать весь этот «религиозный вопрос», столь обозначившийся в прошлом году, одною из самых важнейших загадок прошлого года. В продолжение года мы в «Гражданине» намекали на это неоднократно. Дело мы рассматривали так: папское «Non possumus»[1] мы считаем настолько серьезным, что воплощаем в нем жизнь и смерть самой религии в Европе. О протестантских верах мы и упоминать не хотим, ибо если б кончилось римское католичество — то каким образом могли бы удержаться веры, сущность которых составляет протест против католичества? Ибо если нет против чего протестовать, то зачем оставаться и протесту? Но римская церковь — опять-таки в том виде, в каком она состоит теперь, — существовать не может. Она заявила об этом громко сама, заявив тем самым, что царство ее от мира сего и что Христос ее «без царства земного удержаться на свете не может». Идею римского светского владычества католическая церковь вознесла выше правды и бога; с тою же целью провозгласила и непогрешимость вождя своего, и провозгласила именно тогда, когда уже в Рим стучалась и входила светская власть: совпадение замечательное и свидетельствующее о «конце концов». До самого падения Наполеона III церковь римская могла еще надеяться на покровительство царей, которыми держалась (именно Францией) вот уже сколько веков. Чуть только оставила ее Франция — пала и светская власть церкви. Между тем церковь католическая этой власти своей ни за что, никогда и никому не уступит и лучше согласится, чтоб погибло христианство совсем, чем погибнуть светскому царству церкви. Мы знаем, что многие из мудрых мира сего встретят нашу идею с улыбкою и с покиванием главы; но мы твердо отстаиваем ее и провозглашаем еще раз, что нет теперь в Европе вопроса, который бы труднее было разрешить, как вопрос католический; и что нет и не будет отныне в будущем Европы такого политического и «социального» затруднения, к которому бы не примазался и с которым не соединился бы католический римский вопрос. Одним словом, для Европы нет ничего труднее, как разрешение этого вопроса в будущем, хотя $^{99}/_{100}$ европейцев в данную минуту, может быть, и не думают даже о том.

Мы сообщали читателям нашим некоторые замечания наши в продолжение года насчет того любопытнейшего обстоятельства, что по некоторым признакам как бы оправдывается догадка, что католическая церковь для восстановления прав своих наклонна даже соединиться с черным народом и впредь уж оставить царей (правда, цари сами ее оставили). Не станем теперь особенно останавливаться на этой догадке, но повторим лишь сказанное прежде, что одним из самых важнейших политических событий истекшего года в Европе была переписка папы и германского императора. В ответе своем папа заявил, что он отец и покрови-

[1] «Мы не можем» (*лат.*).

тель, поставленный самим богом, всем христианам, какого бы толка они ни были, признают или не признают они его главою, были бы лишь крещены.

Когда римское правительство определило и поднесло папе три миллиона франков годового содержания, то, уж конечно, отчасти верило и надеялось, что он примет этот весьма, впрочем, приятный бюджет. Если б папа принял, то тем самым согласился бы на statu quo[1] и *кончилось бы римское католичество,* а наместо его началось бы нечто совсем иное и еще неизвестное. Но папа не принял. Теперь иные надеются, что примет следующий папа. 84-летний папа Пий IX, хотя и боится ужасно смерти (по слухам), знает, однако, что ему скоро умереть, но знает, сверх того, что и следующий за ним папа, кто бы он ни был, *не* примет тоже никакого бюджета и тоже будет отвечать всем и каждому: «Non possumus», как он, Пий IX.

Между тем, хотя император германский в своем ответе на письмо папы и отвечал ему строго и свысока, тем не менее в Германии смотрят на теперешнее положение римской церкви, по-видимому, несколько серьезнее, чем правительство итальянское. Иначе чем объяснить то странное, казалось бы, не в меру усиленное гонение римского (ультрамонтанского) католичества в Германии? Серьезно можно подумать, что колоссальная новая империя, у которой столь много других затруднений и новых вопросов, смотрит на вопрос католический как на важнейший из всех. И что же: так, кажется, оно и есть в самом деле! Странно, конечно, представить, что такое могущественное государство и во главе его такие могущественные властители и правители могли бы испугаться каких-нибудь «смешнейших» ультрамонтанских претензий бессильного жалкого монаха — и когда же? — в век девятнадцатый, в век философии, машин и такого просвещения! К тому же возбуждать среди индифферентизма религиозный фанатизм гонением церкви было бы грубейшею ошибкою, что для таких образованных людей, как, например, граф Бисмарк, не могло бы оставаться и минуты неясным. Кроме того, действуя против церкви, и особенно последними законами о гражданском браке, граф Бисмарк, по-видимому, действует заодно с ненавистниками церкви, и не одной католической, а и всякой христианской церкви, заодно с врагами ее, с атеистами и социалистами. Таким образом, с двух концов возбуждаются два противуположные один другому фанатизма — фанатизмы веры и отрицания. Ловко ли это для такого колоссального государственного человека, как граф Бисмарк? И не следует ли из того опять-таки и во всяком случае, что римский вопрос сочтен такими глубокими государственными людьми за один из важнейших вопросов в судьбах будущей Германской империи? Иначе не жертвовали бы они для преодоления его такими важными интересами.

[1] существующее положение (*лат.*).

Разрешать такие важные вопросы, какие мы теперь наставили, мы, конечно, здесь не возьмемся; но повторим лишь догадку, уже проведенную нами в продолжение года: что, если граф Бисмарк, или, лучше сказать, что, если Германия считает будущую, новую и уже окончательную встречу свою с французами всех ближе возможною на точке римского вопроса? Сообразим лишь то: как ни случайно, по-видимому, вышла бывшая ужасная франко-прусская война, но теперь, уже по окончании ее, ни Германия, ни Франция не могут смотреть на происшедшую ужасную встречу свою как на нечто случайно политическое, наполеоновское. Германия, столько много веков имевшая у себя всё — богатство, цивилизацию, науку и не имевшая лишь одного, самого для себя желаемого — политического единства, должна же была окончательно убедиться (о чем, впрочем, знала сотни лет), что единства политического она не могла и не может иметь, пока во главе Европы стоит гений Франции; что второстепенною ролью, как какая-нибудь Италия, она, Германия, не может в Европе удовольствоваться и что две предводительницы Европы не могли бы совместно существовать. Что тут, наконец, вопрос духа, жизни идеалов, что идеалы цивилизаций западнокатолической и германской различны вконец и несовместимы. Что франко-прусская война была не что иное, как встреча двух европейских цивилизаций, католической и протестантской, французской и германской цивилизаций, несовместных и противоположных и уже много веков приготовлявшихся встретиться. С другой стороны, Франция, уже 1000 лет представительница западного католицизма, не может не понять, даже и теперь, что она останется предводительницею всего европейского католичества, даже и при видимом теперешнем распадении его, не иначе как, если пребудет в самом деле верна католичеству и идее его.

Мы хотим только сказать, что возрождение католичества, в смысле *главной идеи нации*, вовсе, может быть, не так невозможно во Франции, как думают многие. Всё, что происходило во Франции в продолжение последнего века, века беспрерывного колебания революционного, могло бы отчасти служить подтверждением такой догадки. Перебирать прошлое не будем, но обратим внимание хотя бы лишь на то, что в продолжение всего последнего столетия все столь разнообразные правительства Франции (короли, республики, Наполеон III), все поддерживали папу с мечом в руке или готовы были поддерживать, все стояли за Рим и за светскую власть его. Граф Бисмарк не может не предчувствовать, хотя бы отчасти, что Франция никогда не помирится с второстепенным местом в Европе и с военною неудачею и что это для нее своего рода «Non possumus». Почему не предвидеть ему тоже, что эта Франция, не разбитая, а раздавленная столь недавно и могшая вдруг удивить весь мир своим богатством и (главное) кредитом, что было для графа Бисмарка такою неожиданностию; что эта Франция, наконец, в несчастье своем

возбудившая к себе столько симпатий в Европе (что слишком очевидно теперь даже и для Германии, смотрящей на это с завистью), — почему же не предчувствовать ему, что дело с этой Францией, стало быть, далеко еще не кончено, что встреча еще раз неминуема, что еще раз спор о первенстве не может миновать, даже по самому существу вещей, и что спор этот будет спором на жизнь и смерть. Что дело это не только не кончено, а едва лишь начинается. А что так как, наконец, этот спор будет спором двух столь различных европейских цивилизаций, спором решительным и окончательным, то почему же не предполагать ему, что и сшибка окончательная произойдет именно на главнейших точках этих столь враждебных цивилизаций — а именно на католической и отрицающей ее протестантской точке?

Не развиваем этой столь длинной идеи; для нас довольно и того, что мы так резко ее обозначили. Мы хотели только сказать, что, добивая католичество в самом центре его, граф Бисмарк, может быть, продолжает франко-прусскую кампанию и — приготовляется к новой. Ловко ли, нет ли действует — это еще вопрос, но смотрит он зорко.

Почти в этом смысле есть одна из самых последних телеграмм, до крайности характерная. Вот в чем дело.

Недели две назад во Франции и Германии придали, по-видимому, необыкновенную и несоразмерную важность одному довольно мелкому событию. Два французских епископа, Нимский и Анжерский, заявили публично своим прихожанам, что их церковь в Германии страдает, преследуема и проч. и проч. Ну что бы, кажется, важного в том, что два какие-то попа провозгласили у себя в приходе? Между тем вдруг пронесся слух по всей Франции, что граф Арним, посланник Германии, протестовал и настойчиво жаловался французскому правительству. Поднялись толки в журналах (и претревожные) о том: правда это или нет? Если правда, то что отвечало правительство? С достоинством или без достоинства? Правда ли, что был в этом смысле внушительный циркуляр французского правительства французскому духовенству?

(NB. Заметим в скобках, что французское духовенство, столь враждебное догмату непогрешимости до собора и на самом соборе, вдруг, по провозглашении догмата и по немедленном затем падении папской власти, обратилось всё почти, в огромном большинстве своих предстоятелей, в самых фанатических, можно сказать, приверженцев нового догмата между всем католичеством всей Европы. Факт чрезвычайно знаменательный для оценки силы католической идеи во Франции — и теперь и в будущем).

Наконец, оказалось, что запрос был, что правительство отвечало и объяснялось уклончиво, выставляя на вид графу Арниму, что оно не имеет такого влияния на своих епископов, как это

у них в Германии, но циркуляр епископам все-таки обещало и что циркуляр действительно состоялся, — правда, слишком мягкий, чтоб успокоить графа Бисмарка, но всё же довольно постыдный для французского правительства. Но, что всего важнее, тот факт, что Германия придала такому мелкому делу такие политические размеры и явилась с требованиями, почти забыв о том, что уже вывела свои войска из Франции и что всё же говорить следует теперь иным языком, — этот факт, кажется, нисколько не удивил французское правительство и даже самих французов.

Мало того — возбуждение продолжается, и хотя уже прошло много времени, но вот, однако, сегодняшняя телеграмма из Берлина, которую и выписываем:

«*Берлин*, 3 (15) января. В „Северо-Германской всеобщей газете" напечатана сегодня статья об отношениях Германии к Франции, причем объявляется, что поводы к разногласиям подаются исключительно Францией, но они не касаются германских политических интересов. Виды на мир, по словам названной газеты, зависят от того, какое положение примет французское правительство относительно ультрамонтанов. Надежды на мир утратятся, если французская политика предоставит себя в распоряжение светских притязаний папства».

Такие слова, как «виды на мир» и «надежды на мир утратятся», по меньшей мере удивительны; сомнения тоже нет, что имеют характер официозный (если не официальный). Трудно утверждать после этого, что Германия не предугадывает, что встреча ее с Францией произойдет на католической почве.

В будущий год переходит и еще загадка, более чем когда-нибудь загадочная. Это теперешнее французское правительство. Возможности нет представить себе, чтобы не было в будущем году еще раз переворота во Франции. Всё раздробилось на партии, и прежнее большинство, низвергнувшее Тьера, давно уже лишилось прежнего своего характера. О последних событиях во Франции, довольно, впрочем, неважных, хотя и характерных, поговорим в следующем обозрении.

Последние телеграммы возвещают наконец о сдаче Картагены. Подробности еще мало известны. Всего же любопытнее, что генерал Контрерас (главный начальник восставших мерзавцев, грабивший соседние испанские города, угрожавший жителям взорвать город в случае их малодушия и серьезно объявивший немецкому консулу, что кантон Мурция должен будет объявить войну Германской империи), затем Гальвес (объявлявший, что всё имущество картагенцев принадлежит им, шефам восстания) и, наконец, все члены Картагенской юнты и множество остальных бунтовщиков, в числе 2500 человек, в решительную минуту захватили броненосный корабль «Нуманцию» и бежали в Оран

(на африканском берегу), где и сдались французам. Всё это наверно у них было предвидено и условлено давно уже прежде. Таким образом, после шестимесячного разврата и разбоя им стоило только с награбленной добычею убежать, чуть не с почетом пройдя мимо пяти военных кораблей. Разумеется, они обратятся теперь в наипочтеннейших политических эмигрантов, а при первом удобном случае явятся тотчас же в Испанию — опять разбойничать.

ИЗ ДАЧНЫХ ПРОГУЛОК КУЗЬМЫ ПРУТКОВА И ЕГО ДРУГА

I

ТРИТОН

Вчера, 27-го июля, на Елагином острове на закате солнца, в прелестное тихое время, вся гуляющая великосветская публика была невольною свидетельницею забавного приключения. На поверхности пруда вдруг показался выплывший тритон, по-русски водяной, с зелеными влажными волосами на голове и бороде, и, удерживаясь на волнах, начал играть и выделывать разные штуки. Он нырял, вскрикивал, смеялся, плескался водой, стучал своими длинными и крепкими зелеными зубами, скрежеща ими на публику. Появление его произвело обычное в таких случаях впечатление. Дамы бросились к нему со всех сторон кормить его конфетами, протягивая к нему свои бонбоньерки. Но мифологическое существо, выдерживая древний характер водяного сатира, принялось выделывать перед дамами такие телодвижения, что все они бросились от него с визгливым смехом, пряча за себя своих наиболее взросших дочерей, на что водяной, видя это, крикнул им вслед несколько весьма и весьма бесцеремонных выражений, что усугубило веселость. Он скоро, впрочем, исчез, оставив по себе на поверхности воды лишь несколько водяных кругов, а в публике недоумение. Стали сомневаться и не верить, хотя видели собственными глазами, — конечно, мужчины, дамы же все стояли за то, что это был настоящий тритон, точь-в-точь как бывают на столовых бронзовых часах. Некоторые выразили мысль, что это будто бы какой-то Пьер Бобо, всплывший для оригинальности. Разумеется, предположение не устояло, потому что Пьер Бобо всплыл бы непременно во фраке — и в фоколях, хотя бы и мокрых. Тритон же был точь-в-точь как ходили древние статуи, то есть без малейшей одежды. Но явились скептики, которые начали даже утверждать, что всё происшествие есть не что иное, как политическая аллегория и тесно связано с восточным вопросом, только лишь разрешившимся в данную минуту на Берлинском конгрессе.

Несколько минут продолжалась даже идея, что это английские штуки и что всё это проделывает всё тот же великий жид* для британских интересов с хитрою целью отвлечь нашу публику, начиная с дам, рядом эстетически шаловливых картин от воинственного задора. Немедленно, впрочем, поднялись возражения, основанные на том, что лорд Биконсфильд теперь за границей, что его теперь встречают в Лондоне и что слишком много нам, русским медведям, чести, чтоб он сам влез в русский пруд для эстетического наслаждения наших дам с политическими целями, что у него и без того своя дама в Лондоне, и проч. и проч. Но слепота и азарт наших дипломатов неудержимы: начали кричать, что если не сам Биконсфильд, то почему же не быть господину Полетике, издателю «Биржевых ведомостей», жаждущему мира, и что именно его-то могли бы избрать англичане для представления тритона. Но и это всё быстро рухнуло в том соображении, что хотя господин Полетика, может быть, и способен на телодвижения, но все-таки без достаточной античной грации, из-за которой всё прощается и которая одна могла бы прельстить наших дачниц. Подоспел притом какой-то господин, который как раз сообщил, что господина Полетику видели в том же самом часу совсем на противоположном краю Петербурга в одном месте. Таким образом предположение об античном тритоне всплыло опять на поверхность, несмотря на то что сам тритон давно уже сидел в воде. Замечательнее всего, что за античность и мифологичность тритона особенно стояли дамы. Им чрезвычайно этого хотелось, конечно для того, чтоб прикрыть откровенность своего вкуса, так сказать, классицизмом его содержания. Так точно мы ставим в наши комнаты и сады раздетые совершенно статуи, именно потому, что это мифологические, а следовательно и классические, антики, и, однако, не подумаем вместо статуй поставить, например, обнаженных слуг, что еще можно было бы сделать во времена крепостного права; даже и теперь можно, и тем скорее, что слуги исполнили бы всё это не только не хуже, но даже и лучше статуй, потому что они во всяком случае натуральнее. Вспомните тезис о яблоке натуральном и яблоке нарисованном. Но так как не будет мифологичности, то этого и нельзя. Спор зашел на почве чистого искусства так далеко, что, говорят, был даже причиною нескольких семейных ссор мужей с своими прекрасными половинами, стоявшими за чистое искусство, в противоположность политическому и современному направлению, которое мужья их усматривали в совершившемся факте. В этом последнем смысле имело особенный и почти колоссальный успех мнение известного нашего сатирика, г-на Щедрина. Быв тут же на гулянье, он не поверил тритону и, рассказывали мне, хочет включить весь эпизод в следующий же номер «Отечественных записок» в отдел «Умеренности и аккуратности».

* Разумеется лорд Биконсфильд.

Взгляд нашего юмориста очень тонок и чрезвычайно оригинален: он полагает, что всплывший тритон просто-напросто переодетый, или, лучше сказать, раздетый донага, квартальный, отряженный еще до начала сезона, тотчас же после весенних наших петербургских волнений, на всё лето в пруд Елагинского острова, на берегах которого столь много гуляет дачников, для подслушивания из воды преступных разговоров, буде таковые окажутся. Догадка эта произвела впечатление потрясающее, так что даже дамы перестали спорить и задумались. К счастью, известный наш исторический романист г-н Мордовцев, случившийся тут же, сообщил один исторический факт из истории нашей Северной Пальмиры, никому не известный, всеми забытый, но из которого оказалось ясным, что всплывшее существо — настоящий тритон и, сверх того, совершенно древний. По сведениям г-на Мордовцева, добытым из древних рукописей, этот самый тритон доставлен был в Петербург еще во времена Анны Монс, единственно чтоб понравиться которой Петр, как известно г-ну Мордовцеву, совершил свою великую реформу. Античное чудище привезено было вместе с двумя карликами, бывшими тогда в чрезвычайной моде, и шутом Балакиревым. Всё это привезено было из немецкого городка Карлсруэ, Тритон же в кадке с карлсруйской водой для того, чтобы по переходе в Елагин пруд мог тотчас же найти около себя сопровождавшую его стихию. Но когда опрокинули в пруд карлсруйскую кадку, то злой и насмешливый тритон, невзирая на то что за него так дорого заплатили, нырнул в воду и ни разу потом не появился на поверхности, так что о нем все забыли до самого июля сего года, когда ему вдруг почему-то вздумалось о себе напомнить. В прудах же они могут жить припеваючи по нескольку даже веков. Никогда ученое сообщение не принималось публикою с таким восторгом, как это. Позже всех прибежали русские естественные ученые, иные даже с других островов: г-да Сеченов, Менделеев, Бекетов, Бутлеров и tutti quanti.[1] Но они застали лишь вышеупомянутые круги на воде да умножившийся скептицизм. Конечно, они не знали, на что решиться, и стояли как потерянные, на всякий случай отрицая явление. Всех более заслужил симпатии один очень ученый профессор зоологии: он прибежал позже всех, но в совершенном отчаянии. Он бросался на всех и ко всем, расспрашивал о тритоне с жадностью и почти плакал, что его не увидит и что зоология и свет потеряли такую тему! Но окружающие городовые отвечали нашему зоологу немогузнаньем, военные смеялись, биржевики смотрели свысока, а дамы, как трещотки, окружив профессора, сообщали ему лишь о телодвижениях, так что наш скромный ученый принужден был наконец заткнуть себе пальцами уши. Горестный профессор тыкал палочкой в воду близ того места, где скрылся тритон, бросал маленькими камушками, выкрикивал:

---

[1] все прочие (*итал.*).

«Кусь, кусь, сахарцу дам!», но всё тщетно — тритон не выплыл... Впрочем, все остались довольны... Прибавьте ко всему прелестный летний вечер, заходящее солнце, дамские обтянутые туалеты, сладостное ожидание мира во всех сердцах, и вы дорисуете сами картину. Замечательно, что тритон проговорил сказанные им несколько в высшей степени нецензурных слов на чистейшем русском языке, несмотря на то что он по происхождению немец, да, сверх того, еще родился где-нибудь в древних Афинах вместе с тогдашней Минервой. Кто же научил его по-русски — вот вопрос? Да-с, Россию-таки начинают изучать в Европе! По крайней мере, оживил собою общество, заснувшее было под шум войны, всех усыпившей, и разбудил его для внутренних вопросов. И за то спасибо! В этом смысле надо бы желать не одного, а нескольких даже тритонов, и не только в Неве, но и в Москвереке,* и в Киеве, и в Одессе, и везде, во всякой даже деревне. В этом смысле их даже можно было бы разводить нарочно: пусть будят общество, пусть всплывают... Но довольно, довольно! Будущее впереди. Мы вдыхаем новый воздух всею новою, жаждущею вопросов грудью, так что, может быть, всё это устроится само собой... вместе с русскими финансами.

(Сообщено). Друг Кузьмы Пруткова.

* В этой реке особенно.

<ЗАПИСИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ 1872—1875 гг.>

<I>

Текучие фразы.

Белинск<ий>: он тосковал только. Зачем не сейчас, зачем не так скоро.

Он, конечно, имел самолюбие, но саморисования в нем не было. Он предвидел высшую цель.

Ведь общеграждане все показали тыл; они вам изменили, захватили свои деньги и убежали в Европу.

И с удовольствием ощущали в Евр<опе>[1] свою обеспеченность. <135>[2]

31 декабря. Приходила дама: на гумне и о *духовенстве между* инородцами. Ответ ей в среду наверно.

Легенда о Булгакове — пропала.

Богоявленский семинарист, о воспитательной части семинарий — оставил статью на неопределенное время. Придет в феврале (в 3-х месячный срок статьям). <138>

Нечаев — неужели нет, кто бы сказал, что это действительно гнусно.

Колупали!

Совсем некого уважать (вот язва теперешнего), как несерьезно у нас принялось просвещение прежнее. Лица без образов.

С другой стороны, штундисты. <135>

---

[1] *К словам*: в Евр<опе> — *незачеркнутый вариант*: за границей

[2] *Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы записных тетрадей.*

Но неужели вы не заметили, что[1] даже величайшие дела в мире начинались с ужасно простодушных и наивных причин.

Все реформы были сделаны прежними людьми, мимо помощи нашей молодежи, — она только свистела.

Так как в слове «европеец» уже заключается отрицание француза, немца — и проч., то и у нас, обратно, перешло в отрицание русского.

Приготовило отвлеченность высшего сословия нашего.[2]

Человек весьма часто[3] принадлежит известному ‹роду› убеждений вовсе не потому, что разделяет их, а потому что принадлежать к ним красиво, дает мундир, положение в свете, зачастую даже доходы.

Они уехали без сознания вины своей,[4] да и не могло быть иначе. Они сами не понимали, что сделали.

Декабристы — бунт помещичий (западники).

Этих распотешившихся помещиков (совершенно правильно).

Затем. Мы приняли все дары Европы и приняли с яростию тем с большею, что сердцевину-то мы никак не могли принять, то есть непосредственную живую жизнь Европы. И когда там даже самые общие философские[5] и социальные учения принимают национальный оттенок, у нас Н. М‹ихайловский› толкует о том, что *национальное* вредно народу — все способные молодые силы обрекли себя на слепоту и глухоту социализма, не имеют мнения ни в чем, ложь и противуречие. Об Нечаеве никто не смеет высказаться (даже о Татьяне).

Дуэль самоубийц. Греков, Юнгдорф — прилежная мать. ‹1›

Достоинство появлений Нечаева совершенно равняется достоинству умолчания о Нечаеве, то есть в том смысле, что одно другого стоит и обозначает всю нетвердость нашего либерализма, всю несмелость, рабскую боязнь, что скажут, и проч. ‹2›

Н. М‹ихайловский›. *Февр*‹аль›.

Вот почему: ни одно монашеское общество, ни в одном монастыре не было хорошо, даже с самых начал христианства, а отдельные монахи, отдельные святые — были всегда, есть и теперь.

---

[1] *Далее было*: все

[2] Все реформы ∾ отвлеченность высшего сословия нашего. *вписано на полях.*

[3] весьма часто *вписано.*

[4] *Далее было начато*: перед

[5] *Далее было*: национальные

Национальность не нужно.

А из этого следует, что если народ вас не послушается, то вы тотчас же на него рассердитесь и от него отступитесь. И какие же вы деспотики! Нет, вот желай этого, потому что это разумно. Да он прямо скажет вам, что это не разумно, потому что вы предрешаете природу его.

Мне так приятно, что я имею возможность говорить с человеком благодушным и горячим, так мило горячим.

Я бы желал, чтоб это было опровергнуто, как и корреспонденция о губернаторе-охотнике, который вдруг вышел совсем невинен.

Средина же, новейшие либералы, живут черт знает чем и довольствуются я уж и не знаю чем.

Что лик мира сего вы вашими теориями (разума) мало измените.

Н. М‹ихайловский›. Напрасно говорят — «легкомысленный».

Г-н Пыпин. Пыпин не легкомысленный, г-н Пыпин — тупица, угрюмая тупица. Что бы он прочел — это только воз с сеном — пока развалится телега. Староверы, считающие себя молодыми и новыми. В этом смысле славяноф‹ильство›, конечно, есть обновление и новая мысль.

Социализм — это то же христианство, но оно полагает, что может достигнуть разумом.

Кажется, вас определяют человеком лет 30, то есть в первой молодости. ‹139›

Замечат‹ельно›.

Червячок.

Если без него нельзя, имел же, кроме питья, достоинства.[1]

Нет, я хочу идеала, то есть я всего хочу разом.

Вероятно не имел, ponny[2] и угодливость капризам. Он безобразник, но это безобразие то же самое, даже не ужаснее битья зеркал и тарелок.[3]

Жаль, но негодование, отвращение.

Надо было газет и публики.

О, зачем вы не видывали ничего умнее.

Про публику говорят, что бесцеремонна, как же согласилась прийти?

Нет, настоящего живого чувства тут не было, тут была книжка в голове (если она образованная барышня).

Своенравие и современная идея, что всё мне принадлежит, а я никому и ничего не должна.

Застрелиться под музыку.

---

[1] Если без него нельзя ∾ достоинства. *вписано.*

[2] *Так в рукописи.*

[3] *Рядом с текстом*: Вероятно не имел ∾ тарелок. *помета*: Среда

Откуда взялось это общество? О вы, историки наши, празднующие двухсотлетние юбилеи, скажите, чье это произведение, какие основания и возможности были положены к оторванности от почвы. Под какими элементами сложилось это общество.[1]

Наше общество — всех более готово к нигилизму. Слава богу, что не народ. Народ иными древними наследными <?> властителями нашими, их уродливою волей обращен был в податную единицу. Вера их та же: мне всё равно, только бы двойной оброк[2] платили. Но мы прерываем, эта песня не споется теперь. Мы знаем, что это еще слишком ранняя песня. <3>

ШЕЛОПУТЫ

Что, если он посмотрит наконец на священника единственно как на чиновника от правительства.

Что, если это движение имеет именно мысль самоспасения от растления, тогда возможно, что охватит всю Россию. Шелопутинское может умереть и нейти, но другое может подобное явиться.

Искусство дает формы выжитому чувству или пророчит, когда чувство еще <не> пережито, а только начинает загораться в народе.

Салтык<ову>. Это тайна, но только простая. До того простая, что я даже не отгадываю: я подозреваю, что Гамбетта... Нет, впрочем, я не скажу ее. <4>

Аввакум: задача женщины не в красивом виде.

Другая поэма.

Заняться формой.

А между тем какой гуманный глубокий вопрос.

Так что не все эстетические вопросы суть вопросы праздного любопытства.

В этом смысле какая великая вещь искусство?[3]

Буренина очень тонкие отметки, но допускает возможность поклониться и вершине Алтая.

Многое случилось великими предначертаниями Петра, обратившего священника почти что в чиновника.

---

[1] Под какими элементами ∾ общество. *вписано.*

[2] *Далее было начато*: кр<естьяне?>

[3] В этом смысле ∾ искусство? *вписано на полях.*

Карл-Фридрих-Вильгельм dans le ventre.[1]

Эстетика есть открытие прекрасных моментов в душе человеческой самим человеком же для самосовершенствования.

Я не удивляюсь, что самые жгучие вопросы смахивают на испанские дела, об России как об Испании.

И Н. М‹ихайловского›, открывшего народ (при самых добрых, впрочем, намерениях[2] и с самыми похвальными, впрочем, целями). ‹3 об.›

В сущности, республики — правительства аристократические (смотри 35 № «Гражд‹анина›», Франция), да и продукт классического образования.

Коммунисты, уничтожая собственность, хотят общего благосостояния и отнятием собственности хотят ограничить порочную волю людей. Но мне именно нужна *моя порочная воля и все к ним средства*, чтобы *мочь* от них отказаться.
Наше Петром Великим отученное от всякого дела общество.

Мысль статьи: *полная свобода.*

Подавлять в себе долг и не признавать обязанности, требуя в то же время всех прав себе, — есть только[3] свинство, но это ведь так соблазнительно.

Хорошим примером человек живет.

Палтинная трущоба.[4]

Матерьялисты признают *начало* (движение, теплота). Следст‹венно›, признают *до начала.* Следство их *всё* не всегда бывало.

Дева-роза. Червячок. Ей надо было публики и газет.

Да отзовется же наконец трезвое понимание. *Среда. Страдание.*

Графиня Гейдельберг. Так ведь там антихрист говорит языком, которому трудно противустать.

---

[1] в желудке (*франц.*).
[2] *Над текстом*: (при самых ∾ намерениях — *запись*: с похвальною целью.
[3] *К словам*: есть только — *над строкой незачеркнутый вариант*: это
[4] *Так в рукописи.*

А у нас «Голос».

Национальность есть более ничего, как народная личность. Народ, ставший нацией, вышел из детства. ‹4 об.›

Есть ли теперь р‹усские› писатели, которые,[1] несмотря на несомненное дарование их, построили себе литературой дома.

Ибо всякий немец, прибитый русским, несомненно считает в лице своем оскорбленною и всю свою нацию. Русский, прибитый немцем, ничего не подумает о своей нации,[2] но зато утешится, что все-таки получил плюху от цивилизованного человека.

Такова благородная страсть к цивилизации.

Ибо все западники есть лишь доживающее поколение помещиков, через крепостное право разъединившихся с народом.[3] Это все их мысли, их направление и их занятие. Отвлеченность и проч.

И к тому же находясь при собственном капитале.

Оба стыдящиеся подлеца. Что лучше: быть наивным подлецом или стыдящимся подлецом — что предпочтительнее. Ответ прямой: быть просто подлецом.

Это из так называемых стыдящихся подлецов.[4] Стыдящиеся собственной подлости, но при намерении подлость все-таки докончить.

NB. Вы довели до того, что и идеи своей они больше не любят. Мы стояли на эшафоте с верою... уезжали с надеждою. А ваши питомцы стреляются не только безо всякой надежды, но и идеи никакой не имея, мало того, считая за глупость ее иметь.[5] Ему жизнь скучна!

О злодеи, отравившие поколение.

Не вы, Н. М‹ихайловский›. Корни глубже!

Чего ему желать? Зачем ему жить? Кухарка 5 руб‹лей› потеряла.[6]

«Какая пустая и глупая шутка».

Самоубийца хочет убить себя, ищет места.

В простенке умирающая мать спорила с дочерью, чтоб та ее содержала. Мировой присудил не содержать. ‹5›

---

[1] *Далее было начато*: даж‹е›

[2] *К тексту*: ничего не подумает о своей нации — *над строкой незачеркнутый вариант*: обвинит среду

[3] через крепостное право разъединившихся с народом *вписано*.

[4] Что лучше ∾ стыдящихся подлецов. *вписано*.

[5] А ваши питомцы ∾ ее иметь. *вписано*.

[6] Кухарка 5 руб‹лей› потеряла. *вписано*.

Дочь взрезала мать.

Эта страстная жажда науки! К каким блестящим результатам приведет она!

Мать, просящая обеспечить себя, этот трезвый взгляд на жизнь — к чему приведет нас!

NB. Настолько общине, насколько самому себе.

Решит жизнь и опыт.

Старые постарели.

А старье стареет с ужасающею быстротою.

Бедное старье, ничего-то оно не сумело даже ответить. Смешнее всех старье, приписавшееся к молодым.

NB. Где писатели, где поэты?

Атеизм[1] есть болезнь аристократическая, болезнь высшего образования и развития, стало быть, должна быть противна народу. (Этой мыслью хотят воспользоваться наконец иезуиты. Смотри № 153 (20 июня) «Москов<ские> ведом<ости>». Известие римского корреспондента «Times» по поводу посещения папы королевой Изабеллой.) (NB. Что я предсказывал еще в «*Бесах*» и всегда.)

Неужели независимость мысли, хотя бы и самая малая, так тяжела.

О стихах. Легче мыслить. Л. П<апко>ва.

Классические языки — европеизм, либерализм.

Бесплотный и беспредметный либерализм г-на Пыпина — мертвый либерализм.

Когда-то была идея о mésalliance. Но уже вечные исключения из общего правила показывали[2] о ее несостоятельности.

Женщина[3] родится аристократкой и, если достойна того нравственно, всем равна, равна королям. <5 об.>

Орган людей с независимым убеждением. <2>

МОЯ РЕДАКЦИЯ

«Дневник писателя». «Текущая жизнь». «С.-Петерб<ургское> обозрение».

«Политич<еское> обозр<ение>». «Текущ<ая> жизнь».

---

[1] *Было начато*: Да

[2] *Далее было начато*: идею

[3] *Далее было*: если достойна того нравственно.

«Дневник писателя». «Текущ<ая> жизнь».
«Внутреннее обозр<ение>». «Текущ<ая> жизнь».
Есть статьи Юркевича? Погодина? Кельсиева?
Что-нибудь Пуцыкович.
Романы. Комедия.
И роман дамы.
Ожидается:

Что-нибудь от Филиппова (?)
Непременно от Мещерского.
Что-нибудь Соколов.

Постоянное сотрудничество Страхова.
Иметь в виду *Порецкого.*
Секретарь Соловьев.
Иметь в виду Богданова.
И кто-нибудь пришлет. <7>

Нумер более или менее будет являться постоянно с следующими именами:

Мещерский
Страхов
Пуцыкович
Я
Кельсиев и т. д.
Текущая жизнь
Роман

Есть рукописи:
О монахах
О земстве
NB. Об открытии школы
Письмо дамы
Кельсиев
Белов
Страхов
Повесть[1] (Мещерского)
«М<осковские> заметки»

Фадеева
Незнакомца
«Странствование Парфения»
«Правила апостольские»
С Филипповым
Взять «*Жития*» и Полевого
Мою тетрадку каторжн<ую>
Часть «Войны и мира»
№ Гражданина Стенли
Силлабус

Сообщить Мещерскому, нет ли рассказа у Горбунова?
Ответить Шиитову. <137>

Счет статей замечательных, находящихся в редакции:

Роман московской дамы
О Пугачеве Сальяса
Квартиры — N. N.

---

[1] *Было начато*: Ром<ан>

О славянах
? Николаевского «*Вена*»
? Статьи Данченки
? Генслера
? Мещерского «Бисмарк»
? О лондонской жизни
? Николаевского разбор
«Панславизм и греки»
? Библиография Страхова
? Мои

Просмотреть:

«Куль хлеба»
Гимнастика и воспитание
«Кустарная промышленность»
Женский вопрос <17>

Memento.[1]
Март 73 <г.>
1-е март<а>. Получены две статьи: *Богданова* о выставке и *одной дамы* по женскому вопросу. <14>

Memento.
(Общество всякой полезной инициативы).
Общество взаимного страхования успехов в жизни.
Чтения Коховского в Соляном городке «*Труд и отдых*». Чтения Певцова, Рогова, Шалфеева, Ганике и Тарапыгина.
Корреспонденция о питомцах воспитательного дома в «Голосе». Свящ<енник> Иоанн Никольский в «Петербургском листке». — «Голос», 9 марта, № 68.[2] <13>

Письмо от Прежевского из Вологды, просит об Тошме. Просит уведомить, может ли рассчитывать на работу в «Гражданине».

13) Г-жа Грунильон, рассказ, «по старости лет», ответить в город Рогачев, Могилевской губернии.

16) Легенда о Булгакове *Бугагова* — в пятницу.
Субб<ота>. <нрзб.> отдана.
Даме в понедельник (на гумне).
О быте сельского чувашского духовенства.
Богданову отдана.
Лицо и изнанка мастерового, взято две повести.
Глинка, повесть.
Московск<ий> театр, отдано. <129>

---

[1] Помни (*лат.*).
[2] *Текст*: (Общество ∾ 9 марта, № 68. — *зачеркнут*.

Москва, 4 апреля.

Что пользы на могильный камень
Лить солнцу свой горячий луч? ‹4 об.›

В статью.

Церковь отрицательная — протестантская. Падет Рим, и raison d'être [1] лютеранства исчезнет.

«Московские ведомости». Апрель IV—II ‹?›. ‹15›

Насущный материал. 1-го июня 73 ‹г.›

Беллетристика. Драма.

«Лот‹ерейный› билет» (повесть)
Может быть, еще драма (?)
Большой роман
Повесть Казанцева (отвечать ему)

Другие статьи:

Филиппова
Кельсиева
Венская выставка
«Дневник писателя»
Порецкого
Пуцыковича
Нового предлагающего
И потом — Страхова

Будет присылать

Мещерский
Юркевич?
«Текущая жизнь»

NB. Статьи ожидаемые:

«Московские заметки» ‹8›

Следующий № (24):

«Хива» * [2]
«Московск‹ие› заметки» *
«Дневник писателя»
Филиппова *
Венская выставка *
Кельсиева
2-й акт драмы *
Стишки
Пуцыковича *
«Текущая жизнь» * ‹78›

---

[1] смысл существования (*франц.*).

[2] *Очевидно, крестиком отмечены статьи, уже имевшиеся в редакции.*

Замечательные статьи по журнал‹у›.

«*Московск‹ие› ведом‹ости›*», № 153, 29 июня. О прусской армии из Зиновьева и известие из римск‹ой› корреспонд‹енции› «Times» о готовности католицизма перейти без царей к народу.

«С.-Петербургские ведомости», № 169 (22 июня). О книге *Бобровского* «Юнкерские училища» и известие о тамбовских ремонтерах из Франции и Пруссии. И об аресте в Одессе в один день 300 праздношатающихся.

«*Москов‹ские› ведомости*», № 154, июня 21.
Передовая статья о возвращении Красноводского отряда.
Извлечение из «Инвалида» о том же.
Вамбери о Хивинском походе.
Шах в Манчестере.
Судебный приговор о продаже жены в варшав‹ском› суде.
‹1 об.›

Проекты статей в «Гражданин».
Статья: «*Газета „Голос“*», готовиться всё лето (перед подпиской). ‹18 об.›

32 № «Гражданина». «Текущая жизнь».
О народных книжках.[1] ‹86 об.›

2 августа, четверг, фельетон в «Голосе» W, — похвала гражданским похоронам.

Четверг, 9 августа. Wimpfen, «Голос», о чтении в «Истории древностей российск‹их›» (на Катков‹а›). ‹87›

О том, как преподавать закон божий в первоначальных школах детям (NB. Самарин и Мещерский, №№ 34 и 35 «Гражданина» и 33). ‹78 об.›

Пожары. Число пригов‹оров› Пензенск‹ой› губер‹нии› (современность).

Мать и дочь.

Монах («Русские ведомости»). Переселение.
Ослабели.

Убиение жены. M-me Bovari (прошлого года на плите сжарил). ‹9›

---

[1] *Текст*: 32 № ∾ книжках. — *зачеркнут.*

9 марта 75 <г.>
Странные сказки (сумасшедшего):

1) Перемена голов.
2) Чудеса в России.
3) Чудеса в Париже (длинная рука).
4) Унгерн-Штернберг.
5) Стрела и нос Наполеона III-го.
6) Le Grand Orient.[1]
7) Распятые в наше время, 4 мученика.
8) Феодор.
9) Дуэль с Кр<аевски>м, пуля в заднице. <82>

1 августа 1875 <г.> Пушкин.
Дети. Мучения детей («Что ж ты не помог?»)
На лестнице («Я забыл»).

— Что ты всё ближайшее, покажи дальнее.
Давид.
Ависага.
Пароход на Атлантическом океане.
Butte aux cailles.[2]
Будущий мир, коммуна, золотой телец, рабство, теснота и теснота (горе плодоносящим).
Протест самоубийцы.
Суд и желание.
Дух добрый, обращающийся в злого.
Клоповник (русская интеллигентная грязь).
Картины мира. Папа. Соприкосновение вещей, миллионная капля на весах мира. <19>

7 августа 75 <г.>
Техники из классиков всегда становятся вперед, в голове, и дают мысль и движение науки, тогда как прежние необразованные наши техники и специалисты (профессора) всегда были только жалкой срединой, исполнителями и *поддакивателями.*

Человек, так сказать, с беспрерывной соплей на носу.

«Чудный край, через Алтай. . .» и т. д. — в этих стихах, в которых есть как бы нечто танцующее, изображено величие России.

Исповедания же был православно-лютеранского, как и все русские нашего времени, еще продолжающие верить в бога.

Никто из честных людей не сделает против меня такого обвинения и никто не обвинит меня в этом, если он честен. А меня знают честные люди.

---

[1] Великий Восток (*франц.*).
[2] Перепелиный холм (*франц.*).

Дарвалдая. Я предлагаю принять за новый глагол. Смешнее[1] представить себе нельзя чего-нибудь, как город Валдай, дарящий колокольчики. К тому же глагол этот известен всей России, трем поколениям, ибо все знают *тройку удалую*, она удержалась не только между культурными, но даже проникнула и в стихийные слои России, говоря слогом Ростислава Фадеева. Но все, во всех слоях, пели дар Валдая не как дар Валдая, а как дарвалдая, то есть в виде глагола, изображающего что-то мотающееся[2] и звенящее, можно говорить про всех[3] мотающихся и звенящих или стучащих — он дарвалдает. Можно даже сделать существительное «дарвалдай» и приложить его ко всем сочинителям брошюр «Быть или не быть». Что мы такое, чем мы будем. В прошедшем времени[4] будет странно: дарвалдаял, особенно в женском роде — сидела-сидела у меня, дарвалдаяла-дарвалдаяла. Но почему же странно? Ведь говорит же народ: сидела-сидела, стучала-стучала у меня или настучала-настучала и ушла. Я изобрел или, лучше сказать, ввел одно только *слово* в русский *язык*, и оно прижилось, все употребляют: *глагол «стушевался»* (в «Голядкине». У Белинского, *в восторге слишком известные литераторы* — мой главнейший подпольный тип (надеюсь, что мне простят это хвастовство ввиду собственного сознания в художественной неудаче типа)).

Сидела-сидела, надарвалдаяла такого вздору! (Ведь недурно, право.)

Можно взять и фамилью Дарвалдаев, в роман или водевиль, для изображения неосновательного молодого человека, с претензиями,[5] человека консервативного или либерального, всё равно.

Стушевать — на нет; затушевать — другое. Вот пустил словечко, не знаю, что-то будет. Я дарвалдаял, ты — , он — , мы дарвалдаяли, вы дарвалдаяли, они дарвалдаяли. <77>

Кто слишком любит человечество вообще, тот, большею частию, мало способен любить человека в частности.

Кто очень уж жалеет злодея (вора, убийцу) и проч., тот весьма часто не способен жалеть жертву его. Верить же в то, что злодей, вследствие давления среды, *не мог* не убить, я не в состоянии и допускаю в сем случае лишь самое малое число[6] исключений, у нас же сделали общее правило.

«Чем хуже, тем лучше» — тоже общее правило.

Наши фельетонисты все сплошь подписываются псевдонимами. Неужто их имена заключают в себе так много чего-то

---

[1] *Было*: ибо смешнее

[2] *Над словом*: мотающееся — *незачеркнутый вариант*: болтающееся

[3] всех *вписано.*

[4] времени *вписано.*

[5] неосновательного ∾ с претензиями *вписано.*

[6] *Вместо*: малое число — *было*: ничтожный ряд

драгоценного, что их так тщательно требуется укрывать от позора под псевдонимами? [1]

Ростислав Фадеев и Фурье. Нет, я за Фурье... Я даже [2] отчасти потерпел за Фурье наказание... и давно отказался от Фурье, но я все-таки заступлюсь. Мне жалко, что генерал-мыслитель трактует бедного социалиста столь свысока. То есть все-то эти ученые и юноши, все-то эти веровавшие в Фурье, все такие дураки, что стоило бы им прийти только к Ростиславу Фадееву, чтоб тотчас поумнеть. Верно, тут что-нибудь другое, или Фурье и его последователи не до такой степени все сплошь дураки, или генерал-мыслитель уж слишком умен. Вероятнее, что первое.

M-lle Ищенко и граф Толстой.

Говорят, северное и южное направления согласились наконец обратиться в Ясную Поляну, и, как граф Толстой решит, так и будет. Давно бы так. <77 об.>

Дворянство и его сохранение необходимо, ибо оно все-таки выражало своим установлением форму *живой связи* царя (знамени) с народом и заключало в себе все возможности дальнейших социальных развитий земли. Сохраняло дух связи, *дух*, в котором должна была пониматься *служилость*. Заменить его некем. Без лучших людей невозможно (декабристы и проч. ошибки, происшедшие от грубой реформы Петра, основанной на презрении к самостоятельности исторической России).

«Московские ведомости», № 229. — Интересная статья о старокатоликах.

«Голос», № 251. О том, как крысы съели ребенку ручку в Пензе.

Двуличная статья Маркова «Упразднители современного общества».

Фадеева 174 стр. Верховная власть без преданного сословия (дворянства) на одних равнодушных грабителях и ленивых чиновниках,[3] с народом, не имеющим политической идеи и [4] развращаемым в чувстве своем [5] семинаристами,[6] не удержится долго

---

[1] *К тексту*: Неужто их имена ∾ под псевдонимами. — *незачеркнутый вариант*: Неужто так уж срамно все, что они пишут, что им непременно надо скрываться, и неужели их имена заключают в себе так много драгоценного

[2] *Вместо*: даже — *было начато*: кон<ечно?>

[3] *Далее было*: не удержится

[4] не имеющим ∾ и *вписано*.

[5] в чувстве своем *вписано*.

[6] *Далее было начато*: и не имею<щим>

и не уедет далеко. Самодержавие, разрушая дворянство, подняло на себя руку.

Я обнаружу врага России — это семинарист.

Этих круглых генералов с трубкой, всё закончивших. (Всё собой закончивши<е> генералы у нас всегда были во всякое время.)

Фадеев, стр. 120. Власть, создавшая всё в России. Фадеев забыл, что под условием православия. Если власть изменит православию, то народ выберет другую. Православие, то есть форма исповедания Христа, есть начало нравственности и совести нашей, а стало быть, общественной силы, науки, всего. С другой стороны, в Европе науки и развитие всегда становили общество атеистичным. Но это единственно лишь благодаря католицизму. Но так как с петровской реформы (*воспитательный* период) воспитанники периода учились лишь презирать Россию и какать на нее, то и у них явился атеизм по мере образования. Теперь пусть круглый генерал с трубкой вообразит, что образование (в европейском смысле) прорвалось в народ: падет для него (образования) православие — и зачем ему тогда верховная власть (православному)?

Смотреть же на декабристов и нигилистов как на мелкие случаи — глупо.

Не все желающие в Сибирь и на виселицу восполнили число: многие и остались. Русские европейцы неминуемо атеисты, пока оторваны от народа. Это самое существенное и важное последствие реформы Петра. <79>

Шипучки. Каждый журнал у нас есть гнездо завистливых шипучек, уединившихся для... и проч.

1) Полная свобода прессы необходима, иначе до сих пор дается право дрянным людишкам (умишкам) не высказываться и оставлять слово с намеком: дескать, пострадаем. Таким образом, за ними репутация не только «страдальцев», «гонимых произволом деспотизма», но и умных людей. Предполагается добрым читателем, что вот в том-то, что они не высказали, и заключаются перлы. И пренеприятнейшим сюрпризом для них была бы полная свобода прессы. Вдруг бы они увидали, что ведь нельзя врать, что над ними все рассмеются. Испугались бы — и этот испуг был бы для них посильнее цензурой, чем все 1-е, 2-е и даже 3-е предостережения, только бодрящие их и становящие на пьедестал (они бы принуждены были прямо весь свой вздор выложить наружу).

Малороссийский и польский характеры: смесь <*1 нрзб.*> с сантиментальностью.

Вся интеллигенция России, с Петра Великого начиная, не участвовала в прямых и текущих интересах России, а всегда тянула дребедень отвлеченно-европейскую (Алек‹сандр› I, Мордвиновы, Сперанские, декабристы, Герцены, Белинские и Чернышевские и вся современная дрянь).[1]

Драматическая сцена: доктор N. N. (с глупою, но нахальною улыбкою) или с не идущим к нему видом собственного достоинства. И вошел с видом лакея в барском платье. *С немытыми руками и с папироской.*

Если не *затолстеет*, как Страхов, *затолстел* человек. ‹78›

2) Люди, умеющие профильтроваться и присосаться. ‹77 об.›

3) Очень многоглаголиво пишут (в «От‹ечественных› з‹аписках›»), а уж это большой порок. Намекает на некоторое вредное самодовольствие.

Великорусское *великое* племя — $^1/_2$ населения России. Мелкие славяне. Малоруссы — только-‹с›колько ‹?›. ‹78›

Мир ожидают в весьма скором времени страшные новости и перемены. Хотя бы с точки зренья поселений (NB. Франция и Россия, число жителей в той и другой лет через 40.) Увеличение населения, малость территории.

Китай. Встреча с нами в Азии. По примеру Японии введение войска и оружия. *Мастера* различных производств. Переём от Европы европейских порядков.

Подъем азиатских[2] царств вдруг (Тамерлан) по издревле существующему там факту.

Лермонтов, зеркало, шлюпик, *давление личности самой на себя* («Голос». Фельетон 18 сентября 75 ‹г.›), драма «Маскарад» — начало, дуэль Лермонтова — конец.

Не столь Петр Великий виноват, сколько его хвалители.

Врач N. N. хвалится, что держит кабинет для приема больных секретными болезнями; вот бы сказать ему: «врачу, исцелися сам».

... Следуя взгляду Петра Великого на русский простой народ как на матерьял, платящий деньги, и — не более.

Вот бы подлинно сказать можно и должно: «врачу, исцелися сам».

— Помилуйте, да он лечит от секретных болезней, что вы!

---

[1] *Рядом с текстом*: Вся интеллигенция России ∾ вся современная дрянь). — *помета*: *Идея*

[2] *Было*: среднеазиатских

Все реформы нынешнего царствования суть прямая противуположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах. Освобождение народа есть, н<а>прим<ер>, прямая противуположность взгляду Петра (закрепившего народ) на русский народ как на матерьял, платящий подати, деньгами и повинностями, и не более. Самоуправление есть прямая противуположность (узенькому) взгляду Петра на Россию как на помещичью экономию на крепостном основании, где народ «не живи» и где всё управляется несколькими управляющими от помещика, то есть чиновниками с помещиком Петром во главе, получающим доходы для войны с шведом.

Классическое образование, наконец, есть прямая противуположность взглядам Петра на образование, никогда не возносившимся дальше техники и насущной полезности, требовавшему мичманов, литейщиков, кузнецов, слесарей и проч. и даже <79 об.> не ставившему никогда и вопроса о том, что такое человек образованный.

Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских рамках.)

NB. Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) [1] и расширением человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.).

4) Нам укажут, может быть, в пример расширения и нашей русской мысли после петровской реформы, на нашу европейскую славу и [2] на наше европейничание вообще. Но наша европейская слава произошла вовсе не от петровской реформы [3] (иначе надо бы было сузить всю реформу на технические заимствования, которые могло бы сделать и Московское царство) — а именно от древненародного русского взгляда на власть царскую (как неограниченного повелителя), — власть, на которую не посягнул Петр, ввиду уж слишком явной для себя же невыгоды, и которая изумила Европу и мир своею силою и целокупностью (последнее проявление этой силы — освобождение крестьян по одному лишь царскому слову); но слава военная и сила наши не пошли нам впрок, именно по узости мысли, не могшей развиться в народный взгляд и оторвавшейся от народа. Примеры: война с Наполеоном кончилась в пользу Европы, поляков освободил Александр, чего бы никогда в жизни не сделала прежняя московская поли-

---

[1] *Далее было начато*: астро<номические>

[2] и *вписано*.

[3] *Далее было начато*: ибо трудно предположить, что

тика[1] и все правительства после Петра, да и общество наше дошло до того, что считало самою величайшею для себя честью и целью стать европейцами, оевропеиться окончательно: тогда как, напротив, если б было расширение русской мысли от реформы Петра, то не делала бы она таких политических промахов, как в 19-м столетии (то есть имея и успех и силу, но не зная, как их направить в свою пользу), и не считала бы ни целью, ни особою честью быть европейцами, а, напротив,[2] приняла бы идею, что русский — прежде всего — не европеец, прежде всего не должен им быть ни за что, а есть особ статья и не более. ‹80› И когда иностранцам приходилось заявлять об нас (неоднократно), вслух и в разных видах, что мы не европейцы и что они, европейцы, отнюдь не признают нас за своих братьев европейцев, то мы начинали сердиться (от узости мысли) и не понимали (да и до сих пор не можем понять), что европейцы, не признавая нас за своих, тем самым оказывали нам великую честь и признавали в нас самостоятельность и главенство в великой славянской семье народов и ведущими их к самостоятельным целям, и хоть бранили нас, но всё же боялись. Мы этого не понимали и сердились, от сужения русской мысли с Петра Великого.

5) Русские, говорящие по-французски изо всех сил для моды, не зная языка, мучаются, чтоб как-нибудь выразить на чужом языке свою мысль. Те же из русских, которые говорят по-французски с легкостью (высшие сословия), большею частию имеют легкие мысли, другими словами: не имеют никаких мыслей.

Укажут на Ломоносова, а разве Ломоносов не мертворожденное дитя? Что, утвердилась ли наука в России после него. Где Платоны и быстрые разумом Невтоны?

Укажут на литературу, но Пушкин (обожатель Петра) был в сущности отрицатель Петра любовью к русскому старому народному духу («Капитанская дочка», Белкин и проч.).

Это — начало и начальник славянофил‹ов›. А Гоголь был прямой отрицатель всех последствий Петра, что же до последовавших за ними писателей, то все они, н‹а›пример, не явили ни одной новой формы искусства (не сказали ничего нового), а пробавлялись европейскими.

(До классической реформы.) В университетах наших преподавалось бог знает что, всего понемногу и без системы, какие-то обрывки наук, может быть и специалистами (с грехом пополам, ибо необразованный человек редко бывает и хорошим[3] специалистом), но всё же людьми глубоко необразованными. Я помню талантливейших людей, вышедших из университетов (Майков, Крестовск‹ий›). Эти люди до сих пор ничего не знают и ничего

---

[1] чего бы никогда ∽ политика *вписано.*

[2] *Далее было*: именно

[3] *К словам*: и хорошим — *незачеркнутый вариант*: **первоклассным**

не умеют, не защищены ни от какого соблазна и умственного совращения наукой, а если чему и выучились, то разве впоследствии сами. <80 об.>

6) Общие принципы только в головах, а в жизни одни только частные случаи.

Характер русский добродушен: злых людей в России совсем даже нет. Но в России много исступленных.

Знаете ли, что почти[1] всё хорошее делается экспромтом; всё, что хорошо, сделалось экспромтом.

Если раскуют мечи на орала, то без войны будут лишь кровь и грязь.

Эту государственную, так сказать, молодежь с строгими лицами (Петя Износков).

Рождающиеся, так сказать,[2] с соплей на носу.

7) Нравственность, устой в обществе, спокойствие и возмужалось земли и порядок в государстве (промышленность и всякое экономическое благосостояние тоже) зависят от степени и успехов землевладения. Если землевладение и хозяйство слабо, раскидисто, беспорядочно, — то нет ни государства, ни гражданственности, ни нравственности, ни любви в боге. По мере того как землевладение и хозяйство крепчает, устанавливается и всё остальное (NB. У нас при перемене всех[3] прежних законов землевладения начался хаос). Там же, где землевладение уже скрепчало, но уже превышает народонаселение и являются уже люди без земли и пролетарии, там зарождается промышленность (а с ней крепчает такая вещь, как, например, образование, а от образования крепчает и всё). Если же уж очень превысится народонаселение земли, то являются революции.[4] Но это только доказывает, что все должны иметь право на землю и что чуть лишь это право нарушено, то является сотрясение и распадение общества. У нас русские поняли. Декабрист Якушкин — искреннейший человек.

Промышленность и капитал действуют развратительно отторгнувшись от земли, стало быть от родины и от своих. Надо, чтоб каждый работник имел землю. *Ergo*:[5] не в земле ли уж всё дело.

---

[1] Знаете ли, что почти *вписано.*

[2] *Над строкой незачеркнутый вариант*: как бы

[3] *Далее было*: прочих

[4] *Рядом с текстом*: Нравственность, устой в обществе ∾ являются революции. — *помета*: Аксиомы. Кеплеровы законы. Эмиграция дворянства. Жиды. Крым.

[5] Следовательно (*лат.*).

Товар <?> землевладель<цев> непреме<нно> русских — энергическое земледелие. Это подвиг для всей России — <*нрзб.*> подвигов и науки — всего. Ставлю на вид молодежи.

Я хочу только сказать, что всё в параллели жидов и малорусск<их> землевладельцев <2 *нрзб.*> <81>

Брошюра Фадеева, совершенное уничтожение дворянства и дворянского духа вытеснением из прав или обезземелением мелких владельцев, в которых именно приютились старые[1] знатные роды и дух дворянства. Наплывут и сядут на место них толстопузые купцы, которые скупят мелкие имения.[2] Тогда именно прекратится образование. Всякий купец скажет: 1000-то лет дворянского духа оказались, стало быть, пшиком. Пришли да поклонились капиталу-то. Когда я при собственном капитале, то что хочу, то и делаю, очень надо образование, когда сами признали, что деньги выше *всего.* (NB. Глава IV. Право купца просить с требованием стать дворянином.)

Итак, сам ратующий и за единство и объединение (централизацию) русской духовной силы через дворянство, сам оказывается первым врагом дворянства. Так-то развито наше дворянство. А впрочем, может быть, генерал Фадеев всего только генерал и ничего больше. (Генерал-мыслитель).

А впрочем, кроме этой (впрочем, самой существенной и важной ошибки), мысли Фадеева верны и достойны полного сочувствия, то есть две главнейшие: объединение духовных сил и роль дворянства (только не в подробностях, не крупного и не купцов). Без этого объединения — всё пшик, у всех честных отваливаются руки, всё позор, всё лишь торжество говняков.

Неистощимый цинизм сверху (то есть от придворных, окружающих царя). <78 об.>

Я если и падаю, то со славой, а ваш[3] успех нуля стóит. Мысли романов. Убийство жены. Дети от него убежали. «Детки, детки, кто вам сказал?» <2>

История Петра Великого: ошибка историка Соловьева та, что всю историю у Петра нет ошибок. Это не история, а панегирик.

«Что нужнее?»

Ответ Юрия Самарина Ростиславу Фадееву на книгу его «Чем нам быть?»

«Московские ведомости», № 242, вторник, 23 сентября <1875 г.>, замечательная передовая статья о переселенцах. <2 об.>

---

[1] старые *вписано.*
[2] которые скупят мелкие имения. *вписано.*
[3] *Было*: у вас

<II>

Memento.

«С.-Петербургские ведомости» (перечень замечательного).

Апреля 30. Вторник. (Об английской книге Аткинсона о русском искусстве.)

Мая 1-го. Среда, № 118. О волостном писаре Пинской губернии *Борисовского* уезда, высекшем бабу («Розог!») (NB. Не смеют прикоснуться к подлым волостным судам, даже чтоб ограничить пьяный произвол. Свободы истинной, а не номинальной! К черту республику, если она деспотизм!) [1]

Убийство девочки, ребенка, незаконной дочери, мать которой вышла замуж за крестьянина Новградволынского уезда, деревни Сербовской слободки. Из ревности. (Увел на гумно, задушил и искусал зубами.)

В «Русском вестнике» 74 <г.> (№ 4. Апрель) в статье Петра Петрова о Франции интереснейшие подробности о Ледрю-Роллене. Тип фокусника, промышляющего либерализмом. <36>

Memento с 1 мая 74 <г.>

NB. Майские прусские[2] законы (73 <г.>). Все назначения в духовные должности подчиняются контролю правительства. Дисциплинарная власть и юрисдикция епископов над низшим духовенством подчиняется контролю правительства. Будущие католич<еские> священники обязаны пройти курс в светских школах. Суд *по церковным делам* (королевский суд) учреждается впредь из членов, назначенных правительством, и на рассмотрение этого суда поступают дела по поводу майских законов и *всякие церковные дела вообще.* (NB. Дело сумасшедших.)

Смотритель тюремного замка Макаров.

Воспитатель малолетних преступников Гасабов. <41>

Второстепенность и мелочность «взглядов Петра».

Флот (для одной Швеции).

Петербург — перемещение центра грубое.

Забыл и *совсем не понимал* идею веры и православие.

Народ как податный материал.

Раскольники (лишь бы платили деньги).

Чины (обратились же в то же дворянство, но только лишь подточенное. Как бы не сознавали, что делали).

Совершенное отсутствие экономического чутья в идее помещика, а все его слуги с уничтожением частных хозяйств и личности. Идея, достойная персидского шаха.

Развратник и нигилятина. Понятие о чести и шпаге.

Изверг-сыноубийца. <68>

---

[1] (NB. Не смеют ∾ она деспотизм!) *вписано на полях.*

[2] *Над словом*: прусские *вписано*: германские

‹III›

«Московские ведомости», № 225, 74 года. Сентября 9 (Воскресный лист). В статье «*Народное образование*» приведен с похвалою подлейший ультразападнический отзыв новгородского земства о том, что, чем скорее в учительских семинариях оторвется учащийся от народа, тем лучше и что, чем полнее будет разобщенность и разорванность с народом «во имя цивилизующего влияния науки», тем будет отраднее.

Фельетон «С.-П‹етербургских› в‹едомостей›» 20 октяб‹ря›, о русском характере. ‹1›

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ ИЗ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» 1873—апрель 1874

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН», 1873, 8 ЯНВАРЯ, № 2>

Безгрешных в мире сем нет!

Как бы ни стремилась к совершенству почта, она все-таки грешит, и грешит нередко.

Тому три дня, например, мы не получили *ни одной газеты* за целый день, а получили зато на другой день двойную порцию!

Полагаем, что, несмотря на все наши старания, есть подписчики на наш журнал, которые получают его неаккуратно по милости почты.

Всякий, кто не получает № в понедельник *к полудню* в Петербурге, *в среду в течение дня* в Москве и в почтовый день в провинции с *промежутком семи дней между каждым нумером*, получает журнал наш *неаккуратно*.

Редакция покорнейше просит г-д подписчиков, где бы они ни подписались, в случае неаккуратного получения № немедленно заявлять о том непосредственно в редакцию — Невский проспект, 77, кв. № 8.

По заявлениям, делаемым *в книжных магазинах*, редакция на себя *ответственности не принимает*.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПРОТИВУДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗМЕРНОМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПЬЯНСТВА»>

От себя прибавим, что все кабатчики неевреи, право, стоят кабатчиков евреев.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ О БОЛГАРСКОМ ВОПРОСЕ»>

Статья о. архимандрита Григория Паламы предназначалась для «Московских ведомостей». Этим объясняется и ее настоящая форма (обращение к редактору «Московских ведомостей»), кото-

рой мы не коснулись. Впрочем, мы не коснулись и самого содержания статьи и предлагаем ее своим читателям без всяких с своей стороны примечаний. Взгляд «Гражданина» на греко-болгарский вопрос известен обществу: он выражен в известных статьях г-на Филиппова, слово которого о дальнейшем ходе дела будет, как мы надеемся, в непродолжительном времени сказано на страницах нашего издания. Пользуемся настоящим случаем, чтобы уплатить наш долг читателям: в следующем нумере «Гражданина» будет напечатано давно обещанное нами и многими ожидаемое письмо Н. М. Воскресенского (напечатанное первоначально на греческом языке в газете «Νεολόγος»), в котором подробно изложены допущенные болгарскими архиереями нарушения церковных канонов.

ОТ РЕДАКЦИИ ‹ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ Л. Ю. КОХНОВОЙ «ОТВЕТ ЖЕНЩИНЫ НА ПРИЗЫВ „ГРАЖДАНИНА“: „К ДЕЛУ“!»›

Эта статья г-жи Л. Ю. Кохновой есть, собственно, некоторый ответ на статьи кн. Мещерского по женскому вопросу, напечатанные в «Гражданине» в прошлом году. Печатаем этот ответ без возражений и оговорок, — единственно чтобы дать возможность высказаться энергической мысли русской женщины, принявшей па себя столько труда для защиты прав своего пола. Поэтому не отвечаем ни за излишнюю, может быть, быстроту иных соображений автора, ни за горячность иных заключений его, ни за чрезмерную, так сказать, прямолинейность в некоторых исторических выводах. Прибавим тоже, что отдаем полную справедливость и остроте природного ума, и прекрасному слогу, и искренности горячих чувств автора.

Не можем, однако, не сделать и иных, совершенно, впрочем, необходимых замечаний. Мы заметили у почтенного автора один как бы риторический прием: «Вы, конечно, возразите мне то-то... Вы ответите мне, конечно, это-то...» И выписав наши воображаемые возражения, автор тотчас же разбивает их в пух и в прах, как и следовало ожидать. Повторим автору: мы печатаем ответ его совершенно без возражений. А если бы и возразили, то, может быть, вовсе не то, что он предполагает и так легко разбивает.

Впрочем, это только насчет слога. Но смеем уверить автора, что, не соглашаясь с ним, пожалуй, в некотором развитии его мыслей, мы в то же время совершенно согласны с ним в остальном, и тут же спешим прибавить, что почтенный автор совершенно не понял побуждений, руководивших нами в прежних статьях наших по женскому вопросу. Дело в том, что облегчить общественное положение действительно нуждающейся в том женщины мы желали бы изо всех сил, ничуть не менее автора, а тем паче высшего для женщины образования. Мы желаем его в высшей степени, как основания всему, даже женскому вопросу; ибо полагаем, что сей последний даже до сих пор не основался.

Но дальше... Дальше, например, автор восклицает нам в конце письма: «Дайте русской женщине возможность быть матерью и женой...»; «Они просят только открыть им свободные пути для честного труда, каков бы он ни был...»

Что до нас касается, то мы, например (то есть не то что редакция «Гражданина»; мы понимаем автора шире), — что до нас касается, то мы готовы согласиться решительно на все требования автора и дать всё, что только можно придумать. Пусть женщина будет адвокатом, аптекарем, бухгалтером и даже почтмейстером (правительственная должность!), как назначает сам автор; но отвечаем: зависит ли это от мужчин? По-нашему, так даже и от правительства не зависит. Рассудите! Если женщины-аптекаря, женщины-адвокаты и даже почтмейстеры окажутся способнее и лучше аптекарей-мужчин и мужчин-почтмейстеров, то дело несомненно останется за ними и само общество устранит мужчин, которые в свою очередь, конечно, чем-нибудь займутся другим и куда-нибудь денутся. В противном случае мужчины непременно останутся при своих местах. Итак, всё в опыте, а не в нашей воле. Возможности же опыта мы совершенно сочувствуем; но ручаетесь ли вы за то, что этим разрешится дело и всё то, что теперь вдруг поднялось у нас под названием женского вопроса?

Кстати, мы с полной искренностью смеем уверить автора, что, с точки зрения чрезвычайно многих общественных требований, он даже и не коснулся женского вопроса. Вы, г-н автор, просто требуете для женщин, сколько мы поняли, открытия новых мест или смещения мужчин с прежних мест в пользу женщин для необходимого исхода из некоторых затруднительных обстоятельств женской жизни, которые и высчитываете с такою энергиею. Но уверяем вас, что многие исповедницы женского вопроса останутся вами вполне недовольны; ибо вы только на верхушке горы и воображаете, что никогда вниз не съедете. В остроумнейшей сатире г-на Щедрина («Отечественные записки», январь, № 1) сущность женского вопроса уже поставляется иначе; тут хлопочут, чтобы были разрешены «на бумажке» уже не одни только места. Наконец, есть взгляды на этот вопрос, которые и еще дальше пошли. Есть такие требования, которых даже сами требователи никак до сих пор не умеют формулировать. Не умеют или не могут. Так даже, что если бы формулировали, так, кажется, тотчас бы сами от них отказались, — впрочем, может быть, не все бы отказались.

И вообще во всем этом волнении, которое называется теперь женским вопросом, несомненно слышится чрезвычайная фальшь. А вместе с тем слышится такая искренность, такая пламенная и законная (вполне!) жажда разрешения иных потребностей, что решительно всякий искренний и совестливый человек, который пожелал бы вынести из всего этого хоть сколько-нибудь цельную идею и хоть что-нибудь окончательно формулировать, без сомнения, станет в тупик от собственного своего бессилия. Оконча-

тельно говоря, мы полагаем, что женского вопроса *как вопроса* и не существует у нас вовсе. Он существует лишь в какой-то неясной и покамест неутолимой потребности — а самый «вопрос» решительно не формулирован.

И поверьте, что вы ничего нового не написали нам о действительных страданиях нуждающихся женщин: о них, равно как и о страданиях действительно нуждающихся мужчин, мы давно уже знаем и — поверите ли? — может быть, сострадали этим страданиям не менее вашего. Что же касается до высшего образования женщины, то восклицаем из глубины нашей души: «Да будет! да будет!» — уже для того хоть бы одного, что тогда, то есть с распространением высшего женского образования, все эти вопросы, может быть, наконец как-нибудь и формулируются. Ну, а тогда и конец всему, и — слава богу! Историческая истина: чуть лишь исторический вопрос формулируется в своей цельности, тотчас же он и разрешается. Главное, стало быть, формулировать, то есть дать себе в собственных желаниях своих хоть какой-нибудь отчет и предел. Последнее самое главное. Вот этого-то и недостает теперь... по нашему скромному убеждению; а оттого и путаница.

От замечаний мы не удержались, но все-таки не прямо на вашу статью, г-н автор. Статья в стороне.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ О БОЛГАРСКОМ ВОПРОСЕ (ОКОНЧАНИЕ)»›

Этого именования никто не разумеет иначе, как в смысле ироническом.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вследствие непредвиденного обстоятельства издание журнала «Гражданин» в настоящее время прекращается.

Подписчики журнала «Гражданин» приглашаются получить обратно в конторе редакции «Гражданина» следуемые им по расчету, за вычетом появившихся экземпляров, внесенные ими деньги, *с понедельника, 9-го апреля, ежедневно до 4-х часов пополудни*, в количестве пяти руб. восьмидесяти коп.

Иногородным подписчикам, немедленно по востребовании, высылается та же сумма обратно, с пересылкою на счет редакции.

Контора редакции «Гражданина» охотно возьмет на себя, если пожелает кто из подписчиков, выслать им, по расчету следуемых им денег, взамен «Гражданина» всякое другое издание — журнал, газету, книгу, — лишь было бы точно и ясно определено в письменном заявлении г-д подписчиков.

Срок исполнения в редакции всех требований г-д подписчиков назначается по 1-е июня. Засим лицам, не сделавшим никаких заявлений, причитаемые деньги будут 2-го июня высланы по месту их жительства.

Мы получили от профессора здешней духовной академии И. Ф. Нильского следующее заявление о причине отсутствия его в заседании Общества любителей духовного просвещения 28 марта:

«Милостивый государь, господин редактор!

Покорнейше прошу вас напечатать в ближайшем № издаваемого вами журнала нижеследующие строки.

В 14 № „Гражданина" некто г-н Ф. Д., сообщая краткие сведения о заседании Общества любителей духовного просвещения, бывшем 28 марта, заявил, между прочим, что, „к общему разочарованию" членов Общества, я не явился в это заседание „по причине внезапной болезни". Если бы всё ограничивалось этим, мне оставалось бы только поблагодарить г-на Ф. Д. за его любезное внимание ко мне и пожалеть, что до него дошел неверный „слух" о причине отсутствия моего в заседании, в котором я не был 28 марта не по причине внезапной болезни, хотя здоровье мое на вербной неделе было не вполне удовлетворительно, но потому, что по неизвестным мне причинам не имел чести получить приглашения явиться в это заседание, несмотря на то что еще 25 февраля удостоен был избрания в члены Общества. К удивлению, г-н Ф. Д. не ограничился передачей неверного слуха о причине отсутствия моего в заседании 28 марта; он счел нужным объяснить и причину моей „внезапной болезни". По очень недвусмысленному намеку г-на Ф. Д., я заболел внезапно с тою целию, чтобы „уклониться от стеснительного возражения противника и вывернуться из того состояния, при котором в случае изустного состязания пришлось бы поневоле положить оружие"; другими словами: под предлогом болезни я не явился в заседание 28 марта из опасения потерпеть поражение от г-на Филиппова, с которым мне предстояло вести прения по вопросу о единоверии. На эту любезность г-на Ф. Д. я считаю долгом ответить только следующее: мое глубокое уважение к высокопочтенному Обществу любителей духовного просвещения заставляет меня верить, что никто из его членов не объяснил себе так оскорбительно для меня отсутствия моего в заседании 28 марта и что г-н Ф. Д. высказал в этом случае только свое личное мнение, опровергать которое я считаю излишним, так как, следуя подозрительной логике г-на Ф. Д., пришлось бы допустить, что я лишен был приглашения явиться в заседание 28 марта не по случайным какимлибо обстоятельствам, но для того, чтобы дать моему „ученому сопернику" случай одержать блестящую победу над отсутствующим противником или по крайней мере остаться без поражения в ученой борьбе с человеком, которого сам же г-н Ф. Д. любезно называет „лучшим знатоком дела в Петербурге" и для которого, прибавлю, не новость вести без поражения и устные, и печатные объяснения с г-ном Филипповым.

Примите уверение в моем совершенном почтении к вам, с которым и имею честь быть вашим покорнейшим слугой.

Профессор *И. Нильский.*

15 апреля 1873 года».

Отвечаем.

Указать на болезнь как на причину, по которой г-н Нильский не явился в заседание 28 марта, мы имели основания совершенно достаточные. Об этой причине, как о единственной, заявил собранию г-н председатель Общества, который, как мы были уверены, имел вполне точные по этому предмету сведения. Кроме

того, о болезни г-на Нильского, перед заседанием и во время обычного его перерыва, говорили бывшие в собрании члены академии (если понадобится, мы укажем, кто именно), причем упоминалось и о запрещении академического врача выходить г-ну Нильскому в тот вечер из дому. Если всё это оказалось «неверным слухом», то просим г-на Нильского обратить свою претензию на это по принадлежности.

Присутствуя лично в собрании и слыша со всех сторон о болезни г-на Нильского как о единственной причине его отсутствия, мы не усумнились признать эту причину истинною и думаем, что имели полное право заявить о ней в нашей газете.

Усматриваемый г-ном Нильским в нашем отзыве недвусмысленный намек на то, что он заболел с тою целию, чтобы «уклониться от стеснительного возражения противника и вывернуться из такого состояния, при котором в случае изустного состязания пришлось бы поневоле положить оружие», есть произведение его мнительности. Приведенные им в кавычках слова, которые он совершенно произвольно и, прибавим, так неосторожно отнес к себе, в статье нашей не отнесены лично ни к кому, а выражают лишь общую, и несомненно справедливую, мысль, что при изустном состязании, происходящем в присутствии просвещенных свидетелей, труднее кому бы то ни было вывернуться из стеснительного положения, чем при объяснениях печатных. А будет ли собственно г-н Нильский вывертываться при предстоящих ему печатных объяснениях с г-ном Филипповым, мы о том ничего не говорили: это покажет время. Заметим только кстати, что эти произвольные кавычки указывают на дурные навыки г-на Нильского и не предвещают ничего доброго.

Допустить, что г-н Нильский был лишен приглашения не по случайным каким-нибудь обстоятельствам, но для того, чтобы дать его ученому сопернику случай одержать блестящую победу над отсутствующим противником или по крайней мере остаться без поражения, никак нельзя ни по подозрительной, ни по какой другой логике: во-1-х, приглашение членов Общества в его заседания зависит не от г-на Филиппова, который представляет в этом деле единственное заинтересованное лицо; во-2-х, нам, как и всему Обществу любителей духовного просвещения, очень хорошо известно, что г-н Нильский был приглашен в его заседание (еще не бывши членом общества) по просьбе самого г-на Филиппова, который, как из этого видно, не избегал, а искал встречи с ним по причинам, изъясненным в его полемической речи 28 марта.

«Лучшим знатоком дела в Петербурге» мы г-на Нильского на этот раз не называли, а упомянули только о том, что таковым считает его г-н Филиппов. Странное неуменье или нежеланье просто прочесть то, что написано!

Г-н Нильский заключает свое письмо уверением, что для него не новость вести «без поражения» и устные, и печатные объясне-

ния с Филипповым. Мы бы на его месте не доверились так легко собственным ощущениям и подождали бы, что об этом скажут добрые люди.

ОТ РЕДАКЦИИ ‹«ГРАЖДАНИН», 1873, 7 МАЯ, № 19›

По дошедшим до нас слухам мы узнаем, что будто бы что-то случается с нашим журналом: одни говорят, что мы сдаем редакцию, другие — что журнал прекращается.

Спешим уведомить, что все эти слухи не заслуживают никакого доверия и безусловно неосновательны.

‹ЗАМЕТКИ И ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ЕЩЕ О КАСИМОВСКОМ ЗЕМСТВЕ. ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ»›

Мы получили нижеследующее письмо, которое считаем справедливым поместить для разъяснения дела.

В 10 № «Гражданина» была нами помещена статья в разъяснение крайне запутанных дел касимовского земства. По этому поводу г-н Мансуров обратился к нам с письмом, существенную часть которого мы и приводим, прося читателей сопоставить его с статьею в № 10 и с письмом г-на Алянчикова, помещаемым в этом же №.

Насколько подобное объяснение г-на Мансурова нуждается в более веских доказательствах, читатели видят из письма г-на Алянчикова.

‹ЗАМЕТКА К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ИЗ ЛОНДОНА»›

Мы только что получили из Лондона, от 19 июня, корреспонденцию с новыми и весьма характерными подробностями о пребывании персидского шаха в столице Великобритании. Нам показались некоторые из этих подробностей особенно любопытными. Спешим сообщить их нашим читателям.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ. I»›

Под этим заглавием мы предполагаем поместить несколько статей, имеющих предметом исторический очерк нашего государственного долга и сопряженных с этим долгом финансовых мероприятий, начиная с прошлого столетия до последнего времени.

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН». 1873, 16 ИЮЛЯ, № 29>

В следующем № «Гражданина» мы готовимся сообщить нашим читателям самые подробные и точные сведения, тщательно собранные нами, по поводу на днях облетевшего всю Россию радостного известия о помолвке ее императорского высочества великой княжны Марии Александровны с его королевским высочеством принцем Эдинбургским, вторым сыном ее величества королевы Великобритании.

НЕКРОЛОГ

15 июля в Царском Селе скончался Федор Иванович Тютчев, сильный и глубокий русский поэт, один из замечательнейших и своеобразнейших продолжателей пушкинской эпохи. С горестью сообщая об этой утрате нашим читателям, мы имеем в виду в непродолжительном времени в отдельной статье по возможности оценить поэтическую деятельность покойного поэта.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «РУССКИЕ ЛИСТКИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ. IV. К ВОПРОСУ О ВОССОЕДИНЕНИИ ЦЕРКВЕЙ»>

В предшествовавшей статье «Русских листков», «Вестминстерское аббатство», в 32 № «Гражданина», вкрались две крупные опечатки: на странице 872, во 2-м столбце, 18 строка снизу, напечатано «за незрелость», следует читать «замерзелость»; на странице 873, столбец первый, 9-я строка снизу, напечатано «чиновных форм», следует читать «условных форм».

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ОТВЕТ НА ПРОТЕСТ. ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ»>

Редакция берет на себя заметить, что ни в каком случае не напечатала бы письма г-на Левитского с сохранением таких выражений его, как *грязная клевета* и проч. Если же и помещает теперь письмо г-на Левитского безо всяких пропусков, то единственно по просьбе и по настоянию своего корреспондента «Вольнодумца О.», к которому горячие слова г-на Левитского столь прямо относились. С своей стороны мы всё еще надеемся, что и г-н Левитский наконец убедится, что такое веское и такое несчастное выражение, как «грязная клевета», *ни с какой стороны,* в данном случае, не может быть приложено к возникшему делу.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ. V»>

Этою статьею мы заканчиваем очерк нашего государственного долга екатерининского времени; к изложению же долга позднейшего времени мы имеем в виду, в непродолжительном времени, приступить вновь.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ИЗ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ. (ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ КРЕСТЬЯН)»›

Печатая настоящую корреспонденцию, мы, конечно, не считаем предложенный автором вопрос исчерпанным. Хотя одна сторона вопроса о переселении, то есть возможность покупки незаселенных земель на основаниях правильной коммерческой ассоциации и — что очень важно — исход и толчок, даваемый таким образом населениям к новым средствам для радикального изменения безвыходного их положения, предлагаемым проектом и достигается; но другая сторона вопроса, то есть возможность переселения и капитал, необходимый для того (деньги на переезд, скот, земледельческие орудия и хотя бы какое-нибудь на первый раз помещение на новом месте), остается совсем незатронутою. И потому печатаем эту корреспонденцию лишь как проект почина дела, по нашему мнению совершенно полезного и необходимого.

ЗАМЕТКА ОТ РЕДАКЦИИ ‹К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ›

Мы не совсем согласны с заключением автора корреспонденции. Конечно, когда разовьется образованность, изменится воспитание и проч., будет легче исправить нравственность и другие привычки. Но ведь этого долго ждать, а между тем зло будет расти и приносить вред. Возложить единственную надежду во всем на грядущую образованность — это всё равно как бы, например, возложить все надежды искоренить пьянство в народе на школы и на народные театры (которых, заметьте, нет), а число кабаков оставить везде то же самое. Автор корреспонденции как бы сомневается даже в самой возможности искоренения разгула, дикого пьянства и разврата, соединенного с грабежом, на нижегородской ярмарке. Почему же так, однако? По нашему мнению, весь вопрос в точке взгляда на дело. Если глядеть на дело слегка, или закрывать глаза, или считать эту язву неотъемлемою принадлежностию нашего народного организма, без которого ему и пробыть нельзя (такие знатоки и пониматели народности у нас водятся сплошь да рядом), — о, тогда, конечно, ничего не выйдет, стоит махнуть рукою и остаться в совершенном спокойствии. Но, кажется, этого нет: достигли уж и до ярмарки какие-то слухи, что «с будущего будто бы года начнут переменять порядки», — значит, взглянули на дело построже и признали его настоящую важность. А коли так, — почему же так неисполнимо проектированное и задуманное? Ведь стоит только *признать настоящую важность дела*, — а ведь в этом и весь вопрос.

А кто станет отвергать важность этого дела? В этом № «Гражданина», в отделе текущей жизни, как раз приведено несколько слов одного американца, посетившего нижегородскую ярмарку

Он только заглянул, разумеется, в ночные вертепы ее и отступил с ужасом. Он говорит, что сам дьявол не придумал бы ничего бесчестнее и позорнее, — а что он видел? и много ли ему там показали? Неужели и этот американец уедет с мыслию, что русскому народу *потребен* позор, *необходима* бесчестность и что у русских этого *нельзя* искоренить? Нет, достаточно пока и того, что мы сами, наполовину, еще этих убеждений! Пожалуй, есть и такие из нас, которые и могли бы повлиять на искоренение зла, но которые до сих пор говорят: «Это позорно, но искоренять это *рано*, пожалуй, еще что-нибудь выйдет... лучше так оставить... до времени».

Нет, по-нашему так оставлять не следует. Надо только представить себе, что значит нижегородская ярмарка в быту нашего купечества. Бесспорно, она имеет на него даже воспитательное влияние. И странная мысль, десятки лет уже укоренившаяся, что на нижегородской ярмарке почему-то так и следует делать гадости и развратничать! Отцы семейства, даже из почтенных, живущие весь остальной год в своей семье по крайней мере не зазорно, являясь на ярмарку, непременно позволяют себе развернуться. Что ж удивляться, если поразвратнее, погорячее и побессовестнее из них позволяют себе уже полный выверт. А молодежь, а юноши? Ведь они видят там своих отцов уже вывернченных и показавших изнанку, ведь они учатся... чему? прежде всего неуваженью к отцам же. А старцам как не безобразничать, коль уж *принято*, коль уж решено сыздетства, что «к Макарью» ехать — значит всё равно, что «каникулы» школьнику получить. А непосредственное влияние разврата на юношу?

Да будьте чисты как голубь, а змей все-таки укусит вас на всю жизнь, если так беспрерывно повторять дурной пример. Воображение наклонится наконец к этому невольно, всякое представление о женщине соединится на всю жизнь с ярмарочною грязью; что ж он будет за отец, за муж, хотя бы природа и родила его с превосходными качествами? А деньги, а разбросанные цыганкам деньги, а «ндраву моему не препятствуй»? — Ну что у него есть для противовеса? Что охранит его от воспитательного влияния таких впечатлений? Образование? Да ведь известно, что купеческий класс, может быть, самый необразованный класс в России.

Образование еще когда-то придет, а теперь есть такое заветное местечко, ярмарка, которое всякого образования стоит. Местечко это давно уже найдено, дано, от предков указано и положено, где позволено и можно развратничать, потому что еще папеньки тут развратничали, где, стало быть, *не стыдно* развратничать.

Нам скажут, что мы слишком увлеклись, что не ямарка одна воспитывает купечество. А мы именно утверждаем, что такие *установления*, как *оправданный* множеством поколений разврат

ямарки, есть нечто уже данное, есть точка опоры, есть нечто даже худшее для поколебания нравственного начала в целом быту купеческом, чем, например, беспрерывные кабаки в быту народном. У ребенка надо, стало быть, отнять бритву из рук. Да и мысли даже самые искоренить: 1) что есть такое место, где разврат *позволителен* и 2) что у купцов почему-то никак «*нельзя*» отнять это место.

Этот начин с привилегированного места, с самого гнезда, с ярмарки, был бы хорошим приступом дела к искоренению очень многих дурных вещей. Образование дело хорошее, но тугое, а пока — зачем же беспрерывный соблазн перед глазами?

Да, но трудно искоренить (скажут нам, пожалуй), не в административных это силах, не в обыкновенных средствах, властию употребляемых. Опять-таки, повторяем, всё зависит от взгляда на дело. Если взглянуть на него вполовину, тогда, конечно, одними пальятивными мерами ничего не сделаешь. Много-много что уменьшишь часы разврата да ослабишь гласность его, откровенность его. Уничтожатся «открытые» заведения, возникнут «закрытые» и даже не очень-то тайные, пожалуй, и прятаться не станут совсем. Но если признать полную важность дела, то на первый раз можно бы начать действовать и не совсем обыкновенными мерами. Даже командировка на место действия нарочного лица, образованного, широко смотрящего на дело, понимающего, что нельзя же всего стеснять и до какой меры надо стеснить, — такая командировка, по нашему мнению, была бы вовсе не лишним делом.

Необходимые — *дома* — очень и очень могли бы быть регулированы наравне, например, с столичными. Цыганские хоры и в столицах тоже поют, арфистки везде есть, трактирные рассказчики тоже — всё бы могло остаться, но всё бы осталось тем да не тем. Мы только бритву у ребенка из рук отнять желали бы, но только половчее и подействительнее, чем это делается обыкновенными средствами администрации. Мы желали бы, чтоб зло не на одной бы только бумаге искоренилось, не спряталось бы под святыню частной жизни, где за кулисами еще долго могло бы откупаться деньгами. Тут-то и нужен, по нашему мнению, на первый раз, для начала дела, скорее личный, разумный взгляд, чем обыкновенный форменно-административный прием. Нет, мы уверены, что всего этого можно достигнуть, если только захотеть. А бритву у ребенка вырвать необходимо.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ИСПАНИЯ»›

Мы особенно рекомендуем вниманию читателей «Гражданина» эту статью нашего почтенного сотрудника ZZ, в которой чрезвычайно ярко изображены главнейшие существенные обстоятельства одного из самых любопытнейших и знаменательных явлений в современной истории европейского человечества.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ. VI. ВРЕМЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I»›

Этою статьею заканчивается обзор государственного долга павловского времени. К новейшему времени мы не замедлим приступить.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ УЗАКОНЕНИЙ. ЗА ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ (С 18 МАЯ ПО 11 СЕНТЯБРЯ)»›

Такие обзоры мы надеемся и впредь помещать в «Гражданине» примерно за каждую четверть года.

ОТ РЕДАКЦИИ
‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ГРАЖДАНИН» НА 1874 г.›

Открывается подписка на еженедельный журнал «Гражданин» на 1874 год.

В 1874 году журнал «Гражданин» будет издаваться в том же направлении, в том же объеме и выходить каждую неделю, как и в нынешнем 1873 году.

Направление наше известно. Мы будем следовать ему и разъяснять его неуклонно. Будем стараться улучшать наше издание беспрерывно, из всех наших сил, как и делали до сих пор.

Содержание журнала: еженедельные обозрения внутренней жизни; иностранное и петербургское обозрения; постоянные заметки о московской жизни; повести, романы, рассказы, драматические сочинения и стихотворения; статьи по всем вопросам политической и общественной жизни; критические и библиографические статьи; отдельные корреспонденции, внутренние и заграничные, и постоянные отметки всего особенно характерного, странного и удивительного в современной текущей жизни.

Впрочем, в обширности содержания нашего журнала можно наглядно убедиться из подробного и систематического каталога помещенных в нем (за 9 мес. 1873 г.) статей, который мы имеем в виду разослать в непродолжительном времени вместе с объявлением об издании «Гражданина».

Цена годовому изданию журнала «Гражданин»: без пересылки и доставки — 7 руб., с пересылкою и доставкою — 8 руб. *За полгода*: без пересылки и доставки — 4 руб., с пересылкою и доставкою — 5 руб. *За треть года*: без пересылки и доставки — 3 руб., с пересылкою и доставкою — 4 руб.

Все духовно- и церковнослужители, все волостные правления, все служащие (при предъявлении удостоверения из своих казначейств) *и все живущие в С.-Петербурге* (рассрочка для последних делается по соглашению с редакцией, с обозначением места жительства) пользуются правом подписываться на год с рассроч-

кою годового платежа на следующих условиях:

При подписке вносится 2 р., в мае 2 р., в сентябре 2 р., в ноябре 2 р.

Подписка принимается *в С.-Петербурге: в редакции журнала «Гражданин»* — Малая Итальянская, дом № 21, кв. № 6, и в книжном магазине *А. Ф. Базунова. В Москве:* в книжном магазине И. Г. Соловьева, на Страстном бульваре, и в магазине Живарева, на Тверской. *В Киеве*: в книжном магазине Гинтера и Малецкого.

Иногородные адресуются *в редакцию «Гражданина», в С.-Петербурге.*

Некоторые из подписчиков заявили нам свое недоумение по поводу не полученных ими *приложений*, и, между прочим, *альманаха*, будто бы *нами обещанного*. Обстоятельства, от нас не зависевшие, помешали нам издать в этом году и альманах, и некоторые другие книги, но напоминаем г-дам подписчикам, что мы отнюдь *не обязывались* издавать ни альманаха, ни других книг *непременно*, но *имели лишь в виду* предоставить подписчикам известные выгоды при покупке, *если б эти книги были изданы*. Лица, внесшие деньги за эти издания, могут во всякое время их получить обратно или оставить в счет подписки будущего года.

Но так как редакция, несмотря на вышеизложенное, все-таки не желает лишить г-д подписчиков 1873 года каких-либо выгод взамен обещанных, *то и вышлет всем подписчикам 1873 года* не позже мая месяца 1874 года роман, перевод с английского, *«Тома Брауна школьные дни»*, в двух частях, и уже не с сбавкою только цены, а *безвозмездно*.

Роман этот *также безвозмездно* получат и все новые на 1874 год годовые подписчики «Гражданина».

Что же касается до романа *«Один из наших Бисмарков»*, при приобретении которого редакция тоже обещала сделать подписчикам 1873 года уступку, то на этот раз мы можем утвердительно обещать, что роман этот в непродолжительном времени будет издан и уступлен подписчикам как 1873, так и 1874 года, пожелающим приобрести его, рублем дешевле против продажной цены.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ГРАДИШКО В БОСНИИ»›

Не можем не заметить здесь от себя, что вселенская патриархия, в видах справедливости, отеческого призвания своего и здравой политики, должна бы немедленно сделать теперь боснякам всевозможные уступки в смысле обновления их архиерейского персонала туземцами, иначе дело ожесточится и дойдет опять до той точки, как и с болгарами, когда уже поздно будет делать уступки.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКОГО ТОРГОВЦА В СТЕПЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ХИВЕ»›

Мы находим этот простодушный рассказ русского торговца-путешественника, дословно записанный г-ном Михайловым, довольно любопытным и стоящим некоторого внимания. Это лишь простое, весьма безыскусственное и наглядное описание фактов и явлений, замеченных толковым русским простолюдином в незнакомом и опасном крае, в который завели его любопытство и предприимчивость. Но подобные рассказы тем и заслуживают внимания, что они схватывают и передают именно те черты живой жизни племени и края, которые весьма часто совсем ускользают из описаний иных более образованных и ученых путешественников; а стало быть, имеют свою весьма полезную сторону, а нередко и незаменимые достоинства.

‹ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «СЛОВО, СКАЗАННОЕ АРХИМАНДРИТОМ ГРИГОРИЕМ (ПАЛАМОЮ) В МОСКОВСКОМ ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ В СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ПО КОНЧИНЕ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ТОЛСТОГО»›

«Гражданин» надеется в непродолжительном времени напечатать воспоминания одного из своих сотрудников о гр. Александре Петровиче Толстом, скончавшемся нынешним летом в Женеве. В ожидании же сих воспоминаний мы пользуемся случаем, передавшим в наши руки краткое и проникнутое чувством слово о. архимандрита Григория, чтобы его обнародованием засвидетельствовать наше глубокое уважение к высоким добродетелям почившего.

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСЫЛКЕ ДЕНЕГ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ›

Вследствие вопроса некоторых г-д подписчиков, кому посылать деньги в пользу голодающих Самарской губернии, редакция напоминает, что таковые деньги препровождаются прямо в Самару, в самарскую губернскую земскую управу.

Само собою разумеется, что редакция «Гражданина» с радостью возьмется пересылать доставляемые на этот предмет деньги.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „КАБАЦКОЕ ДЕЛО В СЕЛЕ ДУРНИКИНЕ“»›

Кстати заметим, что эта статья почтенного автора, напечатанная у нас в нынешнем году в 23 №, вся целиком перепечатана недавно в газете «Современность», № 67, без обозначения, откуда она взята.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К РЕЦЕНЗИИ «НОВЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ»›

Помещая критические заметки г-на Н. Скроботова по поводу «Памятной книжки Петербургской губернии на 1873 г.», мы позволим себе заметить, что труд г-на Елачича, составителя означенной «Книжки», был лестно приветствован нашими петербургскими газетами, не только малыми по чину и возрасту, но и такими, как «С.-Петербургские ведомости» и «Голос». Так, «Голос» писал: «„Памятная книжка" составлена г-ном Елачичем *старательно* и заключает в себе статистические данные, *приводимые с строгим разбором*, сообразно тому значению, какое они должны иметь в кратком статистическом описании» (см. «Голос» сего года, № 77, стр. 3). «С.-Петербургские ведомости» приветствовали труд г-на Елачича следующим образом: «В новой „Памятной книжке" г-на Елачича читатели *найдут немало любопытных статистических данных* о Петербургской губернии, *появляющихся в первый раз в печати*» (см. № 64 сего года, стр. 2). Между тем, при внимательном разборе, труд г-на Елачича не стоит почти никакой похвалы, так что нужно удивляться: каким образом петербургские газеты, которые должны же сколько-нибудь знать свою-то губернию, рекомендовали публике такой незначительный труд? ..

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О СБОРЕ ЗА РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ›

Сбор за розничную продажу журнала «Гражданин»: №№ 50, 51 и 52—1873 г. и № 1—1874 г.— предназначается в пользу голодающих Самарской губернии.

ОТ РЕДАКЦИИ
‹«ГРАЖДАНИН». 1874, 7 ЯНВАРЯ, № 1›

Спешим ответить уважаемой нашей корреспондентке, что прием статей в будущий сборник «Складчина» нисколько от редакции «Гражданина» не зависит, а лишь от избранного собранием литераторов комитета, о котором давно уже было объявлено через газеты во всеобщее сведение.

Что же касается до мысли устроить литературное чтение, то мы вполне ей сочувствуем. Вот уже столько лет как прекратились в Петербурге литературные чтения, всегда с большою охотою посещавшиеся прежде публикою. Чтение же с такою прекрасною целью имело бы несомненный успех. Пусть бы устроился хоть и не ряд чтений, а лишь одно или два. Литераторы отозвались бы наверно, если б кто захотел взять на себя почин этого доброго дела. Трудно представить, чтоб могли оказаться какие-нибудь серьезные к тому препятствия.

Сбор, нет сомнения, был бы удачный. Участвующие в сборнике «Складчина» могли бы, по нашему мнению, еще до выхода книги устроить свое особое литературное чтение и прочесть в публике несколько отрывков из будущего альманаха.

«Лиха беда начало», как говорится.

Мы бы очень желали, чтобы мысль г-жи Крапивиной несомненно осуществилась. В Москве могли бы тоже устроиться чтения.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ПОДВИЖНИЦЫ»›

Сведения, сообщенные в этой статье, извлечены из записки, составленной скончавшимся недавно (1 января) Соловьевым, достойнейшим врачом и писателем, которого оплакивают многие друзья, знавшие его в Москве. Записка эта читана была великою княгинею Еленою Павловной, незадолго до ее кончины, с сочувствием и одобрением.

Кстати о покойном Николае Ивановиче Соловьеве.

В газетах уже появились его некрологи. Даже люди, расходившиеся с ним во многих из его убеждений, помянули его самым теплым словом. Литературную деятельность покойного, по характеру ее, можно разделить на две части: на чисто литературную, критическую (в разных журналах) и на специально научные, но популярно изложенные им некоторые изыскания и исследования его по санитарной части в России. Этот второй отдел его деятельности обратил на себя наиболее внимание публики и доставил ему почетную известность между специалистами дела. Тем не менее мы помянем добрым словом и чисто литературную его деятельность. Она не могла быть оценена по достоинству в то больное время, когда он начал писать; напротив, возбудила против него даже порицателей. И однако же, им было высказано несколько весьма здравых идей в весьма талантливом изложении. Мы не распространимся об этом в этой коротенькой заметке нашей; прибавим лишь, что впоследствии, когда будут припоминать и пересчитывать всех замечательных литературных деятелей нашей эпохи, сгоряча не замеченных или криво понятых поколением, то наверно помянут добрым словом и более верною оценкой и чисто литературную деятельность покойного Соловьева.

Заметим, что во всех посмертных словах о покойном, появившихся в газетах, сделана одна общая биографическая ошибка. Везде сказали, что он начал свою литературную деятельность в «Отечественных записках» (прежних, под редакциею А. А. Краевского). Это несправедливо; он начал свое литературное поприще в журнале «Эпоха» покойного М. М. Достоевского. Туда он прислал (кажется, из Тулы, где служил) свою первую статью — не-

сколько критических заметок о современной литературе, — весьма талантливо написанную. Она тотчас же была помещена в «Эпохе» с отметкой от редакции, весьма приветливой для начинавшего автора. Через два месяца Николай Иванович был уже в Петербурге, куда перевелся на службу, и — по собственным словам его пишущему эти строки — эта-то лестная для него отметка редакции и вызвала его тогда на литературную деятельность. С тех пор он продолжал участвовать в «Эпохе» и только по прекращении ее перешел работать в «Отечественные записки» вместе со многими из бывших сотрудников «Эпохи».

Пишут, что семейство покойного осталось в большой нужде. Как бы хорошо было, если бы наш Литературный фонд определил хоть что-нибудь детям этого бесспорно полезного труженика на общую пользу. Все, знавшие хорошо покойного, конечно, согласятся, что не часто можно встретить человека, более преданного всегдашней мысли об общей пользе и заботе о полезной деятельности, каким был Николай Иванович.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «НЕКРОЛОГ 1873 ГОДА»›

Как и в прошлом году, помещаем и ныне некролог известнейших и замечательнейших русских людей, скончавшихся в течение минувшего года.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПИСЬМА КРЕСТЬЯНИНА. I»›

Письма эти составлены отчасти по написанному со слов одного крестьянина, отчасти на основании писанной, но исправленной и дополненной словесными объяснениями рукописи.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К «ПИСЬМАМ ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ.II. О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ»›

Редакция не может похвалить способ выражения своей испуганной сотрудницы, тем более что она вдается в некоторую односторонность. Тем не менее мы печатаем эти письма буквально, потому что они все-таки — знаменье времени. Будь в этих обвинениях лишь одна десятая доля правды, то и тогда ужасно. А десятая доля правды, кажется, есть.

ОТ РЕДАКЦИИ
‹«ГРАЖДАНИН», 1874, 4 марта, № 9›

Рисунок памятника Екатерины II *готов*; он должен пройти чрез цензуру, что, вероятно, задержит его доставление подписчикам до конца марта или начала апреля. Рисунок будет доставлен *всем годовым подписчикам*.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ. НА 2-Е ПИСЬМО, ПОМЕЩЕННОЕ В 7 № „ГРАЖДАНИНА“»›

Редакция (так как любезный с дамами старичок затрогивает и редакцию), — редакция объявляет, собственно от себя, что, говоря про «десятую долю правды», она вовсе не имела в виду считать «дураков и пошляков», а разумела совсем другое, но что именно — того вовсе не находит нужным по некоторым причинам разъяснять оппоненту «хорошенькой женщины». Печатает же его письмо лишь по желанию самой затронутой стороны. С этой стороны и будет ему ответ.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ПО ЧЕРНОМОРСКОМУ ОКРУГУ. II»›

Мы весьма желали бы, чтоб и наши читатели обратили особое свое внимание на заявление нашего сотрудника. Избавлению от таких *бедствий*, как лишение духовной помощи, необходимо сочувствовать и бедствия эти устранять скорее по возможности; не то явятся вместо церквей божиих молитвенные сборища сектантов, хлыстовщины, а пожалуй, и штундистов. Явятся, пожалуй, раньше священников и лютеранские пасторы из Берлина, *с знанием русского языка*. Желательно, чтобы помощь не опоздала и предупредила еще горшие бедствия.

‹ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «ЧТЕНИЕ Т. И. ФИЛИППОВА В ЗАСЕДАНИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 26 ФЕВРАЛЯ»›

Помещая этот новый труд нашего уважаемого сотрудника, заметим, что он вызван сильнейшей оппозицией известному нашим читателям мнению г-на Филиппова по вопросам о «единоверии», изложенному им в прошлом году в Обществе любителей духовного просвещения. Оппозиция явилась в том же Обществе. Г-н Филиппов, которому (мы прямо можем высказать наше убеждение) гораздо дороже успех самого дела, чем верх в споре, обратил особенное внимание на мнения своих оппонентов и составил свой ответ, помещаемый ниже. Мы сами были на чтении этого ответа г-ном Филипповым в Обществе любителей духовного просвещения. Чтобы не оставлять ничего неразъясненным и никаких сомнений, автор, ссылаясь в своем ответе своим противникам на источники, из которых извлекал целые цитаты, тут же, после каждой ссылки, обращался к двум членам Общества любителей духовного просвещения (г-дам Осинину и Бычкову), и те во время самого чтения, в ту же минуту, проверяли по лежавщим

перед ними книгам: правильно ли сделана цитата, и заявляли о том во всеуслышание, благосклонно приняв этот труд на себя. Таким образом, никакая неправильность, никакая хитрость или умышленная неверность в ссылках (столь свойственная, и даже весьма часто, самым серьезным ученым в обращении с источниками и документами для одержания верху в споре) не могли произойти. Одним словом, спор велся окончательно и для *достижения конца его.* Не знаем, достигнет ли этого столь вожделенного конца уважаемый наш сотрудник, но вот, однако же, труд его. Пусть судят о нем все интересующиеся вопросом о судьбах нашего «единоверия» — вопросом глубоким и имеющим чрезвычайную и, главное, современную важность.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ О НАШЕМ СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ. ПИСЬМО III»›

Но почему же из них не могли быть и высокого ума? Странно.

‹ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ. ОТВЕТ ОЛИЦА — ПОСЛЕДНИЙ»›

Какая странная, смешная мысль и какое *казенное* убеждение!

Не все, которых жизнь измучила, знают жизнь.

А может быть, вы о Цейдлере узнали в первый раз из биографии, помещенной прошлого года в «Гражданине», который *первый* сказал о нем слово.

И слава богу!

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ О СОВРЕМЕННОМ ПЕТЕРБУРГСКОМ СВЯЩЕННИКЕ»›

Нужно ли объяснять, что мы вовсе ничего не имеем против прогресса, хотя бы даже и между провинциальным духовенством? Но мы не желали бы только «прогресса», усвоенного иными священниками у нас, в Петербурге, точно так же как не желаем ложного прогресса, проповедуемого некоторыми органами нашей светской печати...

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН», 1874, 22 АПРЕЛЯ, № 16>

Редакция «Гражданина» считает для себя за удовольствие довести до сведения своего почтенного корреспондента, что усилия членов Общества любителей духовного просвещения, направленные к разъяснению возникшего между Обществом и г-ном Филипповым недоразумения и к возвращению его в свою среду, окончились полным успехом: в настоящее время это возвращение перешло уже в совершившийся факт. Теперь, когда возможность утраты г-на Филиппова для Общества уже миновалась, мы считаем не лишним заметить, что возбужденное его выходом волнение должно иметь для Общества и благоприятные последствия: можно надеяться, что этот опыт воздержит на будущее время от всяких попыток к инсинуациям; а если бы кто за недостатком ученых аргументов и решился, по бывшим примерам, прибегнуть к их помощи вновь, то это никого уже не смутит и всякий будет знать, что Общество, презирая всякого рода инсинуации, нравственную ответственность за их произнесение возлагает исключительно на тех, кто не стыдится прибегать к сему недостойному средству. Таким образом, свобода суждений в среде Общества получает в этом прецеденте новое и весьма крепкое ограждение. От души желаем этому Обществу процветания, широкого развития его деятельности и долгих дней.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
1873

I. ВСТУПЛЕНИЕ. II. СТАРЫЕ ЛЮДИ. III. СРЕДА

(Стр. 5—23)

Подготовительные материалы (ПМ)

Идейки

Дураки.
Диалоги.
Жаль очень, что не могу обратиться к Мольеру, а надо к Островскому. ‹26›

Prospectus

Полизать пол.
Что такое Китай. Женитьба императора китайского. Вот если б я был в Китае, я бы умел, как говорить. Но у нас. . .[1]
Скучно жить. Не совсем: привычка, въелась. Но уж муравейник.
Как выше fraternité, égalité. . .[2] и т. д.
Китаец смотрит иначе. Дойдете, дойдете. (Ведь у вас много принципов пока живы.)
В Китае я бы умел говорить. Какую фразу-то я даю. Но здесь трудно. Не понимают. Герцен. Да я их не боюсь.
Скука! Что такое скука? Ощущение несвободы, неестественности.

---

[1] Вот если б ∾ Но у нас. . . *вписано на полях.*
[2] братство, равенство (*франц.*).

О самоубийцах, больное место. Как умирают. Сам или через палача.

Тропман, офицер. Шато-д'икем (от пустяков борьбы никакой). Мистического ужаса нет. От образования?[1] Вряд ли. Какое он имел образование? Тайны. Всё тайна.

Скука и китайщина, дама и Мещерский, вся картина Татьяны. *Далеко* не скучно. Как Татьяне-то[2] скучно. Отрадно, что этого никогда не будет.

Генерал, поющий «Алексея божия человека». Пушкин. Идеал женщины в народе. Царь Афинион.

Для меня выше всего, всего! Как для вас, и это создал народ. Не пакость его, а идеалы его. Впрочем, много не понимают друг друга.

Герцен, похвалил ему, что оба умны. А и Б.

Анекдот о Герцене. Тосковал, Белинский бы не тосковал. Анекдот о Христе. Никто ни о чем не задумывается, даже, может быть, и не думает, кроме как о деньгах. Я ничего против денег, а только против беспорядка. В сущности, у нас решительно тот же Китай, но только без всякого порядка, я потому так пленен Китаем, что читал статью о бракосочетании кит<айского> им<ператора>. Это прелестно.

Каждый подозревает другого в глупости,[3] безо всякой задумчивости и обратного вопроса: то есть не я ли глуп-то.

Явление ужасно комичное.

NB. Присяжные.

Бежавший мальчик.

Нельзя требовать от наемника. Но выработанный *modus*.[4] За границей. Мы же дворяне — лакеи, маркизами не будем.

Будь чем хочешь, лишь исполняй церемонии. Церемонии же в сущности есть[5] результат тысячелетней протекшей жизни, результат реализма и опыта.

Будь чем хочешь, это твое дело, убийцей, мерзавц<ем>, нищим, фанатик<ом>, но исполняй церемонии. Церемонии же это та связь, по которой муравей<ник> распасться не может. Что выше этой свободы. О конечно, живы liberté и fraternité.[6]

Застреливающийся офицер — средина. Значит, общество само собою атеистическое. Это важный факт.[7] <27>

---

[1] *Было*: Говорят, образование?
[2] *Было*: ей-то
[3] *Было*: Подозревает в взаимной глупости.
[4] правило (*лат.*).
[5] *Было:* есть ведь
[6] Будь чем хочешь ∞ fraternité. *вписано на полях*. Liberté — свобода (*франц.*).
[7] Застреливающийся ∞ атеистическое. *вписано в верхней части листа.*

Темы

Одна дама писала? О Татьяне (из письма дамы к Мещерскому).

О самоубийцах (скучно жить и отчего).

Просто la mort[1] еще выше, но китаец наверно смотрит иначе. В Китае я бы писал хорошо.[2]

Белинский и Христос (половина правды).

Разговоры с дураком. Герцен и Белинский (разговор г. А. и г. Б.).

Этот анекдот я слышал от Герцена в Неаполе (описание, дочь, лучшие люди).

Дама в вагоне и готовящийся постричься.

Сцена между дураком, ехавшим жениться: пропало 10 рублей.

Социализм в Европе и социализм у нас.

Тип чистого нигилиста (nihil,[3] Чернышевский), вот мой сад, иди. Возьмет топор и изрубит. Без угрызения совести. Потом застрелится. Шато-д'икем, виноград.

Бежавший гимназист (относиться с уважением к тринадцатилетнему возрасту). Слышал о мальчике, которого будто исключили из одного заведения.[4]

Дети. Относиться к ним. Подкинутый ребенок. Чиновник, принимавший подкидышей.

Нет преступления. Холодность застреливания. Идеи о присяжных. Правы ли, что оправдывают? Один или два примера circonstances attenuantes.[5] Убийцы ямщики.

Китайщина, муравейник. Лизать пол, есть рис.

Алексей человек божий, генерал, женщина выше тургеневской. <28>

Что есть ложь?

Каждую просвирку сосчитали.

Взгляд вольтеровский. У святого Феодосия.

Как иногда составляются либеральные взгляды?[6]

Нигилист, вызывавший беса.

Сопоставление фотографий, Катков, Краевский.

Темы для живописца.

Белинск<ий>, после восторженного так скучно.

Ну что уж за веселье, или шато-д'икем (о нескучной смерти).

Но <*нрзб.*> и в восторге. Ей не скучно, но каково Татьяне.

Сопоставления.

Для детских приютов или для стипендий.

Я ничего не понимаю в Шекспире, и вы вдруг становитесь великим человеком. <29>

---

[1] смерть (*франц.*).

[2] Просто ∾ писал хорошо. *вписано на полях.*

[3] ничто (*лат.*).

[4] Слышал о мальчике ∾ заведения. *вписано на полях.*

[5] смягчающих вину обстоятельств (*франц.*).

[6] Как иногда ∾ взгляды? *вписано на полях.*

V, VII

ВЛАС. «СМЯТЕННЫЙ ВИД»

(Стр. 31, 54)

Черновые наброски (*ЧА*)

Тут, кроме болезнен<ной> фантастичности, замечательно многое. Во-первых, психология дело интересное. Как это вдруг выскакивает из души ее? Во-вторых, 2 типа.

Вот от подобных-то страдающих Власов и зависит теперь наше будущее. Так ли?

Говорят, Влас теперь сильно безобразничает, страшен, закутил. Говорят об водке, о жидах, о разбоях, о разнузданности.

Если 10 лет, еще лет пять простоит эт<о>-то <*не закончено*>

Заметьте, что это народ, освобожденный от крепостного права, вошедший совсем в новый фазис жизни.

Кто не задумывался над современной минутой. Мы входим в новую неизвестность.

NB. Наша несостоятельность как птенцов гнезда Петрова. Из народа всё, спасет себя сам.

П<етровский> период закончен юбилеями.

Через 200 лет оказывается, что народ[1] не припял жизни Петровой, а ко всем желавшим принять ее, к нам то есть, она сама не принялась.

С него начнет.

Что далее, неизвестно, порядок откровен<но> мы должны принимать. Недурно хоть знать по крайней мере, или, как говорится, принять к сведению.

Влас закутил. Цифры. Еще 10 лет безобразий.

Еще 10 лет безобраз<ий>.

Чем обусловливается возможность такого предположения?[2] Вероятно, тем, что Россия должна стоять в ряду первоклассных держав Европы.

Мы странное государство. Во-первых, как никакое. Америка.

И как бы ни падал Влас, он встанет всенародно. Консервативно, без опеки.

---

[1] *Вместо:* Через народ *начато:* Народ оказывается-то

[2] *Далее было: а.* уж конечно *б.* Бюджет

Но кроме государства — просвещен‹ие?›.

Нет. — Экономическое правило.

Но всего надо миллиард, надо миллиард из вина. Следствие вина, березка.

Но хотя бы и явился миллиард.

Ученые, но не живые, упорства, деловитости не будет. Так за границей сложили веками. Кто же спасет? Одним миллиардом и опекой можно только разумно содействовать. Но спасет себя *сам народ.*

(Я не боюсь.)

Штундисты.

Славянофилы.

Священник, «Соборяне».

Беда доводить[1] народ до подобных протестов. (Принять тоже надобно, что он не прежний крепостной.) Что же, однако, надобно делать — не покровительствовать дешевку учителей...

О, отцы, стадо (горький упрек) — были и толстопузые. Есть и смиренные.

Прочтите «Соборян».

Тем не менее спасение в народе.

О «Соборянах».

Описка.

Моя идея, что отныне не с интеллигенцией общества, а с крестьян, — сверху всё кончится *нулем*, даже и при миллиарде. Стало быть, снизу, штундисты.

VIII

ПОЛПИСЬМА «ОДНОГО ЛИЦА»

(Стр. 60)

Черновые наброски (ЧН)

ИЗ ПИСЬМА «ОДНОГО ЛИЦА»[2]

Эту странную статью доставило «лицо». Это «лицо», то самое «лицо», которое[3]

Что за «лицо»? (Описание и биография.)

Что такое мысль о могилках.

40 писем в редакцию. Человек беспокойный. Его мучит тон, тон фельетонов.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* довести

[2] Из письма «одного лица» *вписано.*

[3] Это «лицо» ∞ которое *вписано.*

Нападки на меня его взорвали. Он сделал предложение написать. Я отклонил.

Но вот дост<а>вляет сам, не унялся.

Странное письмо: сила слога равняется лишь наивности мыслей.

Не переделаешь, так пусть заявит. Но он даже думает переделать и пишет решительное увещание.

Первая половина статьи — моя защита. Я еще раз и уже[1] резко объявил ему, что сам в силах себя защитить, но и не хочу даже пробовать, — и потому первой половины письма я не помещаю. Да к тому же и несвоевременно — нападки прекратились в последнее время. Н. М<ихайловский> и Z. — этот г-н З.

Но[2] инсинуация иезуита. На нее я непременно намерен ответить, то есть не прямо, ибо и не стоит говорить мне самому о моем романе, а по поводу него, ибо я всё пишу лишь «по поводу». Отвечать же не позволил себе. Ругательства прекратились 3 недели *назад*, по меньшей мере, несвоевременно, да и к чему тревожить муравейник? Но зато в письме есть вторая часть.[3]

Но вторая, хоть и дикая, но заслуживает внимания. В ней преподаются правила, так сказать, нравственности. Тут не называют.

Я не скрою, что она писана для Петербурга и Москвы,[4] но она может идти в правило для фельетонистов всех времен и народов.

Прибавлю, что сила слога равняется лишь наивности мыслей.

Чтоб не огорчить человека и избавиться от 41 письма, я эту 2-ую половину письма его помещаю, выкинув из него, по праву, несколько резкостей, ибо «Гр<ажданин>» публикует, что он в случае надобности поправляет статьи.

Слог этот возвышен до «*ты*». Но тут никого лично. В одах к императрице говорилось «*ты*».

Но, признаюсь, я удержал из первой половины письма лишь несколько слов в разъяснении свиньи.

Итак, «Полписьма „одного лица"»:

...И неужели слово «свинья» имеет столь притягательный смысл? <129 об.>

Приобрети же стыд и хотя малейшую воздержность в гневе твоем. <130>

Будемте порядочными людьми, господа. Приобретемте стыд. И тогда уже буду уважать тебя не за ум только, а и за честность твою.

Показывать свои части.

Пожертвованное поколение.

---

[1] и уже *вписано.*

[2] Но *вписано.*

[3] Да к тому же ∞ вторая часть. *вписано.*

[4] Москвы *вписано.*

Ну что же в том, если я объявлю в афишках, что по субботам али по воскресным дням буду показывать одно[1] обнаженное место. Верю, что найдутся любители и приедут[2] во множестве,[3] но[4] будут ли уважать вас. Спроси себя сам: для того ли приедут они, чтоб уваж<ать> тебя, — приедут, чтоб плюнуть и рассмеяться, ибо зрелища в афишках всё более и более в ходу. Но того ли желал ты! Напротив, желал пленить, сколько я разумею, и пленил даже сам на себя.[5] Скажи опять, что думать мне об уме твоем.

А ведь вы все показываете каждое воскресение обнаженное место.

«Вы бьете кулаками».

«Это вы бьете кулаками».

«Я адмирал».

«Вр-р-ешь».

«Ты меня дерзнул».

«Вр-р-ешь».

Ну, если Авсеенко — я прощу, ну что же ему, бедному, делать.

Пусть огорченный отказами редакций романический писатель ищет быть критиком.[6]

Скандал — Нечаев — Костомаров.

Мысли у вас нет.

«Караул».

Индюк.

Кто же не знает, что подписка, и вы травитесь — по приказу хозяев.

Масленица.

«Караул!».

Вы обязаны своим семействам и забираете у редактора, он же на кого натравит тебя, на того и бросаешься.

Но, согласись, бесчестность мерзит.

Но согласись, что тем мерзее, что не из собственной обиды бросаешься, а науськанный лишь редактором, из карманных выгод его.

В порядочном обществе. Иногда остроумны.

Ну если вы встретитесь в обществе.

Фотографические карточки.

Ты меняешься в лице и садишься в угол — происходит потасовка, и вас выводят.

Не уважаете общество. Однажды тон хорош, другой раз дурен, одноидейны все.

Не знают, что либерально, что нет.

---

[1] одно *вписано.*

[2] *К тексту*: найдутся любители и приедут — *незачеркнутый вариант*: приедут к тебе опытные и любители зрелищ

[3] во множестве *вписано.*

[4] *Далее было*: ведь

[5] *Так в рукописи.*

[6] Пусть ∾ критиком. *вписано.*

Кудлатая.[1]

Кто же не знает, что ты ругаешь газету-соперницу, потому что боишься, не отобьют ли твоих подписчиков.[2] <136>

Дети дерутся именно тогда, когда еще не научились выражать свои мысли.

Кто бранится всеми словами разом.

Прием невозможный, наивный, у первобытных народов лишь замечающийся.

Новая газета, но выражается,[3] как некая[4] петербургская торопыга.

Проницательности я с вас не спрошу. Лик общества быстро меняется, и никто вам не верит. Зачем же ты веришь. Ведь вы же не верите, что вам верят, или верите? Глупо. Стало быть, пишете так, потому что зудит,[5] так сказать, искусство для искусства.[6]

Зачем вы так наивны и легкомысленны, вот чего не прощу тебе.

Ты войди с ним в литературную дружбу, не показывай виду,[7] похвали его, подстереги и вдруг накрой ладонью — с сожалением, долго, дескать, крепился, но не мог, извините, и уж тут прихлопни. Бесчестно и подло, но хитрее и умнее твоего, то-то и есть, что не имеешь возможности выждать.

Внутренняя ярость возжигает <?> тебя, и ты поминутно пробалтываешься.

Идеи у вас нет.

Не прощу тебе, что ты веришь, что она у тебя есть.

Пиши: уверяй, клянись и божись, что имеешь их, — прощу тебе, ибо это твое ремесло. Но не верь себе самому. И я примирюсь с тобой, ибо докажешь тем ум. Уважать не могу тебя, но за ум примирюсь с тобой. Если же веришь, что можешь иметь и идеи, — что подумаю об уме твоем.

Но как же рассчитываешь после сего на мое уважение?[8]

Как тебя били и как тебя еще обещались бить.

Подписчики. Свиньи. (Одесса.) Предположение до того уже нелепое, что даже и иные петербургские газеты не решились им воспользоваться, — что, по-видимому, означает, что в нелепости даже и для них существует предел, — явление, во всяком случае, утешительное.

Это преувеличено. <135 об.>

---

[1] Кудлатая. *вписано.*
[2] Кто же ∾ твоих подписчиков. *вписано на полях.*
[3] но выражается *вписано.*
[4] *Было*: какая-нибудь
[5] *Далее было*: для
[6] Ведь вы же ∾ для искусства. *вписано на полях.*
[7] не показывай виду *вписано.*
[8] *Далее было*: на которое так рассчитываешь

Зап<иски> «одного лица».

Сила слога его равняется лишь наивности мыслей, ибо он как бы вновь открыл то,[1] что давно уже знают, и удивляется тому, чему давно уже перестали все удивляться.

Пишут некрологи один другого.

Мерещится мне, что вы, как те пьяницы и адмиралы, лежите в грязи, обиженные один другим, а прибиты каждый под окошком своей редакции. И далеко раздается ваш глас по зловонным улицам Петербурга. Но не приходит городовой вытащить вас из грязи, и продолжаете лежать в ней, мараясь и в ней захлебываясь.

Ибо вовсе вы уж не так подлы, как друг друга рисуете.

И добро бы ты сам за себя стоял, а то ведь для антрепренера, который нанял тебя.

Ведь ты знаешь, что тебе никто не поверит, ибо из честного человека никогда не сделаешь ты подлеца.

Неужели в слове «свинья» заключается столь магический и заманчивый смысл, что ты никак не мог не принять его на себя, почему бы это? <136 об.>

Веский шандал из бронзы, которым гордится хозяин.

Редакция признает эту картину немного преувеличенною, несмотря на дальнейшие доказательства автора.

И твой партнер объявляет корону.

Случай, может быть, даже совсем невозможный.

Его, так сказать, беспокоит и потрясает характер отношений.

Шандал, направляешь его в лоб.

Партнерка твоя, молодая дама, ожидавшая от тебя столько остроумия, когда садилась с тобою играть, спасается с криком под крыло своего супруга, значительного инженер-подполковника, который, взирая[2] с прочими гостями на поведение ваше, говорит ей: «Видишь сама теперь,[3] миленькая, чего можно ожидать от сих „руководителей общества“».[4] Выпихнули. Ты лишился светского удовольствия, приятных, хотя и невинных, минут с петербургск<ой> дам<ой> и — ужина. Но ты бежишь вознаградить себя. Каждый из вас стремится[5] за свой письменный стол и к утру строчит <*нрзб.*> ядовитейшую статью с подробным описанием всего происшествия (ибо по глупости своей ты сделаешь это наверно), с поминовением отца и матери, супруги и даже невинных детей его. Знаешь, кроме то<го>, что тебя заметит редактор.

---

[1] *Вместо*: как бы вновь открыл то — *было*: серьезно удивляется тому

[2] *Было*: смотр<я>

[3] сама теперь *вписано*.

[4] *Вместо*: от сих «руководителей общества» — *было*: от них

[5] *Далее было начато*: в раз<ных>

Ибо бываешь же и ты в порядочном обществе. Если судить по твоим фельетонам, то ты запросто говоришь с генералами, с акционерами, с половыми трактиров, с путешественниками-иностранцами и даже читаешь наставления министрам... Мы встретились с генералом таким-то, я был у князя такого-то, у Палкина я встретил такого-то, говорил с такими-то, сказал он мне то-то, а я высказал ему это-то. По твоим словам,[1] распространенность твоя в свете поистине удивительна и равняется разве необходимости твоего присутствия в обществе, ибо по смыслу фельетонов твоих никакое дело без тебя[2] и острых слов твоих не делается, но ты неловок и тут. <137>

За обилием многих не имеешь ни одного.

В фельетон свой ты напихиваешь столько генералов и акционеров, в тебе и в острых словах твоих имеющих нужду, что поневоле заключаешь, что нет у тебя ни одного, что ни с кем ты не говорил и никто твоего мнения не спрашивал, а просто закусываешь где-нибудь селедкой с луком у Палкина.

Будешь показывать себя нагишом или, что еще лучше, какое-нибудь свое секретное, но[3] обнаженное место.

Кудлашку, и в фельетонной грызне испытанную.

Сей гениальный возглас к Антропке и надрыв может повториться не только между провинциальными мальчишками, но и между взрослыми, дошедшими уже[4] до последних[5] седин, членами современного, но взволнованного реформами и не установившегося нашего общества. Ибо между сими двумя антрепренерами-издателями двух современных газет разве не замечаешь Антропки! Знают, что нападения их друг на друга, брань,[6] и даже самые рассуждения их, совершенно останутся втуне, что ни за что не отобьют они друг у дру<га> подп<иску>,[7] ибо никто их не слушает и никому до их дела нет в стремящемся к прогрессу обществе, а между тем ежедневно с надрывами и злобою повторяют их — и разве это не тот же Антропка?

Все знают, что ругаете<сь> из<-за> подписчиков, поддерживая сих[8] столичных Антропок.[9]

Своим пером ты впадаешь в положение унизительное...

Хозяин, чувствуя себя столь виноватым, просит общество забыть происшедшее, как бы его совсем не было.[10]

---

[1] По твоим словам *вписано.*

[2] *Далее было начато*: не д<елается>

[3] секретное, но *вписано.*

[4] уже *вписано*

[5] последних *вписано.*

[6] брань *вписано.*

[7] что ни за что ∾ подписку *вписано.*

[8] *Далее было*: двух

[9] Все знают ∾ Антропок. *вписано.*

[10] *Далее было*: и

Нагишом, то есть совершенно без малейшего платья, причем каждый[1] из посетителей, заплативший деньги, может рассматривать тебя в сокровеннейших[2] твоих подробностях.

Тут главное надрыв, ибо он знал, что Антропка ему более не откликнется и практического результата из его восклицаний не выйдет, но он продолжал кричать сколько лет, одолеваемый бессильною злобою: «Антропка». ‹137 об.›

Я согласен, что в приеме сем много безнравственного и даже безнравственнее всего, что ты написал. Но согласись, что умнее. Прошу тебя, недоум, сиди. Ибо, судя по твоему литературному нетерпению и неумению владеть собою, имею право заключить и о нетерпении твоем в частных обществах.[3] ‹136 об., 137 об.›

Редактор объявляет, что он помирился с противником и отвергает статью твою; каковы ярость и унижение твои.

Или добытую за четвертную в уланском полку из бракованных.

Каждый летит на извозчике, погоняя его в спину, домой. Ты стремишься на легковом извозчике, который, погоняя невинную клячу свою, ви‹ляющую?› от кучера своего, не понимает твоих волнений и, увы, не знает, что такое литература.

Мимоходом завидуешь его невинности и сознаешь к нему долг свой как богатого класса к народу.

Но идиллические чувства сменяют‹ся› фурьями.[4] ‹137›

Черновой автограф (ЧА)

Ниже я помещаю письмо, или, лучше сказать, полписьма «одного лица» в редакцию «Гражданина».[5] Это всё то же «лицо», вот тот самый, который уже отличился раз в «Гражданине» насчет «могилок».[6] Признаюсь, я напечатал ‹?› эти «могилки», или, лучше сказать, этот «Бобок», единственно чтоб от него отвязаться. Не тут-то было.[7]

Во-первых, это «лицо» решительно выступает моим защитником[8] против литературных «врагов» моих.[9] Он написал уже за меня и в пользу мою «три антикритики», две «заметки», три

---

[1] *Далее было начато*: заплат‹ивший›
[2] *Далее было*: и отвратительных
[3] Я согласен ∾ в частных обществах. *вписано позднее.*
[4] Каждый летит ∾ фурьями. *вписано.*
[5] *Далее было*: все письмо напечатать было никак невозможно.
[6] *Далее было*: На этот раз я должен несколько предуведомить читателей уже от себя [насчет характера этой личности], чтобы было понятно дальнейшее. [Но прежде того сделаю оговорку и о самом себе].
[7] Признаюсь ∾ Не тут-то было. *вписано.*
[8] *Было*: защитником моим
[9] *Вместо*: литературных врагов моих — *было*: нападок на меня журналистов

«случайные заметки», одно «по поводу» и, наконец, «наставление как вести себя». В этом последнем сочинении своем он под видом наставлений «врагам моим» кончает тем, что нападает на меня самого[1] и нападает в таком даже тоне, что я ничего подобного, по энергии и ярости, не встречал даже и у «врагов»[2] моих.[3]

Одним словом, редакция буквально задавлена статьями этого неугомонного «лица».[4] Я приступил наконец к мерам решительным[5] и резко заявил моему непрошенному заступнику, что, во-первых,[6] некоторым «врагам» моим[7] я вовсе не могу отвечать и не стану, до тех пор пока они сами не изменят характер своих нападений; мало того, что я сам умею защитить себя, и у меня вовсе нет никаких «врагов» моих, и что это только *так* и призрак,[8] что и время уже прошло, ибо весь этот гам журналистов, раздавшийся с появлением[9] первого номера «Гражданина»[10] сего 1873 года с такою неслыханною в литературе яростию, беспардонностью брани и простодушием приемов атаки,[11] теперь,[12] недели две, даже три тому назад, вдруг и неизвестно почему прекратился,[13] точно так же как неизвестно почему и начался. Наконец, что если б я и вздумал отвечать некоторым из моих «обидчиков»,[14] то есть которым бы мог ответить,[15] то сделал бы это сам, без посторонней помощи.[16]

Он тотчас придрался к слову и пожелал узнать:[17] кому собственно я бы *мог* отвечать[18] и что разумею под словом «могу»?[19]

---

[1] *Далее было*: именно за то, что я [молчу и] не отвечаю «врагам» моим

[2] *Вместо*: и у «врагов» — *было* от «врагов»

[3] *Далее было*: Мое смирение не могло обезоружить эту энергическую личн<ость>.

[4] *Вместо*: задавлена статьями этого неугомонного «лица» — *было*: задавлена его статьями

[5] *Было*: [Мое смирение не] Видя, что смирение мое не могло его обезоружить, я приступил наконец к мерам решительным

[6] *Далее было*: сам умею постоять за себя

[7] *Вместо*: «врагам» моим — *было*: изданиям

[8] что я сам ∾ призрак *вписано*.

[9] появлением *вписано*.

[10] *Далее было начато*: как лично на «Гражданина», та<к>

[11] *Вместо*: беспардонностью ∾ атаки — *было*: *а.* беспардонностью приемов и простодушием ругательств, чуть не. . . ну, одним словом, чуть не самых русских *б. Начато*: ругательств

[12] *Далее было*: вдруг

[13] *Далее было вписано*: точно по данному знаку

[14] *Было*: критиков

[15] то есть ∾ ответить *вписано*.

[16] *Вместо*: без посторонней помощи — *было*: и без [его] всякой помощи.

[17] *Вместо*: Он тотчас ∾ узнать — *было*: На это заявление он ответил [немедленным], нахмурившись, немедленным вопросом

[18] *Вместо*: кому ∾ отвечать — *было начато*: *а.* кому бы я захо<тел> *б.* кому собственно я хочу отвечать?

[19] *Вместо*: под словом «могу» — *было начато*: *а.* под э<тим> *б.* под «мо<гу>»?

При этом всё лицо[1] его сложилось ‹?› в самую ядовитую усмешку.

Чтоб не раздражать неугомонного человека, я признался ему, что, может быть, отвечу г-ну Z, разбиравшему мой роман в «Петербургских ведомостях», и г-ну Н. М., говорившему обо мне, на ту же тему, в «Отеч‹ественных› з‹аписка›х». Но любопытный и назойливый человек ответом не удовольствовался и немедленно задал еще вопрос. Почему хочу отвечать этим именно, а всем остальным нападчикам не хочу отвечать?

Уступив раз, я должен был уступить и другой, а потому смиренно пояснил ему, что другим нападчикам я не стану отвечать по причинам, уже известным публике из первого № «Гражданина». Г-ну же Z отвечу потому отчасти, что он в разборе моего романа «Бесы» пропустил мысль, что если я и изменил мои убеждения, то произошло это во мне искренно (то есть не из видов, а, стало быть, честно), и что фраза эта меня даже тронула.

Насчет же г-на Н. М. в «Отечеств‹енных› записках», то ему отвечу единственно за не виданную еще мною в литературе пламенную и детскую (по чистоте) [чув‹ств›] его искренность, с помощью которо‹й› он изобрел «Народ»[2] и желает обновить весь русский[3] мир новым и неслыханным мною доселе «консервативным социализмом».[4] Я прибавил, что если и буду когда-нибудь отвечать,[5] то намерен ответить вовсе не прямо на тему, то есть не в защиту моего романа «Бесы»,[6] а изложу лишь[7] несколько мыслей о наших русских социалистических идеях и о том, как я это разумею.[8]

Выслушав всё это,[9] досадный человек с нахмуренной улыбкой (ибо есть такие улыбки) полез в боковой карман своего вицмундира, переполненный[10] торчащими из него бумаж‹ками›,[11] вытащил весьма толстую тетрадь и положил ее предо мною. «Здесь уже всё описано и нечего вам писать, — сказал он. — Совершенно тем же лицам и на ту же тему и даже по тем самым поводам».

---

[1] *Вместо*: всё лицо — *было*: губы

[2] *Вместо*: отвечу ∾ «Народ» — *было*: отвечу единственно за детскую и пламенную искренность, с которою он изобрел «Народ»

[3] русский *вписано*.

[4] *Вместо*: новым ∾ социализмом» — *было*: «консервативным социализмом»

[5] *Было*: Высказав это, я немедленно и торопливо пояснил любопытному, что если и буду отвечать

[6] *Далее было начато*: о котором скажу разве толь‹ко›

[7] *Вместо*: изложу лишь — *было*: напишу лишь по поводу

[8] *Вместо*: несколько мыслей ∾ это разумею. — *было*: *а.* несколько мыслей насчет течений русского социализма *б.* несколько мыслей о нашем русском социализме

[9] *Было*: Только лишь я изложил мои намерения. как

[10] *Было*: наполненный

[11] *Далее было*: и с ядовитым торжеством

Я с удивлением перелистывал рукопись: именно ответ г-ну Z, именно упомянуто о мнении его насчет моей искренности, именно г-ну Н. М., именно упомянуто о Народе и консервативном социализме...

Поставленный в такую крайность, я решительно отклонил рукопись, повторив, что сумею ответить сам[1] и, во-вторых, что, может быть, совсем не буду[2] отвечать, что я сказал только так[3] и что у меня вовсе нет времени...

— Вы не гражданин, — сказал он, упрятывая обратно рукопись, — и я в вас обманулся.[4] И, таким образом поссорясь, вышел. Я даже был рад. Я зна⟨л⟩, это человек болезненный... Он отчасти в напечатанной у нас еще прежде статье его уже сообщил[5] некоторые черты из своей биографии.[6] Человек огорченный и ежедневно себя «огорчающий». Во-первых, человека, от которого отбивает «огорченным» запахом, я как-то не могу считать сотрудником «Гражданина». Предрассудок, каюсь, и даже, может быть, ставлю себя сам как редактора в положение затруднительное. Во-вторых, — но глав⟨ное?⟩, действительно меня смущает эта сила «гражданской скорби» этого господина.[7] Представьте себе, что этот странный человек, несмотря на пагубную наклонность ежедневно «огорчать себя», все-таки может кое-как содержать себя, разными способами и никому особенно не кланяясь. До того, что за рукописи свои не требовал гонорария, так как писаны они единственно из «гражданской энергии», — собственные слова его. Приставал он ко мне[8] с своими рукописями не столько для того, чтоб защищать меня, а лишь для того, чтоб произнесть при сем случае свои мысли,[9] так как их никто и нигде, ни в одной редакции[10] не принимают, признался он мне с самого первого слова с гордою, но вредящею[11] себе откровенностью.[12] Таким образом, просто-запросто[13] он питал сладкую наде⟨жду⟩[14] отмежевать себе, хоть задаром, постоянное местечко

---

[1] *Далее было*: за себя

[2] *Было*: и не буду

[3] *Было*: я только так сказал

[4] *Вместо*: и я в вас обманулся — *было*: *а. Начато*: вы вялый че⟨ловек⟩ *б.* в вас нет гражданской энергии

[5] *Далее было начато*: свою

[6] *Далее было*: Всё это правда:

[7] *Вместо*: «гражданской скорби» этого господина — *было*: «гражданской энергии»

[8] *Вместо*: Приставал он ко мне — *было начато*: Он и защищал толь⟨ко⟩

[9] *Далее было начато*: и открыть себе

[10] *Было*: ни в одном журнале

[11] *Вместо*: с гордою, но вредящею — *было*: и с вредящею

[12] *Рядом с текстом*: До того, что ∾ себе откровенностью. — *наброски*: Он даже за рукописи, о чем и предупредил с самого начала, прибавив, что пишет единственно из гражданского долга. Главн⟨ое⟩, ему хочется не только ⟨защищать меня?⟩, ибо он готов нести

[13] просто-запросто *вписано*.

[14] *Было*: мечту

в нашем журнале, чтобы иметь возможность изложить все свои мысли. Какие это мысли? Пишет же он обо всем, отзывается на всё с горечью, с яростью, с ядом и «с слезой умиления». «Девяносто девять процентов на яд и 1 процент на „слезу умиления“», — объявляет он сам в одной своей рукописи.[1]

Начнется новый журнал или новая газета, он немедленно тут, поучает и дает наставления. Это совершенная правда, что в одну газету он отослал до 40 писем с наставлениями, как издавать, как вести себя, о чем писать, на что обращать внимание и проч. и проч. У нас в редакции накопилось его писем, в два с половиною месяца, до двадцати восьми штук.[2] Пишет он всегда за полною подписью, так что его везде уже знают, и мало того, что тратит последние копейки на франкировку этих писем, но еще в письма свои вкладывает свежие марки, предполагая, что добьется своего и затеет гражданскую переписку с редакциями. Всего более удивляет меня в нем то, что я никак не мог, даже из двадцати восьми писем его, открыть, какого он направления и чего собственно так добивается?[3] Это какой-то сумбур. И вообще он грубит открыто и денег за это не требует — стало быть, отчасти лицо благородное. Мелькает тоже рядом с грубостию приемов, с цинизмом красного носа, огорченного запаха, исступленного слога и разорванных сапогов, мелькает какая-то скрытая жажда нежности, чего-то идеального, вера в какую-то красоту, зензухт по чему-то утраченному,[4] что выходит в нем[5] смешно и просто отвратительно. И вообще я не знаю, как ответить ему.

Когда он представил в редакцию статейку свою о «могилках» под названием «Бобок», признаюсь, я[6] малодушно обрадовался — не к статье, а к новому направлению мыслей его. Авось, думаю, предавшись такой опасной фантазии, оставит «гражданскую деятельность» и повернет на иное. Не тут-то бы‹ло›: он действительно повернул на иное, но гражданской деятельности своей не оставил. Как-то ко мне, как к редактору, обращались многие с запросами: что означает этот «Бобок» и почему я поместил его на страницах журнала. Я конфузясь отвечал,[7] что это только так (в сущности, чтоб отвязаться от автора). Что это человек

---

[1] *Далее было*: *а*. Главное то, что поражает его всё до боли, до болезни. *б*. Главное то, отзывается он вовсе не так, как все, на явления в обществе, мире. *в*. Отзывается он на все явления общественные вовсе не так, как все, а как-то «лично», с болью, до болезни.

[2] *Далее было начато*: *а*. В не‹которых?› *б*. Мало то‹го›

[3] *Было*: чего собственно хочет и о чем хлопочет?

[4] *Далее было начато*: *а*. Усталый какой-то человек. Этаких уже отчасти знают. *б*. Усталый какой-то человек и сбившийся с точки своего равновесия.

[5] *Далее было*: как-то очень

[6] *Далее было начато*: отч‹асти?›

[7] *Далее было*: никого

до того подавленный всеобщим цинизмом современного мира, вялостью, шатостью общества, развратом и отсутствием всякой меры во всем, а главное до того ощущал в себе самом все эти же самые недостатки,[1] что однажды в припадке особенной грусти, случайно попавши на кладбище, вообразил, что даже и там, где всякой горести и жажде — утоление, всякой тоске и успокоение, что даже и там продолжается, пожалуй, такой же самый цинизм, как и здесь, на земле. Мысль, конечно, особенно горькая, которая могла прийти и не от одного «огорчения», но уже, разумеется, лишь в приготовленную к тому голову. Он и теперь не отступает от своего убеждения. Он уверяет меня, что у него есть новый запас наблюдений; что ходил *туда* опять и вынес уверенность в истине померещившегося. Обещал даже статьи с прелюбопытными откровениями. Но гражданской деятельности все-таки не оставил.[2] Не долее как три дня после нашей ссоры он явился в редакцию, в виде последней попытки,[3] с «Письмом „одного лица“».[4] Нечего делать, я взял и вот теперь печатаю.

То есть первую половину письма решительно нельзя было напечатать. Это были личности и ругательства чуть не всем петерб‹ургским› и моск‹овским› газетам,[5] выходящие изо всякой меры.[6] Ни одна из тех газет[7] не возвышалась[8] (или не унижалась)[9] до такого пафоса в ругатель‹ствах›. И ведь[10] ругает-то он их единственно лишь за то, что они ругаются, за дурной тон, за цинизм! Я молча отрезал ножницами всю первую часть письма и возвратил ему. Заключительную же часть письма печатаю лишь потому, что тут, так сказать, тема общая. Это некое увещание всем фельетонистам, даже пригодное для всех веков и народов.[11] Разумеется, так сказать, общефельетонист. Слог возвышенный, что он, обращаясь к фельетонисту, говорит ему «*ты*», как в одах старинного времени,[12] что, впрочем, и доказывает, что

---

[1] *Вместо*: а главное ∾ самые недостатки — *было*: а главное до того ощущал все эти недостатки в [себе] самом себе и страдал сознанием их.

[2] *Вместо*: Но гражданской ∾ не оставил. — *было*: Но, [увы, гражданская деятельность не только не уменьшилась в нем, но даже не оставил] гражданской деятельности. [Не оставил нисколько и даже как бы возродился вновь].

[3] *Вместо*: в виде последней попытки — *было начато*: с последним и уже окончательным по словам его

[4] *К тексту*: Не долее как ∾ „одного лица“». — *незачеркнутый вариант*: Три дня после ссоры в редакции он явился с «Письмом „одного лица“».

[5] *Незачеркнутый вариант*: изданиям

[6] *Незачеркнутый вариант*: предела. *Далее было начато*: Никогда д‹аже?›

[7] *К словам*: Ни одна из тех газет — *незачеркнутый вариант*: Ни одно из упрекаемых им изд‹аний›

[8] *Далее было начато*: до так‹ого›

[9] *Далее было начато*: до таких неугомонных

[10] *Вместо*: И ведь — *было начато*: за чт‹о›

[11] *Далее было начато*: если представить ‹?› только, что у других народов

[12] *Далее было начато*: (Да,

он не предполагает никого в частности, а разумеет лишь общефельетониста. Эта возвышенность слога равняется лишь наивности мыслей. Нечего делать, надо было потешить человека, но печатаю, абы отвязаться, но уже в последний раз,[1] причем взял с него слово, что тем он и кончит, уж более не обеспокоит редакцию. Слово[2] он не дал, но зато промолчал, хотя и с улыбкой презрения, а молчание есть знак согласия. Он ни за что не хотел, чтоб я начал с точки, и настоял на том, чтобы я начал с полуфразы, именно так, как отрезалось ножницами: пусть, дескать, видят, как меня исказили. Он же отстоял[3] и название: я хотел все-таки написать «Письмо „одного лица“». Он настоял, чтоб подписать «Полписьма „одного лица“», чтоб не искажать истины.

Итак, вот эти полписьма.[4]

ПОЛПИСЬМА «ОДНОГО ЛИЦА»

...И неужели в слове[5] «свинья» заключается столь магический и заманчивый смысл, что ты[6] тотчас же и несомненно принимаешь его на свой счет?[7]

Я давно уже стал замечать, что в русской литературе слово «свинья» постоянно имеет некоторый особенный и как бы даже мистический смысл;[8] еще дедушка Крылов, понимал это, употреблял это словечко в своих апологах с особым успехом.[9] Читающий литератор, даже в уединении и про себя, немедленно вздрагивает и[10] тотчас же начинает задумываться: «Не я ли это? не про меня ли написано?»[11] Словцо энергическое, согласен, но зачем же подразумевать непременно себя и даже себя одного?[12]

---

[1] *Вместо*: Нечего делать ∾ последний раз — *было*: Печатаю, чтоб отвязаться и с тем, чтоб это было в последний раз

[2] *В рукописи ошибочно*: Словно

[3] *Было начато*: Он же настоял и

[4] *Было*: Вот это весьма грузное, впрочем даже по слогу, послание. *Далее было начато*: Полписьма «одного лица». И неужели же в слове «свинья»

[5] *Было*: и неужели же в этом слове

[6] *Далее было начато*: никак уже не мож‹ешь›

[7] *Было*: на себя. *Далее было начато*: Слово энергическое, но почему же тотчас же веришь, что

[8] *Вместо*: Я давно уже ∾ смысл — *было*: Я давно уже замечаю, что в русской литературе слово «свинья» имеет какой-то особый смысл

[9] *Было*: употреблял это слово с особым успехом. *Далее было начато*: И действительно всякий

[10] *Далее было начато*: нево‹льно›

[11] *Было*: тотчас же спрашивает себя: «Уж не про меня ли прописано?» *Далее было начато*: По крайней мере наконец спросит себя, хотя бы ясно и видел, что [явно писано] написано вовсе не про него, а про другого. «Свинья» есть

[12] *Было*: подразумевать себя несомненно?

Уж не имеешь ли тайных причин к сему? ибо чем иначе могу объяснить твою мнительность?» [1]*

Второе, что замечу тебе, о друг мой фельетонист, это то, что ты невоздержан в планировке своих фельетонов.[2] Созерцая человека светского и, так сказать, в обществе родственном...

Ты летаешь на легковом извозчике. Хвастовство твое знатностью связей ‹*нрзб.*›. Тут другое, личность. Так думает не всякий. Провинция. Но столичн‹ый› подписчик знает гораздо более, он знает, что ты куд‹лаш›ка.

И говоришь с английским милордом. Сыплешь.[3] В отстав‹к›е министр, желающий вновь получить свою должность. Более скромности и стыда не мешало бы. Вспомни пушк‹инское› «Из Саади».

Ты ездишь на извозчике.

И именно находят красоту в безликом повторении одного и того же.

«Видишь, миленькая, я уже предварил тебя, чего можно ожидать от современной беллетристики».

Чувствует свой социальный долг богача к народу, но завидует его невин‹ности›.

Кто вас бил и когда еще будут бить с беспортошною откровенностью.

Лакей. И с 19-го февраля еще не потерявший своей невинности.

Вы схватываете по легковому извозчику, погоняя[4] их и суля всё нелегкое.

Завидуешь его невинности, но уже сочиняешь статью.

---

[1] *Вместо*: Уж не имеешь ли ∾ мнительность? — *было*: Согласись, что имеешь тайные причины к сему, ибо чем же мог бы объяснить твою мнительность?

* Это несомненно преувеличено, но отчасти и верно. Тут намек собственно на то, что в первом № «Гражданина» я имел несчастье привести одну древнейшую индийскую басню о дуэли льва и свиньи, причем ловко отклонил даже самую возможность предположения, что слово «лев» нескромно отношу на свой счет. И что же? Действительно многие выказали чрезвычайную и поспешную мнительность. [К величайшему] Даже вышел один феномен: в редакцию пришло письмо одного подписчика из одной далекой окраины России; в письме он [с горечью] дерзко и азартно укоряет редакцию [в том], что под словом «свинья» она будто бы несомненно подразумевает своих подписчиков, — предположение уже до того нелепое, что даже иные петербургские фельетонисты не решились им воспользоваться в своих обвинениях . . . а это уже мера всему. *Ред.*

[2] *Вместо*: в планировке своих фельетонов — *было начато*: *а.* в приеме *б.* в составле‹нии› *в. незачеркнутый вариант:* в располо‹жении?›

[3] *Далее было начато*: Скром‹ность›

[4] *Было*: торопя

XI

МЕЧТЫ И ГРЕЗЫ

(Стр. 91)

Черновой автограф (ЧА)

Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и даже признано чем-то хорошего тона. Но вряд ли так. По-моему, совершенно ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. К тому же ничему не удивляться почти то же, что ничего не уважать. Да глупый человек и не может уважать.

«Да я прежде всего желаю уважать; я жажду уважать», — сказал мне как-то раз на днях один мой знакомый.

Боже, подумал я про себя, что бы это было, если бы он где-нибудь[1] это теперь напечатал.

Но оставим уважение и обратимся опять к удивлению. Можно прожить подле факта[2] тридцать лет, считать его за самую обыкновенную вещь, за решенную вещь и вдруг после тридцати лет посмотреть на него как на совершенно новое дело, неожиданное и почти невозможное.[3]

Меня вдруг поразила на днях мысль,[4] что Россия вовсе не великая держава. Тридцать лет тому назад мы учили в школе, что[5] на свете, то есть в Европе, пять великих держав, в том числе и Россия.[6] Тогда такой был счет.[7] Теперь счет несколько изменился.[8] Не знаю, кто-то еще год тому назад писал, что на свете теперь всего только две великие державы: Россия и Америка.[9] Я по крайней мере не сомневал‹ся› в сердце моем в величии России. И вдруг. . .

---

[1] *Далее было*: про

[2] *Было*: *а. Начато*: около в‹ещи› *б.* около дела

[3] *Вместо*: за самую обыкновенную вещь ∾ и почти невозможное — *было*: за самую обыкновенную вещь, знать его (действительно), рассуждать и писать об нем и вдруг после тридцати [то] лет посмотреть на него как на совершенно новую вещь [как на неожиданное явление, как на нечто неожиданное и невозможное]. Так в последнее время [взглянул я па] удивил меня процесс Нечаева. Ведь, уж кажется, следил за делом, [ведь] даже писал о нем и вдруг — удивился: никогда я не мог представить себе, чтобы это было так несложно, так однолинейно глупо. Нет, признаюсь, я до самого последнего момента думал, что все-таки есть что-нибудь между строчками, и вдруг — какая казенщина! [Какой гимназист!] Ничего не мог я себе представить неожиданнее. Какие восклицания, какой маленький-маленький гимназистик. «Да здравствует земский собор, долой деспотизм!» Да неужели же он ничего не мог умнее придумать в своем положении!

Как на нечто такое, чего прежде [никак] не подозревал.

Но оставим это, я вовсе не про Нечаева хочу говорить.

[4] *Было*: одна странная идея. *Далее было начато*: Именно

[5] *Далее было начато*: в Евро‹пе›

[6] в том числе и Россия *вписано*.

[7] *Было*: Тогда так считали.

[8] *Вместо*: счет ∾ изменился — *было*: это переменилось

[9] *Далее было*: и до сих пор эта мысль упорно крепилась в моем уме и сердце

Казалось бы, каждый занимайся своим делом. Еще[1] недавно один мой не хвалитель, но и не ругатель, напечатал, что я романист по преимуществу. Если так, то какое бы, кажется, дело романисту тянуться за такими великими вещами, как величие России. Но всё как-то невольно приходит.[2]

Началось с того, что поразил меня самый простой расчет: чтоб России быть в чине великой державы, ей надо, во-первых, не 500, а 1000 миллионов бюджета, и еще это не одно, а только во-первых. Где же взять столько денег? Чем восполнить такой дефицит? [3]

Именно дефицит, рассудите. Франция, например, уязвима только с одной своей западной границы, да и то с северной половины ее. Это крошечное пространство, а между тем она содержит почти столько же войска, как и мы. Посмотрите теперь на наши границы. Во-первых, они не русские и чем далее, тем более русский облик теряется. Во-вторых, их пространство, необъятность и слабость их. По меньшей мере <?> нам нужно ровно вдвое войска, чтоб быть равносильными с нашими соседями. Заметьте еще новый[4] огромный исторический факт: никогда еще Россия не имела подле себя такого могущественного[5] соседа, могущественного и образованного. Прежде были только Пруссия и Австрия, теперь, два года назад, дело переменилось. Страшный сосед живет с нами бок о бок. Говорят, исторический закон, что никогда еще во всю человеческую историю не случалось, чтобы два могучие народа, живя бок о бок друг с другом, не пожелали взаимно истребить один другого. Закон самосохранения, борьба за существование. Но тут главное не в одной только протяженности границы дело. Тут дело еще в науке. Ну что за держава, которая заказывает себе даже оружие и не может сама его сделать. Но и это еще бы ничего, а дело в том, что оружие почти с каждым десятком лет меняется. Изобретаются новые способы разрушения поминутно, и каждый западный народ в состоянии изобресть вдруг в этом роде нечто совсем неожиданное для своего соседа. Мы одни ничего не можем изобресть в этом роде, ибо у нас совсем нет науки. Лик мира меняется теперь беспрерывно, и нынче надо воевать уже умом, а не оружием. Можем ли мы это? Великая ли мы держава? Мы даже не можем наших окраин обрусить и тем предаем их во власть чужеземцам. Хуже, чем не можем, — не хотим, считая их недостойными серьезного внимания, и тем самым прямо признаемся и себе и миру, что недостойны наших великих завоеваний прежних

---

[1] *Было*: Мне еще

[2] *Далее было*: *а*. Главное то для меня, что идея меня вдруг поразила. *б*. *Начато*: и вот его сбили настоль<ко> идеи

[3] *Вместо*: Где же взять ∾ такой дефицит? — *было*: Где же взять так вдруг такой страшный дефицит?

[4] *Далее было начато*: страш<ный>

[5] *Было*: громадного и могучего

времен, что недостойны петровских трудов в отвоевании[1] Балтийского моря, что недостойны екатерининской границы на западе и что границы наши по Днепр и более ничего.

Мне пришло в ум войско — но ведь возьмите что хотите, что хотите. Вот железные дороги, например; ну что стоит французам или Англии покрыться железными дорогами сравнительно с нами? Каково[2] пространство, где взять столько денег. Нет, нам надо иметь вдвое больше бюджета.

А между тем бюджет опирается на промышленность.[3] Новая же промышленность без образованья.[4]

---

[1] *Было:* в отвоевании нам

[2] *Было:* Возьмите

[3] *Далее было начато:* Это его естественный, законный

[4] *Далее на этом же листе наброски к «Дневнику писателя» за 1876 г.* (июнь, гл. II, § 4 — см.: наст. изд., т. XXIII).

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» 1873—1878

МАЛЕНЬКИЕ КАРТИНКИ (В ДОРОГЕ)

(Стр. 159)

Фрагмент белового автографа (БА)

...одного бывшего политического арестанта,[1] который, сидя в каземате, в первые два месяца совсем[2] лишен был возможности курить.[3] Он говорил мне, что под конец чуть с ума не сошел и стал помышлять о самоубийстве. Конечно, не совсем так, но к чему обременять себя лишними привычками и тем связывать свою свободу?[4] Две-три таких привычки, и вот уже целое рабство, которое может влиять даже на очень важные[5] и высшие вещи в жизни. А мы еще беспрерывно[6] жалуемся, что мало свободы. Священнику же поступать в такое рабство, право, неприличнее, чем кому бы то ни было, и раскольники, может, тут отчасти и правы, даже в высшем смысле.[7] Заметьте, что хоть простой народ раз в пятьдесят уже стал больше курить, чем курил до манифеста об освобождении, но и до сих пор[8] терпеть не может курящих священников, за это уж вам поручусь,[9] так что не одни[10] только раскольники этого не любят в священнике.[11]

---

[1] *Было*: политического преступника
[2] совсем *вписано.*
[3] *Было*: курить табак
[4] *Было*: заботу
[5] *Далее было*: вещи
[6] беспрерывно *вписано.*
[7] даже в высшем смысле *вписано.*
[8] и до сих пор *вписано.*
[9] *Было*: ручаюсь
[10] *Вместо*: не одни — *было*: скорее одни
[11] *Далее было*: — Вы курите? — спросил меня учитель с улыбкою.
— Да, и считаю за счастье, потому что никак не могу [отстать от привычки] отказаться, тогда как бы надо отказаться.

— Меня[1] удивляет, что вы так серьезно об этом говорите; есть гораздо более высшее, — проговорил учитель, смотря на меня с недоверчивою улыбкою.[2] А что касается до священника, то если б только вот не раскольники и если б именно в виде[3] протеста, то даже должен бы был курить.

— А, и вы заметили, что этот молодчик *протестовал*! За гражданский-то брак как подвизался!

Лицо молодого человека так и загорелось.

— Что касается до этого, он был совершенно прав, потому что говорил истину.

— И вы, пожалуй, находите, что[4] именно ему и приличнее проповедовать эту истину?

— Именно ему, и это даже его первая и святая обязанность в его положении.

— И причитывать[5] к каждому слову черта тоже[6] его святая обязанность?

Молодой человек вдруг и превесело рассмеялся:

— Нет, это уж совсем не святая обязанность! Это он очень не хорошо, — прибавил он как бы грустно, — даже жалко было смотреть, как он тут кривлялся.[7]

— Как? Да ведь это бы по-вашему тоже протест... против предрассудка?

— Ну, какой тут предрассудок. Хоть[8] и[9] нет на свете черта, а священнику все-таки, по-моему,[10] не годится. Что ж, если не можешь без черта, зачем шел в священники?[11]

— Ну так ретроград же вы все-таки! — рассмеялся я на его слова.[12]

— Нет, скорее не логичен немного, — рассмеялся он на мои.

— Э, да вот какой ты хороший, — подумал я про себя...

— А про этого священника я, собственно <*не закончено*>

---

[1] *Начато*: Вы

[2] *Было*: с улыбкою. *Далее было*: Но это гораздо серьезнее, чем вы думаете. Если вы еще не курите, то, право, не советую <?> начинать.

— Нет, я курю, только я могу бросить... может быть, вправду брошу. А священник

[3] *Вместо*: и если б именно в виде — *было*: может, в виде

[4] *Далее было начато*: ем<у>

[5] *Далее было*: «черт возьми»

[6] черта тоже *вписано*.

[7] *Было:* ломался

[8] *Было*: Я хоть

[9] *Далее было начато*: не верю черту, а

[10] по-моему, *вписано*.

[11] *Далее было начато*: «Хоть это уступил, — подумал я, приглядываясь к моему оппоненту, и тут мы

[12] *Далее было*: Рассмеялся и он.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ ИЗ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» 1873—апрель 1874

ОТ РЕДАКЦИИ

(Стр. 276)

Черновой автограф (ЧА)

Вследствие непредвиденного обстоятельства издание журнала «Гражданин» в настоящее время[1] прекращается.[2]

Подписчики журнала «Гражданин» приглашаются получить обратно[3] в конторе редакции «Гражданина» следуемые им по расчету, за вычетом появившихся экземпляров, внесенные ими деньги.[4]

---

[1] в настоящее время *вписано. Далее было*: приостанавливается

[2] *Далее было*: Такое внезапное прекращение тем для нас прискорбнее [для издателя], что подписка за нынешний год уже далеко превысила подписку прошедшего года, и [всё обеща‹ло›] мы уже вправе были надеяться на прочный успех [нашего] «Гражданина» в будущем. Но внезапное и совершенно внешнее обстоятельство, не имеющее ничего общего с литературою, [послужило причиною остановки] остановило нашу деятельность.

Нижеподписавшийся, как издатель-собственник журнала, берет исключительно на себя расчет с подписчиками «Гражданина», а вместе с тем и удовлетворение всех могущих возникнуть с их стороны требований. Редактор же журнала с 1 января 1873, Ф. М. Достоевский ‹*вписано*›, заведовал единственно литературною частию издания; в хозяйственную же часть его не вмешивался с самого начала.

[3] обратно *вписано.*

[4] *Далее оставлено место для текста с пометой Достоевского*: сроки. *Поверх пометы Достоевского рукою Мещерского*: с понедельника, 9-го апреля, ежедневно до четырех часов, в количестве 5 р. 80 коп. [С этого же числа всем иногородным подписчикам по ‹*пропуск*›.] Иногородным подписчикам немедленно по востребовании высылается та же сумма обратно, с пересылкою на счет редакции.

Контора редакции «Гражданина» с готовностью[1] возьмет на себя, если пожелают иные из подписчиков, выслать им,[2] по расчету следуемых им денег, взамен «Гражданина»[3] всякое другое издание — журнал, газету, книгу, — лишь было бы точно и ясно определено в письменном заявлении г-д подписчиков.[4]

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ. НА 2-Е ПИСЬМО, ПОМЕЩЕННОЕ В 7 № „ГРАЖДАНИНА“»›

(Стр. 291)

Черновой автограф (ЧА)

Редакционная заметка

Редакция (так как любезный с дамами старичок затронул и редакцию), — редакция объявляет от себя, что, говоря про «десятую долю правды», она вовсе не брала[5] в счет дураков и пошляков и вовсе их считать не хотела, особенно пошляков. Да и возможным сего не полагала.[6] Говоря про десятую долю правды, редакция[7] разумела совсем другую «правду», но которую вовсе не находит возможным (и даже нужным) разъяснять возражающему «хорошенькой женщине» старичку. Да и от всякого дальнейшего спора между «хорошенькой женщиной» и ее оппонентом,[8] в случае, если[9] «хорошенькая женщина» вздумала бы ему отвечать, совершенно впредь себя устраняет.

---

[1] *Было*: с удовольствием
[2] *Вместо*: выслать им — *было*: выписать
[3] взамен «Гражданина» *вписано*
[4] *Далее начато и зачеркнуто*: Просят адресовать в *Ниже рукою Мещерского*: Срок исполнения редакцией всех требований г-д подписчиков назначается по 1-е июня. Засим лицам, не сделавшим никаких заявлений, причитающиеся деньги будут 2-го июня высланы по месту их жительства. Подпись: К‹н.› В. М‹ещерский›.
[5] *Было*: *а*. не бралась *б*. не разумела
[6] Да и ∾ не полагала. *вписано*
[7] *Было*: она
[8] *Было*: почтенным оппонентом
[9] *Было:* если б только

ВАРИАНТЫ

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»

V

ВЛАС

(Стр. 31)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 31.

17–18 V Влас / 5

19 Он что-то мне вспоминается / *а.* Вот уже другой день мне он вспоминается *б.* Он мне [в] уже несколько дней вспоминается ◇

26 прежде *вписано.*

31 Даже и конокрадов / *а.* Конокрадов! *б.* Даже конокрадов! *в. Начато*: Слышите ли, д‹аже› *г.* Даже и конокрадов! ◇

32 старушки / старушонки ◇

32 Ну и грянул / Но и грянул ◇

33 и видел видение / и в болезни видел видение

33–34 поклялся пойти по миру / поклялся скитаться по миру всю жизнь

34 собирать / собрать ◇

Стр. 32.

1–3 Одним словом, невообразимые ужасы, так даже, что страшно читать. / *а.* И проч. и проч. Страшно ужасно. *б.* Невообразимые ужасы, так даже, что страшно читать *в.* Невообразимые, одним словом, ужасы, так даже, что страшно читать! ◇

9–10 из-за таких-то в конце концов / из-за таких-то в сущности

10 бабьих пустяков / *бабьих пустяков* ◇

12 *После*: По лицу земли родной — а отнеслись бы к великому чувству и предчувствию народному радостно и почтительно. Да, впрочем [же], и вы не смогли сделать иначе, — всё же вы ведь истинный поэт!

13–14 но серьезность ∾ поняли — *вписано на полях.*

14–15 всё же ∾ фигура его / а [но] всё же вас [восторженно] поразила величавая, великолепная фигура его ◇

15–16 не могло быть / не могло же быть ◇

19 *После*: великолепно говорите вы. — Это вы поняли, хоть и видимо страдаете за его необразованность, неразвитость [и необразованность вашего Власа]. Вы поняли, что тут нужна была великая сила души — хотя по-настоящему сколько бы он мог сделать хорошего, если бы был поразвитее. Мог бы основать школу, две, какую-нибудь ассо-

цивилизацию... Но все-таки несмотря на сожаление ваше *‹не закончено›* ◇

19–20 *Слов*: хочу, впрочем, верить ∾ страха ради либерального — *нет.*

20–21 ибо эта страшная ∾ смирения Власова / это страшное, пугающее даже смирение ◇

23 жажда страдания / потребность страдания

23 русского gentilhomme'а / русского жантильома ◇

24 *После*: образ народный — *начато*: оставил и в вашей

24 восторг и уважение / уважение

24–25 высоколиберальной / помещичьей

25 *После*: души — слышите, поэт, уважение! ◇

27 *Ходит он стопой неспешною* / Ходит он стопой *неспешною* ◇

Стр. 33.

1–4 Даже так хорошо ∾ про бурлацкие песни. / Точно ведь и вы настоящий русский, точно и не кривлялись вы потом «на Волге» в великолепных стихах про бурлацкие песни. ◇ [Но ведь на то вы и истинный поэт!]

4–8 *Текст*: А впрочем ∾ настоящего человека. — *вписан на следующей странице рукописи.*

4 А впрочем — не кривлялись вы / Впрочем, не кривлялись ◇

4–7 А впрочем — не кривлялись вы и «на Волге» ∾ а, так сказать, по общебурлаке. / Впрочем, и не кривлялись: вы любили общечеловека в бурлаке и действительно страдали по бурлаку-общечеловеку. Мое, впрочем, мнение, что любить человека вообще, то есть общечеловека-бурлака, значит презирать, а подчас и ненавидеть настоящего стоящего подле [русского] вас бурлака.

7–8 любить общечеловека / любить общечеловека (несуществующего)

9 *После*: настоящего человека. — *начато*: Я потому так и заключал о Вас

11 *После*: стихотворении вашем. — Они горячими клеймами падают на душу.

12 Я потому припомнил этого стихотворного Власа / *а.* Я потому вспомнил про Власа *б.* Я [верно] потому вспомнил про этого стихотворного Власа ◇

13 слышал / услышал

13 на днях *вписано.*

13 про другого / про одного

14–15 *Слов*: даже про двух ∾ Власов — *нет.*

15 происшествие это истинное / происшествие это истинное, реальное

16 по одной своей необыкновенности замечательное / по одной своей болезненной фантастичности замечательное, хоть [оно] и в высшей ‹степени?› реальное и наводящее на разные мысли ◇

17–18 есть, говорят, и теперь иные схимники, монахи — исповедники и советодатели / есть и теперь иные схимники, монахи-исповедники ◇

18–19 Хорошо или дурно это / Хороши или дурны ли и ◇

19 *После*: или не нужно их — [и] нужно ли [веру в] бога или не нужно [его] ◇

20 не хочу / я не хочу

22 выпихнуть из рассказа хотя бы даже и монаха / *а.* обойтись без монаха *б.* выкинуть хоть даже и монаха ◇

22–23 зиждется рассказ / стоит весь рассказ ◇

23 монахи-советодатели / монахи-исповедники, или, лучше сказать, советователи, как это ни невероятно ◇

23–24 бывают иногда будто бы великого образования и ума / бывают иногда [огромного] большого ума и образования ◇

24–28 повествуют о них ∾ и умения совладать с нею / [утверждал] мне утверждал один в сущности атеист, но и тоже человек большого

ума. (Он [исповедует] верует в какого-то философского бога [но ведь что такое по правде философский бог?]) И вот он мне вдруг [в разговоре], к разговору, с самым серьезным понижением речи сказал про одну пустынь: что он там был и что удивительные там (между другими конечно) есть люди, необычайного ума, с [неслыханным проникновением] даром неслыханного проникновения в душу человеческую и умением [владеть ею[совладать с нею. *К словам:* про одну пустынь ∾ есть люди — *на полях незачеркнутый вариант:* что в одной пустыни, где он был, удивительные будто бы есть люди

27-31 Несколько таких лиц ∾ и из Сибири. / Вот из таких, должно быть, и тот монах, о котором я хочу рассказать. Хотя он и не из той пустыни. Назвал же я этих монахов «исповедники», потому что о каком-нибудь одном из них, например, [вся Русь] знают те, кому надо, даже по всей Руси. Живет он в Херсонской губернии, например, а к нему едут или даже идут пешком [исповедоваться] из Петербурга, из Архангельска, с Кавказа, из Сибири. ◇ *Между строками этого текста запись:* По двадцать и 30 лет, к тому же опыт! Известны по России, нескольким монахам-советодателям. К этим монахам приходят отовсюду. ◇

31 разумеется / разумеется, так сказать

32 не ждет себе исцеления / не ждет исцеления ◇

33 бременем / грехом

33-34 что грешник уже и не говорит о нем своему священнику-духовнику / что уже он своему священнику-духовнику [и] не говорит о нем ◇

35 недоверия / неверия

35 а просто / *а. Как в тексте б.* а уже ◇

36 в совершенном отчаянии / в отчаянии

36-37 *Фразы:* А прослышит вдруг ∾ и пойдет к нему. — *нет.*

38 один из таких старцев / *а.* этот схимник *б.* один из таких исповедников ◇

39-40 выслушиваю я людей / исповедую

41-42 с самыми потаенными и сложными болезнями души человеческой / с самыми [сложными и] потаенными ужасами и болезнями [возможными в душе] души человеческой ◇

42 *После:* двадцать лет — верите ли?

43 и в негодование / и даже в негодование

43 иные тайны / иное признание

44 Теряешь необходимое спокойствие духа / Теряешь [потребное] ту необходимую безмятежность духа, воздержание и спокойствие, потребные

44 для подания утешения / чтобы подать утешение ◇

45-46 сам вынужден ∾ безмятежности / сам принужден укреплять себя в смирении и в безмятежности ◇

47-48 И тут-то он и рассказал ∾ упомянул. / И тут же кстати он привел [одну] ту удивительно характерную [народную] и фантасти‹ческую› повесть [из самых необычайных] из народного быта, о которой я [заговорил] выше упомянул. ◇ *К словам:* удивительно характерную ∾ из народного быта — *на следующей странице рукописи незачеркнутый вариант:* удивительно характерную народную повесть, но из самых необычных

VIII

ПОЛПИСЬМА «ОДНОГО ЛИЦА»

(Стр. 60)

Варианты наборной рукописи (НР)

Стр. 67.

19–21 Ты обличаешь ∾ своей партнерки / *Начато*: Ты обличаешь именинника, ты обличаешь хозяйку, инженер-подполковника, даму-партнерку по общему обе‹ду›

23 выставлять подноготную / обличать в фельетонах

24–25 обещаешь, что будешь ∾ он обещался бить / *а.* обещаешь, что будешь бить, прилагаешь к статье пачку вырванных волос его *б.* обещаешь, что будешь бить, и как он обещался бить. Ибо вы особенно любите говорить в фельетонах о том, как вас били и как еще будут бить.

26 вырванных у него волос / вырванных волос у соперника

28 к редактору / в редакцию

29 примирился / помирился

34–35 когда черный народ / когда народ

38–39 Тот бесится и ругается / Тот опять про свое

40–42 находят красоту ∾ своего унижения / находят красоту в бессильном повторении одного и того же слова, так сказать, погрязают в самонаслаждении

X

РЯЖЕНЫЙ

(Стр. 77)

Варианты белового автографа (БА)

Стр. 82.

5 *После*: не поется — А вот в том-то и штука, что дьячок сам его положил на голос. В этом уж вас заверяю. Вы всё забываете, что он великий артист. ◇

8 *После*: подобающей месту». — Да ведь не камаринскую же он пел, г-н Касторский? Это псалом, духовные стихи даже и в [раско‹льничьих›] старообрядческих монастырях поются. А если бы это и было запрещено, то чем это повредило действительности рассказа. Я и тут вас, батюшка, могу вполне успокоить, а именно имею точное сведение, по последней почте, что как только дьячок по неведению (а отчасти и потому, что переложение и напев очень понравились [вчера] накануне вечером, в келье, отцу Иоанну) запел эти стихи, то проходивший мимо монах, старый, приземистый, седой и толстый, отчасти с брюшком, [злой] строгий и раздражительный, тотчас [зарычал] закричал на певца: «Чего разоралась, светская блудница! Разве не видишь, где находишься!»

И наш бедный, смиренный, ужасно испугавшийся дьячок вмиг примолк и пошел восвояси, ну а помещик и жена его все-таки слышали за оградою его пение — что и требовалось для сюжета. Эх, плохой вы романист, батюшка, не знаете, как повести пишутся. Не знаете и того, что в действительности точно [так] так же сплошь бывает, а вовсе не так, как вы воображаете, по шнуру. Идешь в театр, чтоб насладиться танцами танцовщика, а он вдруг ломает перед вами ногу. Ну затем ли вы приходили? Думается, остроумец NN скажет сейчас остроту, а он вдруг и преглупо икает. Думаешь, духовному лицу к чему [бы писать] сочи-

нять романы? А он сочиняет, да еще нахальнейшим образом. [Вся жизнь] Чему же дивиться, если монастырский новичок, уверенный, что он поет не камаринскую, а Давидов псалом, запоет в ограде монастыря? С ним это только раз и случится, но как раз тут был автор повести — ну и записал. Вся жизнь составлена из исключений, и это вовсе ничему не мешает. А иначе было бы ненатурально и неестественно.◊

Варианты наборной рукописи (НР)

‹1›[1]

Стр. 77.

23 Ряженый / Свящ. Касторский

26 заметка / статья

27 по некоторым соображениям / по некоторым особым обстоятельствам

29 менее всего ждал нападения / менее всего ждал нападения. И ведь какое нападение-то? Ругаться в полном смысле слова!

30 Что такое: «Свящ.»? Священник? / Что такое: «Свящ.»? Кто таков? Священник? Подписано «Свящ.»

31 «священник»/«священника»

35 *После*: Вот эта «заметка». — Статья озаглавлена

Стр. 78.

49 пожалуй / стало быть◊

Стр. 80.

1 (есть чего!) / (NB. Есть чего!)

2–3 (землетрясение ∾ что ли?) / (какая важность, землетрясение будет от этого?)

17–18 являетесь / лезете

18 *После*: поправлять — (всякий-то лезет)

20 в первый раз *вписано.*

21–22 вялой догадкой / *Начато*: вялыми до‹гадками›

22 Это-де у нас / Это взято

22–23 *После*: А звону-то, звону-то! — *начато*: Это и мы, может быть, знали, что с польского, но

27–28 сколько-нибудь ∾ что *искони* / что есть на свете, нельзя выразиться, что одевались так искони и

31 появились / стали ‹появляться›

33 *После*: недостало. — Собственно же польское влияние в житейском обычае ощущалось и еще того р‹анее›

33 что ли *вписано.*

34 *После*: или о «патриархальных времен»? — Если б место и время, я бы вам привел выражения из наших лучших [классических] писателей, которые [про] даже времена Александра Благословенного называют «патриархальными временами» и безо всякого юмора или иносказания.◊

35 историческою точностию / *Начато*: точно‹стию›

37 такой / таковой

38 выразить / сказать

43–44 Выскочил ∾ не вышло. *вписано.*

44 не вышло / не сказал

46–47 перескакивает / перескочил

47 Резвый человек!.. *вписано.*

---

[1] *Здесь и ниже обозначены фрагменты наборной рукописи (описание ее см. на стр. 430).*

Стр. 82.

1 *После*: и непростительно — *а*. (Гневно. NB.) *б*. (NB, простить даже не хочет!)

⟨2⟩

Стр. 83.

5 *После*: статьи — а вместе обращусь с этою же просьбой и к читателю. Вы, г-н Свящ. Касторский, изволили озаглавить ваше писание следующим афоризмом:
7 И *вписано*.
11 *Слов*: особенно в таком состоянии — *нет*.
12 наш дьячок / мой дьячок
13–14 что он пострigся? / что он поступил хоть бы только в послушники? ◇
21 *После*: смешная небылица!. . — *начато*: Кто этот г-н Недолин, мы не знаем, но всеконечно это человек, совсем не знающий ни русского законодательства, ни русской жизни, не знающий их до того, что он полагает, будто в России можно женатому человеку *определиться* в монастырь и будто его там станут держать; но
24 *После*: на плутне. — [Нет] Вы написали «*определиться* в монастырь». Что такое означает *определиться*? После того как вы уже заявили в заголовке статьи, что «дьячок» поступил в монахи, вы и рассчитываете, что читатель так прямо и поймет, что определиться в монастырь значит [определиться] постричься в «монахи», и согласится с вами в нашем «невежестве».
28–29 Кто-нибудь, например, имел бы / Я, например, вы, он — имели бы
30–31 он женат, жена его где-нибудь / мы женаты, наши жены где-нибудь

Стр. 84.

1 когда при прощании / при прощании
6 любитель музыки / меломан ◇
7 кажется / *Начато*: может б⟨ыть⟩
7 кажется ∾ в монастыре / кажется, переманивал в монастырь
9 еще с / его
9 но когда / и когда
10 ушел / поступил
12 а когда / и — когда ◇
14 был, так сказать, «откомандирован» / был «откомандирован» ◇
15–16 (на что вы так особенно сердитесь) *вписано*.
16–17 неофициальный *вписано*.
17 дан самому себе *вписано*.
21 всё еще *вписано*.
22 *После*: за границу — *а*. и тот *б*. говорит ему о согласии даже игумена
24 уже пострижен / даже пострижен
27 такое пристрастие / пристрастие ◇
30 в чрезвычайном гневе *вписано*.
31 можно / можно бы
31 из рассказа, хотя он быстр и краток *вписано*.
32 романов / даже романов
38 тянет / *Начато*: б⟨удет тянуть⟩
43 и, рассказав, вдруг / *Начато*: рассказывают и вд⟨руг⟩
43–45 бросает ∾ рассказе / бросить Молдо-Валахию и уже ни разу более не возвращаться в нее в остальном рассказе
45–46 читатель остается / вы, читатель, остаетесь

Стр. 85.

1 вращая глазами / (ибо вы непременно восклицаете, так как вы очень взволнованы)
3 как / как же
3 законом *вписано*.
4 спасовали / сбрендили

3 в вашей статье *вписано.*
6-7 как жена ∾ воротила / как дьячка жену воротила
8 сбежал / бежит
9 уже успокоился / *а.* горячится *б.* успокоивается
10-11 (представьте ∾ христианин!) / *а.* (представьте, я думал, что султан христианин!) *б.* представьте, а я всё думал, что султан христианин!)
13 немножко / хоть немножко
25 воображая / всё еще воображая
26 рассуждаете *вписано.*
27 *После*: свахи — *начато*: Дела ты
29-30 *После*: с Подколесиным — *начато*: и он втрое или вчетверо
34-35 необразованности *вписано.*
38 действительно *вписано.*
39 страстны / страстные
40 и имеют ∾ характерам *вписано.*
41 *Слов*: как у артиста-дьячка — *нет.*
43 *После*: разве она знает это! — *а.* Именно, может быть, за слабость его, за то, что он такой ребенок, артист. *б.* Именно, может быть, за слабость его, за кроткий и артистический характер его. ◇
43-48 она не может не презирать / *Начато*: она презирает
45 проглотила его живьем из любви / проглотила его живым или искусала из любви ◇
47-48 странная психологическая задача / о странное психологическое состояние

Стр. 86.

2 несмотря на битье *вписано.*
3 ей *вписано*
4 этот ребенок, артист / он
6 и прежде *вписано.*
7 все-таки *вписано.*
7 *После*: в силах — *начато*: разлюбить
7 любит / любит его
8 Но так как характер сильный / Так как она характер сильный ◇
12 неизмеримо горда / горда, неизмеримо горда ◇
12-13 но гордость ∾ облагородилась *вписано.*
13-15 она скорее ∾ права свои / *а.* она умрет тут же в траве у ограды, как собака на могиле хозяина *б.* она скорее умрет с горя тут же в траве у ограды, а не захочет [силы] употребить насилие ◇
15-16 Ах, батюшка ∾ церковников! *вписано.*
19 кочкаревская / *а.* Кочкарова *б.* кочкаровская
19-20 (в литературном отношении ∾ не иду) *вписано.*
21 *После*: честь заметить — Тут, видите ли, чтобы понять, надо бы побольше развития в другую сторону, поменьше этого [духовного] цинизма, это‹го› чисто «духовного материализма», поменьше этого презрения к людям, поменьше этого неуважения к ним.
35 *После*: указать — ошибки
36 основательно / выше
37 не возьмете / не возьмешь ◇
38 повыше / не свыше
42 побольше / а побольше
43 *После*: любви — *начато*: А у вас всё только битье да битье, [дальше палки] посмотрите
44 совсем *вписано.*

Стр. 87.

4 батюшка / *Начато*: г-н Ка‹сторский›
4-5 сочинили ∾ к сочинительству!) / *а.* солгали *б.* притянули
7 указать ∾ нашли? / указать мне это
18 Чем они / Почему они

15 сами / в вашей совести
16 хоть *вписано.*
16 приставать / приставать-то
16-18 приставать ∾ ваше / это вовсе не идет, несмотря на всё просвещение ваше
18–19 *После*: Стыдно, г-н Касторский. — *начато*: Под конец [он уже] же батюшка совсем разрезвился. По поводу того, что дьячок у г-на Недолина поет за монастырской оградой переложение псалма:

И свят, о боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит,
Веленй господа посланник,
Он исполина сокрушит. . . —

батюшка восклицает, что нет, это невозможно, «потому что, *во-первых*, как основательно известно, это переложение у лиц духовного звания вниманием не пользуется. . .»

Это почему вы знаете, да еще *основательно*? Справьтесь в календаре Гатцука, сколько в России лиц «духовного звания», и [не беритесь] поберегитесь отвечать за всех.

«. . . *во-вторых*. оно на голос не положено и
22 как на святках / как на святках рядятся
25 вполне / вполне, вполне◇
27 я и отвечал / я потому так и отвечал◇
28 *После*: развязно — ряженый г-н Свящ. Касторский◇
28–29 единственно потому ∾ переряженного / что ни на одно мгновение не принял вас за священника
29 я / я бы◇
30 *После*: ваши грубости — *начато*: и все на‹меки›
31 все-таки / я бы все-таки
32 ответил бы / ответил
32–33 к вам уважения / уважения к вам
34 Но так как / Но только
35 должны понести наказание / *а.* должны быть наказаны *б.* должны были понести наказание
36–37 (между нами, я даже предугадал / (потому что я даже узнал кто)
40 *Перед*: А если — Как? Что?
41 спросите / восклицаете
46 недостойный / такой недостойный
46 перерядиться в священника *вписано.*

Стр. 88.

1–2 он, сколько мог, оберег себя / *Начато*: он струсил, оберег себя, начиная
4 обличат / прижмут
4–5 Всегда можно сказать / Можно сказать◇
5–6 что-нибудь в таком роде / что-нибудь еще в этом роде
6 *После*: роде. — Всегда можно отговориться, хотя и с трудом. Но отговорка усугубляет неприличие выходки; ничего не спасает.
8–9 пожалуй *вписано.*
9 писателей-художников / художников
11 наши *вписано.*
13–14 Не все, конечно. ∾ самозванцы. / Собою довольны и ух как самолюбивы! Самим себе похвалы пишут; но ведь тем и неизвинительнее. И хоть мой ряженый и считает себя художником, но я ему докажу сейчас, что он совсем не художник и никогда не бывал, хотя он, разумеется, не поверит тому.
14 г-н ряженый, у вас *вписано.*
15 *После*: Знаете ли вы — г-н ряженый
16 сейчас *вписано.*

17 в литературе *вписано.*
18 *После*: купцов — [свя‹щенников›] духовенство ◊
18 мужиков *вписано.*
22 у него *вписано.*
26 то есть *вписано.*
32 *После*: по записанному — *начато*: то есть как никогда не говорят
33 *После*: *как по книге* — как по писаному
33 хвалит / часто хвалит
35 работа / роман

Стр. 89.

1 в искусстве *вписано.*
4 за новое / как новое ◊
5–10 более или менее ∾ шаблонам *вписано.*
13 высокообразованного / *Начато*: высокого ‹образования›
14 Всегда хоть капельку, да есть / *Начато*: Хоть капельку, а нахо‹дится›
17 долго бывшего / бывшего
18 *После*: характерности. — Между тем она все-таки есть, все-таки где-нибудь скрывается, на очень тонкий глаз.
18–19 естественно *вписано.*
20–21 большинства читателей / публики
23 и *вписано*
25 а потому и не поместит / и не поместит ◊
28 иногда *вписано.*
30 начинает / например, начинает
31 известной среды / среды священника
32 Пока он ∾ писателя. / *Начато*: *а.* Пока он вос‹хищается?› *б.* Но так как надо было автору
37 нарушила бы / нарушит
37 сообразив / точно вспомнив
40–41 Что ни слово ∾ непропорциональная. / Что ни слово, то типичность, но и тут типичность фальшивая и непропорциональная. ◊
42–43 человека ∾ принужденного / людей необразованных или почему-нибудь принужденных
44 некоторая *вписано.*

‹3›

Стр. 90.

34 шутки / шутка
35 шутки / шутка
38 описывать / описать
44–45 себе сами и собственноручно / *а.* сами себе *б.* себе ◊
45 моему *вписано.*
46–47 г-на Лескова, а не себя / г-на Лескова ◊

XII

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ДРАМЫ

(Стр. 96)

Варианты наборной рукописи (НР)

Стр. 103.

20–21 в пьяном бесчувствии тут же валится на пол / [идет и] в пьяном бесчувствии валится на пол
33 *После*: «Пить до дна — не видать добра!» — Ну да, разумеется ◊

23–24 Не указываю на все эти поражающие своею дальнейшей правдой черты ужасной картины, — на этих преступников / Не описываю пробуждения жертвы на другой день, не указываю на все эти бесчисленные, поражающие своею глубокою верностию и правдой черты этой ужасной картины, — на этих, [например], преступников ◇
25–26 но уже не имеющих / и уже не имеющих
26 например *вписано.*
27 *После*: обвинение — *начато*: в то‹м›
28 Есть черты, чрезвычайно тонко замеченные / Есть черты, удивляющие своею художественностию ◇
31 не надевает из злорадства / надевает с проклятием
32 теперь *вписано.*
34 *После*: на другой день после беды — *помета для наборщика:* (выписка № 2). Подчеркнутую строчку не забыть.[1]

Стр. 104.

1 Но жертва не наложила на себя рук / Но она не наложила рук
2 говорит она сама *вписано.*
3–5 знанием народа / знанием человека
5 в бестиальной ярости *вписано.*
6–7 поняв наконец, как было дело / поняв наконец правду ◇
7–8 предложил было Маше / предлагает Маше

XIII

МАЛЕНЬКИЕ КАРТИНКИ

(Стр. 105)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 106.

3 лишь одного шагу / лишь шага
4–5 вырезывается серая морда жарко дышащего рысака / вырезывается перед вами серая морда «жарко дышащего» рысака ◇
8 отмеривают / отмахивают ◇
9–11 пролетело ∾ Подлинно петербургское видение! / опять исчезло, и топот и рубка, и крики исчезают опять, как видение, в тумане.
12–16 за минуту, быстро достигаете ∾ ей подвергались / за мгновение, быстро [добираетесь] пробираетесь до противуположного тротуара, еще весь дрожа от перенесенного внечатления и, странно, в то же время ощущая неизвестно почему и какое-то удовольствие, вовсе не потому, что избегли опасности, а напротив, что ей подвергались
20–22 *Текста:* Удовольствие ретроградное ∾ докончить. — *нет.*
22 Итак / И вот
22–23 с привычною зимнею осторожностию стал было я / с привычною осторожностию стал я
25 Место пусто сажен на пятьдесят в обе стороны / Место очищено сажен на пятьдесят или более
28–29 до того безопасно! / полная безопасность.
29 Даже обидно. Когда это бывало? / *а.* Ну когда это бывало? Обидно, обидно! *б.* даже обидно! Ну когда это бывало?

---

[1] *Имеется в виду приложенная вырезка из печатного текста драмы Кишенского (ср. строки 36—51). Подчеркнутая строка (строки 48—49):* «зароется в солому да ничком и лежит!»

XVI

ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФАЛЬШЕЙ

(Стр. 125)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 128.

34–36 «Им были ∾ милосердия!» / «Они обеспечены и ничем не были вынуждены, у них оправданий нет, и они втрое менее могут заслуживать оправдания и милосердия» ◊

36–37 *Фразы*: Вот результат, прямо выходящий из вашей теории. — *нет*.

38–41 Позвольте ∾ опять? / Позвольте, вы (то есть вы, господа, а не один сотрудник «Русского мира»), вы утверждаете, что [Нечаев непременно должен быть идиотом, «идиотическим фанатиком»] Нечаевы непременно должны быть идиотами, «идиотическими фанатиками». Так ли опять? ◊

42 Нечаева / настоящего Нечаева ◊

43 Да, из Нечаевых / Да, Нечаевы

46 с страстной и болезненно-ранней / с страстной, но болезненной ◊

Стр. 128—129.

46–1 *После*: выказать личность — положим, с смешною и уродливою

Стр. 129.

1–2 даже настоящие монстры из них могут / такие монстры могут

3 образованными людьми / *а.* преобразованными людьми *б.* весьма образованными людьми ◊

5–10 что с получением ∾ прегрешению. / на добро и зло с получением диплома, дают ему такой незыблемый талисман раз навсегда, чтоб узнавать истину и убегать известных стремлений, понятий [к несчастью, у нас очень многие принимают знания за воспитанье], что всякий кончивший курс наук юноша становится непогрешим, как папа? ◊

11–12 должны быть фанатиками / фанатики

13 говорит / говорил ◊

14–15 мог бы сказать это / мог говорить так

15 *После*: наяву — *начато*: Уверяю же вас, что

18–20 Да неужели же ∾ не все / Неужели вы вправду думаете, что [послед‹ние›] прозелиты, которых Нечаевы набирают себе, то есть нечаевцы, все непременно [одни] лишь шалопаи, лентяи, [и] скверные мальчишки и вдобавок с ограниченными способностями? Не верю, [положительно] не все ◊

22 людей образованных / людей весьма образованных

23 *После*: людей образованных — даже ученых. Некоторые впоследствии заявили себя замечательными специальными знаньями, сочинениями и работами. ◊

23–24 Почти ∾ заведениях. / Почти все кончили курсы наук в самых высших учебных заведениях. ◊

24 *После*: заведениях. — *начато*: Некоторые же из наших, из оставшихся и даже из не привлеченных к делу

24 *Слов*: *когда уже всё прошло — нет*.

25–26 знаниями, сочинениями / знаньями, сочинениями и работами ◊

26 Нет-с, нечаевцы / И так вот вам пример: нечаевцы

26 бывают *вписано*.

26–27 только ∾ не учившихся / лишь недоразвитков и ничему не учившихся

28 Знаю *вписано*.

Варианты наборной рукописи (НР)

⟨1⟩

Стр. 125.

23 моем / *Начато*: одно‹м›
25 заявили / *а*. прибавили *б*. согласились
27 явление / лишь общественное явление
29–30 в виде анекдотическом ∾ случая / в анекдотическом виде лишь московского частного случая
33 лицо *вписано*.
33 *После*: Нечаева — [но] и задача моя действительно была обширнее ◊
33 хотел поставить / *а*. хотел разработать *б*. хотел художественно разработать
33–34 и, сколько возможно яснее ∾ ответ / [каким] и, сколь возможно яснее, [худ‹ожественно›?] в художественной форме дать ответ
39 впрочем / а впрочем ◊
39–40 *После*: прочел я — *начато*: следующие, пр‹елюбопытные›
40 любопытные / прелюбопытные ◊

⟨2⟩

Стр. 128.

21 *После*: заблуждения их — *начато*: именно потому и
22 от отвратительных качеств их / оттого, что они праздные, буяны, отвратительные недоразвитки
23 всякого *вписано*.
28 должны возбуждать / уже [возбуждающие] возбуждавшие
28 *После*: к себе — повсюду
29 *После*: даже — *начато*: великоду‹шная›
31 теперь *вписано*.
33–34 виновнее / виноватее
34 *После*: курс наук — скажете вы
39–40 на основании «отрицания факта» *вписано*.
43 Нечаева / настоящего Нечаева ◊
45 власти / *Начато*: властв‹ования›

Стр. 129.

5 *После*: диплома — *начато*: дают‹ся›
6 *После*: он — *начато*: тем с‹амым›
8 все эти ∾ юноши / всякий кончивший курс наук юноша

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» 1873—1878

НАШИ МОНАСТЫРИ (ЖУРНАЛ «БЕСЕДА» 1872 г.)

(Стр. 137)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 137.

4 Журнал «Беседа» / «Беседа»
6 точными данными / верными данными
6–7 собственными соображениями / соображениями
7–8 *Слов*: при определении разных весьма любопытных арифметических выводов, которыми изобилует его статья — *нет*.
11 чрезвычайно много / много

14 не станем / не будем
14–15 кое-какие ответы «обиженных» / ответы [от] у «обиженных».
15 Мы не обиженные и хотим заметить другое. / Мы хотели бы заметить другое.
15 другое / о другом
16 омерзение / отвращение
16–17 напивающемуся и наедающемуся / напивающемуся, наедающемуся
18 *После*: клобук — *начато*: или если
19 *После*: известие — *начато*: *а.* бывшее *б.* убива‹ющему› *в.* почти убивающему
20 р. / рублей ◇
21 неприлично и возмутительно / неприлично, возмутительно ◇
22 Заметим еще раз / Заметим, впрочем
24–25 И при всем том ∾ с выражением автора / Но вот в чем мы расходимся с автором
25 содержание монаха / *а.* содержание монастырей *б.* содержание монахов ◇
25–26 в такую-то сумму / слишком дорого (почти так же дорого, как юстиция или просвещение, по сравнению автора) ◇
26 Монах «обходится» / Он обхо‹дится›
27–28 почти 8 милл. по расчету автора / почти 8 миллионов по расчетам автора ◇
30 представим / представим автору ◇
31 приобревших / приобретающих ◇
32 нам / вам ◇

Стр. 138.

2 на откладываемые / по скольку на откладываемые ◇
3–4 не считаем же мы / ведь не считаете же вы ◇
5 не заглядываем / не заглядываете ◇
5–6 не считаем / не считаете ◇
6 не тревожимся / не тревожитесь
13 *Слов*: и, без сомнения, в том ее главная цель — *нет.*
14 как бы желательно / как бы желательно было ◇
14 чтобы / если бы
15 малодушно / болез‹ненно›
16 *После*: богатства — *начато*: потому что не отказываться же им от ‹них›
17 приличной монаху / как и прилично монаху ◇
18–19 ко господу / к лампаде
22 делиться с неимущими священниками / помогать бедным священникам ◇
22 быть / служить
23–24 подающими лепты / подающим классом
30 наверно дает / в общей сущности дела наверно подает ◇
31–32 *Слов*: Мы исключаем ∾ мы про народ говорим. — *нет.*
33–34 *Слов*: о которых автор сетует ∾ как и монахи — *нет.*
35 религиозное чувство / набожность, религиозное чувство ◇
35–36 очень важны / очень важно ◇
36–37 если еще сохраняются ∾ и юстиции и народного образования / если оно еще сохраняется в обществе, и наверно стоит 8 миллионов ◇
38 Нашим рационалистам, разумеется, жаль / Многим разумным людям немного жаль ◇
40–41 *Слов*: без посредников, не так ли? — *нет.*
41 Лучше бы продать / *Начато*: *а.* Продат‹ь› *б.* Помните
41 благовонное миро / благовонное масло ◇
42–43 евангелическую историю / евангельскую историю ◇
42–43 *После*: историю. — По-нашему, и юстиция хорошо, и это хорошо. «Да, но не соответствует цели», — возразят нам. Оно соответствует потребности религиозного умиления, — повторим мы, — которое

дороже всего, если же происходит ошибка, постоянная и капитальная, то это ведь совсем уж другой вопрос. Не разрешая этот чрезвычайный вопрос теперь, скажем, однако же [еще словечко], об ошибке».

48 действует / действует на общество

48 выставляется / выставляется, например ◇

48 целый ряд / ряд ◇

Стр. 139.

1–3 но не производили известного действия ∾ с известною целью / *а.* но никому и в голову не приходило, покамест не подвели такую точку ‹*над строкой неск. нрзб.*› *б.* но сгруппированные под известный лад и с известной целью достигают известного результата ◇ *в.* но никому и в голову не приходило, покамест не сгруппировали их вместе и не выставили в известном освещении. ◇ *Далее*: А между тем ведь это похоже на то, если бы кто сказал: «Мы все христиане, стало быть, и должны жить по-христиански, но так как происходят злодейства, то. . .» ◇

3–4 Отсюда выходят иногда преудивительные выводы. / И после этой частички «*то*» следуют преудивительные выводы. ◇

5–8 *Текста*: В сущности, в этой группировке фактов ∾ если они справедливы? — *нет.*

8 Мы знаем / А между тем мы знаем ◇

10 некоторые точно такие же / некоторые такие же ◇

15 *Слов*: или, вернее, законом — *нет.*

16–25 *Текста*: Но если грех и мерзость ∾ приступать деспотически. — *нет.*

26–33 Но тут, без сомнения, вступится автор ∾ но не за систему их группировки. / Автор может оспоривать ‹?› нас и сказать [лишь увлечен ‹?›], что он вовсе не писал против монашества и ‹*нрзб.*›, а лишь о богатствах наших монастырей. Что мы ему ответим на это? Он прав. . . Он только писал о богатствах наших монастырей и более ни о чем. *вписано между строками и на полях.*

Варианты фрагмента белового автографа (БА)

Стр. 137.

2–3 весьма любопытных / весьма интересных

3 изобилует / весьма изобилует

ПОЖАР В СЕЛЕ ИЗМАЙЛОВЕ

(Стр. 142)

Варианты наборной рукописи (НР)

Стр. 142.

17 Пожар в селе Измайлове. / Из текущей жизни.[1] 1) Пожар в селе Измайлове.

18 *После*: он наступил — *начато*: «Московские ведом‹ости›»

21 *После*: в селе Измайлове — под Москвой

26–31 *Вместо газетного текста*: «Вообще этот пожар ∾ в трактирах и кабаках». — *запись*: (из «Москов‹ских› ведомостей»).

34 *Всё* / *Всё это*

38 будет *вписано.*

41 надо будет *вписано.*

---

[1] *Далее запись*: Помещено в № 24 «Гражданина» за 1873 год. Не вошло в П‹олное› с‹обрание› сочинений. А. Достоевская.

Стр. 143.

1 положим, будут платить / *а.* будут платить *б.* заплатят
2 *После:* уплаченное! — Новое крепостное право
5 поприщинского сна / этого сна
5 вдруг и выглянул / уже выглядывает
6–7 А почему ∾ Всё так художественно вероятно) *вписано.*
6–7 ей не верить / им не верить
7 Впрочем, если / Если
8–9 и вот пригодились / и пригодились
9 Не всё ∾ потеряно! *вписано.*
9 еще потеряно! / еще пропито!
10 остались они / остались
10 при коровах / с коровами
10–12 И почему, наконец ∾ почему он пропит? *вписано.*
11–12 ничего не стоит, так что его и пропить нельзя? / ничего не стоит, то есть даже и косушки?
14–15 *После:* почему он пропит? — Но мы опять-таки сну не верим; мы упорны◊
16 А там. . . ну а там очнется. / А там сам очнется.
17–18 застраивает крестьянам на Руси погоревшее место / выстраивает его крестьянам на Руси
19 Этот древний, патриархальный способ / Одним словом, этот прежний патриархальный способ
20 теперь *вписано.*
23–24 если б только получились они через это «развитие» / полученных через этот вожделенный кредит
25 так будет продолжаться / так будет◊
27 ввиду летнего заработка / для летней работы
28 она все-таки в сущности благодеяние / все-таки в сущности и ведь и это благодеяние
33–34 по теперешнему положению вещей *вписано.*
39 приготовляясь / изготовляясь◊
42–43 и предложивший их переселяющимся. На призыв откликнулось до 10 000 душ / и [вызывающий] вызвавший на переселение 10 000 душ, предлагая им приобретенную им землю
43–44 любопытно лишь ∾ предлагает землю? / любопытно, на каких условиях?
45 Тотчас же началась энергическая распродажа имущества. / Охотников явилось множество, а затем энергическая распродажа имущества.
49 в горшей доле / в горшем виде
49 уже без скота и без движимости / без скота и без движимости◊

Стр. 144.

1 выйдет в самом деле / окажется в самом деле
2 может / может быть
3 без всякого расчета / безо всякого расчета◊
3 порыв *вписано.*
4 А что тут / А тут
6–7 Признаемся ∾ и чтобы их не задержали. / и сознаемся, мы бы очень желали, чтобы им удалось.
9 но мы почему-то убеждены / но мы оптимисты и убеждены
11 на новое место / в новый край◊
13–14 опять пропиться / пропиться
14 Подобные переселения / Все эти переселения
14–15 спасительнейшее и любезнейшее дело, вот что / спасательнейшее дело, по-нашему
18 житье на старом месте / старое место
19 хотя только на будущую зиму / вот на будущую зиму◊

20 канцелярскую *вписано.*
21 переселиться *вписано.*
22 и пьяницы / и мошенники
23 всё *вписано.*
25–26 *После*: в пожарный сезон — хотя бы пьянства-то было поменьше.
28 Какой осторожности / Ну, какой осторожности
31 тут / тут уж
32–33 то разве в виде какого-нибудь исключения / то в виде исключения ◇
35 *После*: следовало — *начато*: Конечно, тут
35 *Слов*: по предположению — *нет.*
43 была / там была
45 развлечение еще времен гомеровских / *Начато*: гомеровских ‹времен›
46–47 но довольно нелестное / *а. Начато*: но уж о‹чень› *б.* но уж довольно постыдное
47 Право, пора / Право, право пора ◇
47 иным / другим
48 *После*: народ! — то всё такие примитивные вещи! Положим, оно отчасти здорово, но. . . Из-под Москвы в тот же «Русский мир» уведомляли, что там в селе Бусинове по недосмотру утонула трехлетняя девочка, дочь тамошнего священника, и утонула *в кадке* с водою, стоявшей у ворот. . . Что «по недосмотру», мы в этом убеждены, не нарочно же это случилось. Но все-таки любопытно, в праздник или нет.

СТЕНА НА СТЕНУ

(Стр. 145)

Варианты наборной рукописи (НР)

Стр. 145.

1 Степа на стену / 2. Стена на стену ◇
5 турнир / случай
8–20 *Для газетного текста*: «За стеной мирового съезда ∾ неизвестно» — *в рукописи оставлено место.*
24 извлекать на свет / выносить на свет
26 Что значит / Что значит, например
27 И какой такой / И какой именно
28 что насчет / насчет ◇
28 *После*: *того самого* — вот того самого, что и в [подгор‹одном›] подмосковном селе, «стена на стену».
29–30 лиц, склонной ∾ говоря вообще *вписано.*
31 произошло *вписано.*
31–33 из соревнования о властях / из благородного соревнования о властях
32–33 повсеместно *вписано.*
33 демократизируемся нестерпимо / демократизируемся ужасно
37 русопетскому *вписано.*
40 свою шкуру и головы / жизнь своя
42 символ / символ-то
42 Однажды / И вот раз
43 привив к нам шпагу *вписано.*
45 танцующим / танцующего ◇
45 *После*: и нещадно — *начато*: *а.* С те‹х пор› *б.* В прошлом году
46 двухстолетие преобразователя / *а. Начато*: два столетия наш‹его› преобразования *б.* преобразованию

Стр. 146.

2–3 последовавшего в Екатеринославле акта. ∾ пролетели, как сон *вписано.*
3 в этом же смысле *вписано.*

2-12 *Вместо газетного текста*: «Дворянин Следнев ∾ более 20 человек. . .» — *цифра «2»*.
25 из пререкания / из пререканий
28 значит / это значит
31 в своей жизни *вписано*.
32 из нас *вписано*.
33 заявили-таки / заявляли-таки
33 свою власть / свою начальни‹ческую?› власть
33-34 *Слов*: в этом же самом смысле — *нет*.
35 преступным *вписано*.
36-38 тут превышение вроде как бы щегольства ∾ с злым намерением / Превышение это было щегольство-с».
41 извозчичья *вписано*.
41 Тут щегольство-с. Этот выверт / *Начато*: Этот выверт, почти вид
41-42 похвален / позволен ◊
44 идея / самая идея администрации
44-45 на железной дороге / уж‹е› на железной дороге
46 без обиды *вписано*.
47 естественно *вписано*.

Стр. 147.

2 *Слов*: и именно насчет власти — *нет*.
4-5 и единственно чтоб доказать свою власть *вписано*.
9-26 *Вместо газетного текста*: *«Из войска донского ∾ И. Синельников». — цифра «3». Газетная вырезка с этим текстом приклеена в верхней части страницы.*
27 в настоящем смысле слова и *вписано*.
28 по крайней мере очень большого *вписано*.
29 произошло *вписано*.
30 *После*: вещей. — А иначе что же бы это был за заседатель? Но зато наизусть видна вся психология дела.
30-33 Но было соревнование власти ∾ этот микрометризм термометра власти. Тут *вписано*.
34-35 о приезде *вписано*.
35 уважали приезд / чтили
35-36 Естественно велеть кричать / Вот он и велит кричать
40 даже эффектнее / гораздо эффектнее
42 Вот они и кричат / Ну вот они и кричат
42 заседателю / и заседателю
43 один горлан / один
46-47 чтоб это мне доказать / чтоб доказать мне это
50 но если только / но ведь если

Стр. 147—148.

53-1 что, впрочем, само собою произошло / *а.* а их и без того откинули *б. Начато*: что и было ‹?› *в.* что и произошло

Стр. 148.

2-3 пожертвовать на общую пользу / *а.* пожертвовать *б.* пожертвовать для общей пользы
3 и почище его / и почище

ИСТОРИЯ о. НИЛА

(Стр. 148)

Варианты наборной рукописи (НР)

Стр. 148.

4 История о. Нила. / 3. Скандальчики. ◊ *Далее*: Были и скандальчики, было довольно [много] и о детях. О детях мы [я] некоторое время погодили говорить и поговорим после, особенно. Озверели люди,

не то что «ослабели». [Что же касается до скандальчиков, то. . .] Есть несколько ужасных фактов, так что нам бы не хотелось нарушать на этот раз приятное впечатление. Что же касается до скандальчиков, то. . .

То, во-первых, об игумении Митрофании мы отложим до тех пор, пока дело мать-игумении будет кончено; а оно еще тянется. Притом же мы уже составили о нем свое мнение: тут нечистая сила, и ничего больше. Что же касается до отца Нила, то, конечно, мы передадим его повесть нашим читателям, но [желали], признаемся, желали бы передать ее с некоторым особым взглядом на это дело. ◇

12 *После*: Огурцовой — *начато*: назвавш‹ейся›

Стр. 148—150.

14–5 *Газетного текста*: «21 августа 1872 г. ∾ бывшей в зале заседания на этом процессе». — *нет*.

Стр. 150.

6 Мы ограничимся / Представляя грустное, но в то же время и весьма заманчивое событие читателю, мы ограничимся

7 *После*: с нашей стороны. — Даже и не делимся впечатлениями. Отмечаем [за‹то› отмечаем] лишь то, что само собою бросается, по нашему мнению, в глаза.

11 Хотя / Что

13 лишнее / слишком

17 завидующие / завидующие им

18 проводили / провожали

18 *После*: свистками — Явное дело, что провожали, собственно, не его, а его как монашествующее лицо. И сверх того, будь одна история, а не две сразу, не сплетение интриг; не будь, например, этих несчастных тысячи рублей [и], билетов займа и проч. и проч., дело, может быть, обошлось бы и без свистков.

25 обличением / *Начато*: громо‹гласным обличением›

30 порядки / порядки и факты

34 суровым *вписано*.

39 Мало того / мало то ◇

44 *После*: помешательство — *начато*: но на душе‹внобольного›

46 странствующей / путешествующей ◇

Стр. 150—151.

48–1 всей жизни / целой жизни

Стр. 151.

1 что существует такой *вписано*.

1 таких барынь / барынь

3 с личною и весьма заинтересованною любовью / *а*. с любовью *б*. с личною и весьма интересною любовью

6 так сказать *вписано*.

7 и чтимого *вписано*.

8 повторяются *вписано*.

14 идею о конфетах / понятие о конфетах ◇

15 повторяем это / повторяем

19 совсем незнакомы / почти незнакомы

19–20 они только у барынь ∾ у редких *вписано*.

21–22 вполне откровенно *вписано*.

25 известие о том / известие о подрясниках

27 Но все-таки это не то. / Тем не менее не то.

27 является *вписано*.

31 этой *вписано*.

36 Выводим из того, что / В противном случае

37 кажется, еще *вписано.*
38 в противоположность / как бы в противоположность ◊
39–40 клиентки / клиентши ◊
40–41 неучтивый прием / нелестный прием

Стр. 152.

6 не пострадает / ничего не пострадает
6 даже и через такой случай *вписано. Далее было начато*: Молодость
6–7 и, наверно, еще осталось в нем / и, рядом с о. Нилом, наверно еще осталось
8 Для подобных старцев / Для подобных-то старцев
10 в установившихся тогда церквах / *а.* в церквах *б.* в установившихся церквах ◊
18 сопровождавшие его / свита его
22–23 один работник / один из народа
23 веру христианскую ликвидировали. *вписано.*
32–33 отличались / отличились ◊
40 и не покинули родины *вписано.*
40 родины / родину ◊
43 мучениками за Христа / мучениками ◊
45 в предшествовавшие столетия / в предшествовавших столетиях ◊

Стр. 153.

6 *Слов*: в мире и в обществе — *нет.*
8–9 по нашему мнению / по нашему мнению, мнению «из публики» ◊
9 слишком еще *вписано.*
9 Итак, пусть / Но пусть

МАЛЕНЬКИЕ КАРТИНКИ (В ДОРОГЕ)

(Стр. 159)

Варианты наборной рукописи (НР)

Стр. 159.

19 *После*: В дороге — Дорожные типы
20 *После*: разумею — типы пароходов и железных дорог
21 выразился недавно / выразился недавно при мне ◊
22 мы / мы, по крайней мере ◊
23–24 против прежних порядков / против прежнего
30–31 *После*: классов интеллигентных — в дороге или где бы то ни было
32–33 но в дороге особенно / в дорогах же особенно
33 друг с другом *вписано.*
36 оглядываются / оглядывают друг друга
38 один другого / друг друга
38–39 но и не хотят / да и не хотят
43 всякий знает / чуть не всякий знает ◊
45 *После*: обойтись — *а. начато*: в привычку каждого вошло *б.* никогда и нигде, да и [вообще] ужасно трудно

Стр. 160.

1–2 даже где бы то ни было ∾ в руках / даже где бы то ни было и — даже в вагонах с билетом в руках
2 споры из-за мест / споры, впрочем
4–5 трусливо-услащенном тоне / услащенно-вежливом тоне
7 посмотрит / *а.* ответит *б.* посмотрит на вас
7 хотя / хоть ◊
9 торопливее и *вписано.*

10–11 некоторое нреоригинальное опасение / *а.* взаимный страх и страдание *б.* взаимное смущение.
11 а не вышло бы как-нибудь драки! / не вышло бы, дескать, как-нибудь драки!
12 сбывается / сбывающееся
13 собираются / соберутся
14–15 бессознательного лишь ощущения / бессознательного ощущения ◇
15–16 а, право ∾ русским сердцам / *а.* а, право, непременно пронесется по всем этим образованным русским сердцам *б.* а, право, непременно и навсегда проносится, и должно проноситься, по всем образованным русским сердцам ◇
22–23 поправил себя тотчас же / прибавил
28–30 У нас всякий ∾ хорошенько вспороть. / У нас, еще в чреве матери, всякий чувствует себя обиженным за то, что ему мало воздают [уважения] чести. Всякий чувствует, что его стоит высечь, но никогда не сознается, что его и впрямь надо бы хорошенько [отодрать] вспороть! ◇
34 собравшегося в дороге / собравшегося нечаянно
36–37 периода трусливых высматриваний и подергиваний / периода [неволь‹ного›] дорожного [враждебного ‹?›] трусливого высматриванья
38–39 и не удержишь / пожалуй, и не удержишь
42 *После*: «золотою срединою». — *начато*: Везде в обществе
42 *После*: Золотая средина — так, нечто трусливое

Стр. 162.

4 станут / становятся
5 примут с радостью / с болезненным нетерпением ждут ◇
8 забавным образом / забавным и неожиданным образом
12 объявляется / объявится
13 напряженного молчания / страдальческого молчания ◇
14–15 без всякого приглашения, без всякого даже повода / безо всякого приглашения, безо всякого повода ◇
15 присюсюкиванья / сюсюканья
16 каждому / каждому нашему
17 среди незнакомого общества / в публике
19 в некоторых наших джентльменах / *а.* в нашем дворянстве *б.* у нас
20–21 в виде ∾ по этому поводу / в народившемся новом типе нашего джентльмена ◇
21–22 самого ∾ джентльмена / самого прирожденного, прежнего, старинного джентльмена ◇
22 *После*: джентльмена — *а.* с натуральнейшим видом и без малейшего нахальства *б.* но без малейшего нахальства
24 разумеется / разумеется, сначала
24–25 изумлению слушателей / удивлению слушателей ◇
25 Все / Слушатели
30 магическое / магическое и примирительное
32 *После*: того. — Видно, правда, что примирение есть главное и победоносное свойство всякого истинного таланта.
33 поражает то, что / поражает, что ◇
33 ни в чем / и ни в чем
34–35 подобно тому ∾ бездарный болтун / *а.* подобно иным болтунам *б.* подобно обыкновенному бездарному болтуну
42–43 почувствовал себя ∾ как бы лично обиженным / *а.* почувствовал на себе как бы щиток личной, и самой несправедливой даже, обиды *б.* чувствовал себя некоторое время как бы лично обиженным
45 входить в подробности / о подробностях
45–46 разумеется ∾ предосторожностями / разумеется, осторожно, разумеется, со всеми возможными предосторожностями

Стр. 163.

4 *После*: всем существом — *начато*: *а.* и всем *б.* и ре‹шительно›
7 теперь выходит / через минуту выходит
9 найти нужным ему заметить / возразить ему
11 *После*: до того — после иного удачного вашего возражения такому знатоку, да еще при всех
14 но таково уж обаяние таланта *вписано.*
24 открыл / разумеется, открыл
25–26 так что только он ∾ всей этой истории / так что только он один во всей России и знает теперь всю подноготную этого дела◇
28 при имени Ф. / при слове Ф.
29 заинтересованный вид / прелюбопытнейший вид
31 зависти в том / зависти и нимало не обижены тем◇
32 а они нет / а они-то нет◇
34 этот / это
36–37 даже видно ∾ не настаивает *вписано.*

Стр. 164.

1 известное лицо / то самое лицо
8 главная задача / главная специальность
9 под конец *вписано.*
9–10 как дважды два *вписано.*
13 понятно / ясно
15–16 Но не в известиях дело, а в удовольствии слушать их. / Про удовольствие и говорить нечего.
16 Заметен / Заметили
18 и даже об литературе / *а.* о науках и даже об искусстве *б.* о науках и даже об изящной литературе
25 *После*: не встречал. — *начато*: Наружность
29–30 уже, может, и нет / уже нет
32–33 ни малейшего нахальства ∾ но без сахару *вписано.*
33 Небольшая / Серая небольшая
36 Очень мало курит ∾ и совсем нет. *вписано.*
37–38 *После*: вроде ридикюльчика — вот и всё

Стр. 165.

5 благородный лентяй / лентяй
5 *После*: действительно — витающий
7 в общежитии / для общежития
10 соглашаются / без особых слов соглашаются
10 споры прекращаются / споры умолкают
10–11 но стекло разбито и разговоры завязаны / но стекло уже давно разбито и разговоры завязываются
12–13 А между тем всё благодаря таланту. / [Итак, всё] Вот что может сделать талант.
16 *После*: частых — говоря, разумеется, относительно
27 железнодорожного / дорожного
29 естественным отправлением / органическим отправлением
29–30 *После*: добродушия — и естественным свидетельством нашей почти двухсотлетней фантастической жизни и витания в надзвездных сферах.
36 то / вот что
42 с педагогическими / с путешествиями

Стр. 166.

2 не внушают / не говорят
10 настоящего / солидного
11–12 Тут самые похвальные ∾ в плачевные. / Тут и Тациты в переводе ничего не поделают.
15–16 если уж ∾ не желаешь / если говорить не желаешь◇

16 *После*: одни священники — чуть лишь сядешь с ними [рядом] в дороге
18 и чего ожидаете / и кто именно
20 *После*: времени — даже и ‹?›
20 *После*: не веришь. — Главное, не знаешь, тип это или случайность. Раз прошлым летом, в жаркий июльский вечер, я вошел в вагон второго класса, чрезвычайно [счастливый] радуясь, что могу хоть на несколько дней оставить Петербург. Все места были заняты и всё было набито битком, а между тем пассажиры целыми семействами расхаживали по вагонам.
22 в вагонах / на железных дорогах
23 *После*: *избраннее* — чем в вагонах на железной дороге, какого бы ни было [класса] разряда. Разумеется ‹*не закончено*›
26 да и не публика она / тут даже и не публика
30–31 и краюхами хлеба в мешках *вписано*.
36 домой / на место
39–40 до нестерпимо великосветского / до самого великосветского
40 *После*: великосветского — *а. начато*: чтоб казаться *б.* иногда даже до нестерпимо себе самим
42 досугу / времени
42–43 чем на железной дороге *вписано*.
43 причина естественная / причины естественные ◇
44 публика ∾ из себя *кучу вписано*.
46 *После*: детям — что так неблагородно ◇

Стр. 167.

1 обнаруживать / выказывать
1 инстинкты / привычки и инстинкты
2 похоже / более похоже
5 пожалуй, целым днем пути / даже днем и более пути
7 чем бывает это в вагонах / чем когда-либо в вагонах ◇
11–12 и с надетыми орденами на всякий случай *вписано*.
13 *После*: плебейски серьезно — *начато*: и с уторопленным страхом чувством самосохранения. Настоящая публика их
15–16 *После*: жалких людей — немедленно игнорирует
18 но перед общим тоном / но нравственно
22 должен бы был *вписано*.
22–23 Может ∾ не имел успеха. *вписано*.
23 Тут разговор / Тут нравы гостиной, и разговор
24 *После*: необходимости — а почти надобно представиться и познакомиться. Само ‹*не закончено*›
24–25 Главное ∾ вся сущность. *вписано*: *Далее*: куда ж тут соваться с автобиографией; станут еще слушать. ◇
29 *После*: редкость. — Разумеется, есть такие, что разговорятся, но больше в одиночку. ◇
30–31 значительнее / больше
34–37 Конечно, всё это ∾ всего пути. *вписано*.
39 в зеркало / взорами
47 заговаривают между собою / говорят

Стр. 168.

1 муж обращается к жене *вписано*.
2 *После*: в гостях — иль на бале.
3–4 да и вообще ∾ отрывками *вписано*.
4 отрывками / уторопленными отрывками
4 оглядываются / осматриваются
5 *После*: соседей — при каждом своем слове, стараясь показать вид, что совсем ни на кого не [глядят] оглядываются и что, [им] напротив, им в высшей степени всё равно
6 один из другого *вписано*.

9–10 всякому мужу с женой может случиться нужда / всякому может быть нужда ◊
12–15 слишком подымаются юбочки / *а.* слишком подымается ветром платьице *б.* слишком подымаются ветром юпочки ◊
16–17 *После*: тем более что — все эти домашние заботы ◊
18 даже на этом / на этом
19–20 и даже иметь ее *вписано.*
20 ниже / *а.* даже ниже *б.* нечто ниже
21 и с завистью / с оскорблением
22 чуть не всякую / всякую
25 подобно им / как сами они, например ◊
26 *После*: детей — заботы, безденежье
27–28 Такая мысль ∾ безотрадною даже / Такая мысль была бы даже слишком для них безрадостною, почти оскорбительною, почти безотрадною. И в такие отношения между собою ‹*не закончено*›
28 *Слов*: разрушала бы, так сказать, идеалы — *нет.*
29 начинающих / громко начинающих
30 почти прежде всех *вписано.*
33 все недавно / все только что ◊
35 в темных платьицах / в черных платьях ◊
40 благовоспитанного содержания / серьезного содержания ◊

Стр. 169.

3 ее тут же *вписано.*
3–4 хоть и помещичьего *вписано.*
4 более плотен / хотя и плотен
5 с легкою проседью / с проседью ◊
5–6 с белокурою бородою ∾ парижской модели / с бородой хоть и очень длинной, но несомненно [принадлежащий к образованному] европейской, с щеголеватым, но несомненным помещичьим видом
7 чина сомнительного / чина весьма сомнительного ◊
8 *После*: гувернантка — всего второй месяц в их доме
11 малейшую мечту / право на фамильяр‹ность›
15 супруг / муж
18–19 и не побежал за нянькой / и не побежал ◊
20 и в то же время ∾ к сердцу *вписано.*
21 высшую даму / свою высшую даму
23 *После*: «zici» — и хоть на этот раз несколько и построже ◊
24 преданной девицы / девицы ◊
25 открытом виде / [натуральном] утопленном виде ◊
30 праву / натуральному праву
30 *После*: выскочить — и отстаивая его уже далеко не по-европейски ◊
33–34 с начала и до конца / с начала до конца, точь-в-точь как я изобразил ◊
33 понеслись / тронулись
38 *После*: утра — из древнего златоглавого города
43 клонится / почти клонится ◊
44 вам это / это ◊
45 *После*: салон. — *а.* Правда, и у нас есть дамы с узлами, и старички, и странные, двусмысленные [непостижимые] дети, так что мы, *вагон*, почти и представить не можем, чтоб такие дети могли быть еще где-нибудь (хоть только что сами ‹?› сойдем с парохода, и тотчас узнаем, что такие дети решительно [везде] у всех, а у нас у первых). Но есть [между нами] и самый высший начальник ‹?›. *б.* Правда, и у нас есть дамы с узлами, смешные старички и неприлично одетые дети, но они только «затесались» и мы их в высшей степени игнорируем. Есть, впрочем, и отдельные характерности, из таких, которые всегда собой задают задачу. ◊

Стр. 170.

1 не писан / очевидно, не писан ◇
1 совершенно / был бы совершенно
3–4 нарочно для независимости / очевидно, для независимости ◇
4 то есть ∾ так кажется / *а.* но его отчасти коробит присутствие высшего начальства, с которым он неожиданно очутился на пароходе *б.* по крайней мере, нам так кажется
6 Но взамен этого недоумения / *а.* Но кроме доктора и его дочерей *б.* Но взамен всех этих недоумений ◇
7 шиковатыми / красивыми и шиковатыми
9 *После*: виды. — *начато*: Но всего более обращает на себя внимание и занимает собою
11 но он / *а.* он *б.* но этот ◇
12–13 конечно считая / вероятно находя
14 Но всех более / Но всего более ◇
15 *После*: *начальство* — сконфузившее несколько немецкую развязность старика доктора
16 превосходительство / превосходительство пожилых лет
18 утверждают / говорят
19 Вероятнее / Но вероятнее всего
21 дама / женщина
22–23 о чем ∾ знают / как тотчас же узнали
23 со всеми / со всеми своими ◇
24 с гувернанткой-швейцаркой / с своей гувернанткой-швейцаркой
25 к негодованию / *а.* по отзывам *б.* к удивлению
26 наших дам / кормовых дам
27–28 протянула / проговорила
29 с завистью / с завистью, впрочем ◇
30–31 отменное и даже несколько высшее на себя внимание / некоторое на себя внимание
32–33 пятидесяти шести или семи / под шестьдесят
33 независимо усевшийся / независимо сидящий
33 почти на самом проходе *вписано.*
37 какого значения теперь / какого чина и значения ◇
38–39 барин ∾ денег *вписано.*
39 скитавшийся / живший
40 небрежно / небрежно и по-летнему
43 с ним / подле него

Стр. 171.

2 *После*: и у которых — у каждого или уже [есть] бывали, или же очень
3 у каждого / завтра же
3–5 неподолгу / недолго ◇
5–6 но лишь из светской вежливости *вписано.*
7 обрюзглому и разваренному / ленивому и несколько разваренному
8 *После*: и не надо — и не из принципа какого-нибудь, а просто потому [лишь, что всё равно]
10–11 на складном ∾ в высшей степени *вписано.*
10 стульчике / стуле ◇
13 беспринципное / искреннее ◇
14 и из всех сил желает заговорить / и, видимо, желает заговорить ◇
15–16 со свойственным ему прямодушием *вписано.*
16–18 не сам ∾ кажется, признает / *а.* *Начато*: но всем в‹идом› *б.* но сам, кажется, сознает
20 и, по его старанью / и, через него, как-то случайно
21 переброситься / перебросились
23 губернаторе / «хозяине»
23–24 тоже известном аристократе / известном аристократе ◇
25–26 Наш генерал / Хозяин здешней области

26–27 и ему ∾ подробности / Он только что здесь сейчас услыхал, и ему ужасно хотелось бы узнать подробности.
30 Генерал / Хозяин
30–31 *После*: нетерпением — обозначающим всё его добродушие ◇
32 решительно / довольно
32 *После*: неблагонадежен — и хоть и промямлил [уже что-то] две какие-то фразы, но
32 вдруг замолчит / вдруг оборвется и замолчит ◇!
35–36 над ним ∾ высших джентльменов / над милордом. он, кажется, поставил себе задачей свести оба лица
36–37 и познакомить / и даже познакомить .
38–39 всегда довольно в дороге / довольно часто можно встретить именно в дороге ◇
39 *Слов*: особенно около «старших» лиц — *нет.*
41 довольно полезны / совершенно необходимы ◇
45–46 *Слов*: стало быть ∾ приличен — *нет.*

Стр. 171—172.

1 *Слов*: перед старшим лицом — *нет.*

Стр. 172.

1 всем своим существом / всем своим лицом, всем своим существом ◇
1 выражает / так и выражает ◇
3 *Слов*: одной фигурой — *нет.*
4 к вам / к вам с камергером ◇
4 *После*: не покушусь — ни за чем
7–8 *Слов*: даже до гроба моего всегда — *нет.*
10 *Слов*: а из некоторого чиновничьего вдохновения — *нет.*
13 сама собою / сама собою уже [потом] после ◇
17 примкнуть / примкнуть к разговору
17 а хоть / а так хоть
20–22 но даже и в разговор ввязаться ∾ как ведь там хотите. / но даже и ввязаться, а между тем знает наперед, что не сумеет сделать. ◇
22 И совсем, совсем / И совсем ◇
24 с этою целью *вписано.*
26–27 и даже вдруг ∾ пинка / «Пожалуй, вообразят, что я заискиваю у собаки». ◇
31 и возращается опять / возвращается ◇
32–37 *Текста*: И если безгрешная душа ∾ что далее произошло! — *нет.*
40 во-об-ра-зите себе, по-те-ря-лся / совсем по-те-ря-лся
41–42 генерал / хозяин
43–44 те-ле-гра-фи-ровал / заране те-ле-гра-фи-ровал ◇
44 бессвязно шамкает / [еще раз] опять бессвязно мямлит
44–46 наладив одно: «телеграфировал» / забывая, что это уж в третий раз он говорит про телеграфированье ◇

Стр. 173.

1 Его превосходительство / Генерал
1 хотя / но
2 сильнейшее / простодушнейшее
10 находится / слушает
10–11 *После*: недоумении. — Про себя, впрочем, думает, что, вероятно, так это и надо [про сухощавых]. ◇
12 а именье женино / а тверское именье женино ◇
14–15 «она Гарунина» / жена его Гарунина
15 Он теперь понимает. *вписано.*
16–17 с жаром восклицает он / продолжает [он] с жаром генерал ◇

19 я именно думал / я думал ◇
21 всех нас остальных / многих ◇
25–29 европейский господин, скитающийся «около разговора» / господин с европейской бородой, скитающийся «около разговора». *Далее было*: Если уже это [такое] ничтожество, со второй ступеньки, побеждает препятствие, то я-то, я-то!. .
30 чья-то «урожденная» / какая-то «урожденная»
31 супруг ее / европейский супруг ее
35 с необычайною ясностию / необычайно ясно
36 из-за несносного этого человека / из-за него, из-за несносного этого человека! ◇
37 «несносный этот человек» / А этот «несносный человек»
37 *Слов*: с своей стороны — *нет*.
37–39 слишком хорошо знает / слишком знает ◇
40 «в Аркадии рожден» / ведь «в Аркадии рожден» ◇
43–44 И вот они теперь возвратились / Ну вот они теперь возвращаются
45 поместья / имения

Стр. 174.

1 Главное, / Главное, что ◇
2–3 Но всего более ∾ тем / Она даже ужасно раздражена
6 человечишка / человека ◇
8 сам выдумать / сделать ◇
8 *Слов*: даже жениться сам не сумел — *нет*.
9–10 Я бородой прельстилась! *вписано*.
15 *После*: минуту. — Он знает, что
18 *После*: К тому же — собственное самолюбие ◇
20 с отечественными генералами / с русским генералом ◇
18–22 К тому же ∾ птица каган. *вписано*.
22–26 *Текста*: Увы, вот это-то ∾ и ничего более. — *нет*.
26–30 лепечет он с дубу / залепетал он вдруг
31 был случай с ногой / был случай ◇
32 повертывается / обращается ◇
33 *Слов*: не выдержав генерала — *нет*.
35 господина / человека
36 сам весь / весь
37 протягивает / протянул
38 милорд / он
38–39 с силою отстраняет / отстраняет
39 вздрагивает / вздрагивает, отстраняется
39–40 замечает / видит
42 его / милорда
43 отскакивает / отскакивает на два шага
44 нагибается поднять / поднимает
46 нестерпимо, нелепо *вписано*.
47 всем корпусом поворачивается / с гневом [обращается] оборачивается

Стр. 175.

4 *После*: сквозь палубу. — Он быстро стушевывается. Разумеется, он не осмеливается пройти мимо своей супруги и даже взглянуть в ее сторону ‹?›, но [слышит] отлично знает, что она в эту минуту шепчет гувернантке [Как ни говорите] яростным шепотом.
5–13 *Текст*: сколько я должна была ∾ на палубе — *вписан*.
5 *После*: вы не поверите — сколько я [должна была вытерпеть через] терплю от этого человека, бездарного, ничтожного человека.

Этот человек забежал куда-то дальше и стоит где-то у колеса, он смотрит на воду, он еще не опомнился и не сообразил. [Ему] Он знает только, что через 15 лет, когда он будет лежать на смертном

одре, он всё еще будет помнить об сеттере и об том, что даже и тут он не сумел ответить милорду. Через десять минут у него проскользнула мысль, что может служить по выборам и . . . и если выберут в предводители, то можно доказать этому хозяину и т. д. и т. д.

7-8 и даже не слышится / и, кажется, не слышится ◊

8 а только всем существом предчувствуется, а / а скорее чувствуется потому что ◊

12 и делает / он и делает

15 тем / разумеется, тем

18-19 позволительных по обстоятельствам / приличных

19 приглашены / приглашен был

21-22 его превосходительству / хозяину губернии

23 Этот / Он

28 *После*: вести себя. — *начато*: В остальные два часа пути гене‹рал›

31 позабыл / забыл

32 припомнил / припоминает [даже] ◊

34 но это всё только вид *вписано*.

37 разумеется, по-французски *вписано*.

38 *После*: анекдоты — *начато*: как говаривают

38 такие действительно *вписано*.

42-43 хихикает / смеется

43 вынести / выдержать

44 *После*: «высшая дама» — которой не удалось «встретиться».

Стр. 176.

2 Начинаются / Там

4 а сама смотрит / и чинно смотрит

6-7 Это с ней ∾ страдающая дама. *вписано*.

6 *Слов*: во все три месяца — *нет*.

8-9 *После*: гувернантка — думает про себя со скрежетом и высшая дама, с ненавистью смотря на девицу.

9 она должна ∾ распинаться *вписано*.

9-10 *Слов*: это всё ∾ человечишку! — *нет*.

11 Заговорить / Заговаривать

11 с ней / с девицей

11 сама / сама она

13 двоюродного / своего двоюродного

16 решает она окончательно / думает

18-19 *После*: Наплевать! — Ну, и наплевать.

20 подходит к пристани / приезжает на место

20-21 *После*: к выходу. — Новые комедии, новые драмы. Пассажиров поджидают знакомые, рвутся на волю, как из спертого воздуха. Небо так ясно, день такой жаркий. На небо, впрочем, никто не смотрит; смотрели хоть бы под ноги-то. [Ф. Достоевский].

23 *После*: спешим, спешим — после когда-нибудь. Небо не уйдет. [Ф. Достоевский].

Варианты корректурных гранок (К)

Стр. 159.

23 мы / мы, по крайней мере

48 всякий знает / чуть не всякий знает

Стр. 160.

1 не только в вагонах / а даже в вагонах

1-2 а даже ∾ в руках / с билетом в руках

14-15 бессознательного лишь ощущения / бессознательного ощущения

15–16 а, право ∾ русским сердцам / а, право, непременно и всегда проносится, и должно проноситься, по всем образованным русским сердцам
28–30 У нас всякий ∾ хорошенько выпороть. / У нас, еще во чреве матери, всякий чувствует себя обиженным за то, что ему мало воздают чести. Всякий чувствует, что его стоит высечь, но никогда не сознается, что его и впрямь надо бы выпороть.

Стр. 162.

5 в тягость / в нестерпимую тягость
5 примут с радостью / с болезненным нетерпением ждут
13 напряженного молчания / страдальческого молчания
14 *После*: потуг — перед разговором
19 в некоторых наших джентльменах / у нас
20–21 в виде ∾ по этому поводу / в народившемся новом типе нашего джентльмена
21–22 самого ∾ джентльмена / самого прирожденного, прежнего, старинного джентльмена, но без малейшего нахальства
43 в первые мгновения / некоторое время
45–46 разумеется ∾ предосторожностями / разумеется, осторожно, разумеется, со всеми возможными предосторожностями

Стр. 163.

26 всей этой истории / этого дела
28 при имени Ф. / при слове Ф.
31 зависти в том / зависти и нимало не обижены тем

Стр. 164.

1 известное лицо / то самое лицо
17 о школьном вопросе / о школах

Стр. 165.

30–31 русские лгуны / наши лгуны

Стр. 166.

5 и не поняла / не поняла
6 и что дома / а что дома
10 настоящего / солидного
15–16 если уж очень / если
18 и чего ожидаете / и кто именно

ИНОСТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

(Стр. 180)

Варианты наборной рукописи (НР)

‹1›

Стр. 180.

11 *После*: Франции — конечно
22 графа Шамборского / Шамбора ◇
24 как за нечто радостное / как нечто радостное ◇
32 *После*: собиралось — *начато*: Национальное

36 более чем когда-нибудь / более чем прежде ◇
41 *После*: принимало — *начато*: ограничение
43 *После*: конечно — *начато*: на стороне
44 *После*: палаты. — *начато*: Теперь естестве‹нно›

Стр. 181.

4 *Фразы*: «Что же *теперь* еще остается сделать?» — *нет.*
6 будет насильственное / должно быть насильственное ◇
7–8 доказало соглашение двадцать четвертого мая / доказало двадцать четвертое мая
11–12 *Слов*: и, разумеется, всё враждебных одна другой — *нет.*
12 *После*: усилиться. — *начато*: Даже если
15 произвесть / *Начато*: сд‹елать›
17 Насильственный / Но насильственный
22 первыми было произведено / было произведено
24 нервное без меры / нервное
27–28 Теперь слишком очевидно, что союз 24 мая заключен / Очевидно, союз 24 мая
30 *Слова*: сейчас — *нет.*
31 *После*: Тьера. — Умные люди [по] из них, по крайней мере, наверно обо всем умолчали, [что] сговорившись обо всем том, что было, кроме Тьера.
32–33 кроме самых насущных ∾ не относящихся *вписано.*
33 к настоящему *делу* / к *делу*
33–34 слишком хорошо знали / знали
35 завтра же, если понадобится, вцепится / вцепится, если надо
39–40 во всю последнюю историю Франции *вписано.*
40 тогда, как и всегда / тогда
40–41 *Слов*: у легитимистов и клерикалов — *нет.*
43–44 народе, сельском ∾ началось / *Начато*: народе (сельском) и действительно н‹ачалось›
46–47 с наглостию, вредящею самой религии / с какою-то наглостию
47–48 искусственно вызывать / вызывать ◇

Стр. 182.

1 требовали / вы потребовали
4 немыслимо и дико / немыслимо
4–15 Они преглупо ∾ в своих силах. *вписано на обороте следующего листа рукописи.*
6 *После*: овации — *начато*: Тьеру и преслед‹овали›
11 хотя бы только для виду *вписано.*
14 *Слов*: или радостей — *нет.*
15 с непостижимою уверенностию / как в горячке и с непостижимою уверенностию
16 уже совершенно открыто / открыто
18 *После*: себе — *начато*: что
22 к престолу / к успеху
22 Эта династия / *Начато*: Орлеанские ‹*нрзб.*›
25 теперь на нее не согласится / на нее не согласится
26 иные / другие
26–28 *Фраза*: Орлеанская династия ∾ событиям. — *вписана.*
27 *Слов*: с ее мягкостью в правлении и разумным либерализмом — *нет.*
28 теперешним событиям / событиям
29–30 и обе партии, слившись, надеются на большинство в Национальном собрании. / и, по крайней мере, всем стало ясно, что главнейшие приверженцы обеих [партий] династий слились и готовы действовать дружно и вместе. Правда, они и теперь надеются на большинство в Собрании, считая, что за них, то есть за провозглашение короля,

будет верных 400 голосов в [Собра‹нии›] Национальном собрании. Но в голосах ли, полно, теперь дело (хотя и большинство голосов за короля теперь положительно невозможно. Это уже не свержение Тьера)? Дождутся ль они наконец [голосов] заседаний Собрания? Не прорвалась бы эта горячка раньше. . .◇

30 Но что такое / И что такое◇

34 или несут с собой смерть / или несущи смерть

34–35 всё равно в настоящем вопросе / всё равно

40 и знает о них *вписано.*

41 сильного правительства / силы

42 *После*: что — *начато*: если б возможен был еще Наполеон

42–43 был бы только этот несомненный авторитет / так что и из одной-то восьмой девять десятых наверно бы смирилось, увидя желаемое, [но в том] несомненный авторитет

43–44 и в несомненность авторитета графа Шамборского / *а.* в авторитет Шамбора *б.* в авторитет графа Шамборского◇

44–45 никто, кроме легитимистов, не может серьезно верить / никто не может поверить

47–48 да единственно / да и единственно◇

Стр. 183.

2–3 это легитимистское движение / движение настоящей минуты

4–5 каких-нибудь точных сведений / точных известий

5 Одним словом, агитаторы / Стало быть, они Мак-Магона презирают и

6 на одни свои силы / на свои силы

10 С графом Шамборским / С Шамбором

10–11 представителями монархических партий / представителями его партии *вписано.*

11–12 дело только в нем / дело в нем

12 О мнении нации / О мнении франц‹узов›

12 никто из них / никто

13–14 чистые легитимисты, по крайней мере / эта партия

15 вполне, исторически / вполне◇

18 стоит лишь / стоит

19 Франция тотчас же станет / Франция станет

22 войну с Италией / войну против Италии

30 Об огромности ума / Об уме

36 *После*: Париж — *начато*: пос‹ле›

39 *Фраза*: («Ничто не изменится ∾ больше») — *вписана на обороте предыдущего листа рукописи.*

Стр. 184.

4 не готова теперь к бою / не готова к бою

4 Такой / Это‹т›

7 векового своего титула / векового титула◇

9 *После*: идеею — *вписано*: романскою◇

11 ставшей наконец / ставшей

12 до того неотъемлемо / так неотъемлемо

13 германо-романского племени / романского племени

15–16 продолжала стоять / стояла◇

23–24 окончательного искоренения / искоренения◇

24 даже / уже

25 старого / древнего

33 и подробно доказывать / и доказывать

38 Он / *а.* Он *б.* Но он

41–42 столь дорогое ей трехцветное ее знамя / дорогое ей ее трехцветное знамя

43 выразился / сказал
44 был уже / был
45 капельку / немножко
46 сообразно теперешним обстоятельствам / сообразно обстоятельствам

Стр. 185.

1 не может указать / *а.* не видывал *б.* не может назвать
1–2 бывших в нашем веке во Франции / бывших в мире
2–3 какое ему дело / какое дело
3 Сомнения нет, что / Конечно ◇
8 в замке / в своем замке
10 собрание, с короной в руках / собрание придет к нему с короной в руках
13 на колени / на колена ◇
14 склонить колена / стать на колена
16 не начинали становиться / не становились ◇
17 в тиши Фрошдорфа / в тиши ночи
21 это лишь натурально / это натурально
21 *После*: натурально — *начато*: все ‹м?›
21 делает только честь / делает честь
22–23 другого Бурбона, его родственника, претендента испанского, Дон Карлоса / другому Бурбону, его родственнику, претенденту испанскому, Дон Карлосу ◇
25 Кто же / Что
26 другим фантастическим картинам / фантастическим картинам
27 в столь близком будущем / в близком будущем
29–30 *После*: прежде чем — опять
40 объявляли в газетах / объявляли газеты ◇
42 более его известным / более его известен
43 *После*: а — *начато*: тепер‹ь›
45–46 заранее волнующий / взволновавший ◇
47–48 все и забыли / все забыли ◇

Стр. 186.

4 становится / становится вдруг
5 уже почти / *а.* как мы уже сказали это, скоро *б.* *Начато*: всем из‹вестно›
6–7 с самого первого до самого последнего / с самого начала до самого последнего ◇
15–16 самое, впрочем, невольное / самое искреннее и самое невольное
18–19 для того только, чтоб избежать слова / для того, чтоб не сказать
21–22 *Фраза*: Ни разу ∾ маршал». — *вписана.*
21–23 наш умный маршал, наш дальновидный маршал / умный маршал, дальновидный маршал ◇
24 а стало быть *вписано.*
31 когда придет время / когда надо ◇
31 отберем / возьмем ◇
32 будет этому очень рад / *а.* будет рад *б.* будет этому только рад ◇
36 *После*: честен — *начато*: ниче‹го›
37 в настоящее мгновение / *а.* в [настоящую] настоящее историческое мгновение Европы *б.* в настоящее мгновение политической жизни Европы ◇
41 опять и откровенно / откровенно
42–43 важным, но не замеченным доселе / важным
44 может быть, в самом / даже в самом ◇

Стр. 187.

3–4 и таить про себя / переносить и таить про себя ◇
5 бессознательно / даже бессознательно

6 *Слов*: кто знает? — *нет.*

7–8 в том, что он и действительно довольно-таки умный маршал / что он действительно умный маршал◇ *вписано.*

9 то есть сейчас после 24 мая *вписано.*

9–10 *Слов*: он не мог очень высказаться — *нет.*

10 он только представлял / он представлял◇

12 кое-как двигаться / действовать

13 сильно двигаться / действовать

14 Фрошдорф / Шамбор

14–15 а затем явились уже совершенно обозленные / явились обозленные◇

17 *Слов*: не умеют, по обыкновению, но сильно ждут — *нет.*

19 Тогда честный / *Начато*: Чест‹ный›

19 встанет / возьмет встанет

22–23 Напротив, нам думается / Но нам именно мерещится◇

23 *После*: свой ум — *начато*: что он

24 *После*: выдумать — *начато*: и вы‹думает?›

25 графа Шамборского / Шамбора

26 По-нашему / *а. Начато*: О том *б.* Но

26–27 он даже именно поставлен / он [даже] поставлен именно◇

27–28 даже обязан / должен

28–29 очень остроумное и оригинальное / очень умное

29 не может ни за что / не может

29–32 под опасением ∾ и только. . . *вписано между строками и на обороте предыдущего листа рукописи.*

33 президента Франции / его◇

34 почтенного маршала / Мак-Магона◇

36 и без того перешли / перешли

36–37 указанные нам редакцией пределы нашей статьи / *а.* указанья нам редакции *б.* указанные нам пределы нашей статьи редакцией «Гражданина»

38 продолжать / продолжать теперь◇

40 Но кончая хронику / Теперь же, кончая хронику◇

40–41 чрезвычайно важную недавнюю телеграмму из Берлина / *а.* телеграмму о [пр‹*не закончено*›] короле *б.* [еще раз] одну чрезвычайно важную недавнюю телеграмму из Берлина◇

‹2›

Стр. 233.

25 *Выше заголовок*: Иностранные события

28 сообщает / гласит

‹3›

Стр. 235.

46 эта катастрофа / эта война◇

Стр. 236.

6 свой гений или сохранит его? *вписано.*

7 в таких истязаниях / в напрасных усилиях

7–8 какой-нибудь новой / новой

10 *После*: и — реаль ‹*не закончено*›

11 этими вопросами / этим вопросом

14 симпатичного человечеству гения / симпатичного гения

15 всего европейского человечества / всей Европы

‹4›

Стр. 237.

46 разъединенной / столь разъединенной◇

Стр. 238.

1 есть первое правило / первое слово
2 нечто такое *вписано.*
3–4 безмолвно согласны все ее партии / согласны все партии
5 ее сословия / сословия
5 *После*: знать — *начато*: род<ник>
9 может быть *вписано.*
11 Еще полтора месяца назад / Еще месяц назад
11 это правительство / оно
15 *После*: интригах — *начато*: до друг<ого>
17 однако, пропустить одну из последних телеграмм / *Начато*: не сообщить одну те<леграмму>

<5>

Стр. 243.

12 состоит теперь / теперь
14 без царства земного / без царств земных
16 с тою же целью / для того она◇
22 сколько / столько◇
24 не уступит и лучше / не уступит. Лучше
25–26 чем погибнуть светскому царству церкви *вписано.*
30 нет и не будет отныне / нет
33–34 нет ничего труднее / нет труднее
34 в будущем *вписано.*
38 любопытнейшего / любопытнейшего из любопытнейших
41 с черным народом / с народом
45 истекшего года / прошлого года
46 В ответе своем / В этом ответе

Стр. 244.

2 не признают они / не признают
9 иное и еще неизвестное / другое
10 Теперь иные надеются / Теперь надеются◇
12 знает, однако, что / но знает, что
12 но знает / и знает
18 на теперешнее положение римской церкви / на положение римской церкви в мире
20 то странное / это странное
22 Серьезно можно подумать / Можно думать
23 других / своих других◇
23 *После*: затруднений и — *начато*: вопрос ка<толический>
25 Странно / Иначе странно
29 бессильного жалкого монаха *вписано.*
31–34 К тому же ∾ и минуты неясным. / Кроме того, эти правители слишком ловки, чтобы наделать слишком грубых ошибок. Правда, политика «крови и железа», может быть [действительно грубая ошибка и свидетельствует лишь о немецкой гордости и заносчивости], не совсем тонка сама по себе; но возбуждать [в] среди индифферентизма религиозный фанатизм гонением церкви [ошибка еще грубейшая] было [более] бы ошибкою грубейшею [и таким образованным людям], что для таких образованных людей, как, например, граф Бисмарк, не [могли] могло бы [быть] оставаться и минуты [неясно] неясным. Кроме того, графу Бисмарку слишком известно: что такое социализм и будущие задачи его в Европе? ◇
34 Кроме того, действуя / Действуя же◇
37–38 *Слов*: и не одной католической, а и всякой христианской церкви, заодно — *нет.*
42–43 из того опять-таки и во всяком случае / опять-таки

43–44 такими глубокими гооударственными / государственными

45–46 *Фразы*: Иначе ∾ интересами. — *нет*.

Стр. 245.

2 здесь не возьмемся / не возьмемся

12–13 самого для себя желаемого *вписано*.

17 она, Германия, не может в Европе / Германия не может

20 западнокатолической / *Начато*: като‹лической›

21–25 *Фразы*: Что франко-прусская война ∾ встретиться. — *нет*.

25–26 Франция, уже 1000 лет / *а*. Франция *б*. Франция, 1000 лет

29 распадении его / распадении (Испания, Италия) ◇

29–30 *Слов*: в самом деле — *нет*.

30 *После*: идее его. — Не атеизм и индифферентизм населения есть враг католичества в теперешней многострадальной от революции Франции, а социализм. А что такое социализм, и не есть ли он в сущности продукт [запад‹*не закончено*›] цивилизации католической, столь не похожей на германскую цивилизацию крайнего европейского Запада? А, стало быть, разве невозможно примирение [этой идеи, хотя бы впоследствии уже по ‹*не закончено*›] социализма с католичеством хотя бы даже и не в столь ближайшем будущем? ◇

37 хотя бы лишь / *Начато*: ли‹шь›

39 *После*: Наполеон III) — и [до ошибок своих] даже Наполеон I)

41–42 Граф Бисмарк не может не предчувствовать / Почему же столь глубокому государственному человеку, как граф Бисмарк, не предчувствовать ◇

42–43 не помирится / не мирившаяся

43 в Европе / в политике

44–45 Почему не предвидеть ему *вписано*.

45 *Слова*: тоже — *нет*.

46 и могшая вдруг удивить / могла вдруг удивить

Стр. 246.

3 ему / теперь германским правителям

3–4 дело с этой Францией, стало быть, далеко еще не кончено / дело с Францией далеко не кончено

5 что еще раз спор / что спор

8 А что / И что ◇

8 *После*: будет — *вписано и зачеркнуто*: непр‹еменно›

9 *После*: цивилизаций — *начато*: то почему

10 не предполагать ему / не предположить ◇

12–13 на католической и отрицающей ее протестантской точке / католической и отрицающей ее протестантской ◇

14 столь длинной идеи / столь длинную идею ◇

17 продолжает / еще продолжает ◇

17 и / или ◇

19 *Слов*: но смотрит он зорко — *нет*.

20 из самых последних / из последних

24 Два французских епископа / *а*. Некто *б*. Два епископа ◇

27 важного *вписано*.

27 два какие-то попа / два каких-то архиерея ◇

27 провозгласили / сказали

‹6›

Стр. 247.

22–23 по меньшей мере ∾ официальный). / хоть и идут из частного органа, но никакого сомнения нет, что имеют характер официозный, — такие слова в такой обстановке удивительны! ◇

24 утверждать / сказать◇
25 *После*: почве. — Да и угроза войной весьма характерна [для начала года], хотя бы шла и из частного органа.◇
29 переворота во Франции / переворота
31-32 событиях во Франции / событиях
35 Всего же любопытнее / *Начато*: *а.* Но известны послед‹ние?› *б.* Но
37 соседние испанские города / соседние города

ИЗ ДАЧНЫХ ПРОГУЛОК КУЗЬМЫ ПРУТКОВА И ЕГО ДРУГА

(Стр. 248)

Варианты наборной рукописи (НР)

Стр. 248.

17 с зелеными влажными волосами / в зеленых влажных волосах◇
27 своих наиболее взросших дочерей / своих взрослых дочерей◇
31 недоумение / даже недоумение◇
34-39 Некоторые ∾ без малейшей одежды. *вписано рукою В. Ф. Пуцыковича.*
35 выразили / уже выразили◇
35 это будто бы какой-то Пьер Бобо / это не более не менее, как господин Боборыкин◇
37 Пьер Бобо / господин Боборыкин◇

Стр. 249.

11 дипломатов / политиков
13-14 жаждущему мира / и бывшему горному полковнику, жаждущему мира◇
17 телодвижения / *а.* какие угодно телодвижения *б.* такие телодвижения
24 сидел в воде / залез в воду◇
31 можно было бы / можно было◇
36 не будет / нет◇

Стр. 250.

1 очень тонок и чрезвычайно оригинален / *а.* очень оригинален и замечательно тонок *б.* очень оригинален
20 и шутом Балакиревым *вписано.*
20 Всё это привезено было / Он привезен был◇
21 Тритон же в кадке с карлсруйской водой / в кадке с карлсруйской водой◇
23 стихию / стихию, то есть воду◇
25 так дорого заплатили / так дорого было заплачено
32 г-да Сеченов, Менделеев, Бекетов, Бутлеров / *а. Как в тексте.* *б.* г-да С., М., Б., Б.◇
33 вышеупомянутые / вышеупомянутые мною◇
35-36 *Слов*: на всякий случай отрицая явление — *нет.*
36-37 один ∾ зоологии / *а.* профессор зоологии Вагнер *б.* один ученый профессор зоологии◇
39-40 зоология и свет / зоология, свет и «Свет». *К слову*: «Свет» — *подстрочное примечание*: Журнал, издаваемый профессором.◇
40-41 отвечали ∾ немогузнаньем / мало что могли сообщить нашему зоологу◇

Стр. 250—251.

46-1 выкрикивая ∾ сакарцу дам!» *вписано.*

Стр. 251.

8 где-нибудь / там где-нибудь
10 *Фразы*: Да-с, Россию-таки ∾ в Европе! — *нет.*
18-19 новою, жаждущею вопросов грудью / новою, обновленною грудью ◇

ПРИМЕЧАНИЯ

В двадцать первый том Полного собрания сочинений вошли статьи и заметки из журнала «Гражданин». Достоевский был его редактором с января 1873 по апрель 1874 г. и эпизодически сотрудничал в нем позднее. Центральное место в томе занимает «Дневник писателя» за 1873 г., публиковавшийся отдельными главами в «Гражданине» и представлявший своего рода «журнал в журнале», автономный по отношению к остальному наполнению еженедельника. Далее публикуются очерки, статьи и фельетоны 1873—1878 гг. и политические обзоры Достоевского, печатавшиеся в журнале под общим названием «Иностранные события», а также отрывки из трех записных тетрадей 1872—1875 гг., связанные по содержанию с публицистикой Достоевского и его работой в «Гражданине». Анонимные статьи из «Гражданина», которые могут быть с той или другой степенью вероятности приписаны Достоевскому, но в отношении которых авторство его остается спорным, будут опубликованы в разделе «Dubia» в томе, завершающем издание публицистики. В разделе «Приложение» собраны редакционные заметки и примечания из «Гражданина» периода редакторства Достоевского. Воспроизведены в томе также подготовительные материалы к «Дневнику писателя» и некоторым другим публицистическим произведениям Достоевского.

Со времени прекращения в 1865 г. журнала «Эпоха» до прихода в «Гражданин» в 1873 г. Достоевский не напечатал ни одной статьи. Нам известен лишь один его мемуарно-публицистический замысел этих лет — очерк «Знакомство мое с Белинским», написанный в 1867 г. в Женеве для литературного сборника «Чаша», который намеревался издать в Петербурге К. И. Бабиков. Отправленный в сентябре 1867 г. Майкову и переданный им книгоиздателю А. Ф. Базунову, очерк этот затерялся вместе с другими материалами несостоявшегося сборника и до нас не дошел (см. о нем в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 15 (27) сентября 1867 г.; ср.: *Биография*, стр. 295; *Описание*, стр. 335). Содержание этого очерка позволяют до некоторой степени реконструировать письма Достоевского 1867—1868 гг., сентябрьские записи из его записной книжки 1872 г., печатаемые в настоящем томе, а также статья «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. Названные записи свидетельствуют о том, что к 1872 г. у Достоевского остро назрела потребность вернуться к работе публициста, чем и было вызвано его согласие взять на себя редакторство «Гражданина». Вместе с тем они составляют существенное звено в истории формирования замысла «Дневника писателя» на пути от проекта «Записной книги» 1860-х годов к «Гражданину».

«Гражданин», «газета-журнал политики и литературы», был основан в январе 1872 г. князем В. П. Мещерским (1839—1914) и издавался им (с перерывом в 1878—1881 гг.) до 1914 г. В период редакторства Достоевского «Гражданин» выходил один раз в неделю, по понедельникам.

Издатель «Гражданина» происходил из старинного аристократического рода; он по материнской линии был внуком Н. М. Карамзина и был лично близок к наследнику (будущему Александру III). Мещерский выступал как автор романов из великосветской жизни Петербурга, писал также для театра. После смерти Достоевского, при Александре III и Николае II, он продолжал действовать как крайне правый публицист.

Уже к 1870-м годам Мещерский самоопределился как идеолог контрреформ и как противник изменения существующего самодержавного строя. В либеральной печати его прозвали «князем Точкой», так как в одной из первых статей в своем журнале он потребовал «поставить точку» всем реформам в России. Целью «Гражданина» он считал, по собственному позднейшему признанию, борьбу против «вредного действия печати на молодежь и общество вообще» и характеризовал его как «орган консервативный в защиту церковного авторитета, самодержавия и в обличение всех увлечений либерализмом» (*Мещерский*, *Мои воспоминания*, ч. 2, стр. 158).

Тем не менее, задумывая «Гражданина» как дворянско-охранительный, реакционный орган, Мещерский понимал, что программа издателя и его имя не могли обеспечить изданию особой популярности. Поэтому в качестве первого редактора «Гражданина» он пригласил в 1872 г. либерального публициста Г. К. Градовского (1842—1915). Однако уже к концу первого года издания Градовский отказался вести «Гражданин» совместно с Мещерским, потребовав от издателя передать ему журнал полностью и заявив, что в противном случае он отказывается от редакторства.

Уход Градовского поставил Мещерского, по собственному его признанию, в «критическое положение» (там же, стр. 175). Для успешного продолжения «Гражданина» был нужен редактор, чье имя восстановило бы в глазах публики авторитет журнала, который и из-за одиозности имени издателя, и из-за крайне беспорядочного выхода в первый год издания был очень непопулярен (к концу года у журнала было всего 1000 подписчиков). Это и побудило Мещерского пригласить Достоевского на пост редактора «Гражданина».

Знакомство писателя с Мещерским и редакционным кружком «Гражданина» относится к 1872 г. Как свидетельствуют воспоминания Мещерского, он, уже приступая к изданию журнала, был, вероятно, весьма заинтересован в сотрудничестве Достоевского, хотя форма участия писателя в «Гражданине» определилась не сразу. Первоначально Достоевский, по-видимому, выступил инициатором издания в качестве приложения к «Гражданину» альманаха, в котором собирался поместить задуманный им «Дневник литератора». Во всяком случае 10 сентября 1872 г. он записал в тетради: «Страхову сообщил идею об альманахе». 30 октября в «Гражданине» было помещено объявление о намерении редакции выпустить в 1873 г. альманах, составленный из «лучших, оригинальных беллетристических произведений», при участии Достоевского (*Гр*, 1872, № 26, стр. 288). Осенью 1872 г. Мещерский настойчиво начал вовлекать Достоевского в редакционную работу.

А. Н. Майков писал Н. Н. Страхову 12 декабря 1872 г.: «Мещерский назначил по вторникам обеды у себя для Федора Михайловича, Филиппова и меня; вы должны бы были замыкать квинтет, если бы были налицо. Цель — после обеда прослушать готовящуюся для следующего номера его статью и ругать ее до тех пор, пока он ее не выработает» (*ЛН*, т. 86, стр. 420). Поскольку в письме далее идет речь о статье Мещерского, напечатанной в «Гражданине» 4 декабря 1872 г. и переделывавшейся, по словам Майкова, «три раза», то можно предположительно считать, что Достоевский присутствовал на этих «обедах» с середины ноября. По-видимому, вопрос об ответственном редакторе журнала обсуждался на обедах неоднократно, ибо, как вспоминал Г. К. Градовский уже осенью 1872 г., он решительно «предложил кн. Мещерскому или передать мне вполне право на „Гражданина“, или освободить меня от выполнения заключенного нами на два года контракта. Переговоры по этому поводу длились до конца года, когда Ф. М. Достоевский согласился занять мое место» (Публицист-гражданин. Литературный сборник. Пг., 1916, стр. 7). Вопрос о редакторстве Достоевского решился 15 декабря 1872 г. А. Н. Майков 17 декабря приписал к письму от 12 декабря: «Градовский вышел из редакции „Гражданина“. Место его занимает Ф. М. Достоевский» (*ЛН*, т. 86, стр. 420). По свидетельству Страхова, Достоевский «принял на себя редакторство впопыхах, не подумавши, а мысль об этом подал Майков» (*РВ*, 1901, № 1, стр. 130). Согласно же рассказу В. П. Мещерского (как и все его воспоминания о писателе, рассказ этот требует к себе критического отношения), «в одну из сред, когда за чашкою чая мы говорили об этом вопросе <. . .> Ф. М. Достоевский обратился ко мне и говорит мне: хотите, я пойду в редакторы? В первый миг мы подумали, что он шутит, но затем явилась минута серьезной радости, ибо оказалось, что Достоевский решился на это из сочувствия к цели издания <. . .> и потому сказал мне, что он желает для себя только самого нужного гонорара, как средств к жизни, сам назначив 3000 рублей в год и построчную плату» (*Мещерский, Мои воспоминания*, ч. 2, стр. 175—176).

16 декабря В. П. Мещерский, Г. К. Градовский и Ф. М. Достоевский обратились в Главное управление по делам печати с совместным заявлением, датированным 15 декабря, в котором просили утвердить Достоевского ответственным редактором «Гражданина» взамен Градовского.[1] К заявлению была приложена «подписка» Достоевского от 15 декабря: «Даю сию подписку в том, что в случае утверждения меня редактором журнала „Гражданин“ я, Федор Михайлович Достоевский, принимаю на себя все обязательства по сему изданию в качестве ответственного редактора».

Несмотря на то что политические убеждения Достоевского после «Бесов» не должны были, казалось бы, вызывать тревоги у властей, он продолжал находиться под негласным надзором полиции (снятым только в 1875 г.). Поэтому III Отделение, куда 16 декабря 1872 г. обратился В. П. Мещерский за разрешением передать редактуру «Гражданина» До-

---

[1] Материалы, относящиеся к деятельности Ф. М. Достоевского как редактора «Гражданина», хранятся в фонде Главного управления по делам печати *ЦГИА СССР* (ф. 776, оп. 5, № 95, ч. 1); опубликованы в 1921 г. Ю. Г. Оксманом (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 63—82).

стоевскому, ответило, что оно «не принимает на себя ответственности за будущую деятельность этого лица в звании редактора» (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 67), хотя и разрешило доверить Достоевскому это звание. Однако Мещерский, как и весь круг людей, близких к редакции «Гражданина», полагал, что «Достоевский как романист совершенно искупил то, чем был он как политический преступник в 1848 г.» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 599), и 20 декабря 1872 г. Главное управление по делам печати известило С.-Петербургский цензурный комитет, что по ходатайству Мещерского Достоевский утвержден ответственным редактором «Гражданина»; «свидетельство» об этом Достоевский получил 31 декабря (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 68). В последнем номере «Гражданина» за 1872 г. появилось крупным шрифтом объявление (на обычном месте передовой статьи): «С 1 января 1873 года редактором журнала „Гражданин“ будет Ф. М. Достоевский».

Предложение Мещерского взять на себя редактуру еженедельника «Гражданин» показалось Достоевскому в конце 1872 г. заманчивым; «. . .около редакции нового журнала объединилась группа лиц одинаковых мыслей и убеждений, — пишет А. Г. Достоевская. — Некоторые из них: К. П. Победоносцев, А. Н. Майков, Т. И. Филиппов, Н. Н. Страхов, А. У. Порецкий, Евг. А. Белов — были симпатичны Федору Михайловичу, и работать с ними представлялось ему привлекательным. Не меньшую привлекательность составляла для мужа возможность чаще делиться с читателями теми надеждами и сомнениями, которые назревали в его уме. На страницах „Гражданина“ могла осуществиться и идея „Дневника писателя“, хотя и не в той внешней форме, которая была придана ему впоследствии» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 244).

Решение взять на себя редактирование «Гражданина» не означало, что Достоевский собирался заняться только журнальной работой: согласившись на уговоры Мещерского, он «не скрывал ‹. . .› что берет на себя эти обязанности временно, в виде отдыха от художественной работы и ради возможности ближе ознакомиться с текущей действительностью, но что когда потребность поэтического творчества в нем вновь возникнет, он оставит столь несвойственную его характеру деятельность» (там же, стр. 245).

Достоевский принял предложение Мещерского, по всей вероятности, потому, что стремился высказаться публицистически по широкому кругу вопросов русской жизни, в том числе тех, которые получили разнообразное отражение в критических отзывах о «Бесах» (см.: наст. изд., т. XII, стр. 257—266). Одно время Достоевский предполагал приложить к «Бесам» полемическое послесловие «О том, кто здоров и кто сумасшедший. Ответ критикам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 308). Но возможность вернуться к полемике с критиками романа была, конечно, не единственной причиной, побудившей его стать редактором «Гражданина». Достоевский хотел изложить на страницах журнала свои основные философско-исторические идеи, при помощи которых он пытался осмыслить момент, переживаемый страной, объяснить состояние умов, предсказать грядущее общественное развитие России и Европы.

В письме к М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г. Достоевский так объяснял мотивы, побудившие его согласиться на редакторство: «. . .мно-

гое надо сказать, для чего и к журналу примкнул. . .». В том же письме к Погодину Достоевский дал яркую характеристику своей редакционной работы в «Гражданине» и своего внутреннего состояния в это время: «Секретаря у нас нет ‹. . .› Перечитывать статьи берет огромное время и расстраивает мое здоровье, ибо чувствую, что отнято время от настоящего занятия. Затем, имея статью и решив напечатать — переправлять ее с начала до конца, что зачастую приходится ‹. . .› А главная горечь моя — бездна тем, о которых хотелось бы самому писать. Думаю и компоную я статью нервно, до болезни; принимаюсь писать и, о ужас, в четверг замечаю, что не смогу кончить. Между тем отрезать ничего не хочу. И вот бросаю начатое и поскорей, чтоб поспеть ‹. . .› нередко в четверг ночью схватываюсь за новую какую-нибудь статью и пишу, чтоб поспеть в сутки, ибо в пятницу ночью у нас прием статей кончается. Всё это действует на меня, повторяю, болезненно ‹. . .› С другой стороны, роятся в голове и слагаются в сердце образы повестей и романов. Задумываю их, записываю, каждый день прибавляю новые черты к записанному плану и тут же вижу, что всё время мое занято журналом, что писать я уже не могу больше, — и прихожу в раскаяние и отчаяние. . .»

О работе Достоевского в «Гражданине», ее внешних условиях, круге редакторских обязанностей писателя, его столкновениях с цензурными инстанциями, о настроениях и идеологической позиции Достоевского в этот период рассказывают воспоминания корректора журнала В. В. Тимофеевой (О. Починковской) и метранпажа М. А. Александрова (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 122—181; 213—233).

Ряд свидетельств о настроениях Достоевского-редактора мы встречаем также в письмах Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому и Н. Я. Данилевскому. Так, 15 марта 1873 г. Страхов пишет Толстому о Достоевском: «„Гражданин“, в котором он редакторствует, очень его волнует, терзает, раздражает» (*Толстовский музей*, стр. 27). А Н. Я. Данилевскому в июне того же 1873 г. сообщает: «Мещерский тоже уехал ‹. . .› Достоевский один заправляет делом, и, кажется, много ему выпадет на долю неприятностей. Охота была соваться в такое дело!» (*РВ*, 1901, № 1, стр. 130).

До марта вся тяжесть редакционной работы падала на одного Достоевского. Лишь с этого времени на пост секретаря редакции был приглашен В. Ф. Пуцыкович, впоследствии его преемник по редакторству.

Из известных писателей и видных деятелей русской культуры в «Гражданине» в 1873—1874 гг. участвовали А. Ф. Писемский, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков, А. Н. Апухтин, Н. С. Кохановская (Соханская), Вас. И. Немирович-Данченко, Е. А. Салиас, П. И. Чайковский.

«Гражданин» издавался без предварительной цензуры. Это не избавило Достоевского от столкновений с цензурным ведомством уже в первые дни его редакторства. В заметке «Киргизские депутаты в С.-Петербурге», где сообщалось о приеме киргизских депутатов Александром II, рассказывалось о комическом недоразумении на этом приеме: «Старший из депутатов Султан-Магомет—Султан киргиз начал произносить речь, которая была им самим от имени всего народа составлена; произнес первоначально твердо и правильно: „Ваше императорское величество“ — но на этих словах, когда государь возразил: „А ты говоришь по-русски?“ — Магомет до того перекон-

фузилея, что далее мог произнести тихо только несколько слов по-киргизски из приготовленной благодарственной речи и потом положительно онемел» (*Гр*, 1873, 29 января, № 5, стр. 153—154). Заметка эта, по неосведомленности Достоевского, явилась нарушением высочайшего повеления от 28 апреля 1870 г., согласно которому «статьи и сочинения, оригинальные и переводные, в коих описываются личные действия или излагаются изустные выражения государя императора и особ императорской фамилии или же приводятся обращенные к ним речи, могут быть печатаемы не иначе, как с разрешения министра императорского двора» (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 71). Петербургский цензурный комитет запросил 30 января 1873 г. редакцию «Гражданина», имеется ли у нее подобное разрешение, и, убедившись в том, что такого разрешения нет, обратился 7 февраля 1873 г. в Петербургский окружной суд с просьбой о «возбуждении судебного преследования <. . .> против редакции журнала „Гражданин", в лице редактора, отставного поручика Федора Михайловича Достоевского» (там же). 26 мая 1873 г. Достоевский получил приглашение явиться в Окружной суд, а 11 июня 1873 г. состоялся самый суд. На нем Достоевский себя виновным не признал и был приговорен к штрафу в 25 рублей и к двухдневному аресту на военной гауптвахте (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 211). В письме к А. Г. Достоевской от 12 июня 1873 г. Достоевский сообщал: «Вчера утром меня судили <. . .> но окончательный приговор скажут лишь 25 июня». 26 июня Достоевский писал жене о новой отсрочке: «Вчера встал в 8 часов утра, чтоб итти в суд выслушать окончательный приговор. Но председатель суда сказал мне, что можно и не ждать приговора, а на вопрос мой, когда исполнение, он объявил, что еще 2 недели должен быть срок для кассации. Итак, еще 2 недели я свободен, а там на 3-ю неделю арестуют».

2 июля 1873 г. Достоевский получил от В. П. Мещерского письмо, в котором последний, по словам Достоевского, «просит у меня извинения, что я за него просижу (это, наверно, Филиппов ему передал, которому я передал в свою очередь, что Мещерский слишком небрежно обращается со мною, не изъявив даже сожаления, что я буду сидеть за него)». Благодаря содействию А. Ф. Кони, тогда прокурора Окружного суда, исполнение приговора было отсрочено до весны 1874 г. Тюремное заключение Достоевский отбывал на гауптвахте (на Сенной площади) 21 и 22 марта 1874 г., где его посещали А. Н. Майков и Вс. С. Соловьев.

Пока исполнение приговора за первый промах Достоевского было отложено, «Гражданин» постигла новая цензурная кара; на основании рапорта цензора А. Юферова Петербургский цензурный комитет нашел, что в статье Сол—ского «О голоде» (*Гр*, 1873, 15 октября, № 42, стр. 1112—1114) высказываются упреки правительству, в частности говорится, что «наше правительство <. . .> не делает никаких официальных заявлений по поводу голода в Самарской губернии и допускает, что вопрос об устранении голода разрешается путем общественной благотворительности, а не путем государственной или земской помощи <. . .> Сетуя на отсутствие у нас *центрального* земства и на неудобство говорить о нем, автор статьи тем не менее полагал бы, что правительству надлежит позаботиться об учреждении какого-либо совещательного органа, с допущением в него представителей земства . . .» (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 74). На этом основании комитет обратился 15 ок-

тября 1873 г. в Главное управление по делам печати, начальник которого 18 октября нашел необходимым запретить розничную продажу «Гражданина» в Петербурге; 26 октября она была запрещена и в Москве (там же, стр. 73). Запрещение розничной продажи существенно отразилось на финансовом состоянии журнала. 11 ноября 1873 г. Достоевский обратился с письмом к М. Н. Логинову, начальнику Главного управления по делам печати, с письмом, в котором просил его ходатайствовать перед министерством внутренних дел об отмене запрещения, сделанного «на основании ‹. . .› выражений ‹. . .› которые противоречат всему его («Гражданина», — *Ред.*) направлению». Однако ходатайство это было Советом Главного управления по делам печати отклонено 13 ноября 1873 г. И только 5 декабря запрет розничной продажи был отменен (там же, стр. 73).

Но и после этого цензура препятствовала печатанию сколько-нибудь независимых по взглядам статей о голоде, и Достоевскому как редактору часто приходилось отказываться от помещения выступлений даже вполне благонадежных публицистов. Так, 4 января 1874 г. Достоевский сообщил О. Ф. Миллеру: «Меня как редактора призывали на днях в Цензурный комитет и внушали, что про голод хотя и можно писать и печатать сообщенные факты, но без тенденциозности в известную сторону и чтоб не было „алярмирующего“. Об этом внушении сообщаю Вам секретно. Но перечтя Вашу статью, печатать ее боюсь. К тому же во всяком случае придется опять кое-что из статьи выкинуть. Что ж из нее останется?» В ответ Достоевский получил от Миллера письмо, которое дает представление о тех дополнительных трудностях, с которыми приходилось сталкиваться Достоевскому как редактору, вынужденному считаться с цензурой: «Да, я был очень глуп, что положился на Ваше согласие напечатать мою статью и рассказывал уже кое-где, что „Гражданин“ пристыдит этих наших „либералов“! О приглашении редакторов „туда“ я знал, но оно было *ранее* данного Вами обещания. Я только даром потерял время — а статья именно такова, что откладывать ее напечатание всё равно, что совсем не печатать: не после же голода, в самом деле, взывать о пожертвованиях! Так пусть жители мрут как мухи — а мы здесь — все до единого, всяких оттенков — будем робеть перед каждым цензурным внушением. О доблестная отечественная печать» (*ГБЛ*, ф. 93. II.6.85).

В январе же Петербургский цензурный комитет потребовал от редакции «Гражданина» сообщить, есть ли у нее разрешение министра двора на напечатание во втором номере журнала за 1874 г. статьи «Великая княгиня Мария Александровна», а также «известия о высочайших особах, изложенного в „Петербургском обозрении“» (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 76). Достоевскому грозил новый судебный процесс. Но докладная записка, в которой объяснялось, что все сведения были взяты из официальных источников или иностранных газет, удовлетворила цензурные инстанции, и репрессий против журнала не последовало. Более опасные последствия имела публикация статьи «Два слова по поводу мнения князя Бисмарка о русских немцах» (*Гр*, 1874, 11 марта, № 10, стр. 277—279). «Мнение» Бисмарка, которое приводилось в этой статье, касалось прибалтийских немцев. Бисмарк сказал, что обрусевший немец «никуда не годен, лишаясь добродетелей немца и заражаясь всеми пороками русских» (там же, стр. 278). По-видимому, «Два слова. . .» вызвали неудовольствие самого царя, ибо не цензурное

ведомство, а непосредственно министерство внутренних дел объявило 12 марта 1874 г. «Гражданину» первое предупреждение за «высказанные в самых резких выражениях совершенно превратные суждения, клонящиеся к возбуждению вражды против одной из частей населения империи» (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 78—79). В связи с этой правительственной мерой находится, по-видимому, окончательное решение Достоевского отказаться от уже давно тяготившей его редакторской работы в «Гражданине». Впрочем, еще 22 февраля хорошо осведомленный Страхов под секретом сообщал Толстому, что Достоевский откажется от «Гражданина» в половине марта (*Толстовский музей*, стр. 43).

19 марта 1874 г. Достоевский обратился в Главное управление по делам печати с просьбой по случаю его болезни «разрешить <. . .> Виктору Феофиловичу Пуцыковичу принять на себя, на шесть месяцев, звание ответственного редактора <. . .> журнала „Гражданин“». 20 апреля Пуцыкович был утвержден ответственным редактором (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 225). 22 апреля появилось сообщение о перемене редактора: «Ф. М. Достоевский, по расстроенному здоровью, принужден, не оставляя по возможности своего постоянного участия в „Гражданине“, сложить с себя обязанности редактора журнала» (*Гр*, 1874, № 16, стр. 445). 24 апреля Достоевский передал Пуцыковичу редакторские права (*Творчество Достоевского, 1921*, стр. 81).

В своих воспоминаниях Мещерский обрисовал Достоевского периода работы его в «Гражданине» как «грандиозную фигуру» законченного, «цельного и полного консерватора» (*Мещерский, Мои воспоминания*, ч. 2, стр. 179). Таким Мещерский хотел видеть Достоевского — однако на деле и в эти годы духовный облик писателя был значительно более сложным. Не случайно свой «Дневник писателя» в «Гражданине» Достоевский начал с воспоминаний о «старых людях» — Белинском и Герцене, а в дальнейшем посвятил специальные его статьи опровержению взгляда на себя как на врага Чернышевского и автора литературного памфлета о нем, разбору некрасовского «Власа», исторической оценке петрашевцев и воспоминаниям о своем осуждении по их делу. Тем самым Достоевский протягивал нить от 1870-х годов к 1840-м и 1860-м. Стремясь широко отразить на страницах редактируемого им издания всю совокупность глубоких и сложных вопросов русской жизни, ее различных идейных традиций, Достоевский безуспешно пытался поднять орган Мещерского на высоту, недоступную издателю «Гражданина» и его окружению. Разочарование Достоевского в Мещерском и уход его из «Гражданина» явились результатом неизбежного краха этой попытки, основанной на иллюзорной вере писателя в возможность найти в охранительном лагере опору для своих глубоко демократических в конечном счете — при всей их крайней исторической противоречивости — чаяний и идеалов.

Мещерский характеризовал Достоевского в тех же воспоминаниях как «врага современного женского вопроса» (там же, стр. 180). Печатаемое в настоящем томе, впервые включенное в собрание сочинений писателя редакторское его предисловие к статье «Ответ женщины на призыв „Гражданина“ „К делу!“» свидетельствует о том, что в этом вопросе, как и в большинстве других, позиция Достоевского коренным образом отличалась от антидемократической позиции издателя «Гражданина», охранителя сословности и незыблемой святости аристократических семейных «устоев»,

У нас нет возможности вполне точно судить о том, как были определены обязанности и права редактора, когда Достоевский принял от Градовского редакционный портфель «Гражданина», но, по словам М. А. Александрова, метранпажа типографии, где печатался журнал, «у журнала очутилось двое хозяев, или, вернее, ни одного хозяина при двух распорядителях-редакторах — неофициальном (Мещерском, — *Ред.*) и официальном, Ф. М. Достоевском, у которых хотя и была одна и та же задача, но каждый употреблял для ее разрешения различные средства, вследствие чего соглашение между ними достигалось с большим трудом <. . .> имеется, например, между прочим материалом данная статья: один одобряет ее, другой бракует!» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 225). Как видно из воспоминаний Александрова, Достоевский невысоко ценил талант Мещерского и резко критически отзывался о его романах, как и о произведениях постоянно печатавшегося в «Гражданине» Вас. И. Немировича-Данченко (см. там же, стр. 249—251).

Сначала «Федора Михайловича очень заинтересовала и новизна его редакторских обязанностей, и та масса самых разнообразных типов, с которыми ему приходилось встречаться в редакции» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 251). Но уже в конце января 1873 г. Достоевский писал С. А. Ивановой: «. . .я только кляну себя за решимость, с которою внезапно взвалил на себя редакторство журнала». В дальнейшем, несмотря на осложнения, связанные с наличием у журнала двух хозяев, редакторская работа и авторское участие Достоевского на какое-то время приняли более налаженные формы. Мещерский отдавал должное литературному таланту и опыту Достоевского и в ряде случаев, как видно из его писем к писателю, принимал его редакторскую правку.

Однако в начале ноября 1873 г. между издателем и редактором «Гражданина» возник спор по поводу написанного Мещерским «Ответа» «С.-Петербургским ведомостям». Не одобрив тона этого ответа, Достоевский писал Мещерскому в начале ноября: «Любезнейший князь, Ваш ответ „С.-П<етербургским> ведомостям" очень мило и дельно написан, но резок, заносчив (хочет ссоры) и, может быть, тон не тот. Вместо насмешливого тона не лучше ли спокойный, ясный? Я именно так думаю: больше будет достоинства. А потому и посылаю Вам мой ответ. Тут включено кой-что из Вашего. Но я мог наделать ошибок; а потому просмотрите, пожалуйста. Я очень бы желал, чтоб Вы согласились на мою редакцию. Если найдете нужным — поправьте ради бога». Прочитав, как обычно, уже в корректуре, статью, переделанную Мещерским по его совету, Достоевский потребовал в ней дополнительных изменений. В частности, возмущение Достоевского вызвало одобрение Мещерским полицейского надзора над студенчеством: «. . .7 строк о надзоре, или, как Вы выражаетесь, *о труде* надзора правительства, — писал ему в связи с этим Достоевский, — я выкинул радикально. У меня есть репутация литератора и, сверх того, дети. *Губить себя* я не намерен. Кроме того, Ваша мысль глубоко противна моим убеждениям и волнует сердце».

Мещерский вынужден был принять требование Достоевского, о чем сообщил ему письмом: «Спешу Вас уведомить, милейший Федор Михайлович, что я фразы о надзоре и о „Петербургских ведомостях" изменил». Однако тут же он писал о своем несогласии с Достоевским по существу: «Но мысли

главной никаким образом выкинуть не могу ни в том, ни в другом. Полагаю что Вы не того мнения, что студенты должны быть *вне* надзора, главное, чтобы надзор был открытый!» (*Д*, *Письма*, т. III, стр. 315).

В «Гражданине» Мещерского активно участвовал К. П. Победоносцев, который издавна был с ним дружен и от которого Мещерский, по собственному выражению, «получать мог цензуру мысли» (*Мещерский*, *Мои воспоминания*, ч. 2, стр. 165). В то время Победоносцев уже был заметной фигурой — сенатором, членом Государственного совета. Взгляды Достоевского, заявленные в «Бесах», его выступления против «европействующих» течений русской мысли, его славянофильские «почвеннические» взгляды Победоносцев стремился использовать в своих целях — укрепления монархической России и восстановления допетровской церковности. Победоносцев был автором многих статей, печатавшихся в «Гражданине» в 1873—1874 гг., — таких, например, как «Борьба с церковью в Германии» (*Гр*, 1873, 20 августа, № 34, стр. 915), «Церковные дела в Германии» (*Гр*, 1873, 17 декабря, № 51, стр. 1367), очерков об Испании, передовых статей и т. д. Все эти статьи появлялись либо без подписи, либо подписывались «Z. Z.», «***», «В.».[1] В случаях, когда Победоносцев хотел совершенно скрыть свое авторство, он требовал особенно тщательной конспирации: так, при посылке статьи «Съезд юристов в Москве» он писал Достоевскому: «Прошу соблюсти величайшее молчание относительно автора» (*ЛН*, т. 15, стр. 127). И Достоевский, прежде чем начать редакционную работу над статьей, отдал ее переписать, чтобы наборщики не узнали знакомого им почерка.

Сотрудничество в «Гражданине» в 1873—1874 гг. было для Победоносцева несомненно важно не только само по себе, но и как форма сближения с Достоевским, которая создавала много возможностей для воздействия на писателя. После смерти Достоевского, 30 января 1881 г., Победоносцев вспоминал в своем письме к И. С. Аксакову: «Нас сблизило его редакторство в „Гражданине“, тогда, из участия к его отчаянному положению, я целое лето работал с ним вместе, и мы весьма сошлись» (*НВр*, 1909, № 12118).

Достоевский-редактор не всегда был согласен с политическими прогнозами и суждениями Победоносцева. Так, например, в статье «Франция. Взгляд на теперешнее ее состояние» (*Гр*, 1873, 27 августа, № 35, стр. 939—942) Победоносцев предполагал, что во Франции будет восстановлена власть Бурбонов и ее королем станет претендент граф Шамбор. Достоевский же в своих обзорах с самого начала отнесся скептически к Шамбору и попыткам восстановления монархии во Франции — и, как мы знаем, оказался прав.

Достоевскому-редактору не принадлежал решающий голос при отборе статей и материалов, это право сохранил за собой Мещерский, что также способствовало нарастанию расхождений писателя с издателем и редакционным кружком «Гражданина». Записная тетрадь Достоевского содержит ряд замечаний, из которых становится очевидным, что мнения его по многим сущест-

---

[1] Комментируя письма Достоевского, А. С. Долинин утверждал, что «инициалами Z. Z. пользовался чаще всего Т. И. Филиппов», и приписывал ему, в частности, статью «Церковные дела в Германии» из № 51 «Гражданина» (*Д*, *Письма*, т. III, стр. 318). Но и Победоносцев часто подписывал свои статьи сходными знаками (так, например, упоминаемая ниже статья «Съезд юристов в Москве» (*Гр*, 1873, № 44) подписана ***; ср. стр. 457, 532).

венным вопросам русской общественной жизни в начале 1874 г. расходились с мнениями сотрудников им же редактировавшегося «Гражданина». Одним из таких вопросов, занимавших русскую журналистику в 1874—1875 гг., был поднятый генералом Р. А. Фадеевым в брошюре «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть?)» (СПб., 1874) вопрос о положении и судьбах русского дворянства. Достоевский в своей записной книжке и «Подростке» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 333) выступил с критикой сословно-дворянских идеалов Фадеева, тогда как в «Гражданине» помещена была сочувственная рецензия на более раннюю книгу того же публициста «Наш военный вопрос. Военные и политические статьи Ростислава Фадеева» (СПб., 1873), написанную с позиций консерватора-охранителя, а позднее, когда Достоевский уже ушел из «Гражданина», в нем появилась сочувственная рецензия Е. А. Белова на «Русское общество в настоящем и будущем. . .» (см.: *Гр*, 1873, 29 октября, № 44, стр. 1180; 1874, 23 сентября, № 38, стр. 939—941).

Уход Достоевского из «Гражданина» и был вызван этими постоянно выходившими наружу идеологическими расхождениями между ним и кругом Мещерского, а также желанием писателя вновь обрести полную самостоятельность и вернуться к литературной работе.

Затруднявшие работу Достоевского редакционные разногласия изнуряли его «нравственно и физически»: он «ощущал как бы давление тяжелого кошмара» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 231). Освободиться, по мнению Достоевского, можно было лишь единственным способом — сложить с себя редакторство «Гражданина».[1] Не случайно летом—осенью 1873 г. Страхов вновь писал Л. Н. Толстому о том, что «Достоевский едва ли останется редактором. . .» (*Толстовский музей*, стр. 35).

Следует учесть, что редакционная работа, дававшая писателю возможность ознакомиться со многими явлениями русской жизни, на которые откликался еженедельный журнал, не могла не способствовать эволюции его воззрений, явственно обозначившейся в период работы над «Подростком» зимой 1874—1875 гг. Редакторская работа помогла Достоевскому отказаться от многих крайностей, внимательнее присмотреться к тому, что действительно происходило в России после десяти лет реформ, поискать реально-исторического объяснения процессов, идущих в живой жизни России, отбросив объяснение предвзято-догматическое.

Когда Достоевский начал редактировать «Гражданин», он полагал, что журнал превратится в «орган людей с независимым убеждением» (стр. 258) и что он сможет представить картину того, что происходит в русском обществе, дать верное отражение идейного брожения, так беспокоившего писателя. Оставив же журнал и набрасывая в 1876 г. в записной тетради ответ критикам, порицавшим его за участие в «Гражданине», писатель защищал только себя самого, но не журнал Мещерского: «Чем я уронил себя. Я был год редактором „Гражданина“ и, приняв журнал с 1000 подписчиков, через год оставил его с тремя тысячами. Вот уже признак, что не уронил себя

---

[1] «Несчастный Достоевский совсем измучился», — писал 6 января 1874 г. (т. е. незадолго до ухода писателя из «Гражданина») Н. Н. Страхов Н. Я. Данилевскому (*ЛН*, т. 86, стр. 436).

в публике. А если хотите в чем уличить меня, то пусть найдут хоть строчку, подписанную мной, неблагородную».

Тексты произведений, входящих в том, подготовили и комментарии к ним составили: Е. И. Кийко («Дневник писателя» за 1873 г., I—IV; записи публицистического характера из записных тетрадей 1874—1875 гг.); А. В. Архипова-Богданова («Дневник писателя» за 1873 г., V, IX, XII); В. А. Туниманов («Дневник писателя» за 1873 г., VI; «Попрошайка»); Г. Я. Галаган («Дневник писателя» за 1873 г., VII, VIII, X, XI, XIII—XVI, а также записи публицистического и литературно-критического характера из записной тетради 1872—1875 гг.); Н. Ф. Буданова (статьи, очерки, фельетоны из журнала «Гражданин» («Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга» — текст), пять заметок из раздела «Редакционные предисловия и примечания из журнала „Гражданин"» («От редакции ‹предисловие к статье Л. Ю. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина" „К делу!"»›», «От редакции ‹«Гражданин», 1873, 30 апреля, № 18›», «Заметка от редакции ‹к корреспонденции с нижегородской ярмарки›», «‹Предисловие к статье «Чтение Т. И. Филиппова в Заседании петербургского Общества любителей духовного просвещения 26 февраля»›», «От редакции ‹послесловие к статье М. С. Н. «Письмо в редакцию о г-не Филиппове и его оппонентах»›»); Г. В. Степанова («Иностранные события» — текст); М. Б. Рабинович («Иностранные события» — комментарий); Н. А. Хмелевская («Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга» — комментарий); В. Е. Ветловская (основная часть раздела «Редакционные предисловия и примечания из журнала „Гражданин"»). Вступительная заметка написана Г. М. Фридлендером при участии М. Б. Рабиновича. В редактировании раздела «Подготовительные материалы и рукописные редакции» участвовала Е. И. Кийко. В редакционно-издательской работе принимал участие А. М. Березкин.

Редактор тома — Г. М. Фридлендер.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

1873

I

ВСТУПЛЕНИЕ

(Стр. 5)

Источники текста

ПМ — Подготовительные материалы (планы, конспекты, заметки). 4 листа. Датируются декабрем 1872 г. Хранятся: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.9, лл. 26—29; см.: *Описание*, стр. 55. Впервые опубликованы: *Коншина*, стр. 343—346.

Гр — 1873, 1 января, № 1, стр. 14—15.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 14—15, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 1—4.

Печатается по тексту первой публикации.

Замысел «Дневника писателя» был осуществлением давних планов его автора.

Уже в 1840-х годах у Достоевского выработалась привычка внимательно следить за русской и иностранной периодической печатью, материал которой представлялся ему неоценимым источником познания жизни для писателя-романиста. Внимательное отношение к текущей прессе, постоянные углубленные размышления над ней отразились в таких ранних произведениях писателя, как «Господин Прохарчин», «Елка и свадьба», «Петербургская летопись».

Приступив в 1860-х годах к изданию (вместе с М. М. Достоевским) журналов «Время» и «Эпоха», Достоевский продолжает разрабатывать в них жанр художественно-публицистического очерка и фельетона, такие образцы которого, как «Ряд статей о русской литературе», «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Зимние заметки о летних впечатлениях», в значительной мере подготовили форму и стиль будущего «Дневника писателя».

В 1864—1865 гг., в период все более осложняющихся условий издания журнала «Эпоха», Достоевский впервые набрасывает в записной тетради план другого, единоличного журнала «Записная книга» и делает даже примерный расчет необходимых затрат на него: «Проект „Записной книги“ без подписки. По 6 печатных листов в 2 недели. 3 листа „Записной книги“.

3 листа романа ‹. . .› Полная книга, *первая*, будет *36* листов в шесть месяцев» (см.: наст. изд., т. XX, стр. 181).

От будущего «Дневника писателя» «Записная книга» отличается тем, что в ней предполагалось сохранить два отдела — собственно «Записную книгу», т. е. часть художественно-публицистическую, и «роман». 8 (20) ноября 1865 г. Достоевский писал о «Записной книге» А. Е. Врангелю: «В голове у меня есть одно периодическое издание, не журнал. И полезное и выгодное. Может быть, осуществлю в будущем году». План издания «Записной книги» в 1866 г. осуществить не удалось, но за границей Достоевский продолжал об этом мечтать. 29 сентября (11 октября) 1867 г. он писал из Женевы племяннице С. А. Ивановой: «. . .хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты (я даже, помнится, Вам говорил это вскользь, но здесь теперь совершенно выяснились и форма и цель). А для этого надо быть дома и видеть и слышать всё своими глазами». Созданию «Дневника писателя» в «Гражданине» предшествовало в «Бесах» обсуждение предложенной Лизой Дроздовой «одной полезной, по ее мнению, книги». Она объясняла Шатову, каким ей представляется содержание книги: «Можно ‹. . .› ограничиться лишь выбором происшествий, более или менее выражающих нравственную личную жизнь народа, личность русского народа в данный момент. Конечно, всё может войти: курьезы, пожары, пожертвования, всякие добрые и дурные дела, всякие слова и речи, пожалуй, даже известия о разливах рек, пожалуй, даже и некоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то, что рисует эпоху; всё войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслию, освещающей всё целое, всю совокупность» (наст. изд., т. X, стр. 103—104). Факты, связанные мыслью, «освещающей всё целое», — таким видел Достоевский будущий «Дневник литератора» или «Дневник писателя», отдаленными предшественниками которого были единоличные журналы XVIII в. — «Трутень» Новикова, «Стародум, или Друг честных людей» Фонвизина и др.

«Решившись в 1873 г. осуществить вынашивавшийся годами замысел „Записной книги“, Достоевский смог сделать это лишь в урезанном и неполном виде, так как не обладал в это время собственным печатным органом. Как можно полагать, именно желание увидеть наконец осуществленной свою давнюю мечту об издании „Дневника писателя“ было главной причиной, побудившей писателя ‹. . .› согласиться на предложение князя В. П. Мещерского и принять на себя редактирование его реформированной с 1873 г. (выходившей с этого времени в увеличенном формате, с привлечением новых сотрудников) консервативной газеты-журнала „Гражданин“» (Г. М. Фридлендер. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста. — *ЛН*, т. 83, стр. 108). Достоевский полагал, что авторитет его творчества дает ему право обратиться к читателям, к русскому обществу прямо и непосредственно, руководствуясь собственными убеждениями писателя и общественного деятеля.

Темы злобы дня, освещение текущих вопросов идейной жизни русского общества перемежались в «Дневнике писателя» очерками биографического и мемуарного характера.

Испробовав в 1873 г. в «Гражданине» новый не только для него самого, но и для всей мировой литературы жанр «Дневника писателя», Достоевский в 1876 г. вернулся к нему, издавая с этого времени «Дневник» в виде самостоятельного, независимого журнала.

Во «Вступлении» к «Дневнику» Достоевский обратился к подписчикам «Гражданина», определил задачи, которые ему предстояло решить в качестве редактора, только что принявшего на себя руководство этим изданием, наметил принципы, которым он будет следовать как единоличный уже автор «Дневника писателя», и охарактеризовал необычную форму этого нового литературного жанра.

Как редактор «Гражданина», Достоевский предполагал «задумываться» над сущностью явлений русской жизни, изучать их, пытаясь понять, и затем делиться своими мыслями с читателями в форме «Дневника писателя».

Упомянув книгу «С того берега» Герцена, рассказав «присказку» о нем и о споре между «господином А. и господином Б.», Достоевский подготовил

читателей к восприятию избранной им диалогической манеры изложения, при которой, с целью отыскания истины, он будет сталкивать в открытом диспуте аргументы равных по силе оппонентов (см.: В. А. Туниманов. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя». — В кн.: *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 182—183).

Диалогическое строение стало одним из главных структурных принципов «Дневника писателя» на всем протяжении издания (см.: Г. М. Фридлендер. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста, стр. 108—113).

Планы и конспекты первых глав «Дневника писателя» за 1873 г. (*ПМ*) были составлены Достоевским в декабре 1872 г., когда он дал согласие редактировать журнал «Гражданин» и заканчивал работу над «Бесами»: записи эти сделаны среди заметок к третьей части романа (см.: наст. изд., т. XII, стр. 330).

Многие из намеченных тем для «Дневника литератора», как первоначально Достоевский предполагал назвать задуманный им цикл еженедельных фельетонов в «Гражданине», были связаны с кругом вопросов, затронутых в «Бесах» (об этом см. выше, стр. 372). Ряд тем был подсказан материалами, печатавшимися в «Гражданине» за 1872 г. (см. ниже, стр. 390): Достоевский, по-видимому, хотел высказать собственную точку зрения на те явления русской жизни, которые уже освещались в этом журнале.

Не все из обозначенных в подготовительных материалах тем получили развитие в «Дневнике писателя» за 1873 г. Некоторые из них продолжали интересовать Достоевского на протяжении всего его дальнейшего творчества и нашли отражение в «Дневнике писателя» за 1876 и 1877 гг., в речи о Пушкине, в «Братьях Карамазовых».

Стр. 5. *Двадцатого декабря ∾ и что я редактор «Гражданина».* — См. вступительную статью, стр. 361.

Стр. 5. *...читал статью «Московских ведомостей» о бракосочетании китайского императора ∾ в двухстах томах церемоний.* — Перепечатанная из «Daily News» корреспонденция «Бракосочетание китайского императора» была опубликована в «Московских ведомостях» от 13 декабря 1872 г. В ней рассказывалось о церемонии бракосочетания китайского императора Тун-чжи (1862—1875), происходившей 16 октября 1872 г. Пекинский корреспондент «Daily News» отмечал: «Всё, что он (китайский император, — *Ред.*) делает, и всё, что происходит вокруг него, строго определено в книге церемоний. Всякое событие его жизни, от рождения и до смерти, предусмотрено в этой книге, которая, как говорят, состоит из 200 томов» (*МВед*, 1872, 13 декабря, № 315, стр. 3).

Стр. 6. ... *пригласив меня в редакторы ∾ получать удары по пятам бамбуковыми дощечками.* — Высказанное здесь Достоевским в шутливой форме опасение о неизбежности столкновений с цензурой оправдалось (см. стр. 363—364).

Стр. 6. *...я бы тотчас перестал печатать «Бисмарка»...* — Речь идет о романе В. П. Мещерского «Один из наших Бисмарков», печатание которого началось в «Гражданине» в 1872 г. (№№ 9—28) и продолжалось в 1873 г. (№№ 1, 3, 7, 11, 17, 19, 20). В 1874 г. этот роман выдавался годовым подписчикам «Гражданина» по удешевленной цене (см.: *Гр*, 1874, 7 января, № 1, стр. 2). Отмечая успех у части тогдашней публики беллетристических произведений В. П. Мещерского, Достоевский говорил, как вспоминает М. А. Александров: «Теперь он пока в моде ‹...› Продержится еще лет пять, шесть, а там и забудут его...» (Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах. — В кн.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 250).

Стр. 6. *...в «Московских ведомостях» передовые статьи ∾ принадлежат известному перу.* — Автором передовых статей в «Московских ведомостях» был, как правило, их редактор-издатель реакционер М. Н. Катков, с которым Достоевский вел постоянную полемику во «Времени» и «Эпохе» (см. тт. XVIII—XXI).

С т р. 6. *В «Голосе» они пишутся. . .* — В заметке «Юбилей А. А. Краевского и его газеты „Голос“» (*Гр*, 1873, 8 января, № 2, стр. 53) высмеивалась пространность передовых статей «Голоса», в качестве автора которых был назван Г. К. Градовский, редактировавший в 1872 г. «Гражданин».

С т р. 6. *«Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве». . .* — Иронический намек на слова Гоголя, который в «Выбранных местах из переписки с друзьями» писал: «Вы понадеялись, что я знаю Россию, как пять моих пальцев, а я в ней ровно не знаю ничего» (см.: *Гоголь*, т. VIII, стр. 311; ср.: наст. изд., т. X, стр. 76—77 и т. XII, стр. 291).

С т р. 7. *. . .«Гражданину» еще долго придется говорить самому с собой. . .* — Достоевский не ошибся: количество подписчиков «Гражданина» к концу 1873 г. не превышало двух тысяч (см.: *Мещерский, Мои воспоминания*, ч. II, стр. 167 и 176). Высказанное здесь опасение не раз обыгрывалось впоследствии в полемических статьях, направленных против «Гражданина». Так, в частности, Н. К. Михайловский писал о редакционной деятельности Достоевского в «Гражданине»: «. . .что сделает из „Гражданина“ г-н Достоевский и сделает ли что-нибудь? Теперь, кажется, можно уже ответить на этот вопрос. Г-н Достоевский из „Гражданина“ ничего не сделает, ничего или почти ничего. Правда, шутовской характер органа русских людей, стоящих вне всякой партии, постепенно ослабевает под влиянием, надо думать, нового редактора. Но бог весть, к добру ли это: шутовство именно и составляло до сих пор цвет „Гражданина“, и, лишаясь его, „Гражданин“ обесцвечивается» (*ОЗ*, 1873, № 2, стр. 315).

С т р. 8. *. . .разговаривая с покойным Герценом ∾ «С того берега».* — А. И. Герцен умер в Париже 9 (21) января 1870 г. Здесь речь идет, очевидно, о свидании Достоевского с Герценом в июле 1862 г. в Лондоне. В письме к Н. П. Огареву от 5 (17) июля 1862 г. Герцен писал: «Вчера был Достоевский — он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиасмом в русский народ» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 247; ср.: наст. изд., т. V, стр. 359). Книга Герцена «С того берега» (1847—1850) хранилась в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека*, стр. 128), упоминание о ней содержится в подготовительных материалах к «Братьям Карамазовым» (см. наст. изд., т. XV, стр. 334, 617).

С т р. 8. *Об этой книге ∾ Погодин в своей превосходной и любопытнейшей статье . . .* — Речь идет о статье М. П. Погодина «А. И. Герцен», опубликованной в журнале «Заря» (1870, № 2, стр. 75—95), в состав которой вошли и напечатанные ранее воспоминания Погодина о его встрече с Герценом в Монтре («Отрывок из дорожных записок 1865 года», впервые: «Русский», 1867, 10 апреля, № 9—10). Погодин не называет здесь книгу «С того берега». О положительном отношении к ней Погодина Достоевский, вероятно, заключил из общей высокой оценки, которую тот дал произведениям Герцена, написанным после эмиграции из России в январе 1847 г.

С т р. 8. *Эта книга написана в форме разговора двух лиц, Герцена и его оппонента ∾ он вас во многих случаях ставит к стене.* — Достоевский верно уловил здесь особенность замысла книги Герцена. В одной из глав «Былого и дум» Герцен писал, рассказывая о глубоком нравственном и идейном кризисе, который он переживал после французской революции 1848 г.: «Наскучив бесплодными спорами, я схватился за перо и сам в себе, с каким-то внутренним озлоблением, убивал прежние упованья и надежды ‹. . .› Моя логическая исповедь, история недуга, через который пробивалась оскорбленная мысль, осталась в ряде статей, составивших „С того берега“. Я в себе преследовал ими последние идолы, я иронией мстил им за боль и обман; я не над ближним издевался, а над самим собой» (*Герцен*, т. X, стр. 226, 233). О взаимной обусловленности художественной (диалогической) формы книги Герцена и ее содержания см.: Л. Я. Г и н з б у р г. «С того берега» Герцена (Проблематика и построение). — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1962, т. XXI, вып. 2, стр. 115.

С т р. 8. *. . .Белинский и усадил слушать свою статью ∾ Зарезал! Зарезал!* — Этот же эпизод Герцен рассказал в «Былом и думах» (ч. II,

гл. XVI — *Герцен*, т. VIII, стр. 289). «Разговор между господином А. и господином Б.» — статья Белинского «Русская литература в 1841 году», написанная «в форме <. . .> разговора между двумя лицами — А. и Б.» (*Белинский*, т. V, стр. 522), была напечатана в «Отечественных записках» (1842, № 1). По первоначальному замыслу Достоевского, анекдот Герцена об указанной статье Белинского должен был рассказывать, предаваясь литературным воспоминаниям, «идеальный западник» в «Бесах» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 65 и 79; т. XII, стр. 332—333).

II

СТАРЫЕ ЛЮДИ

(Стр. 8)

Источники текста

ПМ — Подготовительные материалы (планы, конспекты, заметки). 4 листа. Датируются декабрем 1872 г. Хранятся: ЦГАЛИ, ф. 212.1.9, лл. 26—29; см.: *Описание*, стр. 55. Впервые опубликованы: *Коншина*, стр. 343—346.

Гр — 1873, 1 января, № 1, стр. 15—17.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 15—17, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 5—10.

Печатается по тексту первой публикации.

Основные идеи и темы очерка «Старые люди» сложились в период работы над «Бесами» (1870—1872). Н. К. Михайловский даже утверждал, что первые разделы «Дневника писателя» могут рассматриваться как своего рода комментарий к «Бесам». По его мнению, «многие мысли „Дневника“ <. . .> высказаны уже в „Бесах“ разными действующими лицами» (*ОЗ*, 1873, № 2, стр. 327).

В «Бесах» Степан Трофимович Верховенский представлял собой обобщенный тип «идеального западника», в «Старых людях», продолжая раздумья об исторической роли поколения 1840-х годов, Достоевский сделал попытку дать мемуарные очерки о Белинском и Герцене — самых значительных представителях той эпохи, оказавших, каждый по-своему, огромное воздействие на формирование автора «Дневника писателя» как художника и мыслителя.

С Герценом Достоевский познакомился в начале октября 1846 г. в Петербурге (см.: *Герцен*, т. XXII, стр. 259), затем виделся с ним в июле 1862 г. в Лондоне (см.: *Герцен*, т. XXVII, кн. 1, стр. 247), а в октябре 1863 г. в Италии (см.: А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. М., 1928, стр. 65). 10 (22) августа 1865 г. Достоевский писал А. П. Сусловой: «. . . с Г<ерце>ном я в очень хороших отношениях». Весной 1868 г. Достоевский и Герцен жили одновременно в Женеве, но не общались: «С Г<ерценом> случайно встретился на улице, десять минут поговорили враждебно вежливым тоном с насмешками да и разошлись», — сообщил Достоевский 20 марта (2 апреля) 1868 г. А. Н. Майкову. Высоко ценя художественные и публицистические произведения Герцена, Достоевский постоянно с ним полемизировал (см.: наст. изд., тт. V, VII, IX, XII, XV, XVII (по именному указателю)). Последовавшая в 1870 г. смерть Герцена позволила Достоевскому выступить в печати с оценкой всей его деятельности.

Познакомившись с Белинским в середине 1845 г., Достоевский вошел в круг литераторов «натуральной школы» и был в курсе философских, социальных и эстетических проблем, волновавших представителей нового тогда литературного направления. Об этом времени весьма сочувственно упоминается в 1861 г. в «Униженных и оскорбленных» (см.: наст. изд., т. III, стр. 186—187). В том же 1861 г. в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве», защищая Белинского от нападок со стороны «Отечественных записок», Достоевский

писал: «. . .в двух страницах Белинского (издание сочинений которого приводится к окончанию) сказано больше об исторической же части русской литературы, чем во всей деятельности „Отечественных записок“ с 48 года до наших времен» (наст. изд., т. XVIII, стр. 71). С несомненным уважением Достоевский вспоминал о Белинском и в письме к М. В. Белинской от 5 января 1863 г.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский писал, однако, что Белинский, будучи «страстным русским человеком», в то же время, как западник, «по-видимому, презирал всё русское» (наст. изд., т. V, стр. 50). Эта полемическая оценка Белинского-западника укрепляется у Достоевского во второй половине 1860-х годов. В 1867 г. он пишет статью под названием «Знакомство мое с Белинским» для несостоявшегося сборника «Чаша» (см. письмо к А. Н. Майкову от 15 (27) сентября 1867 г.). О содержании этой не дошедшей до нас статьи мы можем судить по письмам 1867—1871 гг. (к А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову). В письме к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. Белинский назван родоначальником «либералишек и прогрессистов» 1860-х годов, которые «ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением». Полемически-пристрастные отзывы этого времени о личности и литературной деятельности Белинского в известной мере заострены против Тургенева, который в романе «Дым» (1867) и «Воспоминаниях о Белинском» (1869) ставил свои западнические взгляды в зависимость от идей Белинского (см.: *Тургенев*, *Сочинения*, т. IX, стр. 527—528; ср.: наст. изд., т. XII, стр. 169). В письме к Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г. Достоевский задался прямой целью пункт за пунктом опровергнуть характеристику Белинского в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева (см.: С. Ашевский. Белинский в оценке его современников. СПб., 1911, стр. 197—198). Возможно, в полемических целях Достоевский назвал свою статью «Знакомство мое с Белинским», как бы противопоставляя свои воспоминания очерку Тургенева «Встреча моя с Белинским» (1860).

Некоторые наброски к «Бесам», где упоминаются реальные лица и события 1840-х годов, восходят, вероятно, к идеям утраченной статьи Достоевского о Белинском. В 1873 г. именно эти заметки легли в основу первых глав «Дневника писателя» (см.: ниже, комментарий к стр. 7, 9, 11, 12; наст. изд., т. XII, стр. 168).

Закончив статью о Белинском, Достоевский жаловался 3 (15) сентября 1867 г. А. Н. Майкову: «. . .кончил вот эту проклятую статью „Знакомство мое с Белинским“ ‹. . .› Штука была в том, что я сдуру взялся за такую статью. Только что притронулся писать и сейчас увидал, что возможности нет написать *цензурно* ‹. . .› Сколько драгоценных фактов я принужден был выкинуть».

С аналогичными трудностями Достоевский столкнулся и работая над «Старыми людьми». После выхода в свет первого номера «Гражданина» за 1873 г. в разговоре со Вс. Соловьевым писатель высказал сожаление, что он не мог сказать о Белинском всего, что хотел: «Вот хоть бы о Белинском (он раскрыл № «Гражданина» с первым своим «Дневником писателя»), разве тут я всё сказал, разве то я мог бы сказать! И совсем-то, совсем его не понимают. Я хотел бы просто привести его собственные слова — и больше ничего. . . Ну, и не могу» (Вс. Соловьев. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — *ИВ*, 1881, № 3, стр. 607).

Стр. 8. *. . .мое первое вступление на литературное поприще. . .* — Знакомство Достоевского с Белинским состоялось около 1 июня 1845 г., вскоре после завершения романа «Бедные люди» (см.: Ю. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, стр. 407; наст. изд., т. I, стр. 464—466). Об этом периоде жизни Достоевский более подробно рассказал в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 4). Факты личных и литературных взаимоотношений молодого Достоевского с критиком отразились также в «Униженных и оскорбленных» (см.: наст. изд., т. III, стр. 186—187 и 523).

Стр. 8. . . .*gentilhomme russe et citoyen du monde*. . . — Выражение это у Достоевского впервые встречается в «Бесах». Так хотел подписать свою предсмертную записку Кириллов (см.: наст. изд., т. X, стр. 473; т. XII, стр. 319; ср.: т. XVII, стр. 326—327).

Н. К. Михайловский в февральском номере «Отечественных записок» за 1873 г. в «Литературных и журнальных заметках» вступил в полемику с Достоевским по поводу исторической и общественной роли представителей образованного «русского барства», самым ярким типом которого был, с точки зрения автора «Старых людей», Герцен. Соглашаясь с Достоевским в том, что «барство извращает понятия о добре и зле», Михайловский замечал, однако, что процесс этот начался задолго до Петра I. В эпоху петровских преобразований «. . .произошло не забвение границ добра и зла, а их открытие» (*ОЗ*, 1873, № 2, стр. 341). Исходя из анализа опубликованных уже разделов «Дневника писателя», Михайловский утверждал, что «правда» Достоевского, вопреки его желанию, не всегда тождественна с народной «правдой», ибо народное мировоззрение не отличается цельностью (см. так же, стр. 338). Заявляя, что Достоевский обнаружил свою принадлежность к разряду «citoyens du monde», Михайловский спрашивал: «. . .что же делать citoyen'ам, людям, нюхнувшим правды „общечеловеческой", в виду стихийности и разнородного состава правды народной?» С точки зрения Михайловского, citoyen'ы идут одним из двух возможных путей: «. . .или они выбирают из народной правды то, что соответствует их общечеловеческим идеалам, тщательно оберегают это подходящее и при помощи его стараются изгнать неподходящее; или же навязывают народу свои общечеловеческие идеалы и стараются не видеть происходящего» (там же). Достоевского Михайловский упрекал в том, что он избрал второй, пассивный путь: «Ему хорошо жить. Он знает, что, что бы с народом ни случилось, он в конце концов спасет себя и нас <. . .> Легко тоже жить с мыслью о том, что мой народ любит страдать <. . .> Однако, при всей легкости этих двух citoyen'ских мыслей, они имеют и некоторое неудобство: с ними легко жить, но трудно действовать.

Каждый шаг citoyen'а, проникнутого этими мыслями, связан: с одной стороны, он знает, что народ и только народ скажет последнее слово, значит, ему, citoyen'у, и соваться нечего; с другой стороны, он знает, что он, чего доброго, может неосторожно лишить народ его святыни — страдания» (там же, стр. 339).

Стр. 9. . . .*идеальный народ ∽ чернь девяносто третьего года*. — 1793 г. — высший этап якобинской диктатуры. Опираясь на широкое движение народа и плебейских масс Парижа, якобинский Конвент произвел важнейшие социально-политические реформы, уничтожившие все феодальные права и привилегии. В кружке Белинского—Герцена начала 1840-х годов события Великой французской революции вызывали повышенный интерес.

По инициативе Белинского И. И. Панаев по субботам в кругу друзей оглашал результаты своих изысканий из истории революционного движения во Франции (*Панаев*, стр. 242). В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. Белинский делился впечатлением от чтения «Истории французской революции» Тьера: «Новый мир открылся предо мною. Я всё думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают» (*Белинский*, т. XII, стр. 72). Там же Белинский отмечал историческую необходимость актов якобинского Конвента, когда, по словам критика, «рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности» (там же, стр. 70).

Из дневниковых записей Герцена начала 1840-х годов видно, что, с его точки зрения, события 1793 г. были подготовлены французскими просветителями конца XVIII в., якобинский Конвент же положил начало социалистическому движению XIX столетия. Человечество, утверждает Герцен, не забудет этот «первый шаг» (см.: *Герцен*, т. II, стр. 206—207, 289). В то же время Герцен видел и глубокие противоречия якобинской диктатуры. В дневнике 1844 г. он писал: «. . . не всех актеров 93 года можно любить <. . .> Марат, Робеспьер и Фукье Тенвиль вместе. Понять, оправдать, отдать не токмо спра-

ведливость, но склониться пред грозными явлениями Конвента <. . .> долг. Более, в самих гнусностях их не должно терять признака величия» (там же, стр. 348).

В кругу Белинского был популярен хорошо известный и Достоевскому роман Ж. Санд «Спиридион» (1839), в финале которого изображены революционные солдаты 1793 г., разрушающие монастырь с пением «Марсельезы» (G. S a n d. Spiridion. Paris, 1839, p. 468). Его конец, отредактированный П. Леру (см.: В. К а р е н и н. Жорж Санд, ее жизнь и произведения, т. II. Пг., 1916, стр. 205—222), И. И. Панаев перевел на русский язык специально для Белинского (см.: *Панаев*, стр. 248).

Об отношении Достоевского к Великой французской революции см.: наст. изд., т. V, стр. 76—82 и 359—360; см. также: *ДП*, 1876, июнь; ср.: *Фридлендер*, стр. 19—28. В библиотеке Достоевского были труды Ламартина и Тьера по истории революции (см.: *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 39, 42).

С т р. 9. *Герцен должен был стать социалистом ∾ от сердечной пустоты на родине.* — Эта характеристика Герцена впоследствии вспоминалась Достоевскому при работе над образом Версилова в «Подростке» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 331).

С т р. 9. *Он отрекся от основ прежнего общества ∾ хорошим отцом и мужем.* — Социальные преобразования, по мнению Герцена, должны были затронуть формы брака и нравственности. Он писал: «Между свободным счастием человека и его осуществлением везде путы и препятствия прежнего религиозного воззрения. В будущую эпоху нет брака, жена освободится от рабства, да и что за слово жена?. . Женщина до того унижена, что, как животное, называется именем хозяина. Свободное отношение полов, публичное воспитание и организация собственности. Нравственность, совесть, а не полиция, общественное мнение определят подробности сношений» (*Герцен*, т. II, стр. 290). Однако Достоевский был неправ, утверждая, что Герцен «отрицал семейство». Герцен склонен был считать, что «совершенная преданность общим интересам» не может облегчить для всех «крест частной жизни». Вступая в полемику с Фурье, он писал: «Фурье не понял женщины, не понял любви — ему беспрестанно мерещились развратные браки, негодные женщины, скверные отцы и ложная наружность, которой всё это прикрыто лицемерной внешностью, и кто не согласится, что легальное, юридическое определение брака, родства etc., сходное с католитическим и феодальным воззрением, несостоятельно? Но внутреннее венчание любовью, истинные отношения мужчины к женщине, обоих к детям не улаживаются так легко словом „общественное воспитание" <. . .> Отстранить мать от воспитания детей можно только тогда, когда она хочет этого <. . .> Силой отнять детей — варварство и противуречие с системой, дающей всякой страсти развитие» (там же, стр. 346). См. о социалистических воззрениях Герцена в кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969, стр. 104—128.

С т р. 9. *Отрицал собственность ∾ успел устроить дела свои. . .* — Уже в ходе работы над «Бесами» Достоевский собирался в близких выражениях охарактеризовать «идеального западника» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 66; т. XII, стр. 333). Об устройстве своих денежных дел за границей Герцен рассказал в «Былом и думах» (ч. V, гл. XXXIX — *Герцен*, т. X, стр. 132—140).

С т р. 9. *Это был художник, мыслитель, блестящий писатель. . .* — Достоевский считал, что преобладание таланта писателя-художника сказывалось во всех сферах деятельности Герцена. Об этом он писал Н. Н. Страхову 24 марта (5 апреля) 1870 г.: «. . .он был всегда и везде — *поэт по преимуществу*. Поэт берет в нем верх везде и во всем, во всей его деятельности. Агитатор-поэт, политический деятель — поэт, социалист — поэт, философ — в высшей степени поэт!»

С т р. 9 . . . . *издавал ли журнал с Прудоном. . .* — Герцен принимал участие в газете Прудона «La Voix du Peuple» («Голос народа»), которая выходила с 1 октября 1849 г. по 14 мая 1850 г. Историю знакомства и сотрудничества с Прудоном Герцен рассказал в «Былом и думах» (ч. V, гл. XLI — *Герцен*, т. X, стр. 183—201).

С т р. 9. . . *.выходил ли в Париже на баррикады ∾ в своих записках. . .* — Об этом Герцен рассказал в одной из «Западных арабесок» («В грозу»), включенных в пятую часть «Былого и дум» (см.: *Герцен*, т. X, стр. 28—35).

С т р. 9. . . *.посылал ли в Россию ∾ в одной из позднейших статей своих. . .* — Достоевский имеет в виду воззвание издателей «Колокола» «Русским офицерам в Польше», относящееся к 1862 г. Окончательные поправки в него Герцен внес после того, как представители «слагающегося польского правительства» заверили русских, что в основание своих действий они кладут «*признание ‹права› крестьян на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякого народа располагать своей судьбой*» (*Герцен*, т. XI, стр. 369).

Издатели «Колокола» считали, что союз революционно настроенных офицеров с восставшей Польшей должен способствовать подъему русского освободительного движения. В обращении к офицерам говорилось: «Деятельный союз ваш с поляками не может ограничиться одним отторжением Польши от России; он должен стремиться к тому, чтоб это отторжение помогло в свою очередь нашему земскому переустройству ‹. . .› Земля крестьянам, самобытность областям — на этом основании, *и только на нем*, может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями» (*Герцен*, т. XVI, стр. 252—253). Польское восстание не повлекло за собой народного движения в России. В связи с этим Герцен высказал в статье «М. Бакунин и польское дело» (1865) мысль, что им было «что-то ошибочное сделано» (*Герцен*, т. XI, стр. 373). Статья эта впервые была опубликована в «Сборнике посмертных статей» А. И. Герцена, изданном в Женеве в 1870 г.

О своем выступлении в защиту Польши Герцен писал И. С. Тургеневу 29 марта (10 апреля) 1864 г.: «Мы спасли честь имени русского — и за это пострадали от рабского большинства» (*Герцен*, т. XXVII, кн. 2, стр. 455).

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин подчеркнул принципиальность позиции «Колокола» в отношении польского восстания: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда всё „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“, Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II» (В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. XXI. Изд. 5-е. М., 1961, стр. 260).

С т р. 9. . . . *не по отцу только. . .* — Отец А. И. Герцена — русский помещик, мать — немка Луиза Гааг; брак родителей не был оформлен.

С т р. 9. *Белинский ∾ Отец его был, кажется, военным лекарем*). — Белинский родился 30 мая 1811 г. в семье лекаря 7-го гребного экипажа Балтийского флота Григория Никифоровича Белынского и его жены Марии Ивановны, урожденной Ивановой, дочери шкипера 9-го класса. Выйдя в отставку, отец будущего критика получил назначение на должность уездного врача в Пензенской губернии.

С т р. 10. . . . *повесть моя «Бедные люди» восхитила его. . .* — Разбор «Бедных людей» содержится в статье Белинского о «Петербургском сборнике» (1846), где эта повесть была впервые напечатана (см.: *Белинский*, т. IX, стр. 549—563; см. также: наст. изд., т. I, стр. 473—474; Е. И. К и й к о. Белинский о «Бедных людях» Достоевского. — В кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.—Л., 1961, стр. 354—367).

С т р. 10 . . . *мы разошлись — от разнообразных причин. . .* — Разногласия между Белинским и Достоевским затрагивали как нравственно-философские, так и эстетические проблемы. Белинский как атеист иронически относился к религиозности Достоевского, к его вере в бессмертие души (см.: *Белинский*, т. XII, стр. 251, 532). Глава «натуральной школы» не принял последних, написанных при его жизни произведений Достоевского («Господин Прохарчин», «Хозяйка»), усмотрев в них отступление от художественных принципов «Бедных людей» (см.: *Белинский*, т. X, стр. 351; ср.: наст. изд., т. I, стр. 504, 510; см. также: *Кирпотин, Достоевский и Белинский*, стр. 39—46; В. Д м и т р и е в. Реализм и художественная условность. М., 1974, стр. 117—127). В объяснении по делу петрашевцев Достоевский писал в 1849 г.:

«В литературном мире небезызвестно весьма многим о моей ссоре и окончательном разрыве с Белинским в последний год его жизни. Известна тоже и причина нашей размолвки: она произошла из-за идей о литературе и о направлении литературы» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 127).

Стр. 10. *Интерналкa в одном из своих воззваний ∾ общество атеистическое»*. . . — «Интернационалкой» в русской печати того времени называли Международное товарищество рабочих, I Интернационал, основанный в 1864 г. К. Марксом и Ф. Энгельсом (см.: наст. изд., т. X, стр. 354—355; т. XII, стр. 310). Достоевский ошибался: воззвание, о котором идет речь, исходило не от I Интернационала, но от созданного М. А. Бакуниным в 1869 г. «Альянса социалистической демократии». Маркс и Энгельс не раз разоблачали мелкобуржуазную анархическую сущность «Альянса», а в 1871 г. выступили с протестом против попытки приписать упомянутое Достоевским воззвание Генеральному совету I Интернационала. В протесте, напечатанном 13 июня н. ст. 1871 г. в газете «Times», говорилось: «Из всех документов, которые Жюль Фавр цитирует в качестве документов Интернационала, ни один не принадлежит Интернационалу. Так, например, он говорит: „Альянс объявляет себя атеистическим, как это заявляет Генеральный Совет, учрежденный в Лондоне в июле 1869 года“. Генеральный Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив, он выпустил документ, объявляющий недействительным тот самый устав Альянса — L'Alliance de la Démocratie Socialiste в Женеве, — который как раз Жюль Фавр и цитирует» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII. Изд. 2-е. М., 1960, стр. 369—370). Когда Достоевский писал статью «Старые люди», Бакунин уже был исключен из Интернационала (в 1872 г.), а руководимый им «Альянс» распался. Об упомянутом воззвании «Альянса» Достоевский мог читать в цикле фельетонов Н. И. Щербаня, печатавшихся в 1871 г. в «Голосе». Щербань писал в одном из них: «В Женеве одна из секций общества («Internationale»), именуемая „Alliance“, провозгласила ‹. . .› атеизм: отмену всех вероисповеданий, замену религий — наукою, божественного правосудия — человеческим; уничтожение брака в смысле политического, религиозного, юридического и гражданского учреждения» (*Г*, 1871, 2 июня, № 151).

Стр. 10. . . .*он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма.* — Атеизм Белинского органически обусловливался его философским материализмом, к которому он пришел в результате страстных поисков истины. В письме к В. П. Боткину 4 октября 1840 г. Белинский с горечью писал: «. . .Станк‹евич› верил личному бессмертию, Штраус и Вердер верят. Но мне от этого не легче: всё так же хочется верить и всё так же не верится» (*Белинский*, т. XI, стр. 558). Став революционным демократом в начале 1840-х годов, Белинский в своих статьях (и еще более откровенно в письмах к друзьям) декларировал протест «против всех субстанциальных начал, связывающих в качестве верования волю человека» (там же, т. XII, стр. 70). В отличие от социалистов-утопистов, веривших, что их мечты о свободном обществе могут быть осуществлены мирным путем, Белинский утверждал: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови» (там же, стр. 71). Свое убеждение в революционной и атеистической сущности социализма Достоевский подтвердил в «Двух заметках редактора». Возражая Н. К. Михайловскому, он писал: «Главное, никак не могу понять, что хотел мне сказать г-н Н. М., уверяя меня, что социализм в России был бы непременно консервативен? Не думал ли он меня этим как-нибудь утешить, предположив, что я консерватор во что бы ни стало. Смею уверить г-на Н. М., что „лик мира сего“ мне самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализм не атеистичен, что социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его, — это чрезвычайно поразило меня в писателе, который, повидимому, так много занимается этими темами» (стр. 157).

Мнение Достоевского, рассматривавшего мировоззрение Белинского как целостную философско-социальную систему взглядов, «самая суть» которых перекликалась с общими идеями революционного движения второй половины XIX в., было оспорено М. И. Погодиным в статье «К характеристике Белин-

ского (Справка с объяснениями)» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 272—275). Полемизируя с А. Н. Пыпиным, автором публиковавшегося в «Отечественных записках» 1871—1872 гг. цикла исторических очерков «Характеристики литературных мнений. От двадцатых до пятидесятых годов», а через его голову — с Чернышевским, М. П. Погодин писал о Белинском: «. . .переменять свой образ мыслей так быстро <. . .> из пламенного христианина делаться отчаянным безбожником и пропагандистом — это ни с чем не сообразно <. . .>. Белинский <. . .> принадлежал к ряду Дон-Кихотов, которым нельзя иногда не симпатизировать, но за которыми смешно следовать в их ежедневных экскурсиях и ежемесячных сальто-морталях» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 274). Печатая статью Погодина, Достоевский был озабочен тем, чтобы читатели не приписали эту статью редактору «Гражданина». 21 февраля 1873 г. он писал М. П. Погодину: «Сейчас прочел о Белинском. Зачем же Вы не хотите подписаться под такою превосходною вещью полным именем? <. . .> Черкните ради бога *немедленно* три строки о позволении подписать: *М. Погодин.* (Клянусь Вам, подумают, что это я сам сочинил, чтоб подтвердить мои указания о Белинском. Здесь многие меня обвинили за эту статью)». Статья Погодина появилась за подписью: Старый читатель журнала М. Погодин.

Стр. 10. . . .*социализм не только не разрушает свободу личности ∾ восстановляет ее в неслыханном величии*. . . — В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. Белинский писал: «. . .настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть, когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство <. . .> Женщина не будет рабою общества и мужчины <. . .> Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди. . .» (*Белинский*, т. XII, стр. 70—71).

Стр. 10—11. . .. *Белинский не остановился ∾ как остановился Ренан ∾ идеал красоты человеческой*. . . — Достоевский имеет в виду книгу французского историка и философа Э. Ренана (Renan, 1823—1892) «Жизнь Иисуса» (1863). О знакомстве Достоевского с книгой Ренана и о ее роли в творческой истории «Идиота» (1868) см. наст. изд., т. IX, стр. 396—399; см. также: Е. И. Кийко. Достоевский и Ренан. — *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 106—122. В заключительной главе своей книги Ренан писал: «Из всех этих колонн, показывающих человеку, откуда он происходит и куда должен стремиться, Иисус — самая высокая <. . .> каковы бы ни были неожиданности, которые готовит нам будущее, Иисуса никто не превзойдет <. . .> во все времена все будут провозглашать, что среди сынов человеческих никогда не рождалось более великого, нежели Иисус» (см.: E. Renan. Vie de Jésus. 8-me éd. Paris, 1863, p. 457—459).

Характеризуя Белинского, Достоевский допускает неточность: отвергая божественность Христа и считая его исторической личностью, Белинский в зальцбруннском письме к Гоголю подчеркнул, что Христос «. . . первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» (*Белинский*, т. X, стр. 214). О суждениях Белинского о Христе говорится и в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XIV, стр. 500—501).

Стр. 11. . . .*присутствовал один из друзей Белинского ∾ один молоденький, начинающий литератор ∾ примкнул к социалистам и пошел за ними*. — «Один из друзей» — очевидно, В. П. Боткин. Ближайший единомышленник Белинского, Герцен, жил в Москве. Когда же он, приехав в начале октября 1846 г. в Петербург, встретился с Достоевским, Белинский был в отъезде (см.: *Герцен*, т. XXII, стр. 259). С Василием Петровичем Боткиным (1811—1869), писателем, критиком, искусствоведом, Белинский познакомился в 1836 г., и с тех пор их связывали узы дружбы и общность интересов. Боткин внимательно следил за передовыми социально-философскими течениями западной Европы, а в начале 1840-х годов стал поклонником Штрауса и Фейербаха. Приведенное Достоевским суждение, что Христос примкнул бы «к движению

и стал во главе его», соответствует представлениям Боткина того времени. Однако Боткин и Белинский по-разному понимали задачи и цели «движения»; резкое различие их взглядов особенно обнаружилось в конце 1846 г., когда после трехлетнего пребывания за границей Боткин в ноябре вернулся в Россию. С сожалением отмечая непреодолимость идейных разногласий с Боткиным, Белинский как-то сказал, что тот «съездил в Европу ‹. . .› заразился европейским развратом, а великие европейские идеи пропустил мимо ушей» (Белинский в воспоминаниях современников. М., 1948, стр. 95).

После смерти Белинского его идейные противники не раз выступали с утверждением, что взгляды критика формировались под воздействием его европейски образованных друзей, в том числе Боткина. Сам Боткин, однако, в письме к А. В. Дружинину, стороннику этой точки зрения, писал в 1857 г.: «Что же касается до моих отношений к Белинскому, то, право, трудно решить, по крайней близости этих отношений, на которую сторону было больше влияния ‹. . .› Выгода моя состояла только в том, что я знал по-немецки и смело мог справляться с источниками» (XXV лет. 1859—1884 г. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, стр. 499—500; ср.: С. А ш е в с к и й. Белинский в оценке его современников, стр. 230).

В подготовительных материалах к «Бесам» о Белинском, который ругал «Христа по-матерну, а сам курицы бы не обидел», и о «писателе Д‹остоевском› ‹. . .›защищавшем Христа», рассказывает присутствовавший будто бы при этом диспуте Грановский (наст. изд., т. XI, стр. 73). Это не противоречит, однако, предположению, что здесь под «одним литератором» имеется в виду Боткин. Работая над «Бесами», именем Грановского Достоевский условно называл не единичное лицо, а тип «чистого и идеального западника» (там же, стр. 65). Реальный Т. Н. Грановский, веривший в бессмертие души, не мог отрицать божественную сущность Христа. В 1846 г. он заявил Герцену о своих расхождениях с ним «по многим религиозным, нравственным и историческим вопросам» (*Анненков*, стр. 275). Характеристики других членов петербургского кружка Белинского см. в кн.: В. С. Н е ч а е в а. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848 г. М., 1967, стр. 102—137.

«Молоденький, начинающий литератор» — вероятнее всего, И. С. Тургенев, которому тогда было 28 лет. «Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет» — так характеризовал Достоевский Тургенева в письме к брату М. М. Достоевскому 16 ноября 1845 г. В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев рассказывает, что «особенно часто» бывал он у Белинского «перед январем 1847 года» (*Тургенев*, *Сочинения*, т. XIV, стр. 51). Предположение, что речь идет о И. А. Гончарове, начинавшем тогда же свою литературную карьеру и изредка навещавшем Белинского, менее правдоподобно: Гончарову в 1846 г. было 34 года, и он уже был известен в литературных кругах как автор «Обыкновенной истории» (см.: *Панаев*, стр. 308).

В конце 1846 г. Достоевский поссорился с Некрасовым, но продолжал навещать Белинского. «Только с ним я сохранил прежние добрые отношения. Он человек благородный», — писал автор «Бедных людей» и «Двойника» М. М. Достоевскому 26 ноября 1846 г. Таким образом, описанная здесь встреча могла произойти в ноябре—декабре 1846 г., когда и Достоевский, и Боткин, и Тургенев регулярно посещали Белинского.

С т р. 11. . . . *всё французы*: *прежде всех Жорж Занд*, *теперь совершенно забытый Кабет*, *Пьер Леру и Прудон* ∾ *Фурье уже далеко не так уважался.* — Идеями социалистов-утопистов Белинский увлекался в 1842—1845 гг. В конце 1846 г. он со все нарастающей настойчивостью призывал «искать и вопросов и их решения» в русской жизни, «у себя, в себе, вокруг. . .» (*Белинский*, т. X, стр. 32; ср.: наст. изд., т. V, стр. 50). Оставаясь верным социалистическому идеалу до конца своих дней, Белинский, в отличие от Фурье и других утопистов, видел путь к преобразованию действительности в познании законов ее развития.

Жорж Занд (Санд) — псевдоним французской писательницы Авроры Дюдеван (Dudevant; 1804—1876), проповедовавшей в своих романах

идеи утопического социализма. О Ж. Санд и ее популярности в России 1840-х годов см.: *ДП*, 1876, июнь, гл. I.

Кабет — французский коммунист-утопист Этьен Кабе (Cabet) (1788—1856), автор книги «Путешествие в Икарию» (1840).

Пьер Леру (Leroux) (1797—1871) — французский философ и социалист-утопист, один из основателей христианского социализма, с 1841 г. издавал совместно с Ж. Санд журнал «Revue Indépendante», который регулярно получали в Петербурге. Отзывы Белинского о Леру, восторженные в 1842—1843 гг., стали весьма критическими в последние годы его жизни (см.: *Белинский*, т. XII, стр. 100, 117, 330, 332 и др.).

Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный публицист и социолог, теоретик анархизма. В библиотеке Белинского сохранилось первое издание запрещенного в России трактата Прудона «Qu' est'ce que la propriété» («Что такое собственность?», 1840) (см.: *ЛН*, т. 55, стр. 561). В «Письме из Парижа», напечатанном в «Современнике», идейным руководителем которого был Белинский, П. В. Анненков противопоставлял «фаланстерам» Консидерана, «сумасбродствам» Пьера Леру и «доктрине» Луи Блана новую экономическую теорию Прудона. По словам Анненкова, Прудон в своей книге «Système des contradictions économiques» («Система экономических противоречий», 1846) убедительно доказал, что «единственная помощь для общества заключается не в благонамеренных *способах* исцеления, предлагаемых со стороны, а только в отыскании *закона*, по которому богатства развиваются правильно и сами собой» (*С*, 1847, № 1, отд. IV, стр. 35). Идеи Прудона, в сочетании с критикой социально-утопических теорий Фурье, Леру, Кабе и др., популяризировались и в статье «Мальтус и его противники» В. А. Милютина (1826—1855), экономиста и литератора, близкого к кругу петрашевцев, также напечатанной в «Современнике» (*С*, 1847, №№ 8 и 9). При аресте по делу петрашевцев у Достоевского была обнаружена книга Прудона «La célébration du dimanche» («О праздновании воскресения», 1839), которую он взял у В. А. Головинского (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 165, 346).

С т р. 11. *Фейербах* (Feurbach) Людвиг (1804—1872) — немецкий философ-материалист. Впервые об основных идеях Фейербаха Белинскому написал 22 марта 1842 г. В. П. Боткин (см.: В. Г. Б е л и н с к и й. Письма, т. II. СПб., 1914, стр. 416—422), с книгой Фейербаха «Das Wesen des Christentums» («Сущность христианства», 1841) критик познакомился в июне того же года. Как свидетельствует П. В. Анненков, некоторые главы этой книги специально были переведены для Белинского «одним из его приятелей». В отличие от других западников, также увлекавшихся книгой Фейербаха, Белинский (как и Герцен) связал «открытый ею переворот в области метафизических идей с политическим переворотом, который возвещали социалисты» (*Анненков*, стр. 274).

С т р. 11. . . . *научиться ни одному иностранному языку*. . . — В действительности Белинский в университете изучал немецкий, французский и английский языки (см.: *ЛН*, т. 56, стр. 330—332). В 1833—1834 гг. он напечатал ряд переводов с французского в «Телескопе» и «Молве», а в 1840-х годах свободно читал французские журналы (см.: *Белинский*, т. XI, стр. 98—99, т. XII, стр. 72, 171 и др.).

С т р. 11. *О Штраусе говорилось с благоговением*. — Штраус (Strauss) Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий историк-богослов, философ, публицист, автор книги «Жизнь Иисуса» (тт. 1—2, 1835—1836), пользовавшейся в России большой популярностью, несмотря на то что она была запрещена (см.: Каторга и ссылка, 1929, кн. 6, стр. 195). В указанном сочинении Штраус подверг критике христианские догматы, объявил евангелия мифами и отстаивал точку зрения на Христа как на историческую личность. Белинский познакомился с «Жизнью Иисуса» Штрауса, «человека великого и гениального», еще в конце 1830-х годов (см.: *Белинский*, т. XI, стр. 484—485). Отзыв Достоевского о Штраусе, книгу которого он брал в библиотеке Петрашевского, см. стр. 132, 453.

С т р. 11. . . *Белинский ∾ примкнул бы к славянофильству.* — Такую мысль не раз высказывал Ап. Григорьев в статьях, напечатанных в журналах «Время» и «Эпоха», с особой категоричностью — в «Парадоксах органической критики» (*Э*, 1864, № 5, стр. 255—273; № 6, стр. 264—277). Он писал: «Для меня лично ‹. . .› нет ни малейшего сомнения в том, что, проживи еще несколько лет великий критик, он всё бы это понял и всё бы это лучше всех нас выяснил ‹. . .› Увлечение Белинского ‹западничеством — *Ред.*›, нет сомнения, сменилось бы иным и столь же пламенным увлечением» (см.: Сочинения Ап. Григорьева, т. I. Критические статьи. СПб., 1876 стр. 621, 628). О том же говорилось в редакционном объявлении об издании журнала «Время» на 1862 г.: «Если б Белинский прожил еще год, он бы сделался славянофилом. . .» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 149). В 1863 г. в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский склонен был считать Белинского «тайным славянофилом» (наст. изд., т. V, стр. 50; ср. стр. 52, 364). Позднее в письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский заявил: «. . .никогда не поверю словам покойного Аполлона Григорьева, что Белинский кончил бы славянофильством». Однако в «Дневнике писателя» за 1876 г. (июнь, гл. II, § 1, «Мой парадокс»,) называя Белинского западником, «примкнувшим чуть не из первых русских прямо к европейским социалистам», Достоевский утверждает, что критик был в то же время «самым крайним бойцом» «за русскую правду, за русскую особь, за русское начало, именно за всё то, что он отрицал в России для Европы». Во вражде западников со славянофилами Достоевский видит в это время «великую ошибку с обеих сторон».

С т р. 12. . . . *примкнул бы адъютантом к какой-нибудь немецкой т-те* Гёгг. . . — Достоевский повторяет фразу из письма к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г., встречающуюся и в подготовительных материалах к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 112, 228; т. XII, стр. 341—342).

С т р. 12. . . . *очень грустил ∾ самый торопившийся человек в целой России.* — Эта черта характера Белинского отмечена также в подготовительных материалах к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 73) и в записной тетради 1872—1873 гг. среди «Текучих фраз», датированных 23 декабря 1872 г.: «Белинск‹ий›; он тосковал только. Зачем не сейчас, зачем не так скоро» (см. выше, стр. 251).

Достоевский несомненно знал стихотворение Некрасова «Памяти приятеля» (1853), посвященное Белинскому, где о нем сказано:

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели. . .

Строка «Упорствуя, волнуясь и спеша» приведена и в воспоминаниях о Белинском Тургенева (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 26), на которые Достоевский неоднократно ссылался в период работы над «Бесами» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 73, 308 и др.). Отмечая, что Белинский хотел уже «сегодня» или «завтра» видеть результаты своей деятельности, Достоевский касался одного из основных пунктов своих расхождений с революционно-демократическим крылом русского освободительного движения. Так, еще в записной книжке 1860—1862 гг. он бросил упрек участникам «Современника»: «Куда вы торопитесь? (Чернышевск‹ий›). Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово! Оно разъединено» (см.: наст. изд., т. XX, стр. 153).

С т р. 12. . . .*у Знаменской церкви.* — Речь идет о церкви Знамения пресвятой богородицы, находившейся на Знаменской площади (ныне площади Восстания), напротив Московского вокзала.

С т р. 12. . . .*Николаевской железной дороги; тогда еще строившейся*). — Николаевская (после 1923 г. — Октябрьская) железная дорога, связавшая Петербург с Москвой, была построена в 1843—1851 гг. Эпизод встречи Достоевского с Белинским рассказан в подготовительных материалах к «Бесам» с дополнительными подробностями (см.: наст. изд., т. XI, стр. 73).

Стр. 12. *В последний год его жизни...* — Белинский умер 26 мая (7 июня) 1848 г.

Стр. 12. ...*в Тобольске* ∾ *увидели этих великих страдалиц...* — Встреча с женами декабристов была описана Достоевским в письме к М. М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г.: «Хотелось бы мне очень подробнее поговорить о нашем шестидневном пребывании в Тобольске и о впечатлении, которое оно на меня оставило ‹...› Ссыльные старого времени (то есть не они, а их жены) заботились об нас как о родне. Что за чудные души, испытанные двадцатипятилетним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас». Известны письма Достоевского к женам декабристов: Наталье Дмитриевне Фонвизиной (20-ые числа февраля 1854 г.) и Прасковье Егоровне Анненковой (18 октября 1855 г.). Об участи жен декабристов Достоевскому напомнила и поэма Некрасова «Русские женщины», первая часть которой — «Княгиня Трубецкая» (*ОЗ*, 1872, № 4) — была уже ему известна (отзыв о поэме в целом см. выше, стр. 73). Эпизод встречи «декабристок» с «петрашевцами», и в том числе с Ф. М. Достоевским, рассказан в воспоминаниях М. Д. Францевой (см.: *ИВ*, 1888, № 6, стр. 628—629).

Стр. 12... *выучил читать одного каторжного.* — О том, как Достоевский выучил читать дагестанского татарина Алея (Али) по русскому переводу Нового завета, рассказано в «Записках из Мертвого дома» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 51—54, 282).

III

СРЕДА

(Стр. 13)

Источники текста

ПМ — Подготовительные материалы (планы, конспекты, заметки). 4 листа. Датируются декабрем 1872 г. Хранятся: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.9, лл. 26—29; см.: *Описание*, стр. 55. Впервые опубликованы: *Коншина*, стр. 343—346.

Гр — 1873, 8 января, № 2, стр. 32—36.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 8 января, № 2, стр. 32—36, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 11—23.

Печатается по тексту первой публикации.

«Основные положения преобразования судебной части в России» были опубликованы 3 октября 1862 г., а новые судебные уставы обнародованы в ноябре 1864 г. (два издания «Судебных уставов» 1876 и 1877 гг. хранились в библиотеке Достоевского — см.: *Библиотека*, стр. 151—152). Важнейшие завоевания судебной реформы — учреждение в России суда, не зависевшего от администрации, уничтожение сословных судов и введение института присяжных заседателей. О готовящейся судебной реформе упоминалось в «Преступлении и наказании» (1866) (см.: наст. изд., т. VI, стр. 258; т. VII, стр. 387—388).

А. Ф. Кони отметил, что Достоевский своим творчеством оказал влияние на прогрессивную часть русского общества, требовавшую проведения судебной реформы: «Заступник за униженных и оскорбленных, друг падших и слабых, он выдвигает их вперед, он является борцом за *живого человека*, которого так недоставало старому порядку и которого он нам так изобразил во всех его душевных движениях, подлежавших изучению подготавливавшегося тогда нового суда» (А. Ф. Кони. Ф. М. Достоевский. Речь, произне-

сенная в общем собрании Юридического общества при С.-Петербургском университете 2 февраля 1881 г. — В кн.: *Кони*, т. VI, стр. 419; впервые опубликована (под заглавием «Достоевский-криминалист»): Неделя, 1881, 8 февраля, № 6). Достоевский внимательно следил за деятельностью реформированного русского суда, а от «справедливых и разумных приговоров» присяжных заседателей, как вспоминает жена писателя, «он даже приходил в восторг и умиление» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 170). 9 (21) октября 1867 г. Достоевский писал А. Н. Майкову: «Присяжные наши — лучше невозможно». Судьям Достоевский тогда же хотел пожелать «поболее образования и практики», а самое главное — «нравственных начал». «Без этого основания, — утверждал он, — ничего не устроится».

Достоевский, будучи писателем-реалистом, признавал факт воздействия среды на поведение человека и на формирование его психологии. Он был согласен и с тем, что «общество гадко устроено» (стр. 16), но после возвращения из Сибири, в отличие от революционных демократов 1840—1860-х годов, видел путь к изменению общества прежде всего в совершенствовании личности: «Ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправить»,— утверждал он (стр. 15).[1]

С начала 1860-х годов Достоевский вел борьбу с формулой «среда заела» (впервые он выступил с критикой ее в «Записках из Мертвого дома» — см.: наст. изд., т. IV, стр. 291; ср.: т. V, стр. 112—113; т. VI, стр. 196; т. VIII, стр. 236—237, 279; т. IX, стр. 149; см. также: *Фридлендер*, стр. 205—206). Особенность позиции Достоевского состояла в том, что в ходе полемики он не проводил различия между революционно-демократическим и либеральным истолкованием этой формулы. Между тем революционные демократы не оправдывали (подобно либералам) влиянием среды на человека его пассивность и бездействие, но призывали личность к активной борьбе с уродующей ее средой. Достоевский же полагал, что теория среды неизбежно приводит (при любом ее истолковании) к отрицанию свободы воли, снимает с личности нравственную ответственность за совершенные поступки: «Делая ‹. . .› человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» (стр. 16).

После судебной реформы теория среды стала оказывать, по мнению Достоевского, разлагающее воздействие на часть присяжных заседателей, что побудило его посвятить проблеме среды специальную главу «Дневника писателя».

Внимание Достоевского к деятельности суда присяжных в 1870-х годах было обострено слухами о готовившихся реакцией «баснословных проектах» (по выражению газеты «Голос» — 1872, 14 ноября, № 198) контрреформ судопроизводства, предусматривавших введение имущественного и образовательного ценза, проверку «благонадежности» кандидатов, избираемых в присяжные заседатели, и пр. Активной сторонницей пересмотра постановлений о суде присяжных выступала, в частности, газета «Русский мир», которая неоднократно писала о «неудовлетворительности личного состава ‹. . .› присяжных заседателей, происходящей от низкого уровня умственного и нравственного их развития» (*РМ*, 1872, 22 июля, № 188; ср. №№ 140 и 141, 2 и 3 июля, а также № 254, 1 октября, и № 294, 11 ноября).

---

[1] Ср. у Добролюбова, объяснявшего порочность среды не нравственными качествами каждого из ее представителей, а характером их социальных связей, т. е. общественно-политическим строем России того времени: «. . .одного заела среда, другого среда, третьего среда, да ведь из этих — одного, другого, третьего — среда-то и состоит; кто же или что же сделало ее такою заедающею? В чем главная-то причина, корень-то всего?» (*Добролюбов*, т. VI, стр. 204). На этот вопрос подразумевался ответ революционного характера (см.: Г. Б я л ы й. Тургенев и русский реализм. М.—Л., 1962, стр. 129—132).

Вступившие в полемику «С.-Петербургские ведомости» (1872, 8 июля, № 184) обвинили редакцию «Русского мира» в том, что она настаивает на отстранении крестьян от исполнения обязанности присяжных.

Не касаясь вопроса о порядке избрания присяжных, Достоевский писал, что, когда устанавливался «новый (правый) суд», ему «в мечтаниях мерещились заседания, где почти сплошь будут заседать, например, крестьяне, вчерашние крепостные» (стр. 13).

Н. К. Михайловский, соглашаясь с Достоевским, что «учение о среде в своем крайнем развитии обезличивает и нравственно унижает человека», вступил с писателем в полемику по поводу сущности «народной правды». Достоевскому, писал критик-народник, «нужно доказать, что русская народная правда состоит главным образом в стремлении к страданию» (*ОЗ*, 1873, № 2, стр. 337, 335). Михайловский, напротив, утверждал, что «с некоторыми по крайней мере элементами народной правды совпадает социализм» (там же, стр. 342).

Резко критический отзыв о «Среде» был помещен в «Неделе». Автор «Заметок провинциального философа», Н. В. Шелгунов писал: «И мне жалко бедную страдалицу. . . Но что бы она выиграла, что бы выиграли все другие русские страдалицы и страдальцы, если бы этого жестокосердного мужа расстреляли? ‹. . .› тут вопрос совсем не в том, что *один* муж вешает свою жену. . .» (Неделя, 1873, № 5, стр. 180). Вывод из «Заметок провинциального философа» напрашивался сам собой: чтобы искоренить зло, нужно изменить политическую и социальную систему, порождающую это зло.

С т р. 14.. . . *Да и самый суд-то присяжных ∾ не в виде дара получили.* — Участие присяжных в судебном процессе было введено в Англии Генрихом II (1133—1189). В России во время подготовки судебной реформы ее противники апеллировали к русской исторической традиции, не находя там опоры для введения суда присяжных. Впоследствии сторонник демократических принципов судопроизводства А. Ф. Кони, подчеркивая радикальный характер реформы суда, писал: «. . . не в истории русского права и не в старом суде пришлось составителям судебных уставов искать опоры для своей решимости ввести суд присяжных. Им пришлось обратиться к нравственным свойствам русского народа — опереться на веру в его способности и в духовные силы своей страны» (*Кони*, т. IV, стр. 213). Западническая точка зрения на судебную реформу нашла отражение в романе Тургенева «Дым» (1867) в речах Потугина (см.: *Тургенев*, *Сочинения*, т. IX, стр. 230).

С т р. 15. «*Это отчасти славянофильский голос*» ∾ «*Больно, дескать, очень приговорить человека*». — Подобную точку зрения некоторые из славянофилов развивали еще в 1863 г., возражая против введения суда присяжных. Автор статьи в аксаковском «Дне» «По поводу будущего суда присяжных» утверждал, например: «Не отличая преступлений юридических от нравственных, или, точнее сказать, смотря на все преступления без исключения с точки зрения нравственной, русский человек считает себя в глубине души таким же виновником или даже еще больше, чем тот, кого приходится судить ‹. . .› При таких воззрениях, естественно, не поворачивается язык произнести слово осуждения, а тем менее положить наказание» (День, 1862, 17 ноября, № 46). Тогда же в журнале братьев Достоевских «Время» была напечатана статья «Наши будущие присяжные», автор которой, П. Н. Ткачев, отвечая сомневавшимся славянофилам, писал: «Русский человек слишком снисходителен к другим, говорят, склонен более прощать, чем осуждать, слишком совестлив, осмотрителен и даже нерешителен, когда дело доходит до окончательного приговора; тем лучше, тем лучше, пусть живая струя жизни, гуманности, человечности широким потоком вольется в сухой безжизненный формализм наших официальных судов!» (*Вр*, 1863, № 4, стр. 106—107).

С т р. 17. *К числу таких сокрытых в русском народе идей* ∾ «*Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны.* — В «Записках из Мертвого дома» (1861) Достоевский подчеркивал социальный аспект этой народной идеи. Там противопоставлялись как несовместимые представления о преступлении народа и

«начальства»: «Арестант, например, хоть и всегда наклонен чувствовать себя правым в преступлениях против начальства, так что и самый вопрос об этом для него немыслим, но все-таки он практически сознавал, что начальство смотрит на его преступление совсем иным взглядом <. . .> Преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, он опять-таки знает это, его окончательно не осудит, а большею частию и совсем оправдает, лишь бы грех его был не против своих, против братьев, против своего же родного простонародья» (наст. изд., т. IV, стр. 147).

На антагонизм между «народным сознанием права и писанным законом» обращал внимание и П. Н. Ткачев на страницах журнала «Время». Он писал, что «полнейшее отрицание выработавшихся в народном сознании понятий о праве должно было подорвать всякий кредит, всякое доверие к официальному суду, сделать его чем-то чуждым, ненавистным народу; народ стал соболезновать, симпатизировать осужденным; слово *преступник* он заменил словом *несчастный*» (*Вр*, 1863, № 4, стр. 108; ср.: *Герцен*, т. VII, стр. 263).

Достоевский в данном случае имел в виду новый суд, с участием присяжных, которые должны были, с его точки зрения, выносить приговор подсудимому, руководствуясь этой «народной правдой и верой» (стр. 18). В «Записках из Мертвого дома», признавая, что «можно судить <. . .> с таких точек зрения, что чуть ли не придется оправдать самого преступника», Достоевский тем не менее со всей категоричностью утверждал: «. . .несмотря на всевозможные точки зрения, всякий согласится, что есть такие преступления, которые всегда и везде, по всевозможным законам, с начала мира считаются бесспорными преступлениями и будут считаться такими до тех пор, покамест человек останется человеком» (наст. изд., т. IV, стр. 15). В главе «Среда» Достоевский имел в виду в первую очередь именно такие «бесспорные преступления», о чем свидетельствуют приведенные им примеры.

Стр. 18. *Я был в каторге ∾ не переставал считать себя преступником.* — Достоевский был осужден к четырехлетним каторжным работам 22 декабря 1849 г.; срок его пребывания на каторге в Омской крепости истек 15 февраля 1854 г. Психологию преступников в «Записках из Мертвого дома» (1861) Достоевский оценивал иначе: «. . .в продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении <. . .> большая часть из них внутренно считает себя совершенно правыми» (наст. изд., т. IV, стр. 15).

Стр. 19. *. . .строгим наказанием, острогом и каторгой ∾ Самоочищение страданием легче. . .* — Прежде в «Записках из Мертвого дома» Достоевский ставил под сомнение возможность раскаяния и исправления преступника, подвергшегося изоляции. Он писал: «Конечно, остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие. В преступнике же острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие» (там же, стр. 15). В то же время в «Записках» говорилось и об очистительной функции терпения и страдания. Но тогда Достоевский считал, что такая идея может зародиться только в душах «отчаявшихся», «кого покинула последняя надежда» (см. там же, стр. 197 и 292).

Стр. 19. *Еще недавно я жил несколько лет сряду за границей.∾ читал там всё, что касалось русских судов. . .* — Преследуемый кредиторами, Достоевский уехал по настоянию жены за границу 15 апреля 1867 г. и вернулся в Петербург 8 июля 1871 г. Об интересе писателя к деятельности «нового суда» см. выше, стр. 386.

Стр. 19*. . . с горечью смотрел на наших абсентеистов. . .* — Абсентеизм (от лат. absentia — отсутствие) — термин, которым на Западе обозначалось уклонение избирателей от участия в выборах; здесь абсентеистами названы русские, живущие за границей. О них Достоевский уже писал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) и в «Игроке» (1866) (см.: наст. изд., т. V, стр. 62—63 и 399—400); ср. употребление этого термина в романе Тургенева «Дым» (*Тургенев*, *Сочинения*, т. IX, стр. 149).

С т р. 19. . . *там оправдали жену* ∞ *не понимал я причин оправдания . . .* — О своих сомнениях по поводу оправдательных приговоров присяжных Достоевский писал еще 18 февраля (1 марта) 1868 г. из-за границы А. Н. Майкову: «Об судах наших» (по всему тому, что читал) вот какое составил понятие: нравственная сущность нашего судьи и, главное, нашего присяжного — выше европейской бесконечно. На преступление смотрят христиански <. . .> Но одна вещь как будто еще и не установилась. Мне кажется, в этой *гуманности* с преступником еще много книжного. либерального, несамостоятельного».

С т р. 20. *Мужик забивает жену* ∞ *нашли достойным снисхождения.* — Имеется в виду слушавшееся 30 сентября 1872 г. на сессии тамбовского окружного суда в Моршанске дело крестьянина села Вирятина Моршанского уезда Н. А. Саяпина. Сообщаемые далее Достоевским подробности об истязании Саяпиным своей жены Аграфены заимствованы из корреспонденции в «Московских ведомостях» от 30 октября 1872 г. Автор корреспонденции «Из Моршанска» — В. Александров — писал о вынесенном присяжными приговоре: «Если бы Саяпин был лишен по суду всех прав состояния и приговорен к ссылке в каторжную работу, то у него была бы отнята возможность наносить дальнейший вред своему семейству, теперь же малолетняя дочь его, дававшая против него показания на суде, не защищена от зверского обращения с нею отца. Кто может поручиться, что, вернувшись домой, по прошествии восьмимесячного заключения в смирительном доме, он не захочет отомстить ей за то, что она содействовала его осуждению?» (*МВед*, 1872, 30 октября, № 274, стр. 3; см. также: *СПбВед*, 1872, 3 ноября, № 302, л. 2, стр. 1).

С т р. 21. . . *Юлией или Беатриче из Шекспира. . .* — Юлия — героиня трагедии «Ромео и Джульетта»; ее Достоевский читал еще в 1841 г. в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (ч. I, кн. 1, с. 1—64) в переводе М. Н. Каткова (под названием «Ромео и Юлия»). Об этом см.: Ю. Д. Л е в и н. Достоевский и Шекспир. — В кн.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 111. Беатриче — героиня комедии «Много шума из ничего». О знакомстве Достоевского с этой комедией см.: наст. изд., т. IX, стр. 352. В библиотеке Достоевского было «Полное собрание драматических произведений» В. Шекспира в переводе русских писателей (тт. I—IV. Издание Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. СПб., 1866—1877 — см.: *Библиотека*, стр. 137).

С т р. 21. . . *Гретхен из Фауста?* — «Фауст» Гете имелся в библиотеке Достоевского в переводе М. Вронченко (СПб., 1844 — см.: *Библиотека*, стр. 128).

С т р. 22. *Знали ведь, что ожидает ребенка.* — 5 февраля 1873 г. в «Гражданине» появилось сообщение, что выраженная здесь Достоевским тревога за судьбу ребенка побудила московских дам-благотворительниц во главе с М. Н. Ханыковой позаботиться о девочке: она была привезена в Москву и помещена в ремесленную школу (*Гр*, 1873, 5 февраля, № 6, стр. 167—168).

С т р. 22. . . *поднесла ручку ребенка под самый кран. . .* — Возможно, что источником рассказанного здесь эпизода были события, описанные А. И. Герценом в «Былом и думах» (ч. IV, гл. XXVII). Об «обваренной ручке ребенка» Достоевский неоднократно упоминал в записных тетрадях (см.: наст. изд., т. XII, стр. 361).

С т р. 23. . . *высоту адвокатского звания* ∞ *их должность каторжная. . .* — Об адвокатах, «изворачивающихся», лгущих «против своей совести», «против всякой нравственности», Достоевский впоследствии писал в «Дневнике писателя» за 1876 г. (февраль, гл. II, §§ 2—6); тип адвоката—«прелюбодея мысли» изображен также в «Братьях Карамазовых».

Подготовительные материалы

С т р. 295. *О самоубийцах, больное место.* — В начале 1870-х годов русские газеты почти ежедневно сообщали о совершенных самоубийствах. Обсуждению этой проблемы, чрезвычайно волновавшей Достоевского, уделено значительное место в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 77, 92, 254—256; т. XII, стр. 291, 292, 358).

С т р. 295. *Тропман. . .* — Как видно из предыдущей записи, Достоевский собирался писать о самоубийствах в связи с проблемой насильственной смерти. Имя казненного 19 января 1870 г. в Париже убийцы Тропмана упомянуто здесь в качестве примера смерти «через палача». В черновых набросках к «Подростку» Достоевский упрекнул Тургенева за сопоставление Тропмана с маркизом времен якобинской диктатуры (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 162). С точки зрения Достоевского, в данном случае в убийце была «только тупость воображения и соображения» (наст. изд., т. XVI, стр. 250; т. XVII, стр. 417).

С т р. 295. *Шато-д'икем ∾ имел образование?* — Достоевский имеет в виду случай самоубийства, рассказанный в «Бесах» (см.: наст. изд., т. X, стр. 254—256), когда перед смертью молоденький самоубийца заказал бутылку шато-д'икему и винограду. Самоубийства «от пустяков», из-за того, что «тяжело учиться» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 179) или «нет денег, чтобы нанять любовницу» (*ДП*, 1876, январь, гл. I, § 1), Достоевский объяснял общим разбродом в пореформенном русском обществе и утратой нравственных принципов («Никто не хочет работать ‹. . .› Дряблое, подлое поколение. Никаких долгов и обязанностей» — наст. изд., т. XVI, стр. 179). Впоследствии на эту тему Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1876 г. (январь, гл. I, § 1).

С т р. 295. *. . .дама и Мещерский, вся картина Татьяны.* — В заметке «Еще о женском вопросе» В. П. Мещерский заявил: «Наши матери, наши жены и наши сестры родились и воспитались вне духа нынешнего женского вопроса, а именно под влиянием предрассудков варварской старины, а между тем ‹. . .› они неизмеримо выше стоят, *во всех отношениях*, так называемых современных женщин. . .» В своих выводах Мещерский был весьма категоричен. Он утверждал: «. . . где женщина, под влиянием духа времени, суется на место мужчины», там она жертвует «своею главною силою и главною прелестью — женственностью» (*Гр*, 1872, 11 сентября, № 19, стр. 34, 35). В «Гражданине» же был помещен и ответ Мещерскому. В «Письме русской женщины за женский вопрос» К. Соколовская доказывала, что женщина должна заниматься общественно полезным трудом. «Женщин Пушкина, совративших своею привлекательностью не одну юную душу, надо выводить из общества, а не воспитывать» — таково мнение К. Соколовской. «Татьяна, пишущая пальчиком вензель на тусклом стекле», вызывает у автора письма чувство протеста: «Не полезнее ли желать, чтобы она употребила это время хотя на шитье для себя платья или, еще лучше, занялась бы с своими младшими братьями и сестрами и тем возвратила бы родителям затраченное на ее собственное образование?» (*Гр*, 1872, 4 декабря, № 31, стр. 448).

Достоевский, очевидно, собирался оспорить точку зрения К. Соколовской и сделал заметку: «Пушкин. Идеал женщины в народе» (стр. 294). К этой теме писатель вернулся в речи о Пушкине, где сказано о Татьяне: «. . . это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины. . .» (наст. изд., т. XXVII). Об отношении Достоевского к проблеме женской эмансипации см. выше, стр. 274—276, 529—530.

С т р. 295. *Генерал, поющий «Алексея божия человека».* — Имеется в виду духовный стих об Алексее человеке божием — подвижнике, вызывающем особый интерес в народной среде, что нашло отражение в фольклоре (см.: В. П. Адрианова. Житие Алексея человека божия в древней литературе и народной словесности. Пг., 1917). Духовные стихи обычно исполнялись странствующими нищими-слепцами (каликами перехожими) под аккомпанемент какого-нибудь музыкального инструмента. Достоевский неоднократно упоминал Алексея человека божия в своих заметках и планах. Житие этого подвижника сыграло существенную роль в определении художественной структуры «Братьев Карамазовых» (см.: В. Е. Ветловская. 1) Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых». — В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 325—354; 2) Поэтика романа «Братья Карамазовы». «Наука», Л., 1977, стр. 168—192). Тема генерала, поющего духовный стих об Алексее человеке божием, в дальнейшем творчестве писателя развития не получила.

Стр. 295. *Царь Афинион.* — Один из предводителей второго сицилийского восстания рабов (104—99 гг. до н. э). Киликиец по происхождению, управляющий в богатом имении, Афинион возглавил в 104 г. до н. э. восстание рабов на западе Сицилии и был избран ими царем; в том же году присоединился в Триокале к действовавшей во внутренней Сицилии повстанческой армии Сальвия Трифона, также провозглашенного царем. После смерти Трифона в 102 г. Афинион стал во главе восставших рабов Сицилии и принял принадлежавший ранее Трифону титул царя. Погиб в 101 г. до н. э. в одном из сражений с армией римского консула Мания Аквилия.

Стр. 295. *За границей..Мы же дворяне — лакеи, маркизами не будем.* — Эту мысль Достоевский намеревался развить в «Бесах», о чем свидетельствуют заметки в подготовительных материалах (см.: наст. изд., т. XI, стр. 71, 169; т. XII, стр. 334, 348). В «Дневнике писателя» за 1873 г. эта тема затронута в статье «Нечто о вранье» (см. выше, стр. 119—120).

Стр. 296. *Сцена между дураком, ехавшим жениться: пропало 10 рублей.* — Аналогичная сцена намечена в черновых набросках к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 109).

Стр. 296. . . . (*относиться с уважением к тринадцатилетнему возрасту*). — Это требование предъявлял Коля Красоткин («Братья Карамазовы») в общении со взрослыми. Алеша Карамазов признал его справедливым.

Стр. 296. *Дети. Относиться к ним.* — На эту тему написана одна из «Маленьких картинок» (см. выше, стр. 109—112).

Стр. 296. *Подкинутый ребенок. Чиновник, принимавший подкидышей.* — О подкинутом ребенке, которого принял в свой дом чиновник по настоянию жившего у него Аркадия Долгорукого, Достоевский рассказал в «Подростке» (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 79—81).

Стр. 296. *Убийцы ямщики.* — Может быть, Достоевский имел в виду опубликованное в «Биржевых ведомостях» от 25 ноября 1872 г. (№ 321) сообщение о грабежах и убийствах в окрестностях села Василев-Майдан Нижегородской губернии, приписываемых «местным вольным ямщикам», переселенцам из Польши, которые, как отмечал корреспондент, «без зазрения совести и без всякого страха рассказывают о своих подвигах».

Стр. 296. *У святого Феодосия.* — О святом Феодосии Достоевский писал в статье «Наши монастыри» (см. стр. 139, 460).

IV

НЕЧТО ЛИЧНОЕ

(Стр. 23)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 8 января, № 3, стр. 61—64, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 24—33.

Печатается по тексту первой публикации

Статья «Нечто личное» писалась в обстановке полемики по поводу «Бесов», печатание которых, начатое в 1871 г., закончилось в последнем номере «Русского вестника» за 1872 г., и была задумана как ответ критикам, поставившим имя автора «Бесов» в один ряд с авторами рядовых «антинигилистических» романов, защищавших существующий порядок (см. о них: наст. изд., т. XII, стр. 259). Не затушевывая своих идейных расхождений с демократическим лагерем, Достоевский, напротив, хотел в «Дневнике» подчеркнуть независимость своей общественной позиции, открыто заявив о том, что он «сам бывший ссыльный и каторжный» (стр. 29) сочувствует Чернышевскому, которого уважает, хотя и расходится «с ним в мнениях радикально» (стр. 29).

При этом Достоевский достаточно прозрачно намекает на темные обстоятельства ареста и осуждения Чернышевского, обвинение против которого было сфабриковано жандармами и следственной комиссией: «Никогда ничего не мог я узнать о его деле, — говорится в «Дневнике», — не знаю и до сих пор» (стр. 26).

Заканчивая главу «Нечто личное», Достоевский отстаивал право человека, который «тревожится духом и сердцем», писать правду об экономическом и нравственном состоянии народа после реформы 1861 г. Этим правом Достоевский воспользовался в следующей главе «Дневника», названной «Влас», развив и обосновав там высказанную им мысль: «. . . народ спасет себя сам, себя и нас, как уже неоднократно бывало с ним, о чем свидетельствует вся его история ‹. . .› довольно вмешательств!. .» (стр. 31).

Стр. 23. . . . *я вообще не люблю вспоминать.* — Эту свою мысль Достоевский в другом месте пояснял следующим образом: «Я сохраняю несколько фотографий людей, которых наиболее любил в жизни, — и что же? Я никогда не смотрю на эти изображения: для меня почему-то воспоминание равносильно страданию, и даже, чем счастливее воспоминаемое мгновение, тем более от него и мучения. В то же время, несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо. . .» (запись в альбом О. Козловой 31 января 1873 г. — см.: наст. изд., т. XXVII).

Стр. 23. *Егор Петрович Ковалевский* (1811—1868) — писатель и государственный деятель, первый председатель Литературного фонда, секретарем которого Достоевский был избран в феврале 1863 г. Получив известие о смерти Е. П. Ковалевского, Достоевский писал А. Н. Майкову 26 октября (7 ноября) 1868 г.: «Мне жаль Ковалевского, — добрый и *полезнейший* был человек, — так полезен, что может быть только по смерти его это совершенно почувствуется».

Стр. 23. . . .*роман «Преступление и наказание», появившийся тогда в «Русском вестнике».* — Печатание «Преступления и наказания» началось в январском и закончилось в декабрьском номере «Русского вестника» за 1866 г.

Стр. 23. . . .*два издателя двух журналов.* — Один из них — Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) — историк, журналист и общественный деятель. Начиная с 1866 г. он издавал ежемесячный журнал либерально-буржуазного направления «Вестник Европы», в котором печатались многие крупнейшие ученые и писатели. Не сочувствуя общему направлению этого издания, Достоевский тем не менее признавал, что «Вестник Европы» «несомненно будет первым журналом». Успех его, по мнению Достоевского, обеспечивался не только тем, что М. М. Стасюлевич привлек к участию в «Вестнике Европы» «всё, что есть блестящего из имен (Тургенев, Гончаров, Костомаров)», но и полиграфическими достоинствами издания, а также точностью выхода в свет — «в первое число каждого месяца!» (см. письмо к А. Н. Майкову от 12 (24) февраля 1870 г.). В последнем номере «Вестника Европы» за 1870 г. приведен перечень подписчиков по городам и губерниям, общее количество которых достигло небывалой для тех времен цифры: 6997.

Другой издатель — Н. А. Некрасов, который с 1847 г. был (до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым) редактором-издателем литературного и общественно-политического журнала «Современник» (основанного в 1836 г. в Петербурге А. С. Пушкиным и закрытого правительством после покушения Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.).

Стр. 24. . . .*первая встреча моя с ним*. . . — Достоевский познакомился с Н. А. Некрасовым в мае 1845 г., когда тот в сопровождении Д. В. Григоровича пришел ранним утром к автору «Бедных людей», чтобы выразить свой восторг, вызванный чтением его романа (об этом см.: наст. изд., т. I, стр. 465: *ДП*, 1877, январь, гл. II, § 4).

Стр. 24. *Потом произошли многие недоразумения.* — Энтузиазм, с которым встретили в кружке Белинского «Бедных людей», сменился охлаждением после появления «Хозяйки» и «Двойника». Об ироническом отношении

к Достоевскому Некрасова можно судить по написанной им в 1846 г. совместно с Тургеневым эпиграмме «Послание Белинского к Достоевскому» («Рыцарь горестной фигуры»). Об этом см.: наст. изд., т. I, стр. 484, 510; *Некрасов*, т. I, стр. 423, 625—627.

С т р. 24. *По возвращении моем из Сибири* ∾ *лучшие, что он написал когда-либо.* — Достоевский вернулся в Петербург после пребывания на каторге, ссылки в Сибирь и последующей жизни под секретным надзором полиции в Твери во второй половине декабря 1859 г. В 1860—1862 гг. он встречался с Некрасовым на литературно-музыкальных вечерах, устраивавшихся Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым (см.: XXV лет. 1859—1884. Сборник общ-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, стр. 433; *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 102, 108, 110—111; Н. С. А ш у к и н. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.—Л., 1935, стр. 228, 231, 265). Лучшим стихотворением Некрасова Достоевский считал «Власа» (1856), разбору которого посвящена следующая статья «Дневника писателя» за 1873 г. Об отношении Достоевского к Некрасову см. подробнее стр. 398, 400.

С т р. 24. . . .*мы вас обругали* ∾ *за «Преступление и наказание»*). — В «Современнике» за 1866 г. (№№ 2 и 3) был напечатан остро полемический разбор появившихся к тому времени первых глав «Преступления и наказания». Автор статьи, Г. З. Елисеев, упрекал Достоевского в нападках и клевете на передовую студенческую молодежь (об этом см.: наст. изд., т. VII, стр. 346—347).

С т р. 24. . . .*сплетня о «Крокодиле»*. . . — «Крокодил» — повесть Достоевского, напечатанная в «Эпохе» (1865, № 2, отд. III, стр. 1—40). «Сплетню», будто в «Крокодиле» высмеян Н. Г. Чернышевский, в 1865 г. «выпустила», как пишет ниже Достоевский, газета А. А. Краевского «Голос» (подробно об этом см.: наст. изд., т. V, стр. 393—394).

С т р. 24. *Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789—1859) — русский писатель, автор нравоописательных романов «Иван Выжигин» (1829) и «Петр Иванович Выжигин» (1831), журналист, издатель реакционной газеты «Северная пчела». Общественная позиция Булгарина, писавшего доносы на русских писателей в III Отделение, была охарактеризована Достоевским в статье «Опять „молодое перо“» (1863), где говорится о свойственном Булгарину «самоохранительном и виляющем до малодушия благоразумии», «то есть „пропадай другие, было б нам хорошо“» (наст. изд., т. XX, стр. 95). Отсутствие поэтического чутья у Булгарина Достоевский неоднократно высмеивал в статьях 1860-х годов.

С т р. 24. *С Николаем Гавриловичем Чернышевским* ∾ *в пятьдесят девятом году*. . . — Встреча с Чернышевским могла произойти не ранее 1860 г., так как Достоевский вернулся в Петербург только во второй половине декабря 1859 г. (см. выше). Чернышевский в воспоминаниях о Достоевском утверждал, что впервые увидел автора «Бедных людей», когда тот пришел к нему в 1862 г., и узнал его по портретам (см.: *Чернышевский*, т. I, стр. 777).

С т р. 25. *Герцен мне говорил* ∾ *неприятное впечатление*. . . — Герцен видел Чернышевского в июне 1859 г., когда последний приезжал в Лондон объясняться по поводу полемики, возникшей между «Колоколом» и «Современником» (см.: Б. П. К о з ь м и н. 1) Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом. — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1953, т. XII, вып. 2, стр. 137—157; 2) К вопросу о целях и результатах поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену в 1859 г. — Там же, 1955, т. XIV, вып. 2, стр. 170—177; ср.: М. В. Н е ч к и н а. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации. — Там же, 1954, т. XIII, вып. 1, стр. 48—65). После встречи с Чернышевским Герцен написал статью «Лишние люди и желчевики» (1860). Характеристика «желчевиков» (см.: *Герцен*, т. XIV, стр. 321—327) отражает, вероятно, впечатление Герцена от общения и споров с Чернышевским.

С т р. 25. . . .*одну из самых замечательных прокламаций* ∾ *в самой смешной форме*. . . — Названная здесь прокламация «К молодому поколе-

нию» появилась в сентябре 1861 г. в Петербурге. Авторами ее были соратники Чернышевского Н. В. Шелгунов и М. Л. Михайлов. Между тем Достоевский пишет, что он посетил Чернышевского весной, что подтверждается и воспоминаниями последнего (см.: *Чернышевский*, т. I, стр. 777). Кроме того, Достоевский сообщает, что он вскоре после визита к Чернышевскому на длительное время уехал из Петербурга. В 1861 г. Достоевский из Петербурга надолго не уезжал. За границу он отправился 7 июня 1862 г. Всё это заставляет предположить, что Достоевский ошибся и что он подразумевает другую прокламацию — «Молодая Россия» (автор П. Г. Заичневский), распространявшуюся в мае 1862 г. и содержавшую бланкистскую программу революционного переворота и социально-политические требования в духе идей утопического социализма.

О прокламации «Молодая Россия» и ее возможных авторах говорилось в статье «Пожары», предназначавшейся для июньской книжки журнала «Время» за 1862 г. Оценка прокламации автором статьи «Пожары», отмечавшим несостоятельность «трех золотушных школьников», которые «напечатали и разбросали глупейший листок, не справившись даже хорошо с иностранными книжками, откудова они всё выкрали и бездарно перековеркали» (*ЛН*, т. 86, стр. 51), совпадает с мнением Ф. М. Достоевского, изложенным в комментируемом здесь месте статьи из «Дневника писателя». Принадлежность статьи «Пожары» М. М. Достоевскому доказана в работе: В. Н. Сажин. Об авторе запрещенной цензурой статьи «Пожары» («Время», 1862). — *РЛ*, 1974, № 2, стр. 218.

Стр. 25. *Я застал Николая Гавриловича совсем одного* ∾ *привел к себе в кабинет.* — Н. Г. Чернышевский в автобиографическом отрывке «Мои свидания с Ф. М. Достоевским», написанном в 1888 г., рассказывает иначе: «Через несколько дней после пожара, истребившего Толкучий рынок, слуга подал мне карточку с именем Ф. М. Достоевского и сказал, что этот посетитель желает видеть меня. Я тотчас вышел в зал. . . <. . .> попросил его сесть на диван и сел подле. . .» (*Чернышевский*, т. I, стр. 777).

Стр. 25—26. *. . .вынул я прокламацию* ∾ *заявить ваше порицание, и это дойдет до них.* — Н. Г. Чернышевский в упомянутых выше воспоминаниях писал, что Достоевский, придя к нему, просил его остановить поджигателей и спасти Петербург: «Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того, что сделано ими» (*Чернышевский*, т. I, стр. 777). Чернышевский, писавший свои воспоминания много лет спустя, в 1888 г., допустил в освещении этого эпизода неточность. Достоевский не мог обратиться к нему с просьбой остановить поджигателей, так как он не считал виновниками пожаров революционеров, распространявших листовки. Напротив, редакция журнала «Время» намеревалась выступить с публичной защитой молодежи, студентов и даже авторов «Молодой России» от необоснованных обвинений в поджогах. В статье М. М. Достоевского (см. выше), оба варианта которой были запрещены цензурой (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 38—40; *Нечаева, «Время»*, стр. 298—302), выражалось требование гласного суда над истинными преступниками, «уголовными преступниками против общества». Защищая «всю корпорацию» студентов, «Время» обвиняло «хилых старцев в подагре и хирагре с старобабьим умом», которые, прочитав прокламацию «Молодая Россия», «почувствовали страшный, паралитический страх» и принялись «с кашлем и удушьем проповедовать гибель. Проповедь нашла сильную поддержку, и только при этой поддержке успели заразить общество подозрениями» (*ЛН*, т. 86, стр. 48—51). Предназначавшаяся для журнала «Время» статья о пожарах привлекла внимание передовых студенческих кругов, где она стала известна в гранках (см.: Г. Ф. Коган. Журнал «Время» и революционное студенчество 1860-х годов. — *ЛН*, т. 86, стр. 586).

Стр. 26. *. . .Николаю Гавриловичу* ∾ *заехав ко мне сам.* — Чернышевский приезжал к Достоевскому, чтобы получить его согласие на перепечатку отрывка из «Записок из Мертвого дома» в сборнике, инициатором которого был А. Д. Путята (1828—1899), член общества «Земля и воля». Это дешевое издание предназначалось для широких демократических слоев русского

общества. Текст из «Записок из Мертвого дома» для публикации в сборнике был выбран Чернышевским (см.: наст. изд., т. IV, стр. 296—297; ср.: В. Лейкина-Свирская. Н. Г. Чернышевский и «Записки из Мертвого дома». — *РЛ*, 1962, № 1, стр. 213—215). Впоследствии против перепечатки этого отрывка возражал А. Ф. Базунов, купивший право на издание «Записок из Мертвого дома» (см. письмо Достоевского к А. Д. Путяте от 8 октября 1862 г.).

Стр. 26. *Вскоре по некоторым моим обстоятельствам я переселился в Москву. . .* — Достоевский ошибается, намекая на переезд в Москву в конце 1863 г., вызванный болезнью жены. В действительности после визита к Чернышевскому он, как отмечалось выше, 7 июня 1862 г. уехал впервые за границу и пробыл там до конца сентября того же года, после чего вернулся в Петербург.

Стр. 26. *. . .произошел арест Чернышевского и его ссылка.* — Н. Г. Чернышевский был арестован 7 июля 1862 г. и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл около двух лет. 19 мая 1864 г. над Чернышевским на Мытнинской площади в Петербурге был совершен обряд «гражданской казни», после чего он был отправлен на каторгу в Сибирь. Только в 1883 г., уже после смерти Достоевского, Чернышевский получил разрешение переехать в Астрахань.

Стр. 26. *. . .вздумалось написать одну фантастическую сказку ∾ повести Гоголя «Нос».* — «Фантастическая сказка», т. е. «Крокодил», появилась через год после осуждения Чернышевского (см. выше, стр. 393). Парадоксальный характер повествования в «Необыкновенном событии, или Пассаже в Пассаже» подчеркивался в «Предисловии редакции», которым открывалось печатание рассказа в «Эпохе». Там же проводилась параллель и с повестью Гоголя «Нос» (1836), в которой описывался всем известный случай, «когда у некоего майора Ковалева однажды утром сбежал с лица его собственный нос и расхаживал потом в мундире и в шляпе с плюмажем в Таврическом саду и по Невскому» (см.: наст. изд., т. V, стр. 345).

Стр. 28. *Когда-нибудь непременно докончу. . .* — Достоевский не окончил «Крокодила», как собирался, хотя сюжетное завершение рассказа было намечено в черновых записях к нему (см.: наст. изд., т. V, стр. 393).

Стр. 28. *. . . «Голос» в фельетоне сделал странную заметку.* — См. выше, стр. 393. Фельетонист газеты «Голос», обвиняя Достоевского в том, что его рассказ «Крокодил» — памфлет на осужденного Чернышевского, писал: «Совета нашего, конечно, г-н Ф. Достоевский не примет, но мы все-таки посоветовали бы ему остановиться на четвертой главе этого крайне бестактного рассказа, о котором ходят уже толки, весьма неблагоприятные для репутации журнала „Эпоха" и для самого г-на Достоевского» (*Г*, 1865, 3 апреля, № 93).

Стр. 28. *Calomniez ∾ quelque chose.* — Цитата из комедии Бомарше (1732—1799) «Севильский цирюльник» (1775). См. подробнее: наст. изд., т. XVII, стр. 384. Эта фраза неоднократно встречается в записных тетрадях Достоевского 1875—1877 гг. (см.: наст. изд., т. XXIV).

Стр. 28. *. . .не об Андрее Александровиче говорю.* — Речь идет об А. А. Краевском — редакторе и издателе газеты «Голос», с которой Достоевский неоднократно полемизировал и которую, в частности, высмеял в «Крокодиле» (см.: наст. изд., т. V, с. 392).

Стр. 29. . . . *«Записки сумасшедшего», оду «Бог», «Юрия Милославского», стихи Фета. . .* — «Записки сумасшедшего» (1835) — повесть Н. В. Гоголя. Автор оды «Бог» (1784) — Г. Р. Державин. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) — роман М. Н. Загоскина (1789—1852). Сборники стихов А. А. Фета (1820—1892) были изданы в 1856 и 1863 гг. Достоевский, вероятно, намеренно назвал здесь произведения авторов, принадлежащих к разным эпохам и притом резко отличающихся друг от друга художественными особенностями их творчества.

Стр. 29. *. . .аллегория о франко-прусской войне. . .* — Достоевский упоминает здесь только что закончившуюся в то время войну 1870—1871 гг. между Францией, с одной стороны, и Пруссией, выступавшей совместно с ос-

тальными государствами северогерманского Союза и Южной Германии, — с другой.

Стр. 29. ...*на актера Горбунова*... — Речь идет о выдающемся акторе, рассказчике и писателе Иване Федоровиче Горбунове (1831—1895), близком знакомом и корреспонденте Достоевского в 1860-х и 1870-х годах.

Стр. 29. ...*статья о «знаменитом» романе Чернышевского ∾ принадлежит известному перу.* — В «Эпохе» о романе Чернышевского «Что делать?» писал Н. И. Соловьев (1831—1874) в статье «Женщинам» (*Э*, 1864, № 12, стр. 21—34). Мало вероятно, чтобы Достоевский имел его в виду, когда говорил, что статья «принадлежит известному перу». Скорее Достоевский подразумевал две статьи постоянного сотрудника журналов «Время» и «Эпоха», известного критика и публициста, Н. Н. Страхова, одна из которых была напечатана в «Эпохе», а другая — в «Библиотеке для чтения». Первая статья — «О женском труде» (*Э*, 1864, № 4, стр. 376—383) — посвящена практическим задачам женских товариществ. Н. Н. Страхов предложил в ней проект устава «Петербургского общества женского труда», по своим руководящим принципам перекликающийся с некоторыми идеями романа Чернышевского. Во второй статье — «Счастливые люди» (*БдЧт*, 1865, № 7—8, стр. 142—166) — Н. Н. Страхов, разбирая «Что делать?», отмечал, что роман написан с большой искренностью и вдохновением. В то же время он возражал автору романа, который, по мнению критика, с необыкновенной легкостью устранял с пути своих героев все действительные трудности, забывая о сложности и противоречивости человеческой натуры. Страхов писал, что в «Что делать?» проповедуется «простое, холодное, почти нечеловеческое отрицание страданий» (стр. 163). Не исключена возможность, что последняя статья предназначалась для «Эпохи», но в связи с закрытием этого журнала на втором номере за 1865 г. была помещена в «Библиотеке для чтения». Именно поэтому Достоевский, забыв подробности, и написал, что большая критическая статья о романе Чернышевского «Что делать?» была напечатана «в одном из самых последних №№ прекратившегося в то время журнала „Эпоха“ (чуть ли не в самом последнем)» (стр. 29). Ср.: *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 209—212; см. также: В. А. Туниманов. Творчество Достоевского (1854—1862). «Наука», Л., 1980, стр. 275—276.

ВЛАС

(Стр. 31)

Источники текста

ЧА; *ПМ* — Черновой автограф начала статьи и наброски («Влас», «Смятенный вид»). 2 листа. Датируется январем 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.9/1; см: *Описание*, стр. 55—56. Публикуется впервые.

Гр — 1873, 22 января, № 4, стр. 96—100.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 22 января, № 4, стр. 96—100, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 34—45.

Печатается по тексту первой публикации со следующим исправлением: *Стр. 31*, *строка 29*: «вогнал» вместо «загнал» (по *ЧА*, где цитата соответствует тексту Некрасова).

Статья занимает особое место в «Дневнике писателя» 1873 г.; ряд ее основных мыслей — о русском характере, стремящемся во всем «дойти до черты», о потребности страдания, свойственной русскому народу, об идеале Христа, который народ носит в сердце своем, и о том, что спасение России

в народе, — представляют собой сгусток любимых идей Достоевского, которые реализовались во многих его художественных произведениях. В статье «Влас» они высказаны наиболее резко и публицистически заострены.

Сведения о первоначальном замысле «Власа» содержит дневник Вс. С. Соловьева. 2 января 1873 г. он записал рассказ, слышанный им тогда же от Достоевского. Версия, зафиксированная Соловьевым, отличается от окончательного текста: не упоминается о товарище грешника, «русском Мефистофеле», побудившем героя совершить святотатство; говорится, что монах, «к которому со всех концов России идут исповедоваться в таких грехах, признаться в которых не смеют священнику», живет «в Киеве (или возле Киева)», что указывает на украинское происхождение сюжета (см.: *ЛН*, т. 86, с. 425). Следующий этап работы над «Власом» отражен в дошедшей до нас рукописи, представляющей собой частью черновой автограф начала статьи, частью подготовительные наброски как к ней, так и к статье «Смятенный вид» «Дневника писателя» (см. выше, стр. 296). В черновом автографе содержится исключенная из окончательного текста характеристика лица, сообщившего писателю историю его Власа. Вероятно, по замыслу Достоевского, его должна была поразить сила народной веры и почитания Христа, хотя он «человек большого ума», «верует в какого-то философского бога», а «в сущности атеист» (стр. 322—323). Исключив характеристику рассказчика из окончательного текста, писатель сосредоточил внимание на образах двух главных героев — различных психологических типах людей из народа.

Непосредственный источник услышанного Достоевским рассказа о мужике, стрелявшем в причастие, нам неизвестен. Но несомненно фольклорное происхождение этого предания. По народному поверью святотатственная стрельба в причастие (или причастием), а также в крест, в распятие и т. д. имеет магическое значение: она помогает охотнику стрелять без промаха. Поверье это существовало в разных — сходных — вариантах у многих народов. Харьковский ученый-фольклорист Н. Ф. Сумцов в своей книге 1890 г. приводит несколько из них, бытовавших в западных губерниях в 1870-х годах. Так, в 1879 г. один польский крестьянин был судим за святотатство, аналогичное тому, о котором рассказывает Достоевский. «В Харьковской губернии, — пишет Н. Ф. Сумцов, — я слышал такое поверье: чтобы сделаться искусным стрелком, нужно во время причащения удержать часть святых даров под языком, потом заделать их в кусочек дерева и носить при себе. Говорят, один человек так и поступил; но при стрельбе он увидел перед собой распятого Спасителя» (Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890, стр. 392; указано М. С. Альтманом). Возможно, оба рассказа, — записанный Сумцовым и изложенный Достоевским, — имели общий источник в судебной хронике 1870-х годов. Позднее фольклористы записали целый ряд вариантов легенды о грешнике, совершившем подобное же святотатство и пришедшем за покаянием (см.: Н. П. Андреев. Легенда о двух великих грешниках. — Известия Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, 1928, т. 1, стр. 183—198). В западноукраинских вариантах легенды святотатство выражалось обычно, как и у Достоевского, в стрельбе охотника в причастие. На связь этого фольклорного мотива с «Власом» указал Н. К. Пиксанов (см.: Н. К. Пиксанов. Достоевский и фольклор. — Советская этнография, 1934, № 1—2, стр. 152—165). Интересно, что не только образ раскаявшегося грешника, но и образ мудрого старца, наложившего на него эпитимью, имеет фольклорные аналогии. Н. П. Андреев замечает, что во многих старообрядческих вариантах легенды есть образ старца-советодателя, противопоставленного священнику, который не мог освободить кающегося страдальца от грехов и найти для него путь к спасению.[1] Тема старчества, как мы знаем, вообще важна для Достоевского 1870-х годов, она нашла отражение в замысле «Жития Великого грешника», в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., тт. IX, XI, XIV и XV).

---

[1] Подобный вариант основного мотива легенды обработан Н. А. Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо».

Однако обращает на себя внимание, что ни в одном из известных нам фольклорных вариантов легенды нет образа товарища героя — толкнувшего его на грех искусителя (вместо него в фольклорных версиях часто появляется образ второго грешника, которого убивает раскаявшийся герой легенды, после чего получает отпущение грехов). В замысле Достоевского образ искусителя сложился, по-видимому, как можно судить на основании записи Вс. Соловьева, также не сразу, но затем приобрел первостепенное значение, ибо подобный характер всегда интересовал писателя и воплотился во многих его художественных произведениях (Валковский, Свидригайлов, Ставрогин). Но на этот раз искусителем стал человек из народа, что было для Достоевского принципиально новым и важным.

Об одном из литературных предшественников «русского Мефистофеля» — кузнеце Еремке в комедии Островского «Не так живи как хочется» — Достоевский упоминает в статье «Влас», хотя и считает, что он «вышел даже очень плоховат» (стр. 41). Возможно, что в поле зрения писателя находилось и другое, более раннее, русское литературное воплощение образа «деревенского нигилиста», «доморощенного отрицателя» из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» (1831).[1] Образы «переступающих черту» грешников или циников появляются в повести Бестужева трижды. Это два деревенских парня (один из них совершает святотатство шутки ради, другой гадает ночью на кладбище, вступая тем самым в сношения с «нечистой силой») и таинственный незнакомец, появляющийся в деревенской избе в облике не то приказчика, не то поверенного по откупам. Последний сам выступает как воплощение нечистой силы и побуждает героя совершить ряд преступлений. При всей романтической традиционности многих сюжетных положений повести Бестужева, интересно, что выразителями «духа отрицания и сомнения» в ней явились крестьянин и приказчик. Достоевский, с молодых лет хорошо знакомый с творчеством А. А. Бестужева, хотя и не упомянул его повесть, мог иметь в виду, что наличие подобных черт в народном характере было уже давно зафиксировано в русской литературе.

Сходный сюжетный мотив осквернения причастия использован И. С. Тургеневым в «Рассказе отца Алексея» (1877) (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. XI, стр. 303—304). Впрочем, Тургенев мог опираться уже на «Власа» Достоевского (см. там же, стр. 532—533).

Очень существенно обращение Достоевского в статье «Влас» к творчеству Некрасова. Стихотворение его «Влас», напечатанное впервые в 1855 г. в июньской книжке «Современника», входило впоследствии во все прижизненные издания стихотворений Некрасова. Произведение это высоко ценилось Достоевским. Идеи и образы его он в сложном переосмыслении творчески использовал в «Подростке» и в «Дневнике писателя» за 1877 г.

Отношение Достоевского к Некрасову было сложным; оно к 1870-м годам успело пройти различные стадии — от личной и идейной близости в середине 1840-х годов до расхождения и даже вражды в конце 1860—начале 1870-х годов. В январском и декабрьском выпусках «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский сам рассказал об этом. Но Некрасов неизменно оставался для него значительной личностью, самым любимым из современных поэтов (см. об этом: *Долинин*, стр. 64—75 и 128—133; В. Туниманов. Достоевский и Некрасов. — В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 33—66; Ф. Евнин. Достоевский и Некрасов. — *РЛ*, 1971, № 3, стр. 24—48; М. Гин. Достоевский и Некрасов. — Север, 1971, № 11, стр. 103—123; № 12, стр. 106—124).

Неприемлемость для Достоевского многих сторон творчества Некрасова и его поэтики особенно заметно проявилась как раз в «Дневнике писателя» за 1873 г. (ср. характеристику поэмы «Русские женщины» в статье «По поводу выставки», а также статью «Нечто личное»). Но и здесь он называет Некрасова «истинным нашим поэтом» (стр. 32).

Сформулированные в статье о Власе идеи Достоевского о народе и народном искании правды вызвали заметный резонанс в современной литературе

---

[1] Замечено В. А. Тунимановым.

и критике. Ни либеральная, ни, в особенности, демократическая критика не могли согласиться с той трактовкой народа, которую обосновывал Достоевский. Постоянный антагонист «Гражданина» — «Голос» откликнулся на «Власа» в № 60 от 1 марта 1873 г. Здесь в фельетоне из серии «Литературные и общественные курьезы» содержится резкий выпад против автора «Дневника».[1]

Фельетонист «Голоса» иронически замечает, что Достоевский «мечтает о нашем „предызбранном назначении“ только в далеком будущем <. . .> Ведя нас по такому скользкому и скептическому пути, г-н Достоевский, чего доброго, допустит и науку, и цивилизацию, и европейский прогресс, и всякие дьявольские наваждения. . . При чем же останемся мы? Чем же мы станем щеголять перед „человечеством“? Неужели „Власами“, которые спасут и себя, и нас, и Европу? Оно, конечно, и от „Власов“ всякое спасение лестно и приятно. . . Но беда в том, что сами „Власы“ о своих спасительных силах ничего не знают и более чем кто-нибудь напоминают о своем обезьяньем происхождении». Поэтому, заявляет фельетонист «Голоса», надо или изменить жизнь «Власов», «снять с них гнет бедности и невежества», чтобы они действительно могли спасти себя и «нас с вами», или надо отказаться от идеи их предызбранности. «Понимаете ли вы теперь, как курьезно быть автором „Мертвого дома“ и верить в очистительное назначение каторги, писать сегодня „Бедных людей“, „Униженных и оскорбленных“, а завтра — „Бесов“ и „Дневник писателя“? Чувствуете ли, как курьезно на одной странице возлагать все свои надежды на темных „Власов“, которые должны обновить мир, а на другой — роптать на тех же „Власов“ за то, что они слишком снисходительны к преступникам? Уместно ли в одно время скорбеть о народных несчастиях, а в другое — проповедовать страдание как *главную*, коренную народную потребность? Стоило ли вести знакомство с Белинским, Герценом и др., чтоб потом примкнуть к Аскоченским и Мещерским?» — заключает он.

Настойчиво возвращались к образу Власа представители народнической литературы в своей полемике с Достоевским о народе и будущем России. Особенно значительны в этом смысле выступления Н. К. Михайловского и Г. И. Успенского. В февральском номере «Отечественных записок» за 1873 г. появилась большая статья Н. К. Михайловского, посвященная анализу «Бесов», где он рассматривает «Дневник писателя» как комментарий к «Бесам», особенно подробно останавливаясь на «Власе». Критик отмечает, что у «Власа» в толковании Достоевского много общего со Ставрогиным: та же потребность, «дойдя до пропасти <. . .> заглянуть в самую бездну» и, с другой стороны, «потребность искупить дерзость, грех» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 329). Михайловский указывает и разницу: «И Влас и Ставрогин одинаково чувствуют „наклонность к преступлению“ <. . .> наклонность согрешить для греха, для сильного ощущения. Но Власа этот грех не выбивает из его жизненного седла окончательно; в конце концов даже укрепляет в нем. Он идет искупать свой грех и в страдании искупления находит примирение с самим собой. Ставрогин этого сделать не в силах. Он падает окончательно именно потому, что не может или не хочет принять на себя крест; вернее сказать, не может, сил не хватает, хоть его и тянет к этому» (там же, стр. 330). Так трактует Михайловский характер Ставрогина, этого «citoyen du monde», и являющийся параллелью к нему характер грешника из народа. Спор с Достоевским критик ведет по поводу обоих этих характеров. Достоевский готов преклониться перед народной правдой, видит спасение в народе. Михайловский же отмечает неоднородность этой правды, где есть и ценные ростки, и плевелы, как «на одной и той же полянке можно найти и съедобный гриб и поганку» (там же, стр. 338). В подтверждение этого Михайловский

---

[1] Автором «Литературных и общественных курьезов» был А. Г. Ковнер (1842—1909), вступивший в 1877 г. в переписку с Достоевским. Его письмо от 26 января 1877 г. было использовано в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. О Ковнере см.: Л. П. Гроссман. Исповедь одного еврея. М., 1924; *Д, Письма,* т. III, стр. 377—382, а также: наст. изд., т. XXV.

приводит две народные легенды из сборника Афанасьева «Народные русские легенды» (М., 1859, №№ 28 и 30), в которых речь идет о грехе и его искуплении. В одной легенде грешник искупил свой грех тем, что убил страшного разбойника, в другой, сделав то же самое, грешник, по словам господа, взял на свою душу и грех убитого им. Михайловский делает вывод, что следует выбирать «из народной правды то, что соответствует <. . .> общечеловеческим идеалам», тщательно оберегать «это подходящее» и при помощи его изгонять «неподходящее». Достоевский же, по его мнению, из числа тех людей, которые «навязывают народу свои общечеловеческие идеалы и стараются не видеть неподходящего» (там же, стр. 338).

По предположению М. Гина, полемика Михайловского с Достоевским оказала воздействие на Некрасова, который в 1876 г., работая над «Пиром на весь мир», легендой «О двух великих грешниках», созданной под влиянием упомянутой Михайловским легенды из сборника Афанасьева, ответил Достоевскому. «Легенду о Кудеяре, — замечает М. Гин, — рассказывает в поэме монах, слышавший ее в Соловках от „инока, отца Питирима“, и преподносится она в религиозном обрамлении — начинается и кончается словами: „Господу богу помолимся“ <. . .> Монашеской легенде Достоевского Некрасов противопоставляет свою „монашескую“ легенду, прямо противоположную по характеру» (М. Гин. Об отношении Некрасова с народничеством 70-х годов. — *ВЛ*, 1960, № 9, стр. 118). Именно как полемику с Достоевским воспринял стихи Некрасова Михайловский. В позднейшей статье «О Писемском и Достоевском» (1881), говоря о двух Власах (Некрасова и Достоевского), критик замечает, что Достоевский «никогда не понимал <. . .> той глубокой черты не только русского, а и всякого народного духа, в силу которой присутствие греха обязывает не только к пассивному подвигу личного страдания, а и к активному подвигу борьбы со злом за то, что оно других заставляет страдать». И добавляет к этому в примечании: «Превосходную иллюстрацию к этой черте читатель найдет в одной главе поэмы Некрасова „Кому на Руси жить хорошо?“ <. . .> именно в рассказе „О двух великих грешниках“. Прибавьте рассказы „Про холопа примерного — Якова верного“ и „Крестьянский грех“, и вы увидите, что значит истинное понимание народной души в вопросе греха и искупления» (*ОЗ*, 1881, № 2, отд. II, стр. 262).

К образу Власа Михайловский — критик и публицист возвращался неоднократно. Так, в 1875 г. в «Записках профана», полемизируя с П. П. Червинским, идеализировавшим русскую деревню, он снова говорит о Власе Достоевского (см.: *ОЗ*, 1875, № 12, отд. II, стр. 290). А в 1876 г. в очерках «Вперемежку», касаясь эпилога романа «Подросток», критик опять упомянул о Власе (*ОЗ*, 1876, № 1, отд. II, стр. 151; ср.: наст. изд., т. XVII, стр. 356).

В 1880 г. в статье «Секрет», написанной в связи с Пушкинской речью Достоевского, об его интерпретации образа Власа вспомнил Г. И. Успенский, имея в виду февральский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Говоря о том, какую характеристику Достоевский дает западноевропейскому и русскому положению дел, Успенский упрекает писателя в отсутствии трезвого реализма, когда речь идет о России. «Ни о положении вещей в данную минуту, ни о прошлом, из которого оно вышло, нет ни одного слова, — замечает Успенский, полемизируя с Достоевским. — На каждом шагу задаешь себе вопросы: какую-такую злобу дня разрешу я, если, подобно Власу, буду, с открытым воротом и в армяке, собирать на построение храма божия? Если ту же, какая в Европе, то почему же там дело должно кончиться дракой, а не Власом? Если другую какую-нибудь, русскую злобу, особенную, то какую именно? <. . .> В Европе вот, говорит г-н Достоевский, буржуа не дает пролетарию жить на свете . . . А у нас есть ли что-нибудь в этом роде? Для кого устроены банки всевозможных родов и видов, кто играет на бирже, съедает миллионы гарантий и субсидий? И достаточно ли в таких делах Власа, собирающего на построение храма божия?» (*Успенский*, т. VI, стр. 440—441).

В статье «О Писемском и Достоевском» Н. К. Михайловский подвел итог своим многочисленным высказываниям о Достоевском. Коснулся он и «Власа», отметив, что образ этот свидетельствует, «до какой степени скудно

и односторонне было в Достоевском понимание народной души. *Вся эта* душа резюмировалась для него в чувстве греха и жажды страдания. . .» (*ОЗ*, 1881, № 2, отд. II, стр. 262). Вместе с тем, критик-демократ писал об отношении Достоевского к народу: «Пусть Достоевский скудно и односторонне понимал народную душу, но он горячо любил народ, желал ему добра и видел в нем надежду России. Это правда. И великая честь за это покойнику» (там же, стр. 263).

Стр. 32. . . .*поразила и вас, общечеловека и русского gentilhomme'а*. . . — Таким же образом в статье «Старые люди» охарактеризован Герцен — «продукт нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde» (см. выше, стр. 8 и 377).

Стр. 32. *Смуглолиц, высок и прям* . . . — Эта строка из стихотворения «Влас» использована в «Подростке» для характеристики странника Макара Долгорукого (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 109).

Стр. 33. . . . *точно это не вы, а другой кто заместо вас кривлялся потом «на Волге», в великолепных тоже стихах, про бурлацкие песни.* — Достоевский имеет в виду стихотворение Н. А. Некрасова «На Волге» (1860), впервые напечатанное в «Современнике» (1861, № 1). В четвертой части этого стихотворения описание впечатления от бурлацкой песни завершается словами горестного недоумения и упрека, обращенными к бурлаку:

В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца. . .

. . . .

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Михайловский писал, откликаясь на статью «Влас», что именно эти строки возмутили Достоевского: «В них выражается протест против страданий бурлака и, может быть, протест против отсутствия протеста с его стороны». Некрасов «только не поэтизирует страдания, покорности и терпения <. . .>», но «г-ну Достоевскому чудится уже здесь и презрение, и ненависть к русскому народу во имя общечеловеческих идеалов, презрение и ненависть к бурлаку во имя „общебурлака“» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 336—337).

В «Дневнике писателя» за 1877 г., в декабрьском выпуске, посвященном смерти Некрасова, Достоевский вновь вернулся к стихотворению «На Волге», дав ему более мягкую характеристику (см.: наст. изд., т. XXVI).

Стр. 34. *Когда пойдешь к причастию, причастье прими, но не проглоти.* — В данном случае под причастием понимается освященный хлеб (просфора), который по церковному учению символизирует тело Христа.

Стр. 40. *Дюбарри кричала палачу: «Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!».* — Слова эти упоминаются также в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 164—165). Дюбарри Мари-Жанна (1743—1793) — фаворитка Людовика XV. См. о ней подробнее в комментарии к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 439).

Стр. 41. *Искуситель у г-на Островского в прекрасной комедии «Не так живи как хочется» вышел даже очень плоховат.* — Комедия А. Н. Островского «Не так живи как хочется» (Москвитянин, 1855, № 9), как и комедии «Бедность не порок» (1853) и «Не в свои сани не садись» (1853), относятся к тем произведениям, где сказались славянофильские тенденции в творчестве раннего Островского. Холодно встреченные кругом «Современника» (см. отзыв об этих произведениях в статье Н. А. Добролюбова «Темное царство» — *С*, 1859, №№ 7, 9; в рецензии на «Бедность не порок» Н. Г. Чернышевского — *С*, 1854, № 5; в рецензии на «Не так живи как хочется» Н. А. Некрасова — *С*, 1856, № 2), эти пьесы были восторженно приняты критиками из «молодой редакции» «Москвитянина» (А. А. Григорьевым, Т. И. Филипповым). Достоевский, положительно оценивший комедию «Не так живи как

хочется», не был, как видно из данного отзыва, удовлетворен трактовкой характера Еремки, носителя силы отрицания и ненависти, толкающего героя пьесы, Петра, на преступление. Образ Еремки получил яркое раскрытие в опере А. Н. Серова «Вражья сила» (1871), написанной на сюжет комедии Островского. По предположению А. А. Гозенпуда, развитие и переосмысление композитором образа Еремки произошло, возможно, «не без воздействия Достоевского», который в годы издания журналов «Время» и «Эпоха» общался с А. Н. Серовым (см.: *Гозенпуд*, стр. 145).

Стр. 41. *... наша несостоятельность как «птенцов гнезда Петрова» в настоящий момент несомненна.* — «Птенцы гнезда Петрова» — слова из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828). Они не раз употреблялись Достоевским для обозначения образованного русского дворянства, появившегося в России в результате петровских преобразований.

Стр. 41. *Да ведь девятнадцатым февралем и закончился по-настоящему петровский период русской истории. . .* — Мысль о том, что отмена крепостного права давала России возможность вернуться на самобытный, утраченный в результате петровских реформ путь развития, поскольку стена, разъединявшая народ и культурный слой, теперь разрушена, неоднократно повторялась Достоевским. Ср. в записной тетради 1876 г.: «С уничтожением крепостного права кончилась (не закончилась) реформа Петра и петербургский период» (наст. изд., т. XXIV). Н. К. Михайловский, полемизируя с Достоевским и по этому вопросу, отметил, что Россия как раз после отмены крепостного права вступает на общеевропейский, капиталистический путь развития и что новые, не увиденные Достоевским «бесы» «налетают как коршуны» «на народную правду» «и рвут ее с алчностью хищной птицы, но с аллюрами благодетелей человечества» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 342).

VI

БОБОК

(Стр. 41)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 5 февраля, № 6, стр. 162—166, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 46—60.

Печатается по тексту первой публикации.

Рассказ был задуман в январе 1873 г. Черновой автограф начала статьи «Мечты и грезы», опубликованной Достоевским лишь в мае, содержит сентенцию об удивлении, вошедшую в рассказ «Бобок» (стр. 311). В автографе сентенция была связана с рассуждениями о суде над Нечаевым, отчет о котором публиковался в «Правительственном вестнике» (*ПВ*, 1873, 2 января, № 10) и других газетах, и размышлениями над книгой социолога А. И. Стронина «Политика как наука» (СПб., 1872). Почти полностью перенеся из чернового автографа статьи «Мечты и грезы» мысль об удивлении и последующую реплику «одного из моих знакомых», Достоевский устранил намеки на конкретные злободневные причины, способствовавшие рождению сентенции.

Замысел рассказа связан с появлением в газете «Голос» журнальной заметки Л. К. Панютина (1831—1882; псевдоним «Нил Адмирари»). Внимание Достоевского привлекло следующее место в этой заметке: «„Дневник писателя“ <. . .> напоминает известные записки, оканчивающиеся восклицанием: „А все-таки у алжирского бея на носу шишка!“ Довольно взглянуть на портрет автора „Дневника писателя“, выставленный в настоящее время в Академии художеств (имеется в виду известный портрет работы В. Г. Перова, — *Ред.*), чтобы почувствовать к г-ну Достоевскому ту самую „жалостливость“, над которою он так некстати глумится в своем журнале. Это портрет человека, истомленного тяжким недугом» (*Г*, 1873, 14 января, № 14).

Герой-литератор «Бобка» так отвечает на недостойную выходку Панютина: «Я не обижаюсь, я человек робкий; но, однако же, вот меня и сумасшедшим сделали. Списал с меня живописец портрет из случайности: „Все-таки ты, говорит, литератор". Я дался, он и выставил. Читаю: „Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо".

Оно пусть, но ведь как же, однако, так прямо в печати? В печати надо всё благородное; идеалов надо, а тут. . .» (стр. 41—42).

Заканчивается рассказ прямым упоминанием портрета Достоевского: «Снесу в „Гражданин", там одного редактора портрет тоже выставили» (стр. 54).

Заметка Панютина сыграла роль первого толчка: Достоевский приступает к работе над «Бобком», видимо, во второй половине января 1873 г. Героем-автором рассказа стал страдающий от слуховых и зрительных галлюцинаций, спившийся почти до горячки литератор-неудачник. Реплика Панютина «предопределила» близость «Записок одного лица» к «Запискам сумасшедшего» Гоголя (стиль, жанр, герой).[1] «Рубленый слог» героя «Бобка» разительно напоминает стиль дневника Поприщина.[2] Почти аналогичным образом мотивируются фантасмагоричные видения героев обоих произведений. Поприщин так удивляется изменениям, происходящим с ним: «Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал» (*Гоголь*, т. III, стр. 195). Литератор «Бобка» заявляет о себе: «Со мной что-то странное происходит. И характер меняется, и голова болит. Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи» (стр. 43).

Повествователь охотно уснащает свой рассказ каламбурами, сентенциями, обобщенными суждениями (о сумасшествии, удивлении, например). Они нередко имеют реальную основу. Полемические намеки ощутимы и в таком размышлении: «Не люблю, когда при одном лишь общем образовании суются у нас разрешать специальности; а у нас это сплошь. Штатские лица любят судить о предметах военных и даже фельдмаршальских, а люди с инженерным образованием судят больше о философии и политической экономии» (стр. 44). Среди «штатских лиц», судящих о фельдмаршальских предметах, безусловно должен быть назван социолог А. И. Стронин (1827—1889); рецензия на его книгу «Политика как наука» была помещена в том же номере «Гражданина», что и «Бобок». Достоевский полемизирует с книгой Стронина в статье «Мечты и грезы» (см. стр. 439). «Люди с инженерным образованием», занимающиеся философией и политической экономией, это главным образом Н. К. Михайловский, учившийся с 1856 по 1863 г. в Петербургском институте горных инженеров, и, видимо, П. Л. Лавров, обучавшийся с 1837 по 1842 г. в Петербургском артиллерийском училище и затем преподававший высшую математику сначала в том же училище, а потом в Артиллерийской академии.[3]

Литературные мнения «одного лица» полемичны и резки. Они всецело отражают эстетико-литературную позицию Достоевского, его особенное понимание «реализма в высшем смысле», полемику с «утилитарным» взглядом на искусство, суть которого Достоевский в наиболее окарикатуренном виде

---

[1] Сном Поприщина назовет свои размышления Достоевский в статье «Мечты и грезы», создававшейся одновременно с «Бобком» (стр. 91).

[2] Не исключено, что «рубленый слог» неудавшегося литератора — своеобразное (и, может быть, невольное) подражание стилю М. П. Погодина: в 1840-е годы большой популярностью пользовалась пародия Герцена «Путевые записки г-на Вёдрина» (1843) на путевой дневник Погодина «Год в чужих краях» (были и другие пародии — Некрасова, Дружинина). В «Былом и думах» (ч. IV, гл. XXX) Герцен писал о «рубленой сечке погодинских фраз» (*Герцен*, т. IX, стр. 168).

[3] П. Л. Лаврова, в частности, Достоевский имеет в виду и в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), говоря о «мыслителе», вышедшем «из специального заведения» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 77).

определил в статье «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (1864) (см.: наст. изд., т. XX, стр. 108—109)

«Философия» героя рассказа Клиневича, его жизненное кредо выражены в ясных, откровенных, предельно циничных словах, с которыми он обратился к соседям по кладбищу, призывая их перестать «стыдиться»: «Я предлагаю всем провести эти два месяца как можно приятнее и для того всем устроиться на иных основаниях. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!» (стр. 51—52).

Призыв Клиневича, с энтузиазмом встреченный почти всеми мертвецами (кроме патриархального купца и генерала Первоедова), и сладострастная атмосфера странного кладбищенского сборища в какой-то степени связаны с классическими и современными Достоевскому «образцами» эротической (или, по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «клубничной») литературы, в том числе с нашумевшим романом П. Д. Боборыкина (1836—1921) «Жертва вечерняя» (1868), второе издание которого появилось в 1872 г.[1] Салтыков-Щедрин в статье «Новаторы особого рода» подверг роман Боборыкина язвительной критике, увидел в нем «нимфоманию и приапизм», попытку «узаконить в нашей литературе элемент „срывания цветов удовольствия“», (*Салтыков-Щедрин*, т. IX, стр. 38—45). Особенное внимание Салтыков-Щедрин уделил героине романа и ее искусному соблазнителю Домбровичу, иронически объяснив свое предпочтение этим героям тем обстоятельством, что они являются в произведении Боборыкина единственными «живыми лицами» (там же, стр. 46). Героиня, по мнению сатирика, нимфоманка, все интересы которой вертятся вокруг «безделицы»: ухищрения Боборыкина сообщить ее действиям и мыслям трагический колорит выглядят несостоятельными. Селадон Домбрович («пламенный обожатель безделицы») — теоретик и практик разврата одновременно. «Эта célébrité, — замечает Салтыков-Щедрин, — такая слизистая гадина, до которой нельзя дотронуться, чтобы не почувствовать потребности обтереться» (там же, стр. 40). Домбрович — «человек сороковых годов»,[2] и это обстоятельство не прошло мимо внимания критика, принадлежащего к тому же поколению: «Еще одно слово: г-н Боборыкин относит своего литератора к числу эстетиков сороковых годов. Мы не возражаем против того, что в сороковых годах могли быть и даже были эстетики-литераторы вроде Домбровича, но утверждаем, что в то время не могли появиться, а ежели бы даже и могли, то не имели бы успеха, произведения, подобные „Жертве вечерней“» (там же, стр. 47).

По-видимому, не прошел мимо факта принадлежности Домбровича к поколению людей 1840-х годов и Достоевский. Один из персонажей «Бобка» — тоже идеолог безудержного разврата — вряд ли случайно носит фамилию Клиневич.[3]

---

[1] Уже в начале 1870-х годов внимание Достоевского привлек один из псевдонимов писателя — «Боб», переделанный неутомимым преследователем Боборыкина В. П. Бурениным в «Пьера Бобо». В фельетоне Достоевского «Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова» (1878) фигурирует именно Пьер Бобо, «всплывший для оригинальности» (по фантастическому предположению зевак) в облике тритона (см. стр. 248).

[2] Своеобразным прототипом Домбровича, видимо, послужил Д. В. Григорович, по определению Боборыкина, «откровенный рассказчик всяких интимностей о своих собратах. . .» (*Боборыкин*, *Воспоминания*, т. I, стр. 196). Во всяком случае Григорович сообщил Боборыкину много сведений интимно-скандального характера о Дружинине, Боткине, Лонгинове, Некрасове, Тургеневе, использованных писателем в «Жертве вечерней» (см. там же, стр. 196—197; ср.: Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1846—1896. Л., 1929, стр. 5—6).

[3] Она ассоциируется прежде всего с фамилиями героев «Жертвы вечерней» (Домбрович, Балдевич). По свидетельству самого Боборыкина, в его романе «является некий Балдевич, очень смахивающий на М‹арке›вича» (*Боборыкин*, *Воспоминания*, т. I, стр. 204). Беллетрист «Русского вестника»,

«Идеи» Домбровича, внушаемые им пылкой вдове, просты, конкретны и очень близки к mot Клиневича: «. . . нужно уметь наслаждаться настоящею жизнью. Кисло-сладкими фразами ничего не сделаешь. В таком светском обществе, как наше петербургское, еще можно жить; разумеется, умеючи <. . .> Иван Александрович Хлестаков говорит, что он „любит срывать цветы удовольствия". Но знаете ли, что срывать их умно и разнообразно — очень нелегкая вещь <. . .> Жить с прохладцей и, — протянул он, — ничего не бояться» (*Боборыкин*, стр. 46—48). «Ничего не стыдиться» Клиневича — это в сущности вариант призыва Домбровича «ничего не бояться». На практике теория Домбровича реализуется в «афинских вечерах», на которых «всё позволено» и где все собрались для «веселья». «Да, мы хотим любить и любить без всяких фраз и мелодрам! — откровенничает „просветившаяся" героиня романа. — Мы хотим жить и очень долго будем жить „в свое удовольствие!"» (там же, стр. 151).

Неуемной жаждой плотских наслаждений охвачены и мертвецы «Бобка», желающие последние два-три месяца как бы жизни провести «в свое удовольствие»: «Главное, чтобы весело провести остальное время. . .» (стр. 51).

Веселые вечера в «Жертве вечерней» быстро переходят в разнузданные оргии: «Ужин перешел в настоящую оргию. И я всех превзошла! Во мне не осталось ни капли стыдливости. Я была как какая-нибудь бесноватая <. . .> Сквозь винные пары (шампанского мы ужасно выпили) раздавался шумный хохот мужчин, крики, взвизгиванья, истерический какой-то смех и во всей комнате чад, чад, чад!» (*Боборыкин*, стр. 169). Ср. в «Бобке»: «Поднялся долгий и неистовый рев, бунт и гам, и лишь слышались нетерпеливые до истерики взвизги Авдотьи Игнатьевны» (стр. 53). Развратники Боборыкина занимаются непристойными «литературными» играми, а также участвуют в своеобразной «пети-жё»: «От письменного вранья мы перешли к простому. Мы заставили каждого из мужчин рассказать про свою первую любовь. Сколько было смеху! <. . .> Домбрович рассказал историю, где выставил себя совершенно Иосифом Прекрасным» (*Боборыкин*, стр. 161—162). К такому же примерно состязанию призывает мертвецов, не исключая и женщин, Клиневич: «Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться» (стр. 52).

В рассказе есть свой кладбищенский философ Платон[1] Николаевич, как и многие другие действующие или упоминаемые персонажи,

---

внесший свой вклад в «антинигилистическую» литературу романом «Марина из Алого рога», Б. М. Маркевич (1822—1884), кстати, в журналистских и литературных кругах получил прозвище «Бобошка» (см.: *Лесков*, т. X, стр. 379—381). Созвучна фамилии героя «Бобка» и фамилия литератора Кинаревича в «Литературной тле» И. И. Панаева (1843).

[1] М. М. Бахтин, которого преимущественно интересовало жанровое своеобразие «Бобка», заподозрил в имени этого философа намек на «сократический диалог» (*Бахтин*, стр. 187). Однако идейная связь, по-видимому, здесь важнее жанровой. Кладбищенский философ «Бобка» — не просто тезка великого грека: идеалистическое, с сильным мистическим оттенком учение Платона, автора «Федра» и «Федона», о бессмертной природе души — это та в самом широком смысле «традиция», к которой восходит «мистический бред» Платона Николаевича. Душа, находящаяся в тюрьме у плоти (тела) и постепенно освобождающаяся от телесных оков, подготавливающаяся к переходу в «подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное», — такова концепция «очищения», развернутая в диалоге «Федон» (П л а т о н. Избранные диалоги. М., 1965, стр. 362). Но это бессмертие — удел немногих, избранных душ. Когда «душа разлучается с телом, оскверненная и замаранная, ибо всегда была в связи с телом, угождала ему и любила его, зачарованная телом, его страстями и наслаждениями», ей не суждено поселиться «среди богов»: «. . . призраки <. . .> таких душ, которые расстались с телом нечистым», долго блуждают среди могил, «неся наказание за дурной образ жизни в прошлом», и в конце концов вновь заключаются

являющийся лицом вымышленным, «художественным». Тем не менее некоторые штрихи его биографии напоминают о Николае Николаевиче Страхове: «. . .наш доморощенный здешний философ, естественник и магистр. Он несколько философских книжек пустил. . .» (стр. 51). Н. Н. Страхов (1828—1896) защитил магистерскую диссертацию по зоологии на тему «О костях запястья млекопитающих» (1857) и к 1873 г. был автором нескольких философских книг, в том числе и книги «Мир как целое. Черты из науки о природе» (СПб., 1872), восторженная анонимная рецензия на которую появилась в «Гражданине» (1873, 1 января, № 1).

Представления «доморощенного» философа Платона Николаевича о загубленной жизни ближе к мистическим идеям Сведенборга, а не к рационалистической, отвергающей веру в чудеса и «потустороннее» существование после смерти концепции человека и мира Страхова. Но вполне вероятно, что повторяющийся каламбур: «Во-первых, *дух* <. . .> Но *дух*, *дух*. Не желал бы быть здешним *духовным лицом* <. . .> Много заметил веселости и *одушевления* искреннего <. . .> слышу *дух* от него, *дух*. . . <. . .> нет от меня никакого такого особого *духу*, потому еще в полном нашем теле как есть сохранил себя. . . <. . .> *дух* действительно нестерпимый, даже и по здешнему месту <. . .> признаки могильного *воодушевления* <. . .> Вонь будто бы души. . . <. . .> воистину *душа* по мытарствам ходит!. . .» (стр. 43, 46, 48, 51, 53; курсив наш, — *Ред.*) — навеян одним «этимологическим» рассуждением Страхова: «„Он дышит, он жив!“ — говорим мы в известных случаях. Даже самые слова — дыхание, дух, душа — происходят от одного корня» (Н. С т р а х о в. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1872, стр. 67).

В «Бобке» очевидны «реминисценции» из собственных произведений Достоевского, особенно из «Униженных и оскорбленных», где князь Валковский, современный злодей и сладострастник, «литературный» предшественник Клиневича, предвосхищает его «призыв»: «Но вот что я вам скажу! Если б только могло быть (чего, впрочем, *по человеческой натуре никогда быть не может*), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы *тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться*. Вот почему, говоря в скобках, так хороши наши светские условия и приличия» (см.: наст. изд., т. III, стр. 361—362; курсив наш, — *Ред.*).[1] Валковский «обнажается» перед автором-повествователем и «теоретически» обосновывает свое поведение: «Есть особое сладострастие в этом внезапном срыве маски, в этом цинизме, с которым человек вдруг выказывается перед другим в таком виде, что даже не удостоивает и постыдиться перед ним» (там же). Клиневич и его могильные соседи хорошо знают толк в такого рода «особом сладострастии». В подтверждение своих мыслей и убеждений князь рассказывает интимно-циничные историйки из своей личной жизни и неоднократно «цитирует» французских авторов (преимущественно), слегка «зашифровывая» источник цитаты: так, «анекдот» о сумасшедшем парижском чинов-

---

«в оковы тела», точно соответствующие их прежним навыкам, — превращаются в ослов, волков, ястребов, коршунов (там же, стр. 362—363). «Души» покойников в рассказе «Бобок» безусловно принадлежат к этому нечистому, плотскому разряду: «оковы плоти» настолько прочны, материальное в такой степени возобладало над духовным, что даже «подаренные» сверх земной жизни несколько месяцев «последних мгновений сознания» ничего не могут изменить, так как «по инерции» продолжается прежняя жизнь, выливаясь в «разврат последних упований».

[1] В статье «Щекотливый вопрос» Н. Ф. Павлов в своем «монологе» развивает близкие мысли: «А формы приличия — это всё, самое главное. Все мы ведь такая дрянь (я говорю про всех, то есть, пожалуй, хоть про всё человечество), что, не будь этих спасительных форм, мы бы тотчас же передрались и перекусались» (см.: наст. изд., т. XX, стр. 43).

нике, пересказ известного эпизода «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, — своего рода эмблема «заголения», повторенная Достоевским в «Подростке» и лежащая в «подкладке» «Записок из подполья» и «Бобка».[1]

Клиневич напоминает генералу Первоедову, что они на земле «у Волоконских встречались, куда вас, не знаю почему, тоже пускали» (стр. 49). Если принять гипотезу Р. Г. Назирова, что историческим «прототипом» Валковского был фельдмаршал П. М. Волконский (1776—1852), любимец Николая I и фактор в любовных делах государя (см.: Р. Г. Назиров. О прототипах некоторых персонажей Достоевского. — В кн.: *Материалы и исследования*, т. 1, стр. 205), то «Волоконские» в «Бобке», очевидно, аналогичная реалия.

Надворный советник Лебезятников[2] в этом рассказе Достоевского имеет предшественника-однофамильца в «Преступлении и наказании». «Симметрические бородавки» героя-литератора — деталь из записных книжек к «Бесам», связанная там с внешностью Петра Верховенского (Нечаева) — легендарной (бородавка) и реальной (заурядной, лишенной «феноменальных» примет): «Так, например, выглядит Нечаев. Тут и какое лицо, и какое он на меня впечатление произвел, и говорили, будто бы он с бородавкой, — но никакой бородавки, а если, говорят, его просмотрел полицейский агент на границе, то немудрено — особенно если он так ловко умел костюмироваться: ничего не имел в себе особенного» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 93).

При достаточном количестве злободневных полемических реалий в «Бобке», его герои чаще все-таки не «личности», а типы.[3] Не составляет исключения и сам условный «автор» «Записок», выступивший под псевдонимом «одно лицо». Псевдоним возник под впечатлением знакомства Достоевского с полемикой между В. П. Бурениным («С.-Петербургские ведомости») и Н. К. Михайловским («Отечественные записки») и прямо относится к Буренину (об этом ниже, стр. 415). Но это и обобщенный образ, тип петербургского фельетониста, литератора-неудачника. Создавая «литературную» биографию героя, Достоевский опирался на «физиологические» очерки И. И. Панаева, главным образом на «Литературную тлю» (1843) и «Петербургского фельетониста» (1841).[4]

Насыщенность рассказа памфлетно-полемическими выпадами уподобляет его публицистическим статьям, вошедшим в «Дневник писателя» 1873 г. В то же время «Бобок» — художественное произведение, смысл которого в целом не может быть «расшифрован» ни с помощью отсылок к злободневным, сиюминутным проблемам, ни с помощью указаний на факт развития идей и мотивов из более ранних произведений писателя. Закономерно сложилась традиция интерпретации «Бобка» в широком, символическом плане (А. Белый, В. В. Вересаев, Л. П. Гроссман, К. О. Мочульский). Прослеживая тра-

---

[1] В более широком плане фантастический рассказ «Бобок» — современная русская параллель к характеристике позднеримской эпохи, данной Достоевским в статье «Ответ „Русскому вестнику“»: «Всё уходит в тело, всё бросается в телесный разврат и, чтоб пополнить недостающие высшие духовные впечатления, раздражает свои нервы, свое тело всем, что только способно возбудить чувствительность. Самые чудовищные уклонения, самые ненормальные явления становятся мало-помалу обыкновенными» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 135—136).

[2] Фамилия значащая, смысловая, так же как и фамилия генерала — «Первоедов». Значение фамилии Лебезятников Достоевский разъяснил в черновых записях к «Преступлению и наказанию» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 202).

[3] Точно так же далеко не все события в гротескно-каламбурном мире «Бобка» дублируют скандальную газетную хронику. Напротив, хищения, производство «фальшивых бумажек» и прочие жизненные подвиги мертвецов вряд ли восходят к определенным судебным процессам; это скорее заурядные преступления в духе времени.

[4] Ср. особенно: И. И. Панаев. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., 1888, стр. 382—383.

дицию и развитие жанра мениппеи во Франции и Германии (Фенелон, Фонтенель, Буало, Вольтер, Дидро, Гете, Гофман), Бахтин мельком называет и русских писателей XVIII в., сочинявших «разговоры в царстве мертвых» (*Бахтин*, стр. 190),[1] справедливо в то же время подчеркивая новаторский характер мениппеи Достоевского, ничего общего не имеющей со «стилизацией умершего жанра» (там же, стр. 184—189).

В символическом и конкретном, идейно-смысловом, планах проблематику и поэтику «Бобка» предваряют стихотворение Пушкина «Когда за городом, задумчив, я брожу. . .» (1836) и «фантастический» рассказ В. Ф. Одоевского «Живой мертвец» (1844).[2]

Наконец, наиболее близким по времени литературным предшественником «Бобка» явился другой фельетон уже названного выше Л. К. Панютина, посвященный ритуальным гуляньям на Смоленском кладбище (*Г*, 1870, 2 августа, № 211). Начинается он описанием традиционных хмельных оргий на могилах. Фланёр-фельетонист невольно наблюдает разные простонародные сцены и слышит разговоры пьяных, но «живых» людей. Затем, утомившись, он в самой непринужденной позе располагается отдохнуть: «. . . разлегся на солнечном припеке, с папиросою в зубах, мысленно попросив у покойников извинения за беспокойство». Но мысль эта была услышана одним покойником, охотно извинившим фельетониста «Голоса» и вступившим с ним в разговор. Необычный собеседник оказался дворцовым курьером: он когда-то пострадал при Бироне. Покойника интересует современная жизнь России, он характеризует своих соседей по могилам, произносит несколько сентенций «живым людям в назидание». Беседа фельетониста с мертвецом прерывается тривиальным образом: автора будит городовой. В «Бобке», по-видимому, отразился один мотив фельетона: мертвец у Панютина говорит каким-то непонятным образом, не так, как живые люди: «Языка я еще при жизни имел неприятность лишиться». В «Бобке» также говорится о необычайном звучании голосов покойников: «Слышу — звуки глухие, как будто рты закрыты подушками; и при всем том внятные и очень близкие» (стр. 44). Дается точное и дифференцированное социально-психологическое описание «голосов». Затем на вопрос Клиневича («Ведь мы умерли, а между тем говорим; как будто и движемся, а между тем и не говорим и не движемся?») отвечает Лебезятников, излагая «мистические» идеи философа Платона Николаевича о двух-трех месяцах жизни после «тамошней» смерти, во время которых жизнь продолжается «как бы по инерции», «остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании» (стр. 51), а затем сознание и каким-то сверхъестественным образом продолжавшаяся речь оставляют человека, звучит бессмысленное слово «бобок», и, наконец, наступает окончательная смерть. «Голоса» и «слух» — особенные, «неземные»: мертвецы в «Бобке» «слышат вонь», «так сказать, нравственную», «будто бы души». Возможность «покаяния» («. . .это, так сказать, последнее милосердие» — стр. 51) сохраняется для них. «Мистическое» толкование Платона Николаевича — своеобразный философский «комментарий» к поэтическому афоризму Ф. И. Тютчева: «Не плоть, а дух растлился в наши дни» («Наш век», 1851) и одновременно развитие гоголевской темы омертвения человеческой души. Мертвецы «Бобка» утратили душу еще в земной жизни, и «как бы по инерции» распаленное, извращенное сладострастие владеет их «сознанием» после «предварительной» смерти.

Достоевский, видимо, задумал цикл «кладбищенских» рассказов. Во всяком случае, «одно лицо» в послесловии к рассказу обещает: «Побываю в других разрядах, послушаю везде ‹. . .› А к тем непременно вернусь. Обещали свои биографии и разные анекдотцы» (стр. 54). Но широко задуманный

---

[1] Достоевский несомненно еще в юности был знаком с «Разговорами мертвых» М. Н. Муравьева по многократно переиздававшемуся учебнику Н. Ф. Кошанского «Частная риторика».

[2] Мысль об идейно-эстетической близости «фантастических рассказов» Одоевского и Достоевского принадлежит Г. М. Фридлендеру. Ср.: *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 16—18.

замысел не был осуществлен Достоевским: впоследствии он вернется к жанру «фантастического» рассказа в 1877 г., написав «Сон смешного человека», однако этот последний рассказ в другом, утопическом роде.

Критика 1870-х годов прошла мимо рассказа «Бобок»: бессмысленный, патологический этюд — таково было господствующее мнение современников о «кладбищенском» рассказе редактора «Гражданина».[1] Новое отношение к «Бобку» сложилось в XX в., когда фантастический, гротескно-сатирический шедевр писателя был оценен по достоинству.

С т р. 42. *Какой же тебе соли ∾ аттической?* — Образное выражение, означающее утонченное остроумие: восходит к Марку Туллию Цицерону (106—43 г. до н. э.), высоко ценившему ораторское искусство в Греции (Аттике).

С т р. 42. *Вольтеровы бонмо хочу собрать. . .* — Бонмо (от франц. bons mots) — острые слова.

С т р. 42. *«При таком, дескать, самобытном таланте ∾ надо было предвидеть. . .»* — Имеются в виду рецензии и полемические отклики на роман «Бесы», особенно заметка «Журналистика и библиография», опубликованная в «Биржевых ведомостях» и подписанная «М. Н.», в которой содержание романа сравнивалось с галлюцинациями Поприщина. Здесь же вспоминается о начале литературной деятельности Достоевского, когда его первое произведение «приветствовал Белинский, полагавший, что его талант принадлежит к разряду тех, которые постигаются и познаются не вдруг. Много, в продолжение его поприща, говорил он, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы. Не знаем, действительно ли достиг его талант этого апогея, но по части изображения наших отечественных юношей он в самом деле превзошел по крайней мере тех из своих конкурентов, которые подвизаются на этом пути в „Русском вестнике" и в других журналах такого же характера и о которых мы уже забыли» (*БВ*, 1872, 24 марта, № 83). О рецензии М. Н. также см.: наст. изд., т. XII, стр. 257. Всем критикам романа Достоевский собирался отвечать специально и подробно: об этом свидетельствует набросок послесловия к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 308).

С т р. 43. *Коллежский, однако, советник.* — Гражданский чин шестого класса.

С т р. 44. *. . .противоречит механике и здравому смыслу.* — Полемическая реплика на статью В. П. Буренина «Очистительное значение каторги и нервически-выкликательные фельетоны г-на Ф. Достоевского («Гражданин», №№ 1, 2, 3)». Буренин так оценивал публицистику Достоевского: «Но когда г-н Достоевский пускается в область мышления теоретического, когда он желает быть публицистом, философом, моралистом — он тогда ужасен, нет, больше чем ужасен, — *он невменяем по отношению к здравому смыслу и логике*» (*СПбВед*, 1873, 20 января, № 20; курсив наш. — *Ред.*). «Одно лицо» несколько переиначивает слова (выделенные курсивом) Буренина, заменяя «логику» «механикой». По всей видимости, Достоевский делает это с дополнительной полемической целью, задевая Тургенева за статью «По поводу „Отцов и детей"», которую он ранее пародировал в «Бесах» (см.: наст. изд., т. XII, стр. 167—168). Тургенев заканчивает статью таким обращением к «людям практическим»: «. . . уважайте по крайней мере *законы механики*, извлекайте из каждой вещи всю возможную пользу! А то, право, пробегая иные вялые, смутные, бессильно-пространные разглагольствования в журналах, читатель

---

[1] Так, в «Журнальном обозрении» «Дела» о «Бобке» говорится следующее: «. . . г-н Достоевский повествует, как на кладбище он подслушал разговоры погребенных уже покойников, как эти разлагающиеся трупы сплетничают, изъясняются в любви и т. д. Положим, что все это фантастические рассказы, но самый уже выбор таких сюжетов производит на читателя болезненное впечатление и заставляет подозревать, что у автора что-то неладно в верхнем этаже» (1873, № 12, стр. 102; см. также: *И*, 1873, 14 марта, № 12 (стихотворный фельетон Д. Д. Минаева «Кому на Руси жить хорошо»)).

невольно должен думать, что именно *рычаг-то* вы заменяете первобытными подпорками, что вы возвращаетесь к младенчеству самой механики. . .» (*Тургенев*, *Сочинения*, т. XIV, стр. 109; курсив наш, — *Ред.*).

Стр. 44. *На литию не поехал.* — В православном церковном богослужении моление об умершем; чаще всего совершается при выносе тела из дома, также — на кладбище.

Стр. 44. *Начал с московской выставки. . .* — Очевидно, имеется в виду политехническая выставка в Москве (открыта 30 мая 1872 г., закрыта 30 августа того же года), приуроченная к 200-летию со дня рождения Петра I. Выставка и юбилей — две преобладающие темы статей, обзоров, фельетонов, корреспонденций столичных и провинциальных газет во второй половине 1872 г. Большая обзорная статья «Политехническая выставка в Москве», подписанная инициалами «Б. К. Н.», была помещена в сборнике «Гражданина» за 1872 г., имевшемся в библиотеке Достоевского (Гражданин. Журнал политический и литературный. 1872 г., ч. I, кн. 2. СПб., 1872, стр. 194—285).

Стр. 44. . . .*ничему не удивляться гораздо красивее. . .* — Достоевский имеет в виду популярное изречение Квинта Горация Флакка (68—8 г. до н. э.) «Nil admirari» («Ничему не удивляться» — *лат.*). В «Бобке» эти крылатые слова, возможно, полемически задевают Л. К. Панютина, напоминая о его псевдониме.

Стр. 44. . . .*на землю хлеб крошить, кажется, не грешно; это на пол грешно.* — М. М. Бахтин дает такое объяснение этому противопоставлению: «Сугубо натуралистическая и профанирующая деталь — недоеденный бутерброд на могиле — дает повод коснуться символики карнавального типа: крошить хлеб на землю можно — это посев, оплодотворение, на пол нельзя — это бесплодное лоно» (*Бахтин*, стр. 186—187).

Стр. 44. . . .*в календаре Суворина.* — Речь идет о «Русском календаре на 1872 год» А. С. Суворина (СПб., 1872). Новый календарь значительно отличался от бытовавших ранее узко справочных изданий. В предисловии к календарю это обстоятельство подчеркивалось и разъяснялось: «При распространении в нашем обществе за последние десять лет интереса к общественным делам и к их обсуждению, мы поставили главною задачею „Русского календаря“ быть не только справочною книгою, но и вместе сборником сведений о России и данных для ознакомления с ее физическими, экономическими и нравственно-политическими средствами в наличном их состоянии, и притом сравнительно с такими же силами остальной Европы». В календаре было 42 раздела; «одно лицо», видимо, собирается «справиться» в четвертом разделе — «Календаре народных примет, обычаев и поверьев на Руси» (стр. 48—55).

Стр. 45. *«Покойся, милый прах, до радостного утра!»* — эпитафия Н. М. Карамзина (1792). По желанию М. М. и Ф. М. Достоевских она была высечена в 1837 г. на памятнике, установленном на могиле их матери. Эпитафия Карамзина уже к 1830-м годам получила широкое распространение. Ал. Шлехтер в рассказе «Жертва порока. Сцены из городской жизни» констатировал: «Люди частым повторением так износили, истерли эту прекрасную надпись, что она совершенно потеряла прекрасный смысл свой. Ее встретишь над прахом лихоимца, над могилою человека, по котором получили давно жданное наследство, над гробом врага, над телом ненавистного жене мужа» (*БдЧт*, 1834, № 5, стр. 161). Эпитафия Карамзина ранее фигурировала (в бурлескном контексте) и в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 411).

Стр. 45. . . .*надворный советник.* — Гражданский чин седьмого класса.

Стр. 46. . . .*Крикса* — плакса, рева, крикуша.

Стр. 46. . . .*сороковинки. . .* — Сороковины (или сорочины) — поминки (упокойная память, молитва) в сороковой день после кончины. У Достоевского в 1875 г. возник замысел «поэмы» о Христе «Сороковины», к которому он вновь вернется в 1877 г.

Стр. 46. . . .*нажрутся кутьи. . .* — Кутья (кутия, коливо) — смесь вареного зерна с медом (или сахаром, черносливом, изюмом и т. д.). Здесь зерно, по-видимому, — символ воскрешения, а мед (или другие сладкие ингредиенты) — символ сладостных благ будущей жизни. Кутья — традиционная символическая деталь похоронного обряда.

С т р. 47. . . *действительного тайного советника*. . . — Гражданский чин второго класса.

С т р. 47. . . .*долину Иосафатову*. — Расположена в окрестностях Иерусалима (чаще всего ее отождествляют с Кедронской долиной); по библейскому преданию, названа так в честь иудейского царя Иосафата. Иосафатова долина — библейский пророческий символ: это место, где будет происходить «страшный суд» при кончине мира (см.: Книга пророка Иоиля, гл. 4, ст. 12).

С т р. 48. . . .*к Эку или* к *Боткину*? — Экк и Боткин — петербургские медицинские светила. О них так сообщал календарь Суворина в рубрике «Петербургские врачи-специалисты»: «Боткин (внутренние болезни). У 5 Углов, д. Лапина. Прием на дому: понедельник, среда, пятница, с 7 час. вечера ‹. . .› Экк (внутренние болезни). У Чернышева моста, д. Театральной дирекции» (Русский календарь на 1872 год А. С. Суворина, стр. 358). В. Е. Экк (1818—1875) — врач-терапевт, доктор медицины, действительный адъюнкт-профессор, преподавал в Медико-хирургической академии клиническую терапию. С. П. Боткин (1832—1889) — русский врач и ученый; с 1873 г. избран почетным лейб-медиком; упоминается («Б—н») в черновых записях к «Преступлению и наказанию» и в «Идиоте» (см.: наст. изд. т. VII, стр. 393; т. VIII, стр. 239).

С т р. 48. . . .*из статских советников*. . . — Гражданский чин пятого класса.

С т р. 49. . . . *и считаюсь «милым полисоном»*. — Полисон (от франц. polisson) — шалун, повеса.

С т р. 49. . . .*когда я еще был четырнадцатилетним пажом*. . . — Воспитанником Петербургского пажеского корпуса. Возможно, сниженная аллюзия на стихотворение Пушкина «Паж, или Пятнадцатый год» (1830). В романе Боборыкина «Жертва вечерняя» все мужчины, как выяснилось во время пети-жё, «лет по шестнадцати потеряли свою невинность» (*Боборыкин*, стр. 162).

С т р. 50. . . .*на святой*. . . — т. е. на пасхальной неделе.

С т р. 53. . . .*и от вас останется шесть медных пуговиц*. — Ср. в набросках к статье о «чести» для «Дневника писателя» за 1876 г.: «Похороны генералов. 6 медных пуговиц. Честь была при жизни. Бархатные подушки, ордена» (см.: наст. изд., т. XXIV).

VII

«СМЯТЕННЫЙ ВИД»

(Стр. 54)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 19 февраля, № 8, стр. 224—226, с подписью Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 61—68.

Печатается по тексту первой публикации.

В 1872 и в начале 1873 г. в русской журнально-газетной периодике появилось большое число работ, посвященных истории, быту, догматике сект и толков старообрядчества, статистике раскола, случаям перехода из раскола в православие и из православия в раскол. «Вестник Европы» опубликовал исследование А. И. Розова «Странники, или бегуны, в русском расколе» (1872, №№ 11, 12; 1873, № 1) и работу Д. И. Троицкого «Новейшая полемика раскола» (1873, №№ 5, 6). Ряд передовых статей о расколе поместил «Голос» (1872, 12, 13 октября, 23, 24 ноября, №№ 165, 166, 207, 208). Коснулись этой темы и «Биржевые ведомости» (1872, 28 сентября, № 263). Проблематика старообрядчества широко освещалась также на страницах духовной периодики. Статьи о расколе печатались в «Страннике» (1872, т. IV, ч. 2), «Православном обозрении» (1872, № 1), «Московских епархиальных ведомостях» (1872, 6 июля, 3 сентября, 29 октября, 19 ноября, 3 декабря, №№ 29, 36, 44, 47,

49). Большое внимание уделялось расколу в провинциальных гражданских и духовных изданиях. Материал именно этих изданий ложился в основу соответствующих обозрений столичной периодики (и в частности, журнала «Гражданин»).

Есть свидетельства, что уже в 1840-е годы, будучи петрашевцем, Достоевский искал сближения заговорщиков с раскольниками (см.: *Биография*, стр. 87). Интерес писателя к расколу и раскольникам в период каторги нашел отражение в «Записках из Мертвого дома» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 292). В 1862 г. в журнале братьев Достоевских «Время» (№ 11) была опубликована вторая часть известной работы А. П. Щапова «Земство и раскол». Тогда же в статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский изложил свое понимание раскола как одного из крупнейших явлений в истории русской общественной жизни, родившегося из страстного стремления народа к «истине» (см.: наст. изд., т. XX, стр. 260—261, 267—268). Темы раскола Достоевский касался в «Преступлении и наказании» (см.: наст. изд., т. VI, стр. 347—348; т. VII, стр. 393—395). О Достоевском и русском расколе см. также: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 207; *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 116.

В не меньшей степени внимание писателя привлекало сектантство (см., например: наст. изд., т. IX, стр. 515—517). Образование секты штундистов и повесть Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» побудили Достоевского в данной статье, с одной стороны, рассмотреть движение в русском сектантстве 1870-х годов, свидетельствующее, по убеждению писателя, о жажде обновления в среде народа, внутреннем противостоянии его «всеобщему разложению» и потому оцениваемое им как «нечто пророческое» (стр. 71), с другой — поставить вопрос о недостаточно действенном отношении русского духовенства к своей миссии пастырей православия, с которым писатель связывал исторические судьбы России и Европы (см. об этом ниже, в статье «Наши монастыри», стр. 137—138).

В подготовительных материалах к роману «Подросток» встречается запись (от 26 ноября 1874 г.): «Вот успевают же штундисты; кажется, чего бы противуположнее народному русскому духу? Закон потребности в живой силе, кажется, везде одинаков» (наст. изд., т. XVI, стр. 233). «Живая сила» рассматривается здесь Достоевским как начало, способное противостоять царящему в обществе «беспорядку». Именно в этом смысле поднимается в статье «Смятенный вид» вопрос о личности священника как активного носителя православной идеи. То, что безразличие архиерея к «святотатственному» поступку приезжего чиновника не осуждается у Лескова, а переход раскольников в православие остается немотивированным, связано, по мнению Достоевского, с непониманием писателем сущности как православия, так и русского раскола.

Два месяца спустя после публикации комментируемой статьи Лесков поместил в «Русском мире» за подписью «Псаломщик» и «Свящ. П. Касторский» две заметки — «О певческой ливрее» и «Холостые понятия о женатом монахе» (1873, 4, 23 апреля, №№ 87, 103), полемически направленные против статьи Достоевского «По поводу выставки» и рассказа М. А. Недолина «Дьячок», напечатанного в «Гражданине».[1] Развернутый ответ Лескову был дан Достоевским в статье «Ряженый» (см. стр. 77—91, 430—435).

Стр. 54. *Всего я прочел: «Запечатленного ангела» г-на Лескова. . .* — Повесть была опубликована в «Русском вестнике» (1873, № 1, стр. 229—292).

---

[1] См. об этом: В. В. Виноградов. Достоевский и Лесков. (70-е годы XIX века). — *РЛ*, 1961, № 1, стр. 63—84; № 2, стр. 65—97; Е. М. Пульхритудова. Достоевский и Лесков. (К истории творческих взаимоотношений). — В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 87—138, а также: И. В. Столярова. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова. (Н. С. Лесков о Ф. М. Решетникове и Ф. М. Достоевском). — Ученые записки Ленинградского гос. университета, 1968, № 339, вып. 72, стр. 224—229.

С т р. 54. . . .*поэму Некрасова и статью г-на Щедрина.* — Имеются в виду вторая часть поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины» — «Княгиня М. Н. Волконская» (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. I, стр. 213—252) и второй очерк из цикла «Благонамеренные речи» М. Е. Салтыкова-Щедрина (там же, стр. 1—32). К поэме Некрасова Достоевский возвратился в статье «По поводу выставки» (см. выше, стр. 73). Запись, сделанную писателем по прочтении очерка Щедрина, см. в записной тетради 1872—1875 гг. (стр. 255).

С т р. 54. *Прочел я тоже статьи г-д Скабичевского и Н. М. в «Отечественных записках» ∾ поговорить о них.* — Речь идет о первой статье из цикла А. М. Скабичевского «Драма в Европе и у нас» (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 1—39) и об обозрении Н. М. (Н. К. Михайловского) «Литературные и журнальные заметки» (там же, стр. 133—161). Одна из главных проблем для Скабичевского — сопоставление личности русской и европейской. Специально к статье Скабичевского Достоевский впоследствии не возвращался. Его концепция русского национального характера в 1870-е годы нашла выражение в романах «Подросток», «Братья Карамазовы» и в речи о Пушкине. Вопросы, поставленные Михайловским, затронувшим в своих заметках «Бесов» и статью «Старые люди», оставались в сфере внимания Достоевского в течение всего 1873 г. (см. статьи «Полписьма „одного лица“» и «Две заметки редактора»). Подробный ответ критику дается в статье «Одна из современных фальшей», заключающей «Дневник писателя» за 1873 г.

С т р. 54. *Известно, что сочинение это ∾ и что очень многие его прочли.* — Полемика Достоевского с Лесковым в статье «Ряженый» (см. выше, стр. 77), затронувшая и газету «Русский мир», дает основание предположить, что писатель мог здесь иметь в виду следующее сообщение «Русского мира», сделанное еще до публикации «Запечатленного ангела»: «В настоящее время для художественной литературы как будто снова возникает благоприятная пора. Началом этого движения мы обязаны роману даровитого писателя Н. С. Лескова „Соборяне“. Такое же внимание, как нам известно, перешло на новое произведение того же автора, на небольшой рождественский рассказ „Запечатленный ангел“. Рассказ этот должен появиться в январской книжке „Русского вестника“, но еще до появления его в печати он читается уже по рукописи с живым и непривычным для нашего времени сочувствием» (*РМ*, 1873, 10 января, № 8).

С т р. 54. . . .*освященных еще до времени патриарха Никона.* — Т. е. до раскола в русской православной церкви.

С т р. 55. *Архиерей* — общее обозначение высших церковных титулов епископа, архиепископа, митрополита.

С т р. 55. *«Это тебе должно быть внушительно ∾ и тебя сюда привел».* — Цитата из повести «Запечатленный ангел» (гл. 15).

С т р. 55. . . . *вспомним только конец диакона Ахиллы в его «Соборянах».*) — С этим критическим замечанием о «Соборянах» В. В. Виноградов связывает возражение Лескова в статье «Холостые понятия о женатом монахе» (*РМ*, 1873, 23 апреля, № 103), по поводу мало «вероподобной развязки» рассказа М. А. Недолина «Дьячок», опубликованного в «Гражданине» (1873, 16 апреля, № 15—16), отмечая также совпадение эстетической оценки «конца диакона Ахиллы» в данной статье с рассуждением на эту тему в приписываемой Достоевскому рецензии на «Соборян» (*Гр*, 1873, 22 января, № 4, ср.: *РЛ*, 1961, № 1, стр. 63—84). См. также статью «Ряженый» и комментарий к «Запечатленному ангелу» (*Лесков*, т. IV, стр. 544—545).

С т р. 56. . . .*рассказ, говорят, основан на действительном факте.* — Возвращаясь к «Запечатленному ангелу» и его фактической основе в заключительной главе «Печерских антиков» (1883), Лесков писал: «*Такого происшествия*, какое передано в рассказе, *в Киеве никогда не происходило*, то есть никакой иконы старовер не крал и по цепям через Днепр не переносил ‹. . .› Отважный переход по цепям действительно послужил мне *темою* для изображения отчаянной русской удали, но цель действия и вообще вся история „Запечатленного ангела“, конечно, иная, и она мною просто вымышлена» (*Лесков*, т. VII, стр. 219).

Стр. 57. *«Один из деревенских священников Орловской губернии ∾ духовенство проводит суеверие».* — Письмо опубликовано в «Голосе» (1873, 5 февраля, № 36).

Стр. 57. *...остзейскому пастору?* — Т. е. прибалтийскому.

Стр. 58. *Очень странное явление ∾ новая секта штундистов.* — Возникновение этой секты в конце 1860-х годов на юге России связывалось с влиянием немецких колонистов (см. ниже, стр. 506, 508, а также: наст. изд., т. XVII, стр. 416—417).

Стр. 58. *«Гражданин» о ней сообщал своевременно.* — См. в разделе «Областное обозрение» (*Гр*, 1872, 4 декабря, № 31, стр. 460; 1873, 29 января, № 5, стр. 129). После публикации статьи «Смятенный вид» в газете-журнале вновь отмечалось: «О штундистах уже заходила речь в „Гражданине“, но, как оказывается, эта песенка еще далеко не спета. Чудное явление на Руси — этот штундизм!» (*Гр*, 1873, 30 июля, № 31, стр. 845).

Стр. 58... *«жалок и беден, и слеп, и нищ, и наг».* — Неточная цитата из Библии (Откровение Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 17). В Библии: «несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг».

Стр. 60. *Воздержание от вина ∾ величие России как великой державы, которое так дорого стоит...* — Достоевский полемизирует с «С.-Петербургскими ведомостями», связывавшими источник средств всеобщего народного обучения с «питейными» доходами (*СПбВед*, 1872, 12 сентября, № 250). Ср. статью «Мечты и грезы» и комментарий к ней (стр. 91—96 и 440).

VIII

ПОЛПИСЬМА «ОДНОГО ЛИЦА»

(Стр. 60)

Источники текста

ЧН — Черновые наброски. 8 страниц. Датируются февралем 1873 г. Хранятся: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.11, лл. 129 об.—130, 135 об.—137 об. (в переплетенной тетради с подготовительными материалами к «Подростку»); см.: *Описание*, стр. 55. Впервые опубликованы: *ЛН*, т. 83, стр. 295—300.

ЧА — Черновой автограф большей части статьи. 8 страниц. Датируется февралем—началом марта 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.9/2; см.: *Описание*, стр. 56. Публикуется впервые.

НР Наборная рукопись (фрагмент). 1 лист. Датируется мартом 1873 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29454.ССХб.9; см.: *Описание*, стр. 56. Публикуется впервые.

Гр — 1873, 5 марта, № 10, стр. 285—289.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 5 марта, № 10, стр. 285—289, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 69—77.

Печатается по тексту первой публикации.

Многие реалии статьи «Полписьма „одного лица“» дают возможность установить ее адресата и указать материал, положенный в ее основу. Одним из источников замысла Достоевского послужили полемические выступления газеты «Голос» против первых статей «Дневника писателя» за 1873 г., в частности фельетон (без подписи) «Литературные и общественные курьезы» (*Г*, 1873, 18 января, № 18), другим — развернувшаяся в 1872 г. полемика между «С.-Петербургскими ведомостями» и «Отечественными записками»,

точнее, между В. П. Бурениным и Н. К. Михайловским. Объектом народии явились тон и полемические приемы фельетонов Буренина, направленных против Михайловского и затрагивавших попутно Г. З. Елисеева, Н. А. Демерта, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Три месяца спустя после публикации статьи «Полписьма „одного лица"», говоря о Михайловском в «Двух заметках редактора» как об одном из «самых искренних публицистов, какие только могут быть в Петербурге», Достоевский добавлял: «Не мое совсем дело, но я никак не понимаю вражды к нему почтенного г-на Z. из „С.-Петербургских ведомостей", столь упорной и безостановочной. Много раз и искренно сожалел о сем обстоятельстве. Уверен, что оба эти деятеля могли бы совершенно сойтись, если бы не так враждовали друг с другом» (стр. 156—157).[1]

Полемика началась после данного Михайловским критического анализа либерального направления в русской общественно-литературной жизни. В работе Михайловского сопоставлялись программы русского и европейского либерализма и доказывалась невозможность в России, в данный исторический период, «цельности» и «ясности» либеральной программы. Касаясь ряда выступлений «С.-Петербургских ведомостей» («цвета и красы либерализма»), Михайловский отмечал «несвободу» отношения газеты к фактам жизни и литературы и заданность их трактовки, неопределенность ее направления и т. д. Основываясь же на фельетонах «г-на Z» (т. е. Буренина), Михайловский писал о нелогичности и безнравственности полемических приемов «С.-Петербургских ведомостей» (*ОЗ*, 1872, № 5, отд. II, стр. 60—75). Этому выступлению «Отечественных записок» (и двум последующим статьям Михайловского — *ОЗ*, 1872, №№ 6, 7) газета посвятила две передовые статьи (*СПбВед*, 1872, 21 и 27 мая, №№ 138 и 144) и восемь фельетонов Буренина (*СПбВед*, 1872, 24 июня, 29 июля, 2 и 30 сентября, 28 октября, 25 ноября, 2 и 30 декабря, №№ 170, 205, 240, 268, 296, 324, 331, 357), которые и привлекли внимание Достоевского. Возможно, что сам эпистолярный жанр части статьи — «полписьма» — также связан с этой полемикой. Во всяком случае существенно в этом плане следующее замечание в одном из фельетонов Михайловского, адресованное Буренину: «Мне даже так понравилось беседовать с вами, что я думаю на будущее время *избрать для своих обозрений эпистолярную форму писем к вам*» (*ОЗ*, 1872, № 7, отд. II, стр. 179; курсив наш, — *Ред.*).

Автор «полписьма» имеет два псевдонима. Первый из них — «одно лицо» — дан ему редактором («одно лицо» уже выступало как автор «Записок»: напомним, что «Бобок» имеет подзаголовок «Записки одного лица»), второй — «*Молчаливый наблюдатель*» — выбран самим автором «полписьма». Конкретный общественно-литературный фон, на котором развивалась полемика Буренина и Михайловского, позволяет объяснить происхождение обоих псевдонимов.

В кульминационный момент полемики состоялся судебный процесс над сотрудниками «С.-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы». Поводом для процесса явилась дуэль между Е. И. Утиным и А. Ф. Жоховым в мае 1872 г., в результате которой Жохов от тяжелого ранения скончался. Причиной дуэли послужили необоснованные слухи (источником их был Е. И. Утин) о неэтичном поведении Жохова в деле Гончарова, судившегося за распространение прокламаций. Процесс, к которому были привлечены М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин, А. С. Суворин, К. А. Скальковский, Е. К. Ватсон, Е. В. Роберти и другие, широко обсуждался в петербургской и московской периодической печати. Полностью материалы процесса были опубликованы в «С.-Петербургских ведомостях» (1872, 17—20 августа, №№ 224—227). «Отечественные записки» посвятили ему обширную статью Н. А. Демерта под симптоматичным заглавием «Наша современная литература и общество»

---

[1] Ср. слова «одного лица», выражающие, очевидно, мнение самого Достоевского: «Смотри сам, как ты споришь с фельетонным врагом твоим, и пойми, до чего вы наконец доругались!. . .» (стр. 64).

(*ОЗ*, 1872, № 9, отд. II, стр. 48—74). Одним из привлеченных к следствию был секундант Утина — В. П. Буренин. В материалах процесса фигурировало письмо погибшего к брату. В нем А. Ф. Жохов писал: «*Одному лицу* Утин говорил, что знает компрометирующие меня факты (*оказалось, что это был Буренин*)» (*СПбВед*, 1872, 19 августа, № 226; курсив наш,— *Ред.*). Слова «одно лицо», выделенные курсивом, употребляются вместо имени одного из членов «литературно-либерального» кружка в указанной статье Демерта (*ОЗ*, 1872, № 9, отд. II, стр. 55).

Процесс над сотрудниками «С.-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы» в статье Демерта рассматривался как «снимок нравов и состояния ума если не всего современного русского общества, то по крайней мере некоторой его части» (*ОЗ*, 1872, № 9, отд. II, стр. 52). Главный объект иронии Демерта — характеристика «подсудимого» кружка, данная защитником В. Д. Спасовичем, отметившим, что в кружке все «зорко *наблюдают* за поступками друг друга <. . .> строго *следят* друг за другом, потому что от этой именно строгости зависит порядочность <. . .> кружка» (*СПбВед*, 1872, 19 августа, № 226; курсив наш, — *Ред.*). Это «*наблюдение*» членов кружка друг за другом с целью сохранения его «внешней порядочности» рассматривается в статье Демерта как симптом внутреннего неблагополучия. Независимо от трактовки темы «наблюдения» Демертом, сам факт обращения к ней Спасовича дает возможность предположить, что из переосмысления слов последнего у Достоевского родился пародийный псевдоним «Молчаливый наблюдатель». Определение же «молчаливый» в нем связано, возможно, с еще одним эпизодом полемики Буренина и Михайловского. В первом своем фельетоне Буренин писал: «Дело выяснения и объяснения „Отечественных записок" началось таким образом. Я сказал два слова о *неприличном молчании почтенного органа* по вопросу о классическом и реальном образовании. Редакция „Отечественных записок" не вынесла моего замечания и *кратко заявила, отчего она молчит*. В кратком заявлении редакция стремилась дать понять публике: *молчу-де потому*, что *считаю* всякие речи тщетными, а *молчание полезным* и даже в некотором роде многознаменательным. Но публика поняла совершенно ясно, что это вздор и что *молчание* в данном случае обусловливалось вовсе не многознаменательностью и полезностью его: редакции просто нечего было сказать. . . Новый *принцип полезности молчания* в печати прибавил еще один лавр в венке редакции» (*СПбВед*, *1872*, 27 мая, № 144; курсив наш,— *Ред.*). В своем следующем выступлении Буренин назвал «Отечественные записки» «почтенным органом молчальников» (*СПбВед*, 1872, 24 июня, № 170).

Таким образом, не только адресат «полписьма», но и его автор — лицо собирательное. Важно отметить, что в созданной им антикритике Достоевский использует метод самодискредитации героя (Буренин, послуживший в ряде моментов источником образа «одного лица», выступает против Буренина).

Ощутимо также и авторское стремление дискредитировать героя. В редакторском предисловии к «полписьму» об «одном лице» говорится, что это «человек болезненный», «огорченный и ежедневно себя „огорчающий"» (стр. 61). В восприятии им окружающей действительности, в его реакции на нее преобладают «ярость», «горечь», «яд», но есть и «*слеза умиления*»: «Девяносто процентов на яд и один процент на слезу умиления!» Комплекс ощущений, определяющий мировосприятие «одного лица», уже подвергался Достоевским идейно-художественному анализу: автор «полписьма» находится в несомненной генетической связи с антигероем «Записок из подполья» (ср.: наст. изд., т. V, стр. 100, 107). По-видимому, не случайно понятие «слеза умиления», столь важное в исповеди обличающего и обличаемого парадоксалиста,[1] делается в «полписьме» собственностью «одного лица», а в редакторском предисловии заключается в кавычки. В характеристику и антигероя

---

[1] О герое-парадоксалисте «Записок из подполья» см.: наст. изд., т. V, стр. 376—377; А. П. Скафтымов. «Записки из подполья» среди публи-

«Записок», и «одного лица» вводятся понятия «прекрасного и высокого» (наст. изд., т. V, стр. 102), оба героя наделяются жаждой «чего-то идеального» (стр. 61). Следует напомнить, что в примечании к первой главе «Записок из подполья» Достоевский именует парадоксалиста одним из многих существующих «в нашем обществе» лиц, «представителем еще доживающего поколения», а его исповедь называет «записками» (наст. изд. т. V, стр. 99).

По первоначальному плану (*ЧА*) редакторское предисловие к «полписьму» было пространнее: в нем излагалось содержание последнего из отвергнутых будто бы фельетонов «одного лица» — ответа его Михайловскому и Буренину — и характеризовалось отношение самого Достоевского к их статьям (см. выше, стр. 304—310). Из окончательного текста вся эта тема писателем устраняется. Личный мотив — жалоба на некорректный характер полемических приемов — сохраняется лишь в первом абзаце текста «полписьма» (ср. в предшествующем указанному черновом автографе (*ЧН*): «Первая половина статьи — моя защита <. . .> Но, признаюсь, я удержал из первой половины письма лишь несколько слов в разъяснении свиньи» — стр. 299).

Стр. 60. . . . *который уже отличился раз в «Гражданине» насчет «могилок».* — Имеется в виду «Бобок» (*Гр*, 1873, 5 февраля, № 6).

Стр. 60. . . .*это «лицо» решительно выступает моим защитником против литературных «врагов» моих.* — Черновой автограф главы (*ЧА*) свидетельствует, что эти «враги» — Н. К. Михайловский, выступивший с анализом статьи «Старые люди» «Дневника писателя» за 1873 г. (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 158—171), и В. П. Буренин, напечатавший рецензию на роман «Бесы» (*СПбВед*, 1873, 6 и 13 января, №№ 6 и 13). См. выше, стр. 8 и 377.

Стр. 60. . . .*три «антикритики», две «заметки», три «случайные заметки», одно «по поводу» и, наконец, «наставление как вести себя».* — Перечень выступлений «одного лица», как и определение их жанра, сделаны, по-видимому, не без ориентации на самопризнания Буренина. Полемизируя с Михайловским, Буренин писал: «. . . я сделал две-три краткие заметки о том, что он не философ, а скучный болтун» (*СПбВед*, 1872, 29 июля № 205), а также давал разъяснения, касающиеся «общепринятых форм вежливости» (там же, 24 июня, № 170). Обращаясь к Буренину в связи с последним обстоятельством, Михайловский замечал: «. . . вы снисходительно даете мне уроки относительно условных форм вежливости» (*ОЗ*, 1872, № 7, отд. II, стр. 182).

Стр. 60—61. . . .*весь этот гам журналистов, раздавшийся с появления первого № «Гражданина» сего 1873 года ∾ неизвестно почему прекратился, точно так же как неизвестно почему и начался.* — Приход Достоевского на пост редактора журнала «Гражданин» привлек внимание едва ли не всей тогдашней периодической печати. Первые статьи «Дневника писателя» стали предметом оживленного обсуждения как в демократической, так и в либеральной и консервативной прессе. Анализу статьи «Старые люди» был посвящен раздел «Литературных и журнальных заметок» Н. К. Михайловского (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 158—161). В. П. Буренин в «С.-Петербургских ведомостях» (1873, 20 января, № 20) противопоставил Достоевского-романиста, которого он считал бесспорно талантливым писателем, Достоевскому-публицисту, представлявшемуся ему совершенно несостоятельным: «Г-н Достоевский, как известно, романист, и как романист, как художник, он имеет значение крупное <. . .> Но когда г-н Достоевский пускается в область мышления теоретического, когда он желает быть публицистом, философом, моралистом — он тогда ужасен, нет, больше, чем ужасен — он невменяем по отношению к здравому смыслу и логике. . . Г-н Достоевский <. . .> проводит свою философию, свою мораль отнюдь не через процесс мышления, а через процесс, если так можно выразиться, нервического выкликания». Внимание Буренина было преимущественно сосредоточено на статье «Среда» (см. выше, стр. 13). Эта же статья

цистики Достоевского — В кн.: А. П. Скафтымов. Нравственные искания русских писателей. М., 1972, стр. 88—133.

послужила поводом для критического выступления А. С. Суворина в «Недельных очерках и картинках» (*СПбВед*, 1873, 25 февраля, № 55) и для резких нападок на Достоевского газеты «Голос». Ее обозреватель Нил Адмирари (псевдоним Л. К. Панютина), иронически называя писателя «бывшим либералом», «робким» последователем Скарятина и Мещерского, ставит под сомнение антикрепостнические убеждения Достоевского (см.: *Г*, 1873, 14 января, № 14). Нападки на «Гражданин» в целом и на каждую из публиковавшихся статей «Дневника писателя» продолжались в «Голосе» на протяжении всего января (см., например: *Г*, 1873, 18, 21, 25 января №№ 18, 21 25, а также выше, стр. 399, 402 и 414).

Стр. 61. . . .*меня пугает эта непомерная сила «гражданской энергии» сего сотрудника.* — В *ЧА* вместо слов «гражданская энергия» употреблено выражение «гражданская скорбь». Понятие «гражданская скорбь» было широко распространенным в 1860-х годах. Н. Ф. Щербина, использовавший его в «Эпитафии И. И. Панаеву» (1862), в 1868 г. замечал: «NB. Болезнь под названием „гражданская скорбь" была в это время в моде в Петербурге, так что даже смерть некоторых гимназистов и кадетов была приписываема этой болезни» (см.: Н. Ф. Щербина. Избранные произведения. Л., 1970, стр. 290, 574). 27 января в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 27) был напечатан фельетон Буренина, в котором мотив «гражданской скорби» — основной мотив творчества Некрасова — расценивался как анахронизм. Варьирование в черновых автографах понятий «гражданская скорбь» и «гражданская энергия» дает возможность полагать, что утвердившееся в окончательном тексте выражение «гражданская энергия» возникло по ассоциации с устойчивым словосочетанием «гражданская скорбь».

Стр. 61. *Всего более удивляет меня ∾ чего, собственно, так добивается?* — Полемика между двумя петербургскими изданиями началась именно с вопроса о неопределенности «направления». Характеризуя либеральную программу «С.-Петербургских ведомостей», Н. К. Михайловский писал: «. . . отсутствие какой бы то ни было цельной теоретической подкладки заставляет ее (газету, — *Ред.*) качаться из стороны в сторону и мешает ей свободно относиться к явлениям русской и европейской жизни. Она оказывается сборным пунктом всех эмансипированных от ясно сознанных принципов, что и подтверждается примерами» (*ОЗ*, 1872, № 6, отд. II, стр. 316). Этот тезис присутствовал уже в первом выступлении критика (*ОЗ*, 1872, № 5), на которое «С.-Петербургские ведомости» откликнулись утверждением: «У нас возможны только два направления, и то в самых общих чертах: так называемое консервативное с значительной примесью ретроградства и обскурантизма и просветительское, либеральное <. . .> И кому, спрашивается, известно направление „Отечественных записок"? По какому вопросу высказались они настолько определенно, чтоб можно было назвать их цвет?» (*СПбВед*, 1872, 21 мая, № 138). См. также: Галаган Г. Я. «Одно лицо» и его «полписьма». — *Материалы и исследования*, т. 3, стр. 162—163.

Стр. 61. . . .*мелькает какая-то скрытая жажда нежности, чего-то идеального, вера в красоту, Sehnsucht по чему-то утраченному. . .* — «Sehnsucht» («Желание», 1801) — название стихотворения Ф. Шиллера. О мотиве «прекрасного и высокого» см.: наст. изд., т. V, стр. 102, 383.

Стр. 62. . . .*и неужели в слове «свинья» ∾ Ибо чем иначе могу объяснить твою мнительность?* — Данная часть «Полписьма», как и примечание к нему Достоевского, представляют собой ответ на один из еженедельных фельетонов «Литературные и общественные курьезы», опубликованный в «Голосе» (1873, 18 января, № 18). Здесь говорится: «Г-н Достоевский, заразившись атмосферой „Гражданина", поспешил прежде всего погладить самого себя по голове; затем он обругал не только своих будущих противников, но и антагонистов своего собрата по редакции князя Мещерского. В первом же нумере „Гражданина" за нынешний год новый редактор называет свой роман <. . .> „Бесы" „капитальным произведением" в русской литературе, своего собрата по „Гражданину", князя Мещерского, иронически обзывает „львом", а всех других наших публицистов, издевающихся над „львом", просто „свиньями". . .». Изложив содержание приводимой Достоевским во вступлении

к «Дневнику писателя» индийской басни, автор фельетона продолжал: «Смысл этой басни, кажется, ясен для каждого. Гордый лев — это не кто иной, как князь Мещерский, а свинья — вся русская литература, вызвавшая доблестного князя на дуэль. Вот что значит меценатство! Едва только князь Мещерский успел выхлопотать для г-на Достоевского редакторство, как г-н Достоевский поспешил отблагодарить патрона публично, величая его львом, а его противников свиньями. . . К несчастью для князя Мещерского, сам „признательный" редактор не слишком высокого мнения о „Гражданине" и его влиянии на публику. „Я сильно подозреваю, — говорит г-н Достоевский, — что «Гражданину» еще долго придется говорить самому с собою. . ." Басню г-на Достоевского мы можем легко объяснить басней дедушки Крылова „Лисица и виноград". Еще бы всей русской публике и всем литераторам не быть „свиньями", когда они слышать не хотят пустозвонных проповедей князя Мещерского и вряд ли будут читать бред г-на Достоевского! А уж о вызове на литературную дуэль князя Мещерского никто и не подумает. Не стоит-де он этого!» *Аполог* — краткий аллегорический рассказ из жизни животных, басня.

Стр. 63. . . .*министерство Виктории*. . . — Виктория (1819—1901) — королева Англии с 1837 по 1901 г.

Стр. 63. . . .*в дружбе с половыми у Палкина*. . . — Константин Палкин — владелец трактира в Петербурге, на углу Невского и Литейного проспектов.

Стр. 63. . . .*ты не более, как нанятой борзописец у антрепренера-издателя; ты нанят и обязан его защищать*. — Редактором-издателем газеты «Голос», о фельетоне которой идет речь в начале «Полписьма» (см. комментарий к стр. 61), с 1863 по 1884 г. был А. А. Краевский (1810—1889). См. о нем и полемике с ним Достоевского: наст. изд., т. XIX, стр. 69, 268.

Стр. 63—64. *Я боюсь, среди сражений ∾ Прелесть неги и стыда*. — Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой. . .», 1829). У Пушкина:

Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

Стр. 64. . . .*бранишься всеми словами разом ∾ предаешь их благодетельной гласности*. — Попытка доказать несостоятельность литературно-публицистических выступлений критика сопровождалась в одном из фельетонов Буренина изложением краткой биографии Михайловского (*СПбВед*, 1872, 29 июля, № 205).

Стр. 64. *Обругав соперника ∾ колотите в стену кулаком от бессильного бешенства. . .»* — В указанном выше фельетоне (*СПбВед*, 1872, 29 июля, № 205) Буренин писал: «Я отсюда вижу, как г-н Михайловский, то краснея, то бледнея, с замирающим от страха и тоски сердцем, пробежал сейчас изложенное вступление моего фельетона. Он в отчаянии хватает себя за волосы, и в его голове пробегает ужасная для него мысль: „Боже мой, этот Z хочет сделать меня сумасшедшим перед публикою". . . Успокойтесь, взволнованный г-н Михайловский, успокойтесь! . . . я пошутил. . .»

Стр. 64. . . .*в театре Берга*. . . — В театре Берга, находившемся в доме № 18 по Екатерингофскому проспекту Коломенской части (ныне ул. Н. А. Римского-Корсакова), показывались главным образом французские интермедии, балетные сцены и небольшие русские пьесы развлекательного характера (см.: *Михневич*, стр. 61).

Стр. 64—65. . . .*будешь показывать себя нагишом ∾ и со всеми подробностями перед публику?* — Почти через все фельетоны Буренина проходит мотив «разоблачения», «обнажения» «Отечественных записок» перед публикой (см., например: *СПбВед*, 1872, 27 мая и 24 июня, №№ 144 и 170 и др.).

Стр. 65. *Помнишь ли ты Антропку в Тургеневе? Сия вещь любимого писателя публики поистине гениальная*. — Имеется в виду рассказ И. С. Тур-

генева «Певцы» (1850) и его концовка (ср.: *Тургенев, Сочинения*, т. IV, стр. 244).

Стр. 66. *Ты скрежещешь зубами. . .* — В одном из фельетонов Михайловского отмечалось: «„С.-Петербургские ведомости" принадлежат к числу ванек-встанек: что бы вы с ними ни делали, они непременно встанут на ноги и со скрежетом зубов будут утверждать, что они заливаются „гомерическим хохотом" над своими противниками» (*ОЗ*, 1872, № 6, отд. II, стр. 314).

Стр. 67. *. . .запил с ним мир у Дюссота бутылкой шампанского.* — «Дюссо» — ресторан в Петербурге на Б. Морской, ныне — ул. Герцена.

Стр. 67. *Читая фельетоны твои ∾ какую-то бесконечную, пьяную, бестолковую масленицу ∾ И всё это такое бесконечное число раз ∾ как всё это, наконец, надоело.* — В первом выступлении Михайловского против «С.-Петербургских ведомостей», самой «видной» либеральной газеты, имя Буренина не называлось (*ОЗ*, 1872, № 5, отд. II, стр. 60—75). Две ответные передовые статьи «С.-Петербургских ведомостей» были направлены как против «Отечественных записок» в целом, так против Михайловского лично (*СПбВед*, 1872, №№ 138, 140 от 21 и 23 мая). В «Литературных и журнальных заметках», последовавших за этими статьями «С.-Петербургских ведомостей», не касаясь личности Буренина (и ни разу не называя его имени), Михайловский вновь изложил свою аргументацию по поводу несостоятельности либерализма (*ОЗ*, 1872, № 6, отд. II, стр. 314—320). В следующем номере «Отечественных записок» Михайловский вскрыл беспринципность Буренина в полемике его с Щедриным, Елисеевым и другими сотрудниками «Отечественных записок», показал, что Буренин «*об одной и той же статье одного и того же автора, рассматривая ее с одной и той же стороны*, с одинаковою развязностью» выражает «два диаметрально-противоположные мнения» (*ОЗ*, 1872, № 7, отд. II, стр. 181). Этим выступлением Михайловский закончил полемику с Бурениным (в №№ 10 и 11 «Отечественных записок» имя Буренина упоминалось лишь вскользь), хотя Буренин посвятил журналу Некрасова и Михайловскому в частности еще шесть своих фельетонов 1872 г. (*СПбВед*, 1872, 2 и 30 сентября, 28 октября, 25 ноября, 2 и 30 декабря, №№ 240, 268, 296, 324, 331 и 357).

Черновые наброски

Стр. 300. «*Ты меня дернул*». — Выражение из Сибирской тетради Достоевского (см.: наст. изд., т. IV, стр. 242), которое писатель неоднократно использовал (см., например: наст. изд., т. IV, стр. 113 («Записки из Мертвого дома»); т. XVI, стр. 178 («Подросток»)).

Стр. 300. *Ну, если Авсеенко — я прощу. . .* — Авсеенко Василий Григорьевич (1842—1913) — писатель и критик, автор рецензий на роман «Бесы» в «Русском мире» (1872, 2 декабря, № 315; 1873, 6 января, № 5) и «Русском вестнике» (1873, № 8, стр. 800—835). См. также: наст. изд., т. XII, стр. 261—262. Позднее выступил с резко оскорбительными статьями о романе «Подросток» (Русский мир, 1875, 29 января и 27 февраля, №№ 27 и 55) (см. об этом: наст. изд., т. XVII, стр. 346—347). В «Дневнике писателя» за 1876 г. (апрель, гл. I, §§ 1—4) Достоевский поместил уничтожающую статью об Авсеенко-критике.

Стр. 300. *Скандал — Нечаев — Костомаров.* — О С. Г. Нечаеве — организаторе тайного общества «Народная расправа» см. ниже, стр. 453. Имя историка Николая Ивановича Костомарова (1817—1885) упоминается, по-видимому, в связи со статьей последнего «Куликовская битва» (Месяцеслов на 1864 год. СПб., 1864, Приложение, стр. 3—24) и его последующей полемикой с М. П. Погодиным, в которой Костомаров пытался развенчать героизм Дмитрия Донского (см. об этом подробнее: *ЛН*, т. 83, стр. 189—190). Замысел Достоевского написать статью о полемике Костомарова и Погодина остался неосуществленным (см. там же, стр. 190). По его предложению статья об этой полемике («Г-н Костомаров разбивает народные кумиры») была написана Д. В. Аверкиевым (Эпоха, 1864, № 3, стр. 276—297). В 1873 г.

Достоевский вновь размышляет не только о теме выступлений Костомарова в 1864 г., но и о характере его полемики с Погодиным (см. письмо Е. А. Белова к Достоевскому от 24 августа 1873 г.: «. . .Вы пишете, что у Костомарова мания пакостить дорогие русскому народу личности, но русский народ велик, и кому кажется дорог Дмитрий Донской, другому Петр Великий!» — *ЛН*, 83, стр. 342).

IX

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ

(Стр. 68)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 26 марта, № 13, стр. 423—426, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 78—88.

Печатается по тексту первой публикации.

Статья «По поводу выставки» посвящена открывшейся в Петербурге в марте 1873 г. художественной выставке произведений живописи и скульптуры, предназначенных для отправки в Вену на всемирную выставку. На выставке было представлено около ста произведений русских художников (см.: Указатель русского отдела венской всемирной выставки 1873 г. СПб., 1873, стр. 158—170). Выставка вызвала много печатных откликов (см., например: Нил Адмирари [Л. К. Панютин]. По поводу выставки в «Академии художеств» (*Г*, 1873, 4 марта, № 63); Академическая выставка (*БВ*, 1873, 14 марта, № 67; 21 марта, № 74, подпись: П-в); Стасов В. В. Нынешнее искусство в Европе. Художественные заметки о всемирной выставке 1873 г. в Вене (*Стасов*, т. I, стр. 525—599) и др.; библиографию печатных материалов о выставке см. в кн.: Материалы к библиографии по истории Академии художеств. 1757—1957. Л., 1957, стр. 184—185). Выставка совпала с тем периодом, когда в русской живописи достигло расцвета демократическое и реалистическое направление, связанное с деятельностью Товарищества передвижных выставок (организация его относится к 1870 г., а в 1871 и 1872 гг. состоялись первые выставки передвижников, прошедшие с большим успехом). Тем не менее на выставке 1873 г. было немало произведений представителей академического искусства, имевшего своих сторонников среди публики и в прессе. Основное внимание посетителей и критиков привлекли три картины: «Бурлаки» И. Е. Репина, «Грешница» Г. И. Семирадского и «Шуты при дворе Анны Иоанновны» (или «Утро во дворце Анны Иоанновны») В. И. Якоби. Последней из-за ее обличительного характера остался недоволен двор, и она вскоре была снята с выставки. Картины же Репина и Семирадского долгое время продолжали оставаться в центре внимания, вызывая множество откликов и споров.

Критика разделилась на два лагеря: демократическая часть ее приветствовала картину Репина, а академическая критика знаменем своим сделала Семирадского (см. об этом: *Стасов*, т. I, стр. 700—701; И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка. М., 1949, стр. 42, 54, 63; И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I. М., 1948, стр. 54).

Для понимания позиции Достоевского существенно, что он ни словом не упомянул о картине Семирадского, отведя главное место в своей статье анализу «Бурлаков». Произведение Репина писатель воспринял как подлинное торжество правды в искусстве. Выраженные здесь любовь к народу и сочувствие угнетенному человеку представляются Достоевскому неотделимыми от высоких эстетических достоинств картины. Большинство живописных полотен, названных и положительно охарактеризованных в статье Достоевского, принадлежало художникам-передвижникам, относилось к демократическому направлению в искусстве (о связи эстетических размышлений Достоевского над произведениями русских живописцев с его собст-

венными творческими исканиями в 1870-х годах см.: наст. изд., т. XV, стр. 401).

Смысл статьи «По поводу выставки» не ограничивается защитой реалистического искусства, воссоздающего образы текущей жизни: «Ко времени ее написания в русской живописи твердо определилась победа „передвижнического“, реалистического направления. Поэтому задачи борьбы с официальным академическим искусством, которым была посвящена значительная часть обзора выставки 1860—1861 годов (имеется в виду статья Достоевского «Выставка в Академии художеств» — см.: наст. изд., т. XIX, стр. 151, — *Ред.*), отошли для Достоевского на второй план» (*Достоевский — художник и мыслитель*. стр. 97—164; ср. там же о месте данной статьи Достоевского в истории эволюции его эстетики).

Помимо оценок произведений русского искусства статья содержит ряд общих теоретических рассуждений: в ней отражены взгляды писателя на назначение искусства и роль художника в обществе. В этом отношении «По поводу выставки» можно сопоставить со статьей «Г-н —бов и вопрос об искусстве» (1861), также посвященной в основном эстетическим проблемам и пронизанной явной и скрытой полемикой с Добролюбовым (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 70—103 и 269—292). Теперь, в 1870-х годах, Достоевский неоднократно спорит по общественным и художественным вопросам с Н. К. Михайловским, поместившим в «Отечественных записках» за 1873 г. свой обзор «Литературные и журнальные заметки», в котором он ставил вопрос о роли литературы и искусства в общественной жизни.

Михайловский, выступавший с требованием «честной и смелой литературы», писал: «Литература может в значительной степени сама убедить и общество, и правительство, что удовлетворение праздного любопытства не есть ее задача. Это очень нетрудно, ибо одна из существеннейших задач литературы состоит, напротив, в борьбе с праздным любопытством, куда бы оно ни было устремлено. Ученый, если он сообщает только сведения, хотя бы эти сведения ни на что не годились, художник, который дает только картинки, хотя бы эти картинки не имели никакого содержания, удовлетворяют праздному любопытству и не только не исполняют задач литературы, но подлежат ее каре, как подлежит ее каре всякий другой гаер и фокусник» (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 135). Далее, говоря о недавней эпохе 1860-х годов («начале нынешнего царствования»), «когда формулы праздного любопытства „наука для науки“, „искусство для искусства“ подверглись беспощадному бичеванию и были почти изгнаны дружными усилиями литературы», Михайловский отмечал, «что литература пользовалась тогда уважением, что к ее голосу прислушивались во всех концах России, что люди стремились сообразоваться с ее указаниями и в частной жизни и в общественной деятельности» (там же, стр. 135—136). Утверждая, что тенденция не только не мешает художественности, а, напротив (если эта тенденция связана со служением общенародному делу, а не делу группы или кружка), помогает созданию подлинных произведений искусства, Михайловский в качестве примера тенденциозных, но в то же время и высокохудожественных произведений называет «Песню о рубашке» Т. Гуда и «Муму» Тургенева. Достоевский, вступая в полемику с Михайловским, иначе оценивает роль прямой тенденции, хотя и не отрицает ее значения: «Поверит ли один милый критик, которого я недавно читал, но которого называть теперь не хочу, — поверит ли он, что всякое художественное произведение без предвзятого направления, исполненное единственно из художнической потребности, и даже на сюжет совсем посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь „направительное“, — поверит ли этот критик, что такое произведение окажется гораздо полезнее для его же целей, чем, например, все песни о рубашке (не Гуда, а наших писателей), хотя бы с виду и походило на то, что называют „удовлетворением праздного любопытства“?»

В записной тетради 1872—1875 гг., среди записей, связанных с «Гражданином», есть и относящиеся, вероятно, к периоду работы над статьей «По поводу выставки». Особенно важна следующая запись: «Заняться формой ‹. . .› А между тем этот гуманный глубок‹ий› вопрос, так что не все эсте-

тические вопросы суть вопросы праздного любопытства. В этом смысле какая великая вещь искусство?» (стр. 255). Обращаясь к статье Н. К. Михайловского, Достоевский утверждает, что вопрос формы, то, что Михайловский называет «удовлетворением праздного любопытства», на самом деле вопрос «глубокий» и «гуманный», а искусство «в этом смысле» «великая вещь». Другая запись того же времени поясняет высказанную Достоевским мысль: «Искусство дает формы выжитому чувству или пророчит, когда чувство еще не пережито, а только начинает загораться в народе» (стр. 255). Сходная идея еще раньше нашла отражение в суждениях о Шекспире в записной тетради 1870—1871 гг. (см.: наст. изд., т. XI, стр. 237).

Достоевский как раз и спорит в данной статье с Михайловским о том, гарантирует ли правильно выбранное направление художественность, или наоборот — художественность, ее верное понимание, обусловливает также и верный выбор направления. Писатель убежден, что если перед нами действительное произведение искусства, а не подделка под него, то оно непременно отражает правду жизни, те «концы и начала», которые могут быть скрыты от обычного взора рядового наблюдателя.

Снова возвращаясь к этой мысли, Достоевский записал в начале 1876 г.: «Талант и при направлении необходим ‹. . .› Мне ответят ‹. . .›: что станете вы делать с художественным произведением, в котором нет направления и верной мысли? На это я отвечу, что в истинно художественном произведении, хотя бы оно толковало о других мирах, не может не быть истинного направления и верной мысли» (см.: наст. изд., т. XXIV).

Фактически Достоевский исходил из близости его собственной идейно-общественной позиции к тому или иному направлению, поэтому разность взглядов его и оцениваемых им художников сказывалась на эстетических оценках. Так, поэма Некрасова «Русские женщины» («Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М. Н. Волконская») подвергается Достоевским критике не только из-за чисто художественных расхождений с Некрасовым, затрагивающим вопросы поэтики и стиля, но и из-за того, что отношение к женам декабристов, последовавшим за своими мужьями в Сибирь, у Достоевского было иным, чем у Некрасова. В статье «Старые люди», рассказывая о встрече в Тобольске с этими «великими страдалицами», Достоевский писал так: «Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья» (стр. 12).

Достоевский осмыслял подвиг декабристок как подвиг христианского великодушного смирения и стойкости. Некрасов же акцентировал его революционное, гражданское начало.[1]

Разбирая произведения русской живописи, Достоевский прибегает также к скрытой полемике с обозревателем газеты «Голос» Л. К. Панютиным, писавшим под псевдонимом Нил Адмирари, которого не называет в своей статье и которому уделяет значительно меньше внимания, чем Михайловскому. В 63 № «Голоса» (4 марта 1873 г.) была напечатана большая статья Панютина «По поводу выставки в Академии художеств». Интересно, что оценки рассматриваемых Достоевским картин прямо противоположны оценкам обозревателя «Голоса» (картины Бронникова, Грузинского — см. ниже).[2]

Сочувственно оценивая произведения жанровой живописи и критически относясь к картинам историческим, Достоевский выступает как художник,

---

[1] Позднее, в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II), посвященном смерти Некрасова, Достоевский, анализируя творчество Некрасова в целом, дал иную оценку поэме «Русские женщины», назвав ее вместе с «Рыцарем на час» и «Тишиною» «шедевром» Некрасова (см.: наст. изд., т. XXVI).

[2] Постоянное отрицательное отношение Достоевского к «Голосу» (см.: В. В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. — В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 17—32) сказалось и тут. Газета Краевского на

«одержимый тоской по текущему» (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 455), ратующий в то же время за внесение в актуальные, злободневные темы высокого, одухотворяющего «идеала», так как «идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность» (стр. 75—76).

Стр. 68. *Это уже не в первый раз, и русских современных художников начинают знать в Европе.* — Произведения русских художников выставлялись на всемирной выставке в Лондоне в 1862 г., затем в Париже в 1867 г., в небольшом количестве — в Мюнхене в 1869 г. Впервые большого успеха и международного признания русское искусство добилось на лондонской выставке 1872 г.

Стр. 68. *...переведите комедию г-на Островского — ну, «Свои люди сочтемся», или даже любую ∞ и я, право, не знаю, что выйдет.* — «Свои люди сочтемся» (первоначально «Банкрот») — ранняя комедия А. Н. Островского, принесшая ему известность. Впервые напечатанная в «Москвитянине» (1850, № 6), комедия была запрещена цензурой и вновь появилась в печати, в иной уже редакции, в 1859 г. в первом томе «Сочинений» Островского. Впервые поставлена на сцене Александринского театра в Петербурге 16 января 1861 г. и 31 января 1861 г. на сцене Малого театра в Москве. Одна из самых резких, критических пьес Островского, комедия вызвала ряд восторженных отзывов современников. А. Ф. Писемский писал Островскому в 1850 г.: «Ваш „Банкрут" — купеческое „Горе от ума", или, точнее сказать: купеческие „Мертвые души"» (Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.—Л., 1932, стр. 336). Достоевский, видимо, разделял высокую оценку комедии Островского, считая ее глубоко национальным произведением.

Стр. 68. *...в моей молодости ∞ г-н Виардо (муж знаменитой певицы ∞ переводит нашего Гоголя под руководством г-на Тургенева.* — Перевод повестей Гоголя на французский язык вышел в Париже в 1845 г. под названием «Nouvelles russes. Traduction française par Louis Viardot». В книгу вошли: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий». В предисловии Л. Виардо говорит об участии в переводе И. С. Тургенева и С. А. Гедеонова (1815—1878), которые продиктовали Виардо, не знавшему русского языка, повести Гоголя по-французски; он же лишь обработал слог. Свидетельство об успехе этого перевода во Франции содержится в двух заметках Белинского (см.: *Белинский*, т. IX, стр. 369, 422). Подробнее о переводе Л. Виардо см. в заметке Л. Р. Ланского (*ЛН*, т. 73, кн. 1, стр. 271—274).

Стр. 68. *...доказал превосходным своим переводом «Дон-Кихота» на французский язык.* — Перевод «Дон-Кихота», сделанный Луи Виардо, крупным переводчиком и исследователем испанской литературы, впервые вышел на французском языке в 1836 г. (второе издание — в 1864 г.).

Стр. 68. *Он написал только несколько стихов, забыл каких, и, сверх того, повесть «Три портрета» — произведение уже значительное.)* — Из ранних произведений Тургенева Достоевскому, по-видимому, запомнились те,

---

страницах «Гражданина» часто подвергалась критике (см.: *Гр*, 1873, 8 января, 10 сентября, 15 октября, 22 октября, 10 декабря, №№ 2, 37, 42, 43, 50). Нил Адмирари иронически упоминался в ряде этих материалов. В. В. Виноградов предполагал, что упоминаемый в фельетоне «Сцена в редакции одной из столичных газет» (*Гр*, 22 октября, № 43) отец Нил — это монах, описанный Достоевским в фельетоне «История о. Нила» (*Гр*, 11 июня, № 24) (см.: *Достоевский и его время*, стр. 31). Однако несомненно здесь имеется в виду Нил Адмирари, названный в фельетоне «Юбилей» (*Гр*, № 2) по фамилии, в № 50 только по имени, а в № 43 иронически сближенный с приобретшим скандальную известность отцом Нилом. Об отношениях Достоевского с фельетонистом «Голоса» см. также: В. А. Туниманов. Л. К. Панютин и «Бобок» Достоевского.— В кн.: *Материалы и исследования*. т. 2, стр. 160—163.

которые были напечатаны одновременно с «Бедными людьми» в «Петербургском сборнике» 1846 г. Это поэма «Помещик», несколько стихотворений и повесть «Три портрета». Ранее были опубликованы поэмы Тургенева «Параша» (1843) и «Разговор» (1845), драматические произведения и рассказ «Андрей Колосов» (*ОЗ*, 1844, № 11).

Стр. 69. *«Пиковая дама», «Капитанская дочка», которые тоже были переведены тогда по-французски. . .* — Повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама» впервые вышла во французском переводе П. де Жюльвекура в 1843 г. (в кн.: Paul de Julvecourt. Le Jataghan. Paris, 1843). В 1849 г. появился перевод П. Мериме, опубликованный в журнале «Revue de deux mondes» (1849, 15 juillet, p. 185—206). В 1852 г. вышла новая редакция перевода Мериме, которая переиздавалась много раз. Перевод на французский язык «Капитанской дочки» был сделан И. С. Тургеневым с участием Л. Виардо и впервые опубликован в 1853 г. (La fille du capitaine. Traduction de Louis Viardot. Paris, 1853). В этом переводе «Капитанская дочка» переиздавалась неоднократно.

Стр. 69. *. . .мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же, как и англичане. . .* — Творчество Ч. Диккенса (1812—1870) было известно в России с 30-х годов XIX в. Особенно возросла его популярность в 1840-е годы, когда он оказал заметное влияние на молодого Достоевского и ряд писателей «натуральной школы». «Имя Диккенса более или менее известно у нас всякому образованному человеку», — писала в 1844 г. «Литературная газета» (см.: *Катарский*, стр. 98). Но в понимании Диккенса не было единодушия. Писатели круга некрасовских «Отечественных записок» и «Современника» видели в нем острого социального писателя и благодаря этому замечательного художника; литераторы либерального (Дружинин) и славянофильского толка — прежде всего мягкого юмориста и все примиряющего гуманиста. Для Достоевского Диккенс всегда оставался одним из самых близких художников. Ср. комментарий к стр. 75.

Стр. 69. *Даже нарочно изучавшие нас европейцы ∾ не понимая иных фактов. . .* — Вероятно, Достоевский прежде всего имеет в виду сочинения маркиза Адольфа де Кюстина (1790—1857) («La Russie en 1839». Paris, 1840; издание 4-е, дополненное — 1843) и барона Августа фон Гакстгаузена (1792—1866) («Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtunhen Russlands», Bd. I—III. Berlin, 1847—1852; русский перевод первого тома «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» — 1857). В статье «La Russie» Герцен писал об иностранных сочинениях о России: «За последние годы появилось только две значительные работы: путешествие Кюстина (1842) и путешествие Гакстгаузена (1847)» (*Герцен*, т. VI, стр. 195). Книгу Кюстина Достоевский оценивал иронически (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 24, 42, 226). О его отношении к этому сочинению см. также: Е. И. Кийко. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839». — В кн.: *Материалы и исследования*, т. 1, стр. 189—200. О Гакстгаузене см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 249.

Стр. 70. *«Эта скудная природа». . .* — строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья. . .» (1855), любимого Достоевским и часто им цитировавшегося (см., например: наст. изд., т. IX, стр. 306). Стихотворение Тютчева созвучно одной из ведущих мыслей статьи Достоевского:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В красоте твоей смиренной.

(Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Л., 1957, стр. 201). См.: А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—176.

Стр. 70. *. . .эти две березки в пейзаже г-на Куинджи («Вид на Валааме»). . .* — Картина А. И. Куинджи (1842—1910) «На острове Валааме»

(1873) была первым произведением художника, привлекшим к нему всеобщее внимание. И. Е. Репин писал о ней П. М. Третьякову 17 января 1873 г.: «Картина представляет суровую северную природу. Замечательна она еще удивительным серебряным тоном. <. . .> Гранитная плоскость освещена лучом холодного солнца; даль картины — лес над небольшой рекой и водоросли тонут во мраке под густыми тучами; на первом плане, на пригорке, стоят два, общипанные ветром, дерева — сосна и береза. Очень впечатлительная вещь, всем она ужасно нравится, и еще не дальше как сегодня заходил ко мне Крамской — он от нее в восторге» (И. Е. Репин. Переписка с Третьяковым. М.—Л., 1946, стр. 18).

Стр. 70. . . *даже переселение черкесов ∾ слишком сильного впечатления.* — Вероятно, Достоевский имеет в виду картину И. Н. Грузинского (1837—1892) «Оставление горцами аулов при приближении русских войск» (1872), написанную для выставки в Париже и вновь экспонировавшуюся в 1873 г. За эту картину живописец получил звание академика. Обозреватель «Голоса» Нил Адмирари в своей статье «По поводу выставки в Академии художеств» дал высокую оценку картине Грузинского, которую он назвал «прекрасной». Рассуждения по поводу нее см.: *Г*, 1873, 4 марта, № 63.

Стр. 70. . . *небольшая картинка (Маковского) «Любители соловьиного пения», кажется; не знаю, как она названа.* — «Любители соловьиного пения», или «Любители соловьев» (1872—1873), — картина В. Е. Маковского (1846—1920), получившего за нее звание академика (ныне находится в Третьяковской галерее). В № 8 «Гражданина» за 1873 г., в корреспонденции «Московские заметки», сообщалось о крупнейших событиях русской культурной жизни и в том числе о новой картине Маковского. Излагая ее содержание, автор корреспонденции замечает, что, глядя на картину, «вы забываете всю бедность <. . .> обстановки», что изображенные на ней люди, принадлежащие к различным социальным группам, показаны как «истинные художники — любители соловьев». «Автор картины сумел выразить *общечеловеческое* и могучее художественное самозабвение, в которое впали выставленные им лица, и сумел очаровать вас» (*Гр*, 1873, 19 февраля, № 8, стр. 224). Называя Маковского «истинно русским художником», автор «Московских заметок» трактует картину в славянофильском духе. Анализ картины Маковского, данный Достоевским, во многом близок анализу автора «Московских заметок, однако выводы Достоевского сложнее и глубже. Он видит в картине «любовь к человечеству, не только к русскому в особенности, но даже и вообще» (стр. 7).

Стр. 70—71. . . *(как-то уже это принято ∾ в домашнем быту)* . . . — «Темное царство» — выражение Н. А. Добролюбова (из статьи того же названия 1859 г., посвященной драмам А. Н. Островского). В упоминавшемся разборе картины Маковского в «Гражданине» (см. предыдущ. примеч.) один из купцов, изображенных на картине, назван «членом из пресловутого „темного царства“» (*Гр*, 1873, 19 февраля, № 8, стр. 224), но это пренебрежительное отношение к формуле Добролюбова Достоевским не разделяется. Напротив, он сочувственно относился к основной идее добролюбовской статьи. В письме Н. Н. Страхову от 6 (18) апреля 1869 г. он заметил: «Может быть, Островскому и <. . .> не приходило в ум всей идеи насчет темного царства, но Добролюбов *подсказал* хорошо и попал на хорошую почву».

Стр. 71. . . *в эстонской или лифляндской каюте игра в карты, — это, конечно, понятно ∾ в карты все играют и гадают, так что и «Десятка пик» (так названа одна картина) будет совершенно понятна.* . . — Имеются в виду картины финского художника Янсена «Трефовый туз в аландской каюте» и польского художника Шульца «Девятка пик», изображающая сцену гадания. О картине Шульца подробно и сочувственно рассказал Нил Адмирари в статье «По поводу выставки в Академии художеств» (*Г*, 1873, 4 марта, № 63). Полотно Янсена было положительно оценено в венской газете «Presse» от 3 августа 1873 г. См. также: В. В. Стасов. Немецкие критики о русском художестве на венской выставке. — В кн.: *Стасов*, т. I, ст. 244.

Стр. 71 . . . *не думаю, чтобы поняли, например, Перова «Охотников».* — Известная картина В. Г. Перова (1832—1882) «Охотники на привале» (1871)

находится сейчас в Третьяковской галерее. Восторженный отзыв об этой картине, как и о других полотнах русских «передвижников», содержится в отчете Н. К. Михайловского «На Венской всемирной выставке» (*ОЗ*, 1873, № 7, отд. II, стр. 130). Достоевский всегда ценил Перова как национального художника. Ср., например, отзыв о нем в статье 1861 г. «Выставка в Академии художеств» (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 166—167). В 1872 г. Перов, по заказу П. М. Третьякова, создал известный портрет Достоевского.

Стр. 72. . . .*как отнесутся в Вене к «Псаломщикам» Маковского.* — Речь идет о картине В. Е. Маковского «Придворные псаломщики на клиросе» (1870). В настоящее время она находится в Севастопольской областной картинной галерее.

Стр. 72. . . .*окажется гораздо полезнее для его же целей, чем, например, все песни о рубашке (не Гуда, а наших писателей).* . . — В статье «Литературные и журнальные заметки» (январь 1873 г.) Н. К. Михайловский писал: «Читали ли они (критики, ратующие за преимущественное развитие литературной техники, — *Ред.*) лирическое стихотворение, более высокохудожественное, чем „Песня о рубашке“ Томаса Гуда? И знают ли они вместе с тем лирическое стихотворение более тенденциозное?» (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 158). «Песня о рубашке» (1843) — стихотворение английского поэта Т. Гуда (Hood, 1793—1845), изображающее тяжелое положение женщины-швеи и направленное против эксплуатации женского труда. На русский язык оно переведено М. Л. Михайловым (*С*, 1860, № 9, стр. 63—66). В 1861 г. в «Современнике» была опубликована статья М. Л. Михайлова «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд», в которой сказано, что Гуд поэт, в чьих произведениях «нашли свой голос бедствия бедных классов» (*С*, 1861, № 8, стр. 377).

Стр. 73. *Я читал две последние поэмы Некрасова — решительно этот почтенный поэт наш ходит теперь в мундире.* — Речь идет о поэмах Н. А. Некрасова «Княгиня Трубецкая» (*ОЗ*, 1872, № 4) и «Княгиня М. Н. Волконская» (*ОЗ*, 1873, № 1), напечатанных под общим заглавием «Русские женщины» и вошедших затем в книгу «Стихотворения Н. Некрасова» (ч. V, СПб., 1873). Об отношении Достоевского к этим поэмам см. стр. 423.

Стр. 73. . . . *проехавшая шесть тысяч верст в телеге и «узнавшая прелесть телеги», слетевшая, как вы сами уверяете, «с высокой вершины Алтая»*. . . — См. в поэме «Княгиня М. Н. Волконская» (гл. V):

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

И далее там же:

Дорога без снегу в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива, ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.

(*Некрасов*, т. III, стр. 76—77).

Стр. 73. . . . *Эта женщина ни за что не поцелует сначала цепей любимого человека — и так сделает всякая женщина решительно.* — В гл. VI поэмы «Княгиня М. Н. Волконская» героиня так вспоминает о встрече с мужем в Нерчинске:

Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал и умел он страдать!.
Невольно пред ним я склонила
Колени, — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!. .

(*Некрасов*, т. III, стр. 85).

Эпизод этот не был выдуман Некрасовым, а создан на основании «Записок» М. Н. Волконской, известных поэту в рукописи. Волконская рассказывала: «Сергей бросился ко мне; бряцание его цепей поразило меня: я не знала, что он был в кандалах. Суровость этого заключения дала мне понятие о степени его страданий. Вид его кандалов так воспламенил и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом — его самого» (Записки княгини М. Н. Волконской. Читинское книжное издательство, 1956, стр. 66).

Стр. 74. *Чуть только я прочел в газетах о бурлаках г-на Репина. . .* — Картина И. Е. Репина (1844—1930) «Бурлаки на Волге» (находится в настоящее время в Ленинграде в Русском музее) была первым произведением, принесшим художнику не только всероссийскую, но и международную известность. На выставке в Вене произведение это воспринималось как наиболее значительное из всей русской экспозиции и вызвало много откликов (см., например: Н. М. На венской всемирной выставке. — *ОЗ*, 1873, № 7, отд. II, стр. 131—132; В. В. Стасов. Немецкие критики о русском художестве на венской выставке, стр. 242—250). В разборе Достоевским «Бурлаков» заметно воздействие на него статьи В. В. Стасова «Картина Репина „Бурлаки на Волге"» (*СПбВед*, 1873, 18 марта, № 76), которую Достоевский мог прочитать непосредственно перед тем, как приступить к статье «По поводу выставки».

Стр. 74. *А не были бы они так натуральны, невинны и просты ∾ Просто скажу: фигуры гоголевские.* — Ср. отзыв В. В. Стасова о «Бурлаках» в «С.-Петербургских ведомостях»: «Но не для того, чтобы разжалобить и вырвать гражданские вздохи, писал свою картину г-н Репин: его поразили виденные типы и характеры, в нем жива была потребность нарисовать далекую, безвестную русскую жизнь, и он сделал из своей картины такую сцену, для которой ровню сыщешь разве только в глубочайших созданиях Гоголя» (*Стасов*, т. I, стр. 240).

Стр. 74—75. *Примеры бывали, что с первых дней так и умрет у каши бурлак ∾ находили одну только кашу до самого горла.* — Сведения эти, возможно, почерпнуты Достоевским из романа Н. С. Лескова «Соборяне», впервые напечатанного в 1872 г. в «Русском вестнике» (№№ 4—7). В главе тринадцатой пятой части «Соборян» рассказывается о нескольких случаях смерти от переедания долго перед тем голодавших людей. Когда лекарь вскрыл трупы умерших за едой двух братьев-бурлаков, он, «ища в желудке отравы, нашел одну кашу; кашей набит растянутый донельзя желудок, кашей набит был пищевод, и во рту и в гортани везде лежала все та же самая съеденная братьями каша» (*Лесков*, т. IV, стр. 305). О знакомстве Достоевского с «Соборянами» Лескова см. стр. 55, 298 и 413.

Стр. 75. *Ведь и Диккенс — жанр, не более; но Диккенс создал «Пиквика», «Оливера Твиста» и «Дедушку и внучку» в романе «Лавка древностей». . .* — Достоевский называет здесь ранние романы Диккенса, получившие широкую известность в России уже в 1840-е годы: «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836—1837; первый русский перевод в 1838 г. в «Сыне отечества»); «Приключения Оливера Твиста» (1839; первый русский перевод в 1841 г. в «Отечественных записках»); «Лавка древностей» (1841; первый русский перевод в 1843 г. в «Библиотеке для чтения», вышел затем в 1853 г. отдельным изданием под названием «Дедушка и внучка» и в 1861 г. в обработке для детей под тем же названием был напечатан в «Подснежнике», №№ 1—4) (*Катарский*, стр. 313, 392). В этих произведениях сильнее, чем в поздних, более социальных романах сказались романтические мотивы творчества Диккенса, в них ощутимее то, что Достоевский именует «идеальностью», призывая русских художников «не бояться „идеальности", но <. . .> смело доверять ей» (см.: Г. М. Фридлендер. Эстетика Достоевского. — В кн.: *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 155). Названные Достоевским романы Диккенса нашли отражение в его собственном творчестве. О Пиквике как одном из литературных предшественников князя Мышкина см.: наст. изд., т. IX, стр. 401 (ср. письмо Достоевского С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г.). Об использовании в сюжете повести «Село Степанчиково и его

обитатели» эпизода из «Записок Пиквикского клуба» см.: наст. изд., т. III, стр. 501. Воздействие «Лавки древностей» особенно ощутимо в «Униженных и оскорбленных» (см.: наст. изд., т. III, стр. 526); своеобразную интерпретацию этого романа Достоевский дает в «Подростке» устами Тришатова (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 353, т. XVII, стр. 388). См. также: *Катарский*, стр. 357—401.

Стр. 76. . . . *«Гимн пифагорейцев» Бронникова ∾ так же необходимы искусству и человеку, как и текущая действительность.* — Картина профессора исторической живописи Ф. А. Бронникова (1827—1902) «Гимн пифагорейцев восходящему солнцу» (1869) была написана в академической манере, на характерный для этого художника возвышенный античный сюжет (в настоящее время находится в Третьяковской галерее). «Гимн пифагорейцев» принес художнику большой успех. Тем не менее Нил Адмирари писал в «Голосе» в связи с отбором картин для выставки в Вене: «Как на пример вопиющей ошибки в выборе укажем на то, что такая картина, как смехотворный „Гимн пифагорейцев“ псевдоклассика г-на Бронникова, будет красоваться в Вене, тогда как прелестная картина г-на Прянишникова „Гостиный двор в Москве“ забракована, если верить слухам, из патриотизма. . .» (*Г*, 1873, 4 марта, № 63).

Стр. 76. . . . *эта пагубная ошибка замечается в некоторых картинах г-на Ге.* — На выставке 1873 г. экспонировалась картина Н. Н. Ге (1831—1894) «Петр I и царевич Алексей» (1871), находящаяся сейчас в Третьяковской галерее (авторское повторение — в Русском музее в Ленинграде). Критика упрекала Ге в бытовизме и в снижении характеров обоих героев-противников. Обозреватель венской выставки в журнале «Дело» Е. Григо писал, например: «Картина Ге „Царь Петр“ производит странное впечатление . . .; На стуле сидит сильный мужчина, Петр, с покрасневшим от гнева лицом холодом веет от всей его фигуры. Перед ним стоит бледный, худой, длинный, с меланхолическим выражением в лице юноша <. . .> это царевич Алексей, сын Петра <. . . Симпатии зрителя обращены к сыну, но, говорят, художник рассчитывал, что они будут обращены на отца, одного из величайших умов своего времени» (*Д*, 1873, № 9, стр. 133 третьей пагинации).

Стр. 76. *Из своей «Тайной вечери», например, наделавшей когда-то столько шуму, он сделал совершенный жанр.* — Картина Н. Н. Ге «Тайная вечеря» (1863) была впервые выставлена в Академии художеств в 1863 г. и сразу же возбудила всеобщее внимание, вызвав оживленную полемику. В настоящее время находится в Русском музее в Ленинграде. Демократическая критика восторженно встретила появление этой картины. М. Е. Салтыков-Щедрин писал в 1863 г. в обозрении «Наша общественная жизнь»: «Картина Ге представляет у нас явление совершенно новое именно по совершенному отсутствию всяких рутинных приемов и приторно-казенных эффектов и по совершенно ясному отношению художника к изображаемому им событию. И такова сила художественной правды, что это отсутствие эффектов не только не умаляет значения самого события, но, напротив того, усугубляет его и представляет событие во всей его торжественной поучительности, во всей поразительной красоте» (*С*, 1863, № 11, ср.: *Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 153). Подробный разбор картины с глубоко сочувственным отзывом о ней содержится в статье А. Сомова в № 213 «Петербургских ведомостей» за 1863 г. Известен восторженный отзыв И. Е. Репина о «Тайной вечере» Ге в его письме к В. В. Стасову от 26 октября 1876 г. (Репин и Стасов. Переписка, т. I. М.—Л., 1948, стр. 140). Напротив, ряд критиков увидели в картине бытовое решение высокой «вечной» темы, ее снижение и упрощение. Так, в «Современной летописи» говорилось: «Ге — первый из живописцев *намеренно* отнял у величайшего из мировых событий его божественность. Этим он поколебал основание своего сюжета, отчего картина его не верна художественной истине. . .» (Современная летопись, 1863, № 38). О других отзывах критики см.: *Салтыков-Щедрин*, т. VI, стр. 620—622. Сходным образом, но более спокойно высказался В. В. Стасов в статье «Академическая выставка 1863 года» (*БдЧт*, 1864, № 2). Он отметил высокие живописные достоинства картины Ге, однако трактовка сюжета вызвала его возражения: «Так представлять Христа — значит вовсе не понимать ни его характера,

ни его значения, и если художник ничего другого не в состоянии был создать своею фантазией, кроме представления учителя, проводника новой жизни и истины существом, не умеющим показать нравственной громадной силы своей, — то лучше было бы сюжета тайной вечери не брать вовсе» (*Стасов*, т. I, стр. 119). Характеристика Тайной вечери Достоевским близка этому отзыву Стасова. Ср. также ироническое упоминание Ге в «Записках из подполья» (см.: наст. изд., т. V, стр. 109 и 383) и сопоставление имен Ге и Ренана в подготовительных материалах к «Бесам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 192; т. XII, стр. 354). С. С. Борщевский считает, что упоминание «Тайной вечери» Ге в «Дневнике писателя» 1873 г. было вызвано возвращением Достоевского к полемике 1860-х годов с «Современником», в частности с Салтыковым-Щедриным, одним из звеньев которой и было различное толкование картины Ге Щедриным в «Современнике» и Достоевским в «Записках из подполья» (см.: *Борщевский*, стр. 78, 84—86). См. также: наст. изд., т. XV, стр. 401.

Стр. 77. *Тициан ∾ изобразил его в известной картине своей «Кесарево кесареви»*. . . — Картина Тициана (1477—1576) «Кесарев динарий» (или «Христос с монетой» — 1506?) написана на евангельский сюжет, согласно которому Иисус, когда спросили его, «позволительно ли давать пóдать кесарю или нет», велел принести монету и, указав на изображение кесаря на динарии, сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу» (Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 15—21). Она находится в Дрезденской галерее, и Достоевский хорошо ее знал. По свидетельству А. Г. Достоевской, «Христос с монетой» — одно из любимейших живописных произведений писателя (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 150). 20 апреля 1867 г. А. Г. Достоевская записала в своем дневнике о картине Тициана: «Эта великолепная картина, по выражению Федн, может стоять наравне с Мадонною Рафаэля. Лицо Христа выражает удивительную кротость, величие, страдание» (*Достоевская, Дневник*, стр. 19).

X

РЯЖЕНЫЙ

(Стр. 77)

Источники текста

БА — Беловой автограф (фрагмент). 2 листа. Авторская нумерация: 25, 26. Датируется 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2. 9/5; см.: *Описание*, стр. 56. Публикуется впервые.

НР — Наборная рукопись большей части статьи. 30 листов. Авторская нумерация листов: 1—6, 11—32, 35—36 (отсутствуют листы 7—10, 33—34). Датируется 1873 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29453. ССХб. 9, лл. 1—6, 13—16, 23—31, 35—36; *ГБЛ*, ф. 93. I.2 9/3, 9/4, 9/6, лл. 11—12, 17—22, 32; см.: *Описание*, стр. 56—57. Публикуется впервые.

Гр — 1873, 30 апреля, № 18, стр. 533—538.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 30 апреля, № 18, стр. 533—538, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 89—103.

Печатается по тексту первой публикации.

В статье «Смятенный вид» Достоевский выступил с упреками по адресу Н. С. Лескова, признав его рассказ «Запечатленный ангел» «в некоторых подробностях почти неправдоподобным» (см. выше, стр. 57). Оскорбленный

Лесков опубликовал в апреле 1873 г. в газете «Русский мир» под разными псевдонимами («Псаломщик» и «Свящ. П. Касторский») две заметки, общий смысл которых сводился к тому, что автор «Дневника писателя» недостаточно знаком с историко-церковными вопросами и бытом русского духовенства, чтобы судить о них со знанием дела. Ответом на обе эти «ругательные», по определению Достоевского, заметки и явилась данная статья «Дневника». Достоевский не только доказал в ней на основании анализа содержания и стиля обеих заметок, что они написаны одним лицом, не только прозрачно дал понять, что лицом этим, надевшим на себя маску представителя описываемой Лесковым духовной среды, на деле был сам автор «Запечатленного ангела». В полемике с ним писатель сформулировал ряд пунктов своей творческой программы, принципиально важных для понимания общего направления его работы над языком и стилем, отличного от направления литературно-художественных исканий Мельникова-Печерского, Лескова и других, близких к ним писателей-реалистов 1870-х годов, которые решали задачу воссоздания народности посредством обращения к художественному «этнографизму», посредством передачи пестрого и затейливого узора русской простонародной речи.

Сложность личных и творческих отношений Достоевского и Лескова сказывалась на протяжении всего их творческого пути. Впервые творчество Лескова привлекло внимание Достоевского в начале 1860-х годов. В «Эпохе» (1865, № 1) Лесков напечатал повесть «Леди Макбет Мценского уезда».[1] По свидетельству Лескова (в письме к Д. А. Линеву от 5 марта 1888 г.), повесть была сочувственно поддержана Достоевским (см.: Звезда, 1931, № 2, стр. 224—225). Однако намерение Лескова печататься в «Эпохе» и впредь (см.: *Лесков*, т. X, стр. 253—254) не осуществилось в связи с запрещением журнала.

Резкость и пристрастность взаимооценок обоих писателей стала очевидной с конца 1860-х годов. К 1869 г. относится язвительное замечание Лескова о романе Достоевского «Идиот» (см.: Лесков Н. С. Русские общественные заметки. — *БВ*, 1869, 14 декабря, № 340), к этому же году — его обстоятельное суждение об этом романе,[2] свидетельствующее об оценке Лесковым творчества Достоевского с позиций преимущественно социально-бытового реализма. Полемичность восприятия писателями друг друга ощутима и в их письмах начала 1870-х годов.[3] В 1873 г. Достоевский — как редактор «Гражданина» — возвращает Лескову рукопись «Очарованного странника», присланную для публикации по предложению В. П. Мещерского (см.: *Лесков*, т. X, стр. 357—358). Годом позднее, во время работы над романом «Подросток» (и в период печатания романа Лескова «Захудалый род»), Достоевский пишет эпиграмму на Лескова (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 23 и 452—453, а также ниже, стр. 434).

После 1873 г. отношение Лескова к Достоевскому определялось во многом его восприятием Л. Н. Толстого как своей «святыни на земле» (см.: А. И. Фаресов. Против течений. СПб., 1904, стр. 114). Прочитав отзыв об «Анне Карениной» в «Дневнике писателя» за 1877 г., Лесков обратился к Достоевскому с письмом, содержавшим восторженную оценку его анализа романа Толстого (см.: *Лесков*, т. X, стр. 449). Выход в свет книги К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и граф Лев Толстой» (М., 1882) — уже после смерти автора «Братьев Карамазовых» — побуждает Лескова

---

[1] На страницах журнала Достоевского она имела заглавие «Леди Макбет нашего уезда».

[2] См.: Вечерняя газета, 1869, 1 января, № 1 (об авторстве Лескова см.: И. В. Столярова. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова. (Н. С. Лесков о Ф. М. Решетникове и Ф. М. Достоевском). — Ученые записки Ленинградского гос. университета, 1968, № 339, вып. 72, стр. 224—229).

[3] См.: Письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 18 (30) января 1871 г.; письмо Лескова к П. К. Щебальскому от 11 февраля 1871 г. (*Лесков*, т. X, стр. 293).

выступить в защиту Достоевского.[1] При этом, однако, ярко обнаруживается его пристрастность в оценке «богословского образования» Достоевского. «Пишущий эти строки, — замечает Лесков, — знал лично Ф. М. Достоевского и имел неоднократно поводы заключать, что этому даровитейшему человеку, страстно любившему касаться вопросов веры, в значительной степени недоставало начитанности в духовной литературе, с которою он начал свое знакомство в довольно поздние годы жизни и по кипучей страстности своих симпатий не находил в себе спокойности для внимательного и беспристрастного ее изучения. Совсем иное в этом отношении представляет благочестиво настроенный и философски свободный ум графа Л. Н. Толстого, в произведениях которого — как напечатанных, так еще ярче в не напечатанных, а известных только в рукописях, — везде видна большая и основательная начитанность и глубокая вдумчивость» (Новости и биржевая газета, первое ежедневное издание, 1883, 1 апреля, № 1). К 1866 г. относится статья Лескова «О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом» (см.: *Лесков*, т. XI, стр. 134—156), написанная в связи с появлением повести «Смерть Ивана Ильича». В этой статье Лесков говорит о Достоевском как о «родоначальнике» темы народа, взятой в аспекте духовного возрождения России, но вместе с тем стремится показать, что толстовское «знание и понимание» народа было значительно глубже, нежели «мистическое народничество» Достоевского.[2]

Субъективизм, свойственный восприятию Лесковым идейно-эстетической программы Достоевского, с особой выразительностью проявился в его полемических (псевдонимных) заметках 1873 г. Описание Достоевским сюжета картины В. Е. Маковского «Придворные псаломщики на клиросе» (см. выше, стр. 72—73) и публикация в «Гражданине» рассказа М. А. Недолина «Дьячок» (*Гр*, 1873, 16 апреля, № 15—16) стали поводом для выступления Лескова против Достоевского. Упрекая писателя в незнании церковного быта и культуры духовной среды, Лесков одновременно оспорил некоторые эстетические принципы Достоевского.

Свою полемику с Лесковым Достоевский строит на противопоставлении «высшего реализма» (изображающего «неисследимые глубины духа и характера человеческого») и конкретно-бытового типизма, стремление которого к внешней «характерности» и «эссенциозности» препятствует психологической глубине изображения. Достоевский вскрывает стилевой разнобой в заметке мнимого священника Касторского, обусловленный совмещением в ней разных задач — дискредитировать Недолина и Достоевского и возвеличить Лескова. Умение показать эти стилистические противоречия позволило Достоевскому открыть под разными псевдонимами — «Псаломщика» и «Свящ. П. Касторского» — одного и того же автора, Н. С. Лескова.

---

[1] Роль оппонента К. Н. Леонтьева предназначалась другу Лескова, историку русской церкви Ф. А. Терновскому. Но его статья, озаглавленная «Гр. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский под кривосудом», была существенно переработана и опубликована за подписью Н. С. Лескова в виде двух статей — «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи. (Религия страха и религия любви)» и «Золотой век. Утопия общественного переустройства. (Картины жизни по программе К. Леонтьева)» (Новости и биржевая газета, первое ежедневное издание, 1883, 1, 3 апреля и 22, 29 июня, №№ 1, 3, 80, 87; см. также: *Лесков*, т. XI, стр. 678).

[2] Подробнее об истории творческих и личных взаимоотношений Достоевского и Лескова см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 150, 153, 209, 210; А. Н. Лесков. Жизнь Н. Лескова. М., 1954, стр. 291—293; В. В. Виноградов. 1) Достоевский и Лесков. (70-е годы XIX века). — *РЛ*, 1961, № 1, стр. 63—84; № 2, стр. 65—97; 2) *Виноградов, Проблема авторства*, стр. 487—555; Е. М. Пульхритудова. Достоевский и Лесков. (К истории творческих взаимоотношений). — В кн.: *Достоевский и русские писатели*, стр. 87—138; К. П. Богаевская. Н. С. Лесков о Достоевском (1880-е годы). — *ЛН*, т. 86, стр. 606—620. Ср. также: наст. изд., т. XII, стр. 237.

Отголоском полемики с Лесковым 1873 г. можно считать ироническую заметку в записной тетради Достоевского 1880—1881 гг.: «Лесков. Специалист и эксперт в православии» (см.: наст. изд., т. XXVII).

Стр. 77. *В «Русском мире» (№ 103) появилась на меня ругательная заметка. ∾ Тем более, что и речь о церковном предмете.* — В № 103 «Русского мира» (1873, 23 апреля) за подписью «Свящ. П. Касторский» была помещена полемическая заметка «Холостые понятия о женатом монахе».

Стр. 78. *Недавний успех «Записок причетника» в «Отечественных записках» и потом еще больший успех «Соборян» в «Русском вестнике». . .* — Имеется в виду повесть Марка Вовчка (М. А. Маркович) «Записки причетника» (*ОЗ*, 1869, №№ 9—11; 1870, №№ 10—11) и роман Н. С. Лескова «Соборяне» (кн. 1) (*РВ*, 1872, №№ 4—7).

Стр. 78. *. . .бытовой среды нашего клира.* — Клир (от греч. κλῆρος — жребий, надел) — общее наименование служителей культа православной церкви; церковный причт.

Стр. 78. *Что значит «вслед за псаломщиком ∾ действительно есть обличение, подписано «Псаломщик».* — Заметка «О певческой ливрее. (Письмо в редакцию)» за подписью «Псаломщик» была опубликована в «Русском мире» (1873, 4 апреля, № 87).

Стр. 78—80. *Посмотрим, что такое ∾ и это всякий поймет, кто прочтет статью мою.* — В заметке «О певческой ливрее» неточно цитировались те отрывки из девятой статьи «Дневника писателя» за 1873 г. «По поводу выставки», где дано описание картины В. Е. Маковского «Придворные псаломщики на клиросе» (см. выше, стр. 72 и 73, отрывок «По-моему, это уже не жанр ∾ что тут что-то вовсе другое»).

Псаломщики, или клировые люди, изображены на картине в темных сутанах и пелеринах: такая одежда во время богослужения соответствовала обряду, утвердившемуся при Петре I под иноземным (польским) влиянием. *Контуш* (или кунтуш) — одежда поляков, заимствованная ими в средние века от крымских татар (имела вид длинного кафтана с разрезными рукавами, которые забрасывались за плечи); с конца XVI в. контуш являлся обыденной одеждой; с 1776 по 1780 г. был военным мундиром, с конца XVIII в. стал выходить из употребления. *Азям* (или озям) — длинный крестьянский кафтан, сермяжный или из толстого сукна. *Лестовки* (листовки) — кожаные четки. *Патриаршие времена* — период в истории русской церкви с XV в. до церковной реформы Петра I, который в 1720 г. уничтожил патриаршество и подчинил церковь и духовенство общей системе государственной власти. При этом на высшие места в учрежденный для управления церковью Синод были назначены украинские ученые церковные деятели, получившие образование в польских духовных заведениях (об этом см. в кн.: И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 70—105). О польском влиянии на русские церковные обряды и практику в конце XVII—начале XVIII в. см. там же, стр. 34—36; а также: Г. Н. Моисеева. Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII—середины XVIII в. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. М., 1973, стр. 438—451.

Стр. 80. *Не про Дмитрия Донского время я говорил и не про Ярославово.* — Дмитрий Донской (1350—1389) — великий князь московский. Ярослав Мудрый (978—1054) — великий князь киевский.

Стр. 81. *И свят, о боже, твой избранник! ∾ Он исполина сокрушит.* — Цитата из стихотворения Н. М. Языкова «Кому, о господи! доступны твои сионски высоты?»(1830), представляющего собой подражание псалму 14.

Стр. 81. *Кто этот г-н Недолин, мы не знаем. . .* — См. об этом ниже, стр. 434.

Стр. 81. *Крайне бедная и неискусно скомпонованная фабула рассказа «Дьячок» ∾ если бы ей была дана вероподобная развязка. . .* — Это замечание вызвано критикой Достоевским «конца диакона Ахиллы» в «Соборянах» самого Лескова (см. стр. 55).

С т р. 81. . . .*злополучный дьячок мог бы, например, бежать на Афон* ∾ *во многом самостоятельнее, чем в России.* — См. об этом ниже.

С т р. 82. *Почтенному автору ее г-ну Недолину (не псевдоним).* . . — М. А. Недолин — автор ряда повестей и рассказов, публиковавшихся в 1872—1877 гг. в журналах «Нива», «Семейные вечера», «Кругозор»; его роман «Не в ту силу» помещен в первом томе его «Собрания сочинений» (Киев, 1879).

С т р. 82. . . .*происшествие это истинное.* ∾ *почти всегда носят на себе характер фантастический, почти невероятный?* — О «фантастическом» характере реальной действительности Достоевский писал многократно, в частности в статье «Нечто о вранье».

С т р. 82. *Недавно, то есть несколько месяцев тому назад* ∾ *да еще при свидетелях.* — См. комментарий к заметке «Наши монастыри» (стр. 459—460).

С т р. 83. *Помилуйте, можно написать пером слово «дьячок» совсем без намерения отбивать что-нибудь у г-на Лескова.* — Л. П. Гроссман указал на связь этого высказывания Достоевского с двумя первыми стихами его эпиграммы 1874 г.:

Описывать всё сплошь одних попов,
По-моему, и скучно, и не в моде;
Теперь ты пишешь в захудалом роде;
Не провались, Л‹еск›ов.

(См.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 347).

С т р. 83. *Главное дело вот в чем: кто вам сказал, что наш дьячок поступил в монахи?* — В монахи могли поступать люди, не состоящие в браке и давшие обет безбрачия.

С т р. 84. . . .*в теснейшей дружбе с епархиальным начальником.* . . — Епархия (от греч. ἐπαρχία) — название единицы гражданско-административного подразделения в греко-римской империи, в России в XIX в. так назывались районы, где церковная власть принадлежала одному архиерею; они совпадали с губерниями и областями (за исключением Прибалтийского края, Северо-западного края, Привисленского края и Финляндии).

С т р. 84. *Ну что толку, что автор тянет вас в продолжение тридцати листов* ∾ *ни разу более не возвращается к ним в остальном рассказе.* . . — Имеется в виду роман Н. С. Лескова «На ножах» (1870—1871). Действие главы 36 пятой части романа («Где Лара?») происходит «неподалеку от Ясс, в Молдавии», в молдо-валахском замке, где один из героев романа — Горданов — настигает сбежавшую от него Лару.

С т р. 85. . . .*как он сбежал наконец на Афон.* . . — Афон — полуостров в Греции; один из центров восточного православного мира. Хождение на Афон и пребывание там русских началось с XI в. Особой известностью пользовались афонские монастыри Св. Пантелеймона, Иверский, русский скит Св. Илии (см.: А. Н. М у р а в ь е в. Описание монастырей и скитов на св. горе Афонской. СПб., 1850; Палестина и Афон. Письма святогорца Серафима. Вятка, 1872; Н. К о н с т а н т и н о в. [К. Л е о н т ь е в]. Панславизм на Афоне. — *РВ*, 1873, № 4).

С т р. 85. *Вспомните, батюшка, у Гоголя в «Женитьбе»* ∾ *так уж тут мое почтение».* — Достоевский неточно цитирует заключительные строки комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» (1842). У Гоголя:

«К о ч к а р е в. Это вздор, это не так. Я побегу к нему, я возвращу его! (*Уходит.*)

Ф е к л а. Да, поди ты, вороти! Дела-то сватского не знаешь, что ли? Еще если бы в дверь выбежал — ино дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно — уж тут, просто мое почтение!» (*Гоголь*, т. V, стр. 61).

С т р. 86. *Картину раз высматривал сапожник* ∾ *«Суди, дружок, не свыше сапога!»* — Цитата из эпиграммы А. С. Пушкина «Сапожник. Притча» (1829). В современных изданиях предпоследняя строка печатается по тексту «Современника»: «Тут Апеллес прервал нетерпеливо. . .» (см.: *Пушкин*, т. III, стр. 174, 750).

С т р. 86—87. *. . .с каким совсем не свойственным вашему сану неприличием говорите о чудесах.* ∾ *«Всё это вы выдумали, и я вас вызываю указать: где вы это нашли?»* — Лесков в своей заметке намекает на один из главных мотивов статьи «Смятенный вид» (искажая его при этом) — изложение Достоевским своего понимания значения христианства и православия и его рассуждение в связи с этим о действенной роли «чуда» и восприятии его раскольниками (см. выше, стр. 54—60).

С т р. 89. *Простонародье, например, в повестях Пушкина* ∾ *чем у писателя Григоровича, всю жизнь описывавшего мужиков.* — Ценя Д. В. Григоровича как автора рассказов о народе (см. об этом ниже, стр. 114), Достоевский тем не менее противопоставляет его подход к народу как художника-«типиста», характерный для писателей «натуральной школы», иному способу художественного изображения народа в творчестве Пушкина. Достоевский писал об этом и в «Дневнике писателя» за 1880 г. (см.: наст. изд., т. XXVII; см. также: А. Л. Б е м. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. — Slavia, 1929, ч. I, стр. 82—100; *Долинин*, стр. 187—192).

С т р. 90. *Это — это, так сказать, дарвинизм, борьба за существование.* — Ирония Достоевского вызвана его критическим отношением к попыткам применить теорию Дарвина непосредственно к общественной жизни, что было характерно для эпохи позитивизма вообще и для некоторых из тогдашних народнических теоретиков в частности (подробнее см. об этом в статье «Одна из современных фальшей» и комментарии к ней — стр. 132 и 457).

С т р. 91. *А причем же тут сам «Русский мир»?* ∾ *Бог знает с чего вскочут люди.* — Достоевский иронизирует над пристрастным отношением к Лескову газеты «Русский мир», регулярно печатавшей в начале 1870-х годов его произведения и похвальные отзывы о его творчестве (см.: И. В. С т о л я р о в а. Н. С. Лесков в «Русском мире» (1871—1875). — Ученые записки Омского педагогического института, 1962, вып. 17, стр. 97—122). «Голос» А. А. Краевского, враждебно относившийся к Достоевскому и «Гражданину», также иронически высказывался в 1873 г. по адресу Лескова и «Русского мира»: «. . .И дался же этот г-н Лесков-Стебницкий своему патрону „Русскому миру“! Газетка доходит до того, что ставит своего протеже наряду с Жуковским, Пушкиным, Гоголем<. . .> Уж не сам ли г-н Лесков-Стебницкий, сотрудник „Русского мира“, строчит все эти панегирики „даровитому романисту“? Быть не может!» (*Г*, 1873, 18 января, № 18).

Наборная рукопись

С т р. 328. *Справьтесь в календаре Гатцука. . .* — А. А. Гатцук (1832—1891) в 1870—1880-е годы издавал в Москве «Газету А. Гатцука, политико-литературную, художественную и ремесленную» и «Крестный календарь» на предстоящий год с еженедельным иллюстрированным приложением.

XI

МЕЧТЫ И ГРЕЗЫ

(Стр. 91)

И с т о ч н и к и т е к с т а

ЧН — Черновой автограф начала статьи. 2 листа. Датируется концом января—началом февраля 1873 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29489. ССХб. 14; см.: *Описание*, стр. 55. Отрывок «Я часто спрашиваю себя ∾ памятник Петра» впервые опубликован: *Фельетоны*, стр. 120. Полностью публикуется впервые.

Гр — 1873, 21 мая, № 21, стр. 606—608.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 21 мая, № 21, стр. 606—608, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 104—110.

Печатается по тексту первой публикации.

Замысел статьи относится к январю 1873 г. Черновой автограф, значительно отличающийся от окончательного текста, содержит реалии, извлеченные из публикации отчета о процессе С. Г. Нечаева (*ПВ*, 1873, 2 января, № 10; *Гр*, 1873, 22 января, № 4). В автографе зафиксирован также ряд фактов, подсказанных «Общей государственной росписью доходов и расходов на 1873 год» (*ПВ*, 1873, 7 января, № 6; *СПбВед*, 1873, 8, 10 января, №№ 8, 10) и последующим ее обсуждением в петербургской периодике. В нем присутствует мотив, вошедший затем в «Бобок» (сентенция об удивлении)(см. выше, стр. 44).

В становлении замысла статьи определенную роль сыграла шестая часть работы А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки» (*ВЕ*, 1872, № 11, стр. 47—97; № 12, стр. 618—678), где давался критический анализ теории славянофилов. Привлекли внимание Достоевского в этот период, по всей вероятности, и книга А. Стронина «Политика как наука» (СПб., 1872), в которой была предпринята попытка изучения экономических и политических систем «великих» держав и держав «средних» и «малых», [1] а также суждения об этой книге В. Д. Спасовича и разбор последних Н. К. Михайловским, резко отрицательно отнесшимся к мысли Стронина о «всемирной завоевательной миссии» России (см.: *ОЗ*, 1872, № 11, отд. II, стр. 167—171; 1873, № 5, отд. II, стр. 61—63). Спасович, со своей стороны, определял стронинскую концепцию будущего России как «милые *грезы*» (курсив наш, — *Ред.*), которые «искренне жаль разрушать» (*ВЕ*, 1873, № 4, стр. 744). В связи с этим Н. К. Михайловский иронически замечал: «Почему путешествие к Атлантическому океану „с бубнами и литаврами" есть милая *греза*, которую искренно жаль разрушить ‹. . .› недоумеваю» (*ОЗ*, 1873, № 5, отд. II, стр. 62; курсив наш, — *Ред.*). Внимание «Гражданина» к работе Стронина и полемике вокруг нее дает возможность предположить, что Достоевский, излагая собственные представления о будущем России, ввел понятие грезы (как и понятие мечты) в название статьи с полемической целью.[2]

Вопрос об исторической миссии России рассматривается в окончательном тексте статьи «Мечты и грезы» в связи с «внутренними» задачами страны — задачами объединения интеллигенции («лучших людей») и теснейшего кон-

---

[1] В многочисленных рецензиях на книгу отмечалась важность ее проблематики, несостоятельность приемов анализа (для исследования явлений социальных Стронин использовал методы естественных наук и математики) и спорность выводов (см.: *ОЗ*, 1872, № 11, отд. II, стр. 146—175; *Д*, 1872, № 12, стр. 1—25; Неделя, 1873, 14 января, № 2; *СПбВед*, 1873, 3, 15 и 19 января, 28 февраля и 9 мая, №№ 3, 4, 19, 58, 125). Первый отзыв на книгу Стронина в «Гражданине» был помещен 5 февраля (*Гр*, 1873, № 6), в том же номере, что и «Бобок»; второй — 9 июля (*Гр*, 1873, № 28), уже после публикации статьи «Мечты и грезы».

[2] Понятие мечты присутствует также в прямом обращении Михайловского к Достоевскому — в его рецензии на роман «Бесы» — при обосновании преобладающего значения социальных реформ по сравнению с реформами политическими: «. . .г-н Достоевский, вы сами citoyen, вы знаете, что свобода вещь хорошая, очень хорошая, что соблазнительно даже *мечтать* об ней, соблазнительно желать ее во что бы то ни стало, для нее самой и для себя самого. Вы, значит, знаете, что гнать от себя эти *мечты*, воздерживаться от прямых и, следовательно, более или менее легких шагов к ней — есть некоторый подвиг искупительного страдания. . .» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 340; курсив наш, — *Ред.*).

такта ее с народом. Комментируемая статья, таким образом, является свидетельством определенных сдвигов в системе «почвенничества» Достоевского: если в 1860-е годы единственный источник обновления русской общественной жизни писатель видел в народе, то в начале 1870-х годов, в условиях краха старых устоев, в период «всеобщего разложения» (в том числе и в народе) он был вынужден признать роль интеллигенции (см.: *Семенов*, стр. 87—90; ср.: наст. изд., т. XVII, стр. 257—258).

Стр. 91. *Мы в прошлом № «Гражданина»* ∾ *о нашей вере в ближайшее лучшее будущее.* — В 1873 г. вопрос об усилении пьянства в русской пореформенной деревне обсуждался всей периодической печатью. В «Вестнике Европы» (1873, № 1, стр. 382—406) была опубликована статья Н. Тизенгаузена «Повальное пьянство и меры против него». В «Отечественных записках» (1873, № 8, отд. II, стр. 289) на эту тему писал Н. А. Демерт. Как один из серьезнейших симптомов разложения народа рассматривал пьянство «Гражданин» (см. ниже, стр. 440). В связи с публикацией в «Правительственном вестнике» (1873, 8 мая, № 108) сообщения о мерах против пьянства в Пензенской губернии, предпринятых самим народом, «Гражданин» (1873, 14 мая, № 20) поместил статью «Что может спасти Россию от повального пьянства?» В ней отмечалось: «. . .для успеха этого знаменательного начала, кажется нам, необходимо, чтобы такое начинание в отдельной местности Пензенской губернии не оставалось одиноким ‹. . .› Но в день, когда губернатор соединится с земством, земство с помещиками и духовенством, духовенство с мировыми посредниками, и все сообща приступят к делу борьбы с пьянством и введению обязательного народного обучения, и все эти начинания поддержит печать и вся русская интеллигенция горячим сочувствием к делу, тогда благословен будет этот день, ибо им начнется спасение России» (стр. 580—581). 20 мая А. С. Суворин в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 137), приведя заключительную часть указанной цитаты, замечал: «Это очень почтенные, но и достаточно наивные строки, ибо такая „уния“ мыслима только в пламенных мечтах юноши». О мерах против пьянства в разных губерниях России «Гражданин» неоднократно сообщал и впоследствии (см., например: *Гр*, 1873, 16 июля, 20 и 27 августа, №№ 29, 34 и 35).

Стр. 91. . . .*après moi le déluge.* — Точнее: «Après nous le déluge». Эта фраза приписывается французскому королю Людовику XV. Некоторые мемуаристы считают, что она принадлежит его фаворитке маркизе Помпадур (см.: Le Reliquaire de M. Q. de la Tour. Par Ch. Desmaze. Paris, 1874, p. 62). Достоевский использует это выражение в ряде произведений (см., например: наст. изд., т. V, стр. 75 («Зимние заметки о летних впечатлениях»), т. XVI, стр. 8—9 («Подросток», подготовительные материалы)).

Стр. 91. . . .*простительно помечтать* ∾ *Мечтал же Поприщин* ∾ «. . . *все эти события меня так убили и потрясли, что я. . .*» — Достоевский неточно цитирует повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834; у Гоголя: «Эти происшествия так меня убили и потрясли, что я. . .»). Мечты Поприщина, вообразившего себя в конце концов королем Испании, были связаны с освещением русской печатью 1830-х годов борьбы, развернувшейся вокруг испанской короны после смерти Фердинанда VII и вступления на престол его трехлетней дочери Изабеллы II. Сопоставление собственных размышлений с «мечтами» Поприщина связано, по-видимому, с выступлением Л. К. Панютина, сравнившего «Дневник писателя» с «Записками сумасшедшего» (*Г*, 1873, 14 января, № 14). Несогласие с рецензентом «Голоса» подчеркивается и названием статьи Достоевского, утверждающим право автора мечтать.

Стр. 91. . . .*о положении России как великой европейской державы. . .* — В связи с публикацией «Общей государственной росписи доходов и расходов на 1873 год» (*ПВ*, 1873, 7 января, № 6) «С.-Петербургские ведомости» посвятили ряд передовых статей сравнительному анализу экономического и финансового состояния, военному бюджету «первостепенных» и «второстепенных» держав (см.: *СПбВед*, 1873, 11, 13, 14, 18, 23, 25, 28 и 30 января, №№ 11, 13, 14, 18, 23, 25, 28, 30). Относя Россию к числу держав «перво-

степенных», газета отмечала, однако, несовершенство государственного аппарата России в сравнении с Германией, Англией, Соединенными Штатами Америки.

Стр. 91. *Но с чтением статей г-на Пыпина я отрезвился.* ∞ *А потому невольно остается и мне обойтись без этих утешающих душу начал.* — Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы, долголетний сотрудник «Современника» и «Отечественных записок», автор ряда работ по древней и новой русской литературе, истории общественной мысли, этнографии, фольклору. Речь идет о шестой части («Славянофильство») его труда «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки» (*ВЕ*, 1872, № 11, стр. 47—97; № 12, стр. 618—678). В центре этой части работы Пыпина, построенной на полемике с И. В. и П. В. Киреевскими, А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным, И. С. и К. С. Аксаковыми, — теологические построения славянофилов, защита и возвеличение ими православия, а также их историческая теория, согласно которой русский народ сохранил истинно христианские начала общества и государства, а мир западный их извратил. Развивая западническую точку зрения, Пыпин писал: «Русская древность представляется Аксакову в самом радужном цвете <. . .> В своем народно-патриотическом увлечении он уже рисует русский быт старого времени как осуществление нравственного идеала, как истинное христианское государство <. . .> Аксаков безусловно восхищается единством быта, которое находит в древней Руси, но факты показывают ясно, что старый русский быт мог сохранить свое единство только потому, что это был слишком непосредственный и патриархальный быт, так сказать нетронутый никакой рефлексией <. . .> Славянофилам казалось, что стоит нашему обществу, „пишущим и непишущим литераторам“, принять излагаемые ими народные начала, и все будет приобретено: и самостоятельная мысль, и роль в человечестве, и уважение иностранцев, и т. д. Скоро сказка сказывается, но умственная самостоятельность достигается не так легко: чтобы стать независимо от западной цивилизации и выше ее, чтобы „подчинить западное просвещение нашим началам“, как требовал Киреевский, нужно сначала приобрести необходимую силу, воспринять и переработать содержание западного просвещения. . .» (*ВЕ*, 1872, № 12, стр. 631, 638, 664). В работе Пыпина затрагивались и воззрения «младших» славянофилов, идеологов «почвенничества» 1860-х годов: «Новый период <. . .> мало увеличил литературные силы первоначальной школы и мало подвинул доказательство ее основных положений, зато слабые стороны этого учения обнаружились теперь ярче, чем когда-нибудь. К славянофильству примкнули новые школы, которые также заговорили о „народных началах“, „почве“ и т. п. и, не имея ни таланта, ни горячего убеждения первых начинателей учения, распространяли только пустые фразы на тему народности и более или менее явный обскурантизм» (там же, стр. 678). С критической оценкой этой части работы Пыпина в «Гражданине» выступил М. П. Погодин (см.: *Гр*, 1873, 12 марта, № 11, стр. 347—352; 26 марта, № 13, стр. 415—420).

Стр. 92. *В этом нам чрезвычайно может помочь всеобщее европейское невежество* ∞ *теперь, увы, кажется, и они начинают нас понимать лучше прежнего; а это очень опасно.* — О незнании и непонимании Европою России Достоевский писал еще в конце 1860 г. во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 41—70). В начале 1870-х годов внимание писателя могла привлечь книга Ю. Экгардта «Современная Россия» (Julius Eckhardt. Modern Russia. London, 1870), состоявшая из четырех очерков: «Россия в царствование Александра II»; «Русский коммунизм»; «Православная русская церковь и ее секты»; «Русские балтийские провинции». Рецензия на нее была помещена в «Заре» (1871, № 1, отд. II). В рецензии отмечалось, что в книге Экгардта есть «и знание относительно России, и невежество, и (кажущееся, по крайней мере) хладнокровие, и самое рьяное и нескрываемое пристрастие» (стр. 49). Анализу книги в «Заре» было предпослано следующее вступление: «В последние годы в Западной Европе все более и более развивается любопытство насчет России, все шире и глубже распространяется желание познакомиться со страною и с народом,

о которых до сих пор существовали, а частию и теперь существуют только смутные понятия. . .» (стр. 48). Достоевский мог быть знаком и с публикацией в «Вестнике Европы» отрывка из статьи вице-президента Института морских архитекторов в Лондоне Е. Д. Рида «Русский императорский флот» (The imperial Russian Navy. — Naval Science, 1872, july), в которой улучшение положения в русском флоте объяснялось предоставлением свободы действий «обладающим самобытным и обширным умом и в высшей степени знающим свою специальность морским офицерам» (*ВЕ*, 1872, № 9, стр. 418). См. также выше, стр. 425.

Стр. 92. *Возьмите наше пространство и наши границы ∾ а отчасти и иноземных соседских элементов*). . . — Эта мысль Достоевского, возможно, полемически соотносится с рассуждениями А. Стронина в «Политике как науке» о скрещивании национальностей как важнейшем источнике обновления России и оценкой этнографической пестроты окраин русского государства как «великого блага». Положения Стронина разделялись и В. Д. Спасовичем, писавшим в разборе «Политики как науки»: «. . .только близорукие централисты сетуют на эту пестроту окраин» (*ВЕ*, 1873, № 4, стр. 730). Е. А. Белов так отвечал Спасовичу в рецензии «Туман в истории и политике», опубликованной в «Гражданине»: «. . .близорукие централисты хотят, чтобы те небольшие частички местного населения на окраинах, которые именуют себя чуть не „солью земли“, по крайней мере клочков оной, которые надменно именуют себя интеллигенциями того или другого края России, чтобы те небольшие частички не давили, пользуясь своим привилегированным положением, интересов масс, солидарных с интересами русского государства» (*Гр*, 1873, 9 июля, № 28, стр. 786). К проблематике «окраин» Достоевский вернулся в 1875—1876 гг. при чтении книги Ю. Ф. Самарина «Окраины России» (вып. 1—3. Прага, 1868; Берлин, 1871).

Стр. 92. *Теперь почти в каждые десять лет изменяется оружие ∾ У нас такой науки еще не имеется; да и покупной даже нет.* — Это рассуждение Достоевского также полемически соотносится со следующей мыслью А. Стронина в его «Политике как науке»: «Входя в область эстетики военной, мы, во-первых, можем усвоить, как по большей части уже и усвоили, значительную долю формального искусства новой войны с его скорострельным оружием, с его телеграфными и железнодорожными парками; с его митральезами, с его аэростатами, с его системою мобилизации, дислокации, пополнения интервалов и т. д. А во-вторых, нет ничего невозможного пополнить это чужое искусство и каким-либо собственным оригинальным изобретением в уровень с нашей наличной цивилизацией, как это и случилось уже в изобретении навесной прицельной стрельбы по движущимся предметам и в усовершенствовании скорострельных артиллерийских орудий. Но таких изобретений, хотя бы то и очень дробных, возможно не одно и не два, и состояние цивилизации нашей не отрицает уже этих скромных самостоятельных шагов» (стр. 487—488).

Стр. 92. *Возьмите опять наши железные дороги ∾ сколько в степени усилия нации.* — Сравнительный обзор статистических данных по железнодорожному строительству в России и Европе с подробным анализом экономической, политической и географической специфики России был напечатан в «Отечественных записках» (1873, № 4, отд. II, стр. 261—270). Эта же тема поднималась в статье «Изнанка нашего железнодорожного дела», опубликованной в «Неделе» (1873, 13 мая, № 19). Вопросу о соотношении железнодорожной сети России с ее стратегическими интересами как «великой» державы была посвящена статья А. Еракова «Исследование о полной сети железнодорожных сообщений в России» (*ОЗ*, 1873, № 5, отд. II, стр. 5—68). Затрагивалась эта проблема и в ряде обзоров «С.-Петербургских ведомостей» (1873, 13, 19, 21, 24, 28 апреля, № 100, 106, 108, 111, 115).

Стр. 93. *Возьмите, наконец, просвещение ∾ если хотим догнать хоть какую-нибудь из великих держав. . .* — В «Общей государственной росписи доходов и расходов на 1873 год» сообщалось, что объем расходов по военному ведомству планировался в 165 646 007 рублей, а по ведомству

просвещения — в 12 302 615 рублей (*ПВ*, 1873, 7 января, № 6; *СПбВед*, 1873, 23 января, № 23).

Стр. 93. *Деньгами вы, например, настроите школ, но учителей сейчас не наделаете ∾ а сам все-таки педагогом не сделается.* — Вопрос о народном образовании ставился в русской печати в непосредственную (и основную) зависимость от количества средств, отпускаемых на него государством; источники средств связывались с «питейными» доходами, а в качестве действенной меры предлагалось «увеличить акциз с потребляемого вина на одну копейку повсеместно» (см., например: *СПбВед*, 1872, 12 сентября, № 250). «Гражданин» (1872, 18 сентября, № 30, стр. 65) откликнулся на эту корреспонденцию статьей В. П. Мещерского «Водка просвещает Россию», осуждавшей указанный источник средств на народное просвещение, и «Письмом» за подписью «Друг народной школы», опровергавшим аргументацию Мещерского (*Гр*, 1872, № 22, 2 октября, стр. 130). Постановка этой проблемы в «Гражданине» 1873 г. кардинально меняется: из сферы «материальной» она переводится в сферу «нравственную», «духовную». В этом плане рассматривается личность учителя в октябрьских статьях, в которых развиваются мысли о «мертвой» и «живой» школе, о «даре» и «призвании» наставника народной школы (см., например: *Гр*, 1873, 15 октября, № 42, стр. 1121; 22 октября, № 43, стр. 1148). Освещение этой проблемы «Гражданином» в 1873 г. во многом объективно совпадало с интерпретацией ее «Отечественными записками»; о необходимости педагогического «дара» и «таланта» неоднократно писали Н. Демерт, Д. Панглос и др. (см.: *ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 104—130; № 7, стр. 133—143; № 8, стр. 239—263). Позиция «Вестника Европы» была иной. Н. Корф, например, в статье «Теория Дарвина и вопросы педагогики» отстаивал приоритет «общего развития учителя» над педагогическим талантом (*ВЕ*, 1873, № 5, стр. 275—311). См. также черновой автограф (*ПМ*) статьи «Влас» (стр. 296—297).

Стр. 94. *Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка...* — Бюджет на 1873 г. равнялся 517 миллионам рублей (см.: *ПВ*, 1873, 7 января, № 6). «Питейный» доход 1872 г. составлял 166,5 миллиона рублей (см.: Неделя, 1873, 14 января, № 2).

Стр. 94. *«Гражданин» уже сообщал раз, в особой статье, подробный бюджет теперешнего нашего кабака...* — Подробная статистика «кабака» была приведена в статье «Общество для противодействия чрезмерному распространению пьянства» (*Гр*, 1873, 15 января, № 3, стр. 67).

Стр. 94. *...бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли!* — Сусанин Иван (ум. в 1613 г.) — герой борьбы против польских интервентов. 15 января 1873 г. в «Гражданине» (№ 3, стр. 69) было опубликовано следующее сообщение: «В Костроме на днях (июля 1872) от памятника Сусанину отломили бронзовую руку, которую нашли в кабаке».

Стр. 95. *...мы уже упоминали об обществах трезвости.* — В статье «Что может спасти Россию от повального пьянства?» (*Гр*, 1873, 14 мая, № 20) отмечалось: «... сравнительно с недавним прошлым мы сделали шаг вперед к лучшему. Не так давно было то время, когда общества трезвости преследуемы были наравне с незаконными и вредными для государства обществами; теперь общество трезвости может создаться и существовать если не в виде правильно организованной ассоциации, то все же в виде отдельных местных договоров по обществам» (стр. 580—581).

Стр. 95. *... все изнемогающие ежемесячно и печатно под тяжестию своего долга народу.* — Ср. с одним из центральных тезисов статьи Михайловского о «Бесах»: «... „логическим ли течением идей“ <...> или непосредственным чувством, долгим ли размышлением или внезапным просиянием, исходя из высших общечеловеческих идеалов или из прямого наблюдения, — мы пришли к мысли, что мы должники народа <...> Мы можем спорить о размерах долга, о способах его погашения, но долг лежит на нашей совести и мы его отдать желаем <...> Наш долг народу неисчислим <...> Если б вы знали, г-н Достоевский, как мучит иногда совесть бедных citoyen'ов, при-

знающих свой долг, особенно ввиду того, что кредитор и не сознает себя кредитором. . .» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 339, 340, 342, 343).

Стр. 95. *Я знаю, что я человек непрактический (теперь, после известной недавней речи г-на Спасовича, в этом даже лестно признаться)*. . . — Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — известный русский адвокат и писатель, автор работ по международному и уголовному праву, истории русской и зарубежной литератур. Ироническая реплика Достоевского по адресу Спасовича связана с нередким мотивом его оправдательных речей. Ближайшей ко времени написания комментируемой статьи была речь Спасовича в защиту бывшего петрашевца А. И. Пальма, обвиненного в растрате денег, отданных на хранение в Полтавский банк, где он служил управляющим отделения. Защита была построена на противопоставлении людей различных типов «душевной организации» («практичных» и «непрактичных»). Опираясь на рассуждения Спасовича, Пальм в заключительной речи произнес: «Я бы хотел вам многое сказать <. . .>, но мой защитник рассказал это так хорошо, что я не в состоянии ничего более к этому прибавить. Скажу только, что вся жизнь моя полна промахов, ошибок, несчастий, потому что я человек вовсе непрактичный. Вам известно, что я в самом начале жизни испортил свою карьеру, так что исправить ее не мог, и боевая жизнь в Силистрии и Севастополе не возвратила мне всего того, что я потерял. Я старался добиться чего-нибудь и получил большую милость — забвение моих грехов. В молодости, г-да присяжные заседатели, *кто из нас практичен? Мне кажется даже, что практичность в молодости — это дурное, отталкивающее явление*» (*СПбВед*, 1873, 30 апреля, № 117; курсив наш, — *Ред.*). То же противопоставление присутствовало и в более ранней речи Спасовича — в ходе процесса над сотрудниками «С.-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы» (см. об этом выше, стр. 415. См. также: Б. Бурсов. Личность Достоевского. Л., 1979, стр. 433—551).

Стр. 96. *. . . бежит куда угодно, даже даром бежит, даже в Америку ∾ Но вставим его в Америке*. . . — Тема «бегства» в Америку затрагивается Достоевским уже в «Преступлении и наказании», затем в «Бесах» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 396—397; т. XII, стр. 293). В 1873 г. в «Гражданине» была опубликована рецензия на книги М. Бутина (Письма из Америки. СПб., 1872), Э. Циммермана (Соединенные Штаты Северной Америки. Из путешествий 1857—1858 и 1869—1870 годов, чч. 1—2. М., 1873), Н. Славинского (Письма об Америке и русских переселенцах. СПб., 1873). В рецензии, посвященной работе Э. Циммермана, указывалось: «Факт значительного возрастания числа наших выходцев в Новом Свете может навести мыслящих людей на многие соображения. . . Почему именно такое движение из нашего отечества увеличивается в то самое (реформенное) время, когда и на Руси стало жить легче и представилась бо́льшая возможность заниматься чем хочешь? К какому именно „состоянию" принадлежат наши эмигранты, — отцы ли это, недовольные уничтожением крепостничества; или же дети, ищущие простора для деятельности?» (*Гр*, 1873, 8 января, № 2, стр. 55—56). Рецензию В. Ф. Пуцыковича на работы Бутина и Славинского см. в № 32 «Гражданина» от 6 августа. К теме «бегства в Америку» Достоевский возвращается и в романе «Подросток» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 27; т. XVII, стр. 400).

Стр. 96. *Моя мысль — напомню ее — в том, что даже самый мелкий сельский школьный учитель ∾ может быть, я рискну сообщить его читателю раньше повести*. . . — С замыслом этой повести могут быть соотнесены записи о «школьном учителе» и связанная с ними сюжетная линия в первоначальных набросках к роману «Подросток» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 266—270).

Черновой автограф

Стр. 311. *«Да здравствует земский собор, долой деспотизм!»* — В «Гражданине» (1873, 22 января, № 4) был помещен обзор «Нечаевский процесс. (Извлечение из «Правительственного вестника»)». В заключение обзора говорилось: «По объявлении приговора и по объяснении подсудимому прав его

на кассацию председатель сделал распоряжение об удалении его из залы заседания. При выходе из залы подсудимый закричал: „Да здравствует земский собор! Долой деспотизм!“» (стр. 108). См. также выше, стр. 420.

XII

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ДРАМЫ

(Стр. 96)

Источники текста

НР — Наборная рукопись (фрагмент). 2 листа. Авторская нумерация: 22, 23. Датируется июнем 1873 г. Хранится: ИРЛИ, ф. 100, № 29455, ССХб.9; см.: *Описание*, стр. 57. Публикуется впервые.
Гр — 1873, 18 июня, № 25, стр. 705—706.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 18 июня, № 25, стр. 705—706, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрании сочинений впервые включено в издание: *1883*, т. X, стр. 111—121.

Печатается по тексту первой публикации.

Как большинство других фельетонов «Дневника писателя» 1873 г., статья «По поводу новой драмы» писалась в последние дни перед сдачей номера. 14 июня 1873 г. Достоевский замечал о ней в письме к жене: «Теперь 9 часов вечера, а я еще и не начинал большую статью, которая завтра должна быть сдана».

Статья посвящена разбору драмы Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра», опубликованной в «Гражданине» (*Гр*, 1873, 4 июня, № 23, стр. 663—669; 11 июня, № 24, стр. 683—687; 18 июня, № 25, стр. 707—716).

Дмитрий Дмитриевич Кишенский — драматург и публицист. Точными биографическими сведениями о нем мы не располагаем; неизвестны даты его рождения и смерти. Некоторые данные о Кишенском содержатся в сохранившихся письмах его к Достоевскому (см.: А. В. Архипова. Достоевский и Кишенский. — В кн.: *Материалы и исследования*, т. 2, стр. 199—207). Он был автором комедии из крестьянской жизни «Кормильцы Саврасушки», шедшей на сцене народного театра в Москве. Для этого же театра написана и драма «Пить до дна — не видать добра», которая получила премию на конкурсе, но была тем не менее запрещена цензурой к постановке на сцене. Об этом Кишенский рассказывает Достоевскому в письме от 23 июня 1873 г. (*ГБЛ*, ф. 93. II. 5, № 73; см. также: Ив. Щеглов. Жертва цензурной инквизиции. (К истории народного театра). — Слово, 1907, № 254). После сотрудничества в «Гражданине» Кишенский, видимо, больше не печатался. Как сообщает И. Л. Щеглов, по слухам, Кишенский спился и покончил самоубийством (Слово, 1907, 16 сентября, № 254).

Драма «Пить до дна — не видать добра» привлекла Достоевского как опыт народной драмы, посвященной проблеме пореформенной деревни, ее нравственному распаду, росту пьянства и разврата в народной жизни. Темы эти многократно поднимались на страницах «Гражданина» начиная с 1872 г. (см., например, 20 марта, № 12; 18 сентября, № 20). В 1873 г. в № 3 (от 15 января) опубликована статья «Общество для противодействия чрезмерному распространению пьянства», подписанная «Н»; в № 15—16 (от 16 апреля) в разделе «Областное обозрение» помещен ряд материалов из губернских газет о пьянстве в деревне; в № 20 (от 14 мая) — статья «Что может спасти Россию от повального пьянства?», подписанная «***», в № 34 (от 20 августа) — заметка-размышление «Утешительно или не утешительно? (По но-

воду изменений в питейном уставе)», принадлежащая, видимо, тому же автору; в № 24 (от 18 июня) — заметка Достоевского «Пожар в селе Измайлове» (см. выше, стр. 142—144); в № 27 (от 2 июля) в разделе «Письма вольнодумца» — сообщение о росте числа кабаков после отмены крепостного права.

Другая тема драмы — изображение разлагающейся крестьянской общины, обнаружение того, что крестьянская сходка, «мир», фактически не играет никакой роли в деревне, ибо в условиях имущественного расслоения и морального вырождения она потеряла нравственный авторитет и утратила реальную власть. В отличие от Герцена и народников 1870-х годов Достоевский не видел в крестьянской общине готовой экономической основы для трудового социалистического землеустройства. Он с болью писал о надвигающейся гибели старых устоев, но верил, подобно многим народникам, что экономические и социальные изменения в деревне не повлияют на целостность народного характера и на его способность к нравственному возрождению (ср. статью «Влас» — стр. 31—41). В статье «По поводу новой драмы» писатель сосредоточился на анализе темных сторон народной жизни. Изображением их его привлекла драма Кишенского.

Разбирая ее, Достоевский высказал ряд соображений также и по вопросам реализма, художественной типизации. Многое с этой точки зрения не принималось им в «Пить до дна — не видать добра». Отмечая недостатки главного положительного героя драмы — Ивана, Достоевский в духе своей эстетической программы замечает: «Нам кажется, что мало еще выставить верно все данные свойства лица; надо решительно осветить его собственным художническим взглядом» (стр. 97). Разбирая пьесу Кишенского, Достоевский отмечает не раз проявившееся в ней нарушение такта и меры, которое сказалось и в натуралистическом языке, и в слишком поверхностном, наивном объяснении причин бедственного положения народа, и в аппеляции к добродетельным и справедливым людям из «верхов». В конце драмы на сцене появляется хозяин фабрики, Савелий Кузьмич. Узнав, что сын его обесчестил Машу и разрушил ее и Иваново счастье, старик грозится отдать сына в солдаты и произносит такой монолог: «Ведь тебя, собаку, утопить в тех слезах, што через тебя прольются! ты над народом потешаться! честь девичью губить? да ты кто? Дед твой землю ведь пахал, а я-то в подпасках был! Через ково мы в люди-то попали? ведь их кровью да трудами!» (*Гр*, 1873, 18 июня, № 25, стр. 716).

Кишенский в письме к Достоевскому от 23 июня 1873 г. объяснял введение этого персонажа лишь уступкой цензуре: «Этим добродетельным старцем я хотел закупить цензуру, выставив в нем доброго купца, не забывающегося перед народом, то есть такого купца, какого на свете нет <. . .> Вычеркнуть этого старца, которого не выношу я, как диссонанс, портящий всю пьесу, при первом печатании драмы я не имел права, потому что она получила награду с этим старцем» (*ГБЛ*, ф. 93. II. 5. № 73). Свое «объяснение» Кишенский просил поместить в «Гражданине», но Достоевский этого не сделал.

Отношения Достоевского с Кишенским имели продолжение. В № 34 (от 20 августа) «Гражданина» за 1873 г. был напечатан пролог к драме Кишенского «Падение». Но редакторская правка, которую произвел Достоевский, а также отказ его печатать другие произведения ретроградно мыслившего и отличавшегося крайним самомнением Кишенского привели к разрыву между ним и редактором «Гражданина» (см. письмо Достоевского Кишенскому от 5 сентября 1873 г.).

Статья «По поводу новой драмы» вызвала ряд критических откликов. 12 июля 1873 г. Кишенский сообщил Достоевскому: «За Ваш отзыв о „Пить до дна“ Вас и меня вместе обругал какой-то в „Голосе“ в № 170. Всего лучше, что фельетонная шавка не читала драмы, говорит: „действие на фабрике в Москве“ и пр. Потешные!» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29741. CCXIб.6). Действительно, в указанном номере «Голоса» (от 24 июня 1873 г.) под рубрикой «Литературные и общественные курьезы» был без подписи напечатан фельетон «Новое отношение редактора к сотруднику», где разбиралась статья Достоевского о драме Кишенского. Постоянно полемизировавший с «Гражданином» «Голос» обвинял Достоевского в том, что он похвалил драму, им же напечатанную в своей газете. «Радуюсь той искренности, — писал фельетонист «Голоса»

(им был, по-видимому, А. Г. Ковнер, см. о нем стр. 399), — с какою г-н Достоевский расписывается на десяти страницах и расхваливает своего же сотрудника».

К статье «По поводу новой драмы» тот же фельетонист вернулся в очередном разделе «Литературные и общественные курьезы», опубликованном в № 185 «Голоса» от 6 июля 1873 г. Полемизируя с редактором «Гражданина» по поводу статей о женском вопросе, он вспомнил «Дневник писателя» и повторил прежние обвинения: «Такое прекраснодушие, как у г-на Достоевского, редко встречается у других смертных. Во всем-то он один прав, а вся остальная журналистика, которая с замечательным единодушием сторонится от „Гражданина“, „сама не знает, чего желает“. Утверждает ли он, что присяжные слишком снисходительны, — все должны ему верить; утверждает ли он, что каторга желательна самим преступникам, — все опять должны ему верить; уверяет ли он, что г-н Страхов стоит „в высотах и глубинах европейской мысли и *неизмеримо высоко* над современным состоянием нашей интеллигенции“, — все должны молча преклоняться перед г-ном Страховым; говорит ли он диктаторски, что серьезней комедии г-на Каменского (так! — *Ред.*), печатавшейся в „Гражданине“, „ничего, по крайней мере, не появилось в нашей литературе за последнее и, может быть, довольно длинное время“, — все опять должны ему верить на слово. . .».

9 июля 1873 г. «Гражданин» в разделе «Из текущей жизни» поместил ответ «Голосу». Редактору газеты А. А. Краевскому, который был не назван, напоминалось здесь его журналистское прошлое. Будучи редактором «Отечественных записок», он одновременно печатал и произведения «нынешнего редактора „Гражданина“» и восторженные рецензии Белинского об этих произведениях. Тогда никому не казалось это литературным курьезом» (*Гр*, 1873, № 28, с. 791).

Стр. 100. *. . .единственного сына вдовы ∾ отдают в солдаты вместо одного из богатой семьи тройников. . .* — По рекрутскому уставу 1862 г. порядок сдачи крестьян в рекруты был основан на учете рабочей силы семейств. Все семьи разделялись на три разряда: многорабочие, т. е. имевшие не менее четырех работников, «тройниковые», т. е. имевшие трех работников, и «двойниковые». В рекруты привлекались прежде всего семьи первого разряда, затем второго и так далее. Единственные работники в семье должны были вовсе освобождаться от военной службы. Таким образом, сдача в рекруты Вани была явным нарушением устава.

Стр. 101. *. . .этот своего рода последний могикан. . .* — Выражение вошло в русский язык после появления романа Ф. Купера (1789—1851) «Последний из могикан» (1826, русский перевод — 1833), повествующего о борьбе североамериканских индейцев с европейскими колонизаторами и о гибели родового уклада в результате наступления капиталистической цивилизации. «Последний из могикан» упоминается Достоевским и в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XV, стр. 186, 604), и в подготовительных материалах к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 425).

Стр. 102. *Тут нет классических фраз, красивого языка, белого покрывала, черных горящих глаз Рашели. . .* — Французская трагическая актриса Элиза Рашель (1821—1858) гастролировала в России в 1850-х годах (см. о ней в комментарии к «Бесам»: наст. изд., т. XII, стр. 287).

Стр. 102—103. *Сцена кончается ∾ бегством за правдой к «посредственнику». . .* — Т. е. к мировому посреднику — лицу, назначенному для урегулирования отношений между помещиками и бывшими крепостными в период проведения крестьянской реформы. Об институте мировых посредников, а также о мировых посредниках первого и второго призыва, см. подробнее в комментарии к «Подростку» (наст. изд., т. XVII, стр. 368). В драме Кишенского речь может идти о мировом посреднике второго призыва, и потому изображение его как крестьянского заступника (в действии V драмы выясняется, что посредник обещал помочь Ивану) противоречит исторической правде.

XIII

МАЛЕНЬКИЕ КАРТИНКИ

(Стр. 105)

Источники текста

ЧА — Черновой автограф (фрагмент). 2 страницы. Датируется первой половиной июля 1873 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29456.ССХб.9; см.: *Описание*, стр. 57. Публикуется впервые.

Гр — 1873, 16 июля, № 29, стр. 806—809.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 16 июля, № 29, стр. 806—809, с подписью Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 122—131.

Печатается по тексту первой публикации.

О работе над данной статьей «Дневника писателя» Достоевский 10 июля 1873 г. писал жене: «Я сижу и просто в отчаянии. А между тем надо *непременно* писать статью». В следующем письме от 12 июля он продолжал: «Пишу обычную проклятую статью. Надо написать к завтраму утру, к 8 часам, 450 строк, а у меня написано всего 150». Таким образом, работа над статьей «Маленькие картинки» была закончена 15 июля, накануне ее выхода в свет.

В следующей статье «Дневника» — «Учителю» — автокомментарии к «Маленьким картинкам» — вскрывается их полемическая связь с обозрением А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*СПбВед*, 1873, 15 июля, № 192), представлявшим собой отклик на «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» (СПб., 1873).

В «Докладе» приводилось множество фактов, свидетельствовавших о нравственном разложении народа, и при этом ставилась под сомнение полезность проведения крестьянской реформы. Суворин, резко критиковавший доклад, замечал в своем обозрении: «. . . в показаниях некоторых лиц звучит довольно ясное желание показать, что при крепостном праве положение было лучше. . .» И тут же добавлял: «Неужели в самом деле нужно теперь кому-нибудь доказывать, что отмена крепостного права была великим благом?» (*СПбВед*, 1873, 15 июля, № 192). Сам Суворин во взгляде на народ был близок к западнической концепции А. Н. Пыпина (в его «Характеристиках литературных мнений. . .»), с которой Достоевский полемизировал в «Мечтах и грезах» (см. выше, стр. 91—94 и 438).

Помимо обозрения Суворина, в становлении замысла статьи сыграли роль, по-видимому, и некоторые другие отклики на названный «Доклад», в частности полемика о нем между «Голосом» и «Русским миром» (см.: *РМ*, 1873, 23 мая, № 132 и *Г*, 1873, 25 мая, № 143). Внимание Достоевского могла привлечь и статья Е. Л. Маркова «Всесословная вялость. Мысли по поводу русской всесословной волости» (*ВЕ*, 1873, № 5, стр. 312—349). «Охранительная» позиция Маркова обнаруживалась в статье столь явно, что сторонник контрреформ «Русский мир» (1873, 23 мая, № 132) признал статью «своей». Марков писал: «Для меня нет никакого сомнения в том, что даже накануне смерти крепостного права народ вообще относился к нему без скептицизма и протеста <. . .> Он признавал права господ на большее и на лучшее, признавал их право безделия и власти. . .» (*ВЕ*, 1873, № 5, стр. 314—315).

Полемизируя и с консервативной, и с либеральной печатью, Достоевский выступает в период «всеобщего разложения» с защитой духовного потенциала русского народа. Рассматривая народ как главный источник общественного обновления, писатель связывает многочисленные факты «нравственного падения» в народной среде с последствиями двухсотлетнего его порабощения со

времен Петра, приведшими, с точки зрения Достоевского, к полному разрыву между народом и дворянством.

«Маленькие картинки» — одно из многих произведений Достоевского, посвященных теме Петербурга. Тема эта в ее связи с исторической оценкой нового периода русской истории нашла в русской литературе разностороннее философско-историческое отражение уже в 1830—1840-е годы. Сложную эволюцию она претерпела в творчестве Достоевского.[1] Если в 1840-е годы изображение Петербурга было связано у писателя с глубокой верой в «современный момент и идею настоящего момента» (наст. изд., т. XVIII, стр. 26), то с начала 1860-х годов тема эта окрашивается у Достоевского в трагические тона («Униженные и оскорбленные» — 1861; «Записки из подполья» — 1864; «Преступление и наказание» — 1866). Размышления писателя о бесхарактерности архитектуры Петербурга, о смешении в нем архитектурных стилей, изложенные в комментируемой статье, прямо противоположны суждениям об архитектуре русской столицы в третьем фельетоне «Петербургской летописи» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 24—26, а также: Е. И. Кийко. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839». — В кн.: *Материалы и исследования*, т. 1, стр. 189—200 .

Близкая к фельетонному жанру (о жанре фельетона у Достоевского см.: В. Л. Комарович. Фельетоны Достоевского. — В кн.: *Фельетоны*, стр. 90—101), комментируемая статья тем не менее отличается от фельетонов Достоевского 1840-х годов образом повествователя. Повествование в «Маленьких картинках» композиционно объединяется образом самого автора в отличие от «Петербургской летописи» с ее фланёром-мечтателем. В этом плане структуру статьи предваряют «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861), где тема «мечтательства» включается в повествование как тема дорогих автору воспоминаний, столь важных для формирования его мировосприятия (см.: наст. изд., т. XIX, стр. 264—265).

Совпадающее с заглавием данной статьи название «Маленькие картинки» имеют путевые заметки Достоевского 1874 г.

Стр. 105. *Лето, каникулы ∾ Все разъехались.* — Ср. в письме Достоевского к А. Г. Достоевской от 19 августа 1873 г.: «В Петербурге жарко, пыльно». Картиной летнего города открываются также повесть «Белые ночи», роман «Преступление и наказание» и третий фельетон «Петербургской летописи» (см.: наст. изд., т. II, стр. 102—105; т. VI, стр. 5—6; т. XVIII, стр. 23—24).

Стр. 105. *. . .в сторону Полицейского моста.* — Мост через реку Мойку на Невском проспекте (ныне Народный мост).

Стр. 107. *. . .отысканный будто бы архитектором Тоном. . .* — Тон Константин Андреевич (1794—1881) — русский архитектор. В его постройках 1830—1850-х годов широко применялись стилизованные формы византийского и древнерусского зодчества.

Стр. 107. *. . .стиль времени Наполеона Первого ∾ вместе с пчелами на наполеоновской порфире ∾ неслыханной династии, претендовавшей на бесконечность.* — В период империи Наполеона I (1769—1821) во Франции господствовал в архитектуре и изобразительном искусстве стиль ампир (от франц. empire — империя). В этот период заимствуются из художественного наследства императорского Рима мотивы силы и воинской мощи, в частности монументальные формы массивных портиков, триумфальных арок, мемориальных колонн, военная эмблематика в архитектурных деталях и орнаменте.

Порфира, или мантия, — составная часть торжественного императорского (царского) наряда: верхняя одежда из бархата или атласа с отделкой

---

[1] О теме Петербурга в русской литературе XIX в. и преломлении ее в творчестве Достоевского см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 217; ср.: Н. П. Анциферов. 1) Душа Петербурга. Пб., 1922; 2) Петербург Достоевского. Пг., 1923; В. Шкловский. За и против. Заметки о Достоевском. М., 1957; Е. А. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Л., 1972.

из горностая или соболя. Порфиру Наполеона I покрывали пчелы, изображение которых в период наполеоновской империи было широко распространенным элементом военной и государственной эмблематики.

Стр. 107. ...*не совсем чистый французский стиль дореволюционной эпохи.* — В годы, предшествовавшие французской революции 1789—1793 гг., господствующим направлением в архитектуре (как и в художественной культуре в целом) была смесь классицизма и рококо.

Стр. 107. ...*тут и Растрелли*... — Растрелли Франческо Бартоломео (1700—1771) — русский архитектор, итальянец по происхождению, крупнейший представитель архитектуры русского барокко.

Стр. 107. ...*тут и позднейшее рококо*... — Рококо (от франц. rocaille — похожий на раковину) — художественный стиль, сложившийся в середине XVIII в. во Франции и получивший распространение в Германии, Австрии и других европейских странах.

Стр. 107. ...*дожеские балконы*... — по образцу балконов Дворца дожей в Венеции.

Стр. 107. ...*окна, непременно оль-де-бёфы*... — Оль-де-бёф (от франц. œil de bœuf — буквально: бычий глаз) — круглое (или овальное) окно.

Стр. 107. *Впрочем, я не петербургский фельетонист*... — В фельетоне «Московские заметки», опубликованном в «Голосе» (1873, 31 июля, № 210), это заявление Достоевского было истолковано как «отречение» писателя от звания «фельетониста». Ответ Достоевского, сопоставившего понятия «фельетонист» и «петербургский фельетонист», см. в статье «Учителю»; см. также комментарий к ней (стр. 447—449).

Стр. 108. *Они ходят по праздникам пьяные* ∾ *и партия прошла, уже не беспокоясь более обо мне.* — Именно на этот эпизод «Маленьких картинок» откликнулась насмешливой заметкой газета «Голос», которой писатель ответил в статье «Учителю» (см. стр. 113—117).

Стр. 108. ...*il faudrait l'inventer.* — Неполная цитация изречения Вольтера: «Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer» («Если бы бога не было, его надо было бы выдумать») из стихотворного послания «К автору „Книги о трех обманщиках“» («A l'auteur du livre des trois imposteurs», 1769).

Стр. 111. ...*с Выборгской на Литейную.* — Выборгская сторона (или часть) — район Петербурга на правом берегу Невы, считавшийся в XIX в. отдаленной окраиной. Литейная — улица, давшая название прилегающему району (Литейная часть), расположенному на левом берегу Невы.

Стр. 112. *Я сказал, что и у меня такая же девочка*... — Любовь Федоровна Достоевская, родившаяся в 1869 г.

XIV

УЧИТЕЛЮ

(Стр. 113)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 6 августа, № 32, стр. 877—879, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 132—137.

Печатается по тексту первой публикации.

Поводом для написания статьи «Учителю» явилось появление в газете «Голос» (1873, 31 июля, № 210) цитируемого Достоевским фельетона «Московские заметки» (без подписи), автор которого счел «мелочной» и «неэтичной» тему «картинки № 2», предназначенной якобы для «гостинодворцев». В своем ответе «Голосу» Достоевский доказывает важность проблематики статьи «Маленькие картинки».

Стр. 113. *За прошлые мои три маленькие картинки («Гражданин», № 29) московский фельетонист обругал меня в нашем петербургском «Голосе»*. . . — Имеется в виду названный выше фельетон «Голоса».

Стр. 113. . . *я е картинке № 2 ∾ упомянул, уж конечно не называя прямо, об одном неприличном предмете*. . . — В «картинке № 2» Достоевский пишет об «одном нелексиконном существительном» — единственном слове, которым обменивались шестеро пьяных мастеровых и с помощью которого оказалось возможным выразить «все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения» (см. выше, стр. 108).

Стр. 113. *«Мне и в голову не могло прийти ∾ нет под рукой подходящего матерьяла»*. . . — Цитата из указанного фельетона «Голоса».

Стр. 113. . . *для кайенского перцу*. . . — Кайенский перец — сорт жгучего красного стручкового перца, произрастающего в Южной Америке. Название получил от города Кайенны (Гвиана).

Стр. 113—114. *Я как раз прочел перед тем в одном фельетоне ∾ несмотря на постановку вопроса*). — Имеется в виду фельетон Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки» (*СПбВед*, 1873, 15 июля, № 192), написанный в связи с «Докладом высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» (СПб., 1873; см. выше, стр. 445).

Стр. 114. . . . *что касается собственно до народа, до мужиков ∾ с такою откровенностию и уже без малейшей прежней церемонии*. — Имеется в виду следующее рассуждение Суворина: «В самом деле, не примеров же добродетели искать нам в крестьянском сословии, хотя они и там бывают; не поклоняться же нам зипуну, как это делали когда-то славянофилы, хотя в иных случаях предпочтительнее преклоняться — если уж на то есть охота — зипуну, чем золотому тельцу. На все свое время. Когда-то г-н Григорович писал сантиментальные повести из крестьянского быта, изображая нам примеры высоких добродетелей крестьян и крестьянок. Это было прекрасно, потому что идеализация угнетенных — вещь совершенно законная и необходимая <. . .> Надо было показывать народ лучшим, чем он был на самом деле, для того чтоб возбудить к нему большее и всеобщее сочувствие; надо было тем или другим способом, так сказать, пробить кору предрассудков. Если б вместе с г-ном Григоровичем явился не такой художник, как г-н Тургенев, ближе и глубже взглянувший на народ, но все-таки идеализировавший его, а такие реалисты, как г-н Успенский, то это было бы вовсе не кстати. Для них пришло другое время и прошло, ибо их значительно убили судебные допросы и сцены у мировых судей, где народ явился еще реальнее, чем у реалистов. Тут являются такие неподкрашенные перлы, до которых далеко гг. Успенским, при всем их таланте; оттого они и замолкли со своими рассказами. . .» (*СПбВед*, 1873, 15 июля, № 192).

Марко Вовчок — псевдоним Марии Александровны Маркович (1834—1907) — украинской писательницы (см. о ней: наст. изд., т. XVIII, стр. 82—93, 276—279).

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель, друг молодости Достоевского, автор повестей «Деревня» (1846) и «Антон-Горемыка» (1847).

Стр. 114. . . . *московский фельетонист ∾ что я стыжусь названия фельетониста*. . . — Автор «Московских заметок» писал: «Хотя г-н Достоевский, ведущий этот „дневник“, с весьма похвальным постоянством уверяет, что он отнюдь не фельетонист, а что-то особенное, но с ним едва ли можно согласиться, и точно так, как я считал его прежде очень талантливым беллетристом, так теперь считаю его порядочным фельетонистом и никак не могу понять, отчего он так настойчиво отрекается от этого звания. Дело не в словах, а в действиях; а действия, которые усваивают совершающему их название фельетониста, он совершает с той минуты, когда первые листки его „дневника“ заменили собою фельетонные статьи князя Мещерского» (*Г*, 1873, 31 июля, № 210). См. также стр. 447.

Стр. 114. . . . *«plus feuilletoniste que Jules Janin, plus catholique que le pape»*. — Цитата из фельетона «Московские заметки», представляющая собой

перефразировку французского выражения «Plus royaliste que le roi, plus catholique que le pape» («Более монархист, чем монарх, более католик, чем папа»). *Жанен* Жюль Габриель (1804—1874) — французский писатель-романтик, фельетонист и критик, в течение 42 лет (с 1830 г.) еженедельно публиковавший театральные фельетоны в газете «Journal des débats».

С т р. 114. . .*я лишь выразился, что я не «петербургский» фельетонист ∾ не об одной собственно петербургской жизни пишу и намерен писать. . .* — В главе «Маленькие картинки» («картинка № 1») описание архитектуры Петербурга послепетровского периода и изображение ряда бытовых сцен на Невском проспекте Достоевский заключает словами: «Впрочем, я не петербургский фельетонист и не об том совсем заговорил. Начал об редакционных рукописях, а свел на чужое дело» (см. выше, стр. 107).

С т р. 115. *Андрею Александровичу ничего не стоит обвинить меня в чем угодно ∾ (Обвинял же меня в крепостничестве).* — О А. А. Краевском, редакторе-издателе газеты «Голос», см. выше, стр. 419. Автор фельетона «Литературные и общественные курьезы» в «Голосе» по поводу статьи «Влас» из «Дневника писателя» за 1873 г. замечал: «Где факты, чтоб народ имел „потребность", чтоб народ требовал страдания? Неужели народ желал татарского ига? <. . .> Неужели он не хотел расставаться с крепостным правом и его атрибутами?» (*Г*, 1873, 25 января, № 25).

С т р. 116. . .*лимбургский сыр. . .* — Сорт очень острого, с сильным запахом сыра, название получил от провинции Лимбург (Бельгия), по месту своего изготовления.

С т р. 117. «*. . . всё же мы доросли ∾ помимо намерений автора. . .*» — Цитата из фельетона «Голоса» (1873, 31 июля, № 210).

С т р. 117. *Ну так чем же пахнет?* — Автор «Московских заметок» в очередном фельетоне отвечал: «Пахнет неприличием» (см.: *Г*, 1873, 14 августа, № 223).

XV

НЕЧТО О ВРАНЬЕ

(Стр. 117)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 27 августа, № 35, стр. 955—958, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 138—147.

Печатается по тексту первой публикации.

Объединение интеллигенции («лучших людей»), сближение ее с народом Достоевский эпохи «Гражданина» считал важнейшими задачами исторического момента. В данной статье от общей их формулировки писатель переходит к более конкретным вопросам, в том числе — к вопросу о негативных психологических результатах послепетровского периода в истории русского дворянства, иначе говоря, о таких следствиях ложно понятых самоутверждения и самовыявления, как «слепое преклонение перед Западом», «самоотрицание», «неуважение к самим себе».

Социальная психология дворянства исследуется Достоевским в связи с проблемой «отцов и детей». Разработка указанных тем была продолжена в статье 1874 г. «Маленькие картинки» (см. выше, стр. 159) и в «Дневнике писателя» за 1876 г. (июль—август, гл. I, § 1, «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах»). Свою художественную реализацию эта проблематика нашла в романе «Подросток».

С т р. 117. *Я убежден, что тотчас же остановят меня ∾ Вестмностью меня уже попрекали. . .* — Имеется в виду выступление газеты «Голос» против

статьи из «Дневника писателя» «Маленькие картинки» (см. выше, стр. 447). Автор фельетона «Московские заметки» писал: «Когда я начал читать „Дневник писателя“, помещенный в № 29-м „Гражданина“, мне и в голову не могло прийти, до чего может дописаться фельетонист, когда у него нет под рукой подходящего матерьяла <. . .> Я воспользуюсь примером почтенного коллеги, когда мне случится писать фельетон, а матерьяла никакого не будет, и постараюсь тогда заняться тоже „картинками“. . .» (*Г*, 1873, 31 июля, № 210). См. также выше, стр. 448.

С т р. 119. . . .*в нашем русском мире (я не про газету говорю)*. — «Русский мир» — газета консервативного направления, издававшаяся в Петербурге в 1871—1880 гг. под редакцией В. В. Комарова, П. А. Висковатова, М. Г. Черняева, Ф. Н. Берга, Д. Стахеева и др. В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский неоднократно полемизировал с нею (см., например, статьи «Ряженый», «Учителю», «Одна из современных фальшей» и комментарии к ним).

С т р. 119. *В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический.* — В публицистике и письмах Достоевского 1860—1870-х годов часто встречаются высказывания о «фантастическом» характере русской жизни пореформенного периода. Такое понимание действительности обусловило и определение Достоевским своего реализма как «фантастического» (см., например, письма к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г., Н. Н. Страхову от 26 февраля 1869 г.; *ДП*, 1876, март, гл. II, § 1, «Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки „начала конца“»; см. также: Д. Л. С о р к и н а. «Фантастический реализм» Достоевского. — В кн.: Проблемы идейности и мастерства художественной литературы. Томск, 1969, стр. 112—124).

С т р. 119. *Еще Герцен сказал про русских за границей, что они никак не умеют держать себя в публике ∾ когда надобно говорить.* — В «Былом и думах» Герцен писал: «Узнавать русских все еще так же легко, как и прежде <. . .> Русские говорят громко там, где другие говорят тихо, и совсем не говорят там, где другие говорят громко. Они смеются вслух и рассказывают шепотом смешные вещи; они скоро знакомятся с гарсонами и туго — с соседями; они едят с ножа; военные похожи на немцев, но отличаются от них особенно дерзким затылком, с оригинальной щетинкой; дамы поражают костюмом на железных дорогах и пароходах так, как англичанки за table d'hôte' ом, и пр.» (ч. VIII, гл. II — *Герцен*, т. XI, стр. 441).

С т р. 121. . .*ну Либих, ну Бисмарк* . . . — Либих Юстус (1803—1873) — известный немецкий химик. Бисмарк Отто Эдуард Леопольд (1815—1898) — государственный и политический деятель Пруссии и Германии. См. о нем ниже, стр. 480, 485, 486.

С т р. 121. *Мне самому случилось выслушать недавно, сидя в вагоне, целый трактат о классических языках ∾ «так как все латинские сочинения переведены, то и не надо латинского языка», и проч. и проч. — в этом роде.* — Вокруг реформы среднего образования, заменившей в 1871 г. «реальное» образование «классическим», развернулась оживленная полемика, широко освещавшаяся и на страницах «Гражданина» (см.: *Гр*, 1872, 2 октября, № 22; 1873, 8 января, 16 апреля, 9 июля, 27 августа, №№ 2, 15—16, 28, 35). Об отношении Достоевского к «классическому» образованию см. также ниже, стр. 458. С резкой критикой «классического» образования выступил «Вестник Европы» (см.: П. Н. Новая регламентация гимназий; Д. Е. Цветы на псевдоклассической почве. — *ВЕ*, 1873, № 5, стр. 377—381, 451—463).

С т р. 123. *В монастырском вопросе он не знал самого первого слова ∾ забывая, что монахи совершенно свободная ассоциация лиц. . .* — Монастыри (от греч. μόνος — один, одинокий) — основная форма организации христианского (католического и православного) и буддийского монашества, свободное общество лиц, удалившихся от всех мирских благ и забот, подчиняющихся монастырскому уставу и имеющих целью служение духовным идеалам, достижимым лишь путем самоотречения. В России возникновение монастырей как самостоятельных экономических и административно свободных ассоциаций относится к X—XI вв. — времени распространения христианства.

Стр. 124. *Поручик Пирогов, сорок лет тому назад высеченный в Большой Мещанской слесарем Шиллером* ∾ *на именинах у одного видного чиновника.* — Пирогова из повести «Невский проспект» (1835) Достоевский еще в 1861 г. в «Ряде статей о русской литературе» называл величайшим созданием Гоголя (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 59). Как одна из модификаций гоголевского героя характеризуется в «Идиоте» Ганя Иволгин.

Стр. 125. *В нашей женщине всё более и более замечается искренность* ∾ *Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?* — Развивая эту же мысль в «Дневнике писателя» за 1876 г. (май, гл. II, § 3, «Несомненный демократизм. Женщины»), Достоевский писал: «Возрождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным. Подъем в запросах ее был высокий, откровенный и безбоязненный <...> Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно». К этой теме Достоевский возвращается также в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 5, «Опять о женщинах»). О «женском вопросе» на страницах «Гражданина» 1873—1874 гг. см. ниже, стр. 529—530.

XVI

ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФАЛЬШЕЙ

(Стр. 125)

Источники текста

ЧА — Черновой автограф (фрагмент). 2 листа. Авторская нумерация: 7, 8. Датируется второй половиной ноября 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.9/8; см.: *Описание*, стр. 58. Публикуется впервые.

НР — Наборная рукопись (два фрагмента). 4 листа. Авторская нумерация листов: 1, 2, 11, 12. Датируется началом декабря 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I.2.9/7; см.: *Описание*, стр. 57—58. Публикуется впервые.

Гр — 1873, 10 декабря, № 50, стр. 1349—1353.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 10 декабря, № 50, стр. 1349—1353, с подписью Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 148—160.

Печатается по тексту первой публикации.

Еще в 1872 г. Достоевский задумывал предисловие к отдельному изданию «Бесов» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 303), так и оставшееся ненаписанным. Позднее, став редактором «Гражданина», он хотел напечатать в нем послесловие к этому роману — свой «Ответ критикам» (там же, стр. 308). Заменой этих неосуществленных планов явилась глава «Одна из современных фальшей» (см. о ней: наст. изд., т. XII, стр. 270—271).

Непосредственным толчком, побудившим Достоевского осуществить свое давнее намерение, явился, по-видимому, арест участников кружка долгушинцев осенью 1873 г. Дело их, разбиравшееся одиннадцать месяцев, существенным образом повлияло на становление замысла романа «Подросток» (1875; см.: наст. изд., т. XVII, стр. 277—278; т. XVIII, стр. 333—335).

Проблема «молодого поколения» на протяжении всего 1873 г. широко обсуждалась русской печатью. Способствовали этому процесс С. Г. Нечаева, состоявшийся в начале года в московском окружном суде (*ПВ*, 1873, 12 января, № 10; *Гр*, 1873, 22 января, № 4), публикация статей «раскаявшегося» участника студенческого движения 1860-х годов Е. К. Гижицкого (*МВед*, 1873, 16—18 января, №№ 12—14), ожесточенные споры вокруг романа «Бесы» (см.: наст. изд., т. XII, стр. 267—272). В статье «Одна из современных фаль-

шей» Достоевский вступает в диалог с различными направлениями русской общественно-литературной мысли: от консервативной («Русский мир», «Русский вестник») и либеральной («Вестник Европы») до революционно-демократической («Отечественные записки»).

Избрав в качестве объекта прямой полемики статью сотрудника «Русского мира», который доказывал, что русское общество духовно «здорово», едино и что революционные идеи могут привлекать в нем только отдельных «недоразвитков», Достоевский воспользовался полемикой с этой газетой, с одной стороны, для автокомментария к «Бесам», разъясняющего общественное значение романа, как его понимал автор, а с другой — для изложения своего взгляда на современное общественное движение и его исторические корни.

Напомнив читателям о том, что он бывший петрашевец, стоявший за свои убеждения на эшафоте, Достоевский, в противовес «Русскому миру», подчеркнул, что освободительные идеи исторически закономерно привлекали к себе в России, с 1840-х до 1870-х годов, умы и сердца не худшей, а лучшей части молодежи. И более того. Достоевский признал, что при определенных условиях он сам, при всей чистоте социалистических убеждений своей молодости, от которых ни он, ни его товарищи не отказались после осуждения, мог сделаться нечаевцем. К оценке дела петрашевцев и уроков, вытекающих из него, Достоевский вернулся в запрещенной цензурой главе «Дневника писателя» за 1877 г. «Старина о „Петрашевцах"».

В связи с книгой Р. А. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)» (СПб., 1874) в августе 1875 г. Достоевский заметил: «Ростислав Фадеев и Фурье. Нет, я за Фурье. . . Я даже отчасти потерпел за Фурье наказание. . . и давно отказался от Фурье, но я все-таки заступлюсь. Мне жалко, что генерал-мыслитель трактует бедного социалиста столь свысока. То есть все-то эти ученые и юноши, все-то эти веровавшие в Фурье, все такие дураки, что стоило бы им прийти только к Ростиславу Фадееву, чтоб тотчас поумнеть. Верно, тут что-нибудь другое, или Фурье и его последователи не до такой степени все сплошь дураки, или генерал-мыслитель уж слишком умен. Вероятнее, что первое» (стр. 265). Основная мысль этой позднейшей записи созвучна идее данной статьи.

Взгляд Достоевского на молодое поколение начала 1870-х годов разошелся с мнением М. Е. Салтыкова-Щедрина, изложенным в первом очерке «Недоконченных бесед» («Между делом») (*ОЗ*, 1873, № 11, отд. II, стр. 183—194).[1] «Молодое поколение» определяется здесь как носитель обновляющего начала, «двигательная сила» общества, в сферу деятельности которой входят вопросы, «составляющие содержание истории». С болью и горечью говоря об отсутствии настоящего молодого поколения в начале 1870-х годов, подлинной смены поколению революционеров-шестидесятников, скошенных реакцией 1862—1866 гг., Щедрин тем не менее подчеркивает необратимость поступательного характера освободительного движения, утверждает преемственность идей и поколений.

Вопрос о синтезе русской мысли — один из центральных в «Дневнике писателя» за 1873 г. — исследован в статье, заключающей «Дневник», с наибольшей полнотой.[2] Здесь затрагивается проблематика почти всех предыдущих статей, высвечиваются важнейшие сквозные темы, объединяющие замысел продолженного впоследствии периодического издания: историческое значение России, Восток и Запад, взаимоотношение личности и общества, народа и интеллигенции в настоящем и будущем строе человечества, социализм утопический (теоретический) и социализм политический (практический), социализм и атеизм, «среда», «отцы и дети», «старые люди», молодое поколение. Намечаются также многие существенные мотивы, реализованные позднее в художественном творчестве Достоевского («Подросток», «Братья Карамазовы»).

---

[1] По предположению А. А. Жук, статьей «Одна из современных фальшей» Достоевский откликнулся также и на указанный очерк Щедрина (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. XV, кн. 2, стр. 336).

[2] О «лжи и фальши» — силах, «разъединяющих» русское общество, — Достоевский писал ранее, в статье «Два лагеря теоретиков» (1862).

В течение 1873 г. Достоевский неоднократно вспоминая «поразившее» его суждение Михайловского о второй статье «Дневника писателя» за 1873 г. («Старые люди») и о романе «Бесы» в «Отечественных записках» (см. выше, стр. 413). Касаясь этой темы в черновом автографе (*ЧА*) статьи «Полписьма „одного лица“», Достоевский писал: «Насчет же г-на Н. М. (Михайловского, — *Ред.*) в „Отечественных записках“, то ему отвечу единственно за не виданную еще мною в литературе пламенную и детскую (по чистоте) его искренность, с помощию которо‹й› он изобрел „Народ“ и желает обновить весь русский мир новым и неслыханным мною доселе „консервативным социализмом“». И тут же добавлял, поясняя: «. . .если и буду когда-нибудь отвечать, то намерен ответить вовсе не прямо на тему, то есть не в защиту моего романа „Бесы“, а изложу лишь несколько мыслей о наших русских социалистических идеях и о том, как я это разумею» (стр. 306). Этот замысел получил осуществление в данной статье в качестве одного из многих элементов ее идейного подтекста.[1]

С т р. 125. *Некоторые из наших критиков заметили ∾ не в виде лишь описания московского частного случая.* — Нечаевское дело — убийство слушателя Петровской земледельческой академии И. И. Иванова, совершенное 21 ноября 1869 г. организатором тайного общества «Народная расправа» С. Г. Нечаевым (1847—1882) при участии П. Г. Успенского, А. К. Кузнецова, И. Г. Прыжова и Н. Н. Николаева. О характере отражения нечаевского дела в «Бесах» см.: наст. изд., т. XII, стр. 192—218. Говоря о «некоторых из наших критиков», Достоевский имеет в виду В. Г. Авсеенко, который в рецензии «Общественная психология в романе». «Бесы, роман Ф. Достоевского. В трех частях. СПб., 1873» отмечал: «Фабула романа „Бесы“ отчасти как будто заимствована из пресловутого нечаевского дела. Оговоримся, что для цели, предположенной нами в настоящей статье, это обстоятельство не имеет никакого значения. Автор воспользовался своим материалом совершенно художественно, взяв из него то, что подходило к его литературной задаче, и обработал эти крупные детали сообразно идее и плану своего произведения. Выбор фабулы был, конечно, подсказан ему тою очевидностью, с какой нечаевское дело представлялось самым характерным делом нашего подполья, наиболее отразившим на себе роковые искажения мысли и человеческой натуры и все симптомы нравственного недуга, которым поражен этот темный мир. Нечаевцы, без сомнения, целиком шли из подполья нашей интеллигенции и могут быть признаны самыми яркими его представителями, по крайней мере в тот период его существования, в каком оно было застигнуто судебным процессом» (*РВ*, 1873, № 8, стр. 803).

С т р. 125. *Всё это, скажу от себя, совершенно справедливо.* — Этим утверждением Достоевский высказывает свое несогласие с мнением Н. К. Михайловского, отмечавшего в рецензии на роман «Бесы», что нечаевское дело «могло бы доставить материал для романа уголовного, узкого и мелкого, могло бы, пожалуй, занять место и в картине современной жизни, но не иначе как в качестве третьестепенного эпизода» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 323). Упрекая Достоевского в «скрупулезном» описании и «поэтическом» обобщении черт «неважных», «случайных», Михайловский писал: «В „Бесах“ рассказывается история, по внешнему ходу событий и обстановке поразительно сходная с так называемым нечаевским делом ‹. . .› В некоторых отношениях романист точно задался мыслию не отступать от сведений, добытых следствием и судом по нечаевскому делу ‹. . .› Естественное дело, что если важная часть фабулы романа взята из современной и наделавшей шуму истории, то мы вправе ожидать от автора картины современных нравов весьма точной ‹. . .› Если бы г-н Достоевский принял в соображение громадную массу русских молодых людей, стремящихся в адвокаты, мировые судьи, проводители усовершенствованных

---

[1] О связи замысла статьи с указанными работами Н. К. Михайловского см. также: Л. М. Р о з е н б л ю м. Творческие дневники Достоевского. — *ЛН*, т. 83, стр. 62—63.

путей сообщения и проч., и проч., и проч.; если б он прибавил сюда массу молодых людей, настроенных и серьезно и трезво, наконец, если бы он остановил подольше свое внимание на массе молодежи верхоглядов, — то он, без сомнения, убедился бы, что теории, подобные шатовским, кирилловским, ставрогинским, могут занимать здесь только микроскопически ничтожное место» (*ОЗ*, 1872, № 2, отд. II, стр. 321—323).

Стр. 125. «. . .*нам кажется, что нечаевское дело* ∾ *среди праздной, недоразвитой и вовсе не учащейся молодежи*». — Цитата из «обзора событий» «Русского мира» (1873, 13 ноября, № 301).

Стр. 126. . .«*в последние годы молодежь* ∾ *основательнее работает*». — 21 октября 1873 г. в Киеве на обеде в зале Дворянского собрания министр народного просвещения Д. А. Толстой (1823—1889) произнес речь, в которой заявил, что он «осмотрел 7 учебных округов: объехал почти всю Россию, за исключением северных губерний; видел массу учебных заведений» и пришел к выводу, «что в последние годы молодежь несравненно серьезнее относится к делу науки, несравненно более и основательнее работает, что, без сомнения, могут подтвердить все присутствующие здесь педагоги и профессора университета» (*РМ*, 1873, 1 ноября, № 289).

Стр. 127. *Замечу в скобках* ∾ *в Петербурге, Москве и в Харькове*. — Упомянутые Достоевским строки из «обзора событий» «Русского мира» (1873, 13 ноября, № 301) предварялись следующим сообщением: «Вот уже несколько времени, как ходят более или менее достоверные слухи об обнаружении какой-то новой *кучки нечаевцев* и о произведенных по этому случаю арестах. Газета „Гражданин" по этому случаю обвиняет не каких-нибудь отдельных недоразвитков, а *учащуюся молодежь* в Петербурге, Москве и в Харькове, среди которой будто бы были распространены какие-то нелепые прокламации известного Бакунина и К°». Поводом для этих сообщений послужили аресты участников кружка Долгушина, произошедшие под Москвой, в Москве и других городах России. Большинство членов кружка Долгушина принадлежали к «учащейся молодежи» (подробнее см. об этом в комментарии к роману «Подросток» — наст. изд., т. XVII, стр. 299—300).

Стр. 128. *Где, в какой Европе* ∾ *как у нас в наше время!*). — Мысль об отсутствии «руководящей идеи», «руководящей нити поведения» в период разложения, захватившего «все слои и все возрасты», оформится вскоре как центральная идея романа «Подросток» уже в начальный период работы над замыслом (см. об этом: наст. изд., т. XVII, стр. 259—265).

Стр. 129. . . .*чтоб уметь играть на ней как на музыкальном инструменте*. — Сравнение, восходящее к словам Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (акт III, сцена 2).

Стр. 129. . . .*я сам старый «нечаевец», я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни*. . . — В записной тетради за 1872—1875 гг. упоминание о петрашевцах появляется вскоре после знакомства Достоевского с рецензиями Михайловского на первые главы «Дневника писателя» и роман «Бесы» (*ОЗ*, 1873, №№ 1, 2): «Мы стояли на эшафоте с верою. . .уезжали с надеждою» (стр. 256). Определенное значение для оформления замысла комментируемой статьи имела также заключительная часть работы А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» (*ВЕ*, 1873, № 7, стр. 226—263), оказавшаяся в сфере пристального внимания Достоевского (см. выше, стр. 438). Говоря о «теоретическом» социализме 1840-х годов, Пыпин противопоставляет идеологическую позицию Достоевского — редактора «Гражданина» и Достоевского-петрашевца: «„Московские ведомости" и „Русский вестник" издаются людьми сороковых годов, и это заставляло некоторых думать, что в идеях сороковых годов была известная неустойчивость, неясность, неполнота, которые и сделали возможным превращение их прежнего либерализма в нечто не только консервативное, но как будто просто обскурантное. Можно, пожалуй, прибавить, что и нынешний „Гражданин" издается также самым настоящим, по-видимому, человеком сороковых годов, и приискать другие примеры подобных превращений <. . .> Словом, эти и подобные примеры, где превращение слишком определялось личными свойствами, еще не говорят против силы, искренности и исторической

важности идей сороковых годов, как они понимались лучшими людьми того времени» (*ВЕ*, 1873, № 7, стр. 241—243, 259—260).

Стр. 129. ...*и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных. ∾ заявили себя замечательными специальными знаниями, сочинениями.* — Эту мысль Достоевский развил в «Дневнике писателя» за 1877 г. (январь, гл. II, § 3, «Старина о „Петрашевцах"»). Значительное число петрашевцев были правоведами — выпускниками Александровского лицея, Училища правоведения, юридического факультета С.-Петербургского университета (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 334). Ряд петрашевцев (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Баласогло, А. И. Пальм, Д. Д. Ахшарумов, Ф. Ф. Дуров, А. Н. Плещеев и другие) уже в 1840-е годы были известны своими литературными трудами. Во второй половине 1850-х годов, еще находясь в ссылке в Оренбургской губернии, вновь стал печатать свои стихи и рассказы (преимущественно в «Русском вестнике») А. Н. Плещеев. В 1860-е годы он выступил как автор ряда повестей, большого количества поэтических произведений, публицистических статей. В эти же годы продолжил свою литературную деятельность А. И. Пальм, опубликовавший в 1860—начале 1870-х годов ряд комедий (в «Современнике» и «Отечественных записках») и автобиографический роман «Алексей Слободин» (*ВЕ*, 1872, №№ 10—12, 1873, №№ 2—3; отд. изд. — СПб., 1873). Ф. Г. Толль по возвращении из ссылки в Петербург (1859) напечатал ряд беллетристических очерков в «Отечественных записках» и «Русском слове», часть из которых в 1861 г. была издана отдельной книгой («Два года в К-ском заводе. Сибирские очерки»). В это же время вышло отдельное издание его романа «Труд и капитал». С 1863 по 1866 г. под редакцией Толля печатался трехтомный «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)». Со статьями научного характера неоднократно выступал Ф. Н. Львов, служивший с 1870 г. секретарем Русского технического общества и редактировавший «Записки императорского русского технического общества». В «Современнике» (1861, № 9, 1862, № 2) им был напечатан также очерк «Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного». Д. Д. Ахшарумов, закончив в 1862 г. Медико-хирургическую академию, выступил с рядом научных работ по медицине. М. М. Достоевский, привлекавшийся по делу петрашевцев, в 1861—1865 гг. издавал (вместе с Ф. М. Достоевским) журналы «Время» и «Эпоха». См. также: *Лейкина*, стр. 112—129; *Дело петрашевцев*, т. III, именной указатель.

Стр. 130. *Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма.* — О значении французского утопического социализма, трудов его основоположников — Сен-Симона и Фурье — и их последователей для развития русского общественно-литературного сознания 1840-х годов и становления «теоретического» социализма в России см. в работах: Т. И. Усакина. О социальных и литературно-теоретических взглядах петрашевцев. — В кн.: Т. И. Усакина. История, философия, литература (середина XIX века). Саратов, 1968, стр. 74—109; Е. Н. Купреянова. Идеи социализма в русской литературе 30—40-х годов. — В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969, стр. 92—150.

Стр. 130. *Политического социализма тогда еще не существовало* в *Европе, и европейские коноводы социализма даже отвергали его.* — В «Объяснении» по делу петрашевцев Достоевский писал: «Фурьеризм — система мирная; она очаровывает душу своею изящностью, обольщает сердце тою любовию к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он создавал свою систему, и удивляет ум своею стройностию. Привлекает к себе она не желчными нападками, а воодушевляя любовью к человечеству. В системе этой нет ненавистей. Реформы политической фурьеризм не полагает; его реформа экономическая» (см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 133). О «теоретическом» и «политическом» социализме в понимании Достоевского см. в работе: Н. И. Пруцков. Социально-этическая утопия Достоевского. — В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе, стр. 334—373.

Стр. 130. *Луи Блана напрасно били по щекам ∾ лекции его в этом смысле были ужасно неполитичны и, конечно, смешны.* — Блан (Blanc) Жан Жозеф Луи (1811—1882) — французский политический деятель, публицист и исто-

рик, автор сочинений «Organisation du travail» («Организация труда», 1839—1840), «Histoire de la Révolution française» («История французской революции», 1847—1862). 24 февраля 1848 г. после отречения Луи Филиппа был введен в состав Временного правительства Франции, вынужденного 25 февраля принять декрет «о праве на работу». В тексте декрета, составленном Луи Бланом на основе его собственной доктрины, в частности, говорилось: «Правительство Французской республики обязуется гарантировать рабочему его существование трудом. Оно обязуется обеспечить работу для всех граждан. Оно признает за рабочими право объединяться в союзы для пользования законными плодами своего труда. . .» (История XIX века, т. V. Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. Изд. 2-е. М., 1938, стр. 16—17). 25 февраля манифестация рабочих потребовала организации Министерства прогресса. Временное правительство дало согласие лишь на учреждение «Правительственной комиссии для рабочих», председателем которой был назначен Луи Блан. Заседания этой комиссии проходили в Люксембургском дворце, куда Луи Блан приглашал представителей разных ремесел, чтобы получить сведения об их нуждах и «подготовить разрешение вопросов труда». В конце апреля 1848 г. Луи Блан был избран в Национальное собрание, но в Исполнительную комиссию введен не был. 15 мая 1848 г. к зданию заседаний Национального собрания подошла огромная манифестация рабочих. Пытаясь предотвратить вторжение народа в зал заседаний, члены собрания настояли на том, чтобы Луи Блан (которого манифестанты требовали) выступил с речью. По окончании второго выступления Луи Блана народ поднял его на руки и ворвался в зал заседаний, требуя учреждения Министерства труда, роспуска Национального собрания и создания нового правительства, в которое должен был быть включен Луи Блан. Оставивший на короткое время зал заседаний, Луи Блан вернулся туда, когда манифестанты были разогнаны национальной гвардией. Вспоминая о событиях, относящихся к заключительной части заседания 15 мая 1848 г., он писал: «Узнав дома, что Национальное собрание снова открыло свое заседание, я поспешил туда, чтобы вернуться на свое место. Достигнув преддверия дворца, я был узнан несколькими национальными гвардейцами. Они бросились на меня в невероятном припадке бешенства. „Под суд его, под суд!“ — кричали одни. „Нужно его убить! Так будет проще!“ — кричали другие. К счастью, другие национальные гвардейцы, — с удовольствием констатирую это здесь, — стали меня защищать с таким же пылом, с каким другие напали на меня <. . .> Впоследствии мне рассказали, что, верный традициям нашей долголетней дружбы, г-н Франсуа Араго поспешно выбежал из палаты, чтобы прийти ко мне на помощь. . .» (Луи Б л а н. История революции 1848 года. Пер. С. Ч<убинского>. С критическим очерком Е. Колбасина. СПб., 1907, стр. 444—445; см. также: А. В е р м о р е л л ь. Деятели сорок восьмого года и их роль в событиях как 1848, так и последующих лет. СПб., 1870, стр. 178—181). *Араго* (Arago) Доминик Франсуа (1786—1853) — французский ученый и политический деятель, директор Французской обсерватории. 24 февраля 1848 г. был введен в состав Временного правительства, затем — Национального собрания и Исполнительного комитета (см.: Д. С т е р н. История революции 1848 года, т. 1. СПб., 1906, стр. 324—334).

С т р. 130. *Журнал же Консидерана. . .* — Консидеран (Considérant) Виктор (1808—1893) — французский социалист-утопист, ученик Фурье, редактор журналов «Le Phalanstère» («Фаланстер») в 1832—1834 гг. и «La Phalange» («Фаланга») в 1836—1849 гг. С 1843 по 1851 г. издавал газету «La Démocratie Pacifique» («Мирная демократия»).

С т р. 130. *. .статьи и брошюры Прудона. . .* — Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — французский социалист, теоретик анархизма, автор работ «Что такое собственность?» (1840), «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846) и др. (см. выше, стр. 383). На дополнительных выборах, состоявшихся в начале июня 1848 г., был избран в Национальное собрание Франции. В 1848 г. вышли следующие книги и брошюры Прудона: «Le droit au travail et le droit de propriété» («Право на труд и право собственности»), «Organisation du crédit et de la circulation» («Организация кредита и денежного обращения») и др.

С т р. 130. . . . *зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего. . .* — См. об этом в комментарии к «Иностранным событиям», стр. 494.

С т р. 131. *Я уже в 46 году ∾ еще Белинским.* — См. выше, стр. 10.

С т р. 131. . . . *потрясающих тогдашних европейских событий, за которыми мы, совершенно забыв отечество, следили с лихорадочным напряжением?* — Имеются в виду буржуазно-демократические революции во Франции (1848), Германии (1848), Италии (1848), Австрии (1848—1849).

С т р. 131. *Чудовищное и отвратительное московское убийство Иванова ∾ как дело политическое и полезное для будущего «общего и великого дела».* — Во время процесса «нечаевцев», состоявшегося в Петербурге в 1871 г., подсудимый П. Г. Успенский, один из участников убийства, доказывал «теоретическую» необходимость смерти И. И. Иванова ради «достижения общего блага», ради «общего дела» (см.: *ПВ*, 1871, 10 июля, № 163).

С т р. 132—133. . . . *все эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрят иногда на нравственные обязанности современного человека ∾ мы же, как известно, обязаны подражать Европе.* — Милль (Mill) Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ-позитивист, логик и экономист. Дарвин (Darwin) Чарльз Роберт (1809—1882) — основоположник научной теории развития органического мира. Штраус (Strauss) Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий философ-гегельянец, историк, теолог и публицист (см. выше, стр. 383). Критический анализ отдельных сторон нравственной проблематики их работ был дан в «Гражданине» Н. Н. Страховым и К. П. Победоносцевым, подписавшимся «***» (1873, 16 июля, № 29, стр. 809—812). Учение Милля о «свободе, равенстве и братстве» было подвергнуто в «Гражданине» критике в рецензии К. П. Победоносцева на работу Дж. Стифена «Liberty, equality, fraternity» (London, 1873), направленную против положений Милля (*Гр*, 1873, 27 августа, 3 и 10 сентября, №№ 35—37). Резко полемичной по отношению к теории Дарвина была статья Н. Н. Страхова в «Заре» (1872, № 1, стр. 1—18) «Переворот в науке. „Происхождение человека и подбор по отношению к полу“ Ч. Дарвина (СПб., 1871)». В №№ 39—41 «Гражданина» (от 24 сентября — 8 октября) была помещена рецензия Страхова на труд Штрауса «Der alte und der neue Glaube» («Старая и новая вера», 1872).

С т р. 133—134. *Нет, нечто другое изменило взгляд наш ∾ понятие, что сам стал таким же как он, в ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его.* — Об изменении его взглядов, которое произошло на каторге, Достоевский писал позднее в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. («Мужик Марей»). Эта же тема присутствует в работах петрашевцев — Ф. Н. Львова «Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного» (*С*, 1861, № 9; 1862, № 2) и Ф. Г. Толля «Труд и капитал» (СПб., 1861). В предисловии к последней книге, останавливаясь на идеях утопического социализма, приверженцем которых он был в юности, Толль писал: «. . .удовлетворяться такими фантазиями могут только очень молодые энтузиасты, сильные одною любовью к добру, чуждые личного жизненного опыта и плодов разносторонней науки ‹. . .› позже встреча и близкое знакомство с людьми, в которых изучение первобытного человека, со всеми хорошими и слабыми сторонами его, не затруднялось условными чертами, налагаемыми на естественный тип цивилизацией и историческим бытом, дало мне возможность повторить на других личностях мои опыты самоповерки ‹. . .› я вывел заключение, что едва ли новые формы общественного быта могут не только возникнуть, но и упрочиться за человечеством иначе, как органически из недр и на основании тех форм, до которых доныне достигло оно через длинный ряд веков» (стр. X—XI).

С т р. 135. *«Камско-Волжская газета» сообщает ∾ я вижу в ней и ее оправдание!* — Сообщение было помещено в «обзоре событий» газеты «С.-Петербургские ведомости» (1873, 13 ноября, № 313). О внимании Достоевского к проблеме эмиграции русских в Америку см. выше, стр. 441. См. также комментарий к роману «Бесы» (наст. изд., т. XII, стр. 293) и «Дневнику писателя» за 1876 г. (март, гл. I, § 3, раздел «Обособление»).

С т р. 135. *Помните вы рассказ у Кельсиева ∾ определил его в свою типографию наборщиком?* — О Василии Ивановиче Кельсиеве (1835—1872) см. ниже, стр. 511. О выпускнике Константиновского военного училища (Петербург) драгунском офицере Буровине, бежавшем в 1861 г. пешком без денег и документов через Финляндию и Швецию в Лондон, Кельсиев рассказывает в очерке «Из рассказов об эмигрантах» (Заря, 1869, № 3, стр. 76—99). Прослужив за границей некоторое время наборщиком в типографии Герцена, Буровин решил вернуться в Россию, поселиться среди раскольников и «просветить их от Писания насчет всякого рода политических истин вообще, а социалистических — в особенности» (там же, стр. 89). О его судьбе после отъезда из Англии сведений не сохранилось.

С т р. 135. *Помните рассказ самого Герцена о том кадете ∾ оставил ему 20 000 франков на будущих эмигрантов?* — Имеется в виду рассказ Герцена в «Былом и думах» (ч. VII, гл. III) о саратовском помещике Павле Александровиче Бахметеве, уехавшем в 1857 г. в Новую Зеландию (или на Маркизские острова) с тридцатью тысячами франков с целью основания там колонии на социалистических началах и пропавшем без вести. Перед отъездом П. А. Бахметев — «молодой человек с видом кадета» — отдал Герцену «на пропаганду» двадцать тысяч франков (см.: *Герцен*, т. XI, стр. 344—349). Об этом эпизоде из «Былого и дум» Достоевский вспоминает также в романе «Бесы» (см.: наст. изд., т. X, стр. 269; т. XII, стр. 178). См. также наст. изд., т. XXII, стр. 150.

С т р. 135. *Абсентизм* — см. выше, стр. 388.

С т р. 136. *В учебной реформе нынешнего царствования — чуть не вся наша будущность. . .* — Основная задача образовательной реформы 1871 г., подготовленной реакционным министром народного просвещения Д. А. Толстым, состояла в замене реального образования классическим, с преимущественным вниманием к древним языкам. В записной тетради 1872—1875 гг. Достоевский писал: «Все реформы нынешнего царствования суть прямая противуположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах <. . .> Классическое образование, наконец, есть прямая противуположность взглядам Петра на образование, никогда не возносившимся дальше техники и насущной полезности, требовавшему мичманов, литейщиков, кузнецов, слесарей и проч. и даже не ставившему никогда и вопроса о том, что такое человек образованный. Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории <. . .> (До классической реформы.) В университетах наших преподавалось бог знает что, всего понемногу и без системы, какие-то обрывки наук . . .» (стр. 268—269). Полемика, развернувшаяся вокруг реформы, широко освещалась на страницах «Гражданина» (см. об этом выше, в комментарии к статье «Нечто о вранье», стр. 450).

С т р. 136. *Но сам же министр просвещения ∾ еще долго ждать окончательных результатов реформы.* — В речи Д. А. Толстого от 21 октября 1873 г. (*РМ*, 1873, 1 ноября, № 289) отмеченного Достоевским высказывания не обнаружено.

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» 1873—1878

НАШИ МОНАСТЫРИ (ЖУРНАЛ «БЕСЕДА» 1872 г.)

(Стр. 137)

Источники текста

ЧА — Черновой автограф. 2 листа. Датируется 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.3.6; см.: *Описание*, стр. 100.
БА — Беловой автограф (фрагмент). 1 лист. Датируется 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.3.7; см.: *Описание*, стр. 100.
Гр — 1873, 22 января, № 4, стр. 124—125.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 22 января, № 4, стр. 124—125, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 137. *Это ряд статей в журнале «Беседа» о богатствах наших монастырей.* — Рецензия Достоевского явилась откликом на серию статей «Наши монастыри, их богатства и получаемые ими пособия», опубликованных в петербургском либерально-славянофильском журнале «Беседа» (издатель-редактор С. А. Юрьев; журнал выходил в 1871—1872 гг.) за 1872 г. (№ 3, стр. 167—217; № 4, стр. 192—218; № 5, стр. 164—216; № 6, стр. 119—149; № 7, стр. 226—234; № 8, стр. 223—264; № 10, стр. 56—70; № 11, стр. 59—82). Анонимный автор этих статей приводит подробные статистические данные о доходах русских монастырей, о земельной собственности, которой они владеют, о получаемых ими пособиях. Основная мысль его — большое богатство монастырей находится в коренном противоречии с идеалами и обетами монашества. Автор высказывает пожелание, чтобы монастыри пожертвовали часть своих доходов на народное образование и благотворительные учреждения для народа.

Вопросу о современном состоянии монастырей были посвящены также появившиеся в 1872—1873 гг. статьи «Нравственное значение монастырей» М. Беллюстина (Беседа, 1872, № 9, стр. 220—255) и «К вопросу о монастырях» (*Гр*, 1873, 30 июля, № 31, стр. 857—861) за подписью «Из монастырских». Автор последней статьи освещает «несоответствие внутреннего устройства и быта наших монастырей с вековечною идеею монашества» (*Гр*, 1873, 30 июля, № 31, стр. 857) и предлагает меры к их переустройству.

Стр. 137. *Мы сами питаем омерзение к монаху-плотоугоднику* ∾ *убивающему жестокими побоями десятилетнего мальчика за шалость в школе.* — В газете «Современные известия» от 21 ноября 1872 г. была опубликована корреспонденция «Из Сергиевского посада. 18 ноября». Автор ее сообщал: «Прошедшего октября месяца, кажется 12-го числа, проходил я мимо женского странноприимного монастырского дома, где помещаются и училища. Из ворот выбежало несколько мальчиков и о чем-то жарко разговаривали. Вслушиваюсь в их разговор и узнаю, что в училище было высечено до восьми человек, да так, что один избит до бесчувствия <. . .> Мне вот что сказали: отец Гавриил, заведующий училищем, в это утро, взойдя в классную залу, нашел мальчиков шумевшими. Он крикнул „цыц!“ Мальчики имели неосторожность засмеяться, и это его так взбесило, что он собственноручно начал бить своих питомцев. Поколотил семерых; дошел до восьмого. Над этим восьмым он более других издевался за то, что во время битья <тот> как-то ухитрился ударить о. Гавриила ногой по голове. Остервенение о. педагога дошло

до того, что даже бесчувственного бил. Мальчики, видя это, испугались и закричали; тогда о. Гавриил закончил свое доблестное поприще. Мальчику этому было восемь лет; он весь опух от побоев и жаловался на боль живота <. . .> мальчик этот умер 13-го числа, ровно через месяц. Итак, в стенах, где должен преобладать дух человеколюбия, смирения и терпения, — увечат человечество» (*СИ*, 1872, 21 ноября, № 321; перепечатано: *СПбВед*, 1872, 23 ноября, № 322). Об этом же факте Достоевский упоминает в «Дневнике писателя» за 1873 г. в статье «Ряженый» (см. стр. 82).

С т р. 138. *Юстиция, народное образование* ∞ *в такую же сумму, как и монахи*). . . — По этому вопросу в «Беседе» приведены следующие сравнительные цифровые данные: «Впрочем, не касаясь доходов архиерейских, займемся только осьмью миллионами, выпадающими на долю монастырей. И так как сведения о числе монашествующих лиц в нашей статье касались 1867 г., то мы и монастырские доходы станем оценивать по некоторым данным того же года. Но, читая государственную роспись доходов и расходов на 1867 год, мы находим, что в этот год назначалось: 1) на всё министерство народного просвещения 7 255 814 р., 2) на всё министерство юстиции 8 315 684 р., — там на 755 тысяч менее, а здесь на 315 тысяч более, нежели сколько получают в настоящее время монастыри» (Беседа, 1872, № 10, стр. 68).

С т р. 138. *Лучше бы продать это благовонное миро и раздать бедным, не так ли?* ∞ *вспомните эту евангелическую историю.* — Достоевский имеет в виду евангельское предание о женщине из Вифании, которая незадолго до празднования пасхи возлила на голову Иисуса драгоценное благовонное миро. «Увидев это, ученики его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? Она доброе дело сделала для меня. Ибо нищих всегда имеете с собою, а меня не всегда имеете. Возлив миро сие на тело мое, она приготовила меня к погребению» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 8—13).

С т р. 139. *Мы знаем, что еще при святом Феодосии, при самом основании Киево-Печерской Лавры*. . . — Речь идет о Феодосии Печерском (умер в 1074 г.), основателе и игумене Киево-Печерского монастыря. Имя Феодосия неоднократно упоминается в черновых материалах к «Бесам» и «Подростку».

ЗАСЕДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 28 МАРТА

(Стр. 139)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 2 апреля, № 14, стр. 433—434, с подписью: Ф. Д.

В собрание сочинений впервые включено Л. П. Гроссманом в издании: *1918*, т. XXII, стр. 219—223.

Печатается по тексту первой публикации.

Авторство Достоевского, помимо подписи «Ф. Д.», подтверждается следующими данными: 1) включением статьи, как принадлежащей писателю, в библиографический указатель А. Г. Достоевской (см.: А. Г. Д о с т о е в с к а я. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского. СПб., 1906, стр. 43); 2) письмом Т. И. Филиппова к Достоевскому от 30 марта 1873 г. (см.: *ЛН*, т. 15, стр. 150—151), в котором в тезисной форме изложено содержание предполагаемого отчета о заседании Общества 28 марта и которое несомненно послужило Достоевскому источником для написания статьи; 3) заметкой «От редакции <„Гражданин“, 1873, 30 апреля, № 18>» (см. ниже, стр. 531.)

С т р. 139. *Мы сообщали в своей время ∾ свои возражения против означенного рассуждения.* — В 1872 г. в Петербурге был открыт Отдел Общества любителей духовного просвещения с правом свободного обсуждения на своих заседаниях различных церковных вопросов. Достоевский не раз посещал эти заседания. В начале 1873 г. состоялись три заседания, посвященные вопросу «о нуждах единоверия» (последнее — 28 марта 1873 г.). Отчеты о диспуте были опубликованы в «Гражданине» (см.: *Гр*, 1873, 22 января, № 4, стр. 92; 29 января, № 5, стр. 154—155; 5 марта, № 10, стр. 284; 2 апреля, № 14, стр. 433—434).

Филиппов Тертий Иванович (1825—1899) — консервативно-славянофильский публицист, член кружка В. П. Мещерского и редакции «Гражданина», выступавший на страницах газеты-журнала со статьями, посвященными церковным вопросам; охарактеризован в «Гражданине» как «почтенный сотрудник, который занимается вопросами о единоверии и вообще старообрядстве от дней своей юности <. . .> был, пока жил в Москве, постоянным участником в прениях с раскольниками, происходивших в ту пору около Кремлевских соборов» (*Гр*, 1873, 5 марта, № 10, стр. 284). См. о нем подробнее: *Д*, *Письма*, т. III, стр. 305—306; *ЛН*, т. 83, стр. 330. Оппонент Филиппова — Иван Федорович Нильский (1831—1894) — профессор Петербургской духовной академии, специалист по истории русского раскола, автор труда «Семейная жизнь в русском расколе» (СПб., 1869).

С т р. 141. . . . *соборным определением 13 мая 1667 г. ∾ препятствий.* — Патриарх Никон (1605—1681) провел в 1653—1656 гг. при поддержке царя Алексея Михайловича ряд церковных реформ (исправление богослужебных книг и церковного обряда). Соборное определение 13 мая 1667 г. подтвердило законность сделанных Никоном исправлений церковных книг и чинов и запретило употребление дониконовского обряда, что явилось причиной раскола в православной церкви (см.: М а к а р и й. 1) Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881; 2) История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855). Изложение соборного определения 13 мая 1667 г. дано Т. И. Филипповым в его «Чтении» 26 февраля 1874 г. (*Гр*, 1874, 11 марта, № 10, стр. 294—296). В царствование Екатерины II и Павла I по просьбе старообрядцев им было разрешено употребление дониконовского обряда, однако соборное определение 1667 г. не было пересмотрено. Т. И. Филиппов высказывал мысль о необходимости созыва нового собора, который снял бы «клятвы» и запреты с употребления дониконовского обряда. Единоверцы, «нуждам» которых был посвящен диспут, — старообрядцы, желавшие соединиться с православной церковью при условии сохранения особенностей дониконовского обряда. Диспут «О единоверии», начатый в Обществе любителей духовного просвещения в 1873 г., завершился только в 1874 г. Итоги диспута изложены в редакционной статье «Гражданина» «Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия» (*Гр*, 1874, 17 июня, № 24, стр. 642—645).[1]

С т р. 141. . . . *в собственных статьях г-на Нильского, напечатанных в «Христианском чтении» за 1870 г. . . .* — Речь идет о статьях Нильского, озаглавленных «О единоверии (по поводу современных толков литературы)» (Христианское чтение, 1870, №№ 1, 2, 5).

---

[1] Эта статья без достаточных на то оснований была приписана Достоевскому Г. Ф. Коган (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 330). Авторство Достоевского вызывает сомнение, поскольку уже в № 16 «Гражданина» от 22 апреля 1874 г. было опубликовано заявление «От редакции», в котором оповещалось, что с настоящего номера Достоевский «по расстроенному здоровью принужден <. . .> сложить с себя обязанности редактора журнала» (стр. 445). Маловероятно, чтобы вскоре после ухода с поста редактора он стал бы писать пространную редакционную статью о единоверии, требующую специальных познаний и далекую от его творческих интересов. Кроме того, в отличие от комментируемой статьи Достоевского статья «Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия» написана сухо, сдержанно и носит более теоретический характер.

Стр. 141. *... даже г-н Чельцов, возражавший г-ну Филиппову...* — Чельцов Иван Васильевич — профессор церковной истории Петербургской духовной академии; в 1871—1874 гг. — редактор журнала «Христианское чтение».

Стр. 142. *... «как будто тяжкий совершал он долг».* — Достоевский перефразирует здесь слова Сальери из трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» (сцена II); ср.:

> ... Эти слезы
> Впервые лью: и больно и приятно,
> Как будто тяжкий совершил я долг,
> Как будто нож целебный мне отсек
> Страдавший член.

ПОЖАР В СЕЛЕ ИЗМАЙЛОВЕ

(Стр. 142)

Источники текста

НР — Наборная рукопись (фрагмент). 3 страницы. Датируется 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I. 3.10; см.: *Описание*, стр. 96, 112.

Гр — 1873, 11 июня, № 24, стр. 694—695.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 11 июня, № 24, стр. 694—695, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 142. *... особенно характерно выдается известие в № 134 «Московских ведомостей» о пожаре в селе Измайлове...* — Корреспонденция «Пожар в селе Измайлове» была опубликована в «Московских ведомостях» от 1 июня 1873 г. (№ 134). Первая краткая информация об этом пожаре появилась еще раньше — в № 132 «Московских ведомостей».

Стр. 142—143. *Мы как-то недавно рисовали фантастическую картину ∾ если верить корреспонденции «Московских ведомостей».* — Достоевский говорит о статье «Мечты и грезы» из «Дневника писателя» за 1873 г., где им нарисована мрачная картина будущего деревенской России, к которому она может прийти в результате роста кабаков и усиления пьянства среди населения (см. стр. 94—95). Поприщин — герой повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1835).

Стр. 143. *Недавно мы читали о самоубийстве одного мужичка. ∾ повесился.* — Имеется в виду корреспонденция из г. Кологрива Костромской губернии, опубликованная в «С.-Петербургских ведомостях» от 3 июня 1873 г.: «Верстах в двадцати от здешнего города 17-го мая повесился в своем сарае, в деревне, крестьянин (отец семейства и главный его работник) ‹...› Еще в половине зимы у крестьянина-самоубийцы не стало сена и соломы для корма скота; с того же времени вышел весь запас хлеба для семьи. Мужичок, видя беду неминуемую, закабалился, по условию, на все предстоящее лето в работники, но еще до наступления работ забрал вперед, в виде задатка, все те деньги, которые следовало ему получить по окончании лета за свой труд; полученные деньги, однако ж, оказались так незначительны, что семья израсходовала их на собственное содержание прежде, чем глава семейства, согласно условию, успел отправиться на работу ‹...› Между тем наступало время отправляться в работу, а так как плата за предстоящий труд была уже израсходована, то ему предстояло трудиться ‹...› не принимая пищи» (*СПбВед*, 1873, 3 июня, № 150). Об этом факте упоминается позднее в отделе «Из текущей жизни» «Гражданина» (*Гр*, 1873, 9 июля, № 28, стр. 791—792).

Стр. 143. *Нам случилось тоже недавно прочесть ∾ на переселение.* — О подобном происшествии сообщалось, в частности, в корреспонденции «Из

Щигровского уезда», опубликованной в газете «Русский мир» (1873, 5 июня, № 144).

Стр. 144. *Между тем из Пензенской губернии всё пишут, что там число мирских приговоров о прекращении пьянства всё более и более увеличивается.* — Подобные приговоры, запрещающие пьянство, перепечатывались многими газетами, приветствовавшими народную инициативу по борьбе с пьянством в различных волостях Пензенской губернии (см., например: *РМ*, 1873, 13 мая, № 122; 31 мая, № 139 и др.). «Гражданин», уделявший борьбе с пьянством в народной среде большое внимание как актуальной общественной проблеме, также неоднократно перепечатывал на своих страницах приговоры о прекращении пьянства (см., например: *Гр*, 1873, 7 мая, № 19, стр. 578; 14 мая, № 20, стр. 581). См. также стр. 95.

Стр. 144. *Единственная попытка (увенчавшаяся успехом) ∾ колонистом-пастором, основавшим «штундистов».* — См. статью «Смятенный вид» из «Дневника писателя» за 1873 г. и комментарий к ней (стр. 58, 412, 414). Ср. также рассказ о штундистах в «Областном обозрении» «Гражданина» от 30 июля 1873 г. (№ 31, стр. 845—846).

Стр. 144. *В «Русский мир» сообщали на днях из-под Москвы ∾ причем убит один боец.* — Речь идет о корреспонденции, опубликованной в № 145 газеты «Русский мир» от 6 июня 1873 г. Подробнее о ней см. ниже. *Духов день* — христианский праздник, первый понедельник после троицы.

СТЕНА НА СТЕНУ

(Стр. 145)

Источники текста

НР — Наборная рукопись. 3 страницы. Датируется 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.10; см.: *Описание*, стр. 96, 119.
Гр — 1873, 11 июня, № 24, стр. 695—696.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 11 июня, № 24, стр. 695—696, без подписи.
В собрание сочинений включается впервые.
Печатается по тексту первой публикации.

Заглавие статьи было навеяно корреспонденцией, помещенной в № 145 «Русского мира» от 6 июня 1873 г. (раздел «Известия из разных мест»): «... из-под Москвы сообщают о нескольких случаях несчастной смерти ‹...› близ деревни Свистухи в Духов день была стенка, или кулачный бой, работающих на торфяном болоте, причем был убит один рабочий». Достоевский упоминает об этой корреспонденции в статье «Пожар в селе Измайлове» (см. выше, стр. 144).

Стр. 145. *Недавно произошел в Екатеринославле ∾ Чем кончится это пререкание — неизвестно».* — Достоевский цитирует корреспонденцию «Биржевых ведомостей» (1873, 5 июня, № 147), перепечатанную в № 145 газеты «Русский мир» от 6 июня 1873 г.

Стр. 145. ... *древнейший русский князь обвиняется в покраже у какого-то немца портмоне...* — Имеется в виду дело князя Сергея Александровича Трубецкого (1852—1882), сына генерального консула в Марселе. В газете «Судебный вестник» от 17 мая 1873 г. сообщалось: «15-го мая в 2-м отделении петербургского окружного суда рассматривалось дело о князе Сергее Трубецком, обвинявшемся в краже. 17-го декабря прошлого года в С.-Петербурге в гостинице Клея в номере у португальского подданного Опенгейма похищен бумажник с 19 руб. и абонементный билет на кресло Большого театра. Подозрение заявлено на князя Трубецкого ‹...› Подсудимый признал себя ви-

новным и объяснил свой поступок безвыходным положением, в котором он находился в то время <. . .> Отец его привез его из-за границы и поместил в один из полков, откуда подсудимый чрез несколько месяцев вышел в отставку; узнав об этом, отец его ужасно рассердился и перестал высылать деньги. Вскоре по выбытии из полка подсудимый заболел и прожил все бывшие у него деньги <. . .> Подсудимый также заявил, что <. . .> так как он родился за границей и бо́льшую часть своей жизни провел там же, то никто из родственников его не знал; были и знакомые, но, несмотря на все это, он очутился в таком положении, какого никогда не видел . . .» (Судебный вестник, 1873, 17 мая, № 104; перепечатано: *РВед*, 1873, 25 мая, № 110; *МВед*, 1873, 26 мая, № 129). В газете «Голос», в очередном воскресном фельетоне «Листок», Нил Адмирари (Л. К. Панютин), отмечая, что дело Сергея Трубецкого «произвело особенно сильное впечатление» на публику, писал: «. . .потомок одной из древнейших русских фамилий чувствовал себя в русской столице почти иностранцем, так как провел бо́льшую часть жизни за границей. Это один из плодов так называемого „абсентизма", все более и более начинающего входить в нравы людей известного круга <. . .> Особенно часто это случается с так называемою нашею аристократией, образ жизни которой даже на родине ничего общего не имеет с жизнью народа» (*Г*, 1873, 20 мая, № 138).

Стр. 145. *. . . застает Данилу Меньшикова на дружеской пирушке, во всей форме и при шпаге, танцующим трепака. ∾ чтобы и прочим к примеру было.* — Этот факт Достоевский скорее всего заимствовал из «Истории» С. М. Соловьева: «. . . заставши однажды Меншикова, пляшущего в шпаге, он <Петр I, — *Ред.*> так ударил его, что у того полилась кровь из ноздрей. . .» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XIV. М., 1864, с. 290).

Стр. 145. *В прошлом году мы отпраздновали двухсотлетие преобразователя. . .* — Речь идет о широко отмечавшемся двухсотлетии со дня рождения Петра I (30 мая 1672 г.) (см. многочисленные сообщения в майских газетах 1872 г.).

Стр. 146. *Тот же корреспондент особенно рекомендует в этом же смысле Верхнеднепровский уезд. ∾ содержится более 20 человек. . .» —* Достоевский неточно цитирует здесь упомянутую выше хронику «Русского мира» (1873, 6 июня, № 145).

Стр. 147. *Вот, например, маленькая корреспонденция ∾ И. Синельников».* — Достоевский приводит корреспонденцию, опубликованную в газете «Современность» (1873, 3 июня, № 44).

Стр. 147. *. . . «как солнце в малой капле вод». . .* — Цитата из оды Г. Р. Державина «Бог» (1874). Приводится также в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XV, стр. 125, 599).

Стр. 147. *. . .в «Волжских разбойниках», атаман кричит ∾ Чего изволите, суда-а-арь!» —* Речь идет, очевидно, о народной драме «Лодка», широко распространенной в XIX в. в многочисленных вариациях («Шлюпка», «Шайка разбойников», «Атаманша» и др.). Атаман, есаул и разбойники — основные действующие лица этой драмы, характерным элементом которой является шутливая перекличка между атаманом и есаулом.

ИСТОРИЯ О. НИЛА

(Стр. 148)

Источники текста

НР — Наборная рукопись (фрагмент). 1 страница. Датируется 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.3.10; см.: *Описание*, стр. 96, 97.
Гр — 1873, 11 июня, № 24, стр. 696—698, без подписи.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 11 июня, № 24, стр. 696—698, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено Л. П. Гроссманом в издании: *1918*, т. XXII, стр. 264—271.

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 148. *Оно было передано первоначально в «Русских ведомостях» ∾ под именем полковницы Чертковой.* — «Дело о девице Анне Васильевой Огурцовой, обвинявшейся в краже» впервые было опубликовано в газете «Русские ведомости» от 30 июня 1873 г. (№ 117, отдел «Судебная хроника»). Достоевский узнал о нем из информации «Русского мира», перепечатавшего, подобно ряду других газет, эту скандальную хронику.

Стр. 150. *. . .мог бы даже доставить ему некоторого рода «соблазнительную честь» . . .* — Скрытая цитата из «Евгения Онегина» Пушкина. Ср.: «Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен И мог бы в обществе принесть Вам соблазнительную честь»? (гл. 8, строфа XLIV).

Стр. 150. *Мы только что прочли в газетах, как один доктор открыл нового рода «сутяжное помешательство». . .* — В газете «Московские ведомости» от 6 июня 1873 г. была опубликована заметка под заглавием «Известия из медицинского мира» (за подписью: *N*), где сообщалось: «В одном из последних очередных заседаний Общества русских врачей в Москве (состоявшемся 18 мая 1873 г., — *Ред.*) ‹. . .› С. И. Штейнберг, главный врач Преображенской больницы, демонстрировал трех больных, страдающих „*сутяжным помешательством*“, т. е. таким видом психического расстройства, которое проявляется в кляузничестве, ябедничестве и крючкотворстве и создается, повидимому, соприкосновением со средою разного рода подьячих и ходатаев» (*МВед*, 1873, 6 июня, № 139; перепечатано: *СПбВед*, 1873, 8 июня, № 155).

Стр. 151. *. . .ибо прежде было еще и другое дело. . .* — «Другое дело» «девицы Огурцовой», как это явствует из той же хроники «Русских ведомостей», — обвинение в краже, предъявленное Огурцовой еще до истории с о. Нилом некоей Н. А. фон Берхгольц из Ярославля (Огурцова служила у нее в экономках).

Стр. 152. *В начале первой французской революции ∾ в предшествовавшие столетия.* — Приведенный рассказ Достоевский мог заимствовать из сочинений по истории Великой французской революции А. Ламартина и А. Тьера, хранившихся в его личной библиотеке (*Гроссман, Семинарий*, стр. 39, 42).

Стр. 152. *. . .и, как теперешний Санта-Круц в Испании, отличались неутолимою жестокостию в междоусобной войне. . .* — Санта-Крус (Santa Kruz) Мануэль (1842—1926) — испанский священник. В 1870 г. участвовал в карлистском заговоре и был вынужден бежать во Францию. Возвратился в Испанию в 1872 г., воевал на стороне карлистов, был ранен, взят в плен и вновь бежал во Францию. В декабре 1873 г. вернулся в Испанию, сформировал вооруженный отряд и начал осуществлять один за другим карательные рейды по провинции Гипускоа, жестоко расправляясь со всеми, кто был им заподозрен во враждебном отношении к карлистам. В июле 1873 г. маркиз Вальде-Эспина, стоявший во главе штаба Дон Карлоса, принудил Санта-Круса, компрометировавшего карлистов своими бесчинствами, выехать за пределы Испании. Однако в декабре 1873 г. Санта-Крус вновь прибыл в Испанию и попытался отомстить за свое изгнание. Отряд его был разбит; заочно приговоренный к смерти, Санта-Крус бежал во Францию, а затем в Южную Америку. В русских газетах 1873 г. содержится ряд сообщений о его деятельности.

ДВЕ ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА

(Стр. 153)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 2 июля, № 27, стр. 762—764, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 253—260.

Печатается по тексту первой публикации.

Принадлежность статьи Достоевскому, устанавливаемая на основании ее заглавия, содержания и стиля, подтверждается тем, что в оглавлении «Гражданина» за 1873 г. она включена в состав «Дневника писателя», а затем перепечатана А. Г. Достоевской в собрании сочинений Достоевского.

Стр. 153. *Мы с величайшим удовольствием помещаем в «Гражданине» это письмо слушательницы московских курсов.* — Имеется в виду «Заметка о Высших женских курсах в Москве. Письмо к редактору» неизвестной слушательницы этих курсов, подписанная криптонимом «Л» и опубликованная в № 27 «Гражданина» за 1873 г. от 2 июля (стр. 761—762). Первая из «Заметок редактора» является ответом на это «письмо».

Стр. 153. *Не будем очень противоречить некоторым особым убеждениям автора, например о «здоровом воздухе» Москвы.* — Неизвестная корреспондентка противопоставляет прекрасную постановку дела высшего женского образования в Москве положению в Петербурге, который «заражен ложью», «отрешен от здравых, коренных начал русской жизни» и стремится следовать «за всякой мыслью, названной либеральною, извращая и портя ее при приведении в исполнение» (там же, стр. 761).

Стр. 153. *Несмотря, однако, на сочувствие* ∾ *радуется успешному началу дела.* — Речь идет об отклике корреспондентки на редакционную статью «Наши студентки» (см.: наст. изд., т. XXVII, раздел «Dubia»), которая предваряла публикацию в № 22 «Гражданина» за 1873 г. от 28 мая (стр. 627—629) перепечатанного из «Правительственного вестника» оповещения, запрещавшего русским студенткам посещать высшие учебные заведения Цюриха. В письме слушательницы Высших женских курсов, в частности, говорится: «Я была поражена высказанным в ней (редакционной заметке «Гражданина», — *Ред.*) осуждением всех начинаний в деле высшего женского образования и скорбью, что это образование у нас с трудом пойдет или пойдет, что еще хуже, по ложному пути и приведет к прямо противоположным результатам. Откровенно, не боясь утратить популярности, вы высказали свои мысли о столь важном вопросе, и я, отрываясь от семейного, домашнего, главного, — что бы там ни говорили о назначении женщины, — хочу вам возразить и подтвердить примером, что высшее образование женщины может идти надлежащим образом, как видно из опыта, бывшего в Москве» (там же, стр. 761).

Стр. 155. *...решились сметь Свое суждение иметь.* — Намек на слова Молчалина в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3):

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Стр. 156. *Кстати, теперь ровно полугодие нашему изданию за нынешний год.* — Достоевский стал официальным редактором «Гражданина» с 1 января 1873 г.

Стр. 156. *...почему мы так мало или совсем даже не отвечаем на критики* ∾ *и — зачем отвечать.* Ср. со статьей «Полписьма „одного лица“» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 60—68).

Стр. 156. *...я не мог забыть г-на Н. М. из «Отечественных записок» и о «долгах» моих ему.* — Речь идет о Н. К. Михайловском, писавшем о Достоевском в статьях «Литературные и журнальные заметки» (*ОЗ*, 1873, №№ 1—2).

С т р. 156. . .*но я никак не понимаю вражды к нему почтенного г-на Z из «С.-Петербургских ведомостей»*. . . — Криптонимом «Z» подписывался публицист В. П. Буренин.

С т р. 157. *Г-н Н. М. в первый раз поразил мое внимание своим отзывом о моих отзывах о Белинском, социализме и атеизме, а потом о моем романе «Бесы»*. — Речь идет об упоминавшихся выше статьях Михайловского «Литературные и журнальные заметки». В первой из них Михайловский касается вопроса об отношении Достоевского к социализму. «С нового года, — пишет критик, — редактором „Гражданина" состоит наш известный и талантливый беллетрист г-н Достоевский. Что он сделает из „Гражданина", неизвестно. Поживем, увидим. А пока в „Дневнике писателя" г-на Достоевского (в № 1) обратили на себя наше внимание следующие слова: „Я застал Белинского страстным социалистом. . ."» (*ОЗ*, 1873, № 1, стр. 159). Михайловский имел в виду рассказ Достоевского в статье «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. о его знакомстве с Белинским и об увлечении последнего идеями утопического социализма и атеизма (см. выше, стр. 8—12). В связи с этим Михайловский, полемизируя с Достоевским по вопросу об отношении социалистов к экономическим и религиозным проблемам, пишет, в частности: «Между тем совершенно неосновательные показания и рассуждения вроде тех, какие делает г-н Достоевский, пугают общество и извращают истину. Это ведет к множеству печальных результатов, из которых мы отметим хотя бы один — нечаевское дело. Если бы социалистические учения у нас не инсинуировались без толку и русское общество, в особенности русская молодежь, имела возможность понимать и здраво обсуждать их, то Нечаев, как представитель Международного общества рабочих, собрал бы очень небольшую жатву» (*ОЗ*, 1873, № 1, стр. 160—161). Что же касается поразившего Достоевского отзыва Михайловского о романе «Бесы», то он имеет в виду, вероятно, следующее высказывание критика в «Литературных и журнальных заметках», опубликованных в февральском номере «Отечественных записок» за 1873 г.: «Если бы вы не играли словом „бог" и ближе познакомились с позоримым вами социализмом, вы убедились бы, что он совпадает с некоторыми по крайней мере элементами народной русской правды» (*ОЗ*, 1873, № 2, стр. 342).

С т р. 157. *Отвечать ему по поводу моего романа я немного упустил время, хотя и хотел было*. . . — Замысел ответить Н. К. Михайловскому на его отзыв о романе «Бесы» возник у Достоевского, по-видимому, сразу же после опубликования статьи критика, но полностью так и не был реализован. Сохранившийся черновик «Послесловия» к «Бесам» «О том, кто здоров и кто сумасшедший. Ответ критикам» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 308) — одно из звеньев этого замысла. Именно Михайловский писал, что любимые герои Достоевского «держатся на границе ума и безумия, нормального и ненормального состояния воли. . .» (*ОЗ*, 1873, № 2, стр. 317). К разряду «больных» и даже сумасшедших относили героев Достоевского также П. Н. Ткачев и В. П. Буренин (см.: наст. изд., т. XII, стр. 260—261, 262—263). Достоевский намеревался ответить критикам романа «Бесы» и в статье «Полписьма „одного лица"» («Дневник писателя» за 1873 г. — см. стр. 410—417).

С т р. 157. *Главное, никак не могу понять* ∾ *что социализм в России был бы непременно консервативен?* — Достоевский имеет в виду следующие слова Н. К. Михайловского: «Экономическое зерно социализма не представляет у нас, в России, учения революционного, так как большинство нашего народа владеет продуктами своего труда и достигает это при помощи ассоциации — поземельной общины» (*ОЗ*, 1873, № 1, стр. 160). Касаясь вопроса о возможном влиянии Нечаева как представителя «Международного общества рабочих» на русскую молодежь, Михайловский замечал: «Русская молодежь могла бы ответить на все его искушения: я могу сочувствовать и не сочувствовать Международному обществу в Европе, но в России ему делать нечего. Революционный в Европе, социализм в России консервативен» (там же, стр. 161).

С т р. 157. . . .*лик мира сего» мне самому даже очень не нравится*. —

Ср. выражение «проходит образ мира сего» в Первом послании апостола Павла коринфянам (гл. 7, ст. 31).

Стр. 157. *Но писать и доказывать, что социализм не атеистичен ∾ а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его ∾ так много занимается этими темами.* — Касаясь вопроса об отношении социализма к религии, Михайловский писал: «Богословскими вопросами социализм никогда не занимался. В этом отношении между социалистами существуют самые различные мнения ‹. . .› можно бы было привести тысячи цитат из Фурье, Сен-Симона, Луи-Блана и проч., в которых на бытии божием настаивается в самых определенных и подчас пламенных выражениях. Что касается, в частности, христианства, то почти все социалисты признавали его учением высоконравственным ‹. . .› Итак, если мы говорим о социализме вообще, то не имеем ни малейшего права навязывать ему какое бы то ни было богословское или даже какое бы то ни было нравственно-политическое учение. Мы можем говорить об нем только как об экономическом учении» (*ОЗ*, 1873, № 1, стр. 160).

Стр. 157. *Девочка воткнула булавку в голову другого ребенка ∾ она протестовала против деспотизма.* — Имеется в виду сообщение о деле Франциски Цих в фельетоне «Провинциальное обозрение», опубликованном за подписью «Доктор П.» в газете «Новое время» от 4 января 1873 г. Тринадцатилетняя девочка, служившая нянькой в семье чиновника Шпитца и ухаживавшая за трехмесячным ребенком, была недовольна работой и дважды убегала от своих хозяев, но мать снова возвращала ее на прежнее место. Тогда девочка из мести иглою проткнула в нескольких местах головку ребенка, отчего тот умер. Франциска Цих была приговорена к пожизненной ссылке в Сибирь на поселение. Рассказав об этом трагическом событии, фельетонист замечал: «. . .недоумеваем, кто здесь более виновен: подсудимая ли, совершившая убийство, или те лица, которые, против воли, довели ее до этого преступления, или, наконец, само то общество, в котором безнаказанно совершаются такие безобразия? ‹. . .› Семейная жизнь Шпитцов и, вероятно, тираническое обращение их с подсудимой остались неприкосновенными. . . А жаль!» (*НВр*, 1873, 4 января, № 4). Об этом замечании «Доктора П.» анонимный автор заметки «Сентиментальная фальшь в области уголовного суда», напечатанной в № 2 «Гражданина» за 1873 г., писал: «Вот факт. Для всякого человека такая девочка является существом, носящим в себе зачатки беспредельной в бесчеловечности преступницы ‹. . .› Но что же? — фельетонист газеты „Новое время“ совсем другое находит. Вообразите себе, он находит, что девочка почти ни в чем не повинна и заслуживает полного снисхождения, а виновато то семейство, которое держало девочку будто бы *насильно* у себя в услужении и доверило ей свое лучшее, дражайшее благо — ребенка! ‹. . .› Вот логика и мораль господ фельетонистов» (*Гр*, 1873, № 2, стр. 52—53).

Стр. 158. *Взяли Хиву, и он тотчас же теряется ∾ все-таки как будто либеральнее.* — Столица Хивинского ханства Хива была взята 29 мая 1873 г. Хивинский поход широко освещался в русской печати, в том числе в «Гражданине» (см. стр. 262, 514). Достоевский, вероятно, имеет в виду фельетон «Литературные и общественные курьезы», опубликованный за подписью «— *ръ*» в № 170 «Голоса» от 21 июня 1873 г. В этом же фельетоне содержались выпады против Достоевского в связи с публикацией статьи «По поводу новой драмы» из «Дневника писателя» за 1873 г. (см. стр. 96—105).

Вамбери Герман (Арминий) (1832—1913) — венгерский ученый и писатель, совершивший в 1863 г., под видом паломника-мусульманина, путешествие из Ирана в Среднюю Азию. В июне 1873 г. русские газеты опубликовали его отзыв о хивинском походе, напечатанный в «Times». Вамбери, отстаивавший в своих статьях интересы Великобритании и видевший в продвижении русских войск в глубь Средней Азии угрозу Британской колониальной империи, писал: «Известно, что я не особенно долюбливаю русских, но все-таки не могу не сказать, что из всех европейских народов они одни достигли Хивы с того пункта, от которого никто еще не отправлялся» (*Гр*, 1873, 26 июня, № 26, стр. 744; ср.: *Г*, 1873, 18 июня, № 167).

Стр. 158. *Недавно в нашей газете ∾ упоминалось о некоторых секретных похождениях его.* — Речь идет о статье Достоевского «История о. Нила», опубликованной в № 24 «Гражданина» от 11 июня 1873 г. (см. стр. 148).

Стр. 159. *. . .фельетонист не понял ни типа, ни иронии нашего изложения. ∾ и тотчас же разругал: либеральная тема!* — Речь идет о фельетоне «Кое о чем», опубликованном в «Биржевых ведомостях» от 24 июня 1873 г. за подписью: Экс. Автором его был Александр Павлович Чебышев-Дмитриев (1835—1877), усиленно высмеивавший в своих фельетонах «Гражданин» и его редактора Достоевского (см., например: *БВ*, 1873, 14 января, № 11; 4 марта, № 57; 29 апреля, № 111). О статье «История о. Нила» Чебышев-Дмитриев писал: «. . .„Гражданин“ так звероподобно смотрит на девиц, состоящих в гражданском браке с мирянами из нигилистов, и в то же время с такою елейною снисходительностью смотрит на дам, вроде девицы Огурцовой, у которых „пламень набожности принимает в высшей степени неестественную потребность усластить, заласкать, залюбить. лично и даже поземному, служителя божия“ ‹. . .› „Гражданин“ старается покрыть весь этот скандал маслом умиротворения и доказывает, что если о. Нил и попался впросак, то это послужит только к нравственному его совершенствованию ‹. . .› Стало быть, вместо того чтобы свистать о. Нилу, гораздо полезнее устроить многие обители ‹. . .› все эти обители населить отцами Нилами, а около обителей, чтобы у них были под рукою все удобства для возрождения, водворить искушающих девиц. . .» (*БВ*, 1873, 24 июня, № 166).

МАЛЕНЬКИЕ КАРТИНКИ

(В ДОРОГЕ)

(Стр. 159)

Источники текста

НР — Наборная рукопись. 42 листа. Датируется январем—февралем 1874 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 82; см.: *Описание*, стр. 98—99.

БА — Беловой автограф (фрагмент, не вошедший в окончательный текст). 2 листа. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29589. ССХб.36; см.: *Описание*, стр. 99.

К — Корректура начала очерка с правкой писателя. 5 листов. Датируется мартом 1874 г. Хранится: *ИРЛИ*, Отдельные поступления, № 2692. XI с. 31.

Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874, стр. 454—478.

Впервые напечатано: Складчина. СПб., 1874, стр. 454—478, с подписью: Ф. Достоевский.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 261—279.

Печатается по тексту первой публикации с устранением явных опечаток и внесением следующих исправлений по *НР*:

Стр. 164, строка 37—38: «ридикюльчика» вместо «ридикульчика».
Стр. 167, строка 32—33: «столько налгать» вместо «налгать».
Стр. 168, строка 1—2: «совершенно как незнакомый кавалер» вместо «как незнакомый кавалер».
Стр. 169, строка 31: «Повторю» вместо «Повторяю».

В 1873 г. в связи с голодом в Самарском крае в кругу петербургских литераторов возникла идея издания сборника в пользу пострадавших от неурожая. Она встретила поддержку на собрании писателей, которое состоялось 15 декабря 1873 г. на квартире В. П. Гаевского, видного деятеля Литератур-

ного фонда. На втором организационном собрании (всего их было три) был избран редакционный комитет, которому поручили издание и редактирование сборника. В него вошли И. А. Гончаров, А. А. Краевский, Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, П. Е. Ефремов (секретарь), В. П. Мещерский (казначей).

В обязанности Гончарова как редактора входили чтение и отбор рукописей и переписка с авторами. Сохранившиеся письма его в Комитет по изданию сборника, содержащие подробные отзывы о присланных произведениях, свидетельствуют о большой работе, проделанной Гончаровым в качестве редактора, цензора и рецензента (об истории издания сборника и о Гончарове как его редакторе см.: М. Ф. Суперанский. Материалы для биографии И. А. Гончарова. — В кн.: Огни, кн. 1. Пг., 1916, стр. 209—215; А. Д. Алексеев. И. А. Гончаров — член редакционно-издательского комитета сборника «Складчина». — *РЛ*, 1971, № 3, стр. 86—94). Заметную роль сыграл Гончаров и в творческой истории «Маленьких картинок» Достоевского.

Достоевскому также было предложено принять участие в сборнике. В письме от 11 января 1874 г. на имя А. А. Краевского, председателя Комитета по изданию «Складчины», Достоевский обещал доставить свою статью «не ранее 1-го февраля — срока, определенного в заседании Общества литераторов для крайнего доставления статей». Достоевский выполнил свое обещание, представив Гончарову в начале февраля 1874 г. первую половину очерка «Маленькие картинки».

Дальнейшая история публикации очерка выясняется из писем Гончарова к Достоевскому 1874 г. (ответы на них Достоевского не сохранились), чрезвычайно существенных, как не раз отмечалось, для характеристики эстетических позиций обоих писателей.

В письме Гончарова от 11 февраля 1874 г. содержится подробный отзыв о присланной Достоевским первой половине очерка. «Вы, конечно, без моей критики очень хорошо знаете,— пишет Гончаров, — как своеобразны, умны и верны характеристические заметки о наших путешественниках, служащие интродукцией к Вашим „Маленьким картинкам“. Они одни могли бы сами по себе составить капитальное приношение в „Складчину“» (*Гончаров*, т. VIII, стр. 456). Особенно понравился Гончарову «тонкий и меткий» образ «приживальщика больших домов». Далее, перейдя к «скучной обязанности» цензора, Гончаров высказывает опасение по поводу образа «священника-*ухаря*», который, по словам писателя, «очерчен так резко и зло, что впадает как будто в шарж, кажется неправдоподобен» (там же, стр. 457). В ответ на возражение Достоевского (в не дошедшем до нас письме к Гончарову), что «зарождается такой тип» священника, Гончаров отстаивает свое представление о типе и типическом: «. . . если зарождается, то еще это не тип. Вам лучше меня известно, что тип слагается из долгих и многих повторений или наслоений явлений и лиц — где подобия тех и других учащаются в течение времени и, наконец, устанавливаются, застывают и делаются знакомыми наблюдателю. Творчество (я разумею творчество объективного художника, как Вы, например) может явиться только тогда, по моему мнению, когда жизнь установится, с новою, нарождающеюся жизнию оно не ладит: для нее нужны другого рода таланты, например Щедрина. Вы священника изображали уже не sine ira ‹без гнева (*лат.*)›: здесь художник уступил место публицисту» (там же). Гончаров предлагает Достоевскому самому решить, основательны ли высказанные им цензурные опасения и как печатать очерк — «с попом» или без него (там же, стр. 457—458).

В письме от 14 февраля 1874 г. Гончаров продолжил свой спор с Достоевским о типе и типическом. Не отрицая возможности реального существования священника, подобного изображенному Достоевским, Гончаров, однако, замечает: «. . . его могут принять за шарж потому единственно, что он один зараз носит на себе все рубцы, которые нахлестал нигилизм, с одной стороны (он и курит непомерно, и чертей призывает, и хвалит гражданский брак), он же — с другой стороны — и франт, весь в брелоках, цепочках, опрыскан духами и напоминает французского модного аббата бурбоновских времен».

На замечание Достоевского, что этот образ «не шарж и не выдумка, а снят ‹. . .› с действительности, как фотография», Гончаров возражает:

«. . .в этом именно и заключается причина, что из него не вышло ‹. . .› типа» (там же, стр. 459).

Еще до написания своего второго письма к Достоевскому Гончаров 13 февраля 1874 г. представил первую половину «Маленьких картинок» в Комитет по изданию сборника «Складчина» с следующей сопроводительной характеристикой: «Это ряд маленьких очерков, умных, оригинальных, талантливых. Тут только одна половина. Автор другую половину обещает прислать через два или три дня, в субботу» (*РЛ*, 1971, № 3, стр. 91). После получения несохранившегося ответа Достоевского на второе свое письмо Гончаров 18 февраля 1874 г. сдал в Комитет вторую половину «Маленьких картинок», но без отрывка о священнике-нигилисте, явившемся причиной спора между писателями (рукопись эта дошла до нас лишь в виде отрывка белового автографа).

Договоренность об изъятии эпизода о священнике-нигилисте была достигнута в процессе переписки, о чем свидетельствует цитированное выше письмо Гончарова к Достоевскому от 14 февраля 1874 г. «Я исполнил, как Вы указали, — пишет здесь Гончаров Достоевскому, — то есть отобрал листки с девятнадцатого по двадцать шестой, именно с той строчки, которая начинается: „Однажды в июле“ и до конца — и оставил их у себя, чтобы вручить Вам при свидании, в надежде получить от Вас вторую половину — и обе вместе, если можно, в понедельник доставить в Комитет» (*Гончаров*, т. VIII, стр. 461).

Обращение к наборной рукописи (*НР*) дает возможность установить место изъятого Гончаровым отрывка. Согласно первоначальной нумерации, сделанной Достоевским, первая половина очерка занимала листы 1—26 рукописи и завершалась наброском о священнике. После изъятия листов 19—26 пришлось вычеркнуть семь последних строк на листе 18 («Главное, не знаешь ∾ расхаживали по вагонам» — см. варианты наборной рукописи к стр. 166, строка 20 в разделе «Варианты» на стр. 342). Под ними рукою Гончарова написано: «Будет продолжение». На первой странице второй половины очерка рукою Гончарова написано: «Продолжение».

Сохранившийся отрывок белового автографа (см. стр. 313—314)[1] соответствует листам 23—24 наборной рукописи по нумерации Достоевского; поскольку весь изъятый Гончаровым текст занимал листы 19—26 рукописи, очевидно, что листы 19—22 ее до нас не дошли.

Сохранившийся отрывок дает лишь некоторое представление об утраченных страницах, в частности о вызвавшем похвалу Гончарова образе учителя; отношение учителя к священнику своеобразно: не разделяя возмущения рассказчика нигилистическими привычками и манерами священника, учитель признает за ним право курить «из протеста» (курение не принято в духовной среде), проповедовать гражданский брак («что касается до этого, он был совершенно прав, потому что говорил истину ‹. . .› и это даже его первая и святая обязанность в его положении»), но неодобрительно относится к тому, что тот «поминает черта» («. . . если не можешь без черта, зачем шел в священники?» — стр. 314).

Два дошедших до нас письма Достоевского к Гончарову связаны с позднейшими этапами истории публикации «Маленьких картинок». В письме от 7 марта 1874 г. Достоевский просит Гончарова прислать ему корректуру очерка. Очевидно, именно с этой просьбой связана запись, сделанная Гончаровым на первой странице наборной рукописи «Маленьких картинок»: «Корректуру к Федору Мих‹айловичу› Достоевскому следует посылать — на углу Лиговки и Гусева переулка, в дом № 8 Сливчанского, квартира № 17». В письме, относящемся к 20-м числам марта 1874 г., Достоевский откликнулся на газетное объявление о скором выходе в свет сборника, где в списке участников было пропущено его имя.

---

[1] Этот затерянный текст разыскала и описала Б. Н. Капелюш (см.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VII. М.—Л., 1957, стр. 38—39).

Отрывок корректуры начала «Маленьких картинок» с незначительной правкой Достоевского (*К*) не имеет каких-либо существенных отклонений от текста.

Сборник «Складчина» вышел из печати в конце марта 1874 г. В нем приняли участие 48 писателей различных направлений, сгруппировавшихся вокруг сборника «как на нейтральной почве, чтобы соединить общие свои усилия в одном бескорыстном желании помочь нуждающимся» («Складчина», стр. 1). В их числе были Тургенев, Салтыков-Щедрин, Островский, Потехин, Плещеев, Горбунов, Апухтин, А. К. Толстой, Некрасов, Вейнберг, Боборыкин и некоторые другие.

Сборник вызвал сочувственные отклики в периодической печати. Так, анонимный автор большого фельетона «Литература и жизнь» в газете «Голос» (*Г*, 1874, 28 марта, № 87) охарактеризовал выход его в свет как «крупное литературное событие». В числе других произведений, напечатанных в сборнике, сочувственно упомянут и очерк Достоевского. «Г-н Достоевский, — замечает автор, — дал „Маленькие картинки (в дороге)“, так сказать, интимную беседу талантливого автора с читателем о путешествиях по железной дороге и на пароходах, а также и о пассажирах. В этих беседах есть очень остроумные замечания и меткая наблюдательность».

Рецензент отметил, что «за малыми исключениями сборник составлен хорошо и читатели найдут в нем разнообразное чтение. Вообще связь литературы с жизнью, обнаружившаяся „Складчиной“ и вызванная голодом в Самарской губернии, доказали, как мне кажется, осязательно, что наши литературные силы еще велики и состояние современной литературы *могло бы быть* блестящим».

Положительный отзыв о «Складчине» появился также в «С.-Петербургских ведомостях». По мнению автора анонимной статьи «Новые книги» (*СПбВед*, 1874, 3 апреля, № 90), издание сборника «наглядно свидетельствует о том, что при всей розни, существующей в среде различных деятелей различных литературных партий, между ними обнаруживается солидарность в одном пункте — в сочувствии нуждам народа». Особое внимание рецензент уделил «Маленьким картинкам»: «Очерк г-на Достоевского „Маленькие картинки“ может служить блистательным примером того, как крупный талант даже из самого избитого и обыкновенного сюжета способен сделать интересную и яркую вещь. В „Маленьких картинках“ автор набрасывает эскизы дорожных впечатлений, сцен, разговоров, изображает физиономии публики, встречающейся на железной дороге, на пароходе. Что, кажется, может быть старее и невиннее такого сюжета: он заезжен всеми фельетонистами чуть ли не всех стран, веков и народов. А между тем какой интересный очерк вышел у г-на Достоевского, какие характерные „картинки“ сумел он нарисовать, какие типические образы российских дорожных спутников набросал он, как рельефно и ярко, несколькими, по-видимому, небрежно нарисованными фигурами, несколькими небрежно брошенными штрихами выразил он специальную российскую фальшь и мелкоту субъектов так называемого „хорошего общества“, на которых наталкиваешься в дороге. Право, так вот и кажется, что именно с такими спутниками не раз случалось вам путешествовать, именно такого рода „картинки“ вы видели, какие изображены у г-на Достоевского». Процитировав подробно диалог генерала и «милорда», рецензент замечает: «Не правда ли, эта мастерская „картинка“ нарисована с истинно диккенсовским юмором и так и бьет в глаза своей живостью; кажется невольно, когда-то, где-то видел и этого „хозяина области“, и милорда, и человечка „со второй ступеньки“, когда-то слышал их беседу. И в таком роде яркими, типическими картинками полон весь очерк г-на Достоевского».

В газете «Русский мир» были опубликованы две большие статьи, посвященные «Складчине» (А. О. [В. Г. А в с е е н к о]. Очерки текущей литературы. — *РМ*, 1874, 5 апреля, № 90; 12 апреля, № 97). По мнению критика, «успех „Складчины“ вполне заслужен ею помимо даже благотворительной цели, просто в качестве литературного издания <. . .> в „Складчине“ красуются имена г-д Тургенева, Гончарова, Майкова, г-жи Кохановской; уже одних

этих имен совершенно достаточно, чтобы самым законным образом возбудить интерес публики» (*РМ*, 1874, 5 апреля, № 90).

В первой статье критик характеризует поэтические произведения сборника, во второй — прозаические. Среди последних он выделяет очерк Гончарова «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» и «Живые мощи» Тургенева. Довольно суровую оценку получил очерк Достоевского: «„Маленькие картинки" Достоевского вышли бы, быть может, недурны, если бы автор отнесся к ним проще. На беду г-н Достоевский почему-то счел нужным облить их какой-то желчною кислотою, которая производит тем более неприятное впечатление, что настоящего сарказма, здорового юмора в „картинках" нет вовсе, а есть только судорожное раздражение, неизвестно во имя чего на себя напущенное. Это раздражение заставляет автора подчас говорить совершенные небылицы, например уверять, что, где бы ни сошлись русские образованные люди, первая мысль у них является: а не вышло бы как-нибудь у них драки! <...> Мы этого совсем не знали, да и теперь остаемся при убеждении, что есть такие образованные люди, которым и на ум не приходит предположение о драке» (*РМ*, 12 апреля, № 97). «Иное дело,— язвительно добавляет критик, — если г-н Достоевский разумеет тех образованных русских людей, которыми он наполняет свои романы: те действительно на каждом шагу сыплют друг другу пощечины, говорят вместо „здравствуйте" и „до свидания"—„подлец" и „мерзавец", врываются в частные квартиры пьяными бандами, кусают губернаторов за уши, хватают в клубе друг друга за нос и т. под. Но ведь нельзя же свои фантазии переносить на все образованное русское общество и уверять печатно, что в России люди не собираются без мысли о драке».

Иронически откликнулась на выход в свет «Складчины» газета «Новости». «Новый критик» (псевдоним писателя-демократа И. А. Кущевского) в статье «Новости русской литературы» (Новости, 1874, 15 апреля, № 43) язвительно заметил, что «никаких партий в „Складчине" не сходилось, что желание помочь народу вовсе никого не примирило, как того многие ожидали». По мнению критика, участвующие в сборнике «литературные генералы и штаб-офицеры уделили лепту из своих произведений по пословице: на тебе, боже, что нам негоже». Сочувственно отозвался критик только о рассказе Тургенева «Живые мощи» и о стихотворении Некрасова. «Маленькие картинки» лишь упомянуты в перечне произведений, вошедших в сборник.

Стр. 163. *Шар «Жюль Фавр» — одно надуванье и непременно лопнет. . .* — 3 мая 1873 г. в газете «Голос» сообщалось: «1-го мая состоялось наконец столько раз откладываемое поднятие воздушного шара капитана Бюнеля „Жюль Фавр". Поднятие шара <. . .> происходило со двора павловского училища в 5 часу пополудни <. . .> Путешественников <. . .> было четыре: сам воздухоплаватель, капитан Бюнель, лейтенант Рыкачев, кирасир корнет Бессонов и г-н Милош, любитель, уже двенадцатый раз подымающийся на шаре <. . .> шар „Жюль Фавр", поднявшись на значительную высоту, опустился в 8 часов вечера в 28-ми верстах от Петербурга. . .» (*Г*, 1873, 3 мая, № 121). В «Голосе» от 6 мая 1873 г. был опубликован очерк участника полета, мужа племянницы Достоевского, директора Главной физической обсерватории М. А. Рыкачева «Поднятие на воздушном шаре 1-го мая 1873 г.» (о М. А. Рыкачеве см.: *Материалы и исследования*, т. 1, стр. 285—304). В конце очерка упоминается о том, как на отдыхе после приземления Бюнель рассказывал, что «про него кто-то распустил слух, что он вовсе не аэронавт, а приехал в Петербург, чтоб устроить ресторан, а поднимается на шаре для того, чтоб составить себе рекламу. . .» (*Г*, 1873, 6 мая, № 124). Повторный полет на шаре «Жюль Фавр» состоялся 20 мая (см.: *Г*, 1873, 23 мая, № 141).

Стр. 163. *. . .в франко-прусскую войну летал совсем другой. . .* — Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. аэростаты служили средством связи между осажденным немцами Парижем и остальной Францией. Так, направленный с чрезвычайными полномочиями в Тур министр внутренних дел правительства Национальной обороны Гамбетта 7 октября 1870 г.

вылетел из осажденного Парижа на воздушном шаре (см. также стр. 488). Как сообщалось в «С.-Петербургских ведомостях», первый полет на шаре «Жюль Фавр» был осуществлен 16 октября 1870 г. из Парижа в Шиме (Бельгия) (см.: *СПбВед*, 1873, 27 апреля № 114).

Стр. 163. . . . *un mot de Jules Favre о князе Бисмарке*. . .— См. стр. 496.

Стр. 163. . . . *проект новых акцизных законов*. . . — Акциз — косвенный налог на предметы внутреннего производства, выделываемые и продаваемые частными лицами. В России акцизному обложению подлежали свеклосахарное производство, крепкие напитки, табак, осветительные нефтяные масла, спички, соль. Существующие акцизные законы подвергались критике, неоднократно высказывались пожелания об их пересмотре. В начале 1870-х годов были введены некоторые законодательные изменения, касающиеся частной соляной промышленности и торговли.

Стр. 163—164. *С Г-вым он ездил в вагонах тысячу раз* ∾ *и Незнакомцу ровно ничего не будет* ∾ *Примирят, разумеется*.— Речь идет о нашумевшем в 1873 г. столкновении между фельетонистом «С.-Петербугских ведомостей» А. С. Сувориным (писавшим под псевдонимом «Незнакомец») и управляющим Орловско-Витебской железной дорогой В. Ф. Голубевым. В очередном фельетоне «Недельные очерки и картинки» (*СПбВед*, 1873, 22 июля, № 199) Незнакомец сообщил «достоверный факт» о том, как Голубев приказал освободить для себя лично целое купе первого класса. Недовольные пассажиры вынуждены были покинуть купе, и только один из них наотрез отказался сделать это и потребовал жалобную книгу. Оказалось, что этот пассажир — министр. Далее в фельетоне следовала резко отрицательная характеристика Голубева как чиновника-самодура, увольняющего по собственным прихотям служащих. Голубев выступил в печати с опровержением изложенных Незнакомцем фактов. В последующем фельетоне «Недельные очерки и картинки» (*СПбВед*, 1873, 5 августа, № 213) Суворин разъяснил, что сведения о происшествии с Голубевым были получены им от орловского корреспондента «С.-Петербургских ведомостей». Здесь Суворин уже не настаивал на том, что скандальная история на железной дороге произошла именно с Голубевым, но подчеркивал ее типичность; по его словам, это «совершенно правдоподобное происшествие», так как «на железных дорогах действительно существуют вопиющие беспорядки <. . .> на них нарушаются бесцеремонно не только права пассажиров, но и самые простые, самые обыденные приличия». «Г-н Голубев, — продолжает Суворин, — к сожалению, не сознает, что он сделался жертвою не моей доверчивости к корреспонденту, который, по всей вероятности, принял весьма распространенный слух за истину, а жертвою того порядка вещей, который существует на железных дорогах». Голубев, обвинивший Суворина в клевете, возбудил в сентябре 1873 г. против него и редактора «С.-Петербургских ведомостей» Э. К. Ватсона судебное дело, рассмотрение которого неоднократно откладывалось и состоялось лишь в сентябре 1874 г. (см.: Дело г-на Голубева против «С.-Петербургских ведомостей». — *СПбВед*, 1874, 25—27 сентября, №№ 264—266, а также статью Суворина «Орловская легенда (Г-н Голубев и К°)» в его книге «Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина)», кн. 1. СПб., 1875, стр. 120—135). На полемику в печати между Сувориным и Голубевым «Гражданин» откликнулся небольшой заметкой в отделе «Из текущей жизни» (*Гр*, 1873, 20 августа, № 34, стр. 935). Скандальное происшествие, описанное Сувориным и облетевшее газеты, получило широкий резонанс в обществе (см., например: *Никитенко*, т. III, стр. 292). Достоевский вернулся к нему в «Дневнике писателя» за 1876 г. (*ДП*, 1876, январь, гл. III, § 1).

Стр. 164. . . . *по-летнему, в коломянке*. . . — Коломянка — прочная льняная ткань.

Стр. 165. *Я уже написал однажды и напечатал* ∾ *как можно более этому вранью верить*. . . — Достоевский неточно цитирует статью «Нечто о вранье» из «Дневника писателя» за 1873 г. (см. выше, стр. 117—125).

Стр. 165. . . . *совершенно не стриженных*. . . — «Стрижеными» консервативная печать 1860—1870-х годов называла девушек-нигилисток.

С т р. 165. . . . *даже читают Тацита в переводе.* — Вероятно, Достоевский имел в виду следующее издание: Сочинения К. Тацита, все, какие сохранились, ч. 1—2. С латинского перевел и издал с предисловием и историческим приложением А. Клеванов. М., 1870. О переводах сочинений Тацита на русский язык см.: Д. И. Нагуевский. Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 г. С введением и указателями. Казань, 1889, стр. 28—29.

С т р. 169. . . . *оправлять* ∾ *колеретку.* . . — Колеретка (франц. collerette) — воротничок.

С т р. 173. . . . *и он «в Аркадии рожден».* — Перефразированная строка из стихотворения Ф. Шиллера «Resignation» («Отречение», 1784): «И я в Аркадии рожден. . .» («Auch ich war in Arkadien geboren. . .»). Аркадия — одна из областей Греции, название которой позднее стало обозначать сказочную страну, где люди живут беззаботно и счастливо.

С т р. 174. . . . *беседовал с Миллем и способствовал низвержению Тьера.* . . — О Дж.-Ст. Милле и Тьере см. стр. 457, 482—483.

С т р. 174. . . . *а настоящая птица каган.* — См.: наст. изд., т. IV, стр. 315, а также: т. V, стр. 113, 385.

ПОПРОШАЙКА

(Стр. 176)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 24 сентября, № 39, стр. 1057—1058, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

По стилистическим признакам рассказ был приписан Достоевскому В. В. Виноградовым (см.: «Попрошайка». Un récit inconnu de Dostoievsky.— Revue des études slaves, t. 37. Paris, 1960, pp. 17—28; см. также: *Виноградов, Проблема авторства*, стр. 573—585). Стилистические наблюдения Виноградова могут быть расширены. Очевидно присутствие в рассказе ряда ярко индивидуальных выражений, характерных для стиля Достоевского, например «на взаимной ноге», [1] «сочините себе такое лицо», [2] «я слишком видел», [3] «вскочил точно даже в каком-то восторге». [4] Ощутим стилистический почерк

---

[1] Ср. вариации выражения «на равной ноге», иногда неожиданные и производящие комическое впечатление, вроде: «Водился со всем, что было высшего в губернии, и слыл на прекрасной ноге» (наст. изд., т. IX, стр. 28). Очень показателен «лексический» разговор между Алешей Карамазовым и Хохлаковой:

«— Его, главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге ‹. . .› и не только на равной, но даже *на высшей ноге*. . .

— „*На высшей ноге*“ — прелестно, Алексей Федорович, но говорите, говорите!

— То есть я не так выразился. . . про *высшую ногу*. . . но это ничего, потому что. . .

— Ах, ничего, ничего ‹. . .› Знаете, я вас до сих пор не уважала. . . то есть уважала, да на равной ноге, а теперь буду *на высшей* уважать. . .» (наст. изд., т. XIV, стр. 197; курсив наш, — *Ред.*).

[2] Ср.: наст. изд., т. II, стр. 251; т. X, стр. 300.

[3] Ср.: «Я слишком видел, что меня никто здесь почему-то не любит. . .», «Я вдруг слишком ясно увидел. . .», «. . .мне слишком было видно. . .» (наст. изд., т. XIII, стр. 231, 250, 261).

[4] Герои Достоевского, особенно в произведениях 1870-х годов, часто вскакивают «в испуге», «вдруг», «в ужасе», «совсем», «в страшном испуге»,

Достоевского и в других словосочетаниях — причем как в речи героя, так и в повествовании от автора.[1]

Не менее типичны для Достоевского герой-рассказчик и психологическая ситуация произведения. С. должен быть отнесен к многочисленной в творчестве Достоевского, начиная с «Ползункова», когорте приживальщиков. Так именно героя, по его собственному признанию, и оценивал генерал NN: «Он очень знает теперь, что я вовсе не то что какой-нибудь приживальщик, или там какой-нибудь pique-assiette, как, кажется, полагал обо мне прежде, еще два года назад» (стр. 178). С., следовательно, приживальщик хорошего «тона», очень заботящийся о том, чтобы его не считали нахлебником и в то же время сознающий, что именно за такового его и принимают, особенно в первые годы знакомства, «в кругах несколько высших его собственного общественного положения», где он знаменит искусством «отлично выпрашивать» и заслужил репутацию хорошего партнера за карточным столиком.

«Прием», которым столь дорожит и гордится С., — психологический. Он рассчитан на эффект внезапности, неожиданности («вдруг») и основан на хорошем знании характера и привычек генерала и специфических светско-картежных отношениях с ним «попрошайки», знающего, что он для генерала человек нужный и что через два года станет даже необходимым ему. Разговор С. и генерала — своего рода игра, невинная и рискованная одновременно, частично напоминающая словесные истязания в «Селе Степанчикове и его обитателях» (см.: наст. изд., т. III, стр. 81—91), «Вечном муже» (т. IX, стр. 42—49). С. — «мастер» тянуть жилы, точно знающий, когда именно нужно такого рода мучительную игру прекратить. И он гордится своим искусством, испытывая особенное, «эстетическое» чувство: «. . . видно было, что он сам чувствует особое удовлетворение. Это было удовольствие как бы мастера своего дела, только что победившего большую трудность» (стр. 178). А следовательно, этот «мастер своего дела» менее всего преследует прагматические, утилитарные цели и психологически близок к таким «артистам» и «поэтам», как Фома Опискин, экзекуторы «Мертвого дома», Лебедев (разумеется, формы «артистизма», «мастерства» у всех них самые разнообразные, но все они равно «артисты»).

Запись о выплате гонораров за № 39 «Гражданина» 1873 г. свидетельствует о принадлежности Достоевскому двух статей, за которые он получил 22 р. 33 коп. (*ЛН*, т. 83, стр. 303).

Г. Ф. Коган, комментируя запись Достоевского, предположила, что гонорар был выплачен ему за статью «Иностранные события» (там же, стр. 345). Но «Иностранные события» — лишь одна статья. Объем ее — 120 строк (не считая 111 — неоплачиваемых — строк телеграмм). Достоевский должен был получить за нее, исходя из установленного размера гонорара по 7 копеек за строчку, всего 8 р. 40 к.[2] Из других же материалов № 38 «Гражданина» только рассказ «Попрошайка» может принадлежать Достоевскому. Объем рассказа — 196 строчек, за что ему положено по той же таксе 13 р. 72 коп. Кроме того, в номере есть редакционное примечание (3 строчки). Общий

«в исступлении» и т. д. Весьма типичны и выражения «в каком-то неудержимом порыве» (наст. изд., т. V, стр. 175), «в каком-то восхищении», «с каким-то даже восторгом сочувствия» (т. XIII, стр. 135, 339), «в каком-то восторге», «в припадке какого-то истерического восторга» (т. XIV, стр. 221, 370).

[1] Ср. в «Попрошайке»: «умевший водить знакомство в кругах *несколько высших* его собственного положения» (стр. 176) — и в «Маленьких картинках»: «причисляет себя к существам *несколько высшего типа*» (стр. 173). Курсив наш, — *Ред.*

[2] Размер гонорара за «Иностранные события» был, как об этом свидетельствуют предыдущие записи, определен Достоевским после небольшого колебания. Первоначально он называет цифру в 5 копеек. Но тут же следует пересчет: статья из этой серии в № 38 составляет 487 строчек, плюс три строчки редакционного примечания, и Достоевский указывает сумму 34 р. 30 коп. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 309).

объем трех публикаций равен 319 строчкам, что и дает приведенную выше цифру 22 р. 33 коп.

Однако В. В. Виноградовым было высказано предположение, что в том же номере «Гражданина» Достоевскому принадлежит, кроме «Попрошайки», статья «Привычки (из современного обозрения)» (стр. 1041—1043) (см.: В. В. Виноградов. Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972, стр. 192—198). Но, как видно из гонорарной ведомости, автором статьи «Привычки. . .» был А. У. Порецкий, а не Достоевский.

ИНОСТРАННЫЕ СОБЫТИЯ

(Стр. 180)

Источники текста

НР — Наборная рукопись (фрагменты: 1) «В самое последнее время ∾ за весь, может» (см. стр. 180, строка 3—стр. 188, строка 3). 21 лист. Листы 1—12 сшиты в тетрадь. Авторская нумерация: 1—21. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.8; см.: *Описание*, стр. 96; 2) «Наконец ∾ покровительства» (см. стр. 233, строки 26—39). 1 лист. Авторская нумерация: 1. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.9/1; см.: *Описание*, стр. 96; 3) «все глаза ∾ для многих» (см. стр. 235, строка 45—стр. 236, строка 17). 1 лист. Авторская нумерация: 8. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.9/2; см.: *Описание*, стр. 96; 4) «лишь бы отомстить ∾ ожидает и Францию?» (см. стр. 237, строка 44—стр. 238, строка 31). 2 листа. Авторская нумерация: 13, 14. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.9/3; см.: *Описание*, стр. 97; 5) «протест против ∾ посланник Германии» (см. стр. 243, строка 9—стр. 246, строка 29). 12 листов. Авторская нумерация: 7—18. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29457. ССХб.9; см.: *Описание*, стр. 97; 6) «*Берлин*, 3 (15) января. ∾ угрожавший жителям» (см. стр. 247, строки 13—37). 2 листа. Авторская нумерация: 21—22. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29457. ССХб.9. см.: *Описание*, стр. 97). Датируется 1873 г. Публикуется впервые.

Гр — 1873, 17 и 24 сентября, 1, 8, 15, 22 и 29 октября, 5 и 12 ноября, 17 и 29 декабря, №№ 38—46, 51, 52; 1874, 7 января, № 1.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 17 и 24 сентября, 1, 8, 15, 22 и 29 октября, 5 и 12 ноября, 17 и 29 декабря, №№ 38—46, 51, 52; 1874, 7 января, № 1, с подписью: Д.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. X, стр. 163—250.

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями по *НР*:

Стр. 245, строка 18: «и что́» вместо «но что».
Стр. 245, строки 19—20: «жизни идеалов» вместо «жизни и идеалов».

Комментируемые статьи Достоевского в «Гражданине» были регулярными, еженедельными обзорами текущих международных событий, прежде всего европейских.

Достоевский и ранее проявлял интерес к современным политическим событиям. Так, в его записной тетради за 1864—1865 гг., т. е. за девять лет до сотрудничества в «Гражданине», можно найти политические заметки, сделанные в связи с животрепещущей тогда шлезвиг-голштинской проблемой и с австро-прусско-датской войной. Серия статей «Иностранные события» в «Гражданине» в известной степени оказалась осуществлением старых намерений писателя. И все же — по жанру — эти международные обозрения были для Достоевского статьями новыми. Он сообщал (26 июля 1873 г.)

жене: «. . . всю неделю буду писать политическую статью. Я дал слово Мещерскому; между тем никогда в жизни не писал политических статей». Несколько дней спустя (29 июля) он снова повторяет в письме к Анне Григорьевне: «Таких статей я никогда не писывал». Эта работа требовала обширных знаний и прежде всего информированности в тогдашней международной обстановке, а следовательно, специфической продолжительной подготовки («Газет надо перечесть десятками», — писал Достоевский в уже упомянутом письме к А. Г. Достоевской от 26 июля 1873 г.). В отличие от ежедневной еженедельная газета предполагала более тщательный отбор рассматриваемых вопросов. Кроме того, статьи должны были появляться с характерной для газеты регулярностью.

Срочность усугубляла напряжение, с каким всегда работал писатель: «. . . компоную я статью нервно, до болезни ‹. . .› нередко в четверг ночью схватываюсь за новую какую-нибудь статью и пишу, чтоб поспеть в сутки. . .», — писал Достоевский М. П. Погодину 26 февраля 1873 г. Всё это осложнялось необходимостью ограничивать размеры газетной статьи. 15 сентября 1873 г., посылая свой первый политический обзор (для № 38 «Гражданина»), Достоевский писал метранпажу «Гражданина» М. А. Александрову: «. . . вместо 250 строк я написал, кажется, до 500. Уменьшить *ничего* не могу». Однако уже из корректуры набранной статьи пришлось кое-что выбросить. Тем не менее Достоевский справился с новым жанром. М. А. Александров вспоминал впоследствии: «. . . оставив „Дневник", Федор Михайлович попробовал свои силы в иной области литературы: с осени 1873 года он стал писать политический обзор иностранных событий и сначала был очень доволен, что ему в этой области работа удалась вполне» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 230).

Работа над политическими статьями привлекала Достоевского возможностью относительно свободного обсуждения основных проблем европейской жизни.

Достоевский особенно часто обращается к проблемам современной Франции и в связи с этим в ряде случаев касается буржуазной революции конца XVIII в., ее значения и последствий.

Оценка Достоевским событий революции 1789—1794 гг. определилась еще в 1840—1860-х годах; он писал об этом, например, в 1863 г., в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 46).

В 1873 г. в одной из своих статей Достоевский отмечал, что Великая французская революция «есть не обновление общества на новых началах, а лишь победа одного могучего класса над другим» (стр. 235), ссылаясь на Бабёфа, сказавшего это «еще восемьдесят лет назад». Взгляд Достоевского на сущность идей Бабёфа и его сподвижников, стремившихся к обществу «совершенного равенства», взгляд, сохранившийся на протяжении всей жизни писателя, значительно глубже и вернее тех оценок, какие давала им современная буржуазная историческая наука.

В политических обзорах Достоевского вообще много проницательных комментариев, выгодно отличающихся от тех, которые тогда появлялись в русской печати, много ярких и точных характеристик государственных деятелей, политических групп, не совпадающих с общепринятыми. Прежде всего можно отметить в ряде статей строки, посвященные Национальному собранию Франции, в частности оценке деятельности его монархического большинства.

Перед Францией, господствующие круги которой были испуганы Парижской Коммуной, стоял тогда вопрос быть или не быть республике. Консервативное большинство Национального собрания стремилось превратить страну в конституционную монархию. Касаясь в ряде своих статей этой центральной проблемы французской внутренней политики, монархист Достоевский реалистически оценивал сложившуюся обстановку, сознавая несбыточность надежд монархистов. В связи с этим он осуждал претендента на французский трон графа Шамбора, упрямо державшегося за белое знамя Бурбонов. Достоевский солидарен с теми, кто стоит за сохранение трехцветного знамени, справедливо видя в нем символ не только что разгромленной бонапартистской

империи, но республики, восстановление которой считал неизбежным.[1] Писатель проницательно оценивает истинные намерения монархического большинства Национального собрания, которое, потерпев неудачу в своих планах немедленного восстановления монархии, стремилось, продлевая полномочия главы государства Мак-Магона, сохранить шансы на возможность установления монархии в будущем. Еще задолго до того, как состоялось голосование по этому вопросу, Достоевский предсказал его результаты, справедливо оценил главную цель роялистского большинства, заключавшуюся в том, «чтобы Национальному собранию как можно долее не расходиться и как можно долее протянуть свои полномочия» (стр. 197).

Достоевский решительно признавал необходимым установление во Франции республиканского строя. Позднее, когда положение в стране определилось и была принята республиканская конституция, Достоевский в своих записных тетрадях 1875—1876 гг. снова повторил, что «республика необходима. Все династии необходимо должны быть врагами Франции и упрочивать свой авторитет» (см.: наст. изд., т. XXIV).

Что же касается оценок видных политических деятелей тех лет, то отметим прежде всего сдержанное, но справедливое суждение Достоевского о личности Мак-Магона, которого «все газеты всего мира, а французские по преимуществу, взапуски принялись называть <. . .> „старый маршал“ <. . .> „честный старый солдат“ . . .», причем «все эти прекрасные эпитеты <. . .> появлялись как бы для того только, чтоб избежать слова „умный“» (стр. 186). Этого мнения Достоевский твердо держался и в дальнейшем. Два года спустя, в записных тетрадях 1875—1876 гг., он почти дословно повторит свою характеристику Мак-Магона, данную в политической статье «Гражданина»: «Честный солдат, храбрый солдат, но все это, чтоб не сказать, что он умный солдат». Достоевский подчеркнул, что монархизм Мак-Магона опасен для республики, за несколько лет до того, как президент в мае 1877 г. попытался совершить свой государственный переворот.

Оценка личности Мак-Магона Достоевским на страницах «Гражданина» по сути почти не отличается от той, которую дал тогда же, но в несколько более резкой форме М. Е. Салтыков-Щедрин.[2] И. С. Тургенев, во всяком случае, позднее, чем Достоевский, лишь в 1875—1876 гг., разглядел истинную сущность Мак-Магона; сначала он даже писал, что Мак-Магон «единственно дельный между ними», т. е. бонапартистскими генералами (*Тургенев, Сочинения*, т. XV, стр. 15).

Представления Достоевского о Леоне Гамбетте также были более точны, чем, в частности, те, что встречались на страницах того же «Гражданина», один из авторов которого (по-видимому, Т. И. Филиппов)

---

[1] Мнение Достоевского на этот счет принципиально отличается, например, от точки зрения М. Н. Каткова, который, считая, что «белое знамя давно отжило своей век и для народных масс с ним соединены ненавистные воспоминания о феодальных притеснениях», одновременно утверждал, что и «трехцветное знамя, знамя революции <. . .> обесславлено». Катков предлагал избрать знамя совершенно «новое, чистое и свободное, которое стало бы символом общего примирения и возрождения страны» (*МВед*, 1873, 22 сентября, № 238).

[2] В цикле «В среде умеренности и аккуратности» М. Е. Салтыков-Щедрин сближает Мак-Магона с открытым предателем и изменником маршалом Базеном. На вопрос Дрыгалова: «Мак-Магон и господин Базин — одно ли и то же это лицо?» — Глумов отвечает: «Ну да; то есть почти. . . Только один убежал, а другой — остался. . .» (*Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 182). В «Недоконченных беседах» высказаны резонные опасения, что «честный солдат» «республику прихлопнет, а нам всем „фельдфебеля в Вольтеры даст“» (там же, т. XV, ч. 2, стр. 222). Газета «Голос» также не делала большого различия между маршалом Базеном, предавшим свою армию при Меце, и Мак-Магоном, не подписавшим капитуляции при Седане только потому, что он был ранен накануне катастрофы: «Как политический деятель, Мак-Магон, этот „Баярд нашего времени“, „честный солдат“, только про-

утверждал, что «Гамбетта не таит уже своих связей с социалистами и коммунистами» (*Гр*, 1873, 2 апреля, № 14, стр. 432; 23 апреля, № 17, стр. 525). Исторически точно оцениваются в статьях Достоевского и другие деятели, например «бездарный маньяк, генерал Трошю» (стр. 214).

Наряду с этим можно указать неточные и просто ошибочные суждения. Так, нельзя считать справедливым утверждение, что Наполеон III сдался при Седане, чтобы сохранить династию, удержать за собой престол (см. стр. 213), т. е. что это был с его стороны рассчитанный шаг, а не неизбежный результат военной и политической катастрофы, разрушившей Вторую империю (о чем, между прочим, Достоевский пишет в других своих обзорах). В то же время писатель чрезвычайно верно определил причины капитуляции Меца и сдачи в плен маршала Базена во время франко-прусской войны: «Он сдал армию <. . .> безо всякого сомнения, по требованию немцев и, очевидно,имев с ними тайные и особые переговоры, до военного дела не относящиеся» (стр. 211). Достоевский справедливо видел в этой изменнической акции политическую, а именно контрреволюционную, подоплеку, — нежелание сотрудничества с республикой. Тогда ведь многие реакционеры, в том числе и некоторые члены правительства Национальной обороны, полагали, что лучше уж немцы, чем вооруженные революционные рабочие Парижа.

Кроме событий во Франции, Достоевский в своих обозрениях обращается к внутренним проблемам Германской империи, итальянским делам, революционным событиям в Испании и некоторым другим международным проблемам.

Он в основном правильно оценивает борьбу, какая тогда велась в Германии с католической церковью (так называемый «культуркампф»). В то время некоторые даже оппозиционные Бисмарку политические деятели, такие, например, как ученый Р. Вирхов, обманутые призывами правительства, его шумной агитацией, видели в этой борьбе защиту светской культуры против религиозного мракобесия. Достоевский же считал, что она в конечном счете сводилась к преодолению сепаратистских тенденций, к завершению национального объединения страны под главенством Пруссии, к дальнейшему опруссачиванию Германии и превращению ее в прусско-германскую империю. Он хорошо понимал, что деятельность Бисмарка не имела ничего общего с борьбой за светскую культуру, а подчинялась лишь одной цели — «укреплению <. . .> новой колоссальной империи» (стр. 193).

Итальянские события интересовали Достоевского главным образом с точки зрения противоречий, возникших между правительством и папской курией и отразившихся на внешней политике страны.

Бурным событиям испанской революции в еженедельных обозрениях «Гражданина» уделялось относительно больше внимания, чем, например, в ежедневных «Московских ведомостях». В ряде политических статей Достоевского с достаточной подробностью освещаются борьба различных партий, эпизоды второй карлистской войны и более всего кантональное восстание, охватившее летом 1873 г. преимущественно средиземноморские районы страны (независимые правительства были созданы в Севилье, Кордове, Гранаде, Малаге, Кадиксе, Валенсии, Картахене и в некоторых других городах). Но сообщения обо всем этом носят большей частью информационный характер. Когда же дается оценка событий, то там, где это касается кантонального восстания в целом или его участников, Достоевскому изменяет объективность. Повторяя преувеличения западной печати, он в весьма резких выражениях осуждает повстанцев: «. . . сепаратисты на юге совершают страшные злодейства» (стр. 191); руководитель восставшей Картахены генерал Контрерас — «главный начальник восставших мерзавцев» (стр. 247). Необходимо отметить также, что Достоевский ставит знак равенства между сторонниками Маркса и Бакунина, всех их называя «коммунистами» («На юге Испании разбойничают коммунисты. . .» — стр. 191), хотя в то время разрыв между ними уже

должает неудавшуюся роль Базена, сидящего на скамье подсудимых» (*Г*, 1873, 16 ноября, № 317).

был совершившимся фактом. На Гаагском конгрессе 1872 г. Бакунин и его ближайшие сподвижники были фактически исключены из Интернационала, а в конце мая 1873 г., т. е. еще до того, как Достоевский стал писать для «Гражданина» свои обзоры, Генеральный совет Международного товарищества рабочих официально объявил об их исключении. Однако в Испании большинство рабочих еще находилось под их влиянием. На конгрессе сторонников Интернационала в Толедо (май 1873 г.) из двенадцати секций только в пяти преобладали сторонники Маркса и Энгельса (см. : А. Гонсалес. История испанской секции Международного товарищества рабочих. 1863—1873. М., 1964). Такое соотношение оказалось роковым для испанской революции.

В политических статьях Достоевского есть и другие противоречивые положения и ложные выводы (см., например, его оценку освободительного движения в Царстве Польском, представлявшую дань взглядам правительственной прессы, — стр. 181, или же утверждение о «бескорыстной» внешней политике царизма — стр. 242).

Стр. 180. *Фрошдорфское свидание* — первая встреча (сентябрь 1873 г.) представителей правых партий Национального собрания Франции с претендентом на французский престол, графом Шамбором (см. ниже комментарий к стр. 180), проживавшим во Фрошдорфе (Австрия). В реакционном большинстве Собрания отсутствовало единство. Роялисты разделялись на легитимистов — сторонников графа Шамбора и орлеанистов — приверженцев графа Парижского (см. ниже комментарий к стр. 180). После примирительной встречи и соглашения претендентов стали возможными и совместные действия обеих монархических фракций; их делегации отправились к Шамбору — одна в сентябре (о ней пишет Достоевский), другая в октябре. В результате переговоров пришли к следующему: Национальное собрание призовет на трон Генриха V (графа Шамбора), а после его смерти, поскольку он был бездетен, престол перейдет к графу Парижскому, который будет править Францией под именем Филиппа VII, и его потомкам. Король со своей стороны предложит конституцию (в духе хартии 1814 г.), которая будет принята Собранием. Над Францией нависла реальная угроза реставрации монархии. На сентябрьском свидании остался нерешенным вопрос о знамени государства, так как Шамбор решительно отказывался принять трехцветное знамя республики и настаивал на сохранении белого знамени Бурбонов. Конечно, причину неудачи сентябрьских монархических переговоров 1873 г. (и более поздних) нельзя сводить только к этому вопросу. Главное, что большинство французов было настроено в пользу республики. Поэтому реакционеры всех мастей, боясь народных волнений, были вынуждены надевать республиканскую маску.

Стр. 180. ... *окончательное очищение французской территории* ∾ *с выходом последних немецких войск...* — По Франкфуртскому мирному договору (подписан 10 апреля 1871 г.),[1] завершившему франко-прусскую войну, Франция, помимо передачи Германии Эльзаса и восточной Лотарингии, должна была выплатить 5 миллиардов франков контрибуции. Кроме того, Франция должна была выплачивать пять процентов годовых и нести все расходы по содержанию оккупационных немецких войск, которые оставались на ее территории вплоть до окончательной выплаты контрибуции. Чтобы ускорить выплату, французское правительство выпустило два займа, размещенные внутри и вне Франции. Первый заем на сумму 2 миллиарда франков дал по подписке 5 миллиардов, вторая подписка превысила сумму займа в 12 раз, что свидетельствовало о финансовой мощи старой капиталистической Франции и о доверии французской и международной буржуазии правительству, подавившему Парижскую коммуну. Контрибуция благодаря этим займам была выплачена досрочно, и 15 сентября 1873 г., за полгода до предусмотрен-

---

[1] Здесь и далее в реальном комментарии к корреспонденциям Достоевского все даты приводятся по новому стилю,

ного Франкфуртским договором срока, последний немецкий солдат покинул территорию Франции.

С т р. 180. . . . *чрезвычайное посещение Вены и Берлина королем итальянским.* — В сентябре 1873 г. король недавно объединившейся Италии Виктор-Эммануил II (1861—1878), находившийся во враждебных отношениях с папской курией и опасавшийся французского вмешательства в итальянские дела, посетил столицы Германии и Австро-Венгрии, чтобы заручиться поддержкой этих государств (см. комментарий к стр. 188).

С т р. 180. . . . *граф Шамборский решился отречься ∞ в пользу графа Парижского.* — Анри-Шарль-Фердинанд-Мари-Дьёдонне граф Шамбор, герцог Бордоский (1820—1883), последний представитель старшей линии Бурбонов, сын герцога Беррийского, убитого в 1820 г. Лувелем, внук короля Карла X (1824—1830). Титул дан по замку Шамбор (департамент Луары и Шера). После отречения Карла X в его пользу стал ставленником легитимистов (см. комментарий к стр. 181). Жил в Шотландии, затем во Фрошдорфе, где с ним велись переговоры об условиях его возвращения во Францию (см. выше комментарий к стр. 180). Граф Парижский — принц Людовик-Филипп-Альбер Орлеанский (1838—1894), старший сын герцога Филиппа Орлеанского, внук короля Луи-Филиппа (1830—1848), после смерти которого (1850 г.) стал главой Орлеанского дома и претендентом на французский престол от орлеанистов. Жил в Германии, Англии, участвовал в гражданской войне в США (1861—1865) на стороне северян и во франко-прусской войне. В 1873 г. признал первенство кандидата на трон от легитимистов (см. выше комментарий к стр. 180). Таким образом, слух, что граф Шамбор якобы «решил отречься от своих притязаний», не соответствовал действительности.

С т р. 180. *Для этого почти три года назад и собиралось теперешнее французское Национальное собрание; погибавшая нация поручала ему тогда — восстановить возможный порядок, уплатить миллиарды и очистить территорию.* — Национальное собрание было избрано 8 февраля 1871 г. во время франко-прусской войны, после капитуляции Парижа. Это были «наихудшие люди Франции», представители «помещичьей палаты» (К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. XVII. Изд. 2-е. М., 1960, стр. 328, 329), пригодные для заключения мира, предписанного Бисмарком. После неудачной попытки немедленно реставрировать монархию большинство Собрания не утратило своих реакционных надежд и в законе о семилетнем сроке президентства (септеннат) предоставило главе исполнительной власти полномочия, близкие к правам конституционного короля, что давало возможность при благоприятствующих условиях в дальнейшем восстановить монархию (см. комментарий к стр. 220). Планы монархистов не осуществились, этому помешали раскол в монархическом лагере и оппозиционные настроения народа, не желавшего реставрации. В начале 1875 г. республиканское устройство Франции было окончательно подтверждено принятием конституции Третьей республики.

С т р. 181. *Никакое соглашение невозможно, что уже доказало соглашение двадцать четвертого мая при низвержении Тьера.* — Имеется в виду блок монархических фракций Национального собрания, выступивший в мае 1873 г. против Тьера. Тьер (Thiers) Адольф (1797—1877) — историк, реакционный политический деятель, в течение длительного времени сторонник орлеанской монархии, в годы существования которой (1830—1848) неоднократно занимал министерские посты. В годы Второй империи (1852—1870) — один из лидеров оппозиции в Законодательном корпусе. Во время франко-прусской войны, после капитуляции Парижа, заключения перемирия и выборов в Национальное собрание, — глава исполнительной власти (с февраля 1871 г.). Тьер понимал, что любая попытка навязать французскому народу монархию грозит серьезными потрясениями, а потому, оставаясь по существу орлеанистом, стал вынужденным сторонником консервативной республики. «Республика будет консервативной или ее совсем не будет», — заявил он 13 ноября 1872 г. Позиция Тьера вызывала в Национальном собрании протесты республиканцев, недовольных тем, что страной фактически управляют недавние орлеанисты. С другой стороны, несмотря на ряд осуществленных этим пра-

вительством мер (досрочная выплата контрибуции, возвращение герцогам Орлеанским конфискованного у них в 1852 г. имущества и др.), авторитет Тьера упал и среди монархистов. Когда же на дополнительных выборах 27 апреля 1873 г. в Собрание был избран республиканец, монархическое большинство открыто выступило против Тьера, обвиняя его правительство в том, что оно неспособно положить конец активности радикалов. 23 мая 1873 г. один из лидеров монархистов герцог де Бройль от имени правых партий, объединившихся для этой цели, предъявил запрос министерству по поводу позиции правительства. На следующий день, 24 мая 1873 г., монархические фракции Собрания 360-ю голосами против 345-ти добились резолюции, в которой рекомендовалось «ради успокоения страны придать политике правительства строго консервативный характер». Это фактически было выражением недоверия, и Тьер подал в отставку.

Стр. 181. *Насильственный переворот мог бы произвести один только маршал Мак-Магон. . .* — Мак-Магон (Mac-Mahon) Мари Эдм Патрик Морис (1808—1893) — бонапартистский генерал и реакционный политический деятель, участник Крымской войны (1853—1856) и австро-франко-итальянской войны (1859), во время которой, после победы при Мадженте, получил звание маршала и титул герцога Маджентского. В начале франко-прусской войны командовал одной из основных французских армий — Эльзасской, а затем Шалонской. 2 сентября 1870 г. при Седане армия капитулировала (вместе с императором Наполеоном III). От прямой ответственности за капитуляцию Мак-Магона спасло полученное им накануне ранение. В дальнейшем он командовал армией, подавлявшей Парижскую Коммуну. После отставки Тьера (см. выше комментарий к стр. 181) Мак-Магон стал главой исполнительной власти и первым президентом Третьей республики. Окончательный провал планов восстановления монархии, когда в обеих палатах парламента образовалось республиканское большинство, заставил его в январе 1879 г. уйти в отставку.

Стр. 181. *Легитимисты* — от слова «легитимизм» (франц. lègitimisme; лат. legitimus — законный), означающего принцип, выдвинутый на Венском конгрессе (1814—1815) для защиты прав так называемой законной династии Бурбонов (свергнутой в 1792 г., во время Великой французской революции). После падения наполеоновской империи династия Бурбонов была восстановлена во Франции и правила с 1815 по 1830 г. Со времени буржуазной революции 1830 г. сторонники восстановления династии Бурбонов стали называться легитимистами. В годы Июльской монархии (1830—1848), Второй империи (1852—1870) они находились в оппозиции к правительствам Луи-Филиппа и Наполеона III, которых считали узурпаторами законной власти. Когда пала Вторая империя, в Национальное собрание, избранное в феврале 1871 г., вошло до 200 легитимистов, которые вместе с другой монархической фракцией — орлеанистами (сторонниками восстановления Орлеанской династии) составили «партию порядка», стремившуюся реставрировать во Франции монархию (см. комментарий к стр. 180). В социальном отношении опору легитимистов составляли преимущественно землевладельцы аристократического происхождения и представители высшего католического духовенства — клерикалы, как их в дальнейшем называет Достоевский.

Стр. 181. *Самая горячая и многочисленная из этих партий. . .* — Достоевский имеет в виду легитимистов, ошибочно называя их самой многочисленной из монархических групп Национального собрания. Наиболее многочисленной фракцией были орлеанисты.

Стр. 181. *Духовенство тотчас же эксплуатировало факт ∾ требовали кредита для постройки новых соборов. . .* — Речь идет об общем направлении политики правительства после ухода Тьера, когда многие республиканские чиновники заменялись монархистами, был принят ряд реакционных законов, организовывались различные религиозные процессии, паломничества и другие откровенно антиреспубликанские демонстрации. Ярким проявлением воцарившейся во Франции реакции было принятое Национальным собранием 22 июня 1873 г. по предложению архиепископа Парижского решение о постройке на Монмартре (там, где началась революция 18 марта 1871 г.)

церкви, посвященной сердцу Иисуса (Sacré Cœur), в память победы над Коммуной.

Стр. 182. *Отказались ∾ от самой малейшей амнистии. . .* — Речь идет об очередном отклонении реакционным Национальным собранием проекта амнистии участникам Парижской Коммуны.

Стр. 182. *Произошло свидание представителей династий — Орлеанской и Бурбонской.* — Имеется в виду посещение резиденции графа Шамбора (Генриха V) во Фрошдорфе графом Парижским (5 августа 1873 г.), во время которого последний сказал: «Я являюсь, чтобы от своего имени и от имени всех членов своей семьи выразить вам наше почтение не только как главе нашего дома, но и как единственному представителю монархической партии во Франции» (см. комментарий к стр. 180).

Стр. 182. *Эта династия, самая благодетельная для Франции в этом столетии, давшая ей 18 блаженных лет, тем не менее нестерпимо ей надоела, и Франция ни за что теперь на нее не согласится.* — Суждение писателя исторически верно лишь в той части, где он пишет, что Орлеанская династия вполне себя дискредитировала. Восемнадцатилетний период существования Июльской монархии (1830—1848) был бурным и трагичным для французского народа. В эти годы в лице короля Луи-Филиппа у власти стояла «не французская буржуазия, а лишь *одна ее фракция* ‹. . .› так называемая *финансовая аристократия*» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII. Изд. 2-е. М., 1956, стр. 8). В течение первых десяти лет против режима Июльской монархии выступали ее противники как слева, так и справа: попытки вооруженной реставрации только что свергнутой монархии Бурбонов со стороны легитимистов (1832), два бонапартистских путча (1836 и 1840), несколько республиканских заговоров и восстаний (1831, 1832, 1834, 1837 и 1839) и, наконец, два знаменитых восстания лионских ткачей (1831 и 1834). Даже это краткое перечисление событий не свидетельствует о «блаженных годах» для народа, так же как решительное и кровавое подавление большинства этих выступлений не говорит о «мягкости в правлении» и «разумном либерализме», о чем ниже пишет Достоевский. Не случайно в феврале 1848 г. во время революции против господства финансистов объединилась буквально вся Франция.

Стр. 182. *. . . в его авторитетом «божиею милостию» (и правом завоевания в V столетии, прибавим мы). . .* — Достоевский справедливо напоминает об истоках французской монархии — узурпации союзом германских племен (франков) территории будущей Франции. В 80-х годах V в. франки под предводительством своего короля Хлодвига вторглись в соседнюю Галлию, разбили под Суассоном (486) галло-римские войска, а в последующие несколько лет подчинили все земли от Соммы до Луары.

Стр. 183. *. . . легитимистское движение происходит вне всякого участия маршала Мак-Магона.*— Утверждение Достоевского не вполне точно: Мак-Магон был убежденным монархистом и сочувственно относился к переговорам с претендентами на французский трон (см. комментарий к стр. 181).

Стр. 183. *«L'État c'est moi, la nation c'est nous».* — Первая часть фразы — «Государство — это я!» — приписывается королю Людовику XIV (1643—1715), который якобы высказался подобным образом в 1655 г. на заседании парламента (впервые об этом упомянуто в кн.: Dubaure. Histoire civile, physique et morale de Paris. Paris, 1853, p. 387). Однако это утверждение было впоследствии опровергнуто. В опубликованных Р. Александром протоколах этого заседания парламента подобная реплика отсутствует (R. Alexandre. Le musée de la conservation. Paris, 1901, p. 73). Иногда она приписывается английской королеве Елизавете I (1558—1603) (Revue Britannique, 1851, mai). В словах «нация — это мы!» — выражена ирония Достоевского по адресу легитимистов с их сословной ограниченностью, преувеличенным мнением о своем значении и пренебрежительным отношением к французскому народу.

Стр. 183. *. . . надобно оставить князю Бисмарку. . .* — Бисмарк (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд фон Шенгаузен, князь (1815—1898) — германский государственный деятель, померанский юнкер по происхождению. С основания Германской империи в 1871 г. до 1890 г. занимал пост импер-

ского канцлера. В 1871 г. оказал существенную помощь Тьеру при подавлении Парижской Коммуны. В 1870-х годах, с целью дальнейшего укрепления объединенной под прусской эгидой Германии, боролся с клерикально-католической оппозицией, выражавшей сепаратистские тенденции («культуркампф»). Во внешней политике в 1873 г. был инициатором союза трех императоров (германского, австрийского и российского), а после распадения последнего, в 1879—1882 гг., — Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия).

Стр. 183. ... *кажется, Людовику XVIII-му при въезде его в Париж ∾ придумано было князем Талейраном словцо: «Rien n'est changé, il n'y a qu'un français de plus».* — Считается, что эту фразу произнес не Людовик XVIII, а его брат граф д'Артуа (1757—1836), будущий король Карл X (1824—1830). После отречения Наполеона I и восстановления династии Бурбонов Людовик XVIII (прибытие которого во Францию из-за болезни задерживалось) назначил своего брата наместником королевства. При своем торжественном въезде в Париж (12 апреля 1814 г.) граф д'Артуа в речи, обращенной к членам временного правительства, в частности, будто бы сказал: «Нет больше никаких делений на партии, существует лишь одно: мир и Франция, я вновь увидел ее и нашел, что в ней ничего не изменилось, разве прибавилось только одним французом больше» (Л. Грегуар. История Франции в XIX веке, т. I. М., 1893, стр. 10). Последняя фраза, однако, не была произнесена графом д'Артуа, она появилась в отчете, напечатанном в официальной газете «Moniteur» и была придумана Талейраном. Людовик XVIII — Станислав Ксаверий, граф Прованский (1755—1824), брат короля Людовика XVI (1774—1792). Во время революции, в 1791 г., бежал за границу и возглавил (вместе с графом д'Артуа) контрреволюционную эмиграцию. Вернулся на родину в мае 1814 г. из двадцатитрехлетней эмиграции («долгое отсутствие»). Талейран — Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис, князь Беневентский (1754—1838) — французский дипломат, сочетавший выдающиеся дипломатические способности с беспринципностью и огромным честолюбием.

Стр. 184. ... *от векового своего титула «христианнейшего короля»?* — Титул «христианнейшего короля» («le roi très chrétien»), или «его христианнейшего величества» («sa majesté très chrétien»), был присвоен королям Франции в XV в. Некоторые ученые, однако, считают, что впервые во французской истории этот титул встречается в связи с именем первого франкского короля из династии Каролингов Пипина Короткого (751—768).

Стр. 184. ... *Франция, во всё продолжение XIX-го столетия (Людовик-Филипп, Наполеон III, Тьер) ∾ за светское владычество папы.* — Людовик-Филипп (Луи-Филипп) (1773—1850) — глава младшей ветви династии Бурбонов, герцогов Орлеанских, с 1830 по 1848 г. король Франции (Июльская монархия), ставленник финансовой олигархии, в интересах которой правил. Свергнут февральской революцией 1848 г. В годы правления Луи-Филиппа Франция поддерживала светскую власть папы и даже, защищая ее от народных волнений, оккупировала Анкону. Наполеон III — Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт (1808—1873), сын падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и брата императора — Луи. В 1836 и 1840 гг. пытался совершить государственный переворот, но потерпел неудачу и, после бегства из тюрьмы, до февральской революции 1848 г. жил в изгнании. Получив разрешение временного правительства, вернулся во Францию и, опираясь на голоса недовольных налоговой политикой республики крестьян, 10 декабря 1848 г. был избран президентом республики. 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот, а 2 декабря 1852 г. был провозглашен императором французов Наполеоном III. Режим Второй империи рухнул во время франко-прусской войны, после поражения при Седане, когда император попал в плен; 4 сентября 1870 г. революция провозгласила Францию республикой. В 1849 г., в бытность Луи Бонапарта президентом республики, Франция подавила Римскую республику, восстановила светскую власть папы и держала в Риме (почти без перерыва до сентября 1870 г.) свой гарнизон как опору папского престола. Тьер (см. комментарий к стр. 181) также поддерживал папу, уже лишенного светской власти.

С т р. 184. *Недаром же в Берлине предпринят крестовый поход «кровью и железом» для окончательного искоренения «римской идеи» в Германии ∾ придумали ∾ «старокатоличество»* . . . — Вскоре после своего назначения министром-президентом Пруссии (30 сентября 1862 г.) на заседании бюджетной комиссии ландтага Бисмарк, в частности, сказал: «Германия взирает не на либерализм Пруссии, а на ее могущество 〈. . .〉 не речами и постановлениями большинства решаются великие вопросы современности, — это было большой ошибкой 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью» (Новая история в документах и материалах, вып. II. Под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина. Изд. 2-е. М., 1934, стр. 85). Это выражение стало нарицательным обозначением политики Бисмарка, стремившегося к объединению Германии под главенством Пруссии. Достоевский применяет его для характеристики насильственной политики Бисмарка, направленной против церковной оппозиции («культуркампф»). Старокатоличество (старокатолицизм) — течение в христианстве, отколовшееся от католицизма после Ватиканского собора 1869—1870 гг., решения которого «старокатолики» отвергали. В частности, они отрицали догмат о непогрешимости папы. Они также отказались от безбрачия духовенства, от богослужения на латинском языке. Первый конгресс «старокатоликов» собрался в Мюнхене в 1871 г. Против этого движения выступил официальный католический клир. Старокатолики стали подвергаться преследованиям. Бисмарк взял их под защиту, поскольку вокруг официальной католической церкви сплотились силы, выражавшие антипрусские, сепаратистские тенденции, которые были характерны главным образом для Западной и Юго-западной Германии. На выборах в марте 1873 г. католическими кругами была создана партия католического центра; она получила в рейхстаге 63 места и стала серьезной оппозиционной силой, объединявшей антипрусские элементы. Чтобы подчинить себе духовенство и ослабить влияние партии центра, правительство Бисмарка издало ряд антицерковных законов: запрещение священникам вести политическую агитацию (1871), лишение духовенства права надзора за школами (1872), передача государству права назначения на церковные должности (1873) и др. Был введен обязательный гражданский брак (1874), изгнаны иезуиты и т. д. Духовенство, опираясь на поддержку папы Пия IX, не подчинилось этим законам, на что правительство ответило репрессиями, — об этом и пишет Достоевский, говоря о крестовом походе «кровью и железом». Политика «культуркампфа» отнюдь не была борьбой с церковным мракобесием за просвещение и светскую культуру; главными задачами кампании Бисмарка являлись разгром антипрусской оппозиции и завершение объединения страны. Позднее, опасаясь растущего рабочего движения, Бисмарк, объединяя силы реакции, примирился с католическим духовенством и отменил почти все перечисленные законы.

С т р. 184—185. . . . *если старую хартию (1814-го года), с которою уже раз приходили Бурбоны ∾ всеобщая подача голосов ∾ устраняется.* — Имеется в виду конституционная хартия, подписанная Людовиком XVIII 4 июня 1814 г. Восстанавливая многие привилегии дворянства, она сохраняла также основные буржуазные завоевания революционного и наполеоновского времени (в частности, сохранялись все земельные перемещения этих лет). В соответствии с хартией 1814 г. парламент состоял из двух палат: наследственной, назначаемой королем, палаты пэров и палаты депутатов, которая избиралась на основе высокого имущественного, возрастного цензов и ценза оседлости (из тридцатимиллионного населения Франции не более ста тысяч человек пользовались избирательными правами). «Всеобщая подача голосов» была введена во Франции 2 декабря 1851 г. Шамбор, в случае своего вступления на престол, собирался вернуться к весьма ограниченному избирательному праву.

С т р. 185. *Целуют же копыты коня другого Бурбона, его родственника, претендента испанского, Дон Карлоса.* — Бурбоны — королевская династия, царствовавшая во Франции в 1589—1792, 1814—1815 и 1815—1830 гг.; в Испании — в 1700—1808, 1814—1868, 1874—1931 гг. Начало испанской ветви положил внук Людовика XIV Филипп V Испанский. Дон Карлос младший

(1848—1909) — внук Дон Карлоса старшего (1788—1855), вождя клерикально-абсолютистского политического течения, объединявшего силы феодальной реакции в Испании (карлисты) и опиравшегося на реакционное духовенство, титулованную знать, верхушку армии. Дон Карлос младший, именовавший себя Карлосом VII, претендовал на испанский трон и в 1872 г. развязал так называемую вторую карлистскую войну (первая происходила при Дон Карлосе старшем в 1833—1840 гг.). Карлистские войны — династические войны между двумя ветвями дома испанских Бурбонов. Карлистам (при поддержке реакционных кругов некоторых стран) удалось вначале захватить значительную часть Каталонии, Валенсии, но в 1876 г. Дон Карлос потерпел поражение и с «батальоном непримиримых» бежал во Францию.

Стр. 185. . . . *Базен, например, был всегда более его известным, а после франко-прусской войны* ∾ *даже чрезмерно известным*. . . — Базен (Bazaine) Ашиль Франсуа (1811—1888) — реакционный генерал, бонапартист, с 1864 г. маршал Франции. Участвовал в войнах — Крымской (1853—1856), австро-франко-итальянской (1859) и в мексиканской экспедиции (1861—1867). Во время франко-прусской войны командовал корпусом, затем Рейнской армией, которую после неудачного сражения при Гравелот и Сен-Прива (16 и 18 августа 1870 г.) отвел к крепости Мец, где и был осажден пруссаками. 27 октября 1870 г. изменнически сдал врагам крепость с большими запасами продовольствия, вооружения и стосемидесятитрехтысячной армией. К этому эпизоду войны и относится ироническое замечание Достоевского («в которой он так отличился»). В 1873 г. Базен был приговорен военным судом к разжалованию и смертной казни, замененной двадцатилетним заключением. В марте 1874 г. бежал из тюрьмы. Умер за границей.

Стр. 185. . . . *когда готовится его окончательный процесс в Трианоне*. . . — Имеется в виду суд над маршалом Базеном (см. предыдущий комментарий). Трианон — название двух дворцов (павильонов) в Версальском парке. Так называемый Большой Трианон был построен при Людовике XIV для фаворитки короля мадам Ментенон (архитектор Мансар); Малый Трианон сооружен в 1773 г. Людовиком XV для графини Дюбарри (архитектор Габриель). В период пребывания в Версале Национального собрания и правительственных учреждений Франции (1871—1879) в дворцах размещались различные ведомства. Процесс маршала Базена происходил в Малом Трианоне.

Стр. 185. . . . *пуще венской всемирной выставки или путешествия шаха*. . . — Венская всемирная выставка была пятой всемирной промышленной выставкой (после лондонской 1851 г.). Открытая 1 мая 1873 г. в торжественной обстановке императором Францем-Иосифом II, она должна была поднять престиж недавно созданной (1867) австро-венгерской монархии. Выставку посетило около 7 миллионов человек. В 1873 г. состоялась первая заграничная поездка шаха Ирана (Персии) Наср-эд-дина (1829—1896), правившего страной с 1848 г. Таких пышно обставленных путешествий по европейским странам шах совершил три (в 1873, 1878 и 1889 гг.). Во время первого путешествия шах вел дневник, который в 1874 г. был издан в Англии (русский перевод — «Путешествие шаха Наср-Эддина по Мизендерану. Собственный его величества дневник». СПб., 1877).

Стр. 187. . . . *остервенившиеся бонапартисты*. — После дополнительных выборов 27 апреля 1873 г. число сторонников только что свергнутой империи в Собрании достигло тридцати. Оживилась бонапартистская агитация, и бонапартистам, используя дробность парламентских фракций, удалось (в особенности в мае 1874 г.) добиться некоторых успехов (например, решения о снятии секвестра с имущества Бонапартов). Однако серьезной опасности бонапартисты, несмотря на их шумные выступления, не представляли.

Стр. 187. *Император Вильгельм* — Вильгельм I Гогенцоллерн (1797—1888), в 1858—1861 гг. регент при слабоумном короле Фридрихе-Вильгельме IV, с 1861 г. — король Пруссии и с 1871 г. германский император.

Стр. 188. . . . *Приезд его в Берлин популярен и национален. В Вене принимали хорошо, но все-таки не так, как в Берлине, — и тому есть причины*. . . — В Берлине еще свежа была память об участии Италии как союз-

ника Пруссии в войне против Австрии в 1866 г., победа над которой способствовала делу объединения Германии вокруг Пруссии. В Вене же ощущались старые австро-итальянские противоречия: передача Австрии по решению Венского конгресса (1814—1815) Ломбардии и Венеции, война с Австрией в 1848—1849 гг., подавленная австрийцами революция в Средней Италии, война 1859 г. за Ломбардию, в результате которой Ломбардия была присоединена к Сардинскому королевству, и, наконец, война 1866 г., в которой Италия выступила на стороне Пруссии и получила Венецию, что завершило национальное объединение страны. Правда, итальянские националисты считали, что под австрийским гнетом еще находятся некоторые итальянские земли на Адриатическом побережье (так называемая «неискупленная Италия»).

Стр. 188. . . . *шайки карлистов, осаждавшие Толозу, бежали, видя приближение правительственных войск под начальством Мorионеса.* — Карлисты — сторонники Дон Карлоса младшего, претендента на испанский трон (см. комментарий к стр. 185); Толоза — северный испанский город в провинции Басконии; Марионес-и-Мурильо (Moriones y Murrillo) (1823—1881) — испанский генерал, во время второй карлистской войны командовавший с мая 1872 г. дивизией правительственных войск. Позднее служил королю Альфонсу XII, от которого получил титул маркиза Орокьета (в память своей победы при Орокьете).

Стр. 188. *Принц Наполеон присоединился к союзу республиканцев с бонапартистами, предложенному радикальной газетой «Avenir National».* — Имеется в виду Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль (1822—1891), сын Жерома Бонапарта (брата Наполеона I) и кузен Наполеона III, прозванный «принцем Наполеоном» или «Плон-Плон», французский военный и политический деятель. После крушения Второй империи и смерти Наполеона III лидер бонапартистов. «Avenir National» — вечерняя газета, основанная 10 января 1865 г. публицистом М. А. Пейра (Peyrat) (1812—1891). В программе газеты значилась борьба за свободную мысль, демократию и т. п. После ухода Пейра (1872), в условиях угрозы монархической реставрации со стороны объединенных легитимистов и орлеанистов, в направлении газеты произошли некоторые перемены, объяснявшиеся сближением с недавно поверженными, а потому неопасными, бонапартистами против объединенных монархистов.

Стр. 189. *Гамбетта* — Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель (1838—1882) — французский политический и государственный деятель. В годы Второй империи выделился как влиятельный оратор левого крыла буржуазно-республиканской оппозиции. В 1869 г. избран в Законодательный корпус от рабочего округа Парижа Бельвиль и города Марселя на основании выдвинутой им программы, предлагавшей ряд радикально-демократических реформ (так называемая бельвильская программа). После революции 4 сентября 1870 г. — министр внутренних дел правительства Национальной обороны и сторонник продолжения войны с Пруссией (но противник революционной войны). Возглавил так называемую Турскую делегацию (см. комментарий к стр. 214). После кратковременной эмиграции (март—май 1871 г.) вернулся во Францию и выступал как левый республиканец (в частности, боролся за амнистию коммунарам). Однако именно в это время начал сближаться с правыми буржуазными республиканцами Национального собрания. В годы Третьей республики (первое десятилетие) руководил борьбой против клерикалов и попыток реставрировать монархию во Франции. В дальнейшем все заметнее отходил от своей прежней программы социальных и демократических реформ.

Стр. 189. . . . с *наследным принцем и принцем Карлом. . .* — Германский наследный принц (кронпринц) — Фридрих-Вильгельм-Николай-Карл (1831—1888), в течение 99 дней, с 9 марта по 15 июня 1888 г., император Фридрих III; принц Карл Гогенцоллерн (1801—1883) — брат императора Вильгельма I.

Стр. 189. *«République Française»* — политическая ежедневная республиканская газета, основана 9 ноября 1871 г. Гамбеттой.

Стр. 189. *В «Официальном журнале» ∾ 18-ти армейских корпусов.∾*

декретами назначены и командиры корпусов, в числе которых находятся генералы Кленшан, герцог Омальской, Дюкро, Бурбаки и Орель де Паладин.∾ о формировании новых полков. —Имеется в виду «Официальная газета» («Journal Officiel de la République Française») — правительственный орган, сменивший с 5 сентября 1870 г. прежнее официальное издание, «Journal Officiel d'Empire»; декреты, о которых идет речь, были изданы на основе принятого Национальным собранием в июне 1872 г. закона об отмене устаревшей рекрутской системы и введении всеобщей воинской повинности с пятилетним сроком солдатской службы. Кленшан (Clinchant) Жюстен (1820—1881), генерал, участник войн времен Второй империи. Во время франко-прусской войны после ряда неудач был интернирован в Швейцарии. Герцог Омальский — Анри Эжен Луи Орлеан, герцог Омальский (1822—1897), пятый сын короля Луи-Филиппа (1830—1848), военный деятель. В феврале 1871 г. избран в Национальное собрание (от департамента Уазы), в 1873 г. председательствовал в суде над маршалом Базеном (см. комментарий к стр. 185). Дюкро (Ducrot) Огюст Александр (1817—1882), генерал, участник войн времен Второй империи. Во время франко-прусской войны в сражении под Седаном раненый Мак-Магон передал ему командование. Бурбаки (Bourbaki) Шарль (1816—1897) — французский генерал (греческого происхождения); в начале франко-прусской войны участвовал в сражении под Мецом, откуда был отправлен с поручением к императрице Евгении (см. комментарий к стр. 212), что спасло его от плена при последовавшей в октябре 1870 г. сдаче Меца маршалом Базеном. Орель де Паладин (Aurelle de Paladines) Луи Жан Батист (1804—1877), один из наиболее реакционных бонапартистских генералов, участник войн времен Второй империи. Во время франко-прусской войны командовал Луарской армией. 3 марта 1871 г. возглавил парижскую национальную гвардию. Вызвавшее народное негодование назначение на этот пост монархиста, известного своей жестокостью, было одним из событий, ускоривших революцию и создание Парижской Коммуны.

Стр. 189. *Мак-Магон принимал графа Арнима. . .* — Арним (Arnim) Гарри (1824—1881) — с августа 1871 г. германский посланник, затем посол в Париже.

Стр. 189. *Князь Сербский уезжает сегодня вечером. . .* — Милан Обренович (1854—1901), с 1868 г. князь Милан IV, с 1882 по 1889 г. — король Сербии.

Стр. 190. *Правительство Кастеляра начало борьбу с врагами республики. . .* — Кастеляр-и-Рипель (Castelar y Ripele) Эмилио (1832—1899) — испанский политический деятель умеренно-республиканского направления, писатель, историк (профессор Мадридского университета). С 1854 г. связан с демократической партией. В своей работе «Формула прогресса» и в основанной и руководимой им газете «Демократ», оппозиционной режиму королевы Изабеллы II, выступал за всеобщее избирательное право. После неудачного восстания (22 июня 1866 г.) эмигрировал во Францию; был заочно приговорен к смерти. Революция 1868 г. позволила ему возвратиться в Мадрид, где он активно выступал за превращение Испании в федеративную республику. Избранный в учредительные кортесы, стал инициатором принятия некоторых демократических законов. При правлении короля Амадео находился в оппозиции, косвенно поддерживая радикальный кабинет Серрильи. Когда была провозглашена республика (февраль 1873 г.), стал министром иностранных дел, но вскоре (7 июня), после разрыва республиканцев и радикалов, с этого поста ушел. 26 августа 1873 г. избран президентом учредительных кортесов, а с 7 сентября того же года стал министром-президентом с почти диктаторскими полномочиями для борьбы с карлистским восстанием. Ушел в отставку (2 января 1874 г.) после того, как большинство в кортесах осудило некоторые его действия в борьбе с мятежной Картахеной. Правительство Кастелляра расчистило путь для реставрации монархии в Испании.

Стр. 191. *. . .сепаратисты на юге совершают страшные злодейства. Эскадра города Картагены ∾ бомбардировала город Аликанте из грабежа ∾ в виду эскадр прусской, французской и английской.* — После провозглашения республики в Испании политическая власть перешла к буржуазным кругам,

отстаивавшим ее федеративный характер. Во время выборов в учредительные кортесы выступали две республиканские партии: федералисты и так называемые «непримиримые» (республиканцы, выражавшие интересы мелкой торговой буржуазии). Однако большинство мест в учредительных кортесах (открылись в июне 1873 г.) получили федералисты. После опубликования (июль 1873 г.) проекта конституции, предусматривавшего превращение Испании в федеративную республику с широким местным самоуправлением, «непримиримые» подняли ряд восстаний, названных «кантональными». Бакунистские деятели поддержали «непримиримых». Достоевский, не делая различия между «непримиримыми» и бакунистами, всех их называет сепаратистами. Кантональные восстания преимущественно охватили районы, прилегающие к Средиземному морю. Бакунисты вошли в состав почти всех кантональных правительств, но были там в меньшинстве. Дольше всех сопротивлялась Картахена. По выражению Ф. Энгельса, «бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVIII. Изд. 2-е. М., 1961, стр. 474). Аликанте — город на юго-востоке Испании — принял вначале участие в кантональном восстании, но вскоре подчинился центральному правительству. Стремясь добиться продолжения борьбы, два военных корабля из соседней восставшей Картахены подвергли (27 сентября) Аликанте бомбардировке, но, встретив сопротивление, отошли. Находившиеся в порту Аликанте двенадцать английских, французских и немецких военных судов, соблюдая нейтралитет, не вмешивались в конфликт.

Стр. 191. . . .*жители Аликанте телеграфировали, однако, лорду Гренвилю, умоляя о помощи. . .* — См. предыдущий комментарий. Лорд Джордж Гренвиль (Granville) (1815—1891) — английский политический деятель. В 1836 г. избран в палату общин, неоднократно занимал государственные должности. В 1868—1870 гг. государственный секретарь по делам колоний (министр колоний) в правительстве Гладстона, в 1870—1874 гг. — министр иностранных дел.

Стр. 191. . . .*статью нашего сотрудника Z. Z. ∾ в № 34 «Гражданина». . .* — О борьбе с церковью в Германии см. комментарий к стр. 184. Статья, помещенная без подписи в «Гражданине» (1873, 1 октября, № 40), называется «Церковь и государство в Германии» и является продолжением статьи «Борьба государства с церковью в Германии» (*Гр*, 1873, 20 августа, № 34), подписанной «Z. Z.». За этой подписью в «Гражданине» (1873, 17 декабря, № 51) появилась также статья «Церковные дела в Германии» и печатались статьи об Испании и на иные темы. Автором их был К. П. Победоносцев (см. о нем стр. 368).

Стр. 192. . . .*орден Анунсиады ∾ на старшего сына германского наследного принца, на фельдмаршала Мольтке и на министра-президента Роона.* — Орден Анунсиады (orden de l'Annonciade), т. е. благовещения, учрежден сардинским королем Амедеем VI в 1362 г. По новому статусу ордена, принятому 3 июня 1869 г. (при короле Викторе-Эммануиле II), он жаловался коронованным особам и знатным лицам. Старшим сыном тогдашнего наследника престола — кронпринца Фридриха-Вильгельма-Николая-Карла — был Вильгельм, ставший 15 июня 1888 г. после скоропостижной смерти отца Фридриха III прусским королем и германским императором Вильгельмом II; свергнут ноябрьской революцией 1918 г. Мольтке (старший) (Moltke) Хельмут Бернхард, граф (1800—1891) — прусский и германский военный деятель и теоретик, с 1871 г. фельдмаршал, начальник генерального штаба и фактический главнокомандующий германскими войсками во время франко-прусской войны; при поддержке канцлера Бисмарка провел ряд реформ в армии. Роон (Roon) Альбрехт Теодор Эмиль, граф (1803—1879) — с 1871 г. прусский военный деятель, с 1873 г. — генерал-фельдмаршал; в том же году недолгое время был прусским министром-президентом.

Стр. 192. . . .*21 сентября, то есть в годовщину народного голосования, присоединившего Церковную область к королевству Итальянскому. . .* — 2 октября (21 сентября ст. ст.) 1870 г., вскоре после вступления войск итальянского короля в Рим, было проведено всеобщее голосование среди населе-

ния, ранее подчиненного папе. Референдум узаконил присоединение Рима к Итальянскому королевству. Так была завершена длительная борьба за национальное объединение Италии. Официально король Виктор-Эммануил II вступил в Рим 2 июля 1871 г., и с тех пор Рим — столица единой Италии.

Стр. 194. . . .*левым центром* ∾ *левой стороной правого центра* ∾ *всей левой стороной Собрания*. —Левым центром в Национальном собрании называли (до 1880 г.) небольшую группу (около двадцати) депутатов, которая отделилась от орлеанистов, образующих центр Собрания. Левая сторона Собрания состояла из умеренных республиканцев (около 100 человек) и радикалов (около 80 человек).

Стр. 194. *Pronunciamiento* (исп.) — название государственного переворота (обычно военного) в Испании и странах Латинской Америки.

Стр. 194. В «Гражданине» после фразы: *Вероятно, провозгласится много новых pronunciamiento*. . . — и подписи Достоевского (Д.) под заголовком «Телеграммы с 20-го по 27 сентября» следуют тексты шестнадцати телеграмм, помещенных как приложение к статье: это 10 телеграмм из Парижа (об отъезде герцога Немурского во Фрошдорф и об отказе Тьера принять участие в банкете в его честь в Нанси; о выступлении левых Собрания против монархии; о соглашении между правыми и правым центром по поводу восстановления конституционной монархии во Франции; о письме Тьера в защиту республики и трехцветного знамени; о полном соглашении правых групп парламента; о суде над Базеном и др.); две из Рима (о праздновании годовщины присоединения Церковной области к Италии и о дипломатических перемещениях); две из Берлина (о присяге старокатолического епископа Рейнкенса); одна из Познани (о суде над католическим архиепископом Ледоховским) и одна из Мадрида (о карлистской войне).

Стр. 195. *«Daily News»* — газета либерального направления, основанная в 1846 г. Ч. Диккенсом.

Стр. 195. *Герцог Брольи и его друзья воображают, будто то, что было возможно в 1789 году, возможно еще и в 1873 году*. — Речь идет о стремлении монархистов Национального собрания восстановить монархию с ограниченной конституцией (см. комментарий к стр. 180), как это было во время Великой французской революции 1789—1794 гг., когда первая конституция (1791) превратила абсолютную монархию в конституционную. Брольи (Бройль) (Broglie) Жан Виктор Альбер, герцог (1821—1901) — французский государственный деятель, роялист, в 1871—1875 гг. лидер монархистов-орлеанистов в Национальном собрании. Сыграл большую роль в избрании маршала Мак-Магона президентом. Дважды (в 1873—1874 и в 1877 гг.) возглавлял кабинет министров. В 1873 г. провел закон о септеннате (семилетнем сроке президентства). В мае 1877 г. вместе с Мак-Магоном пытался осуществить монархический переворот; потерпев неудачу, ушел в отставку.

Стр. 195. . . .*суждений Луи Вельо, в иезуитской газете «Univers»*. . . Вельо (Veuillot) Луи Франсуа (1813—1883) — лидер крайнего консервативного крыла французских клерикалов; литератор, журналист. После отставки Тьера (см. комментарий к стр. 181) выступал за восстановление династии Бурбонов. В течение многих лет редактировал легитимистскую газету «Univers» (основана в 1836 г.), которую Достоевский справедливо называет «самым монархическим журналом Франции». Приводимые Достоевским обширные цитаты из статьи Луи Вельо характерны для взглядов решительных, бескомпромиссных сторонников восстановления династии Бурбонов.

Стр. 195. . . *гугеноты, оставшиеся верными Генриху IV, говорили* ∾ *«Париж стоит мессы»*. . . — Гугеноты — сторонники протестантизма (кальвинистского течения) во Франции в XVII—XVIII вв. Фраза «Париж стоит мессы» приписывается Генриху IV (1533—1610), который ответил так тем, кто упрекал его в отступничестве от протестантизма. Об этом впервые было упомянуто в книге анонимного автора «Recueil général des caquets de l'accouchée», изданной в 1622 г. Слова эти употребляются в смысле «пойти на выгодный компромисс».

Стр. 195. *Генрих V* — роялисты так именовали графа Шамбора (см. комментарий к стр. 180).

Стр. 196. ...*вспоминали о крови предков моих, пролитой вами на эшафоте...* — Речь идет о казненных в годы Великой французской революции короле Людовике XVI и королеве Марии-Антуанетте.

Стр. 196. ...*предоставляю дому Наполеонов его знамя, с Аркола и до Седана.* — Имеются в виду Наполеон I (1769—1821) и Наполеон III (1808—1873). Битва при Арколе (северная Италия, провинция Верона) 15—17 ноября 1796 г. во время первого итальянского похода генерала Наполеона Бонапарта закончилась победой над австрийскими войсками. Седан — город и крепость во Франции (департамент Арденны), при котором была разбита, окружена и взята в плен (1—2 сентября 1870 г.) стотысячная армия вместе с находившимся при ней императором Наполеоном III, что привело к революции и падению режима Второй империи. В сражении при Арколе генерал Бонапарт в решительную минуту борьбы за мост через реку Эч (Адидж) бросился вперед со знаменем в руках, увлекая за собою солдат. Эпизод этот неоднократно использовался художниками для прославления Наполеона I. Таким образом, если знамя при Арколе — символ славы, то Седан — символ позора и краха бонапартистской династии.

Стр. 197. *Шангарнье* — Шангарнье (Changarnier) Никола Анн Теодюль (1793—1877) — реакционный французский генерал и политический деятель, монархист. В годы революции 1848 г., будучи командующим национальной гвардией департамента Сены, подавлял июньское восстание парижских рабочих, а также руководил разгромом выступления мелкобуржуазной демократии в июне 1849 г. Выступал против президента Луи-Наполеона и после государственного переворота (2 декабря 1851 г.) был выслан из Франции. Возвратился по амнистии 1859 г. Во время франко-прусской войны был взят в плен при капитуляции Меца (27 октября 1870 г.). Избранный в 1871 г. в Национальное собрание, примкнул к монархическому большинству. После отказа Шамбора принять трехцветное знамя выступил за предоставление Мак-Магону исполнительной власти на десять лет (см. комментарий к стр. 220).

Стр. 198. *Президент совета министров, герцог Брольи, на банкете ∾ произнес речь...* — Это выступление герцога Брольи (см. комментарий к стр. 195) состоялось 6 октября 1873 г. в связи с открытием железной дороги в департаменте Эр.

Стр. 199. ...*одолеют республиканцы, и тогда разойдется Собрание, взамен которого соберется новое и провозгласит уже республику окончательно.* — Утверждение республики произошло несколько позднее. В январе 1875 г. началось обсуждение конституционных законов, завершившееся летом того же года. В ноябре 1875 г. окончательно оформилась конституция Третьей республики (действовавшая до 1940 г.). После выборов, проведенных в конце 1875 г., Национальное собрание наконец разошлось (31 декабря) и его заместили конституционные учреждения: президент, палата депутатов, сенат.

Стр. 200. ...*Токвиля в недавней речи его...* — Имеется в виду Ипполит де Токвилль (Tocqueville) (р. 1812 г.), брат известного писателя, публициста, историка, политического деятеля Алексиса Токвилля (1805—1859). Ипполит Токвилль занялся активной политической деятельностью после франко-прусской войны. На дополнительных выборах (июль 1871 г.) он прошел (от умеренных республиканцев) в Национальное собрание, где выступал против его монархического большинства. 19 ноября 1873 г. голосовал против септенната (см. комментарий к стр. 220) за республиканскую конституцию. В своих речах 2, 3 октября 1873 г. и в других (об одной из них упоминает Достоевский) Токвилль говорил о том, что процветание Франции невозможно «без укрепления республиканских институтов».

Стр. 201. ...*Сен-Жерменское предместие ∾ начнутся виконты и маркизы.* — До Великой французской революции конца XVIII в. в Сен-Жерменском предместье Парижа жили представители аристократии, и в этом смысле название предместья стало нарицательным.

Стр. 201. ...*начнутся, с одной стороны, доктринеры...* — Доктринерами называли во Франции членов политического кружка в период

реставрации Бурбонов (1815—1830), состоявшего из небольшой группы умеренных буржуазных либералов, сторонников конституционной монархии, основанной на хартии 1814 г. (см. комментарий к стр. 184—185), и противников дворянской и клерикальной реакции. Ироническое прозвище — «доктринеры» — закрепилось за ними потому, что все вопросы они склонны были рассматривать с отвлеченной, философской точки зрения. К доктринерам принадлежали профессор философии П. Ройе-Коллар, историки Ф. Гизо, А. Барант, герцог В. де Бройль, публицист Ш. Ремюза и другие.

Стр. 201. . . .*король подпишет какие-нибудь ордонансы. . .* — Ордонансами назывались королевские указы, имеющие силу законов; существовали во Франции с XII в. Достоевский, по-видимому, имеет в виду шесть ордонансов, подписанных Карлом X (1824—1830) и членами правительства Огюста Армана Полиньяка (1780—1847) 25 июля 1830 г. Меры, предусмотренные этими указами, направлены были к установлению в стране полуабсолютистских порядков и фактически являлись попыткой придворных кругов, верхушки дворянства и духовенства совершить государственный переворот. Опубликование ордонансов (26 июля) вызвало сопротивление народных масс, привело к возникновению революционной ситуации и к буржуазной революции 1830 г. (Июльская революция), свергнувшей Карла X.

Стр. 202. . . .*восстановление светского владычества папы.* — Светская власть пап в теократическом государстве, занимавшем так называемую Папскую область, возникла в 756 г., когда Пипин Короткий (751—768) подарил папе Стефану II (752—757) город Рим с прилегающим районом, Пентополис и Равеннский экзархат. В течение столетий границы папского государства неоднократно изменялись, а в годы Великой французской революции и наполеоновской империи оно утратило свою независимость. После падения Наполеона I и Венского конгресса (1814—1815) светская власть папы была восстановлена, и в Римской области воцарилась сильнейшая феодально-клерикальная реакция. В 1848 г. Рим стал одним из революционных центров Италии, а в феврале 1849 г. папская власть там была свергнута и провозглашена Римская республика, которую раздавили французские войска, в дальнейшем также поддерживавшие власть папы (см. комментарий к стр. 184). С сентября 1870 г., после присоединения Рима к Итальянскому королевству, светская власть папы перестала существовать. Только в 1929 г. по Латеранскому соглашению была восстановлена светская власть папы над ограниченным районом Рима и создано государство Ватикан.

Стр. 202. . . .*как писал на днях к депутату Родесу-Бенавану.* — Легитимистский депутат Национального собрания от южного департамента Эро виконт Мари Теофиль Родес-Бенаван (Rodez-Benavan) написал графу Шамбору письмо, в котором сетовал по поводу растущей в его департаменте республиканской пропаганды и просил претендента разъяснить свою позицию. В ответе, напечатанном в парижских газетах 30 сентября 1873 г., Шамбор опровергал утверждения о том, что он, став королем, вернет феодальные порядки, и отрицал приписываемое ему намерение начать войну с Италией за восстановление светской власти папы. В письме претендента было много никого не удовлетворявших фраз, но обходился вопрос об уступках, которые от него требовались.

Стр. 202. . . .*демократические выходки католического высшего духовенства в Германии с обращением к народу. . .* — В период «культуркампфа» (см. комментарий к стр. 184) партия католического центра вобрала в себя пестрые антипрусские элементы и превратилась по своему составу в сложную организацию, которая вынуждена была приспосабливать свою программу к интересам самых различных общественных групп и порою, заинтересованная в голосах многочисленных рабочих-католиков, выступала с демократическими и социальными декларациями. Парламентская тактика партии центра также была сочетанием лицемерия и демагогии.

Стр. 202. . . .*непогрешимого, но бездомного папы.* — Имеется в виду принятый на Ватиканском соборе (1869—1870), с целью усиления духовного влияния папы после утраты им светской власти, догмат непогрешимости (раньше непогрешимыми, т. е. безапелляционными, считались совместные

решения папы и церковного собора). Пий IX, находившийся на папском престоле в 1846—1878 гг., после ликвидации его светской власти, за себя и за своих преемников поклялся не покидать пределов Ватиканского дворца впредь до восстановления его прав государя (отсюда возникли выражения «ватиканский узник», «ватиканский затворник»). Достоевский иронически называет папу «бездомным», поскольку отныне он уже не был хозяином земли, на которой жил, так как Рим отошел к Итальянскому королевству.

Стр. 202. . . .*скрывала даже Евангелие Христово, запрещая переводить его.* — Все священные книги печатались и богослужение велось на латинском языке. Появлявшиеся время от времени переводы Библии, Евангелия считались еретическими, а их авторы жестоко преследовались инквизицией. Впервые Ветхий и Новый Завет были переведены М. Лютером (1483—1546) с латинского на немецкий язык в 1534 г., став наконец доступными простым людям.

Стр. 203. *Ведь есть же и теперь даже умные и остроумные социалисты, которые уверены, что то и другое — одно и то же, и серьезно принимают за Христа антихриста.* — Достоевский, по-видимому, имеет в виду сторонников так называемого христианского социализма — религиозно-политического течения, утверждавшего, что социалистические идеалы связаны с христианством как с первоисточником. Христианский социализм возник в первой половине XIX в. во Франции и Англии (аббат Ламенне, Кингсли и др.). Со второй половины XIX в. христианский социализм, получивший буржуазный характер, противостоит социализму и направлен против него (ср. программу католической церкви, оформленную майнцским епископом фон Кеттелером). В Германии 1870-х годов эти взгляды были связаны с деятельностью партии католического центра.

Стр. 206. . . .*с евангелическою церковью. . .* — Евангелическая церковь — в данном случае лютеранство.

Стр. 207. . . .*протестанты ∞ восставшие на «наместника божия» с мечом в руке и с ругательным обличением. . .* — Протестанты — общее название всех выступавших в период Реформации (XVI в.) антикатолических течений, которые объединяло отрицание верховной власти папы в церкви как преемника апостола Петра и «наместника божия» (один из папских титулов). Под «ругательным обличением» имеется в виду, очевидно, характерная для М. Лютера резкая манера, в которой он обращался к папе, к католической церкви (см. об этом: Ф. фон Бецольд. История Реформации в Германии, т. I. СПб., 1906, стр. 306).

Стр. 208. . . .*недавнем посещении императором германским ∞ императора австрийского и венской выставки.* — Посещение Вильгельмом I всемирной выставки в Вене в октябре 1873 г. было первым визитом германского императора в Австрию после австро-прусской войны 1866 г., в которой Австрия потерпела поражение, после чего лишилась возможности вмешиваться в германские дела (см. ниже комментарий к стр. 208—209).

Стр. 208. . . .*охоты в Лаинцском зверинце. . .* — Речь идет о зоологическом саде и охотничьем заповеднике (Laizer Tiergarten) в венском пригороде.

Стр. 208. . . .*император Франц-Иосиф. . .* — Франц-Иосиф II (1830—1916), австрийский император и венгерский король; его царствование — одно из самых продолжительных в истории нового времени: он вступил на престол после отречения императора Фердинанда II, 2 декабря 1849г., и умер в разгар первой мировой войны.

Стр. 208—209. . . .*заключенный между тремя императорами союз, имеющий целью охранение европейского мира, расширен вследствие недавнего посещения королем итальянским Вены и Берлина.* — Оформившийся в 1873 г. Союз трех императоров (германского, австрийского и российского) был итогом политики Бисмарка, стремившегося изолировать на международной арене недавно разбитую Германией Францию и предотвратить возможные антигерманские коалиции с ее участием. Политика Союза была далека от «охранения европейского мира», что вскоре, в частности, подтвердила так называемая «военная тревога 1875 года», когда Германия, надеясь на этот

Союз, едва не спровоцировала новую войну с Францией. Визит итальянского короля не «расширил» Союз трех императоров.

Стр. 209. *Недавние выборы на четыре вакантные места в Собрании огромным большинством разрешились в пользу республиканцев.* — 12 октября 1873 г. происходили выборы в Национальное собрание от четырех департаментов: Верхней Гаронны, Ниевра, Пюи де Дом и Луары. Избраны были три умеренных республиканца и один сторонник конституционной монархии.

Стр. 210. ...*ссылкою в Кайенну.* — Кайенна — французская часть Гвианы (на северо-западе Южной Америки); болотистый, нездоровый район, служивший местом ссылки еще во времена Великой французской революции, но особенно после контрреволюционного переворота 2 декабря 1851 г. и в годы Второй империи (1852—1870); туда были отправлены и многие участники Парижской Коммуны.

Стр. 210. ...*генерала Ладмиро.* — Ладмиро (Ladmirault) Луи Рене Поль де (1808—1898) — французский генерал, командовал дивизией в битве при Сольферино во время австро-франко-итальянской войны (1859) и корпусом во время франко-прусской войны; отличился в боях под Мецом. В 1871—1878 гг. — военный губернатор Парижа.

Стр. 211. *Может быть, Дон Карлос тоже питает надежды на воцарение Генриха V.* — По-видимому, имеется в виду надежда на то, что, став королем, Генрих V будет проводить в отношениях с Испанией традиционную политику Бурбонов, и это позволит карлистам, оперевшись на Францию, более успешно бороться со своими противниками. За пятьдесят лет до этого, при Людовике XVIII, французские войска подавили вторую испанскую революцию (1820—1823).

Стр. 211. ...*почти фантастическое начало страшной войны, быстрое, неслыханное падение династии...* — Франция объявила войну Пруссии 19 июля 1870 г., но вследствие полного разложения режима Второй империи смогла начать военные действия только 2 августа, — это была атака Саарбрюкена, которая принесла первый и последний, чрезвычайно незначительный, успех французам. 4 августа германские войска перешли границу, и в развернувшихся сражениях французские армии стали терпеть поражение за поражением, 2 сентября 1870 г. последовала Седанская катастрофа, пленение императора Наполеона III, а через два дня, 4 сентября, — революция и падение династии.

Стр. 212. *Канробер, Ниель* ∾ *Фроссар...* — Канробер (Canrober) Франсуа (1809—1895) — французский маршал; во время франко-прусской войны командовал корпусом, участвовал в боях под Мецом и после капитуляции этой крепости находился в плену до конца войны. Ниель (Niel) Адольф (1802—1869) — маршал Франции, с 1867 г. — военный министр. Фроссар (Frossar) Шарль Огюст (1807—1875) — французский военный инженер, генерал. При капитуляции Меца был членом военного совета, принявшего решение сдать крепость.

Стр. 212. ...*в сражении при Сен-Прива...* — У деревни Сен-Прива 18 августа 1870 г. произошло сражение, после которого французская армия (под командованием Базена) отошла к Мецу.

Стр. 212. *Шаспо* — нарезное ружье, изобретенное в 1866 г. Антуаном Шаспо (1833—1905).

Стр. 212. ... *беспорядок в снабжении тогдашней французской армии провиантом и оружием удивил Европу.* — Несмотря на уверения в полной готовности Франции к предстоящей войне с Германией («Мы совершенно готовы; хотя бы война продлилась целый год, у нас и тогда не будет недостатка даже в пуговицах на гетрах солдат», — заявил 15 июля 1870 г. в Законодательном корпусе военный министр Лебёф), война застала страну врасплох. Всеобщее разложение, охватившее Вторую империю, прежде всего сказалось на армии, в управлении которой воцарился настоящий хаос. Две недели армия страны, объявившей войну, не могла начать наступления.

Стр. 212. ...*императрице Евгении...* — Евгения Монтихо (Eugenie-Marie de Montijo) (1826—1920) — жена императора Наполеона III. Вокруг нее группировались наиболее ярые сторонники войны с Германией.

В начале франко-прусской войны, после отъезда Наполеона III к армии, была регентом (до революции 4 сентября 1870 г.).

С т р. 213. . . .*игнорировал правительство Народной обороны, возникшее в Париже тотчас после плена императора.* — После революции 4 сентября и провозглашения республики власть перешла к группе буржуазных политических деятелей, сформировавших так называемое правительство Национальной («Народной», как пишет Достоевский и как писала тогда русская пресса) обороны, которое Маркс называл «шайкой адвокатов-карьеристов» (К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. XVII, стр. 321), больше боявшихся революционного подъема масс, чем пруссаков.

С т р. 213. *Маршал ∾ лжет теперь перед судом «отважно». . .* — В «Графе Нулине» А. С. Пушкина Параша «лжет пред барыней отважно» (*Пушкин*, т. V, стр. 8).

С т р. 214. . . .*бездарный маньяк, генерал Трошю, все эти Гарнье-Пажесы, Жюль-Фавры. . .* — Трошю (Trochu) Луи Жюль (1815—1896) — французский генерал и политический деятель. Участвовал в завоевании Алжира, в Крымской (1853—1856) и австро-франко-итальянской (1859) войнах. В годы Второй империи занимал видные посты в военном ведомстве. Незадолго до франко-прусской войны стал известен как противник официальных взглядов на готовность Франции к войне (свое мнение изложил в получившей широкую известность брошюре «Французская армия в 1867 году»). Эти выступления сделали имя Трошю популярным и способствовали назначению его во время франко-прусской войны (18 августа 1870 г.) военным губернатором Парижа, с задачей подготовить город к обороне, в возможность которой он не верил, а потому фактически бездействовал. После революции 4 сентября 1870 г. возглавил правительство Национальной обороны (см. комментарий к стр. 213), оставаясь одновременно военным губернатором осажденного немцами Парижа. Опасаясь народных выступлений, демагогически афишируя некий план обороны («план Трошю»), изменнически подготавливал сдачу Парижа пруссакам. После 1873 г. отошел от политической деятельности. Гарнье-Пажес (Garnier-Pagès) Луи Антуан (1803—1878) — французский политический деятель, умеренный буржуазный республиканец, крупный финансист. Участвовал в революции 1830 г. В период Июльской монархии член палаты депутатов (1841—1848); после февральской революции 1848 г. — член временного правительства и мэр Парижа. По его инициативе был повышен на 45 сантимов каждый франк четырех прямых налогов, что восстановило крестьянство против революции (см.: К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. VII, стр. 22). В годы Второй империи — член Законодательного корпуса (1844—1864). После революции 4 сентября 1870 г. вошел в состав правительства Национальной обороны, но не играл (с конца 1871 г.) активной политической роли. Автор тенденциозной «Истории революции 1848 года» («Histoire de la Révolution de 1848», vv. I—X. Paris, 1861—1872). Фавр (Favre) Клод Жюль (1809—1880) — адвокат, буржуазный политический деятель республиканско-либерального направления. Участвовал в революции 1830 г. Во время Июльской монархии был защитником на процессе участников лионского восстания 1834 г.; во время революции 1848 г. примыкал к правому крылу республиканцев; выступал против рабочего класса. В годы Второй империи — член Законодательного корпуса (с 1858 г.), где был одним из пяти оппозиционных республиканских депутатов. После революции 4 сентября 1870 г. — министр иностранных дел правительства Национальной обороны; вел тайные переговоры с Бисмарком о капитуляции Парижа, одновременно публично выступая с самыми решительными патриотическими декларациями. Так, в циркуляре от 6 сентября 1870 г. он провозглашал, что ни одной пяди французской земли и ни одного камня ее крепостей не будет отдано врагу. Избранный в Национальное собрание, был министром иностранных дел в правительстве Тьера (до 23 июня 1871 г.). С 1876 г. — сенатор Третьей республики.

С т р. 214. . . .*в 48 году. . .* — Т. е. во время революции 1848 г.

С т р. 214. . . .*из этой комически-бездарной группы самозванных правителей ∾ один человек и на воздушном шаре перелетел на другой конец*

Франции. Он своевольно объявил себя военным министром. . . — Речь идет о Гамбетте (см. комментарий к стр. 189), который 7 октября 1870 г. вылетел из осажденного Парижа на воздушном шаре и в городе Туре возглавил так называемую Турскую делегацию правительства Национальной обороны (см. комментарий к стр. 213), объединив в своих руках министерства военное и внутренних дел.

Стр. 215. *Бретонские шуаны. . .* — Так назывались участники контрреволюционных отрядов в Нормандии и других северных районах Франции во время Великой французской революции конца XVIII в. Используя поддержку Англии, они вели ожесточенную борьбу против революционных правительств. Говоря о шуанах, Достоевский имеет в виду партизан, боровшихся против прусских оккупантов, известных как франтиреры (вольные стрелки).

Стр. 215. *Орлеанские герцоги тоже дрались с неприятелем в рядах новоизбранного французского войска.* — Имеется в виду граф Парижский (см. комментарий к стр. 180), который во время франко-прусской войны (после свержения Наполеона III) вернулся на родину и вступил в ряды армии, а также герцог Омальский (см. комментарий к стр. 189).

Стр. 215. . .(*кроме разве партии коммунистов*). . . — Не ясно, кого в данном случае имеет в виду Достоевский. — левую ли Национального собрания или приверженцев недавно разгромленной Парижской Коммуны. Вообще наименованием «коммунисты» Достоевский в «Иностранных событиях» пользуется достаточно недифференцированно (см. выше, стр. 480).

Стр. 215. «*Union*» — французская политическая газета легитимистской и клерикальной партии; основана 2 февраля 1847 г.

Стр. 217. *Шенелон* (Chesnelong) Пьер Шарль (1820—1899) — французский политический деятель, талантливый оратор. Во время революции 1848 г. сторонник республики; в годы Второй империи — бонапартист (с 1855 г.). После революции 4 сентября 1870 г. временно отошел от политики. В 1872 г. избран в Национальное собрание, в котором примкнул к легитимистам. Выступал против Тьера и способствовал его падению (см. комментарий к стр. 181). Возглавлял переговоры с претендентом на французский трон графом Шамбором в 1873 г. (см. комментарий к стр. 180). Оставил об этом времени воспоминания и исторические труды: «La campagne monarchique d'octobre 1873» (1895); «Les derniers jours de L'Empire et le gouvernement de M. Thiers» [S. a.].

Стр. 218. . . .*на принципе признания королевской власти наследственной и на хартии, «не навязанной королю и не дарованной королем. . .* — Достоевский напоминает о двух конституциях: выработанной в годы Великой французской революции конституции 1791 г., на принятие которой Людовик XVI вынужден был согласиться, и хартии 1814 г. (см. комментарий к стр. 184—185), известной как «дарованная» («октроированная»), поскольку считалось, что король пожаловал ее по своей воле, хотя в действительности, конечно, это ни в коей мере не отвечало желаниям Людовика XVIII.

Стр. 219. . . .*отказаться от знамени Арка и Иври. . .»* — Имеются в виду сражения времен религиозных войн во Франции между войском гугенотов, возглавляемых Генрихом IV (1589—1610), и силами Католической лиги под командованием герцога Майенского. При Арке (на севере Франции) 21 сентября 1589 г. герцог Майенский потерпел поражение и был оттеснен за реку Сомму; при Иври (департамент Эр) 14 марта 1590 г. войскам Католической лиги было нанесено решительное поражение, что укрепило положение Генриха IV как претендента на французский трон.

Стр. 219. . . .*этого Баярда нашего времени. . .* — Баярд (Bayard) (настоящее имя Пьер дю Террайль) (1476—1524) — французский военачальник эпохи итальянских войн королей (из династии Валуа) Карла VIII (1483—1498), Людовика XII (1498—1515) и Франциска I (1515—1547), прозванный биографами «рыцарем без страха и упрека».

Стр. 220. . . .*о немедленном продлении власти Мак-Магона, с новыми в его пользу гарантиями, на 10 лет. . .* — Отказ Шамбора принять трехцветное знамя препятствовал немедленному восстановлению во Франции монархии, и тогда монархисты Национального собрания (его правый центр)

ешили укрепить свои позиции в Собрании и сохранить их до более благоприятного времени. Для этого предполагалось продлить полномочия президента республики Мак-Магона (см. комментарий к стр. 181) — ставленника правых. В результате компромисса между сторонниками десятилетнего и пятилетнего срока президентства был принят закон о септеннате, т. е. о семилетнем сроке полномочий Мак-Магона.

Стр. 221. *Дюфор* (Dufaure) Арман Жюль Станислав (1798—1881) — адвокат, политический деятель. Участник революции 1848 г. После падения Второй империи был избран в Национальное собрание, где примкнул к левому центру (см. комментарий к стр. 194). Министр юстиции в кабинете Тьера; с 18 по 24 мая 1873 г. возглавлял кабинет министров.

Стр. 221. . . . *защиту от коммунистов*. . .— Реакционная французская буржуазия, напуганная Парижской Коммуной, ослепленная ненавистью к социалистическим идеям, видела в борьбе с рабочим движением одну из основных задач Национального собрания. Национальное собрание отклоняло любые попытки добиться амнистии участникам Коммуны, усиливало репрессии против рабочих. Так, например, 14 марта 1872 г. был принят репрессивный закон против Интернационала (предложенный Дюфором), по которому принадлежность к этой организации (или подобной ей) строго каралась. В том же году на основе этого закона последовал ряд арестов и процессов.

Стр. 221. . . .*бригадный генерал Бельмар*. . . — Каррей де Бельмар (Carrey de Bellmare) Адриен Адольф Александр (1824—1905) — французский военный деятель. В период борьбы большинства Национального собрания за восстановление монархии выступал против этого шага и 25 октября 1873 г. обратился к военному министру с письмом, текст которого приводится Достоевским. За свое выступление в защиту республики был уволен из армии.

Стр. 223. *«Крестовая газета»* — «Kreuzzeitung» — распространенное название «Новой прусской газеты» («Neue Prussiche Zeitung»), в заголовке которой было воспроизведено изображение железного креста; центральный орган немецкой консервативной партии, основанный в Берлине в 1848 г.

Стр. 223. . . . *в Пруссии окончились выборы в прусский сейм*. . . — Имеется в виду прусский ландтаг (см. комментарий к стр. 224). Октябрьские выборы 1873 г. принесли поражение консервативной партии за счет увеличения числа депутатов католического центра и либеральных группировок.

Стр. 223—224. *Прусское правительство покровительствует теперь национально-либеральным партиям ∾ оттолкнув от себя совершенно партии юнкерскую и католическую*. — После ряда успехов Пруссии в ее борьбе за национальное объединение Германии часть находившихся в оппозиции либеральных группировок образовала в 1866 г. (после победы над Австрией) национал-либеральную партию, которая стала поддерживать внешнюю политику Бисмарка. В течение ряда лет национал-либералы входили в правительственную коалицию. Говоря, что правительство совершенно оттолкнуло от себя юнкерскую и католическую партии, Достоевский имеет в виду следующее: юнкерская, т. е. немецкая консервативная партия, которая прежде всего была партией крупного землевладельческого дворянства Восточной Пруссии, но имела также влияние на помещиков Саксонии, на южнонемецкое зажиточное крестьянство, на разорившихся ремесленников и евангелическое духовенство, после австро-прусской войны 1866 г. по некоторым вопросам, касающимся образования Северо-Германского союза (1867), и в связи с захватом Пруссией отдельных германских территорий выступила против политики правительства и при этом раскололась. Из нее выделились так называемые «свободные консерваторы» (имперская партия). В 1872 г. в консервативной партии снова произошел раскол: возникла группировка так называемых «новоконсерваторов», поддерживавших Бисмарка и его политику в период «культуркампфа» (см. комментарий к стр. 184). Оставшееся ядро консервативной партии — «староконсерваторы» — еще в течение нескольких лет находилось в оппозиции к Бисмарку, в частности к политике «культуркампфа». Католической партией Достоевский называет партию центра, образовавшуюся в 1871 г. из разнородных социальных элементов, объединенных принадлежностью к католической религии.

Стр. 224. *Ландтаг открыт уже с 1-го ноября. В феврале ожидают выборов в германский рейхстаг, и клерикалы надеются на еще больший успех.* — Ландтаг (от нем. Land — земля, страна и Tag — собрание) — собрание представителей, сохранившееся в германских государствах и после национального объединения страны как напоминание о недавней политической раздробленности. Достоевский имеет в виду прусский ландтаг (см. комментарий к стр. 223). Общегерманским выборным законодательным учреждением был имперский рейхстаг. Выборы в рейхстаг 1874 г. были вторыми после национального объединения и первыми, в которых участвовали избиратели присоединенных после франко-прусской войны Эльзаса и Лотарингии. Выборы происходили не в феврале, а 10 января 1874 г., в феврале вновь избранный рейхстаг начал свою работу. Январские выборы принесли заметный успех социал-демократам, в рейхстаг было избрано девять депутатов от социал-демократической партии, в том числе А. Бебель (1840—1913) и В. Либкнехт (1826—1900), находившиеся в тюрьме. «Относительная победа ультрамонтанов и социал-демократов на выборах, — писал К. Маркс Л. Кугельману 19 января 1874 г., — достойное возмездие г-ну Бисмарку и его буржуазным прихвостням» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXXIII. Изд. 2-е, М., 1964, стр. 513). Однако наряду с усилением левых группировок в рейхстаге укрепились (за счет партий правительственной коалиции) и позиции реакционных кругов.

Стр. 225. *Ремюза* (Remusat) Шарль Франсуа Мари, граф (1797—1875) — французский политический деятель и писатель. В августе 1871 г. Ремюза сменил Жюля Фавра на посту министра иностранных дел. На дополнительных выборах в Национальное собрание 27 апреля 1873 г. кандидатура Ремюза была выдвинута от умеренных и орлеанистов и официально поддержана Тьером. Поражение Ремюза (прошел радикал-республиканец Бароде) было ударом по Тьеру и явилось одной из причин его отставки несколько недель спустя (см. комментарий к стр. 181).

Стр. 225. *Се* (Say) Жан Батист Леон (1826—1896) — экономист и государственный деятель. Один из владельцев влиятельной газеты «Journal des Débats», сотрудничавший и в других газетах. В Национальном собрании примыкал к левому центру (см. комментарий к стр. 194). С декабря 1872 г. министр финансов в кабинете Тьера; ушел в отставку в мае 1873 г. вместе с ним.

Стр. 228. *Открытие австрийского рейхсрата...* — Рейхсрат (от нем. Reich — государство и Rat — совет) — установленный после образования дуалистической монархии Австро-Венгрии в 1867 г. двухпалатный парламент Цислейтании-Австрии (см. следующий комментарий), состоявший из палаты господ и палаты представителей. Просуществовал до 1918 г. В обзоре Достоевского имеется в виду восьмой рейхсрат, избранный в конце октября 1873 г. и начавший свою работу в ноябре.

Стр. 228. *...обрушившегося в этом году на империю финансового кризиса.* — В 1873 г. в Австро-Венгрии начался кризис общего перепроизводства, охвативший различные стороны экономики, в том числе и финансы. Распространившийся затем на Германию, США, Великобританию, Францию, Бельгию и другие страны, он был одним из наиболее длительных и разрушительных экономических кризисов XIX в.

Стр. 228. *Венгерцы ∞ требуют теперь дуализма и для устройства финансов своего королевства — распадения Национального банка на цислейтанский и венгерский...* — По соглашению 1867 г. Австро-Венгрия состояла из двух частей, разделенных рекой Лейтой: Цислейтании (Австрии) и Транслейтании (Венгрии). См. также предыдущий комментарий.

Стр. 228. *Депретис* — с 15 января 1872 г. австро-венгерский министр финансов в кабинете министра-президента Адольфа Ауэрсперга (1821—1895). 11 ноября 1873 г. внес в рейхсрат проект реформы с целью укрепления финансов и экономики страны. Однако речь его была принята холодно рейхсратом и биржей, и на следующий день, 12 ноября 1873 г., Депретис вышел в отставку.

Стр. 228. *«Pokrok»* — «Прогресс» — чешская ежедневная политическая газета, выходившая в Праге с конца 1869 по июнь 1885 г.

Стр. 228. *Ультрамонтаны* (от лат. ultra — по ту сторону и montas — горы) — сторонники крайнего направления в католицизме; выступали против самостоятельности национальных церквей, за право вмешательства папы в светские дела любого государства. Под их усилившимся влиянием на Ватиканском соборе (1869—1870) был провозглашен догмат о непогрешимости папы (см. комментарий к стр. 202; см. также: наст. изд., т. XV, стр. 534).

Стр. 229. *. . .два проекта новых законов: о введении впредь при выборе членов парламента всеобщей подачи голосов и об отмене штемпельной пошлины с газет.* — Речь идет о проекте реформы так называемой трехклассной избирательной системы при выборах в прусский ландтаг (см. комментарий к стр. 224). Эта система обеспечивала преобладание юнкерства в палате представителей ландтага. Проект не был принят. Штемпельная пошлина (штемпельный сбор) — плата, взимаемая государством за гербовые знаки, которые обязаны приобретать газеты, своеобразный налог на прессу.

Стр. 229. *«Times»* — ежедневная английская газета, выходившая с 1785 г. в Лондоне и близкая к руководству консервативной партии.

Стр. 229. *. . . лишены в настоящее время духовных пастырей. . .* — Во время «культуркампфа» (см. комментарий к стр. 184) в результате правительственных репрессий и саботажа так называемых «старокатоликов» более тысячи приходов оказались без священников.

Стр. 229. *. . .согласие на внесение проекта закона о введении обязательного гражданского брака. . .* — Закон о гражданском браке был принят 9 марта 1874 г. Это был важнейший законодательный акт, изданный германским правительством во время «культуркампфа» и сохранившийся после того, как большинство антиклерикальных законов было отменено.

Стр. 230. *Лабуле* (Laboulaye) Эдуард Репе Лефевр (1811—1883) — французский юрист, историк и политический деятель. В 1871 г. был избран в Национальное собрание, в котором примкнул к умеренным республиканцам.

Стр. 231. *. . .конституционных законов, представленных Национальному собранию 19-го и 20-го мая 1873 г.* — Имеются в виду законопроекты об организации общественной власти и создании второй палаты (19 мая), а также об избирательном законе (20 мая). Вследствие противодействия монархического большинства эти законы были приняты только в 1875 г. при окончательном конституировании республики.

Стр. 232. *. . .утвердило проект Депера с установлением власти маршала Мак-Магона на 7 лет. . .* — Имеется в виду закон о септеннате (см. комментарий к стр. 220). Депер (Depeyre) Октав Виктор (1825—1891) — французский консервативный политический деятель. Избранный в феврале 1871 г. в Национальное собрание, занял там место на скамье монархистов. Выступал против Тьера в поддержку Мак-Магона (см. комментарий к стр. 181).

Стр. 233. *«Имперский указатель»* («Deutscher Reichsanzeiger») — ежедневная официальная газета, издававшаяся в Берлине с 2 января 1819 г. вначале под названием «Allgemeine Preussischer Staatszeitung», затем как «Preussischer Staatsanzeiger». После национального объединения Германии была переименована в «Deutscher Reichsanzeiger». Помимо официальных сведений о назначениях, перемещениях и т. п., печатала также материалы по внутренней и внешней политике, торговле. биржевым и иным вопросам.

Стр. 233. *. . .в честь сэра Генри Ричарда. . .* — Ричард (Richard) Генри (1812—1888) — английский политический деятель, сторонник мирного разрешения международных конфликтов. В июле 1873 г. начал в палате общин (членом которой был) кампанию в защиту своей идеи и осенью того же года с той же целью совершил поездку по Европе. Банкет в Париже в его честь был дан 22 декабря 1873 г.

Стр. 234. *. . .с «покиванием голов».* — Ср. Псалтырь: «Ты сделал нас притчею между народами, покиванием головы между иноплеменниками» (псалом 43, ст. 15); в Библии жест «кивания головой» означает неодобрение и насмешку. Напомним слова Мармеладова в «Преступлении и наказании»:

«Сим покиванием глав не смущаюсь. . .» (ч. I, гл. 2 — наст. изд., т. VI, стр. 14).

Стр. 235. *Расстреляв Бабёфа. . .* — Бабёф (Babeuf) Гракх (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760—1797) — французский революционер, коммунист-утопист, руководитель движения «во имя равенства» в период термидорианской реакции и Директории. Бабёф и его ближайший сподвижник Дарте 27 мая 1797 г. были гильотинированы (а не расстреляны, как ошибочно пишет Достоевский). Об оценке Достоевским взглядов Бабёфа см. выше, стр. 478.

Стр. 235. *Все эти периоды — Первой империи, Реставрации, буржуазного царства при Орлеанах, Второй империи. . .* — Первая империя — империя Наполеона I (1804—1814; март—июль 1815); реставрация Бурбонов — период с марта 1814 по март 1815 г. и с июля 1815 по июль 1840 г.; царство Орлеанов — так называемая Июльская монархия Луи-Филиппа (1830—1848); Вторая империя — империя Наполеона III, возникшая после контрреволюционного переворота 2 декабря 1851 г., провозглашенная 2 декабря 1852 г. и просуществовавшая до 4 сентября 1870 г.

Стр. 236. *«Смотри, как ты был беден, и слеп, и нищ, и наг, и ничтожен. . .»* — Перефразированная цитата из Библии (Откровение Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 17: «несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг»).

Стр. 237. *. . .военный министр, генерал Дюбарайль. . .* — Дю Барайль (Du Barail) Франсуа Шарль (1820—1902) — французский военный и политический деятель. С 25 мая 1872 г. по 22 мая 1874 г. военный министр в кабинете Брольи (см. комментарий к стр. 195).

Стр. 237. *. . .герцог Одиффре-Пакье. . .* — Одиффре-Пакье (Audiffret-Pasquier) Эдм Арман Гастон, с 1844 г. герцог (1823—1905) — французский политический деятель, орлеанист. В 1871 г. был избран в Национальное собрание, где возглавил правый центр (см. комментарий к стр. 194). Принимал участие в переговорах с претендентом о возможностях восстановления монархии (см. комментарий к стр. 180).

Стр. 239. *Павия* — Павиа-и-Родригес де Альбукерке (Pavia y Rodriguez de Alburquerque) Мануэль (1828—1896) — испанский генерал. После отставки Кастеляра, утром 3 января 1874 г., занял Мадрид и распустил учредительные кортесы. Вместе с маршалом Серрано (см. комментарий к стр. 240) установил военную диктатуру; поддержал монархический переворот 25 декабря 1874 г., приведший к власти сына королевы Изабеллы II (1833—1868) Альфонса XII (1874—1885).

Стр. 239. *Сальмерон* — Сальмерон-и-Алонсо (Salmeron y Alonso) Николас (1838—1908) — испанский политический деятель, буржуазный республиканец; с 1865 г. член республиканского комитета в Мадриде; в 1871 г. был избран в учредительные кортесы, с 1873 г. — министр юстиции и затем президент кортесов.

Стр. 240. *. . .министерство ∾ маршала Серрано. . .* — Серрано-и-Домингес (Serrano y Dominguez) Франсиско, граф Де-Сан-Антонио, герцог де ла Торро (1810—1885) — испанский генерал и государственный деятель, монархист. В 1868—1869 гг. — глава временного правительства, регент королевства в 1869—1871 гг., премьер-министр в 1871—1874 гг.

Стр. 240. *Сагаста* — Сагаста (Sagasta) Пракседес Матео (1805—1903) — испанский государственный деятель, лидер либеральной партии. Министр внутренних дел в 1871—1872 гг., иностранных дел — в 1874 г.; глава кабинета министров при короле Амадее с 21 декабря 1871 г. по 22 мая 1872 г.

Стр. 240. *Фигуэрола* — Фигуэрола (Figuerola) Лауреано (1816—1903) — испанский экономист и политический деятель. С 1868 г. был министром финансов в различных правительствах Испании вплоть до воцарения Альфонса XII (декабрь 1874 г.), когда отошел от политической деятельности.

Стр. 240. *Цабала* — Цабала-и-де-ла-Пуэнте (Zabala y de la Puente) Хуан (1804—1879) — испанский генерал, монархист, участник гражданской войны во время Пятой испанской революции (1868—1874).

Стр. 240. *Эчегаре* — Эчегаре (точнее Эчегарай)-и-Эйсагирре (Echegaray

у Eizaguire) Хосе (1832—1916) — испанский математик, драматический писатель и государственный деятель.

Стр. 240. *Рюиц* — Рюиц Карредон (Ruiz Carredon) Тринитарио (1836—1911) — испанский политический деятель, либерал, участник революции 1868—1874 гг., в журналистской и издательской деятельности сотрудничал с Сагастой и Серрано.

Стр. 240. *Топете* — Топете-и-Карбальо (Topete y Carballo) Хуан Батиста (1821—1885) — испанский адмирал и политический деятель.

Стр. 240. *Семилетняя революция и междоусобие ее в тридцатых годах нынешнего столетия ∾ ограничено лишь двумя только партиями — христиносов и карлистов. . .* — Имеется в виду испанская революция 1834—1843 гг. (т. е. продолжавшаяся несколько более семи лет), тесно связанная с первой карлистской войной. Христиносы — сторонники регента Марии-Христины в первой карлистской войне; карлисты — в данном случае сторонники Дон Карлоса старшего в первой карлистской войне (см. комментарий к стр. 185).

Стр. 240. *Одна лишь партия коммунистов. . .* — Достоевский имеет в виду бакунистов (см. комментарий к стр. 191).

Стр. 241. *. . .претендента Дон Альфонса. . .* — См. примечание к стр. 239.

Стр. 241. *Покорение Хивинсково хана. . .* — 4 декабря 1872 г. на заседании особого совещания под председательством Александра II было принято решение о походе на Хиву. Наступление было начато весной 1873 г.; в августе 1873 г. с Хивой был заключен мирный договор, по которому хан Мухаммед Рахим II уступал России земли по правому берегу Амударьи и признавал свою вассальную зависимость.

Стр. 241. *Англия стала наконец смотреть на успехи наши в Азии с несколько большею к нам доверчивостью.* — На деле завоевание Хивинского ханства, а в дальнейшем продвижение русских войск в Кокандское ханство вызвало недовольство в правящих кругах Англии. Под прикрытием развернувшейся кампании о «русской угрозе» Индии Британия стала добиваться укрепления своих позиций в Средней Азии, и соперничество между царской Россией и Англией в этом районе еще более обострилось.

Стр. 242. *. . .брачный союз ∾ принца Альфреда с ∾ великою княжною Мариею Александровною. . .* — Альфред Эрнест Альберт, герцог Эдинбургский (1844—1900) — второй сын английской королевы Виктории (1837—1901). С 23 января 1874 г. — в браке с великой княжной Марией Александровной (1853—1920), дочерью императора Александра II.

Стр. 242. *Важнейшими, разумеется, были свидания императора всероссийского и германского в С.-Петербурге. Затем императоров всероссийского и австрийского в Вене.* — Речь идет о свиданиях, связанных с возникновением Союза трех императоров. Вильгельм I (в сопровождении Бисмарка и Мольтке) в мае 1873 г. посетил Петербург, где была подписана русско-германская конвенция. В июне того же года Александр II в сопровождении князя А. М. Горчакова прибыл в Вену, где 6 июня 1873 г. был подписан русско-австрийский договор, к которому 23 октября 1873 г. примкнула Германия (решение об этом было принято во время визита в Вену императора Вильгельма I). Так завершилось оформление Союза трех императоров (см. комментарий к стр. 208—209).

Стр. 242. *Наследный принц германский посетил королей датского и шведского. . .* — Наследный принц Фридрих (1831—1888) — будущий император Фридрих III (с 9 марта 1888 г.); король Дании — Христиан IX (1863—1906). Визит кронпринца в Данию имел особое значение в связи с недавними враждебными датско-прусскими отношениями, вылившимися в 1864 г. в войну между Пруссией, Австрией и Данией из-за герцогств Шлезвиг и Голштиния. Король Швеции и Норвегии (до получения последней независимости в 1905 г.) — Оскар II (1872—1906).

Стр. 243. *. . .папское «Non possumus»* . . . — «Мы не можем» (*лат.*) — начало ответа апостолов на обращенные к ним упреки: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деяния апостолов, 4, 20). Выражение «Non possumus» стало в папских энцикликах (официальных посланиях пап)

формулой решительного отказа, несогласия с требованиями светской власти. Впервые оно было употреблено в этом смысле папой Климентом VII (1523—1534) при ответе английскому королю Генриху VIII (1509—1547). требовавшему папского разрешения на расторжение брака с Екатериной Арагонской.

Стр. 244. . . *.римское правительство ∾ поднесло папе три миллиона франков годового содержания. . .* — После лишения папы светской власти (см. комментарий к стр. 202) так называемым «законом о гарантиях» (принят 2 мая 1871 г.) были определены права папы, который оставался духовным главой католического мира; ему предоставлялись дворцы Ватикан и Латеранский и как летняя резиденция — Кастель Гандольфо (близ озера Нели), а также определялось ежегодное содержание в 3 220 000 франков.

Стр. 244. *84-летний папа Пий IX. . .* — Граф Джованни Мария Мастаи Феррери (1792—1878) 28 июня 1846 г. был избран папой под именем Пия IX.

Стр. 244. . . *.граф Бисмарк. . .* — Графский титул был пожалован Бисмарку в 1867 г., княжеский — в 1871 г., после победоносной франко-прусской войны.

Стр. 247. *«Северо-Германская всеобщая газета»* («Norddeutsche Allgemeine Zeitung») — ежедневная газета, основанная в Берлине в 1861 г., с 1862 г. рупор Бисмарка (была прозвана поэтому «Kanzlerblatt» — листок канцлера).

Стр. 247. . . *.о сдаче Картагены.* — См. комментарий к стр. 191. Картахена пала 12 января 1874 г.

Стр. 247. . . *.генерал Контрерас . . .* — Контрерас (Contreras) (1807—1881) — испанский генерал, руководитель кантонального восстания в Картахене.

Стр. 247. *Гальвес* (Galvez) Антонио — депутат учредительных кортесов, инициатор восстания в Картахене.

ИЗ ДАЧНЫХ ПРОГУЛОК КУЗЬМЫ ПРУТКОВА И ЕГО ДРУГА

(Стр. 248)

Источники текста

НР — Наборная рукопись рукою А. Г. Достоевской с поправками Достоевского. Ее же рукою надпись на конверте: «„Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга“, для журнала „Гражданин“ за 1878 ‹г.›». Редакционное предисловие и вставка «Некоторые выразили мысль ∾ без малейшей одежды» (л. 1 об.; см. выше, с. 248, строки 34—39) — рукою В. Ф. Пуцыковича. 5 листов. Датируется 1878 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.13; см.: *Описание*, с. 95.

Гр — 1878, 10 октября, № 23—25, стр. 495—496.

Впервые напечатано: *Гр*, 1878, 10 октября, № 23—25, стр. 495—496, с подписью: Друг Кузьмы Пруткова.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. I, стр. 42—46.

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями по *НР*:

Стр. 248, *строка* 19: «штуки» вместо «шутки».

Стр. 249, *строка* 8: «влез» вместо «залез».

Стр. 249, *строка* 19: «притом» вместо «потом».

Стр. 250, *строка* 26: «ни разу потом не появился» вместо «ни разу не появился».

Стр. 251, *строка* 16: «можно было бы» вместо «можно бы».

Настоящий фельетон — последний опыт Достоевского-пародиста. Об отношении его к Козьме Пруткову см. также: наст. изд., т. V, стр. 56.

Тексту фельетона предшествовало следующее редакционное предисловие, написанное В. Ф. Пуцыковичем: «Во время трехмесячного перерыва мы в свое время, в июле месяце, получили за подписью „Друга Кузьмы

Пруткова“ нижеследующий фельетон, настоящий смысл которого, признаться, для нас не совсем ясен; притом же мы несколько не верим рассказанному событию, тем более что и пруда на Елагином острову, по отзыву знатоков, не оказывается. Во всяком случае, мы не совсем понимаем, что сей сон значит, но, однако, помещаем его. *Ред.*».

Стр. 248. . . .*на Елагином острове*. . . Елагин — один из островов в северо-западной части Невской дельты, омывается Большой и Средней Невкой при впадении их в Финский залив; с середины XIX в. одно из любимых мест прогулок петербургских жителей.

Стр. 248. *На поверхности пруда вдруг показался выплывший тритон, по-русски водяной*. . .— Тритон — морской демон, согласно греческой мифологии — сын Посейдона и Амфитриты.

Стр. 248. . . . *Пьер Бобо*. . . — Подразумевается писатель П. Д. Боборыкин (см. выше, стр. 404).

Стр. 249. . . .*в фоколях*. . . — Правильно: фокаль (от лат. focale) — шейный платок-галстук.

Стр. 249. . . .*с восточным вопросом, только лишь разрешившимся в данную минуту на Берлинском конгрессе*. — Заседания созванного по инициативе Австро-Венгрии и Англии Берлинского конгресса, начавшиеся 13 июня 1878 г., закончились 13 июля 1878 г. подписанием трактата, который пересматривал в ущерб России условия Сан-Стефанского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

Стр. 249. . . .*великий жид для британских интересов с хитрою целью* ∾ *от воинственного задора*. — Биконсфильд (Дизраэли) Бенджамен (1804—1881), с 1876 г. лорд — английский политический деятель, сторонник партии тори (аристократов-землевладельцев), романист, потомок испанских евреев, бежавших в Англию от инквизиции. В 1868, 1874—1880 гг. — премьер-министр Великобритании. В 1878 г. представлял Англию при подписании Берлинского трактата между Россией и Турцией. О деятельности Биконсфильда, направленной против интересов России и балканских народов, в 1878 г. много писалось в русских газетах и журналах разных направлений.

Стр. 249. . . .*господину Полетике, издателю «Биржевых ведомостей», жаждущему мира*. . . — Полетика Василий Аполлонович (ок. 1825—1888) — либеральный журналист, горный инженер и промышленник, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей» и «Северной пчелы», издатель «Биржевых ведомостей» (1876—1879), с февраля 1879 г. переименованных в «Молву» (1879—1881). Достоевский, по-видимому, намекает на следующее недавнее высказывание его газеты: «Россия хочет освобождения христианского Востока от мусульманской власти и в то же время хочет сделаться лучшим союзником Турции. Общая цель (войны) заключалась исключительно в том, чтобы положить конец прискорбному порядку вещей, благодаря коему Восток оставался постоянно угрозою для всеобщего мира» (*БВ*, 1878, 28 июля, № 206).

Стр. 249. . . .*тезис о яблоке натуральном и яблоке нарисованном*. — В 1864 г. в майском номере журнала «Эпоха» в отрывке из романа «Щедродаров» на стр. 280—281 Достоевский в тех же словах пародийно охарактеризовал теорию Чернышевского (см.: наст. изд., т. XX, стр. 108—109, 326—327).

Стр. 250. . . .*в следующий же номер «Отечественных записок» в отдел «Умеренности и аккуратности»* ∾ *раздетый донага, квартальный*. . . — Сатирический цикл М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» печатался в журнале «Отечественные записки» в 1874, 1876, 1877 и 1880 гг.

Образ квартального фигурирует во многих произведениях Щедрина («История одного города», «Помпадуры и помпадурши», «Современная идиллия» и др.). В романе «Современная идиллия» в главе VI приводится сцена с квартальным в бане (*Салтыков-Щедрин*, т. XV, кн. 1, стр. 78), но глава эта впервые была напечатана в 1883 г., так как была вырезана из журнала по требованию цензуры. Правда, в следующей книжке журнала (*ОЗ*, 1878, № 3) указан номер пропущенной главы — «VI», под которым были проставлены

три ряда точек. Можно предположить, что Достоевский читал эту запрещенную цензурой главу в рукописи, поскольку писатели не раз встречались в конце 1877—начале 1878 г.

Стр. 250. ... *после весенних наших петербургских волнений*... — Возможно, что Достоевский намекает на общественные волнения, связанные с выстрелом В. И. Засулич 24 января 1878 г. в петербургского градоначальника генерал-майора Ф. Ф. Трепова и ее оправданием 31 марта 1878 г. судом присяжных. Достоевский присутствовал на суде и был свидетелем демонстрации публики, приветствовавшей оправдательный приговор. Газета «Гражданин», редактором которой в это время был В. Ф. Пуцыкович, много писала о деле Засулич (см.: *Гр*, 1878, 9 апреля, № 14, стр. 266—267; 15 апреля, № 15, стр. 290—291; 28 мая, № 20—21, стр. 410—411 и др.).

Стр. 250. ... *во времена Анны Монс, единственно чтоб понравиться которой Петр, как известно г-ну Мордовцеву, совершил свою великую реформу.* — Достоевский иронизирует над словами писателя-историка Д. Л. Мордовцева (1830—1905) в его историческом романе «Идеалисты и реалисты»: «Анна Монс — иноземка, дочь виноторговца — девушка, из любви к которой Петр особенно усердно поворачивал старую Русь лицом к Западу и поворачивал так круто, что Россия доселе остается немножко кривошейкою» (Д. Л. Мордовцев. Идеалисты и реалисты. Исторический роман. СПб., 1878, стр. 129).

Стр. 250. ... *вместе с двумя карликами* ∾ *и шутом Балакиревым*... — Мода на карликов во времена Анны Иоанновны получила отражение в хорошо известном Достоевскому с детства романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (М., 1835). Балакирев Иван Алексеевич (род. 1699) — доверенный слуга Петра I и Екатерины I. Играл влиятельную роль при Анне Иоанновне, будучи ее официальным шутом (см. также: наст. изд., т. I, стр. 486, 496).

Стр. 250. ... *русские естественные ученые* ∾ *г-да Сеченов, Менделеев, Бекетов, Бутлеров* и *tutti quanti.* — И. М. Сеченов (1829—1907) — основоположник русской физиологической школы; Д. И. Менделеев (1834—1907) — великий русский химик; А. Н. Бекетов (1825—1902) — ректор Петербургского университета, ботаник-морфолог и ботанико-географ, друг молодости Достоевского; А. М. Бутлеров (1828—1886) — химик и общественный деятель.

Стр. 250. *Всех более заслужил симпатии один очень ученый профессор зоологии* ∾ *что зоология и свет потеряли такую тему!* — Имеется в виду издатель журнала «Свет» Н. П. Вагнер (1829—1907) — зоолог, профессор Казанского и Петербургского университетов, президент общества экспериментальной психологии, а также писатель-беллетрист, известный под псевдонимом «Кот Мурлыка». В 1870-е годы ревностно занимался исследованием спиритических явлений, сотрудничал в «Ребусе» — органе русских спиритов. Познакомился с Достоевским в июле 1875 г. в Старой Руссе. Писатель иронически обыгрывает в фельетоне слово «свет», намекая на название и направление вагнеровского журнала, посвященного пропаганде спиритизма. В наборной рукописи словам «зоология и свет» соответствовал вариант «зоология, свет и „Свет“», причем к слову «Свет» было сделано подстрочное примечание: «Журнал, издаваемый профессором» (см. выше, стр. 355).

‹ЗАПИСИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ИЗ ЗАПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ 1872—1875 гг.›

‹I›

(Стр. 252)

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.11; см.: *Описание*, стр. 320—321.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 289—324.

В собрание сочинений включается впервые.

Записная тетрадь 1872—1875 гг. начата, очевидно, в конце 1872 г. (на обороте обложки тетради — помета Достоевского: 23 декабря 1872 г.). Наиболее поздние записи — о чем свидетельствуют выписки из журналов и газет с точными отсылками к источникам текста — относятся ко второй половине 1875 г.

Подавляющую часть этой тетради занимают подготовительные материалы к роману «Подросток» (см.: наст. изд., т. XVI). В ней находится также «Дневник по журналу» — программы (проекты) номеров и расчеты с авторами, печатавшимися на страницах «Гражданина», редактором которого Достоевский был с января 1873 по апрель 1874 г.

При публикации записей выдерживался (за отдельными исключениями) хронологический принцип. Основными ориентирами при этом служили имеющиеся авторские даты, материалы с точными отсылками к соответствующим номерам «Гражданина», наконец, смысловая связь набросков с последовательно публиковавшимися статьями «Дневника писателя».

Стр. 252. *Белинск‹ий›: он тосковал только. ∾ Он предвидел высшую цель.* — Запись относится к периоду работы Достоевского над статьей «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. Ср.: «Этот ‹. . .› человек ‹. . .› иногда, впрочем, очень грустил; но грусть эта была особого рода, — не от сомнений, не от разочарований, о нет, — а вот почему не сегодня, почему не завтра? ‹. . .› Белинский никогда не рисовался» (стр. 12).

Стр. 252. *Ведь общеграждане все показали тыл ∾ ощущали в Евр‹опе› свою обеспеченность.* — Понятие «общеграждане» в представлении Достоевского связывалось с оторванностью части лучших представителей русского дворянства от народной почвы, с трагическим скитальчеством, наделенностью «всемирным болением» и мыслью о «всепримирении идей» — объединении всех частных «идей» западных народов. Свое художественное воплощение (в наиболее полном виде) тип «общегражданина» получил в образе Версилова («Подросток»), центральной фигурой в литературной генеалогии которого является А. И. Герцен (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 288—291). В статье «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский называет Герцена «gentilhomme russe et citoyen du monde» и добавляет: «Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами» (стр. 8). В черновых набросках к «Бесам» среди других помет, связанных с чтением Герцена, есть запись: «Хорошо устроил денежные обстоятельства» (см.: наст. изд., т. XI, стр. 66). В характеристике Герцена («Старые люди») Достоевский вновь повторяет: «Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность» (стр. 9).

Стр. 252. *Нечаев — неужели нет, кто бы сказал, что это действительно гнусно.* — Данное суждение Достоевского связано с публикацией отчета о процессе С. Г. Нечаева (см.: *ПВ*, 1873, 12 января, № 10; *Гр*, 1873, 22 января, № 4) и ожесточенными спорами вокруг романа «Бесы» (см.: наст. изд., т. XII, стр. 257—272). Непосредственно это суждение полемически восходит, по-видимому, к рецензии на роман «Бесы» Н. К. Михайловского, отмечавшего, что нечаевское дело «могло бы доставить материал для романа уголовного, узкого и мелкого, могло бы, пожалуй, занять место и в картине современной жизни, но не иначе, как в качестве третьестепенного эпизода» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 323). О Нечаеве и нечаевцах см. в статье «Одна из современных фальшей», заключающей «Дневник писателя» за 1873 г.

Стр. 252. *С другой стороны, штундисты.* — О штунде см. в комментарии к статье «Смятенный вид» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 414). К теме «штунды» Достоевский возвращается и в «Дневнике писателя» за 1877 г. (январь, гл. I, раздел «Миражи. Штунда и редстокисты»).

Стр. 253. *Так как в слове «европеец» уже заключается отрицание ∾ Приготовило отвлеченность высшего сословия нашего.* — См. комментарий к роману «Подросток» (наст. изд., т. XVII, стр. 330—334).

Стр. 253. *Декабристы — бунт помещичий (западники).* — О трактовке писателем проблемы «декабристы и западничество» см.: А. В. Архипова,

Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, стр. 219—246.

С т р. 253. . . . *у нас Н. М‹ихайловский› толкует о том, что национальное вредно народу. . .* — Понятия «нация» и «народ» сопоставляются Михайловским в «Литературных и журнальных заметках» (*ОЗ*, 1873, № 1, отд. II, стр. 149, 153—154) в связи с обсуждением в русской периодике экономических итогов 1872 г.: «. . . надобно определить взаимные отношения двух наиболее ясных понятий о народе: народ как нация и народ как совокупность трудящихся классов общества». Касаясь далее освещения этой проблемы на страницах «Гражданина» и «С.-Петербургских ведомостей», Михайловский продолжает: «Всякому известна ‹. . .› формула, к которой пришли добросовестные экономисты самых различных направлений: национальное богатство есть нищета народа. Поэтому всякому понятно, что и „Гражданин“, и „С.-Петербургские ведомости“, и вся публицистика, ратующая за развитие кредита в нашем отечестве, за умножение акционерных обществ в России, за развитие отечественной промышленности, — ратует за гибель и нищету русского народа ‹. . .› Добиваясь национального богатства, мы его получаем, но получаем вместе с тем же нищету народа». См. также: В. П. П о п о в. Проблема народа у Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 41—54.

С т р. 253. . . . *об Нечаеве никто не смеет высказаться (даже о Татьяне).* — См. выше, комментарий к стр. 125. Упоминание имени Татьяны связано, возможно, с интерпретацией этого образа Белинским в его девятой статье о Пушкине (см.: *Белинский*, т. VII, стр. 480—502). Свое понимание личности Татьяны, расходящееся с концепцией Белинского, Достоевский изложил в Пушкинской речи 1880 г. (см.: наст. изд., т. XXVII).

С т р. 253—254. *Н. М‹ихайловский›. Февр‹аль›. ∾ потому что вы предрешаете природу его.* — Приведенные суждения связаны не только с февральским выступлением Михайловского (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 314—343) по поводу романа «Бесы» и статей «Среда» и «Влас» из «Дневника писателя» за 1873 г., но и с размышлениями критика в январском номере «Отечественных записок» (1873, № 1, отд. II, стр. 143—162) о понятиях «нация» и «народ» (см. выше). В февральском номере, возвращаясь к мысли о значении «общего материального состояния» (высказанной еще в полемике со Страховым — *ОЗ*, 1872, № 9, отд. II, стр. 131—133) и говоря о реформах социальной и политической, Михайловский обосновывает предпочтительность реформы социальной: «Вы смеетесь над нелепым Шигалевым и несчастным Виргинским за их мысли о предпочтительности социальных реформ перед политическими. Это характерная для нас мысль, и знаете ли, что она значит? Для „общечеловека“, для citoyen'a, для человека, вкусившего плодов общечеловеческого древа познания добра и зла, не может быть ничего соблазнительнее свободы политической, свободы совести, слова устного и печатного, свободы обмена мыслей (политических сходок) и проч. И мы желаем этого, конечно. Но если все связанные с этою свободой права должны только протянуть для нас роль яркого и ароматного цветка, — мы не хотим этих прав и этой свободы! Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами (народу — *Ред.*), но еще увеличат их!» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. II, стр. 340). Идея социализма, интерпретируемая Достоевским как идея «превращения камней в хлебы» (см. комментарий к роману «Подросток» — наст. изд., т. XVII, стр. 283—288), строилась, по мнению писателя, на законах разума, рассудка и не учитывала природы человека в целом (см. комментарии к «Зимним заметкам о летних впечатлениях» и «Запискам из подполья» — наст. изд., т. V, стр. 361, 379—381). Характеристика монашеского общества дана в статье «Наши монастыри» (стр. 137—139).

С т р. 254. . . . *корреспонденция о губернаторе-охотнике, который вдруг вышел совсем невинен.* — 11 февраля в «Гражданине» (1873, № 7, стр. 211) сообщалось о происшествии в одной «замосковной губернии»: губернатор, вместе с посредниками, исправниками и мировыми судьями, «увлекшись» охотою, «наехали на большое стадо, принадлежавшее селу N; потоптав ско-

тину, стали топтать и поля <. . .> Крестьяне остановили наездников силою», обойдясь с губернатором «не совсем почтительно». В защиту крестьян, расправа над которыми последовала немедленно, выступил товарищ прокурора. В начале марта в ряде газет появились опровержения заметки в «Гражданине» (см., например: *СИ*, 1873, 8 марта, № 65). 19 марта в «Гражданине» (1873, № 12) была опубликована статья В. П. Мещерского «Губернаторские обеды. (Мысли по поводу обеда в честь рязанского губернатора)», в которой отмечалось: «Как ни ошеломило нас это известие, но мы все же ему искренно порадовались и, веря на слово опровержениям факта, нами первыми переданного, приготовились печатно исповедать нашу вину. Но вот беда в чем: радоваться пришлось недолго. Едва мы успели обрадоваться, как получили из источника (на этот раз уж достоверного) сведения об обеде *monstre*, данном рязанскому губернатору всеми сословиями губернии в честь его благополучного возвращения из Петербурга в Рязань» (стр. 359). В статье далее отмечалось, что рязанский «обед» не отвергает «вероятия эпизода об охоте», а факт «общественных обедов» и «кадильного дыма, воскуриваемого на этих обедах преданными слугами их превосходительств», не доказывает «непогрешимости губернатора и всеобщей к нему любви и уважения».

Стр. 254. *Что лик мира сего вы вашими теориями* (*разума*) *мало измените.* — О выражении «лик мира сего», неоднократно употребляемом Достоевским (ср., например, выше, стр. 157, а также беседу Версилова («Подросток») с Аркадием Долгоруким о возможном социальном обновлении мира — наст. изд., т. XIII, стр. 172), см. стр. 468.

Стр. 254. *Г-н Пыпин. Пыпин не легкомысленный ∾ славяноф*<*ильство*>, *конечно, есть обновление и новая мысль.* — О полемике Достоевского с шестой частью работы А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений. . .» (*ВЕ*, 1872, № 11, стр. 47—97; № 12, стр. 618—678), в которой с западнических позиций давался исторический анализ теории славянофилов, см. выше, стр. 438.

Стр. 254. *Социализм — это то же христианство. . .* — См. статью «Одна из современных фальшей» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 130), а также стр. 494 («Иностранные события» и комментарий к ним).

Стр. 254. *Кажется, вас определяют человеком лет 30, то есть в первой молодости.* — Имеется в виду, вероятно, Н. К. Михайловский (р. 1842). Об отношении Достоевского к Михайловскому и характере их полемики см. в комментариях к статьям «Полписьма „одного лица“», «Одна из современных фальшей» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 415, 453) и роману «Подросток» (наст. изд., т. XVII, стр. 285).

Стр. 254. *Нет, я хочу идеала ∾ Застрелиться под музыку.* — Некоторые из зафиксированных здесь мотивов были развиты Достоевским в период работы над романом «Подросток» (ср., например, о «безобразии» Его (будущего Версилова); о Лизе: «*Лиза* никому не должна, все ей должны» — наст. изд., т. XVI, стр. 395, 65).

Стр. 255. *О вы, историки наши, празднующие двухсотлетние юбилеи. . .* — Юбилей Петра I (200 лет со дня рождения) отмечался в России в 1872 г. (см. выше, стр. 464).

Стр. 255. *Шелопуты. ∾ другое может подобное явиться.* — Сообщение о быстром распространении секты шелопутов среди православного населения Кавказа появилось 29 января в «Областном обозрении» «Гражданина» (1873, № 5, стр. 129—130). «Эта секта,— отмечалось в «Гражданине», — представляет некоторое сходство с сектой хлыстов, опирается в своих догматах на священное писание, искажаемое невежественным толкованием безграмотных ее вождей». Факт появления секты шелопутов соотносился в «Гражданине» с быстрым распространением на юге России другой секты — штунды. Причинам отхода от православия (упадок церковной проповеди, небрежное отношение священников к ряду церковных обрядов и т. д.) был посвящен специальный раздел «Областного обозрения» «Гражданина» еще в конце 1872 г. (см.: *Гр*, 1872, 4 декабря, № 31, стр. 456—460). О важнейших мерах, противодействующих отходу от православия, говорилось в «Областном обозрении» № 31 «Гражданина» от 30 июля 1873 г.

Стр. 255. *Искусство дает формы выжитому чувству. . .* — Ср. с записью в подготовительных материалах к роману «Подросток»: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего одним или несколькими сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно» (наст. изд., т. XVI, стр. 10). См. также выше, стр. 72.

Стр. 255. *Салтык‹ову›. ∞ я подозреваю, что Гамбетта. . .* — Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель (1838—1882) — французский политический деятель (см. комментарий к «Иностранным событиям», стр. 488). Под именем «российского Гамбетты», слывшего между «своими» даже «красным», М. Е. Салтыков-Щедрин вывел в «Благонамеренных речах» (очерк «По части женского вопроса» — *ОЗ*, 1873, № 1, отд. I, стр. 1—32) русского либерала, западника и противника почвенничества Тебенькова. О чтении Достоевским этого очерка Щедрина см. в статье «Смятенный вид» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 54).

Стр. 255. *Аввакум: задача женщины не в красивом виде.* — Речь идет, возможно, о «Посланиях протопопа Аввакума» (*РА*, 1864, № 7—8, стр. 707—717) к боярыне Феодоре Морозовой, княгине Евдокии Урусовой и Марии Даниловой, в которых восхваляется деятельность женщин на стезе добра.

Стр. 255. *А между тем какой гуманный глубокий вопрос ∞ великая вещь искусство?* — Ср. комментарий к статье «По поводу выставки» из «Дневника писателя» за 1873 г., связывающий эту запись Достоевского с полемикой его с Михайловским о роли литературы в общественной жизни (стр. 422).

Стр. 255. *Буренина очень тонкие отметки ∞ и вершине Алтая.* — Имеется в виду отзыв В. П. Буренина о поэме Некрасова «Русские женщины» (*СПбВед*, 1873, 27 января, № 27), в котором осуждалась попытка Некрасова «соединить документальную точность с поэтическим творчеством». В качестве одного из примеров такой неудавшейся попытки приводились следующие строки:

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

«Героиня, летящая кубарем с „вершины Алтая“, — писал Буренин, — производит впечатление „комическое“, а между тем поэт желал сказать о „подвиге самопожертвования“». Отзыв Достоевского об этой поэме Некрасова в статье «По поводу выставки» из «Дневника писателя» за 1873 г. в ряде моментов может быть соотнесен с суждениями Буренина (ср. стр. 73).

Стр. 255. *Многое случилось великими предначертаниями Петра, обратившего священника почти что в чиновника.* — Имеются в виду последствия церковной реформы Петра I 1720 г., заменившей патриаршую форму церковного правления (неподсудность церкви государству) коллегиальной синодальной. См. об этом: комментарий к статье «Ряженый» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 433).

Стр. 256. *Я не удивлюсь ∞ как об Испании.* — См. комментарий к «Иностранным событиям» (стр. 480—481).

Стр. 256. *И Н. М‹ихайловского›, открывшего народ ∞ с самыми похвальными, впрочем, целями).* — Ср. выше, стр. 306 (черновой автограф статьи «Полписьма „одного лица“») и стр. 453 (комментарий к статье «Одна из современных фальшей»).

Стр. 256. *В сущности, республики — правительства аристократические (смотри 35 № «Гражд‹анина›», Франция). . .* — Данное рассуждение связано со статьей К. П. Победоносцева «Франция. Взгляд на теперешнее ее состояние» (*Гр*, 1873, 27 августа, № 35; подпись: Z.Z.).

Стр. 256. *Дева-роза.* — Образ, восходящий к стихотворению А. С. Пушкина «О дева-роза, я в оковах» (1824).

Стр. 256. *Да отзовется же наконец трезвое понимание. Среда.* — Имеется в виду полемическое выступление Михайловского в «Отечественных записках» (1873, № 2, отд. II, стр. 333—339) по поводу статей «Среда» и «Влас» из «Дневника писателя» за 1873 г. (см. об этом стр. 387, 399—400).

С т р. 257. *Оба стыдящиеся подлеца. ∾ Это из так называемых стыдящихся подлецов.* — Мотив, реализованный в романе «Подросток». На собрании у Дергачева, в своем выступлении против «разумного отношения к человечеству», Аркадий Долгорукий говорит: «Видите ли-с, есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убежденные, что их подлость есть высочайшее благородство, подлецы стыдящиеся, то есть стыдящиеся собственной подлости, но при непременном намерении все-таки ее докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы» (наст. изд., т. XIII, стр. 49).

С т р. 257. *Вы довели до того, что и идеи своей они больше не любят. Мы стояли на эшафоте с верою ∾ О злодеи, отравившие поколение. Не вы, Н. М ‹ихайловский›. Корни глубже!* — О концепции «поколений» Достоевского в период подведения итогов десятилетия реформ и полемике его на эту тему с консервативной, либеральной и демократической (Н. К. Михайловский) мыслью см. в статье «Одна из современных фальшей» из «Дневника писателя» за 1873 г. и комментарии к ней (стр. 451). В этой же статье получила свое дальнейшее развитие мысль о нравственном идеале петрашевцев (стр. 129—130). Об эпидемии самоубийств в эпоху «всеобщего химического разложения», отражении ее на страницах «Гражданина» в 1873—начале 1874 г., полемике Достоевского с В. П. Мещерским по этому вопросу и роли этой полемики в становлении замысла романа «Подросток» см.: наст. изд., т. XVII, стр. 260—262.

С т р. 257. *Кухарка 5 руб‹лей› потеряла.* — См. наст. изд., т. XVI, стр. 68; т. XVII, стр. 405.

С т р. 257. *«Какая пустая и глупая шутка».* — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840). У Лермонтова:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка. . .

С т р. 257. *В простенке умирающая мать спорила с дочерью ∾ Мировой присудил не содержать.* — Данные записи связаны с процессом об иске вдовы надворного советника Е. А. Эсиповой против дочери — артистки А. Н. Эсиповой, состоявшемся в мае 1873 г. в Петербурге. А. Н. Эсипова отказалась материально обеспечить мать и брата, «впавших в бедность» (Петербургский листок, 1873, 19 мая, № 97).

С т р. 258. *Старые постарели. ∾ Смешнее всех старье, приписавшееся к молодым.* — Понятие «старые люди» Достоевский относил к поколению 1840-х годов, воспитанному на идеях западноевропейского утопического социализма, «отцам» современной молодежи. Проблеме «старых людей» посвящена одноименная статья из «Дневника писателя» за 1873 г. (см. стр. 8—12). Этой же проблемы Достоевский касается и в статье «Одна из современных фальшей» (см. стр. 125—136). «Старые люди» играют главную роль в родословной старшего Верховенского («Бесы») и Версилова («Подросток») (подробнее об этом см.: наст. изд., т. XVII, стр. 290). Комментируемая запись повторяется почти дословно в самохарактеристике Версилова: «. . . я-то думал, что всё еще не отстал от поколения и понимаю современную молодежь. Да, старье наше старится чуть не раньше, чем созреет» (наст.изд., т. XIII, стр. 148—149).

С т р. 258. *Атеизм есть болезнь аристократическая ∾ что я предсказывал еще в «Бесах» и всегда.)* — Ср. в обзоре «Иностранные события»: «. . . религиозный либерализм, индифферентизм и, наконец, атеизм всегда и во все века и времена были болезнями сословий высших, аристократических» (стр. 229). В указанном Достоевским номере «Московских ведомостей» 1873 г. отмечалось: «Римский корреспондент „Times“ сообщает, что в Ватикане вовсе не были особенно довольны визитом бывшей испанской королевы Изабеллы ‹. . .› Вообще, по словам корреспондента, папа и Ватикан теперь весьма мало расположены рассчитывать на помощь государей, и гораздо вероятнее, что они постараются войти в союз с демократией. „Так как теперь дело решает число, — говорят клерикалы, — то мы должны стать во главе невежественных масс и показать либералам, что и мы сами умеем играть в эту игру“».

С т р. 258. *Л. П ‹апко›ва* — автор опубликованных в «Гражданине» стихотворений «Вопросы» (*Гр*, 1873, 2 июля, № 27, стр. 760), «Вслед за мгновением мгновенье» (*Гр*, 1873, 12 ноября, № 46, стр. 1238) и др. Вместе со стихотворением «Ветер дует, жалобно свистя» Л. Папкова отправила эти стихи Достоевскому 8 июня 1873 г. (*ГБЛ*, ф. 93. II. 7.67 — см.: *ЛН*, т. 83, стр. 336). Сохранилась беловая рукопись стихотворения Папковой «Вслед за мгновением мгновенье», переписанная Достоевским после сделанной им правки (*ГБЛ*, ф. 93. II.8.122 — см.: *ЛН*, т. 83, стр. 336).

С т р. 258. *Классические языки — европеизм, либерализм.* — Об отношении Достоевского к реформе 1871 г., заменившей «реальное» образование «классическим», и оживленной полемике вокруг нее в русской периодике см. выше, стр. 450.

С т р. 258. *Орган людей с независимым убеждением.* — Запись связана, возможно, со следующим высказыванием Н. К. Михайловского в февральском номере «Отечественных записок» за 1873 г.: «Когда стало известным, что г-н Достоевский делается ответственным редактором „Гражданина", „органа русских людей, стоящих вне всякой партии", многие были этим обстоятельством заинтересованы» (отд. II, стр. 314; курсив наш, — *Ред.*).

С т р. 258. *«Текущая жизнь».* — Раздел «Из текущей жизни» не был регулярным, но присутствовал в большинстве номеров «Гражданина». Он велся коллективно В. П. Мещерским, Достоевским, А. У. Порецким и, по-видимому, В. Ф. Пуцыковичем. В июле 1873 г. Мещерский писал Достоевскому: «Из текущей жизни на всех нас (4 части) одно и то же впечатление: неясно, не знаешь, что именно хотелось сказать автору, а фактов слишком мало!» (*ЛН*, т. 83, стр. 328).

С т р. 258. *«С.-Петерб‹ургское› обозрение». «Политич‹еское› обозр‹ение›». ∾ «Внутреннее обозр‹ение›».* — В «Гражданине» печатались «Петербургское обозрение», «Политическое обозрение», «Внутреннее обозрение» и «Областное обозрение». В большинстве случаев автором двух последних обозрений был А. У. Порецкий (см. о нем комментарий к стр. 259). Раздел «Областное обозрение» печатался в «Гражданине» наиболее регулярно.

С т р. 259. *Есть статьи Юркевича?* — Юркевич Памфил Данилович (1827—1874) — философ и педагог. В 1873 г. его работы в «Гражданине» не печатались; в 1874 г. был помещен его некролог (*Гр*, 1874, 14 октября, № 41), в котором вспоминалась относящаяся к началу 1860-х годов полемика Юркевича с Чернышевским в связи с работой последнего «Антропологический принцип в философии». См. также: *ЛН*, т. 83, стр. 328.

С т р. 259. *Погодина?* — Еще в 1872 г. М. П. Погодин (1800—1875), историк и писатель, профессор Московского университета, напечатал в «Гражданине» статьи «За Скопина» (*Гр*, 1872, 17 января, № 3) и «За Пожарского» (*Гр*, 1872, 2 и 16 июля, №№ 27, 29). В № 4 «Гражданина» от 22 января 1873 г. была опубликована его статья «Еще за Минина». В феврале 1873 г. Погодин выступил со статьей «К характеристике Белинского. (Справка с объяснениями)» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9), в которой во многом опирался на суждения Достоевского о Белинском в статье «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. (см. комментарий к стр. 10). В №№ 11 и 13 «Гражданина» за 1873 г. (от 12 и 26 марта) была опубликована статья Погодина «К вопросу о славянофилах». О деятельном участии Погодина в «Гражданине» свидетельствует его письмо к Достоевскому от 29 марта 1873 г. (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 329).

С т р. 259. *Кельсиева?* — К 1873 г. в «Гражданине» была опубликована работа В. И. Кельсиева «Заметки о татарском влиянии на великороссов» (*Гр*, 1873, 29 октября, 5 ноября, №№ 44, 45). В начале года «Гражданин» поместил его некролог, в котором говорилось: «Кельсиев, известный авантюрист и литератор, русский эмигрант, мечтавший произвесть агитацию между русскими раскольниками в России и за границей. Разочаровавшись в мечтах, он добровольно вернулся в Россию и занимался до конца жизни литературными трудами в Петербурге» (*Гр*, 1873, 15 января, № 3, стр. 81). Об интересе Достоевского к личности Кельсиева см. в комментариях к романам «Преступление и наказание» (наст. изд., т. VII, стр. 395) и «Бесы» (наст. изд., т. XII, стр. 232—233). См. также выше, стр. 135.

Стр. 259. *Что-нибудь Пуцыкович.* — Пуцыкович Виктор Феофилови (1843—1909) — писатель и публицист, секретарь редакции «Гражданина», с апреля 1874 г. — преемник Достоевского на посту редактора журнала, с 1877 по 1879 г. — его издатель-редактор. В 1879—1881 гг. — издатель-редактор «Русского гражданина» в Берлине. В «Гражданине» Достоевского Пуцыкович участвовал, по-видимому, в составлении раздела «Из текущей жизни», неоднократно выступал на страницах журнала и с самостоятельными работами. Его воспоминания о Достоевском см.: Берлинский листок, 1903, № 1; *НВр*, 1902, 16 января, № 9292; *МВед*, 1910, 28 января и 9 июня, №№ 22 и 130. См. также о нем: *Д, Письма*, т. III, стр. 301.

Стр. 259. *Романы.* — В «Гражданине» в 1873—начале 1874 г. печатались романы В. П. Мещерского «Один из наших Бисмарков» и «Женщины. Роман из петербургского большого света» (см. ниже). В редакции журнала находилась также рукопись романа А. В. Круглова, возвращенная автору. В своих воспоминаниях Круглов отмечает, что «роман касался семейного счастья», и приводит обращенные к нему слова Достоевского: «Вы еще слишком мало жили, чтобы дерзать так много говорить о таком большом предмете» (см.: А. В. Круглов. Первые шаги (Из воспоминаний). — *ИВ*, 1894, № 4, стр. 92).

Стр. 259. *Комедия.* — В 1873 г. в «Гражданине» была напечатана комедия А. Ф. Писемского «Подкопы» (11 февраля—5 марта, №№ 7—10) и комедия из народного (фабричного) быта Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра». См. комментарий к стр. 96—105.

Стр. 259. *И роман дамы.* — Имеется в виду, вероятно, роман В. И. Прибытковой «Болезнь нашего времени». В «Гражданине» этот роман опубликован не был. В декабре 1873 г. Достоевский (после письма к нему Прибытковой от 26 октября 1873 г. — *ИРЛИ*, ф. 100, № 29826, ССХІб.9) передал рукопись в редакцию «Русского вестника», считая, что по объему для «Гражданина» роман не подходит (см. письмо Достоевского к Н. А. Любимову от 13 декабря 1873 г.). Речь может идти также о романе Н. С. Кохановской (см. письмо М. П. Погодина к Достоевскому от 29 марта 1873 г. — *ЛН*, т. 83, стр. 330).

Стр. 259. *Что-нибудь от Филиппова* (?). — Тертий Иванович Филиппов (см. о нем выше, стр. 461) напечатал в «Гражданине» статьи «Петербургское общество любителей духовного просвещения» (*Гр*, 1873, 21 мая—2 июля, №№ 21—27, без подписи) и «Чтение Т. И. Филиппова в заседании Петербургского общества любителей духовного просвещения 28 февраля» (*Гр*, 1874, №№ 10—12, 13—14, 15 и 16 от 11, 18, 25 марта, 8, 15 и 22 апреля). Достоевский поддерживал Филиппова в его спорах о «судьбах единоверия», о расколе. Об отношении Достоевского к «Чтению Т. И. Филиппова. . .» см. ниже, стр. 543; см. также: *ЛН*, т. 15, стр. 150—155 (письма Филиппова к Достоевскому, относящиеся к 1873—1874 гг.); т. 83, стр. 330.

Стр. 259. *Непременно от Мещерского.* — Об основателе и издателе «Гражданина» князе В. П. Мещерском и отношениях с ним Достоевского в 1873—1874 гг. см. выше, стр. 360—362, 366—368, а также комментарий к роману «Подросток» (наст. изд., т. XVII, стр. 261—262); *Гроссман, Достоевский и правительственные круги*, стр. 83—123. С момента основания журнала Мещерский участвовал в составлении раздела «Из текущей жизни» (см. комментарий к стр. 258), выступал с заметками и очерками (часто за подписью К. В. М.) на злободневные политические, общественные и бытовые темы (о пьянстве, земстве, военной реформе, молодом поколении, проблемах педагогики и т. д.). В 1873 г. на страницах «Гражданина» печаталась также часть третья его романа «Один из наших Бисмарков» (*Гр*, 1873, 1 и 15 января, 11 февраля, 12 марта, 23 апреля, 7 и 14 мая, №№ 1, 3, 7, 11, 17, 19, 20), а в 1873—1874 гг. «Женщины. Роман из петербургского большого света» (*Гр*, 1873, №№ 48—52; 1874, №№ 1—6, 8—10, 12, 15—18, 20—35, 37, 44, 46, 47). Об отношении Достоевского к беллетристической деятельности Мещерского, романы которого выдерживали в то время по нескольку изданий, рассказывает А. М. Александров: «Федор Михайлович предсказывал давно уже сбывшуюся недолговечность этого успеха ‹. . .› потому, что К. В. М. пишет свои

романы смаху, то есть не обрабатывая идейную и не отделывая литературно-техническую сторону их <. . .> А жаль будет, потому что у этого был несомненный талант» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 249—250).

С т р. 259. *Постоянное сотрудничество Страхова.* — О Н. Н. Страхове (1828—1896), его личных и творческих взаимоотношениях с Достоевским см. в комментариях к романам «Бесы» и «Подросток» (наст. изд., т. XII, XVII). В «Гражданине» Страхов сотрудничал еще до прихода Достоевского. На его постоянное участие в журнале надеялся и Достоевский. 26 февраля 1873 г. он писал М. П. Погодину: «Меня мучит многое, например совершенное отсутствие сотрудников по библиографическому отделу. Воротился на этой неделе из Крыма Страхов, я обрадовался (будет критика), а он вдруг серьезно заболел. . .» Наиболее существенные работы Страхова, опубликованные в «Гражданине» периода редакторства Достоевского, — цикл статей «Заметки о текущей литературе» (*Гр*, 1873, 16, 30 апреля, 7, 14, 21, 28 мая, №№ 15—16, 18—22), работа «Нечто о характере нашего времени» (*Гр*, 1873, 3 сентября, № 36). Отдельные мотивы их имели определенное значение для оформления замысла романа «Подросток» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 284—285, 298). В разделе «Критика и библиография» были помещены рецензии Страхова на следующие издания: «Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit», Bd. XIII («История наук в Германии. Новое время», т. XIII); «Geschichte der deutschen Philosophie». V. Dr. Eduard Zeller. München, 1873 («История немецкой философии» Эдуарда Целлера. Мюнхен, 1873) (*Гр*, 1873, 6, 13 августа, №№ 32, 33); «Der alte und der neue Glaube». Ein Bekenntniss von David Friedrich Strauss. Dritte Auflage. Leipzig, 1872 («Старая и новая вера». Исповедание Давида Штрауса. Изд. 3-е. Лейпциг, 1872) (*Гр*, 1873, 24 сентября, 1, 8 октября, №№ 39—41); «Простая речь о мудреных вещах» М. Погодина (*Гр*, 1873, 22 октября, № 43); «Психологические этюды» И. Сеченова (*Гр*, 1873, 19, 26 ноября, №№ 47, 48); «Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербеля; «Франц фон Зиккинген» Ф. Лассаля (*Гр*, 10 декабря, № 50) и т. д.

С т р. 259. *Иметь в виду Порецкого.* — Порецкий Александр Устинович (1819—1879), приятель Достоевского с 1840-х годов, писатель, в 1864—1865 гг. официальный редактор «Эпохи». Во «Времени» вел раздел «Внутреннее обозрение», в «Гражданине» — «Петербургское обозрение», «Политическое обозрение», «Внутреннее обозрение» и «Областное обозрение», участвовал в составлении раздела «Из текущей жизни». См. письмо Достоевского к Порецкому от 15—20 июля 1873 г., а также: *ЛН*, т. 83, стр. 194—195, 331.

С т р. 259. *Секретарь Соловьев.* — Возможно, имеется в виду Николай Иванович Соловьев (1831—1874), единомышленник Достоевского и его сотрудник по журналу «Эпоха». 14 января 1874 г. в «Гражданине» (№ 2) был помещен некролог Соловьева, написанный, по-видимому, Достоевским (обоснование его авторства см. на стр. 540). Г. Ф. Коган не исключает возможности, что речь в данном случае могла идти также либо о Всеволоде Сергеевиче Соловьеве (1849—1903), с которым Достоевский познакомился в самом начале своей деятельности в качестве редактора «Гражданина», либо о Владимире Сергеевиче Соловьеве (1853—1900), принимавшем деятельное участие в журнале (см.: *ЛН*, т. 83, стр. 331—332).

С т р. 259. *Иметь в виду Богданова.* — Как установлено Г. Ф. Коган, в феврале 1873 г. П. Богданов предлагал «Гражданину» очерк «В вокзале» (см. письмо Богданова к Достоевскому от 4 февраля 1873 г. — *ГБЛ*, ф. 93. I.105). Возможно также, что речь идет о статье Богданова, посвященной выставке (см. стр. 260).

С т р. 259. *О монахах.* — В № 4 «Гражданина» (1873, 22 января) под заглавием «Наши монастыри» была опубликована рецензия Достоевского на серию статей «Наши монастыри, их богатства и получаемые ими пособия» в журнале «Беседа» за 1872 г. В № 31 «Гражданина» (1873, 30 июля) за подписью «Из монастырских» — статья «К вопросу о монастырях». См. также стр. 459.

С т р. 259. *О земстве.* — Возможно, речь идет о статье «Новое хорошее дело в земстве» (*Гр*, 1873, 5 февраля, № 6), в которой как положительный

факт отмечалась инициатива черниговского земства, начавшего «рационально статистическое изучение своей губернии» (стр. 178—179). 11 февраля в «Гражданине» (1873, № 7) была также опубликована заметка А. Мансурова «Письмо о касимовском земстве», опровергающая факты, изложенные в статье о касимовском земстве, напечатанной в «Гражданине» еще в 1872 г. (№ 22). Полемика закончилась статьей «Еще о касимовском земстве» (*Гр*, 1873, 21 мая, № 21) (см. ниже, стр. 532). Тема земства была очень популярна на страницах «Гражданина» в течение всего 1873 г. в связи с обсуждением итогов десятилетия реформ в русской периодической печати. См., например, статью «О деятельности нашего земства» за подписью Н. Б. (*Гр*, 1873, 12 марта, № 11) и заметку «Еще несколько слов обвинителям земства» за подписью «Один из гласных» (*Гр*, 1873, 16 апреля, № 15—16).

С т р. 259. *Об открытии школы.* — Имеются в виду, возможно, данные об открытии народных школ в обозрении «1872 год» (*Гр*, 1873, 1 января, № 1).

С т р. 259. *Письмо дамы.* — Имеется в виду, возможно, письмо Л. Ю. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина“ „К делу!“» (*Гр*, 1873, 26 марта, 2 апреля, №№ 13, 14) (см. о нем ниже, стр. 529). В «Гражданине» в 1873 г. было опубликовано также письмо Н. С. Кохановской «Гласное слово на всю Москву и ее округу» (*Гр*, 1873, 8 января, № 2) об отравлении жителей соленой рыбой; в 1874 г. — «Письмо к редактору» С. Крапивиной (Лободы) (*Гр*, 1874, 1 января, № 1) о голоде в Самарской губернии. См. также ниже, стр. 274 и 529; *ЛН*, т. 83, стр. 332.

С т р. 259. *Белов.* — Белов Евгений Александрович (1826—1896) — историк и публицист, в молодости увлекался утопическим социализмом, привлекался по делу Н. Г. Чернышевского; автор книг «Курс средней истории» (СПб., 1878), «Русская история до реформы Петра Великого» (СПб., 1895); один из активных сотрудников «Гражданина». 23 июля 1873 г. Достоевский писал А. Г. Достоевской: «Мне ужасно начинает нравиться один из новых моих сотрудников, Белов (пишет критические статьи) ‹. . .› кажется, мы могли бы сойтись ‹. . .›». Однако уже вскоре отношение Достоевского к Белову меняется: «. . .кажется, небольшой он литератор; но человек полезный» (т. XXVII). Письма Белова к Достоевскому свидетельствуют о возникших расхождениях по идеологическим мотивам (см. отрывки из писем Белова от 22 и 24 августа 1873 г.: *ЛН*, т. 83, стр. 341—342). На страницах «Гражданина» наиболее существенными были следующие выступления Белова: «„Нашим детям“ (научно-литературный сборник), издание А. Н. Якоби» (*Гр*, 1873, 25 июня, № 26); «Туман в истории и политике (по поводу статьи г-на Спасовича, «Вестник Европы», апрель 1873 г. Разбор «Опыта социологии» Стронина)» (*Гр*, 1873, 9 июля, № 28); «Что читает народ?» (*Гр*, 1873, 16 июля, № 29); «Двадцатисеминедельное общее образование. (Юнкерские училища, историческое обозрение их развития и деятельности). Генерал-майора Бобровского» (*Гр*, 1873, 23 июля, № 30); «„Наш друг. Книга для чтения учащихся в школе и дома“ барона Н. А. Корфа» (*Гр*, 1873, 30 июля, № 31); «Ученое скоморошество («Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества с XVIII века до сороковых годов XIX века и с сороковых годов до настоящего времени» А. Щапова)» (*Гр*, 1873, 13 августа, № 33) и т. д. См. также комментарий А. С. Долинина к письму Достоевского к А. Г. Достоевской от 23 июля 1873 г. — *Д*, *Письма*, т. III, стр. 310.

С т р. 259. *«М‹осковские› заметки».* — Один из наиболее регулярных разделов «Гражданина». Печатались за подписью «Москвич» (см.: *Гр*, 1873, 8, 22 января, 19 февраля, 12, 26 марта, 16, 30 апреля, 28 мая и т. д., №№ 2, 4, 8, 11, 13, 15—16, 18, 22 и т. д.).

С т р. 259. *Фадеева.* — Имеется в виду, возможно, Р. А. Фадеев (см. о нем комментарий к стр. 264). Работы за его подписью в «Гражданине» 1873— начала 1874 г. не печатались. В № 44 (*Гр*, 1873, 29 октября) была помещена рецензия (без подписи) на его книгу «Наш военный вопрос. Военные и политические статьи» (СПб., 1873).

С т р. 259. *Незнакомца* — т. е. А. С. Суворина. Периодическое фельетонное обозрение Суворина «Недельные очерки и картинки» (за подписью «Незнакомец») во многом определяло в 1860—1870-е годы «лица» газет «Новое

время», «С.-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», регулярно читавшихся Достоевским. Один из фельетонов Суворина (*СПбВед*, 1873, 15 июля, № 192) послужил важнейшим поводом для написания статьи «Маленькие картинки» из «Дневника писателя» за 1873 г. (см. стр. 445). Этот же фельетон комментируется Достоевским и в статье «Учителю» (см. стр. 113—114 и 448). Фельетоны Суворина Достоевский вспоминает также в записной тетради 1872—1875 гг. (см. ниже, стр. 272). Книга Незнакомца (А. С. Суворина) «Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок», кн. 1—2 (СПб., 1875) имелась в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека*, стр. 132).

Стр. 259. «*Странствование Парфения*». — Речь идет о книге «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника Святые Горы Афонские инока Парфения» (чч. 1—4. М., 1856). О значении ее для оформления замыслов романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» см. в комментариях к этим романам (наст. изд., т. XII, стр. 336; т. XV, стр. 528; т. XVII, стр. 412—413).

Стр. 259. «*Правила апостольские*». — Апостольские правила и постановления — «наставления относительно благоповедения, богослужения и управления христиан, дошедшие от древнейших времен христианства» (см.: Постановления апостольские. В русском переводе И. Н. Казань, 1864).

Стр. 259. *Взять «Жития»*. . . — «Избранные жития святых», по месяцам, составленные по руководству Четьих-Миней, в двенадцати книгах, выпускались в Москве отцом Макарием в 1860—1861 гг. (см.: наст. изд., т. XV, стр. 530). В библиотеке Достоевского имелось одиннадцать выпусков этого издания (см.: *Библиотека*, стр. 154).

Стр. 259. *. . .Полевого*. — Возможно, имеется в виду книга Н. А. Полевого «Народные русские сказки», о которой на страницах «Гражданина» неоднократно писал Е. А. Белов. 30 сентября в «Гражданине» (1874, № 39) была опубликована его статья «Педагогический вопрос: можно ли читать детям сказки?. .».

Стр. 259. *Мою тетрадку каторжн‹ую›*. — Речь идет о Сибирской тетради Достоевского — его первой дошедшей до нас записной книжке (которую он вел в Сибири, в остроге и по выходе из него) с записями поговорок, присловий, пословиц, анекдотов, песен, отрывков тюремных легенд, отдельных метких народных выражений (см.: наст. изд., т. IV, стр. 235—247, 310—322).

Стр. 259. *Часть «Войны и мира»*. — Запись сделана, возможно, в связи с подготовкой к печати в начале 1873 г. третьего издания «Сочинений» Л. Н. Толстого, в котором последние четыре тома были предназначены для «Войны и мира». О подробностях издания Достоевский мог знать через Н. Н. Страхова (см.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 15—16. М., 1955, стр. 131—135).

Стр. 259. *Гражданина Стенли*. — Имеется в виду, вероятно, Стэнли (Stanley) Генри Мортон (1841—1904), английский путешественник по Африке и писатель. Объявление о выходе его книги «Как я нашел Ливингстона» («How I found Livingstone». London, 1872) появилось в «С.-Петербургских ведомостях» (1873, 1 февраля, № 32) одновременно с извещением о выходе «Бесов».

Стр. 259. *Силлабус* — приложенное к папской энциклике от 8 декабря 1864 г. перечисление и осуждение всех принципов и форм жизни, не соответствующих учению католической церкви, с требованием полного подчинения науки и государства авторитету церкви.

Стр. 259. *. . .нет ли рассказа у Горбунова*? — Горбунов Иван Федорович (1831—1895) — актер, рассказчик и писатель. В «Гражданине» 1873—начала 1874 г. произведения Горбунова не публиковались. Подробно об отношениях Достоевского с Горбуновым см.: наст. изд., т. XV, стр. 592.

Стр. 259. *Ответить Шиитову*. — Речь идет, по-видимому, об А. П. Шипове, авторе статьи «О банковой реформе и об устранении давлений плутократии» (*Гр*, 1873, 19 марта, № 12).

Стр. 259. *О Пугачеве Сальяса*. — 19 марта в «Гражданине» (1873, № 12) было опубликовано произведение Е. А. Салиаса «Сполох и майдан. (Отрывок из романа времени пугачевщины)».

С т р. 260. *Николаевского «Вена».* — Очевидно, имеется в виду статья «Письмо из Вены» за подписью «Дорогобужский турист» (*Гр*, 1873, 19 марта, № 12), написанная незадолго до открытия всемирной выставки (см. комментарий к стр. 261).

С т р. 260. *Статьи Данченки.* — Немирович-Данченко Василий Иванович (1844—1936) — поэт и писатель. Его работа «Неведомые пустыни. («Новая земля» и «Остров Вайгач»)» была опубликована в «Гражданине» (подпись: В. Н.-Д.) в 1873 г. (см.: *Гр*, 16 апреля, 7 мая, 17 сентября, № 15—16, 19, 38).

С т р. 260. *Генслера.* — Очерки и рассказы И. С. Генслера (1820—1870-е годы) были известны Достоевскому еще в 1860-х годах (см. рецензию на очерк Генслера «Гаваньские чиновники» в журнале «Время» (1861, № 2)). В 1873 г. в «Гражданине» (26 февраля, 5 марта, №№ 9, 10) были опубликованы «Гаваньские сцены» Генслера, о которых Достоевский писал М. П. Погодину 26 февраля 1873 г.: «Литературные сценки Генслера (в сегодняшнем №) я почти вновь пересочинил». В этот же день Генслер сообщал в письме Достоевскому о том, что у него имеются «две статьи, две юмористические гаваньские сцены, листа в два печатных, готовые совсем». И продолжал: «Когда напишу — гаваньские свадьбы и крестины, тогда, может быть, вы согласитесь перепечатать „Биографию Кота“» (*ЛН*, т. 83, стр. 334). О редакторской работе Достоевского над очерками Генслера см.: В. В. Виноградов. И. С. Генслер и Ф. М. Достоевский — редактор «Гаваньских сцен». — *РЛ*, 1964, № 2, стр. 71—91.

С т р. 260. *О лондонской жизни.* — В статье К. П. Победоносцева «Из Лондона» (*Гр*, 1873, 2 июля, № 27, подпись:***) говорилось о пропаганде английского духовенства против России в пользу Персии в связи с приездом в Англию персидского шаха. См. стр. 279, а также: *Гроссман, Достоевский и правительственные круги* (стр. 83—123); письмо Победоносцева к Достоевскому от 21 июня 1873 г. (*ЛН*, т. 15, стр. 124).

С т р. 260. *«Панславизм и греки».* — Так называлась статья К. Н. Леонтьева (Н. Константинова) (*РВ*, 1873, № 2). Толкование восточного вопроса в этой статье вытекало из общей идеи противопоставления Востока в целом (славяне, греки, румыны, турки, венгры и т. д.) западному миру («латинскому и германскому») в качестве «оплота против безбожия, анархии и всеобщего огрубения». М. П. Погодину 26 февраля 1873 г. Достоевский писал о статье Леонтьева: «Эта статья меня даже поразила. Если не читали, то прочтите и напишите мне хоть два слова о ней. Хочу писать статью по ее поводу. Меня поразил особенно последний вывод о том, что собственно должен означать для России восточный вопрос отныне? (Борьба со *всей идеей* Запада, то есть с социализмом)».

С т р. 260. *Мои.* — Речь идет, вероятно, о «Дневнике писателя».

С т р. 260. *«Куль хлеба».* — 8 января 1873 г. в «Гражданине» (№ 2) была опубликована рецензия на книгу С. Максимова «Куль хлеба и его похождения» (СПб., 1873). В рецензии отмечалось: «В ней в ярких и живых красках изображен быт всего, что живет, движется, работает, наживает барыши, стонет и страдает, хлеба ради, на Руси» (стр. 56). По значению ее «для познания России» книга Максимова ставилась здесь выше появившегося одновременно с нею «Дневника провинциала в Петербурге» М. Е. Салтыкова-Щедрина (*ОЗ*, 1872, №№ 1—6, 8, 10—12).

С т р. 260. *Гимнастика и воспитание.* — Имеется в виду, вероятно, составленная К. А. Шмидтом книга «Руководство гимнастики (для детских приютов, народных семинарий и школ для применения к домашнему воспитанию детей)» (СПб., 1873).

С т р. 260. *«Кустарная промышленность».* — В 1873 г. в «Гражданине» была напечатана статья Р. Попова «Кустарная промышленность в России и артельная организация народного труда» (26 марта, 2 апреля, 25 мая, №№ 13, 14, 22 .

С т р. 260. *Чтения Коховского в Соляном городке. . .* — В № 68 «Голоса» (1873, 9 марта) сообщалось об устройстве публичных народных чтений и издании этих чтений в виде дешевых брошюр («на днях доставлено и чтение г-на Коховского „О труде и отдыхе“»).

С т р. 260. *Свящ‹енник› Иоанн Никольский в «Петербургском листке».* — В том же № 68 «Голоса» говорилось о письме священника Иоанна Никольского в «Петербургском листке» о громадной смертности питомцев петербургского воспитательного дома.

С т р. 260. *Письмо от Прежевского из Вологды ∞ может ли рассчитывать на работу в «Гражданине».* — За подписью Прежевского в «Гражданине» 1873—начала 1874 г. публикаций не появлялось.

С т р. 260. *Г-жа Грунильон ∞ ответить в город Рогачев, Могилевской губернии.* — Рассказ г-жи Грунильон в «Гражданине» 1873—начала 1874 г. помещен не был.

С т р. 261. *Богданову отдана.* — Речь идет об этюде И. Богданова «Плотники», возвращенном Достоевским автору с обещанием напечатать в «Гражданине» другие его работы, «если они не будут противоречить взглядам редакции» (см. письмо Богданова к Достоевскому от 4 февраля 1873 г. — *ГБЛ*, ф. 93.I.105; цит. по: *ЛН*, т. 83, стр. 335).

С т р. 261. *Что пользы на могильный камень Лить солнцу свой горячий луч?* — последние строки стихотворения Л. Папковой «Когда ты лжешь. . .» (*Гр*, 1873, 11 июня, № 24, стр. 682). См. также комментарий к стр. 258.

С т р. 261. *В статью. Церковь отрицательная — протестантская. Падет Рим, и raison d'être лютеранства исчезнет.* — Эта проблематика была затронута в статье «Смятенный вид» из «Дневника писателя» за 1873 г. и подробно развита в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 1, «Три идеи»).

С т р. 261. *«Лот‹ерейный› билет» (повесть).* — Повесть И. Кулакова «Лотерейный билет» печаталась в №№ 28, 29 и 30 «Гражданина» (от 9, 16 и 23 июля) за подписью «К.». В. В. Тимофеева (О. Починковская) вспоминает об этой повести: «Раз, читая в корректуре какой-то рассказ или повесть (кажется, автор была Крапивина), где описывалось, как в одной бедной семье, в ложной надежде на выигрыш банкового билета, устроили целый банкет, и подробно изображались все приготовления к чаю, Федор Михайлович обратился ко мне и сказал: „Так это у нее хорошо тут описано, как они собираются чай пить, что мне даже самому захотелось. Просто слюнки текут!“» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 145—146).

С т р. 261. *Венская выставка.* — Венская всемирная выставка (пятая всемирная промышленная выставка) была открыта 1 мая 1873 г. (см. также стр. 487). В «Гражданине» с № 20 регулярно помещался «Отчет о венской выставке» М. Шлезингера (см.: *Гр*, 1873, 14, 21, 28 мая, 4, 25 июня и т. д., №№ 20—23, 26 и т. д.), а 12 ноября была опубликована статья (подпись: И. Л.) «За кулисами всемирной выставки» (*Гр*, 1873, № 46).

С т р. 261. *Следующий № (24).* — Этот номер вышел 11 июня 1873 г.

С т р. 261. *«Хива».* — С № 24 (1873, 11 июня) в «Гражданине» В. Ф. Пуцыковичем была начата публикация материалов о присоединении Хивинского ханства под заглавием «Хивинский поход».

С т р. 261. *Филиппова.* — В № 24 «Гражданина» (1873, 11 июня) было помещено продолжение статьи Т. И. Филиппова «Петербургское общество любителей духовного просвещения». См. также комментарий к стр. 259.

С т р. 261. *2-й акт драмы.* — В № 24 «Гражданина» было опубликовано второе действие драмы Д. Д. Кишенского «Пить до дна — не видать добра». Началась публикация пьесы в № 23 (от 4 июня), закончилась — в № 25 (от 18 июня). Этой драме Достоевский посвятил отдельную статью в «Дневнике писателя» за 1873 г. — «По поводу новой драмы» (см. стр. 96—105).

С т р. 261. *Стишки.* — В № 24 «Гражданина» под общим заглавием «Мгновения» были опубликованы стихотворения Вас. И. Немировича-Данченко («Пережитая ночь»; подпись: В. Н. Д.) и Л. Папковой («Когда ты лжешь. . .»; подпись: Л. П—ва). См. также: *ЛН*, т. 83, стр. 335—336.

С т р. 261. *«Текущая жизнь».* — В этом разделе № 24 «Гражданина» были напечатаны «Пожар в селе Измайлове», «Стена на стену» и «История о. Нила» Достоевского (см. выше, стр. 142—153).

С т р. 262. «*Московск‹ие› ведом‹ости›*», *№ 153, 20 июня. О прусской армии из Зиновьева* ∾ *перейти без царей к народу.* — Имеется в виду передовая статья «Московских ведомостей» (1873, 20 июня, № 153), в которой говорилось о работе полковника М. Зиновьева «Заметки о германской армии» (Военный сборник, 1873, №№ 5, 6). О сообщении римского корреспондента «Times», помещенном в этом же номере газеты в разделе «Последняя почта», см. комментарий к стр. 258.

С т р. 262. «*С.-Петербургские ведомости*», *№ 169* (*22 июня*). *О книге Бобровского* «*Юнкерские училища*» ∾ *И об аресте в Одессе в один день 300 праздношатающихся.* — В «С.-Петербургских ведомостях» (1873, 22 июня, № 169) вышедший в Петербурге в 1872 г. первый том книги П. О. Бобровского «Юнкерские училища» был назван «крупным вкладом в нашу педагогическую литературу и историю нашего просвещения». На книгу Бобровского «Гражданин» обратил внимание в разделе «Из текущей жизни» 9 июля (№ 28). 23 июля в № 30 «Гражданина» была напечатана статья Е. А. Белова «Двадцатисеминедельное общее образование. (Юнкерские училища, историческое обозрение их развития и деятельности). Генерал-майора Бобровского». В том же № 169 «С.-Петербургских ведомостей» в разделе «Внутренние известия» помещены сообщение о прибытии в Тамбов ремонтеров из Германии и Франции, «весьма усердно скупающих лошадей», а также следующая заметка: «В Одессе ‹. . .› 16-го июня в 10 ч. утра полициею бульварного участка было в городском саду задержано около 200 праздношатающихся лиц обоего пола, которые находились там с утра до вечера и производили всякие безобразия. Из них многие оказались с просроченными паспортами и более 10 лиц с фальшивыми документами».

С т р. 262. «*Московские ведомости*», *№ 154, июня 21. Передовая статья о возвращении Красноводского отряда. Извлечение из «Инвалида» о том же. Вамбери о Хивинском походе.* Хивинский поход — военные действия в Средней Азии, закончившиеся занятием русскими войсками 29 мая 1873 г. столицы хивинского ханства — Хивы. В «Московских ведомостях» (1873, 21 июня, № 154) этим событиям была посвящена передовая статья «Хивинская экспедиция. Возвращение Красноводского отряда». В № 24 «Гражданина» (от 11 июня) была помещена статья В. Ф. Пуцыковича (без подписи) «Хивинский поход». В ней приводились извлечения из «Русского инвалида», дававшего подробные отчеты об этой кампании, и, в частности, пересказывалось мнение о походе венгерского путешественника, ориенталиста, исследователя Средней Азии и публициста Германа (Арминия) Вамбери (Vambery) (1832—1913) (см. об этом также выше, стр. 468). Обзор материалов, связанных с Хивинским походом, давался в №№ 25, 28, 29, 33, 34, 36 «Гражданина» (от 18 июня, 9 и 16 июля, 13 и 20 августа, 30 сентября).

С т р. 262. *Шах в Манчестере.* — Имеется в виду посещение персидским шахом Наср-эд-дином Ливерпуля и Манчестера 26 и 27 июня 1873 г. О пребывании шаха в Англии сообщалось в статье К. П. Победоносцева «Из Лондона» (*Гр*, 1873, 2 июля, № 27; подпись: ***). См. также ниже, стр. 532.

С т р. 262. *Судебный приговор о продаже жены в варшав‹ском› суде.* — 7 июня 1873 г. в варшавском уголовном суде рассматривалось «дело Ивана Щепанского, 38 лет, мельника из Новой Деревни, и Карла Борковского, 65 лет, о нарушении супружеских прав и особенно о продаже жены Щепанским Борковскому». 10 октября 1872 г. Иван Щепанский, «возвращаясь навеселе с ярмарки в Коле», поссорился со своей 26-летней женой Франциской и продал ее за 50 рублей корчмарю из деревни Млыны Карлу Борковскому, сказавшему, что, «будучи вдовцом, он нуждается в хозяйке». Франциска Щепанская и ее отец обратились с жалобой в гминное управление, и туда были вызваны для объяснений Щепанский и Борковский. Борковский утверждал, что «ему не было известно, что нельзя покупать человека и что он полагал, что муж имеет право продать свою жену». Щепанский же показал, что продал свою жену ради шутки, но 50 руб. Борковскому не возвратил. Дело было передано в уголовный суд, который «приговорил Щепанского за превышение супружеских прав и Борк овского за соучастие в этом деле ‹. . .› к тюремному заклю-

чению на четыре месяца и двадцать дней, а затем к церковному покаянию. . .» (*МВед*, 1873, 21 июня, № 154; см. также: Судебный вестник, 1873, 16 июня, № 128).

Стр. 262. *Проекты статей в «Гражданин». Статья: «Газета „Голос"», готовиться всё лето (перед подпиской).* — Речь идет, возможно, о неосуществленном замысле статьи о газете «Голос», полемика с которой проходит через ряд статей из «Дневника писателя» за 1873 г. (см., например, «Полписьма „одного лица"», «По поводу выставки», «Маленькие картинки», «Учителю», «Нечто о вранье»). О выступлениях «Гражданина» против газеты «Голос» и возможном участии в них Достоевского (разделы «Ералаш» и «Последняя страничка») см.: В. В. Виноградов. Достоевский и Краевский. — В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 26—32. «Голосу» был посвящен также раздел в обзоре «Из Москвы» в № 44 «Гражданина» от 29 октября 1873 г.

Стр. 262. *32 № «Гражданина». «Текущая жизнь». О народных книжках.* — В разделе «Из текущей жизни» (*Гр*, 1873, 6 августа, № 32) в связи с анализом издательской деятельности А. В. Морозова шла речь о специфике книг для народного чтения, о том, «чем может быть достигнута вот эта именно цель — чтобы хорошая по существу содержания книжка простым человеком прочлась, полюбилась, стала его любимым чтением» (стр. 889—890).

Стр. 262. *2 августа, четверг, фельетон в «Голосе» W — похвала гражданским похоронам.* — В «Областном обозрении» «Гражданина» (1873, 30 июля, № 31) приводилась заметка из «Тульских епархиальных ведомостей», в которой «текстами из разных постановлений церкви» доказывалось, что «умершие от пьянства, наравне с вольными самоубийцами, должны быть лишаемы христианского погребения». Присоединяясь к этому суждению, обозреватель «Гражданина» замечал: «Что вы против этого возразите: ничего нельзя возразить! Мера! . . Да это даже и не мера, а только строгое исполнение постановления церкви; следовательно, ни жестокостью, ни несправедливостью его никто не имеет права назвать. А не подействовать оно не может». Отклик на это выступление содержится в статье «Литература и жизнь» (за подписью «W.») из газеты «Голос» (1873, 2 августа, № 212). Об отношении Достоевского к проблеме «пьянства» см. в статье «Мечты и грезы» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 95 и 437).

Стр. 262. *Четверг, 9 августа. Wimpfen, «Голос», о чтении в «Истории древностей российск‹их›» (на Катков‹а›).* — Летом 1873 г. вышла первая книга «Чтений в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете», где в статье «Трилогия на трилогию» осуждалось отношение бывшего профессора Московского университета М. Н. Каткова к уставу русских университетов. В статье «Литература и жизнь» (за подписью «W.») «Голос» (1873, 9 августа, № 218) выступил в поддержку «Чтений» в их полемике с «Московскими ведомостями».

Стр. 262. *О том, как преподавать закон божий в первоначальных школах детям ∾ №№ 34 и 35 «Гражданина» и 33).* — В №№ 33—34 «Гражданина» (13, 20 августа) статьи или сообщения на указанную Достоевским тему отсутствуют. Лишь в «Областном обозрении» № 35 «Гражданина» (от 27 августа) в разделе о преподавании в народных школах сообщается о просьбе духовенства Первого Благочинского округа Горбатовского уезда Нижегородской губернии открыть в этом округе церковно-приходские школы, в которых предметами преподавания должны были стать «исключительно закон божий и церковное пение» (стр. 943).

Стр. 262. *Пожары. Число пригов‹оров› Пензенск‹ой› губер‹нии› (современность).* — В «Областном обозрении» № 31 «Гражданина» от 30 июля 1873 г. сообщалось о растущем числе пожаров в средней полосе России. Одной из причин поджогов было пьянство. Останавливаясь на различных мерах борьбы с поджогами и пьянством, предлагаемых по инициативе самого народа, обозреватель отмечал: «Известно, что Саратовская губерния — близкая и непосредственная соседка губернии Пензенской, в которой, как тоже известно, совершаются много раз оглашенные приговоры крестьян, отрекающихся от пьянства в кабаках. А приговоров этих, заметим мимоходом, теперь уже насчитывают там 534. „Сар‹атовский› спр‹авочный› листок" открыл

главный источник этих единодушных отречений. „Если не ошибаемся, — говорит он, — главная причина такого единодушия заключается не в чем ином, как в круговой поруке обществ“». См. также комментарий к статье «Мечты и грезы» из «Дневника писателя“ за 1873 г. (стр. 437).

Стр. 262. *Монах* (*«Русские ведомости»*). — Речь идет о событиях «текущей действительности», которые легли в основу очерка Достоевского «История о. Нила» (см. стр. 148—153 и 465).

Стр. 262. *Ослабели.* — Ср. в «Дневнике писателя» за 1873 г. (статьи «Нечто личное» (стр. 31) и «По поводу новой драмы» (стр. 100)), а также выше, стр. 146 и 338 (очерки «Стена на стену» и «История о. Нила» — наборная рукопись).

Стр. 262. *Убиение жены. M-me Bovari* (*прошлого года на плите сжарил*). — Мотивы, частично отраженные в подготовительных материалах к роману «Подросток» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 17, 18; т. XVII, 432). Мадам Бовари — героиня романа Г. Флобера «Госпожа Бовари» («Madame Bovary», 1857).

Стр. 263. *Странные сказки* (*сумасшедшего*) ∾ *Дуэль с Кр‹аевски›м, пуля в задняце.* — Очевидно, мотивы замыслов художественного и публицистического характера. Ряд из них («Перемена голов», «Унгерн-Штернберг», «Стрела и нос Наполеона III-го») присутствовал в сознании писателя в период формирования замыслов романов «Преступление и наказание» и «Подросток» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 86, 406—407; т. XVII, стр. 400).

Стр. 263. *Дети. Мучения детей* (*«Что ж ты не помог?»*). — Широко распространенный мотив творчества Достоевского. Данная запись связана, по-видимому, с первоначальными набросками к роману «Подросток», т. е. с замыслом романа «о детях, единственно о детях и о герое-ребенке» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 5) и с неосуществленным замыслом романа «Отцы и дети» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 6—8 и 430—435).

Стр. 263. *Давид. Ависага.* — В «Подростке» (ч. 3, гл. II) Аркадий Долгорукий спрашивает у Ламберта: «Знаешь ты историю Ависаги, Ламберт, читал ее?» (наст. изд., т. XIII, стр. 420). В Библии рассказывается о молодой красивой девушке Ависаге, сунамитянке, которую слуги престарелого царя Давида привели к своему господину. «Девица была очень красива, и ходила она за царем и прислуживала ему; но царь не познал ее» (Третья книга Царств, гл. I, ст. 4).

Стр. 263. *Butte aux cailles.* — Название «Butte aux cailles» (Перепелиный холм) носил холм на левом берегу Сены, в тринадцатом округе Парижа. Это было место обитания парижских сборщиков утиля, «тряпичников» («chiffonniers»). Сведения о Перепелином холме Достоевский почерпнул из второго очерка («Butte aux cailles» («Горка перепелов»)) цикла «Парижские силуэты», принадлежавшего П. А. Монтеверде (псевдоним Петр Петров) (*РВ*, 1875, № 6, стр. 606—629). См. об этом: В. Д. Рак. Дополнение к комментарию «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 177—183; ср. в черновых материалах к роману «Подросток» (наст. изд., т. XVII, стр. 326—327).

Стр. 262. *Дух добрый, обращающийся в злого.* — Ср. корреспонденцию от 8 октября 1873 г. в разделе «Иностранные события» (стр. 201—204).

Стр. 263. *Человек, так сказать, с беспрерывной соплей на носу.* — Образ, встречающийся в подготовительных материалах к роману «Подросток» (см.: наст. изд., т. XVI, стр. 421). Смысл этого выражения Достоевский разъясняет в «Дневнике писателя» за 1876 г. Упоминая об А. Ламартине, он пишет: «Я вовсе не приравниваю этого исторического человека к тем типам отзывчиво-поэтических людей, которые, так сказать, так и рождаются с соплей на носу» (*ДП*, 1876, февраль, гл. II, § 2, «Нечто об адвокатах вообще. Мои наивные и необразованные предположения. Нечто о талантах вообще и в особенности»).

Стр. 263. *«Чудный край, через Алтай. . .»* — Строка из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Тост», впервые опубликованного в альманахе «Метеор на 1845 год» (стр. 3—8), а затем вошедшего в собрание его стихотворений (т. 2. СПб., 1856, стр. 44—48). Ср.: наст. изд., т. XVII, стр. 425.

С т р. 264. . . .*удержалась не только между культурными, но даже проникнула и в стихийные слои России, говоря слогом Ростислава Фадеева.* — Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), с 1870 г. генерал в отставке, активный деятель антимилютинской оппозиции в 1860-е годы, публицист, автор книги «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)» (СПб., 1874), внимательно прочтенной Достоевским. Книга Фадеева имелась в библиотеке Достоевского (см.: *Библиотека*, стр. 152). О значении ее для замысла романа «Подросток» см.: наст. изд., т. XVII, стр. 257—258. Мысли, высказанные в полемике с Фадеевым, были развиты также в статьях «Ряженый», «Мечты и грезы» и «Одна из современных фальшей» из «Дневника писателя» за 1873 г

С т р. 264. . . .*приложить его ко всем сочинителям брошюр «Быть или не быть». Что мы такое, чем мы будем.* — Имеется в виду книга Р. А. Фадеева (см. предыдущий комментарий).

С т р. 264. *Я изобрел* ∾ *глагол «стушевался» (в «Голядкине»).* — См.: наст. изд., т. I, стр. 135, а также: *ДП*, 1877, ноябрь, гл. I, § 2, «История глагола „стушеваться"».

С т р. 264. *У Белинского, в восторге слишком известные литераторы — мой главнейший подпольный тип* ∾ *в художественной неудаче типа)).* — О первом чтении повести «Двойник» (еще до ее окончания) Достоевский вспоминает в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 2). О последующем разочаровании круга Белинского в «Двойнике» см.: наст. изд., т. I, стр. 484—485. Обращаясь к теме «подполья» в черновом наброске «Для предисловия» (к роману «Подросток»), Достоевский писал, что даже Гоголя — «честного и серьезного человека», русское подполье заставляло «врать и паясничать» (наст. изд., т. XVI, стр. 330). Подробнее о подпольном типе см. в комментариях к повестям «Двойник» (наст. изд., т. I, стр. 485—490) и «Записки из подполья» (наст. изд., т. V, стр. 377—378).

С т р. 264. *Кто слишком любит человечество вообще* ∾ *человека в частности.* — Ср. близкие к этому суждению Достоевского высказывания А. И. Герцена в книге «С того берега» («Для того, чтоб деятельно участвовать в мире, нас окружающем, я повторяю вам, мало желания и любви к человечеству. Все это какие-то неопределенные, мерцающие понятия — что такое любить человечество? Что такое самое человечество? ‹. . .› Что такое любовь, которая обнимает все, что перестало быть обезьяной, от эскимоса и готтентота до далай-ламы и папы, — я не могу в толк взять ‹. . .› что-то слишком широко. Если это та любовь, которою мы любим природу, планеты, вселенную, то я не думаю, чтоб она могла быть особенно деятельна» — см.: *Герцен*, т. VI, стр. 84) и Л. Н. Толстого в трактате «Царство божие внутри вас» («Где предел человечества? Где оно кончается или начинается? Кончается ли человечество дикарем, идиотом, алкоголиком, сумасшедшим включительно? ‹. . .› Любовь к человечеству, логически вытекая из любви к личности, не имеет смысла, потому что человечество — фикция» — Л. Н. Т о л с т о й. Полное собрание сочинений, т. 28. М., 1957, стр. 83, 296).

С т р. 264. *Верить же в то, что злодей* ∾ *у нас же сделали общее правило.* — Об отношении Достоевского к «теории среды» см. в статье «Среда» из «Дневника писателя» за 1873 г. и комментарии к ней (стр. 386), а также в комментарии к роману «Подросток» (наст. изд., т. XVII, стр. 261—262).

С т р. 265. *Ростислав Фадеев и Фурье.* ∾ *или генерал-мыслитель уж слишком умен. Вероятнее, что первое.* — Во второй главе своей книги «Русское общество в настоящем и будущем. . .» («Европейская революция и русские ее почитатели») Фадеев подвергает резкой критике социально-утопические учения, называя их «баснями, легко сходящими за глаза» (стр. 27), — в частности, систему «фаланстеров» Фурье — «страннопроимных мастерских» по его мнению (стр. 37). Комментируемая запись нашла свое дальнейшее развитие в статье «Одна из современных фальшей», заключающей «Дневник писателя» за 1873 г. О Фурье см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 118 и 336.

С т р. 265. *M-lle Ищенко и граф Толстой.* — Агафья Ищенко (р. 1858) украинская поэтесса-самоучка. Сообщение о ней было помещено в «С.-Пе-

тербургских ведомостях» (1875, 29 марта, № 86) и перепечатано в «Киевлянине» (1875. 3 апреля. № 40). В сообщении рассказывалось, что «адвокат Л., проезжая по делам гр. Т. по харьковско-азовской железной дороге», встретил в буфете на станции Алексеевка работницу, сочинявшую «экспромты по требованию посетителей», и «написал письмо гр. Т., описывая свою встречу и спрашивая его, не хочет ли он принять участие в этой девушке и взять ее воспитание на свой счет». Сообщение заканчивалось словами: «Гр. Т. выразил согласие, и в настоящее время Ганка Ищенко в Одессе». Вероятно, эта заметка и явилась поводом для комментируемой записи.

Стр. 265. *Говорят, северное и южное направления согласились наконец обратиться в Ясную Поляну ∾ Давно бы так.* — По-видимому, ирония по поводу затянувшегося на 10 лет обсуждения направления железной дороги, которая должна была соединить центральную Россию с Дальним Востоком. Решение по этому вопросу было принято в конце 1875 г. В «Голосе» (1875, 21 декабря, № 352) сообщалось: «Утверждено *южное* направление, идущее от Нижнего Новгорода, через Казань к Екатеринбургу и Тюмени <...> Много хлопот и стараний потрачено было на то, чтоб убедить правительство и общество в необходимости сооружения сибирской дороги ради исключительных, частных выгод Костромы, Кинешмы и Ветлуги. Тем не менее восторжествовал общерусский интерес, требовавший дороги в Сибирь для всей России, а не для той или другой местности, нуждающейся в железнодорожном сообщении».

Стр. 265. *«Московские ведомости». № 229. — Интересная статья о старокатоликах.* — В «Московских ведомостях» (1875, 10 сентября, № 229) была опубликована статья (без подписи) о старокатолическом движении в Германии, привлекшем «к себе сочувствие и надежды <...> и православно-восточного и западно-протестантского мира». Главная задача старокатолического движения определяется здесь как «возвращение к единой неразделльной церкви». Тема «старокатоличества» в Германии поднималась в 1873 г. и в «Гражданине» (см. стр. 184, 486).

Стр. 265. *«Голос», № 251. О том, как крысы съели ребенку ручку в Пензе.* — Сообщение об этом факте поступило из деревни Воейково, Саловской волости, Пензенской губернии (см.: *Г*, 1875, 11 сентября, № 251).

Стр. 265. *Двуличная статья Маркова «Упразднители современного общества».* — Имеется в виду печатавшаяся в «Голосе» (1875, 11—13 сентября, №№ 251—253) статья Е. Л. Маркова «Упразднители современного общества. (Критический этюд)» о молодом поколении 1870-х годов, «избравшем своей миссией пресловутое „хождение в народ“», и о принципах нового социального учения. Обвинение в «двуличности» связано, по-видимому, с очевидной попыткой Маркова соединить либеральную и консервативную точки зрения в толковании важнейших социальных вопросов. Прямая полемика Достоевского с Марковым прослеживается в статье «Одна из современных фальшей» из «Дневника писателя» за 1873 г.

Стр. 267. *Вся интеллигенция России ∾ Мордвиновы, Сперанские. . .* — Комментируемая запись окрашена почвенническими убеждениями Достоевского. Исполненные раздражения, несправедливые суждения о декабристах, Белинском, Герцене, Чернышевском, равно как и о либеральном западничестве, часто встречаются в письмах Достоевского периода «Бесов» и отразились в этом романе. См. комментарий к «Бесам» (наст. изд., т. XII).

Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — адмирал, видный государственный деятель времен Александра I. Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — министр Александра I; при Николае I руководил составлением свода законов Российской империи.

Стр. 267. *Подъем азиатских царств вдруг (Тамерлан) по издревле существующему там факту.* — Тамерлан, или Тимур (1336—1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, отличавшийся необычайной жестокостью.

Стр. 267. *Лермонтов ∾ дуэль Лермонтова — конец.* — 18 сентября 1875 г. в «Голосе» (№ 258) в статье «Очерки литературы» за подписью

«X. Y. Z.» сообщалось о напечатании в № 9 «Русской старины» драмы Лермонтова «Маскарад» по неизданной рукописи с примечаниями П. А. Ефремова, в которых приводились воспоминания Я. И. Костенецкого о причине дуэли. Статья кончалась словами: «Пора бы наконец ради истины и исторического достояния разъяснить как самый факт смерти, так и загадочную личность автора».

Стр. 267—268. *Не столь Петр Великий виноват, сколько его хвалители.* ∾ *«врачу, исцелися сам».* ∾ (*Задыхание России в тесных петровских рамках.*) — Цикл записей, связанных с оценкой петровских преобразований, обусловлен, с одной стороны, двухсотлетним юбилеем Петра I, праздновавшимся в 1872 г., с другой — размышлениями Достоевского об итогах пореформенного десятилетия. Неприятие писателем однозначных суждений о роли Петра в истории русского общества и государства западников («хвалителей» Петра) и славянофилов (слепо идеализировавших допетровскую Русь), утвердившееся в его идеологической системе с начала 1860-х годов, сохранилось до конца жизни Достоевского (см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 296—299). В комментируемых записях ощутимы акцент на антинародности преобразовательских идей Петра и противопоставление им реформ 1860-х годов, самая идея которых содержала в себе, как считал Достоевский, залог слияния образованности и народного начала (см. об этом выше, стр. 95, а также: наст. изд., т. XVII, стр. 257—259). *«врачу, исцелися сам»* — цитата из Евангелия от Луки (гл. 4, ст. 23).

Стр. 268. *NB. Там, где образование начиналось с техники* ∾ *открытия астрономические и проч.*). — *Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ, ученый-энциклопедист. Возникновение книгопечатания в Европе относится к 40-м годам XV в. и связывается с именем немецкого изобретателя Иоганна Гутенберга (р. 1394—1399 (?) или 1406—ум. 1468). Дымный порох, остававшийся единственным взрывчатым веществом для горных работ до середины XIX в. и единственным метательным средством до конца XIX в., начали применять в Европе с XIII в. Америка была открыта Христофором Колумбом (1451—1506) в 1492 г. В 1543 г. в труде «Об обращениях небесных сфер» польский астроном Н. Коперник (1473—1543) изложил разработанную и обоснованную им гелиоцентрическую систему мира, окончательно утвержденную несколько позднее Г. Галилеем (1564—1642). Реформация — общественно-политическое и идеологическое движение, охватившее европейские страны в XVI в., направленное против католичества и принявшее религиозные формы (наиболее видные идеологи Реформации — М. Лютер (1483—1546), У. Цвингли (1484—1531), Ж. Кальвин (1509—1564)).

Стр. 268. *. . .поляков освободил Александр. . .* — 27 ноября 1815 г. Александр I подписал конституцию Королевства Польского, согласно которой оно объявлялось неразрывно связанным с «всероссийским престолом», а русский император становился одновременно королем польским. Конституция 1815 г. провозглашала формальное равенство всех перед законом, неприкосновенность личности и имущества, свободу вероисповедания, печати и ряд других свобод. Управление Королевством осуществлялось наместником при номинальном участии двухпалатного сейма.

Стр. 269. *И когда иностранцам приходилось* ∾ *за своих братьев европейцев. . .* — См. комментарий к статье «По поводу выставки» из «Дневника писателя» за 1873 г. (стр. 425).

Стр. 269. *Укажут на Ломоносова* ∾ *где Платоны и быстрые разумом Невтоны?* — Вероятно, Достоевский имеет в виду деятельность Российской Академии наук, руководители которой отказались следовать тому направлению развития русской науки, которое было указано М. В. Ломоносовым. «Ода на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны» (1747) Ломоносова цитируется неточно.

У Ломоносова:

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов. . .

С т р. 269. *Укажут на литературу, но Пушкин (обожатель Петра) ∾ начало и начальник славянофилов.* — Высказанные здесь мысли о двойственном отношении Пушкина к деятельности Петра I были развиты Достоевским в его «Речи о Пушкине» (1880) (см.: наст. изд., т. XXVII).

С т р. 269. *А Гоголь был прямой отрицатель всех последствий Петра. . .* — О близости ряда идей Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями») и Достоевского (взаимоотношения России и Запада, роль православия в нравственном возрождении человечества) см. в комментариях к «Братьям Карамазовым» (наст. изд., т. XV, стр. 427—428), а также: *Библиотека*, стр. 76—77, .27).

С т р. 269—270. *Я помню талантливейших людей ∾ а если чему и выучились, то разве впоследствии сами.* — *Майков* Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт, переводчик, критик, друг Достоевского с середины 1840-х годов. В 1837—1841 гг. Майков учился на юридическом факультете Петербургского университета. *Крестовский* Всеволод Владимирович (1840—1895) — писатель, автор антинигилистических романов. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

С т р. 270. *Если раскуют ∾ кровь и грязь.* — Запись навеяна размышлениями над книгой французского мелкобуржуазного социолога и публициста, анархиста П. Ж. Прудона «Война и мир» (см. об отношении Достоевского к Прудону и об оценке этой его книги в русской критике и в журнале «Время» — наст. изд., т. IX, с. 414—415). К анализу идей Прудона о войне Достоевский вернулся в «Дневнике писателя» за 1876 г. (апрель, глава II, § 2 «Парадоксалист» — см. наст. изд., т. XXII), где мысль, сформулированная в данной записи, вложена в уста «мечтателя»-«парадоксалиста» и подвергнута углубленному художественно-философскому и культурно-историческому анализу. Итог своим длительным рассуждениям о войне и ее роли в жизни общества Достоевский подвел в «Дневнике писателя» в связи с оценкой сербо-турецкой (1876—1878) и русско-турецкой (1877—1878) войн. Достоевский признал войну «несчастьем», но провел при этом резкое различие между грабительскими, завоевательными и освободительными войнами. См. об этом: *ДП* 1877, апрель (см. наст. изд., т. XXV); Г. М. Ф р и д л е н д е р. Достоевский и мировая литература. М., 1979, с. 55—57.

С т р. 270. (*Петя Износков*). — Лицо, упоминаемое в четвертой главе цикла «Между делом» М. Е. Салтыкова-Щедрина, опубликованной в № 9 «Отечественных записок» за 1875 г.; «представитель культурного слоя» дворянства, о котором Щедрин писал: «Летом — на водах и в Швейцарии, осенью и весной — в Париже, на зиму — в Петербург; ест и пьет он отлично, спит в меру, желудок у него варит на славу, огорчений никаких» (*Салтыков-Щедрин*, т. 15, кн. 2, стр. 196—197).

С т р. 270. *Но это только доказывает, что все должны иметь право на землю ∾ поняли. Декабрист Якушкин — искреннейший человек.* — Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857) — декабрист. В 1819 г. предпринял неудачную попытку освободить своих крестьян от крепостной зависимости без земли. Впоследствии разработал общий план отмены крепостной зависимости с предоставлением крестьянам земли за выкуп (см.: Записки декабристов, вып. 1. Записки И. Д. Якушкина. Лондон, 1862, стр. 27—45; Мнение смоленского помещика об освобождении крестьян от крепостной зависимости (около 1820 года). — *РА*, 1865, стб. 1373—1379; В. С е м е в с к и й. Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX в., т. I. СПб., 1888, стр. 459—462; Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Ред. и комм. С. Я. Штрайха. М., 1951).

С т р. 271. (*Мысли романов. Убийство жены. Дети от него убежали. «Детки, детки, кто вам сказал?»* — Мотивы, связанные, возможно, с неосуществленным замыслом романа «Отцы и дети» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 6—7, 432—437).

С т р. 271. *История Петра Великого: ошибка историка Соловьева ∾ Это не история, а панегирик.* — Отрицательная оценка Достоевским книги С. М. Соловьева «Публичные чтения о Петре Великом» (1872) объясняется

тем, что он увидел в ней выражение западнической точки зрения на преобразовательную деятельность Петра I (см. также комментарий к стр. 41).

Стр. 271. *Ответ Юрия Самарина Ростиславу Фадееву на книгу его «Чем нам быть?»* — Речь идет о книге Ю. Самарина и Ф. Дмитриева «Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева „Русское общество в настоящем и будущем" и предположения петербургских дворян об организации всесословной волости» (Берлин, 1875), в которой давался резко критический анализ основных положений Фадеева.

Стр. 271. *«Московские ведомости», № 242 ∾ статья о переселенцах.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1875, 23 сентября, № 242) говорилось о необходимости создания особых учреждений для руководства переселением людей, «не находящих на родине условий для своего благосостояния даже при усиленном труде». По мысли автора статьи, «если бы в России правильно и разумно совершалось перемещение населения, то она могла бы извлекать из этого несравненно более выгоды, чем всякая другая страна, отправляющая избыток своего населения за моря или в чужие края». В августе 1873 г. вопрос о «переселении крестьян» поднимался в «Гражданине» (13 августа, № 33) в статье Н. Казанцева «Из восточной России. (Еще несколько слов о переселении крестьян)» (см. стр. 282, 534).

‹II›

(Стр. 272)

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.13; см.: *Описание*, стр. 321—322.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 359, 364.

В собрание сочинений включается впервые.

Стр. 272. *Об английской книге Аткинсона о русском искусстве.* — Речь идет о книге Аткинсона «Художественное путешествие по северным столицам Европы», значительная часть которой посвящена России. В № 117 «С.-Петербургских ведомостей» от 30 апреля 1874 г. была напечатана рецензия на сочинение под названием «Английская книга о русском искусстве и русских художниках». Автор рецензии рассказывал, что Аткинсон, прежде чем написать книгу, летом 1870 г. посетил Данию, Швецию и Россию, изучая в этих странах архитектуру и искусство, и приводил слова путешественника о русских художниках: «Надо удивляться, как мало знают вне России иных ее художников, которые, родись они в Париже или Лондоне, Берлине или Мюнхене, пользовались бы самою широкою известностью». Об отношении Достоевского к русской живописи см. выше, стр. 421—424; наст. изд., т. XIX, стр. 151—168.

Стр. 272. *О волостном писаре. . .* — В «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 1 мая, № 118) была помещена следующая заметка: «В одно волостное правление вызвана была крестьянка для разбирательства по поводу мелочной домашней ссоры. Несчастная не успела вымолвить слова в свое оправдание, как грозный писарь (нижний воинский чин) крикнул: «Розог». Беззащитную женщину потащили четверо крестьян, повалили на пол и наказали двадцатью пятью ударами». Это сообщение было перепечатано из «Биржевых ведомостей».

Стр. 272. *Убийство девочки. . .* — Речь идет о корреспонденции, перепечатанной «С.-Петербургскими ведомостями» (1874, 1 мая, № 118) из газеты «Киевлянин».

Стр. 272. *. . .интереснейшие подробности о Ледрю-Роллене.* — У Ледрю-Роллена, по словам К. Маркса, «проявление революционной энергии ограничивалось парламентскими вылазками, составлением обвинительных актов, угрозами, повышением голоса, громовыми речами и крайностями,

которые не шли дальше фраз» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII. Изд. 2-е. М., 1956, стр. 62).

В статье П. Петрова (псевдоним П. А. Монтеверде) «Внутренняя политика Франции за первую четверть века» рассказывалось о том, что в 1848 г. Ледрю-Роллен, будучи министром внутренних дел и расходуя бесконтрольно так называемый «секретный фонд», присвоил себе и перевел в лондонский банк около миллиона франков.

После разгона правительством демонстрации мелкобуржуазной демократии 13 июня 1849 г. Ледрю-Роллен, «объятый паническим страхом при первом ружейном выстреле», как пишет П. Петров, позорно бежал, выскочив из окна, и «в продолжение пяти дней скрывался в публичном доме» (*РВ*, 1874, № 4, стр. 854). Имя Ледрю-Роллена упоминалось Достоевским как синоним показного либерализма еще в 1860-х годах (см.: наст. изд., т. V, стр. 392).

Стр. 272. *Майские прусские законы (73 <г.>). ∾ церковные дела вообще.* — На эту тему в «Гражданине» 1874 г. (10 июня, № 23, стр. 621—624) была помещена специальная статья К. Заруцкого под названием «Борьба государственной власти с церковною в Пруссии. (Новые прусские церковные законы)». См. также выше, стр. 486.

Стр. 272. *Смотритель тюремного замка Макаров. Воспитатель малолетних преступников Гасабов.* — 5 декабря 1866 г. было обнародовано высочайшее распоряжение об учреждении особых приютов для нравственного исправления несовершеннолетних преступников. Первое учреждение такого типа было открыто только пять лет спустя, 18 ноября 1871 г., в Петербурге. Достоевский заинтересовался приютом, очевидно, в связи с появившимися в это время статьями В. Н. Никитина «Дети-преступники и их судьба» (*ВЕ*, 1874, № 1, стр. 379—392) и Е. И. Гасабова «Из заметок воспитателя малолетних преступников» (*СПбВед*, 1874, 21 марта, № 79). Знакомство с этими материалами нашло отражение в планах и набросках к «Подростку» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 266—267). Благодаря содействию А. Ф. Кони, Достоевский посетил тюремный замок для детей 27 декабря 1875 г. (см.: *Кони*, т. VIII, стр. 38).

Стр. 272. *Второстепенность и мелочность ∾ Изверг-сыноубийца.* — Наброски, относящиеся, вероятно, к неосуществленному замыслу статьи о Петре I. Аналогичные мысли о деятельности Петра I Достоевский высказывал уже в 1862 г. в статье «Два лагеря теоретиков» (см.: наст. изд., т. XX, стр. 5—22); некоторые из сделанных здесь заметок писатель развил в «Дневнике писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4, «Утопическое понимание истории»). Ср. записи о Петре I в записной тетради 1872—1875 гг. (стр. 267—268).

‹III›

(Стр. 273)

Печатается по автографу: ЦГАЛИ, ф. 212. 1.12; см.: *Описание*, стр. 321.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 349, 356.
В собрание сочинений включается впервые.
Записи сделаны в тетради, содержащей подготовительные материалы к роману «Подросток», дневниковые заметки автобиографического характера, наброски неосуществленных замыслов (см.: наст. изд., тт. XVI, XXVII).

Стр. 273. *. . .приведен с похвалою подлейший ультразападнический отзыв. . .* — Внимание Достоевского, очевидно, привлекло следующее суждение, высказанное в ходе обсуждения вопроса о целесообразности перевода семинарии, в которой учились молодые люди из крестьян, из деревни в «шум-

ный» Новгород: «Куда бы ни был помещен крестьянский юноша с воспитательною целью, он все равно вытесняется из своей семьи, чем, конечно, порывается и градация его познаний с изменением и самых взглядов на жизнь, которая принимает более определенные формы под цивилизующим влиянием науки, и чем более будет это удаление, тем выше будет и его развитие». Изложив эту точку зрения, обозреватель «Московских ведомостей» в разделе «Земской хроники», озаглавленном «Народное образование», добавил от себя: «Если не ошибаемся, в этом несколько туманном красноречии выразился тот взгляд на учительскую школу, по которому она не должна поддерживать вокруг своего питомца искусственную народную обстановку и по которому близость учителя к народу выражается не платьем его и не обувью, а знанием потребностей его и любовью к делу» (*МВед*, 1874, 9 сентября, № 225).

Стр. 273. . . .*о русском характере*. . . — В «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 20 октября, № 289) в фельетоне «Недельные очерки и картинки» Незнакомца (А. С. Суворина) был приведен «Отзыв француза о русских». Путешественник, живший в Женеве и Цюрихе и там общавшийся с русскими, якобы писал в одной из французских газет, что «. . .русские отличаются наиболее тонким (fin — лукавым) умом, наибольшею отвагой и осторожностью ‹. . .› образованный русский, — а если он образован, то образован превосходно, — свернет всех итальянцев». Французского путешественника особенно поразила «в русских мужчинах и женщинах ‹. . .› легкость, с которою они, раз освободившись от политических и религиозных предрассудков, доводят свои идеи до крайнего предела ‹. . .› В свое отрицание и разрушение они вносят смелость ясновидящих (voyants) и лукавство диких варваров. Они в одно и то же время и атеисты и мистики». Отмечая «широту русского ума», французский путешественник утверждал: «С русским вы можете говорить обо всем, ничто его не удивит, не поразит, не испугает. Он все поймет». Достоевский обратил внимание на эту характеристику «русского характера» потому, что сам неоднократно отмечал сходные черты в облике своих героев. В то время, когда появился фельетон Незнакомца, шла работа над «Подростком», где говорилось о «широкости» русского человека и о его способности «всепонимания»: во Франции он француз, с немцем — немец, с древним греком — грек (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 377 и др.). Безудержное отрицание, атеизм, граничащий с мистицизмом, были центральными темами недавно законченного романа «Бесы» (1872).

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ ИЗ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН»

1873—апрель 1874

(Стр. 274)

Редакционные предисловия и примечания к статьям в «Гражданине» 1873—1874 гг. были впервые систематически обследованы Б. В. Томашевским (см.: *1926*, т. XIII, стр. 580—593). Некоторые дополнения к напечатанному своду редакционных материалов «Гражданина» сделал на основании изучения писем К. П. Победоносцева к Достоевскому Л. П. Гроссман (*ЛН*, т. 15, стр. 124—127).

На страницах «Гражданина» за период редакторства Достоевского встречаются три группы редакционных материалов. Первая — предисловные заметки и примечания к статьям, подписанные: Ред. Как явствует из анализа их, эту помету мы с полным основанием можем читать как «Ред‹актор›» и рассматривать в качестве прямого указания на принадлежность соответствующих заметок и примечаний Достоевскому; автограф, правда, сохранился только для одного из примечаний данной группы (см. ниже, стр. 317).

Вторая — заметки без подписи, иногда составленные Достоевским (см., например, стр. 280, 532), но в большинстве случаев ему не принадлежащие. Отсутствие пометы «Ред.» в заметках или примечаниях, составленных Достоевским, связано, очевидно, с тем, что последний либо хотел сохранить анонимность, либо считал заметку именно лишь *составленной*, так как пользовался готовым, чужим материалом, либо рассматривал ее как служебную заметку, носящую информационный характер и не отражающую его личной точки зрения. Третья — предисловия к статьям, заметки и объявления, озаглавленные «От редакции» и, в отличие от текстов первой группы, также либо имеющие служебно-информационный характер, либо выражающие позицию не редактора, но редакции в целом. В одних случаях они могли создаваться коллективно, в других могли принадлежать перу как Достоевского, так и издателя «Гражданина» В. П. Мещерского или секретаря редакции В. Ф. Пуцыковича.

Нами воспроизводятся все заметки и примечания первой группы, а из материалов второй и третьей — во-первых, те, которые, как мы можем видеть из самого их текста или знаем из других источников, составлены Достоевским; во-вторых, те, которые по своему характеру заставляют предполагать его редакторское участие в их составлении и литературном оформлении (обращения к читателям «Гражданина», объявление о подписке на 1874 г. и т. д.). Опущены объявления «От редакции», имеющие узко служебный, информационный характер и скорее всего составленные Пуцыковичем (о поступлении в продажу тех или иных книг, о перемене адреса редакции, об условиях подписки на «Гражданин» и т. п.).

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН», 1873, 8 ЯНВАРЯ, № 2>

(Стр. 274)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 8 января, № 2, стр. 29, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 585—586.

Печатается по тексту первой публикации.

Заметка открывает номер.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПРОТИВУДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗМЕРНОМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПЬЯНСТВА»>

(Стр. 274)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 15 января, № 3, стр. 68, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 586.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание сопровождает следующую фразу названной статьи (подпись: Н): «В целой России, а может быть и в целом мире, нет между рабочим народом обоих полов столько и таких пьяниц, столько и таких нищих, столько и таких непотребных, как в Одессе, и все это есть произведение евреев-кабатчиков».

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ О БОЛГАРСКОМ ВОПРОСЕ»>

(Стр. 274)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 19 марта, № 12, стр. 378, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 586.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание сопровождает названную статью (подпись: Архимандрит Григорий Палама), продолжение которой под тем же заглавием было опубликовано в двух следующих номерах журнала (*Гр*, 1873, 26 марта, № 13, стр. 397—400; 2 апреля, № 14, стр. 444—449).

Стр. 275. *Взгляд «Гражданина» на греко-болгарский вопрос известен обществу. . .* — О конфликте между константинопольским патриархом и болгарским духовенством в «Гражданине» писал автор «Политического обозрения» (подпись: *С. Н.*; *Гр*, 1873, 1 января, № 1, стр. 8—9), отсылая за «интересными подробностями» к называемым в примечании статьям Т. И. Филиппова. Они были опубликованы, в частности, в «Гражданине» за 1872 г. (см.: *Гр*, 1872, 9 октября, № 23, стр. 161—164; 16 октября, № 24, стр. 194—197; 30 октября, № 26, стр. 249—253; 6 ноября, № 27, стр. 289—294).

Григорий Палама — настоятель Староиерусалимского подворья в Москве. Сохранилось его письмо к Достоевскому от 7 марта 1873 г. с предложением названной его статьи (*ГБЛ*, ф. 93.II.7.65; ср.: *ЛН*, т. 83, стр. 330). По поводу греко-болгарского вопроса, считая его скорее вопросом национальным, чем церковным, Достоевский позднее высказался в «Дневнике писателя» за 1877 г. (март, гл. I, § 3, «Самые подходящие в настоящее время мысли»). Обещанное редакцией письмо Н. М. Воскресенского в следующем номере «Гражданина» не появилось.

ОТ РЕДАКЦИИ ‹ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ Л. Ю. КОХНОВОЙ «ОТВЕТ ЖЕНЩИНЫ НА ПРИЗЫВ „ГРАЖДАНИНА“ „К ДЕЛУ!“»›

(Стр. 275)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 26 марта, № 13, стр. 403—411, за подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Авторство Достоевского, представлявшееся Томашевскому сомнительным (см.: *1926*, т. XIII, стр. 586), устанавливается на основании сравнительного изучения заметок в его записной тетради (см. стр. 259), статей В. П. Мещерского по женскому вопросу в «Гражданине» 1872 г., редакционных предисловий на эту тему в «Гражданине» 1873 г., в том числе «Двух заметок редактора» (см. выше, стр. 153—155; ср. об авторстве Достоевского: *ЛН*, т. 83, стр. 332 (примечания Г. Ф. Коган); Н. Ф. Буданова. Неизвестные статьи Достоевского по женскому вопросу. (Опыт атрибуции). — *Материалы и исследования*, т. 2, стр. 236—243).

Статья Л. Ю. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина“ „К делу!“», которой в «Гражданине» предшествовало данное предисловие, была помещена в №№ 13 и 14 от 26 марта и 2 апреля 1873 г. Она полемически направлена против статьи В. П. Мещерского «К делу! Ответ русской женщине» (*Гр*, 1872, 4 декабря, № 31, стр. 449—453).

Стр. 274. *Эта статья г-жи Л. Ю. Кохновой ∾ напечатанные в «Гражданине» в прошлом году.* — Речь идет о редакционных статьях В. П. Мещерского по женскому вопросу. Кроме упомянутой выше статьи «К делу! Ответ русской женщине», ему принадлежат следующие статьи на ту же тему в «Гражданине» 1872 г.: «Наш женский вопрос» (*Гр*, 1872, 28 февраля, № 9, стр. 299—301; 6 марта, № 10, стр. 331—333); «Еще о женском вопросе. Ответ баронессе Корф» (*Гр*, 1872, 11 сентября, № 19, стр. 33—34). Для Мещерского были характерны крайне консервативные взгляды по женскому вопросу, социально-историческую обусловленность которого он отрицал. Он допускал, в частности, возможность высшего образования для женщин лишь в узких

семейных целях и не признавал его общественной роли. Достоевский, что видно из его статей 1870-х годов, иначе смотрел в это время на женский вопрос. Как редактор «Гражданина», он был вынужден взять Мещерского под защиту, но постарался осторожно отделить свою позицию от его позиции (ср. слова: «. . . мы, например (то есть не то что редакция «Гражданина»; мы понимаем автора шире). . .» — стр. 275).

Стр. 276. . . .*автор восклицает нам в конце письма* ∾ *каков бы он ни был*. . .» — Цитируется статья Л. Ю. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина" „К делу!"» (см.: *Гр*, 1873, 2 апреля, № 14, стр. 444).

Стр. 276. *В остроумнейшей сатире г-на Щедрина* («*Отечественные записки*», *январь*, № *1*) ∾ *не одни только места*. — Речь идет об одном из очерков публицистического цикла М. Е. Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» (1872—1876), опубликованном в январском номере «Отечественных записок» за 1873 г.

Стр. 277. *И поверьте* ∾ *сострадали этим страданиям не менее вашего*. — Л. Ю. Кохнова в своей статье рисует трагические судьбы русских женщин, задавленных нуждою и семейным гнетом.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ О БОЛГАРСКОМ ВОПРОСЕ» (ОКОНЧАНИЕ)>

(Стр. 277)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 2 апреля, № 14, стр. 448, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 586.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание относится к словам Григория Паламы (см. выше, стр. 529) в заключительной части его статьи: «. . . мы не могли удержаться от прискорбного сожаления о том, что встретили подобную статью в журнале, носящем наименование „православного"» (речь идет о журнале «Православное обозрение»).

ОТ РЕДАКЦИИ

(Стр. 277)

Источники текста

ЧА — Черновой автограф. 1 лист. Датируется апрелем 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.25; см.: *Описание*, стр. 278.

БА — Беловой автограф. 1 лист. Датируется апрелем 1873 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.24; см.: *Описание*, стр. 278—279.

В собрание сочинений включается и публикуется впервые.

Комментарием к этому объявлению служит следующее свидетельство Н. Н. Страхова: «Около святой (пасха приходилась в 1873 г. на 8 апреля, — *Ред.*), мне помнится, произошла в кружке „Гражданина" большая тревога; говорили, что издание невозможно продолжать, и Федор Михайлович был некоторое время в большом беспокойстве» (*Биография*, стр. 299). Возможно, опасения членов редакции «Гражданина» были вызваны обвинительным актом Петербургского окружного суда от 2 апреля 1873 г. по поводу опубликования в «Гражданине» без разрешения министра двора высказывания Александра II (см. стр. 363—364, а также: *Гроссман*, *Жизнь и труды*, стр. 209).

Объявление в журнале не появилось, а в № 19 «Гражданина» от 7 мая 1873 г. была напечатана редакционная заметка, опровергавшая слухи о закрытии журнала (см. стр. 280, а также 316—317).

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН», 1873, 30 АПРЕЛЯ, № 18>

(Стр. 278)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 30 апреля, № 18, стр. 553—554, без подписи.

В собрании сочинений впервые включено Л. П. Гроссманом в издании: *1918*, т. XXII, стр. 248—250.

Печатается по тексту первой публикации.

Авторство Достоевского устанавливается на основе непосредственной связи данной заметки с подписанной его инициалами статьей «Заседание Общества любителей духовного просвещения» (см. выше, стр. 139—142). Объяснение «От редакции» является ответом на приведенное здесь же письменное заявление профессора И. Ф. Нильского, одного из участников спора «о единоверии» (см. выше, стр. 139—140), который обращается непосредственно к Ф. Д. как автору статьи о заседании Общества любителей духовного просвещения. Поэтому отвечать Нильскому от лица редакции «Гражданина» мог только сам писатель. По справедливому утверждению Л. П. Гроссмана, авторство Достоевского, «помимо непосредственной связи этой заметки с предыдущим отчетом, подписанным Ф. Д., подтверждается и прямым указанием на общее авторство обеих статей: „Усматриваемый г-ном Нильским в *нашем отзыве* недвусмысленный намек". . .» (*1918*, т. XXII, стр. 247; курсив Л. П. Гроссмана).

Сведения о болезни И. Ф. Нильского, характеристику последнего как «лучшего знатока дела», предложение о необходимости устного диспута между обоими оппонентами, а также намек на намерение Нильского уклониться от устного диспута со своим сильным противником — все эти данные Достоевский, очевидно, заимствовал из письма к нему Т. И. Филиппова от 30 марта 1873 г. (см. стр. 460). Не исключено, что и ответ Нильскому Достоевский написал при участии Т. И. Филиппова. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие строки из письма Т. И. Филиппова к Достоевскому от 24 апреля 1873 г.: «Ответ Нильскому я набросал и послал в редакцию; если вы там сегодня были, то он уже у вас. Если же не у вас, то завтра вы там его найдете, и если расположены завтра вечером быть у Мещерского, то не пожалуете ли к нам кушать к 5-ти часам? <. . .> После обеда мы напишем вместе оба внушения: я ужасно люблю такого рода вещи вдвоем писать. Как-то дружнее дело идет; притом же друг дружку всегда можно остеречь как от излишка, так и от вялости тона. И то и другое не годится. . .» (*ЛН*, т. 15, стр. 151).

Стр. 278. *В 14 № «Гражданина» некто г-н Ф. Д.* ∾ *«по причине внезапной болезни».* — Здесь и далее И. Ф. Нильский ссылается на статью Достоевского «Заседание Общества любителей духовного просвещения 28 марта», опубликованную в № 14 «Гражданина» от 2 апреля 1873 г.

Стр. 278. *. . .на вербной неделе. . .* — По церковному календарю вербная неделя предшествует вербному воскресению (последнему перед пасхальным), когда празднуется день въезда Христа в Иерусалим.

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН», 1873, 7 МАЯ, № 19>

(Стр. 280)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 7 мая, № 19, стр. 555—556, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 587.

Печатается по тексту первой публикации

Это заявление, набранное крупным шрифтом, открывает номер (ср. выше, стр. 530).

<ЗАМЕТКИ И ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ЕЩЕ О КАСИМОВСКОМ ЗЕМСТВЕ. ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ»>

(Стр. 280)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 21 мая, № 21, стр. 623, 626, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

В № 22 «Гражданина» от 2 октября 1872 г. (стр. 154—158) в статье «Касимовское уездное земство в 1871 году» (без подписи) указывалось на злоупотребления, допущенные председателем касимовской уездной земской управы А. Мансуровым. Позднее журнал несколько раз возвращался к вопросу о касимовском земстве, предоставляя свои страницы для выступлений — обвинительных и оправдательных — обеих сторон (*Гр*, 1873, 11 февраля, № 7, стр. 204—207; 5 марта, № 10, стр. 318—320; 21 мая, № 21, стр. 623—626). Первая заметка предшествует публикации письма А. Алянчикова, члена ревизионной комиссии, проверявшей деятельность касимовского земства, вторая — публикации оправдательного письма А. Мансурова; заключительное примечание редакции подводит итоги их полемики.

<ЗАМЕТКА К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ИЗ ЛОНДОНА»>

(Стр. 280)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 2 июля, № 27, стр. 750, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Эта предисловная заметка редакционного характера предваряет названную корреспонденцию, подписанную «***» (К. П. Победоносцев). О принадлежности ее редактору журнала впервые высказал соображения Л. П. Гроссман (*Гроссман, Достоевский и правительственные круги*, стр. 124).

Статья Победоносцева посвящена проблеме соперничества Англии и России из-за политического влияния на Востоке, чрезвычайно волновавшей Достоевского в 1870-х годах, что затем отразилось во многих главах «Дневника писателя» за 1876—1877 гг.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ. I»>

(Стр. 280)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 16 июля, № 29, стр. 799, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 587.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание сопутствует первой из цикла статей «О государственном долге» (подпись: -*х* <П. Шторх>), напечатанного в №№ 29—33 (16 июля—13 августа) «Гражданина» за 1873 г.

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН», 1873, 16 ИЮЛЯ, № 29>

(Стр. 281)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 16 июля, № 29, стр. 818, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Это краткое сообщение официального характера заключает номер журнала; следующий номер «Гражданина» (1873, 23 июля, № 30) открывался пространной хроникальной заметкой (вероятно, В. П. Мещерского или К. П. Победоносцева) «По поводу помолвки ее императорского высочества великой княжны Марии Александровны с его королевским высочеством принцем Альфредом Великобританским». Об этом же через полгода, 7 января 1874 г., Достоевский писал в «Иностранных событиях» (см. выше, стр. 241—242).

‹НЕКРОЛОГ›

(Стр. 281)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 23 июля, № 30, стр. 842, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 587.

Печатается по тексту первой публикации.

Некролог Ф. И. Тютчева заключает номер. Г. Ф. Коган, изучившая расчетные книги «Гражданина», на основании записей о гонорарах за данный номер считает возможным автором некролога, наряду с Достоевским, А. У. Порецкого (*ЛН*, т. 83, стр. 341). Однако вряд ли за заметку такого типа редакцией выписывался специальный гонорар. Так или иначе, некролог либо составлен при непосредственном участии редактора, либо написан им самим: только издатель и редактор могли уверенно говорить от имени редакции об ее планах на будущее; но Мещерского в это время не было в Петербурге.

В следующем номере журнала была опубликована обещанная редакцией статья В. П. Мещерского «Свежей памяти Ф. И. Тютчева» (*Гр*, 1873, 30 июля, № 31, стр. 846—848), отредактированная Достоевским (см. об этом в его письме к жене от 29 июля 1873 г.). Н. Ф. Бельчиков, перепечатавший и прокомментировавший эту статью Мещерского, сделал попытку выделить в ней места, которые могли бы быть приписаны Достоевскому (см.: Н. Ф. Бельчиков. Достоевский о Тютчеве. — Былое, № 5 (33). стр. 155—162; ср. возражения Бельчикову в статье: А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—176, где проанализированы также основные линии восприятия Достоевским поэзии Тютчева).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «РУССКИЕ ЛИСТКИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ. IV. К ВОПРОСУ О ВОССОЕДИНЕНИИ ЦЕРКВЕЙ»›

(Стр. 281)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 13 августа, № 33, стр. 893, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Под названной статьей, к которой относится это примечание, подпись: *В.* ‹К. П. Победоносцев›.

Исправления и опечатки в «Гражданине» обыкновенно давались в конце некоторых номеров без подписи редакции. Данное редакционное примечание составлено, по-видимому, Достоевским и было вызвано письмом к нему Победоносцева от 8 августа 1873 г.: «Почтеннейший Федор Михайлович. Премного благодарю за доставление листов „Гражданина“. Сегодня получил 32-й номер со статьей „Вестминстер‹ское› аббатство“. Есть в ней две довольно значительные опечатки, изменяющие смысл. На 872 стр., 2-я колонка, 18-я строка снизу, напечатано „за незрелость“, в чем и смысла нет; а у меня сказано „замерзелость“ — слово, употреблявшееся у нас в 18 столетии в оф-

циальных актах, когда говорилось о грубости нравов и обычаев простого. „подлого“ народа. Вот почему оно у меня и в кавычках поставлено. (Да в этой же фразе сказано: «здешнюю *простоту* церковную». Мне сдается, что у меня что-нибудь не так сказано. Не *красоту* ли? но это не так важно.) Другое: на стр. 873, 1-я колонка, 9-я строка снизу — „*чиновных* форм“. У меня сказано было „*условных* форм“. Не мешало бы в следующем № под IV статьей сделать оговорку об этих опечатках» (*Гроссман, Достоевский и правительственные круги*, стр. 124—125). В. В. Тимофеева (О. Починковская), исполнявшая обязанности корректора в «Гражданине», редактируемом Достоевским, вспоминает: «. . . больше всего донимал меня Федор Михайлович за недосмотры мои в статьях, подписанных таинственными инициалами „Z. Z.“, принадлежащих перу высокопоставленного законоведа-администратора» (т. е. Победоносцева) (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 141—142).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ОТВЕТ НА ПРОТЕСТ. ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ»›

(Стр. 281)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 13 августа, № 33, стр. 897, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 587—588.

Печатается по тексту первой публикации.

«Ответ на протест. Письмо к редактору» «Вольнодумца О.», к которому относится данное примечание, был вызван письмом в редакцию «Гражданина» И. О. Левитского, воспитанника Петровской земледельческой академии, усмотревшего «грязную клевету» на это учебное заведение в содержавшемся в «Письмах вольнодумца» (*Гр*, 1873, 23 июля, № 30, стр. 824—831; подпись: О. . . .) сообщении о том, что среди окончивших ее был некий «нигилист-агроном». Примечание редакции сопровождает следующую фразу выступления «Вольнодумца О.» (см. об «Ответе на протест» в письме В. П. Мещерского к Достоевскому от июня—сентября 1873 г. — *ГБЛ*, ф. 93, II.6.77): «. . . г-н Левитский, построивши свои опровержения на основаниях, коих шаткость мы сейчас выставили, позволяет себе называть рассказанные мною факты „*грязною клеветою*“ и „вымыслами больного воображения“».

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ. V»›

(Стр. 281)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 13 августа, № 33, стр. 900, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание относится к пятой статье из цикла статей «О государственном долге» (подпись: П. Шторх). Обещанное продолжение публиковалось с № 38 «Гражданина» от 17 сентября 1873 г. (стр. 1025—1029) (см. ниже, стр. 536).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ИЗ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ. (ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ КРЕСТЬЯН)»›

(Стр. 282)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 13 августа, № 33, стр. 912, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 588.

Печатается по тексту первой публикации.

Под названной корреспонденцией, которую сопровождает это примечание, подпись: Н. Казанцев.

ЗАМЕТКА ОТ РЕДАКЦИИ ‹К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ›

(Стр. 282)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 20 августа, № 34, стр. 937—938, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 453—455.

Печатается по тексту первой публикации.

Затронутая в заметке тема роста кабаков и пьянства в пореформенной России занимает существенное место в публицистике Достоевского начала 1870-х годов (см. стр. 142—148), причем для писателя характерен активный, действенный подход к этому явлению как к общенациональному злу, с которым необходимо бороться.

Заметка помещена в «Гражданине» в качестве редакционного примечания к анонимной корреспонденции «С нижегородской ярмарки. (Из письма в «Гражданин»)», которая была напечатана в том же номере (стр. 936—937). Автор корреспонденции, побывавший на нижегородской ярмарке, пишет о низком нравственном и культурном состоянии русского купечества и о царящей на ярмарке атмосфере пьяного разгула, разврата и бесчинств. Корреспонденция заканчивается следующим заключением: «Ограничить этот разгул широкой натуры — дело хорошее, но едва ли воспрещение арфисток, хоров и цыган, скандальных рассказчиков, о чем поговаривают как уже о мере решенной для будущей нижегородской ярмарки, ограничит разгул, сузит широкую натуру. Нет, это зависит не от одних мер, принимаемых так или иначе, а и от нас самих, от изменения того строя общественной и семейной жизни, с которым мы свыклись с самых пеленок, с самой колыбельки. Меры эти только тогда помогут, когда нас не будут пеленать в те же пеленки и не будут укачивать в той же колыбельке:

Хмель ходит по сенечкам,
Пьянство по новыим!» (там же, стр. 937).

Стр. 282—283. *В этом № «Гражданина» ∾ приведено несколько слов одного американца ∾ и что у русских этого нельзя искоренить?* — Речь идет о рассказе не «одного американца», как ошибочно упоминает Достоевский, а «немца из Америки»: «Приехал, например, немец из Америки на нижегородскую ярмарку, побыл, присмотрелся да и говорит русскому собеседнику: „Нижегородская ярмарка мне живо напоминает кипучую деятельность американских городов, и мне это очень нравится, но, признаюсь, того, что делается здесь ночью, я не видывал в целом мире! Сам демон, кажется, не в состоянии выдумать более отвратительных картин, чем мне довелось видеть". Это, как поясняет собеседник немца, речь идет о ночных разноплеменных пированиях, происходящих в ярмарочных увеселительных вертепах каких-то Затыкевичей, Кузнецовых и иных. Такой предмет, судя по впечатлению, произведенному на немца, уже ни при каком условии нельзя сделать приличным» (*Гр*, 1873, 20 августа, № 34, стр. 935).

Стр. 283. . . . *«к Макарью» ехать. . .* — Начало нижегородской ярмарке положила возникшая еще в XVI в. на нижнем берегу Волги Макарьевская ярмарка (близ монастыря св. Макария). После пожара 1817 г. ярмарка была переведена в Нижний Новгород, но сохраняла старое название.

С т р. 283. *Да будьте чисты как голубь, а змей все-таки укусит вас на всю жизнь. . .* — Намек на евангельские слова: «. . . итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 16).

С т р. 283. . . . *а «ндраву моему не препятствуй»?* — Выражение «ндраву моему не препятствуй», встречающееся у Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные» (ч. II, гл. 7; см.: наст. изд., т. III, стр. 275), восходит к «Сценам из купеческого быта» И. Ф. Горбунова (1861). Во второй сцене кучер следующим образом характеризует своего купца-хозяина: «. . . бывало, что делал — страсть! Стекла, посуду в трактире перебьет: получай, говорит, капиталы за все, что стóит, а ндраву моему не препятствуй!» (И. Ф. Г о р б у н о в. Полное собрание сочинений, т. I. Изд. 3-е. СПб., 1904, стр. 172).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ИСПАНИЯ»›

(Стр. 284)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 10 сентября, № 37, стр. 991, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 588.

Печатается по тексту первой публикации.

Под названной статьей, к которой относится это примечание, подпись: Z. Z. ‹К. П. Победоносцев›. Статья посвящена политическому положению в Испании и ожесточенной борьбе между республиканскими партиями разного толка, с одной стороны, и сторонниками монархического правления — с другой. Об истории публикации статьи см.: *Гроссман, Достоевский и правительственные круги*, стр. 125—127.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ. VI. ВРЕМЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I»›

(Стр. 285)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 17 сентября, № 38, стр. 1025, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание относится к шестой статье из цикла статей «О государственном долге» (подпись: П. Шторх). Редакция не выполнила своего обещания и к вопросу о государственном долге «в новейшее время» в ближайших номерах не возвращалась.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ УЗАКОНЕНИЙ. ЗА ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ (С 18 МАЯ ПО 11 СЕНТЯБРЯ)»›

(Стр. 285)

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 24 сентября, № 39, стр. 1038, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Названная статья, к которой относится это примечание, опубликована без подписи (автор — К. П. Победоносцев); см. об этом: *Гроссман, Достоевский и правительственные круги*, стр. 127.

ОТ РЕДАКЦИИ ‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ГРАЖДАНИН» НА 1874 г.›

(Стр. 285)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 1 октября, № 40, стр. 1059—1060, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 588.

Печатается по тексту первой публикации.

Объявление открывает номер. Сокращенный его вариант повторялся в каждом номере до конца года (*Гр*, 1873, №№ 43—52) и в первых номерах следующего (*Гр*, 1874, №№ 1—3 и др.).

В № 42 «Гражданина» от 15 октября 1873 г. (стр. 1111—1112) объявление было перепечатано с добавлением нового абзаца, принадлежавшего, по-видимому, В. П. Мещерскому: «Изучать по мере сил Россию в ее внутренней жизни, исследовать вопросы церкви, вопросы вседневной нашей общественной и семейной жизни, земские дела и крестьянский мир и в то же время следить постоянно за главными явлениями нашей современной литературы — такова нами продолжаемая задача» (стр. 1111). Текст объявления здесь заключает сообщение о романе В. П. Мещерского: «В непродолжительном времени начнется печатание в „Гражданине" нового оригинального романа из большого петербургского света под заглавием „Женщины"».

‹ПРИМЕЧАНИЕ К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ГРАДИШКО В БОСНИИ»›

(Стр. 286)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 8 октября, № 41, стр. 1103, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 589.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание относится к следующему месту из корреспонденции «Градишко в Боснии», где говорится о притеснениях православных босняков со стороны турок и «своих духовных владык, родом греков» (стр. 1102): «Изгнанного народом из Боснии митрополита Дионисия ‹. . .› патриарх цареградский и турецкое правительство снова назначили в Боснию, хотя и в другую епархию, Зворницкую. Можно представить, в каких чувствах к изгнавшим его боснякам и к славянству возвратился к ним этот пастырь».

Корреспонденция «Градишко в Боснии» до ее публикации в журнале была прочитана Т. И. Филипповым и отправлена им в редакцию с письмом Достоевскому от 20 октября 1873 г. следующего содержания.

«Не советую отчеркнутое карандашом печатать в том виде, в каком оно доставлено. „Бессовестность фанариотов" и тому подобные выражения, во-1-х, слишком избиты, во-2-х, идут далее должного предела. Я бы полагал изменить изложение так: указать на закрытие консистории, гимназии и семинарии и на заточение Пелагича как на дело турок, присовокупив, что босняки во всех этих делах не только не встретили сочувствия и помощи от своих владык, родом греков, но замечалось с их стороны даже нечто противное. И один, мол, из митр‹ополито›в Дионисий, изгнанный народом, опять возвращен в Боснию, хотя и на другую епархию.

Под этим можно сделать выноску от редакции, что патриархии для Боснии необходимо сделать немедленные уступки в смысле обновления их архиерейского персонала туземцами.

Иное изложение, резкое и обобщающее, даже и в том случае, если бы корреспондент был точен и строг (чего ведь мы не знаем), было бы рискован-

ным и не ко времени: теперь пора страданий, а не торжества для фанариотов» (*ЛН*, т. 15, стр. 154).

Все указания Филиппова были приняты во внимание и выполнены редакцией.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКОГО ТОРГОВЦА В СТЕПЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ХИВЕ»›

(Стр. 287)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 15 октября, № 42, стр. 1124, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 589.

Печатается по тексту первой публикации.

Под названной публикацией, к которой относится это примечание, подпись: Н. Михайлов. Публикация представляет собой запись рассказа некоего Абросимова с предисловием Михайлова. В примечании, предшествующем редакционному, публикатор сообщает: «Рассказ русского торговца Абросимова записан со слов его, при моей встрече с ним на Каспийском море, когда он, возвращаясь из Хивы, ехал на маленькой косовой лодке с одним киргизцем, в 1848 году».

‹ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «СЛОВО, СКАЗАННОЕ АРХИМАНДРИТОМ ГРИГОРИЕМ (ПАЛАМОЮ) В МОСКОВСКОМ ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ В СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ПО КОНЧИНЕ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ТОЛСТОГО»›

(Стр. 287)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 15 октября, № 42, стр. 1131, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 589.

Печатается по тексту первой публикации.

А. П. Толстой (1800—1873) — с 1856 по 1862 г. — обер-прокурор Синода, затем до конца жизни член государственного совета. Воспоминания о нем Т. И. Филиппова появились в «Гражданине» в 1874 г. (29 января, № 4, стр. 108—113; подпись: Т. Филиппов) с обещанием: «Окончание будет», которое выполнено не было. Из письма К. П. Победоносцева Достоевскому от 8 августа 1873 г. узнаем: «Пишет сегодня Т. И. Филиппов из Москвы. Он готовит биографическую статью о покойном гр. А. П. Толстом, к чему я и возбуждал его ‹. . .› Статью о Толстом он намерен был прислать вам к номеру 13 августа, но, вероятно, — говорит, — что на нумер опоздает» (*Гроссман, Достоевский и правительственные круги*, стр. 124—125). Одновременно с этими воспоминаниями, предваряя их, в № 4 «Гражданина» за 1874 г. были опубликованы следующие статьи: «О гр. А. П. Толстом», «Слово в память гр. А. П. Толстого, произнесенное архимандритом Неофитом Пагидою в Петербургской греческой церкви 20 января 1874 г.» (стр. 107—108), — также доставленные в редакцию Филипповым (см. его письмо Достоевскому от 22 января 1874 г. — *ЛН*, т. 15, стр. 153).

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСЫЛКЕ ДЕНЕГ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ›

(Стр. 287)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 19 ноября, № 47, стр. 1244, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 589.

Печатается по тексту первой публикации.

Это объявление, набранное крупным шрифтом, было напечатано на второй странице журнала. «Гражданин» неоднократно писал о голоде в Самарской губернии в специальных статьях и общих обозрениях (см. ниже). С текстом публикуемого объявления связаны уведомления редакции под рубрикой «В пользу голодающих самарцев в редакцию журнала „Гражданин" поступили следующие приношения», сопровождавшиеся перечнями лиц и пожертвованных сумм (*Гр*, 1874, 7 января, № 1, стр. 5; 14 января, № 2, стр. 37; 21 января, № 3, стр. 71 и др.).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „КАБАЦКОЕ ДЕЛО В СЕЛЕ ДУРНИКИНЕ"»›

(Стр. 287)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 19 ноября, № 47, стр. 1264, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание относится к следующей фразе названной корреспонденции (подпись: Учитель дурникинской сельской школы Михаил Орлов): «Некоторые из читающих журналы, не имея под руками газеты „Гражданин", старались достать 23 № этой газеты и прочесть мою статью». В связи с редакционным примечанием «Гражданина» последовали объяснения со стороны редакции газеты «Современность», которые под заглавием «От редакции газеты „Современность"» были напечатаны в № 48 «Гражданина» от 26 ноября 1873 г. (стр. 1283).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К РЕЦЕНЗИИ «НОВЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ»›

(Стр. 288)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 26 ноября, № 48, стр. 1289, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 590.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание сопровождает рецензию Н. Скроботова на труд А. Ф. Елачича («Памятная книжка С.-Петербургской губернии, составленная секретарем статистического комитета А. Ф. Елачичем и изданная по распоряжению комитета». СПб., 1873), помещенную в двух номерах журнала в разделе «Критика и библиография» (*Гр*, 1873, 26 ноября, № 48, стр. 1289—1293; 3 декабря, № 49, стр. 1307—1310)

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О СБОРЕ ЗА РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН» В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ›

(Стр. 288)

Автограф неизвестен

Впервые напечатано: *Гр*, 1873, 10 декабря, № 50, стр 1327, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Это объявление, набранное крупным шрифтом, было напечатано на первой странице журнала и повторено без изменений в следующих номерах (*Гр*, 1873, 17 декабря, № 51, стр. 1359; 29 декабря, № 52, стр. 1387; 1874, 7 января, № 1, стр. 1).

ОТ РЕДАКЦИИ <«ГРАЖДАНИН», 1874, 7 ЯНВАРЯ, № 1>

(Стр. 288)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 7 января, № 1, стр. 25, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 590.

Печатается по тексту первой публикации.

Заметка представляет собой ответ на «Письмо к редактору» (подпись: Стефания Крапивина <С. М. Лобода, 1827—1887>), опубликованное в этом же номере журнала. Письмо Крапивиной, напечатавшей незадолго до того в «Гражданине» несколько первых своих рассказов (см.: *Гр*, 1873, 10 сентября, 8 и 22 октября, 5 ноября, №№ 37, 41, 43, 45) и готовой, по ее словам, участвовать в литературном сборнике «Складчина» (см. о нем выше, стр. 469—470), было вызвано сообщением «Гражданина» о том, что «литераторы всех так называемых лагерей сошлись на мысли издать литературный альманах в пользу голодающих» (*Гр*, 1873, 17 декабря, № 51, стр. 1363; ср.: *Гр*, 1874, 8 апреля, № 13—14, стр. 379). В своем письме Крапивина предлагала также устроить несколько литературных публичных чтений «все с той же целью <. . .> помочь голодающим. . .» (*Гр*, 1874, 7 января, № 1, стр. 24—25).

<ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ПОДВИЖНИЦЫ»>

(Стр. 289)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 14 января, № 2, стр. 49—50, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 590—591.

Печатается по тексту первой публикации.

В названной статье (без подписи), к которой относятся эти примечания, описана деятельность сестер милосердия Крестовоздвиженской общины во время Крымской войны (1854—1855).

Крестовоздвиженская община была создана по инициативе великой княгини Елены Павловны (1805—1873). Об этом рассказывалось в том же номере «Гражданина», в статье «Девятое января. Память великой княгини Елены Павловны в Крестовоздвиженской общине» (стр. 39—40; подпись: В. <К. П. Победоносцев>), а также в опубликованных годом ранее статьях В. П. Мещерского и К. П. Победоносцева, написанных по поводу смерти Елены Павловны: *Гр*, 1873, 15 января, № 3, стр. 54—58 (ср.: *Мещерский, Мои воспоминания*, ч. II, стр. 205—216).

Второе примечание, касающееся личности и литературной деятельности Н. И. Соловьева (1831—1874), имеет характер некролога. Сопоставление его с письмами Н. И. Соловьева от 17 января 1871 г. (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.125) и Ф. В. Ливанова от 6 января того же года (*ГБЛ*, ф. 93.II.6.24) к Достоевскому подтверждает, что оно написано Достоевским (см. об этом: *ЛН*, т. 83, стр. 331—332). О Н. И. Соловьеве, его роли в «Эпохе» и взаимоотношениях с писателем см.: *Нечаева*, *«Эпоха»*, стр. 36—38, 198—209.

Стр. 289. *Она не могла быть оценена по достоинству* ∾ *возбудила против него даже порицателей.* — В связи с этим замечанием Достоевского

может быть указана полемика с Соловьевым Н. П. Огарева в 1867 г. (см. об этом: С. Лищинер, Об эстетических исканиях Огарева. — *ВЛ*, 1980, № 2, стр. 142—144).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «НЕКРОЛОГ 1873 ГОДА»›

(Стр. 290)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 21 января, № 3, стр. 81, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Названная статья, к которой относится это примечание, опубликована без подписи. Аналогичный «Некролог 1872 года», также не подписанный, был помещен в № 3 «Гражданина» от 15 января 1873 г. (стр. 78—81).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПИСЬМА КРЕСТЬЯНИНА. I»›

(Стр. 290)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 4 февраля, № 5, стр. 147, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 591.

Печатается по тексту первой публикации.

Названная статья, к которой относится это примечание, опубликована без подписи; продолжение ее было напечатано в № 8 «Гражданина» от 25 февраля 1874 г. (стр. 239—240). В статье говорится о новых порядках, ухудшивших после манифеста 19 февраля положение крестьян, о засилье кулаков и кабатчиков в сельской общине, о распространяющемся пьянстве, беспорядке и растерянности.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К «ПИСЬМАМ ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ. II. О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ»›

(Стр. 290)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 18 февраля, № 7, стр. 208, с подписью, Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 592.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание относится к следующей фразе второго из «Писем» (подпись: Вера N ‹псевдоним В. П. Мещерского›): «Наше молодое поколение это *ничто*, и ничего более!» Автор настойчиво упрекает молодое поколение в безверии, нигилизме и себялюбии. Это побудило Достоевского осторожно высказать свое неодобрение «односторонности» Мещерского. Первое письмо из серии «Письма хорошенькой женщины» было опубликовано в № 4 «Гражданина» от 29 января 1874 г. (стр. 124—125).

ОТ РЕДАКЦИИ ‹«ГРАЖДАНИН», 1874, 4 МАРТА, № 9›

(Стр. 290)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 245, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ. НА 2-е ПИСЬМО, ПОМЕЩЕННОЕ В 7 № „ГРАЖДАНИНА"»›

(Стр. 291)

Источники текста

ЧА — Черновой автограф (на обороте письма В. Ф. Пуцыковича к Ф. М. Достоевскому от 24 февраля 1874 г.). 1 лист. Датируется февралем 1874 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.3.11; см.: *Описание*, стр. 279.

Гр — 1874, 4 марта, № 9, стр. 261.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 261, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 592.

Печатается по тексту первой публикации.

Второе письмо из цикла «Письма хорошенькой женщины» Веры N ‹В. П. Мещерского› и примечание редакции к нему, опубликованные в № 7 «Гражданина» от 18 февраля 1874 г. (см. стр. 541), вызвали полемическое обращение в редакцию читателя, напечатанное в «Гражданине» с подписью: Олиц. Заключительные слова этого обращения таковы: «Неучей, невежд и шалопаев у нас в отношении к образованному обществу — не одна десятая, а разве семь десятых; и когда мы доживем до того времени, когда их будет одна десятая, то это будет не ужас, а восторг и ликование. Шутка ли сказать, на десять даровитых, истинно образованных и благородно мыслящих юношей — один дурак или один пошляк! Да эдакого благополучия ни в одном государстве нет! Помилуйте!» (*Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 261). Эти слова «любезного с дамами старичка» редактор сопроводил данным примечанием. Возражения «затронутой стороны» (т. е. Мещерского) — «Ответ хорошенькой женщины старичку Олицу» — были напечатаны в № 10 «Гражданина» от 11 марта 1874 г. (стр. 298—301); см. об этом ниже, стр. 543—544.

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ПО ЧЕРНОМОРСКОМУ ОКРУГУ. II»›

(Стр. 291)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 263, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 592.

Печатается по тексту первой публикации.

Данным примечанием редакция реагировала на сообщение А. Верещагина, автора статьи «Из путевых заметок по Черноморскому округу. II», о том, что в этом округе почти нет церквей и священников. «Мне кажется, — пишет Верещагин, — что ничего не может быть целесообразнее, как безотлагательное удовлетворение этой крайне необходимой духовной потребности. Если и обращение язычников в христианство составляет особую заботу миссионерских обществ, то тем более необходимо поддержать дух православия в среде христиан, внявших призыву правительства и поселившихся в стране, требующей со стороны поселяющихся физической и нравственной энергии» (*Гр*, 1874, 4 марта, № 9, стр. 263).

Вопрос об отпадении от православия тех или иных лиц из народа и интеллигенции и причинах его живо интересовал Достоевского. Появление новых сект в среде как интеллигенции, так и народа он объяснял «совершенным незнанием своей религии» (*ДП*, 1877, январь, гл. I, § 2, «Миражи, штунда и редстокисты»). В «Братьях Карамазовых» старец Зосима призывает «толковать народу писание», в частности, потому, что «приходят уже лютеране и еретики и начинают отбивать стадо» (наст. изд., т. XIV, стр. 265).

<ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «ЧТЕНИЕ Т. И. ФИЛИППОВА В ЗАСЕДАНИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 26 ФЕВРАЛЯ»>

(Стр. 291)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 11 марта, № 10, стр. 293, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено Б. В. Томашевским и И. К. Халабаевым в издании: *1926*, т. XIII, стр. 592—593.

Печатается по тексту первой публикации.

По содержанию и стилю публикуемое предисловие близко к другим выступлениям Достоевского в защиту Т. И. Филиппова в его диспуте с И. Ф. Нильским (см. выше, стр. 139—142, 278).

Стр. 291. *Помещая этот новый труд* ∾ *Обществе любителей духовного просвещения.* — Пространное «Чтение Т. И. Филиппова в заседании петербургского Общества любителей духовного просвещения 26 февраля» было опубликовано в №№ 10—12, 13—14, 15 и 16 «Гражданина» от 11, 18, 25 марта, 8, 15 и 22 апреля 1874 г. Диспут «о единоверии» между Филипповым и Нильским возник еще в 1873 г. (см. выше, стр. 139—142).

Стр. 291. *Мы сами были на чтении этого ответа г-ном Филипповым в Обществе любителей духовного просвещения.* — Факт присутствия Достоевского на заседании Общества любителей духовного просвещения 26 февраля 1874 г. установить не удалось. Известно, что Достоевский интересовался работой Общества, посещал его заседания и написал отчет об одном из них 28 марта 1873 г.

Стр. 291. . . . *обращался к двум членам Общества любителей духовного просвещения* (г-дам *Осинину и Бычкову*). . . — Осинин Иван Терентьевич (1835—1887) — профессор Петербургской духовной академии, начальник петербургской и царскосельской женских гимназий, попечитель петербургских женских гимназий. Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — археолог, академик, директор императорской Публичной библиотеки, издатель и редактор многочисленных собраний исторических документов и материалов.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПИСЬМА К РЕДАКТОРУ О НАШЕМ СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ. ПИСЬМО III»>

(Стр. 292)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 18 марта, № 11, стр. 328, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 593.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание относится к следующей фразе названной статьи Н. Н. Страхова, где говорится об опере Мусоргского «Борис Годунов»: «. . .можно предположить, что бояре времен Бориса если и не были высокого ума, то по крайней мере вид имели и очень сановитый, и очень умный» (*Гр*, 1874, 18 марта, № 11, стр. 328).

<ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ. ОТВЕТ ОЛИЦА — ПОСЛЕДНИЙ»>

(Стр. 292)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 18 марта, № 11, стр. 335—336, с подписью: Ред.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1926*, т. XIII, стр. 593.

Печатается по тексту первой публикации.

Названная статья явилась возражением на «Ответ хорошенькой женщины старичку Олицу» (*Гр*, 1874, 11 марта, № 10, стр. 298—301) (см. выше, стр. 541, 542). Примечания последовательно относятся к следующим фразам статьи Олица: «Не *нули* эти молодые люди (или наибольшая часть из них); но жизнь требует от них, чтобы они стали нулями. . .»; «Я знаю жизнь больше вас, потому что она измучила, истерзала меня. . .»; «Вы отрицаете все школы — всех теперешних учителей, — а я знаю, что были Цейдлеры. . . »; «Не хочу больше мешать вашим размышлениям и, как бы вы вновь ни перетолковали слов моих, писать к вам больше не буду».

Биография П. М. Цейдлера (1821—1873), известного воспитателя и педагога, была помещена в № 9 «Гражданина» от 26 февраля 1873 г. (стр. 256—258).

‹ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ЕЩЕ О СОВРЕМЕННОМ ПЕТЕРБУРГСКОМ СВЯЩЕННИКЕ»›

(Стр. 292)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 22 апреля, № 16, стр. 446, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

Примечание сопровождает следующее высказывание автора названной статьи (подпись: R. Z.), критиковавшего «характер нынешней периодической духовной нашей печати»: «Чувствуется, что в сущности живые интересы и нужды церкви этого писателя ни малейшим образом не интересуют, а говорит он о разных интересах церкви с точки зрения лжесовременной и, так сказать, более лжепрогрессивной, — и только».

ОТ РЕДАКЦИИ ‹«ГРАЖДАНИН», 1874, 22 АПРЕЛЯ, № 16›

(Стр. 293)

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: *Гр*, 1874, 22 апреля, № 16, стр. 450, с подписью: Ред.

В собрание сочинений включается впервые.

Печатается по тексту первой публикации.

В № 16 «Гражданина» от 22 апреля 1874 г. было помещено объявление редакции: «С настоящего нумера Ф. М. Достоевский, по расстроенному здоровью, принужден, не оставляя по возможности своего постоянного участия в „Гражданине“, сложить с себя обязанности редактора журнала, которые и принимает на себя (временно) один из постоянных участников и сотрудников редакции В. Ф. Пуцыкович» (стр. 445). Не исключено, однако, что настоящая заметка, а также «‹Примечание к статье „Еще о современном петербургском священнике“›» (см. стр. 292) принадлежат Достоевскому, который, заканчивая работу редактора в журнале и передавая ее Пуцыковичу, мог высказаться по вопросам, ранее его уже интересовавшим.

По содержанию и стилю публикуемая заметка близка к выступлениям Достоевского в защиту Т. И. Филиппова в его диспуте с И. Ф. Нильским об единоверии (см. стр. 543). Она была вызвана статьей некоего М. С. Н. «Письмо в редакцию о г-не Филиппове и его оппонентах» (*Гр*, 1874, 22 апреля, № 16, стр. 449—450), который в споре о нуждах единоверия принял сторону Филиппова.

Стр. 293. . . . *усилия членов Общества любителей духовного просвещения ∾ это возвращение перешло уже в совершившийся факт.* — Вследствие обострившихся идейных разногласий между участниками диспута об единоверии, сопровождавшихся оскорбительными выпадами по адресу Филлиппова, последний вышел из Общества любителей духовного просвещения, но вскоре, в результате усилий членов Общества, уладивших ссору, снова вернулся в его ряды.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ[1]

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Анненков — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.

Бахтин — М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е. Изд. «Художественная литература», М., 1972.

БВ — «Биржевые ведомости» (газета).

БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).

Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.

Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.

Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).

Боборыкин — П. Д. Боборыкин. Жертва вечерняя. Роман в четырех книгах. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1872.

Боборыкин, Воспоминания — П. Д. Боборыкин. Воспоминания, тт. I—II. Изд. «Художественная литература», М., 1965.

Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.

ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).

Виноградов, Проблема авторства — В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат, М., 1961.

ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).

Вр — «Время» (журнал).

Г — «Голос» (газета).

---

[1] В список не включены сокращения, совпадающие с сиглами, указанными в перечне источников текста к каждому произведению.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1954—1966.
Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М., 1937—1952.
Гозенпуд — А. Гозенпуд. Достоевский и музыка. Изд. «Музыка». Л., 1971.
Гончаров — И. А. Гончаров. Собрание сочинений, тт. I—VIII. Гослитиздат, М., 1952—1955.
Гр — «Гражданин» (журнал).
Гроссман, Достоевский и правительственные круги — Л. П. Гроссман. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. — *ЛН*, т. 15. М., 1934, стр. 83—124.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пгр., 1922.
Д — «Дело» (журнал).
Дело петрашевцев — Дело петрашевцев, тт. I—III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1951.
Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. I—IX. Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.
Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1963.
Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1971.
Достоевская, Дневник — А. Г. Достоевская. Дневник. 1867. Изд. «Новая Москва», М., 1923.
Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. Изд. «Художественная литература», М., 1964.
Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971.
Достоевский и русские писатели — Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. Изд. «Советский писатель», М., 1971.
Достоевский — художник и мыслитель. — Достоевский — художник и мыслитель. Сборник статей. Изд. «Художественная литература», М., 1972.
ДП — «Дневник писателя».
Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина, ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1959.
З — «Заря» (журнал).
Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., тт. I—IX. «Academia»—Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.
И — «Искра» (журнал).
ИВ — «Исторический вестник» (журнал).
Катарский — И. М. Катарский. Диккенс в России. Изд. «Наука», М., 1966.
Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы — В. Я. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. Изд. «Художественная литература», М., 1966.
Кирпотин, Достоевский и Белинский — В. Я. Кирпотин. Достоевский и Белинский. Изд. «Художественная литература», М., 1976.
Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. I—VIII. Изд. «Юридическая литература», М., 1967—1968.
Коншина — Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подгот. к печати Е. Н. Коншиной. Коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Лейкина — В. Р. Лейкина. Петрашевцы. М., 1924.
Лесков — Н. С. Лесков. Собрание сочинений, тт. I—XI. Гослитиздат, М., 1956—1958.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—88. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1931—1974. Издание продолжается.
Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования, тт. 1—4. Изд. «Наука», Л., 1974—1980.
МВед — «Московские ведомости» (газета).
Мещерский, Мои воспоминания — В. П. Мещерский. Мои воспоминания, чч. 1—3. СПб., 1892—1898—1912.
Михневич — Вл. Михневич. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.
НВр — «Новое время» (газета).
Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. Изд. «Наука», М., 1972.
Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. Изд. «Наука», М., 1975.
Никитенко — А. В. Никитенко. Дневник, тт. I—III. Гослитиздат, М., 1955—1956.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. Гос. архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы).
Панаев — И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Ред. текста, вступ. статья и примеч. И. Ямпольского. Гослитиздат, М., 1950.
ПВ — «Правительственный вестник» (газета).
Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН СССР, М., 1937—1959.
РА — «Русский архив» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РВед — «Русские ведомости» (газета).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
С — «Современник» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XVIII. Изд. «Художественная литература», М., 1965—1976. Издание продолжается.
Семенов — Е. И. Семенов. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр). Л., 1979.
СИ — «Современные известия» (газета).
СПбВед — «С.-Петербургские ведомости» (газета).
Стасов — В. В. Стасов. Избранные сочинения, тт. I—III. Изд. «Искусство». М., 1952.
Творчество Достоевского, 1921 — Творчество Ф. М. Достоевского. 1821—1881—1921. Сборник статей и материалов. Всеукргиз, Одесса, 1921.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы, тт. I—XXX. Изд. АН СССР — «Наука», Л., 1934—1976 (Институт русской литературы АН СССР).
Толстовский музей — Толстовский музей, т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР— «Наука», М.—Л., 1960—1968.
Успенский — Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940—1954.
Фельетоны — Фельетоны сороковых годов. Под ред. Ю. Г. Оксмана. Изд. «Academia», М.—Л., 1930.
Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1939—1953.

Э — «Эпоха» (журнал).

1882 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. СПб., 1882—1883.

1918 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XXIII. Изд. «Просвещение», СПб.—Пгр., 1911—1918.

1926 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, тт. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Госиздат, М.—Л., 1926—1930.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Редакционная коллегия:
В. Г. БАЗАНОВ (главный редактор),
|В. В. ВИНОГРАДОВ|, Ф. Я. ПРИЙМА,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (заместитель главного редактора),
М. Б. ХРАПЧЕНКО

Тексты подготовили и примечания составили:

А. В. АРХИПОВА-БОГДАНОВА, Н. Ф. БУДАНОВА,
В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ, Г. Я. ГАЛАГАН, Е. И. КИЙКО,
М. Б. РАБИНОВИЧ, Г. В. СТЕПАНОВА, В. А. ТУНИМАНОВ,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР, Н. А. ХМЕЛЕВСКАЯ

Редактор XXI тома Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

*

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXI

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Оформление художников *С. Н. Тарасова и Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *А. И. Кац, Г. А. Мошкина, А. Х. Салтанаева*
и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 13.06.80. Подписано к печати 03.12.80. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 34.5+1 вкл. ($^1/_8$ печ. л.)=34.62 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 43.99. Тираж 55 000. Изд. № 6996. Тип. зак. 1528.
Цена 4 р. 80 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12